9(4)
Р66

Рокэн Ф.

Движение общественной мысли во Франции в 18 в.

1902

ДВИЖЕНІЕ

ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ВО ФРАНЦІИ

ВЪ XVIII ВѢКѢ ДО РЕВОЛЮЦІИ.

Феликсъ Рокэнъ.

ДВИЖЕНІЕ
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ВО ФРАНЦІИ ВЪ XVIII ВѢКѢ

1715—1789 гг.

52463

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П.М.Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 14.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе II

КНИГА ПЕРВАЯ.

Регентство.
(1715—1723).

Происхожденіе буллы или конституціи *Unigenitus.*--Агитація, возбужденная ею въ концѣ царствованія Людовика XIV.—Обрисовывающіяся партіи въ началѣ Регентства: съ одной стороны ультрамонтаны или *конституціонеры*, съ другой—враги Рима, именуемые безразлично *Янсенистами.*—Герцогъ Орлеанскій вначалѣ казавшійся либеральнымъ, какъ въ политическихъ, такъ и религіозныхъ дѣлахъ, переходитъ къ произволу и сближается съ іезуитами.—Недовольство янсенистовъ, представляющее всѣ признаки открытой оппозиціи.—Эта оппозиція не выходитъ изъ области религіознаго вопроса.—Общее состояніе настроенія умовъ къ концу Регентства . . 1—38

КНИГА ВТОРАЯ.

Министерство герцога Бурбона и начало министерства Флери.
(1724—1733).

Герцогъ Бурбонъ продолжаетъ вести дѣла въ томъ видѣ, какъ они велись въ послѣдніе года Регентства.—Кардиналъ Флери вступаетъ въ открытый союзъ съ ультрамонтанскою партіею

и преслѣдуетъ янсенистовъ.—Оппозиція охватываетъ низшее духовенство, магистратуру, буржуазію и народъ.—Изъ религіозной оппозиція превращается въ политическую.—Распри министерства съ парламентомъ. — Общее броженіе въ 1732 и 1733 гг. . . . . 39—82

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Вторая половина министерства Флери. (1733—1744).

Война за польскій престолъ вызываетъ временное прекращеніе религіозной агитаціи. — Признаки скептицизма. Предвидѣніе революціи въ Церкви.—Появленіе философскаго духа.—По окончаніи войны Флери снова начинаетъ преслѣдовать янсенистовъ.—Оппозиція становится болѣе грозной.—Война за императорскій престолъ въ Германіи снова прекращаетъ смуты.—Оппозиція, стихнувъ въ отношеніи религіозныхъ дѣлъ, развивается въ отношеніи политическихъ дѣлъ, вслѣдствіе неудачъ французскихъ армій, голода и тѣхъ безпорядковъ, которыми характеризуется конецъ министерства Флери.—Презрѣніе къ королю, остающемуся равнодушнымъ къ бѣдствіямъ страны . . . . . 83—116

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Правленіе Людовика XV. (1743—1751).

Признаки общаго упадка государства.—Предвидѣніе революціи въ управленіи.—Вызвавъ ложныя надежды, Людовикъ XV снова предается безпорядочному образу жизни.— Недовольство налогами и бѣдность населенія.—Политическая и религіозная оппозиція находитъ помощь въ философіи: *Нравы* и *Духъ законовъ*.—Первые отказы въ причащеніи.—Общее раздраженіе противъ двора.—Парламенты начинаютъ открытую оппозицію.—Презрѣніе къ королю и угрозы смерти.—Мысль о близкой революціи, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, распространяется въ умахъ народа. . . 120—159

КНИГА ПЯТАЯ.

Правленіе Людовика XV.
(1752—1754).

Ультрамонтанская партія, нѣсколько ослабленная послѣ смерти Флери, снова беретъ верхъ.—Дѣло аббата де Прадъ и осужденіе *Энциклопедіи*.—Борьба за исповѣдныя записи.—Броженіе во всей Франціи.—Королевская власть поддерживаетъ духовенство противъ народа. — Ссылка парламента. — Духъ оппозиціи превращается въ революціонный.—Революція готова вспыхнуть въ 1754 г. . . . . 160—195

КНИГА ШЕСТАЯ.

Правленіе Людовика XV.
(1754—1762).

Революція предотвращена внезапно проявившеюся дѣятельностью правительства. — Королевская власть снова сближается съ ультрамонтанскою партіею и поражаетъ парламентъ.—Возобновленіе безпорядковъ. Революція опять становится неизбѣжною.—Покушеніе Дамьена останавливаетъ взрывъ и кладетъ конецъ религіознымъ спорамъ.—Общее недовольство послѣ сраженія при Росбахѣ.—Упадокъ Церкви и Государства.—Философы замѣняютъ своими ученіями пошатнувшіяся традиціи. — *Энциклопедія* и книга *О Духѣ*. — Парламентомъ овладѣваетъ революціонный духъ. — Рѣшительный ударъ, нанесенный ультрамонтанской партіи уничтоженіемъ іезуитовъ . . . . . 196—248

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Царствованіе Людовика XV.
(1762—1770).

Умы освоиваются съ новымъ порядкомъ вещей —Философы, ставъ партіей, подкапываются подъ колеблющуюся Церковь.—Ультрамонтане дѣлаютъ тщетныя попытки подняться.—Революція провозглашается въ сочиненіяхъ философовъ, въ мемуарахъ, корреспонденціяхъ и въ произведеніяхъ епископовъ.—Коро-

левская власть видимо слабѣетъ.—Нужда и начинающееся банкротство возбуждаютъ противъ нея новую вражду.—Появленіе экономистовъ.—Философскій духъ охватываетъ всю націю.—Церковь рушится подъ нападками философіи 249—300

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Конецъ царствованія Людовика XV. (1770—1774).

Королевская власть, которой грозитъ общественное настроеніе, пытается спастись посредствомъ насилія.—Государственный переворотъ 1771 года.—Агитація во всей Франціи.—Революція снова готова вспыхнуть.—Религіозная борьба, считающаяся законченною, замѣняется политическою борьбою. — Партія *патріотовъ*. — Нападенія на самый принципъ королевской власти.—Смерть Людовика XV.—Съ нимъ исчезаетъ королевская власть Божіею милостью . . . . . 301—338

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Царствованіе Людовика XVI. — Министерство Тюрго. (1774—1776).

Надежды, возбужденныя вступленіемъ на престолъ Людовика XVI.—Король начинаетъ реформы и призываетъ въ министерство Тюрго.—Нововведенія Тюрго касаются общественнаго, административнаго и экономическаго строя Франціи, но не имѣютъ непосредственно политическаго характера. — Сопротивленіе людей, близкихъ къ королевскому двору, духовенства, финансовыхъ дѣльцовъ и парламента. —*Хлѣбная война*.—Эдикты, отмѣняющіе барщину и цеховыхъ присяжныхъ, усиливаютъ вражду къ Тюрго.—Паденіе Тюрго . . . . . 339—380

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Министерство Неккера. (1776—1781).

Тюрго замѣненъ Клюньи; недовольство общества.—Неккеръ назначается директоромъ Казначейства.—Его планы реформъ касаются только финансовъ.—Пропаганда революціонныхъ идей

въ книгахъ и газетахъ.—Ослѣпленіе властей, окружающихъ короля и безпорядочность при дворѣ.—Первые признаки вражды къ Неккеру.—Американская война благопріятствуетъ революціонному духу.—Реформы Неккера; противодѣйствіе имъ со стороны привилегированныхъ классовъ.—Оппозиція послѣднихъ увеличивается послѣ изданія *Отчета*.—Отставка Неккера. — Прогрессъ революціонныхъ идей, выразившійся въ сочиненіи *Рейналя* О торговлѣ и учрежденіяхъ европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ . . . . . 381—420

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Министерства Жоли де Флери, д'Ормессона и Калонна.
(1781—1786).

Вслѣдствіе прекращенія реформъ революція становится почти неизбѣжною.—Обращеніе Жоли де Флери къ произволу.—Провинціальные парламенты начинаютъ говорить о Генеральныхъ Штатахъ.—Вступленіе Калонна въ министерство.—Франція обманута относительно состоянія своихъ финансовъ.—Различныя обстоятельства замаскировываютъ признаки близкой катастрофы.—Иллюзіи разсѣеваются.—Настроеніе умовъ дѣлается все болѣе враждебнымъ королевскому дому.—Броженіе въ парламентахъ.—Разстройство финансовъ . . 421—462

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Собраніе нотаблей и созывъ генеральныхъ штатовъ.
(1787—1789).

Созывъ нотаблей.—Недовѣріе общества.—Ожиданіе революціи.—Недоразумѣнія между Калонномъ и нотаблями.—Калоннъ уволенъ и замѣненъ Бріенномъ.—Столкновенія Бріенна съ парламентомъ.—Парламентъ требуетъ созыва генеральныхъ штатовъ.—Ссылка парламента.—Агитація въ Парижѣ и въ провинціяхъ.—Кажущееся примиреніе двора съ парламентомъ. — Угрозы государственнаго переворота. — Королевское засѣданіе 8 мая 1788 г.—Всеобщее негодованіе.—Министер-

ство отмѣняетъ законы 8 мая и призываетъ генеральные штаты.—Королевская власть признаетъ свое пораженіе; наступленіе Революціи. . . . . 463—519

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Списокъ книгъ, осужденныхъ съ 1715 по 1789 г. 520

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Умственное движеніе, породившее французскую революцію, началось не со временъ философовъ. Весь XVIII вѣкъ служилъ приготовленіемъ катастрофы. Но слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что уже тотчасъ по смерти Людовика XIV появилась та оппозиція противъ церкви и королевской власти, которая расшатала обѣ главныя опоры прежняго государственнаго и общественнаго строя и привела его позднѣе къ окончательному паденію?

Существовало, конечно, глухое недовольство прежнимъ правленіемъ; въ воображеніи живо рисовались бѣдствія 1709 года; не были забыты ни безпрестанныя войны, ни непомѣрные налоги; помнились изгнанія и тюрьмы; парламенты и другія верховныя собранія, уже полвѣка тому назадъ лишенные права дѣлать правительству возраженія, не могли простить послѣднему умаленія своихъ политическихъ правъ. Къ этимъ явнымъ признакамъ раздраженія противъ королевской власти присоединились и нѣкоторые симптомы начинающагося безвѣрія. По сильному выраженію Сенъ-Симона, *изъ всѣхъ поръ двора Людовика XIV проступало лицемѣріе (la cour de Louis XIV suait l'hypocrysie)*; въ то же время протестанты, бѣжавшіе изъ отечества вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта, разжигали въ чужихъ краяхъ ненависть къ воинствующему католицизму. Но какъ бы важны ни казались эти знаменія, все же въ нихъ не замѣчалось никакой общей связи и, главное, ничего систематическаго. Религіозное чувство, нѣсколько ослабѣвшее въ

высшихъ классахъ общества, нисколько, однакоже, не утратило своего владычества надъ душами. Монархическое чувство, менѣе пострадавшее, сохранило, казалось, всю свою силу. Оскорбленія, которымъ подверглись останки Людовика XIV по пути въ С.-Дени, были, какъ извѣстно, лишь минутнымъ взрывомъ чувствъ, направленныхъ противъ личности покойнаго короля и противъ послѣднихъ лѣтъ его царствованія, но отнюдь не противъ королевской власти.

При всемъ томъ, можно уже въ концѣ царствованія Людовика XIV указать на зарожденіе этой двойной оппозиціи. Корень ея таился въ посягательствѣ чуждой терпимости верховной власти на священныя права совѣсти. Должно сознаться, что Франція не особенно волновалась насиліями, которымъ подвергались протестанты, и оказалась въ этомъ случаѣ столь же нетерпимою, какъ и самъ король. Но Людовикъ XIV, руководимый іезуитами, вздумалъ распространить свой деспотизмъ на вѣрованія своихъ католическихъ подданныхъ. Въ согласіи съ Римомъ, онъ хотѣлъ принудить ихъ принять ультрамонтанскія доктрины, противъ которыхъ Франція не переставала бороться втеченіи всей своей исторіи, и тѣмъ возбудилъ волненіе, справиться съ которымъ оказалось едва подъ силу даже его неограниченной власти. Волненіе это, утихшее на мгновеніе при началѣ регентства, возникло съ новою силою, какъ скоро стало извѣстно, что герцогъ Орлеанскій, сначала, повидимому, чуждавшійся воззрѣній покойнаго короля, вступилъ въ свою очередь въ союзъ съ Римомъ. Съ этой поры образовались двѣ партіи: съ одной стороны, іезуиты вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ, съ другой,—вся нація. При министерствѣ кардинала Флери союзъ королевской власти съ папскимъ престоломъ окрѣпъ еще болѣе, и всѣ средства, которыми располагало правительство, не знавшее границъ своему произволу, были пущены въ ходъ для замѣны общаго большинству націи ученія Галликанской церкви, новыми Римскими ученіями. Недовольство проникло въ низшее духовенство, въ магистратуру, въ буржуазію и въ народъ. Оппозиція изъ религіозной обратилась въ политическую. Когда, по смерти кардинала Флери,

Людовикъ XV принялъ въ свои руки бразды правленія, на мгновеніе воскресла надежда на поворотъ въ ходѣ вещей; но, пользуясь слабостью короля, ультрамонтанская партія скоро успѣла возвратить себѣ преобладающую власть и необдуманный образъ дѣйствій высшаго духовенства вызывалъ въ странѣ настоящія бури. Позднѣе правительство рѣшилось обуздать наиболѣе рьяныхъ поборниковъ ультрамонтантства. Изгнаніе іезуитовъ въ 1762 г., хотя и отвѣчало желаніямъ страны, но не поправило дѣла. Религія утратила свое обаяніе; духовенство сдѣлалось почти ненавистно; королевская власть была унижена.

Какъ это обыкновенно бываетъ, потокъ оппозиціи, разростаясь, захватывалъ на ходу всѣ мотивы недовольства, чуждые первоначальнымъ причинамъ, его породившимъ. Ступивъ на путь обличеній, общественное мнѣніе уже не останавливалось и вскорѣ всѣ вопросы, какъ религіозные, такъ и политическіе, были одновременно поставлены на очередь. Когда явились философы «поджечь домъ», все зданіе уже было расшатано и имъ оставалось только собрать въ единое цѣльное ученіе тѣ идеи, которыя бродили всюду. Уже съ половины столѣтія, духъ оппозиціи превратился въ революціонный духъ. Три года спустя послѣ появленія *Духа законовъ*, когда былъ изданъ еще только первый томъ Энциклопедіи и когда Руссо, Гриммъ, Рейналь, Гельвецій, Гольбахъ были еще неизвѣстны или мало извѣстны, въ обществѣ уже слышалось слово «*революція*» и все возвѣщало близость готовящагося взрыва. Новыя ошибки со стороны правительства Людовика XV и позоръ, ознаменовавшій его царствованіе, воспламенили страсти и усилили опасность. Дважды, а именно въ 1754 и въ 1771 гг., Франція видѣла себя на краю революціи. Въ 1754 г. движеніе было преимущественно направлено противъ церкви и, по свидѣтельству современниковъ, кровь ея служителей первою окрасила бы камни мостовой, вывороченные возстаніемъ. Движеніе 1771 г. отличалось болѣе опредѣленнымъ политическимъ характеромъ и предметомъ общаго негодованія была королевская власть. Хотя катастрофа въ то время и не разразилась, но она не переставала грозить. Въ день смерти Людо-

вика XV Франція оказалась страною революціонною не только по своимъ идеямъ, но и по темпераменту, который наконецъ поддался дѣйствію волненій, возраставшихъ втеченіи 60 лѣтъ. Достаточно прослѣдить первые годы царствованія Людовика XVI, чтобы убѣдиться, что каковъ бы ни былъ избранный имъ путь, революція была неизбѣжна. Ее не предотвратили бы начатыя реформы, даже въ томъ случаѣ, если бы они были доведены до конца; отступившись отъ нихъ, Людовикъ XVI только ускорилъ наступленіе катастрофы, которая уже была намѣчена роковымъ ходомъ событій.

Въ предлагаемомъ трудѣ мы старались показать какъ началось это броженіе общественной мысли, какъ оппозиціонный духъ постепенно развивался и обращался въ духъ революціонный и какъ проявленія послѣдняго шли съ возрастающей силой вплоть до 1789 года. Основнымъ источникомъ намъ послужили многочисленныя произведенія литературы, относящіяся къ этому періоду времени и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя въ свое время обращали на себя вниманіе властей и подверглись преслѣдованію. Въ XVIII вѣкѣ книга служила органомъ выраженія общественнаго мнѣнія; правительство боролось противъ книги, какъ въ наше время оно борется противъ газетъ и журналовъ. Если, вопреки законамъ о книгопечатаніи, воспрещавшимъ издавать что бы ни было безъ разрѣшенія, появлялись сочиненія, возбуждавшія опасенія или навлекавшія на себя гнѣвъ правительства, то послѣднее не ограничивалось преслѣдованіемъ авторовъ и книгопродавцевъ. Постановленіемъ Государственнаго совѣта, парламента, иногда Верховнаго Совѣта или Шателэ, книга объявлялась изъятою изъ обращенія, что влекло за собою истребленіе всѣхъ появившихся экземпляровъ. Часто сочиненія осуждались на сожженіе, и въ такомъ случаѣ приговоръ, равносильный осужденію на позорное наказаніе, исполнялся черезъ палача. Приговоры этого рода обыкновенно постановлялись парламентомъ. У подножія главной лѣстницы зданія парламента складывался костеръ въ присутствіи главнаго секретаря и двухъ приставовъ, книга раздиралась и бросалась въ огонь. Такіе ауто-да-фе, наслѣдіе той варварской

эпохи, когда вмѣстѣ съ книгою сжигался и авторъ, продолжались вплоть до самой революціи.

Въ своихъ изысканіяхъ мы пользовилась и самыми произведеніями и состоявшимися по нимъ постановленіями. Послѣднія вывѣшивались, провозглашались по улицамъ и были почти всегда подробно мотивированы. Въ особенности парламентскіе приговоры неизмѣнно сопровождались обвинительными актами, въ которыхъ выставлялось на видъ направленіе инкриминируемой книги и приводились изъ нея выдержки, изобличавшія ея дерзость и въ большинствѣ случаевъ исчерпывавшія все, что возбуждало въ ней интересъ общества. Нынѣ книги эти очень рѣдки и составляютъ весьма цѣнную коллекцію въ Національныхъ Архивахъ. До сихъ поръ никто еще не воспользовался этими важными документами. Слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ постановленія такого рода носятъ одинаковый характеръ .Тогда какъ приговоры Государственнаго Совѣта служатъ вѣрнымъ отраженіемъ мыслей правительства, приговоры парламента нерѣдко противорѣчатъ воззрѣніямъ верховной власти. Но самое это разнорѣчіе служитъ такимъ указаніемъ, доказывать важность котораго было бы совершенно излишне. Читатель найдетъ въ концѣ книги точный списокъ постановленій, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ и представляющій какъ бы краткій обзоръ умственнаго движенія съ 1715 г. по 1789 г.

Къ драгоцѣннымъ и часто неожиданнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ частью осужденными книгами, частью вызванными ими постановленіями, мы присоединили данныя, почерпнутыя нами изъ современныхъ мемуаровъ. Такимъ образомъ мы получили возможность связать движеніе мысли съ ходомъ событій, указать рожденіе идей изъ фактовъ и обратно,— фактовъ изъ идей. Мы пользовались преимущественно тѣми мемуарами, которые подъ названіемъ *дневниковъ (journaux)* или *переписокъ (correspondances)* отражали впечатлѣніе минуты и размышленія, заносившіяся на бумагу изо дня въ день. Главнымъ руководствомъ намъ служили тексты послѣднихъ изданій, подлинность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Равнымъ образомъ мы обращались и къ неизданнымъ

текстамъ, каковы: дневникъ Реньо въ трехъ томахъ *in-4°*, писанный подъ конецъ царствованія Людовика XV, и дневникъ Гарди въ восьми томахъ *in-folio*, обнимающій собою 25-лѣтній періодъ отъ 1764 г. до 1789 г., хранимые, какъ тотъ, такъ и другой, въ отдѣленіи рукописей Національной библіотеки. При помощи этихъ мемуаровъ мы не только пытались опредѣлить отношенія между идеями и фактами, но отмѣтили рѣчи, угрозы, ропотъ, указали народныя волненія, упомянули о прокламаціяхъ, вывѣшивавшихся тайно, ночью, на углахъ улицъ, напомнили возстанія, бунты, словомъ, на ряду съ возростающею дерзостью ученій, мы указали возрастающую волну страстей.

Каково бы ни было сужденіе, котораго удостоится настоящій трудъ, во всякомъ случаѣ въ немъ найдутся свѣдѣнія, впервые появляющіяся на свѣтъ, и которыя не могутъ быть безполезными для исторіи общественнаго духа въ XVIII вѣкѣ. Оставаясь вѣрнымъ истолкователемъ документовъ, послужившихъ намъ основою къ изложенію событій, мы только въ рѣдкихъ случаяхъ позволяли себѣ высказывать сужденіе о послѣднихъ. Задача наша состояла не въ защитѣ той или другой стороны, не въ доказательствѣ какого либо тезиса,—мы единственно имѣли въ виду разсказать то, что, было и, старательно воспроизводя прошедшее, предоставляли читателю дѣлать свои заключенія сообразно съ изображаемыми нами событіями.

Феликсъ Рокэнъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РЕГЕНТСТВО.

(1715—1723).

Къ концу своего царствованія Людовикъ XIV сблизился съ римскимъ дворомъ и поддался вліянію іезуитовъ, которые были самыми ревностными агентами послѣдняго. Такимъ поведеніемъ онъ оскорблялъ чувства большинства своихъ подданныхъ. Хотя Франція и отвергла протестантизмъ, но она не переставала относиться враждебно къ ультрамонтанскимъ притязаніямъ. Декларація собранія духовенства 1682 г., которая отвергла всякую власть папскаго престола надъ свѣтскою властью, а въ вопросахъ религіи ставила власть соборовъ выше власти папъ, выражала истинныя воззрѣнія страны. Что же касается іезуитовъ, давно уже не пользовавшихся общественнымъ довѣріемъ, то они сдѣлались еще болѣе ненавистными съ тѣхъ поръ, какъ, завладѣвъ преимуществомъ быть духовниками королей, они пріобрѣли всемогущество. Подъ вліяніемъ охватившихъ его въ послѣдніе годы жизни идей, Людовикъ XIV считалъ уже, что онъ еще недостаточно дѣлаетъ для церкви, насильно поддерживая единство религіи въ своихъ владѣніяхъ. По примѣру Константиновъ и Ѳеодосіевъ, съ которыми онъ любилъ, чтобы его сравнивали, онъ хотѣлъ охранять чистоту догмата и управлять совѣстью. Янсенисты, исповѣдывавшіе ученіе, осужденное Римомъ, навлекали на себя особенно строгія мѣры со стороны монарха. Въ 1709 г. онъ велѣлъ срыть кладбище Port Royal des Champs, гдѣ были похоронены

самые знаменитые представители этой секты, и два года спустя приказалъ разбросать ихъ прахъ. Можно было думать, что его рвеніе ограничится этими строгостями, но въ 1713 г. всѣ были поражены новымъ проявленіемъ его нетерпимости.

Среди книгъ, дававшихъ пищу благочестивымъ душамъ, существовало одно сочиненіе, озаглавленное: *Моральныя размышленія о Новомъ Завѣтѣ* (*Réflexion morales sur le Nouveau Testament*), авторомъ котораго былъ отецъ Кенель (p. Quesnel), священникъ ордена Ораторіи. Это сочиненіе, написанное въ 1671 г., было одобрено очень многими прелатами и богословами. Впродолженіи сорока лѣтъ оно служило поученіемъ для всѣхъ членовъ церкви, никогда не возбуждая никакихъ возраженій. Новое изданіе его, сдѣланное въ 1699 г., было посвящено кардиналу Ноайль, архіепископу парижскому, и было принято имъ. Самъ Климентъ XI высказалъ похвалу этой книгѣ, а отецъ Лашэзъ, духовникъ Людовика XIV, всегда держалъ ее на своемъ столѣ, говоря, что въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни открылъ ее, онъ всегда находилъ въ ней нѣчто назидательное и поучительное. Іезуитъ Ле Теллье, замѣнившій о. Лашэза въ качествѣ духовника Людовика XIV, убѣдилъ короля, что книга о. Кенеля проникнута духомъ янсенизма, и настоялъ на томъ, чтобы онъ испросилъ у папы осужденіе заблужденій, которыя она въ себѣ содержитъ.

Въ дѣйствительности этимъ поступкомъ королевскаго духовника менѣе всего руководила забота о религіозномъ вопросѣ. Въ послѣднее время іезуиты сильно скомпрометировали себя поведеніемъ въ Китаѣ. Ле Теллье, человѣкъ рѣшительнаго характера и неразборчивый въ выборѣ средствъ, хотѣлъ поднять престижъ своего братства громкимъ дѣломъ, которое являлось бы общимъ, какъ для Рима, такъ и для іезуитовъ. Онъ ненавидѣлъ янсенистовъ и не менѣе ненавидѣлъ кардинала Ноайль, ихъ тайнаго покровителя и своего соперника при королѣ.

Добившись изданія буллы, которая заклеймила бы въ этомъ сочиненіи очень многіе тезисы, онъ тѣмъ самымъ «возвеличилъ бы и возвелъ бы въ неоспоримый догматъ противуположные тезисы школы Молина [1]», нанося вмѣстѣ съ тѣмъ ударъ кардиналу Ноайль, одобрившему эту книгу. По его внушенію, многіе епископы выразили свое неодобреніе *Моральнымъ размышленіямъ* въ посланіяхъ, которыя были распространены по всему Парижу. Другіе прелаты, которые тоже оказались не менѣе сговорчивыми, согласились подписать составленныя имъ письма, въ которыхъ они умоляли короля защитить вѣру, подрываемую превратными ученіями. Смутить душу Людовика, впавшаго къ старости въ набожность, доходившую до суевѣрія [2], и давно привыкшаго смотрѣть на янсенистовъ, какъ на «республиканскую партію въ церкви и въ государствѣ [3]», было легко. Онъ обратился къ Клименту XI

[1]. Saint-Simon, *Mémoires,* изд. Chéruel и Regnier, 1873—1875, X, стр. 23. Считаемъ лишнимъ напоминать читателямъ различія между ученіемъ іезуита Молина и ученіемъ Янсеніуса. Эти различія были совершенно забыты среди всѣхъ тѣхъ волненій, которыя мы начинаемъ описывать. Достаточно сказать, что наименованіе молинистовъ, іезуитовъ, ультрамонтановъ и конституціонеровъ примѣнялось безразлично ко всѣмъ сторонникамъ Рима и конституціи (буллы) *Unigenitus,* точно также, какъ противники ихъ безразлично назывались янсенистами, кенелистами и галликанами. Этихъ различій не могъ даже опредѣлить Бейль, который высказалъ, не безъ нѣкоторой насмѣшки, что при тщательномъ изученіи этого спора между янсенистской и молинистской школой, онъ нашелъ неразрѣшимые пункты и съ той и съ другой стороны, и что вообще эти вопросы даютъ пищу для скептицизма. Mathieu Marais, *Journal et correspondance,* т. I, стр. 287, изд. Lescure, Paris, 1863—1869.

[2]. «Король (Людовикъ XIV) былъ до такой степени напуганъ адомъ, что считалъ преданными проклятію всѣхъ, кто не пользовался поученіями іезуитовъ, и самъ боялся проклятія, поддерживая съ такими людьми сношенія. Если хотѣли погубить кого нибудь, то стоило только сказать: онъ гугенотъ или янсенистъ, и дѣло было сдѣлано». *Correspondance de Madame, duchesse d'Orléans.* Paris, 1863.— Ср. Saint-Simon, XII, 103—105.

[3]. Saint-Simon, X, 19.

съ просьбою объ изданіи соотвѣтствующей буллы, обязавшись, что она будетъ принята въ его королевствѣ.

Уступая желанію монарха, папа приказалъ составить проектъ буллы. Тѣмъ временемъ Ле-Телье раскинулъ сѣть своихъ интригъ и въ самомъ Римѣ. Составленная по его указаніямъ, булла была тайно напечатана въ нѣсколькихъ экземплярахъ преданнымъ интересамъ іезуитовъ и имѣвшимъ нѣкоторое вліяніе на Климента XI кардиналомъ Фаброни прежде, чѣмъ онъ представилъ ее папѣ. «Эта булла была блестящею во всѣхъ отношеніяхъ,—въ ней не было только правды». Авторы ея, затрудняясь найти въ книгѣ о. Кенеля поводы для ея осужденія, говорили отъ имени папы, что зло, которое она въ себѣ содержитъ, тѣмъ опаснѣе, что оно не замѣтно, «подобно нарыву, который нужно вскрыть, чтобы удалить изъ него гной [1]». Климентъ XI былъ совершенно не согласенъ со всѣмъ этимъ и хотѣлъ внести поправки въ буллу; Фаброни «вышелъ изъ себя», сталъ называть папу «слабохарактернымъ», «мальчикомъ», утверждалъ, что булла именно такова, какою должна быть, и, затѣмъ, оставивъ его совершенно озадаченнымъ и растеряннымъ, поспѣшилъ велѣть расклеить ее во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. Въ тотъ же день она была отправлена съ курьеромъ къ Ле-Телье, который показалъ ее королю и получилъ его одобреніе прежде, чѣмъ она ему была официально представлена нунціемъ. Таково,

[1]. Вотъ тѣ слова буллы, на которыя мы указываемъ и которыя взяты нами изъ перевода о. Лафито: «Мы признали, что опасное распространеніе зла, порожденнаго этимъ сочиненіемъ, усиливающееся съ каждымъ днемъ, происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что ядъ этой книги скрытъ съ чрезвычайною ловкостью, подобно гною нарыва, который показывается только при разрѣзѣ. Открывая въ первый разъ книгу, читатель привлеченъ кажущимся благочестіемъ; ея стиль мягче и глаже масла; но ея выраженія подобны стрѣламъ изъ лука, натянутаго лишь для того, чтобы незамѣтно ранить праведныя сердца».

по словамъ герцога Сенъ-Симона и многихъ современниковъ, было происхожденіе столь знаменитой буллы (конституціи) *Unigenitus* [1].

Во Франціи эта булла была встрѣчена всеобщимъ взрывомъ негодованія[2]. Осужденіе текстовъ апостола Павла, св. Августина и другихъ отцовъ церкви, приводимыхъ въ книгѣ о. Кенеля, ультрамонтанскіе взгляды, которыми была полна булла, подозрительное участіе въ ея составленіи іезуитовъ,—все возстановляло противъ нея дворъ, столицу и провинцію. Изъ ста одного тезиса, которые осуждались буллой въ книгѣ [3], въ особенности одинъ, девяносто первый, возбуждалъ всего болѣе толковъ. Онъ гласилъ: *Несправедливое отлученіе никогда не должно мѣшать исполненію нами долга.* Въ осужденіи этого тезиса увидѣли оскорбленіе добродѣтели, въ особенности же посягательство на независимость королей и колебаніе чувства вѣрности, которую долженъ питать подданный къ своему государю. Въ Парижѣ было созвано большое собраніе епископовъ. Сорокъ изъ нихъ приняли буллу; кардиналъ Ноайль и съ нимъ четырнадцать прелатовъ не признали ее. Среди епископовъ, среди всего духовенства, среди всѣхъ религіозныхъ орденовъ, произошелъ расколъ. Даже свѣтское общество раздѣлилось на партіи. Ле-Телье «держался твердо». Несогласные епископы были разосланы по епархіямъ; отъ прелатовъ, не присутствовавшихъ на собраніи, было потребовано согласіе письменными приказами короля. Сорбонна, отвергнувшая буллу большинствомъ голосовъ, получила приказаніе

[1]. Saint-Simon, X, 21—25, 89—92.—Voltaire, *Siècle de Louis* XIV, III, 354—358, изд. 1785 г.—Buvat, *Journal de la Régence,* I, 162, 260, изд. Campardon, Paris, 1965.—Marais, I, 269.

[2]. «Сто тысячъ голосовъ поднялось тотчасъ же со всѣхъ сторонъ» пишетъ въ посланіи отъ 9 мая 1714 г. епископъ фрежюскій, Флери, сдѣлавшійся впослѣдствіи министромъ и кардиналомъ.

[3]. Извѣстно, что по ходившимъ тогда слухамъ, римскій дворъ осудилъ *сто одинъ* тезисъ для того, чтобы оправдать слова Ле-Телье, говорившаго, что *болѣе ста* положеній Кенеля заслуживаютъ осужденія.

внести ее въ свои реестры. То же было потребовано и отъ парламента. Тщетно генеральный прокуроръ д'Агессо обращался къ монарху съ почтительнѣйшими представленіями. Парламентъ былъ принужденъ уступить, и 14 февраля 1714 г. онъ, съ обычною оговоркою о правахъ короны и вольностяхъ галликанской церкви, зарегистрировалъ буллу [1].

Въ грамотахъ (lettres-patentes), сопровождавшихъ посылку текста буллы парламенту, Людовикъ XIV приказывалъ не только уничтоженіе книги *Моральныя размышленія,* но также и всѣхъ сочиненій, написанныхъ въ ея защиту и, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, запрещалъ издавать таковыя въ будущемъ. Но вся его власть оказалась безсильною сдержать волненіе, которое онъ самъ вызвалъ. Ни запрещенія, ни тюрьма, ни ссылка, не могли заставить молчать возмущенное религіозное чувство. Людовикъ XIV самъ былъ смущенъ этой оппозиціей,— первою, которую ему пришлось испытать втеченіи всего своего царствованія [2],—и, находясь уже при смерти, онъ, обратившись къ епископамъ, совѣты которыхъ вмѣстѣ съ совѣтами Ле-Телье руководили его поступками, возложилъ на нихъ отвѣтственность передъ Богомъ за то смятеніе, въ которомъ онъ оставлялъ церковь [3].

[1]. Ср. съ Сенъ-Симономъ, X, 92, 93.—Voltaire, *Siècle de Louis* XIV, III, 358—362.—См. также знаменитыя *Remontrances du Parlement au Roi* отъ 9 апр. 1753 г., in 4⁰ въ 56 стр., 1753.

[2]. Saint-Simon, XII, 51. «Безграничная власть Людовика XIV никогда не встрѣчала ни малѣйшаго сопротивленія, если не считать, болѣе кажущейся, нежели дѣйствительной, оппозиціи вопросамъ объ отношеніи къ Риму и въ послѣднее время по вопросу о буллѣ *Unigenitus*».

[3]. Кардиналы Бисси и де Роганъ, которые вмѣстѣ съ Ле-Телье подвинули короля на это дѣло, Saint-Simon; XI, 443, 444. Пфальцграфиня увѣряетъ даже въ своей *Correspondance*, II, 169, что это дѣло сократило жизнь Людовика XIV. «Король, говоритъ она, подстрекаемый отцомъ Ле-Телье, до такой степени мучился по поводу этой проклятой буллы, что не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью; это и убило его».

Извѣстно, съ какою неприличною радостью было встрѣчено Парижемъ и всѣмъ королевствомъ извѣстіе объ этой смерти. «О Людовикѣ XIV сожалѣли, говоритъ Сенъ-Симонъ, только его собственные лакеи, очень немного другихъ лицъ и руководители въ дѣлѣ о буллѣ *Unigenitus* [1]». Франція забыла всѣ славныя стороны его царствованія и видѣла только все его зло... Къ обидамъ послѣдняго времени, которыми еще были полны всѣ сердца, присоединились и сразу вспыхнули всѣ давно накопившіяся подъ гнетомъ событій недовольства. Населеніе, едва освободившееся отъ несчастной войны за испанское наслѣдство, разоренное налогами, истощенное нуждой, обвиняло монарха во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ. Парламенты, голосъ которыхъ онъ заставилъ молчать, не прощали ему своего порабощенія и не могли забыть позора, до котораго они были доведены королемъ, принуждавшимъ ихъ узаконивать его побочныхъ сыновей. Всѣ благодарили небо за освобожденіе отъ тяготѣвшаго надъ ними деспотизма, видя въ этой смерти залогъ мира и нѣкоторой свободы въ будущемъ [2].

Герцогъ Орлеанскій, въ началѣ своего регентства, раздѣлялъ, повидимому, чувства страны и даже превзошелъ до извѣстной степени ея ожиданія. Онъ вернулъ парламенту право представленій (remontrances) и, предоставивъ ему власть отмѣнить завѣщаніе покойнаго короля, придалъ ему значеніе, которое вознаграждало его за его прошлое порабощеніе. Онъ показалъ, что вполнѣ раздѣляетъ озлобленіе народа противъ откупщиковъ, богатѣющихъ на счетъ его послѣднихъ крохъ, и принялъ противъ нихъ самыя строгія мѣры [3]. Въ виду безпорядочнаго состоянія, въ ко-

[1]. Saint-Simon, XII, 186.

[2]. Id., XI, 304, 305. XII, 188.

[3]. Многія изъ нихъ были выставлены у позорнаго столба съ дощечкою, на которой было написано: *Грабитель народа*. Buvat, I 157, 159.

торомъ онъ нашелъ финансы, онъ даже былъ близокъ къ созванію генеральныхъ штатовъ [1]. Въ эдиктѣ, которымъ незаконнорожденные принцы лишались права престолонаслѣдія, онъ заявлялъ, что, въ случаѣ если бы не было законныхъ наслѣдниковъ, только самой Франціи должно принадлежать право избирать себѣ государя, и такимъ образомъ противупоставилъ волѣ монарха *права націи*, которыя по его словамъ до сихъ поръ не признавались [2]. Въ религіозномъ вопросѣ онъ показалъ не меньшую рѣшимость не идти по пути своего предшественника. Всѣмъ заключеннымъ по обвиненію въ янсенизмѣ онъ вернулъ свободу. Кардиналъ Ноайль, впавшій въ немилость у Людовика XIV, былъ назначенъ президентомъ Совѣта по духовнымъ дѣламъ [3]. Ненавидимый всѣми Ле-Теллье былъ удаленъ въ ссылку. Былъ поднятъ даже вопросъ объ изгнаніи іезуитовъ,—мѣра, которая была бы встрѣчена съ гораздо большею радостью, чѣмъ созваніе генеральныхъ штатовъ, о чемъ, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, совсѣмъ не помышляли тогда во Франціи [4]. Однако правительство ограничилось тѣмъ, что запретило имъ исповѣдывать и произносить проповѣди. Идя далѣе желаній

[1]. Saint-Simon, XI, 293—305. См. эдиктъ отъ 7 декабря 1715 г., въ которомъ регентъ не побоялся раскрыть передъ Франціей этотъ безпорядокъ; Isambert, *Recueil des anciennes lois françaises*, XXI, 67—69.

[2]. Эдиктъ отъ 2 іюля 1717 г. Isambert, *ibid*, 144—148.—Ср. Marais, 219.

[3]. Извѣстно, что регентъ въ видахъ лучшаго уясненія вопросовъ, замѣнилъ государственныхъ секретарей Совѣтами. Позднѣе онъ вернулся къ системѣ Людовика XIV.

[4]. Ни Бюва, ни Марэ, ни Барбье, даже въ самыя смутныя времена регентства, не упоминаютъ о генеральныхъ штатахъ, тогда какъ они часто говорятъ объ озлобленіи, которое навлекли на себя іезуиты. Созваніе генеральныхъ штатовъ, котораго узаконенные Людовикомъ XIV принцы требовали во время дебатовъ, кончившихся лишеніемъ ихъ права престолонаслѣдія, не произвело въ обществѣ никакого впечатлѣнія. Съ другой стороны, мысль о созваніи генеральныхъ штатовъ по поводу финансовыхъ дѣлъ не шла далѣе ближайшихъ лицъ, окружавшихъ регента.

нации, герцогъ Орлеанскій возъимѣлъ мысль вернуть протестантовъ. Если онъ и оставилъ нетронутыми изданные противъ нихъ суровые законы прошлаго царствованія, то по крайней мѣрѣ приказалъ не примѣнять ихъ во всей строгости [1].

Религіозный вопросъ всего болѣе тревожилъ умы. Судя по направленію, принятому правительствомъ, можно было думать, что оно не подтвердитъ всего того, что было сдѣлано относительно буллы. Іезуиты сильно встревожились. Двѣнадцать епископовъ написали папѣ, прося его не уступать [2]. Въ Парижѣ и въ провинціи были распространены листки, въ которыхъ говорилось, что религія находится въ опасности, и противники буллы назывались отступниками и еретиками [3]. Архіепископъ арльскій объявилъ въ посланіи, что противники буллы болѣе виновны, *чѣмъ Адамъ, когда онъ вкусилъ запрещеннаго плода* [4]. Въ брошюрѣ, всего болѣе обратившей на себя вниманіе, было высказано порицаніе образу дѣйствій регента и сдѣлано обращеніе къ прелатамъ, призывающее ихъ къ дѣятельности въ провинціяхъ и приглашавшее ихъ «собираться, совѣщаться и условливаться». Вопреки закону, признающему за представителями папскаго престола лишь права посланниковъ и воспрещающему имъ сношенія между ними и членами епископства, епископовъ убѣждали «присоединиться къ нунцію и дѣйствовать за одно съ нимъ [5]». Янсенисты,—имя, которое съ этихъ поръ безразлично

[1]. Buvat, I, 118.—Saint-Simon XIII, 83—84.

[2]. Buvat, I, 237.

[3]. Постановленіе парламента 11 мая 1716, воспрещающее брошюру подъ заглавіемъ: *Письма епископа къ епископу* и другія сочиненія.

[4]. Buvat, I, 142. Этотъ прелатъ, по имени Форбенъ-Жансонъ, былъ по словамъ Сенъ-Симона «очень благочестивый священникъ, но совершенно глупый и поразительно невѣжественный» (d'une parfaite bêtise, d'une ignorance crasse).

[5]. Постановленіе парламента 4 апрѣля 1716 г., запрещающее брошюру: *Mémoire pour le corps des pasteurs qui ont reçu la bulle* Unigenitus.

давалось всѣмъ врагамъ Рима и буллы, въ свою очередь возвысили голосъ. Когда прошелъ слухъ, что кардиналъ Ноайль просилъ у папы разъясненій по поводу буллы, триста священниковъ парижской епархіи, сто тридцать два доктора Сорбонны и цѣлыя религіозныя общества заявили архіепископу, что, каковы бы ни были эти разъясненія, они ни за что не признаютъ буллу [1]. Какъ и при Людовикѣ XIV, свѣтское общество также раздѣлилось на партіи, и мужчины носили на шпагахъ банты изъ лентъ различныхъ цвѣтовъ, смотря по тому, къ какой партіи они принадлежали, и называвшіеся бантами *à la Régence* или *à la Constitution* [2]. У многихъ уже явилась мысль, не возрождается ли духъ Лиги, повергшей королевство въ такое волненіе, когда борьба вдругъ приняла болѣе острый характеръ.

Въ мартѣ 1717 г. четыре епископа [3] составили нотаріальный актъ, которымъ они, основываясь на декларації духовенства 1682 г., аппелировали на буллу будущему общему собору. Сорбонна зарегистрировала этотъ актъ и одинъ изъ приставовъ въ Шателэ былъ настолько смѣлъ, что отправился въ Римъ и вывѣсилъ копію этого акта на стѣнахъ церкви Св. Петра [4]. Онъ рѣшился даже проникнуть въ Ватиканъ къ самому папѣ, у котораго онъ поцѣловалъ туфлю и передалъ ему лично оповѣщеніе. Къ этому протесту немедленно же примкнуло множество духовныхъ лицъ. Въ парижской консисторіи толпились священники и лица изъ низшаго духовенства, желавшіе подписать аппеляцію [5]. Кардиналъ Ноайль также написалъ свой протестъ, но сначала не оглашалъ его. Съ этого

[1]. Buvat, I, 241.

[2]. Ленты *à la Régence* были трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго и желтаго; ленты *à la Constitution* только двухъ цвѣтовъ, чернаго и краснаго. Buvat, I, 234.

[3]. Епископы Мирепуа, Монпеллье, Сенеза и Булони.

[4]. Buvat, I, 256—258. Онъ сдѣлалъ это ночью, затѣмъ вышелъ изъ города и уѣхалъ.

[5]. Buvat, I, 295.

момента церковь во Франціи раздѣлилась на два лагеря, на *принимающихъ* и *отвергающихъ*. Принимающіе, пишетъ Вольтеръ, были тѣ сто епископовъ, которые при Людовикѣ XIV присоединились къ іезуитамъ и капуцинамъ; отвергающіе—пятнадцать епископовъ и вся французская нація [1].

Не смотря на весь свой скептицизмъ въ религіозныхъ вопросахъ, регентъ почувствовалъ опасность этого волненія и захотѣлъ положить ему конецъ. Напрасно созывалъ онъ нѣсколько разъ въ своемъ присутствіи епископовъ для соглашенія [2]. Римскій дворъ, съ своей стороны, не былъ расположенъ взять назадъ свой декретъ [3]. Герцогъ Орлеанскій рѣшился обратиться непосредственно къ папѣ за совѣтомъ, какъ успокоить общественное мнѣніе. Декларація отъ 7 октября 1717 г. увѣдомляла Францію, что объ этомъ начаты переговоры съ римскимъ дворомъ [4].

[1]. Voltaire, *Siècle de Louis* XIV, III, 236.

[2]. Buvat, I, 241, 253.

[3]. Аббатъ Шевалье и о. де Ла Бордъ, священникъ ордена Ораторіи, отправились 17 апрѣля 1716 г., пишетъ Бюва, въ Римъ, чтобы попытаться измѣнить отношеніе къ буллѣ. Они вернулись черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, не добившись аудіенціи у папы. Buvat, I, 138, 308.

[4]. Начало этой Декларації замѣчательно; изъ него видно, до какой степени правительство было озабочено смутами, вызванными этими спорами о буллѣ; оно указываетъ также на то, что религіозныя волненія были единственными, существовавшими въ странѣ, первое время послѣ смерти Людовика XIV. «Покойный король, нашъ высокочтимый государь и прадѣдъ, говорилось въ декларації отъ имени Людовика XV, оставилъ намъ королевство въ добромъ мирѣ со всѣми державами Европы, такъ что намъ оставалось только продолжать и утверждать это послѣднее дѣло его глубокой мудрости. Но мы не вполнѣ совершенно исполнили бы наши королевскія обязанности, еслибы съ такою же внимательностью не заботились о возстановленіи другого рода мира, не менѣе важнаго для счастія и спокойствія подвластныхъ намъ народовъ, посредствомъ умиротворенія внутреннихъ смутъ, волнующихъ духовенство нашего королевства по поводу буллы, изданной его папскимъ святѣйшествомъ

Въ той же Декларацiи регентъ приказывалъ, чтобы до окончанія этихъ переговоровъ съ папскимъ престоломъ всѣ споры по вопросамъ, возбуждавшихъ такой раздоръ, были прекращены. Жалуясь на «разнузданность безчисленныхъ печатныхъ изданій», распространяемыхъ въ королевствѣ, онъ напоминалъ о законахъ, запрещавшихъ печатать что либо безъ разрѣшенія. Печатаніе всякихъ изданій (*«livres, libelles* [1] *ou mémoires»*), имѣющихъ отношеніе къ предмету споровъ, было особенно запрещено и всѣмъ парламентамъ повелѣвалось поступать съ авторами ихъ по всей строгости закона.

Герцогъ Орлеанскій выказывалъ въ этой Декларацiи величайшее уваженіе къ папѣ. «Мы не сомнѣваемся, говоритъ онъ въ ней, что Его Святѣйшество, исполненное чувствъ, подобающихъ Ему, какъ всеобщему Отцу, покажетъ до какой степени Его мудрость и просвѣщеніе выше понятій тѣхъ людей, которые сочли нужнымъ прибѣгнуть къ всеобщему собору, чтобы положить конецъ раздорамъ». Въ этомъ ясно разумѣлось косвенное осужденіе протестовъ. Регентъ уже показалъ свое неодобреніе ихъ, выславъ въ епархіи четырехъ прелатовъ, которымъ принадлежала инiціатива ихъ. Синдикъ Сорбонны даже подвергся за это ссылкѣ [2]. Если эта Декларація возбудила недовольство янсенистовъ, то точно также она не удовлетворила и ихъ противниковъ, которые были оскорблены этимъ повелѣніемъ молчанія, безразлично какъ за-

противъ книги: *Réflexions morales sur le Nouveau Testament»*. Мы пользуемся этой цитатой, чтобы напомнить читателю, что акты, издаваемые королевскою властью, назывались, смотря по обстоятельствамъ, указы (*ordonnances*), эдикты *(édits),* декларацiи *(déclarations)* и т. д.

[1]. Подъ именемъ *libelle* подразумѣвается изданіе, состоящее изъ нѣсколькихъ страницъ, составляющихъ маленькую книжку. Только позднѣе оно сдѣлалось синонимомъ памфлета.

[2]. Buvat, I, 259.—Saint-Simon, XIII, 344. Въ письмѣ къепископамъ отъ 13 іюля 1717 г., которымъ регентъ извѣщалъ о вступленіи въ переговоры съ папскимъ престоломъ, онъ просилъ ихъ не допускать въ своихъ епархіяхъ волненія, могущаго повредить его планамъ.

щитникамъ заблужденія, такъ и защитникамъ истины. Съ обѣихъ сторонъ продолжали говорить и писать [1]. Въ одной брошюрѣ, въ защиту буллы, напоминали, что одинъ изъ императоровъ Восточной Римской Имперіи подобнымъ же образомъ воспретилъ указомъ спорить о религіозныхъ вопросахъ, и что этотъ указъ былъ осужденъ Латеранскимъ соборомъ [2].

Нѣсколько времени спустя, епископъ Эскій [3], осмѣлившійся сказать въ одномъ изъ своихъ посланій, что *онъ несогласенъ съ мнѣніемъ Св. Павла,* издалъ брошюру подъ заглавіемъ: *Воззваніе несовершеннолѣтняго короля къ совершеннолѣтнему королю о Декларации 7-го октября.* Какъ справедливо замѣтилъ Эскій (Aix) парламентъ, которому надменный прелатъ имѣлъ смѣлость послать свою брошюру, одно ея заглавіе уже являлось посягательствомъ на принципъ королевской власти, такъ какъ въ немъ заключалось умаленіе власти регента въ предположеніи, что, въ силу самаго регентства существованіе королевской власти прервано,—предположеніе, противорѣчащее самой сущности монархическаго управленія [4]. Обѣ эти брошюры были сожжены рукою палача.

увѣряя, что съ своей стороны онъ будетъ сдерживать низшее духовенство и что, еслибы протесты стали появляться *безъ надобности*, то онъ воспользуется своею верховною властью, чтобы остановить ихъ и возбудить противъ нихъ преслѣдованіе. Эти слова «*безъ надобности*», прибавленныя въ видѣ уступки янсенистамъ, вызвали возраженія со стороны епископовъ, отвѣтомъ на которыя было новое письмо регента. Marais, I, 217, 218.

[1]. Янсенисты тайно напечатали протестъ кардинала Ноайля, который парламентъ былъ вынужденъ запретить вслѣдствіе Декларации 7 октября.

[2]. Постановленіе парламента 2 декабря 1717 г., осуждающее на сожженіе печатный листокъ въ два столбца, на одномъ изъ коихъ напечатана Декларація 7 октября 1717 г., а на другомъ—французскій переводъ указа императора Констанція.

[3]. Іосифъ-Игнатій де Фореста.

[4]. Постановленіе прованскаго парламента 20 декабря 1718 г., осуждающее на сожженіе печатный листокъ подъ заглавіемъ: *Acte*

Поступая иначе, регентъ несомнѣнно могъ бы съ самаго начала овладѣть положеніемъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на сдѣланную имъ попытку обращенія къ папскому престолу, онъ совѣтовался съ человѣкомъ большого ума, герцогомъ Сенъ-Симономъ. Однажды вечеромъ, въ оперѣ, онъ увелъ его въ свою ложу и впродолженіи всего представленія бесѣдовалъ съ нимъ о затрудненіяхъ, созданныхъ дѣломъ о буллѣ. Введенный въ заблужденіе невѣрными донесеніями, онъ представлялъ себѣ вначалѣ, «что громадное большинство стоитъ за буллу и что противная партія представляетъ собою лишь горсть людей». Герцогъ Сенъ-Симонъ разъяснилъ ему, что «большинство двора, духовенства, высшаго свѣта и общества всего королевства» принадлежитъ къ «отвергающимъ»; что въ данномъ случаѣ вмѣстѣ съ количествомъ нужно имѣть въ виду и качество; что на этой сторонѣ стоятъ самые благочестивые и ученые прелаты, почти все безъ исключенія низшее духовенство [1], парламенты, коллежи, школы, университеты, однимъ словомъ, все, что составляетъ наиболѣе просвѣщенную и пользующуюся наибольшимъ значеніемъ часть націи. Говоря ему о томъ, какіе результаты уже возъимѣла булла, онъ представилъ ему, что въ началѣ все дѣло было лишь въ осужденіи одной книги, а теперь уже оно состоитъ ни болѣе ни менѣе какъ въ томъ, чтобы «заставить принимать, подписывать и считать за догматъ вѣры все, что заключалось въ буллѣ, и не смѣть ни вѣрить, ни думать иначе; что этимъ путемъ папскій престолъ стремится достигнуть господства надъ Франціей, подобнаго тому, какимъ онъ пользуется въ Португаліи, Испаніи и Италіи». Наконецъ онъ сказалъ ему, что нѣтъ другого выхода, какъ поощрять протесты, и прежде всего пар-

d'appel interjeté du Roi mineur au Roi majeur de la Déclaration du 7 octobre 1717.

[1]. «Не эти воющіе аббаты, прибавилъ Сенъ-Симонъ, а то набожное и просвѣщенное низшее духовенство, которое не добивается ничего и не продаетъ своихъ убѣжденій и своей вѣры».

ламентскіе, къ которымъ неизбѣжно примкнетъ вся Франція; что онъ долженъ показать свою власть нунцію, съ папою же держаться почтительно, но твердо, «заставить іезуитовъ и въ Парижѣ и въ Римѣ говорить французскимъ языкомъ» и что тогда онъ увидитъ, «какъ все дѣло буллы со всѣми его махинаціями и смутами немедленно рухнетъ [1]».

Герцогъ Орлеанскій тѣмъ легче могъ бы послѣдовать совѣтамъ Сенъ-Симона, что онъ зналъ какъ глубоко опечаленъ Климентъ XI раздорами, порожденными споромъ о буллѣ. Папа со слезами признавался французскому посланнику, что онъ началъ все это дѣло, лишь поддавшись постороннимъ вліяніямъ и интригѣ [2]. « Жалуясь на то, что его водятъ на помочахъ и что онъ не можетъ дѣлать, что хочетъ», онъ быть можетъ желалъ, чтобы его принудили взять назадъ злосчастную буллу. Но герцогъ Орлеанскій,—одаренный самыми блестящими качествами, которыя, однако, къ концу его жизни ослабѣли отъ всевозможныхъ излишествъ его частной жизни,—не обладалъ ни смѣлостью, ни твердостью. Онъ говорилъ, что легко бы справился съ военной силой, но передъ попами пасуетъ—*(qu'il se sentait capable de venir à bout de la mitraille, mais la prêtraille l'embarassait)* [3]. Онъ боялся интригъ епископовъ и боялся іезуитовъ. Инсинуаціи аббата Дюбуа, подъ позорнымъ вліяніемъ котораго онъ въ то время находился и который уже тогда мѣтилъ на полученіе кардинальской шапки [4],

1. Saint-Simon, XII, 346—359. Въ разсужденіяхъ, предшествующихъ передачѣ этого разговора, Сенъ-Симонъ говоритъ, что «всѣ парламенты не желали ничего болѣе какъ протестовать, но ихъ останавливало только правительство...»

2. Saint-Simon, XII, 275—276.

3. Buvat, I, 241.

4. Онъ мѣтилъ на нее уже съ 1717 г. См. его корреспонденцію, приводимую у Ch. Aubertin въ *l'Esprit public au XVIII siècle,* стр. 89, Paris, Didier, 1873 г. — Марэ (I, 276) приводитъ случай, указывающій на эти виды и заслуживающій упоминанія. «Я знаю положительно, говоритъ онъ, что аббатъ Дюбуа, будучи въ Англіи,

несомнѣнно еще болѣе усиливали его нерѣшительность. Переговоры съ Римомъ окончились тѣмъ, чѣмъ они должны были окончиться. Предоставить папѣ, т. е. людямъ, которые управляли имъ, умиротвореніе раздоровъ и успокоеніе значило дать Риму полную свободу дѣйствій и поощрить его требовательность.

Въ мартѣ 1718 г. инквизиціонный судъ въ Римѣ осудилъ всѣ протесты, поданные во Франціи и, въ частности, протестъ кардинала Ноайля. Шесть мѣсяцевъ спустя, папа въ рѣзкомъ посланіи [1], обращенномъ ко всѣмъ католикамъ, «всѣхъ званій и сословій», требовалъ, подъ угрозою отлученія, полнаго и безусловнаго подчиненія буллѣ. Этотъ декретъ придалъ смѣлости ультрамонтанской партіи. Многіе епископы стали грозить церковными наказаніями тѣмъ лицамъ своихъ епархій, которыя будутъ противиться буллѣ. Всѣ парламенты Франціи, объединенные необходимостью отстоять права галликанской церкви, протестовали противъ этого новаго папскаго акта. Они обвиняли Римъ въ томъ, что онъ ставитъ себя выше соборовъ и что, подъ покровомъ буллы, онъ хочетъ заставить Францію принять ученіе о непогрѣшимости, которое онъ старается ввести въ ней уже втеченіи многихъ столѣтій и которое Франція всегда отвергала [2]. Парижскій университетъ, до сихъ поръ не принимавшій открытаго участія въ спорахъ, теперь въ свою очередь вмѣшался въ борьбу и протествовалъ, какъ противъ буллы,

хвастался, что онъ получитъ парижское архіепископство. Въ то время еще не было отдано прямого приказа въ этомъ смыслѣ, но онъ расчитывалъ, что архіепископъ будетъ отрѣшенъ или отлученъ буллою и что этотъ кусокъ выпадетъ на его долю».

1. Посланіе *Pastorabis officii* отъ 8 сентября 1718 г.

2. Постановленіе парламента о пріемѣ жалобы генеральнаго прокурора на дѣйствія духовной власти, выразившіяся въ папскомъ декретѣ подъ названіемъ: *Sanctissimi Domini nostri Clementis Papae XI litterae ad universos Christi fideles datae adversus eos qui Constitutioni Sanctitatis suae quae incipit Unigenitus... debitam obedientiam praestare hactenus racusavarunt aut in posterum recusaverint.* См.

Установа а...
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П.М.Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

такъ и противъ послѣдняго посланія папы [1]. Кардиналъ де Ноайль съ своей стороны отвѣтилъ на осужденіе тѣмъ, что вывѣсилъ свой протестъ во всѣхъ церквахъ столицы. Общество принимало такое сильное участіе во всѣхъ этихъ волненіяхъ, что въ тотъ день, когда былъ вывѣшенъ этотъ протестъ, онъ былъ распроданъ въ Парижѣ болѣе, чѣмъ въ десяти тысячахъ экземплярахъ [2].

Надежды, которыя внушили янсенистамъ первые шаги регентства, начинали колебаться. Строгія мѣры противъ протестантовъ, принимаемыя въ провинціяхъ и въ самомъ Парижѣ, показывали, что и съ этой стороны правительство уклонилось отъ своего первоначальнаго направленія [3]. Нарушая такимъ образомъ данныя имъ обѣщанія въ религіозномъ вопросѣ, герцогъ Орлеанскій точно также нарушалъ ихъ въ вопросахъ политики. Вступая во власть, онъ сказалъ парламенту: «Во всемъ, что я буду предпринимать на пользу общественнаго блага, я буду руководиться вашими совѣтами и вашими мудрыми указаніями». Съ тѣхъ поръ какъ генеральные штаты уже въ теченіи цѣлаго столѣтія бездѣйствовали, это возстановленіе права парламентовъ дѣлать представленія (remontrances) составляло единственную гарантію страны противъ произвола королевской власти. Регентъ показалъ своимъ поведеніемъ насколько можно было полагаться на его слова. Въ августѣ 1718 г.,—вслѣдствіе оппозиціи, ока-

постановленія парламентовъ руанскаго (13 октября), прованскаго (21 октября), метцскаго (25 октября), дофинэскаго (26 октября), реннскаго (4 ноября), бордосскаго (15 ноября) и тулузскаго (3 декабря).

[1]. 5 октября 1718 г. Ср. Марэ, т. I, стр. 427.

[2]. 24 сентября 1718 г. 26 числа Сорбонна въ лицѣ девяноста девяти докторовъ присоединилась къ этому протесту. Buvat, I, 333.

[3]. Семьдесятъ знатныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ реформатской церкви, были посажены въ Форъ-Левекъ въ Парижѣ и три полка были посланы противъ гугенотовъ въ южный Пуату. Buvat, I, 369 (мартъ 1719 г.).

занной парламентами первымъ дѣйствіямъ Лоу,—онъ собралъ королевское засѣданіе и, посредствомъ эдикта, внесеннаго въ реестры по особому приказу короля, ограничилъ право представленій парламента и воспретилъ ему на будущее время вмѣшиваться въ дѣла управленія и финансовъ [1]. На другой день одинъ президентъ и два совѣтника парламента были схвачены и отправлены въ ссылку.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого былъ открытъ заговоръ Челламаре, цѣлью котораго было отнять регентство у герцога Орлеанскаго и передать его испанскому королю. Въ этомъ заговорѣ было замѣшано, какъ говорили, до тысячи пятисотъ лицъ [2]. Хотя и оказалось, что весь этотъ заговоръ не выходилъ изъ предѣловъ иностранной аристократической интриги, не имѣвшей корней въ самой странѣ, онъ послужилъ тѣмъ не менѣе къ еще большей непопулярности регента, вслѣдствіе множества направленныхъ противъ него памфлетовъ, которые участники заговора распространяли въ королевствѣ [3]. Этотъ заговоръ имѣлъ еще и другое дѣйствіе: оказалось, что въ немъ принимали участіе и іезуиты [4]. Герцогъ Орлеанскій увидѣлъ въ этомъ соглашеніе Рима съ Испаніей, а по-

1. Извѣстно, что по обычаямъ манархіи «стараго порядка» королевскіе указы только тогда имѣли силу закона, когда они были внесены парламентомъ въ реестры. Парламентъ могъ дѣлать представленія *(remontrances)* и, если онъ настаивалъ на нихъ и отказывался регистрировать указъ, то монархъ созывалъ парламентъ и въ торжественномъ засѣданіи указъ вносился въ реестры въ его присутствіи; это называлось *королевскимъ засѣданіемъ (lit de justice)*. Иногда парламентъ рѣшался регистрировать указъ, не доводя дѣла до крайности, но тогда, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, онъ писалъ въ своихъ регистрахъ, что поступилъ такимъ образомъ по особому повелѣнію короля. (Этикетъ такого засѣданія налагалъ молчаніе на всѣхъ присутствовавшихъ, кромѣ короля и его канцлера, вслѣдствіе чего такое засѣданіе иногда называется «молчаливымъ засѣданіемъ». *Перев.*).

2. Buvat, I, 338—344 (декабрь 1716 г.).

3. La Palatine, II, 19, 49.

4. Barbier, I, 29 (январь 1719 г.).

тому, одновременно съ объявленіемъ войны Филиппу V, онъ нашелъ нужнымъ сблизиться съ папою и примириться съ іезуитами. Съ этихъ поръ онъ поставилъ себѣ задачею заставить Францію принять буллу, остерегаясь, по возможности, возстановлять противъ себя общественное мнѣніе.

Постановленіе парламента отъ 14 января 1719 г., осуждающее различныя сочиненія, выходящія изъ того и другого лагеря, указываетъ на то направленіе, какое принялъ теперь споръ. Въ одномъ изъ такихъ сочиненій нападали на декларацію духовенства 1682 г., признанную государствомъ; въ немъ говорилось, что принципъ главенства соборовъ надъ папскою властью есть «новый догматъ», противорѣчащій всѣмъ традиціямъ. Въ другомъ утверждалось, что папа «непогрѣшимъ въ рѣшеніи догматическихъ вопросовъ» и что отвергать буллу *Unigenitus* такая же ересь, какъ «отрицать воплощеніе Слова и божественность Христа». Съ другой стороны, въ третьей брошюрѣ съ не меньшею горячностью отстаивалось главенство соборовъ, при чемъ эти собранія всемірной церкви приравнивались къ собраніямъ генеральныхъ штатовъ, которые, по словамъ автора, пользовались въ періодъ своего созыва всѣми правами верховной власти. Парламентъ, осуждавшій первыя сочиненія, какъ противныя свободѣ галликанской церкви, осудилъ послѣднее, какъ посягательство на королевскую власть. «Мы не признаемъ во Франціи другой верховной власти, кромѣ власти короля, говоритъ въ своемъ обвинительномъ актѣ Гильомъ де Ламуаньонъ. Его воля создаетъ законы: *какъ хочетъ король, такъ хочетъ законъ* (si veut le Roi, si veut la loi). Генеральные штаты имѣютъ лишь право представленій и всеподданнѣйшихъ ходатайствъ. Король удовлетворяетъ ихъ жалобы или просьбы сообразно рѣшеніямъ своей мудрости и справедливости. Если бы онъ былъ обязанъ исполнять всѣ ихъ требованія, то пе-

ресталъ бы быть королемъ [1]». Изъ этого видно, какъ были уже далеки идеи ультрамонтановъ и янсенистовъ отъ книги о. Кенеля.

Преслѣдуя свою цѣль, герцогъ Орлеанскій поручилъ кардиналу де Ноайль вмѣстѣ съ нѣсколькими епископами собрать «всѣ объясненія по поводу буллы» въ такой *Сводъ Ученія* (Corps de doctrine), который могъ бы быть принятъ обѣими партіями [2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ декларацией отъ 5 іюня 1719 г. онъ вновь предписалъ молчаніе по поводу спорныхъ вопросовъ на одинъ годъ, говоря, что этого времени ему достаточно, чтобы привести къ *соглашенію*, но декларации 5 іюня повиновались не болѣе, чѣмъ декларации 7 октября. Этотъ второй шагъ регента, еще болѣе перваго приближающійся къ полному подчиненію буллѣ, не вполнѣ, однако, удовлетворилъ ея приверженцевъ (конституціонеровъ). Нѣсколько дней спустя послѣ появленія новой декларации, епископъ суассонскій [3] обратился къ регенту съ опубликованнымъ имъ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что «молчаніе, налагаемое на вопросы, касающіеся вѣры, никогда не приносило пользы никому, кромѣ враговъ ея», и, заранѣе хваля тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя нарушатъ его, онъ прибавлялъ, что законы, издаваемые во время несовершеннолѣтія королей, не обязываютъ къ такому же повиновенію имъ, какъ повелѣнія, исходящія отъ сознательной воли мо-

[1]. Постановленіе парламента 14 января 1719 г., которымъ приговаривалась къ сожженію брошюра подъ заглавіемъ: *Instruction familière sur la soumission due à la Constitution* Unigenitus, и воспрещались другія,—одна подъ заглавіемъ: *Traité du schisme*, другая: *Instruction pour calmer les scrupules que l'on s'efforce de jeter dans les consciences timorées au sujet de la Constitution* Unigenitus, *et de l'appel qui en a été interjeté*.

2 Этотъ сводъ ученія былъ названъ, говоритъ Марэ (т. I, 449), *Объясненія* по поводу *буллы*, а не *объясненія буллы*, чтобы не оскорбить папу.

[3]. Joseph Languet, авторъ «*Vie de Marie Alacoque*».

нарха [1]. Письмо архіепископа реймскаго [2], разосланное всѣмъ епископамъ королевства, принявшимъ буллу, отличалось еще большею смѣлостью. Архіепископъ не довольствовался тѣмъ, что осыпалъ упреками немногихъ прелатовъ, принадлежавшихъ къ оппозиціи, которыхъ онъ приравнивалъ къ «Лютеру, къ приверженцамъ сектъ Арія, Несторія и Евтихія», и требовалъ чтобы церковь поступила съ ними какъ «съ язычниками и мытарями»,— но и возставалъ противъ примирительныхъ попытокъ регента, утверждая, что слѣдуетъ отвергнуть всякое соглашеніе и, призывая епископовъ къ сопротивленію правительству, убѣждалъ ихъ не принимать участія въ расходахъ на государственныя нужды и отказывать въ своихъ субсидіяхъ до тѣхъ поръ, пока регентъ не купитъ *добровольнаго дара* (*le don gratuit*) духовенства [3] безусловнымъ признаніемъ буллы [4].

Парламентъ приговорилъ къ сожженію оба письма. Извѣщенный объ этомъ приговорѣ, архіепископъ реймскій повелѣлъ отслужить благодарственный молебенъ за то, что Господь удостоилъ его пострадать отъ еретиковъ. Римъ, однако, утѣшилъ его въ этихъ страданіяхъ, сдѣ-

[1]. Постановленіе парламента 9 августа 1719 г., осуждающее на сожженіе печатный листокъ подъ заглавіемъ: *Письмо г. епископа суассонскаго къ [его королевскому высочеству герцогу Орлеанскому, регенту королевства, по поводу приказа, даннаго имъ парламенту, и направленнаго противъ нѣкоторыхъ сочиненій названнаго епископа,* помѣченное въ концѣ: *Суассонъ, 24 іюня сего 1719 г.* и подписанное *Ж. Жозефъ, епископъ суассонскій.*

[2]. Франсуа де Майльи.

3. Извѣстно, что въ принципѣ духовенство не было обязано участвовать въ расходахъ государства; оно дѣлало только *добровольныя* или *даровыя* пожертвованія *(don gratuit)*, размѣры которыхъ оно само назначало.

[4]. Постановленіе парламента 22 іюня 1719 г., осуждающее на сожженіе печатный листокъ подъ заглавіемъ: *Письмо Монсиньора герцога—архіепископа реймскаго къ монсиньорамъ кардиналамъ, архіепископамъ и епископамъ королевства, подчинившимся буллѣ* Unigenitus.

лавъ его кардиналомъ [1]. Епископъ суассонскій, заявившій, съ своей стороны, парламенту, что церковь не подвластна его постановленію и что онъ не имѣетъ права судить его *даже за оскорбленіе величества*, былъ приговоренъ къ десяти тысячамъ ливровъ штрафа, но регентъ не захотѣлъ, чтобы онъ ихъ заплатилъ, изъ боязни, говорилъ онъ, чтобы его тоже не сдѣлали кардиналомъ [2].

Въ это время Лоу начиналъ примѣненіе своей знаменитой Системы. Это дало другое направленіе страстямъ и послужило къ тому, что молчаніе, котораго не могъ добиться регентъ, наступило само собою. Мѣсто религіозныхъ споровъ заняла лихорадочная жажда обогащенія. Она охватила и народъ, и членовъ парламентовъ, и принцевъ, и епископовъ. Но въ этихъ волненіяхъ герцогъ Орлеанскій окончательно утратилъ послѣдніе остатки популярности. Когда, вслѣдъ за мечтою о несбыточномъ обогащеніи, для большинства увлекшихся Системою, наступила безспорная увѣренность въ разореніи и когда это разореніе коснулось даже и низшихъ классовъ, то весь взрывъ негодованія обратился на правительство. Въ первый разъ со смерти Людовика XIV народъ принялъ въ Парижѣ угрожающее положеніе [3]. Опасались возстанія. Парламентъ, вполнѣ раздѣлявшій общественное негодованіе, намѣревался уже ни болѣе ни менѣе какъ собственною

[1]. Онъ былъ назначенъ кардиналомъ 29 ноября 1719 г. По этому случаю сочинили для него гербъ, представляющій рака, покраснѣвшаго отъ варки, съ девизомъ: «*Ex igne rubescit*». Marais, I, 290; II, 192.

2. *Представленія парламента королю* 9 апр. 1753 г., стр. 18. Ср. Voltaire, *Siècle de Louis XIV*, III, 363. «Я считала епископа суассонскаго очень порядочнымъ человѣкомъ, писала пфальцграфиня 7 окт. 1719 г., но честолюбивое желаніе сдѣлаться кардиналомъ сводитъ съ ума большую часть епископовъ. Между ними нѣтъ ни одного, который бы не думалъ, что чѣмъ больше онъ надѣлаетъ дерзостей моему сыну въ защиту буллы, тѣмъ скорѣе онъ попадетъ въ милость у римскаго двора и сдѣлается кардиналомъ». II, 165.

3. Іюнь—іюль 1720 г.—Barbier, I, 39, 49.

своею властью положить конецъ этому несчастному регентству. Предполагалось похитить юнаго короля при возвращеніи съ прогулки въ Венсенскій лѣсъ, объявить его совершеннолѣтнимъ и торжественно доставить въ Лувръ въ сопровожденіи всѣхъ членовъ парламента, одѣтыхъ въ ихъ красныя одѣянія [1]. Герцогъ Орлеанскій предупредилъ этотъ смѣлый планъ, сославъ парламентъ въ Понтуазъ [2]. Кромѣ того, онъ принялъ предосторожность разставить войска по улицамъ столицы въ день приведенія въ исполненіе этой мѣры, чтобы держать населеніе въ страхѣ [3]. Но войска сами были готовы взбунтоваться [4] и, если бы въ эту критическую минуту кто нибудь изъ принцевъ крови сталъ во главѣ парламента, то онъ могъ бы совершить переворотъ и можетъ быть даже овладѣть регентствомъ, такъ какъ народъ, по всѣмъ свидѣтельствамъ, несомнѣнно послѣдовалъ бы за нимъ [5].

Однакоже, не смотря на волненіе и угрозы, возмущенія не произошло. Народъ, который, по словамъ одного современника, было настолько же легко успокоить, какъ и возмутить, «разошелся самъ собою [6]». Магистраты, съ своей стороны, не возмутились противъ повелѣнія регента, ссылавшаго ихъ именемъ короля. Каждый изъ нихъ получилъ свой указъ объ арестѣ *(lettre de cachet)* и далъ въ этомъ, какъ того требовалъ обычай, росписку [7]. Тѣмъ

1. Marais, I, 295, 333, 334.—Barbier, I, 53.

2. 21 іюля 1720 г.

3. Войска были не только на улицахъ, но и въ зданіи суда и даже вокругъ Парижа. Это было въ воскресенье, что, по словамъ Барбье, было очень кстати, такъ какъ въ этотъ день «лавки закрыты и народъ проводитъ время внѣ города». Barbier, I, 54.

4. «Офицеры во всеуслышаніе бранятъ правительство, и достаточно малѣйшаго толчка, чтобы заставить ихъ взбунтоваться». Barbier, I, 53. Когда регентъ спросилъ у герцога де Гюшъ, ручается ли онъ за гвардейскіе полки, тотъ отвѣчалъ, что «ручается за нихъ на полѣ сраженія, но не въ Парижѣ». Marais, I, 295.

5. Barbier, I, 53.

6. Marais, I, 318.

7. Id., I, 333.

не менѣе, негодованіе не улеглось и выразилось, въ появившихся въ то время въ безчисленномъ количествѣ всевозможныхъ брошюрахъ, памфлетахъ, *филиппикахъ*, наполненныхъ самыми оскорбительными обвиненіями противъ герцога Орлеанскаго и въ которыхъ нападали не только на его правленіе, но и на его частную жизнь, обвиняя его въ безбожіи и въ безнравственности [1]. Самая его жизнь находилась въ опасности. По улицамъ и въ кареты бросали записки со словами: *Убейте тирана и не бойтесь возмущенія* [2]. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ изгнанія парламента принцесса палатинская получала письма за письмами съ угрозами убить ея сына [3]. И такимъ образомъ,—по справедливому замѣчанію одного позднѣйшаго писателя [4],—принцъ, первые шаги котораго обѣщали либеральное управленіе, заслужилъ еще при жизни большую ненависть и большія оскорбленія, чѣмъ самый деспотическій монархъ при своей смерти.

Однако же регентъ, который могъ считать себя очень счастливымъ, что избѣжалъ грозившихъ ему опасностей [5], не оставлялъ своего намѣренія, теперь уже окончательно рѣшеннаго, заставить принять буллу. Къ прежнимъ причинамъ, побуждавшимъ его къ этому, присоединились теперь еще особыя соображенія. Когда Испанія, послѣ непродолжительной войны, пожелала начать мирные переговоры, онъ задумалъ скрѣпить миръ бракомъ своей дочери принцессы де Монпансье съ принцемъ Астурійскимъ и бракомъ французскаго короля съ испанской ин-

[1]. Марэ разсказываетъ о появленіи въ іюнѣ 1720 г. *филиппикъ* Лагранжъ-Шанселя. «По всему Парижу распространились сатиры, брошюры, пѣсни, говоритъ онъ въ августѣ того же года, и начинаютъ появляться *филиппики*». Marais, I, 285, 398.

2. Barbier, I, 59 (августъ 1720 г.).

[3]. La Palatine, II, 268, 272, 294 (сентябрь—декабрь 1720 г.)

[4]. Aubertin, *l'Esprit public au dix-huitième siècle*, стр. 61.

[5]. Marais, I, 318.

фантой. Іезуитъ Добантонъ, духовникъ Филиппа V, убѣдилъ послѣдняго согласиться на эти оба брака, но съ условіемъ, что регентъ открыто объявитъ себя покровителемъ іезуитовъ и признаетъ буллу [1]. Съ другой стороны, аббатъ Дюбуа, возведенный недавно въ санъ архіепископа камбрейскаго и надѣявшійся получить въ скоромъ времени кардинальскую шапку, горячо хлопоталъ о приведеніи въ исполненіе другой мѣры, которая, какъ онъ полагалъ, заслужитъ ему благоволеніе папы [2]. 13 марта 1720 г. тридцать епископовъ, находившихся въ Парижѣ, подписали въ Палэ-Роялѣ *Corps de doctrine,* составленный кардиналомъ де Ноайль [3]. Пятьдесятъ другихъ прелатовъ, къ которымъ были разосланы курьеры, также дали свои подписи [4]. Довольствуясь этимъ количествомъ присоединившихся, регентъ 4 августа того же года обратился къ парламенту въ Понтуазѣ съ декларацiей, повелѣвающей «всему королевству» принять буллу и кассирующую всѣ бывшіе протесты по этому вопросу [5].

Немедленно же со всѣхъ сторонъ поднялся протестъ. Говорили, что общественная совѣсть не можетъ быть подчинена толкованіямъ, которыя не были единодушнымъ мнѣніемъ всего епископата и о которыхъ мнѣніе низшаго духовенства совсѣмъ не было спрошено. Правительство упрекали въ томъ, что оно присваивало себѣ право суда надъ протестами и, что, вмѣшиваясь въ дѣла духовной власти *(en mettant la main à l'ençensoir),* оно усиливаетъ смуты, волнующія церковь [6]. По всему ко-

1. Voltaire, *Siècle de Louis XV,* стр. 14.

2. Barbier, I, 72.

3. Регентъ присутствовалъ на собраніи. Разсказываютъ, что, выходя оттуда, онъ сказалъ съ свойственной ему грубостью выраженій: «Я только что взнуздалъ своихъословъ». Marais, 267.

4. Marais, I, 266.

5. Isambert, XXI, 187, 188.

6. Marais, I, 416—419. Самъ Марэ удивляется такой декларацiи, «въ которой король вмѣшивается въ дѣла духовныхъ властей, считаетъ признаніе буллы епископами всеобщимъ и даетъ рѣшеніе по

ролевству ходили письма, обвинявшія кардинала де Ноайля въ томъ, что онъ измѣняетъ вѣрѣ, защитникомъ которой онъ себя выставляетъ [1]. Парижскій университетъ, богословскій факультетъ, множество священниковъ, писали парламенту, что они продолжаютъ настаивать на своей оппозиціи [2]. Парламентъ, съ своей стороны, вовсе не былъ расположенъ зарегистрировать декларацію [3]. Неосторожныя воззванія нѣкоторыхъ епископовъ еще болѣе раздули страсти. Епископъ марсельскій, горячій приверженецъ буллы, написалъ посланіе, въ которомъ утверждалъ, что Господь прогнѣвался за непослушаніе протестующихъ и приписывалъ этому появленіе чумы, свирѣпствовавшей тогда въ Провансѣ [4]. Тому же гнѣву божію архіепископъ арльскій приписывалъ въ другомъ посланіи появленіе саранчи, опустошавшей поля его епархіи [5]. Всѣ эти нападки раздражали янсенистовъ, но не поколебали ихъ твердости. Они говорили: «такъ нѣкогда обвиняли язычники христіанъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, постигавшихъ имперію, за то, что тѣ не хотѣли поклоняться ихъ идоламъ [6].

протестамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію только соборовъ», и предсказываетъ, что она вмѣсто успокоенія лишь внесетъ въ церковь «расколъ и сомнѣніе». I, 444.

1. Marais, I, 250—253.

2. Id., I, 250, 330, 382, 386, 423—425.

3. «Парламентъ положительно отказывается вносить декларацію въ реестры, находя ее противною протестамъ и независимости галликанской церкви, не признающей непогрѣшимости папы». Marais. I, 401, 402.

4. Marais. I, 36. Епископъ Бельзёнсъ выказалъ при этомъ необыкновенное самоотверженіе.

5. Этотъ прелатъ, о которомъ мы уже говорили выше, пишетъ въ своемъ посланіи, что «эти животныя своими прыжками и порывистыми движеніями напоминаютъ неспокойное состояніе людей, не хотящихъ подчиниться чувствамъ, предписываемымъ папою и буллою, и которыхъ всякое новое ученіе можетъ увлечь въ сторону». По поводу чумы онъ заявляетъ, что, еслибы она появилась въ Арлѣ онъ остановилъ бы ее, отлучивъ отъ церкви протестующихъ. Marais, I, 290, 493.

6. Marais, I, 369.

Герцогъ Орлеанскій ускорилъ развязку. Онъ взялъ свою декларацію назадъ изъ парламента и послалъ ее въ Верховный Совѣтъ (Grand Conseil); однако, кромѣ перваго президента и одного докладчика, которыхъ дворъ заранѣе расположилъ къ себѣ, послѣдній единогласно отвергъ декларацію. «Весь Парижъ» пришелъ въ восторгъ отъ этой твердости и превозносилъ Верховный Совѣтъ до небесъ [1]. Смущенный этою неожиданностью, регентъ прибѣгнулъ къ рѣшительной мѣрѣ. Онъ отправился въ Верховный Совѣтъ въ сопровожденіи всѣхъ принцевъ крови, шести маршаловъ, изъ тѣхъ, которые завѣдомо принадлежали къ іезуитамъ [2], и многихъ герцоговъ и пэровъ, имѣвшихъ право голоса,—и такимъ образомъ добился желательнаго рѣшенія. Д'Агессо, который прежде, будучи канцлеромъ, противился Людовику XIV и буллѣ, теперь оказался однимъ изъ самыхъ горячихъ ея приверженцевъ [3]. Способъ, къ которому прибѣгъ герцогъ Орлеанскій, былъ вдвойнѣ произволенъ и незаконенъ. Верховный Совѣтъ не имѣлъ ни возможности, ни права зарегистровать буллу; къ тому же принцы крови, подававшіе голоса каждый отдѣльно, въ силу родства могли подать только одинъ голосъ. Вслѣдствіе всего этого, общество не признавало законною такую регистрацію и самъ папа заявилъ, что для него будетъ имѣть значеніе только признаніе буллы парламентомъ [4].

Принужденный еще разъ обратиться къ парламенту, регентъ вновь послалъ ему декларацію. Но впродолженіи этого времени, возбужденіе умовъ очень усилилось. Распространился слухъ, что члены парламента рѣшились на крайнюю мѣру и хотятъ аппелировать на буллу въ

1. Marais, I, 436, 437.

2. Barbier, I, 73, 74.

3. По этому поводу была сложена пѣсенка, въ которой осмѣивалось столь быстрое обращеніе д'Агессо. Barbier, I, 62.—Marais, I, 414.

4. Barbier, I, 76.

будущій общій соборъ и что аппеляція эта будетъ подана *отъ имени націи* [1]. Самъ кардиналъ де Ноайль, отрекшись отъ *Свода Ученія,* авторомъ котораго онъ былъ, рѣшился отправиться во главѣ своего духовенства и въ сопровожденіи депутатовъ отъ Сорбонны и университета въ Понтуазъ и возобновить тамъ свой протестъ передъ всѣмъ парламентомъ. Герцогъ Орлеанскій, вполнѣ расчитывавшій на поддержку архіепископа, отнесся къ нему съ презрѣніемъ. «Меня давно предупреждали, сказалъ онъ ему въ порывѣ гнѣва, что вы дуракъ и скотина (un grand benêt et une f... bête) [2]». Кардиналъ де Ноайль, не въ силу этихъ оскорбленій, а въ виду настоянія регента, уступилъ и согласился написать посланіе, въ которомъ онъ объявлялъ себя приверженцемъ буллы на основаніи *Свода Ученія.* По словамъ адвоката Барбье, это посланіе было составлено «очень тонко и такъ, чтобы щадить убѣжденія обѣихъ партій», и представляло «игру словъ по поводу богословскихъ вопросовъ» [3]. Парламенту, которому теперь предстояло произнести свое рѣшеніе, угрожало переселеніе въ Блуа, еслибы декларація была имъ отвергнута. Между приближенными регента толковали даже о томъ, чтобы совершенно закрыть этотъ парламентъ и вмѣсто него учредить два новыхъ, въ Турѣ и въ Пуатье [4]. Хотя члены парламента «не занимались въ Понтуазѣ ничѣмъ, кромѣ обѣдовъ, игры и прогулокъ [5]», но это положеніе имъ надоѣло. Страхъ еще болѣе от-

1. Marais, I, 479.

2. Barbier, I, 77.—Marais, I, 463.

3. Barbier, I, 83. Этотъ поступокъ архіепископа возбудилъ сильное неудовольствіе въ обществѣ. «Курьеръ кардинала, разносившій посланія священникамъ, говоритъ Марэ (II, 21), былъ вездѣ очень дурно принятъ, кромѣ одного священника церкви Св. Николая въ Шарданне, который, видя его усталость, далъ ему ѣсть и пить». «Вы меня возвращаете къ жизни, сказалъ ему тотъ; я обѣгалъ весь Парижъ и никто не далъ мнѣ даже стакана воды».

4. Barbier, I, 81.

5. Marais, I, 402.—Barbier, I, 69.

даленной ссылки восторжествовалъ надъ ихъ сопротивленіемъ и, 4 декабря 1720 г., они зарегистрировали декларацію. Правда, они внесли ее въ реестры «въ уклончивыхъ, неясныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ было сказано все и ничего и которыя можно было истолковать такъ, какъ будто декларація совсѣмъ не была регистрирована [1]». Наградою за покорность было возвращеніе ихъ въ Парижъ.

Если неопредѣленность выраженій парламента и давала возможность возобновленію споровъ, то языкъ декларації былъ, напротивъ, очень точенъ. Герцогъ Орлеанскій не только уничтожалъ ею всѣ прежніе протесты, но запрещалъ также подавать новые и накладывалъ абсолютное молчаніе на все, что касалось буллы. Несмотря, однакоже, на это запрещеніе, три епископа, протестовавшіе въ 1717 г., разослали посланія, въ которыхъ поддерживали свой протестъ. Постановленіемъ Совѣта [2] на эти посланія было наложено запрещеніе, на что епископы отвѣтили протестомъ противъ постановленія [3]. Спустя три мѣсяца появилось письмо къ папѣ Иннокентію XIII, преемнику Климента XI, подписанное семью епископами [4]. Авторы его не только называли протестовавшихъ защитниками вѣры, но и объявляли происхожденіе декларації 4 августа «цѣпью мошенническихъ продѣлокъ и лживыхъ,

1. Marais, II, 4. Она была внесена въ реестры въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Регистрирована по выслушаніи истца, королевскаго генеральнаго прокурора и т. д...., согласно съ правилами церкви и съ законами государства, относящимися къ власти церкви, власти и юрисдикціи епископовъ, къ принятію папскихъ буллъ и къ протестамъ предстоящему собору; каковые правила и законы долженствуютъ и впредь дѣйствовать и по формѣ и по существу...»

2. Постановленіе Государственнаго Совѣта 31 декабря 1720 г., налагающее запрещеніе на три посланія и приложенные къ нимъ протесты, поданные ихъ преосвященствами епископами сенезскимъ, монпелльескимъ и булонскимъ.

3. Въ февралѣ 1721 г.—Marais, II, 91.

4. Май 1721 г.

обманчивыхъ поступковъ, клонящихся къ низверженію религіи. Они сравнивали положеніе церкви во Франціи съ положеніемъ древней церкви на Востокѣ, когда ее преслѣдовали арійскіе властители и епископы, и клеймили буллу, какъ «законъ, исполненный неправды и несправедливости», до такой степени, говорили они, что *и языческій Римъ не потерпѣлъ бы его.*

Правительство наложило запрещеніе на это письмо [1], какъ оно сдѣлало это раньше съ посланіями, но оно не могло помѣшать обществу отозваться на этотъ двойной протестъ. Съ февраля 1721 г. въ Парижѣ сталъ ходить по рукамъ печатный списокъ, въ которомъ было двѣсти новыхъ именъ, присоединяющихся къ протесту. Онъ былъ схваченъ полиціею. Появился новый списокъ, заключающій въ себѣ четыреста именъ. Начальникъ полиціи призвалъ къ себѣ всѣхъ подписавшихся на этихъ спискахъ и объявилъ имъ, что, не подчиняясь декларацiи 4 августа, они дѣлаются виновными въ сопротивленіи королевской власти. Призванные возразили: «Король имѣетъ власть надъ нашимъ имуществомъ и нашими личностями, но не надъ нашею совѣстью [2]».

На этотъ разъ сопротивленіе главнымъ образомъ исходило изъ янсенистскаго лагеря и такъ какъ большинство духовенства, высшаго свѣта и общества, говоритъ Сенъ-Симонъ, было на сторонѣ протестующихъ, то это сопротивленіе становилось опаснѣе, чѣмъ было сопротивленіе епископовъ. Правительство прибѣгло къ строгимъ мѣрамъ; во всѣ стороны полетѣли приказы объ изгна-

1. Постановленіе государственнаго совѣта, которымъ налагалось запрещеніе на посланіе, озаглавленное: *Письмо нашему Святѣйшему Отцу папѣ Иннокентію XIII по поводу буллы* Unigenitus, помѣченное *9 іюня 1721 г.* и подписанное: *Францискъ, епископъ турнейскій; Жанъ-Батистъ, епископъ памьерскій; Іоаннъ, епископъ сенезскій; Карлъ-Іоахимъ, епископъ Монпелльескій; Петръ, епископъ булонскій; Карлъ, епископъ окзерскій; Михаилъ, епископъ маконскій.*

2. Barbier, I, 119, 120.—Marais, II, 91.

ніяхъ и арестахъ *(lettres de cachet)* [1]. Число протестующихъ только увеличивалось. Къ парижскимъ спискамъ прибавились списки въ провинціяхъ и вскорѣ не осталось ни одного города въ королевствѣ, гдѣ бы ихъ не было [2]. Какъ первые христіане въ эпоху преслѣдованій, янсенисты, отстаивая истину, готовы были на всѣ испытанія. «Увеличивайте наши страданія, говорили они, и увеличится свѣтъ». Епископамъ, жаловавшимся на ихъ дерзость, правительство отвѣчало: «что же дѣлать съ людьми, которые думаютъ лишь о будущей жизни и съ готовностью покидаютъ все, что они имѣютъ въ этой [3]?» Казалось, вновь наступили времена исповѣдниковъ [4]. Одушевленіе, охватившее янсенистовъ, было такъ сильно, что многіе изъ нихъ повторяли слова Паскаля: *охотно вѣрятъ тому свидѣтелю, который готовъ идти на заклапіе* [5].

Это движеніе, овладѣвшее умами, имѣло характеръ совершенно открытой оппозиціи. Почерпая свою силу въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, оно затрогивало правительство только въ тѣхъ его дѣйствіяхъ, которыя оскорбляли эти убѣжденія. Въ сущности оно не имѣло въ себѣ ничего политическаго и выражалось по отношенію къ регенту только въ проявленіяхъ еще большаго отвращенія къ его личности: «Я нахожусь въ постоянномъ страхѣ за жизнь моего сына, видя ту ужасную ненависть, которую къ нему питаютъ», писала пфальцграфиня 22 ноября

[1]. Marais, II, 145, 159. Въ предмѣстьи Сенъ-Антуанъ одна служанка встрѣтилась со священникомъ, принявшимъ буллу, который несъ Св. Дары больному. Она опустилась на колѣни и сказала: «Господи, я молюсь Тебѣ, хотя Ты и въ рукахъ еретика!»—«Дочь моя, спросилъ священикъ, кто тебя научилъ этому?»—«Мой господинъ», отвѣчала она, и только на одномъ этомъ основаніи этотъ человѣкъ былъ взятъ и посаженъ въ Бастилію. Buvat, II, 331.

[2]. Marais, II, 177.

[3]. Id., II, 105.

[4]. Id., II, 123.

[5]. Marais, II, 99.

1721 г. [1]. Монархическія же чувства не только не были потрясены, но любовь къ молодому королю лишь усиливалась по мѣрѣ того, какъ усиливалась ненависть къ регенту. Когда въ этомъ году Людовикъ XV заболѣлъ, въ Парижѣ можно было видѣть признаки настоящаго отчаянія. «Весь народъ» съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій о состояніи его здоровья. Какъ только разнесся слухъ о его выздоровленіи, бурная радость охватила народъ и впродолженіи нѣсколькихъ дней не прекращались всякаго рода увеселенія при крикахъ «да здравствуетъ король!», до того оглушительныхъ и шумныхъ, что старики не помнили ничего подобнаго. «Никогда, писалъ Барбье, ничье выздоровленіе не вызывало такой радости, и оно дѣйствительно драгоцѣнно для насъ». Герцогъ Орлеанскій самъ на себѣ могъ испытать настроеніе общества. Пріѣхавъ «въ великолѣпномъ экипажѣ» на благодарственный молебенъ по поводу выздоровленія короля, онъ вошелъ въ соборъ Notre-Dame «при полномъ молчаніи народа»; когда-же послѣ него появился маршалъ де-Виллруа, гувернеръ юнаго короля, то раздались восторженные крики, оглашавшіе церковь и площадь впродолженіи четверти часа [1]. На Людовика XV, казалось, перенесены были всѣ надежды, которыя подавалъ герцогъ и которыя онъ не съумѣлъ осуществить. Въ этомъ случаѣ чувства толпы совершенно вѣрно передавались торговками, которыя кричали: «да здравствуетъ король!» и прибавляли: «несмотря на дьявольское регентство [2]»; но герцогъ Орлеанскій остался глухъ къ этимъ предостереженіямъ. Вмѣсто того, чтобы попытаться чѣмъ нибудь остановить зарождающуюся оппозицію—онъ сдѣлалъ все, чтобы усилить ее. Онъ еще болѣе сблизился съ ультрамонтанской партіей,

[1]. La Palatine, II, 352.

[2]. Barbier, I, 147, 148. 151. «Это всеобщее нерасположеніе всего народа, точно сговорившагося, должно было сильно огорчить регента». См. Marais, II, 183, 184 (августа 1721 г.).

[3]. «*Malgré la Régence au daible*», Buvat, II, 285.

ввелъ въ министерство сторонниковъ іезуитовъ [1] и роздалъ большую часть вакантныхъ доходныхъ бенефицій тѣмъ священникамъ, которые выказали свою приверженность буллѣ [2]. Послѣ смерти духовника молодого короля, аббата Флёри, автора *Histoire ecclésiastique*, въ которой проводились галликанскія идеи, его мѣсто было отдано іезуиту, о. де-Линьеръ [3]. Съ согласія герцога были обнародованы двѣ папскія грамоты Иннокентія XIII къ королю и регенту противъ янсенистовъ, несмотря на то, что грамоты эти не были зарегистрированы парламентомъ,—фактъ небывалый во Франціи, противный всѣмъ ея законамъ и подчиняющій ее римскому вліянію [4]. Всѣ дѣла, касающіяся буллы, были незамѣтнымъ образомъ отобраны отъ парламента и переданы въ вѣдѣніе Государственнаго Совѣта или, какъ его называли просто, Совѣта [5]. При арсеналѣ учреждена была комиссія, подъ именемъ *Папской Камеры*, которой поручено было слѣдить за публикаціей книгъ, противныхъ папской власти и буллѣ [6]. Наконецъ, для бо́льшаго стѣсненія свободнаго выраженія мысли, сдѣланъ былъ пересмотръ законовъ о книжной торговлѣ и въ ста двадцати трехъ параграфахъ установлены были новыя правила,

[1]. Министромъ юстиціи назначенъ былъ Флёріо д'Армононвиль, братъ котораго, о. Флёріо, былъ іезуитъ (мартъ 1722 г.). Barbier, I, 194.

[2]. Marais, I, 487—489.

[3]. Barbier, I, 209 (апрѣль 1722 г.); Marais, II, 271, 305; см., *ibid.*, 350, письмо папы къ Людовику XV по поводу его новаго духовника. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, кардиналъ де-Ноайль лишилъ іезуитовъ права исповѣдывать, но о. де-Линьеръ нашелъ средство обойти это запрещеніе, перейдя изъ парижской епархіи въ другую.

[4]. Marais, II, 312 (іюль 1722 г.).

[5]. См. въ концѣ этой книги списокъ сочиненій, осужденныхъ съ 1720 г. по 1723 г. Извѣстно, что въ то время *Совѣтомъ* называлось почти то же, что мы называемъ теперь *министерствомъ* или *правительствомъ*.

[6]. Barbier, I, 215 (апрѣль 1722 г.) «Это новая инквизиція», говоритъ Marais, II, 279.

превосходившія строгостью всѣ подобныя правила, появлявшіяся при Людовикѣ XIV, и точное исполненіе которыхъ сдѣлало бы невозможнымъ печатаніе чего либо безъ разрѣшенія власти [1]. Іезуиты, ободренные этими знаками милости, возобновили попытку, сдѣланную ими, но безуспѣшно, еще въ прошломъ столѣтіи. Кромѣ находящихся въ ихъ распоряженіи многочисленныхъ коллегій для воспитанія юношества, они захотѣли имѣть въ своихъ рукахъ еще и факультеты, что давало бы имъ право раздавать степени. Въ исполненіе ихъ тайной просьбы должны были быть основаны и переданы въ ихъ руки два новыхъ университета въ Дижонѣ и въ По; но эти планы рушились вслѣдствіе протеста парижскаго университета, къ которому присоединились вскорѣ всѣ университеты королевства [2].

Не лучше держалъ себя регентъ и въ политическомъ отношеніи, продолжая возстановлять противъ себя общественное мнѣніе своимъ произволомъ. Правда, онъ оставилъ парламенту право представленій (remontrances) въ финансовыхъ и административныхъ дѣлахъ, хотя указомъ 1718 г. это право было у него отнято [3], но въ сущности онъ не придавалъ ему никакого значенія. Когда члены

[1]. Isambert, XXI, 216—251. На эти правила, слишкомъ многочисленныя, чтобы излагать ихъ здѣсь, ссылались даже въ XIX вѣкѣ, при реставраціи. Они были обнародованы въ февралѣ 1723 г.

[2]. «Это было результатомъ интригъ іезуитовъ», говоритъ Марэ. «Доводы оппозиціи», прибавляетъ онъ, «превосходно изложены въ двухъ напечатанныхъ и опубликованныхъ прошеніяхъ. Въ концѣ университетскаго прошенія упомянуто объ указѣ 17 сентября 1624 г., воспрещавшемъ іезуитамъ основать, какъ они намѣревались, университетъ въ Турнонѣ, и о другомъ указѣ верховнаго совѣта отъ 1625 г., который также не допустилъ учрежденія университета въ Ангулемѣ». II, 357 (сент. 1722 г.).

[3]. При внесеніи въ реестры декларацiи, парламентъ требовалъ возстановленія этого права, послѣ чего онъ былъ сосланъ въ Понтуазъ. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ Марэ, и самъ регентъ признавалъ, что парламентъ существуетъ не ради только рѣшенія однѣхъ тяжбъ. ибо немного времени спустя передалъ ему декларацію 4 августа о буллѣ. Marais, I, 354, 363.

парламента, встревоженные финансовыми мѣрами герцога, пожелали сдѣлать ему свои представленія, то онъ потребовалъ, чтобы они сдѣлали это письменно, что было лишь способомъ отдѣлаться отъ ихъ совѣтовъ. «Всѣ возраженія парламента, пишетъ Марэ въ августѣ 1722 г., не болѣе, какъ напрасные ни къ чему не ведущіе протесты» [1]. Одинъ случай ясно показываетъ до какой степени правительство не ставило ни во что власть парламента. Передъ королевскимъ засѣданіемъ, въ которомъ должно было быть объявлено совершеннолѣтіе короля, церемоніймейстеръ посѣтилъ первую палату *(la grand' chambre)*, предназначенную для этого торжества и былъ очень дурно принятъ парламентомъ. Онъ пожаловался регенту и члены парламента были вызваны къ Дюбуа, который гнѣвнымъ тономъ объявилъ имъ, что «король выбираетъ мѣсто для своего засѣданія *(lit de justice)* гдѣ ему угодно, что самая власть парламента вполнѣ зависитъ отъ короля и что они выбрали неудобное время раздражать его наканунѣ его совершеннолѣтія; если же они будутъ продолжать оказывать ему сопротивленіе, то онъ скоро сдѣлаетъ ихъ *столь незначительными, столь ничтожными, что они сами будутъ удивлены* [2]».

Выступивъ въ началѣ въ духѣ, совершенно противуположномъ предъидущему царствованію, регентство обмануло надежды страны и открыто вступало теперь на путь, начертанный Людовикомъ XIV. Въ политикѣ этотъ поворотъ выразился произволомъ и неуваженіемъ къ законамъ, въ религіи—союзомъ съ папою и іезуитами. «Римъ имѣетъ надъ нами болѣе власти, чѣмъ когда либо, писалъ человѣкъ, по своему образованію и безпристрастію способный вполнѣ правильно судить о событіяхъ; свобода наша исчезаетъ, *мы впадемъ въ непо-*

[1]. «Но, прибавляетъ онъ, этимъ всетаки сохраняются права собранія и вольности Франціи». II, 337, (августъ 1722 г.).

[2]. Marais, II, 398 (январь 1723 г.).

грѣшимость [1]». Положеніе, вызвавшее подобное сожалѣніе, никому еще не внушало опасеній, но опасность тѣмъ не менѣе существовала. Рядомъ съ религіозной оппозиціей, которая при данныхъ обстоятельствахъ легко могла принять очень внушительные размѣры и перейти въ политическую,—парламентъ, оскорбленный своимъ униженіемъ, и народъ, начинающій уже громко осуждать правительство, являлись элементами, возбудить которые было вовсе не трудно. Высшее духовенство было готово къ возмущенію при первомъ противодѣйствіи со стороны властей, а буржуазія не забывала, что и правительство признавало случаи, гдѣ воля народа выше воли королей [2]. Возмутительнымъ цинизмомъ своего образа жизни регентъ не только возбудилъ вполнѣ заслуженное презрѣніе лично къ себѣ, но и подорвалъ уваженіе къ величію королевскаго сана. Дворянство также утратило все свое обаяніе и свою силу. Царствующее среди него корыстолюбіе, обнаружившееся во время увлеченія системою Лоу всякаго рода безстыднымъ торгашествомъ, открытый развратъ, преступленія, совершенныя нѣкоторыми высокопоставленными лицами и даже принцами,—все это заставило адвоката Марэ сказать: «Никогда благородное сословіе во Франціи не было менѣе благороднo, чѣмъ въ наше время [3]».

Всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, служили причинами такихъ безпорядковъ, которые современемъ могли обратиться противъ королевской власти. По отношенію къ церкви положеніе это представляло еще болѣе опасности. Изъ всѣхъ этихъ споровъ о буллѣ не только легко было возникнуть расколу, но могла быть потрясена даже самая вѣра. Общественное мнѣніе начало уже возставать противъ епископовъ за ихъ притязанія и интриги, и къ нимъ относились съ тѣмъ же недовѣріемъ, какъ и къ іезуитамъ [4].

[1]. Marais, II, 469 (іюнь 1723 г.).
[2]. Id, I, 219.
[3]. Id., I, 281.
[4]. Ихъ обвиняли даже въ нечестности. Во время смутъ 1720 г.

Римъ уже не былъ хранителемъ вѣры и представлялся теперь властью, стремящейся распространить свое владычество, хотя бы и безчестными путями. Когда Дюбуа, безбожіе и безнравственность котораго были извѣстны, получилъ кардинальскую шляпу въ награду за свое содѣйствіе Декларации 4 августа 1720 г., то «всѣ были возмущены [1]». Не меньшій позоръ навлекли на себя епископы тѣмъ, что единогласно выбрали, въ 1723 г. президентомъ своего общаго собранія [2] того же Дюбуа, котораго Римъ сдѣлалъ кардиналомъ, а регентъ, съ своей стороны, только что назначилъ первымъ министромъ [3]. Подобныя дѣйствія могли только способствовать распространенію безвѣрія, начавшаго уже появляться въ обществѣ. «Не думаю, писала пфальцграфиня, чтобы во всемъ Парижѣ, какъ между духовными, такъ и между свѣтскими людьми, нашлось сто человѣкъ истинной христіанской вѣры, даже просто вѣрующихъ въ Спасителя; это заставляетъ содрогаться отъ ужаса [4]». Хотя это замѣчаніе и преувеличено, да и самъ авторъ его, говоря это, думалъ только о выс-

указомъ государственнаго совѣта имъ было дано право платить свои долги бумажками, не имѣвшими болѣе цѣнности. Марэ замѣчаетъ: «Духовенству давали настоящія деньги, а оно возвращаетъ ихъ ничего не стоющими бумажками. Хороша совѣсть у священниковъ! Такова то ихъ мораль на практикѣ! Какъ удивляться послѣ этого тому, что они подписываютъ такіе своды ученія, которые разрушаютъ церковь?» Marais, I, 443.

[1]. «Всѣ возмущены, говоритъ Барбье, и церкви можетъ нанести большой вредъ то, что одно изъ первыхъ ея мѣстъ занимаетъ человѣкъ, извѣстный своимъ безбожіемъ». I, 141. См. тамъ же бывшія тогда въ ходу оскорбительныя выраженія противъ папы и кардинала Дюбуа.

[2]. Извѣстно, что высшее духовенство имѣло собранія, повторяющіяся каждыя пять лѣтъ. На этихъ собраніяхъ занимались главнымъ образомъ счетами по духовнымъ имуществамъ и вообще всѣмъ, что касалось администраціи церкви. Въ этихъ же собраніяхъ вотировались и добровольныя пожертвованія *(don gratuit)* духовенства правительству.

[3]. 22 августа 1722 г.

[4]. La Palatine, II, 369 (16 мая 1722 г.).

шемъ классѣ духовенства и аристократіи, тѣмъ не менѣе оно очень интересно.

Среди всѣхъ проявленій наростающаго въ церкви и государствѣ безпорядка, объявлено было 22 февраля 1723 г. совершеннолѣтіе короля. 10 августа того же года умеръ Дюбуа, покрытый почестями, богатствомъ и позоромъ; четыре мѣсяца спустя умеръ [1] и самъ герцогъ Орлеанскій, замѣнившій его въ исполненіи обязанностей перваго министра, павъ жертвою своей распутной жизни

---

[2]. 2 декабря 1723 г.

КНИГА ВТОРАЯ.

МИНИСТЕРСТВО ГЕРЦОГА БУРБОНА И НАЧАЛО МИНИСТЕРСТВА ФЛЕРИ.

(1724—1733).

Въ то самое время, когда умиралъ герцогъ Орлеанскій, герцогъ Бурбонъ, ничего не понимавшій въ государственныхъ дѣлахъ, знавшій только одну охоту и ни въ чемъ другомъ «не имѣвшій даже здраваго смысла», хлопоталъ предъ королемъ о назначеніи его первымъ министромъ и успѣлъ въ этомъ [1]. Такой министръ, съ которымъ маркиза де При, фигурировавшая на ужинахъ регента, обращалась «какъ съ мальчишкой», былъ просто позоромъ. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ его вступленія въ должность министра, появились прибитыми на стѣнахъ Пале Рояля и еще въ нѣкоторыхъ кварталахъ Парижа оскорбительные пасквили противъ него, съ требованіями его смѣщенія [2]. Въ его управленіе продолжался тотъ же порядокъ вещей, какъ и при регентствѣ. Іезуитамъ предоставлялось все болѣе и болѣе «брать верхъ [3]». Женитьба Людовика XV

[1]. Barbier, I, 307, 314.—Marais, II, 57.

[2]. «Къ стѣнамъ Пале-Рояля и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Парижа прибиты были пасквили, въ которыхъ говорилось, что государство управляется одною... и гвардейскими солдатами и что если бы герцогъ Орлеанскій захотѣлъ возстановить порядокъ, то онъ нашелъ бы людей, которые помогли бы ему въ этомъ. Marais, III, 190 (іюнь 1725 г.).

[3]. По прежнему всѣ дѣла, касающіяся религіи, вѣдались Совѣтомъ. Особенно замѣчателенъ указъ Совѣта по поводу сочиненія іезуита о. Гардуэна *„Соборы“*, въ двѣнадцати томахъ. Въ этомъ сочиненіи, оконченномъ въ 1715 г., Базельскій и Констанскій соборы на-

была дѣломъ ихъ рукъ, и молодая Марія Лещинская, предложенная ими на мѣсто инфанты испанской, возвратившейся въ Мадридъ, была обязана имъ своимъ прозвищемъ *Unigenita,* прозвищемъ, отличавшемся скорѣе новизною, чѣмъ любезностью [1]. Правительство «Monsieur le duc'a» еще болѣе чѣмъ регентство придерживалось направленія предшествовавшаго царствованія. Издана была декларація противъ протестантовъ [2] и, еслибы она была въ точности приведена въ исполненіе, то оказалась бы болѣе строгою, чѣмъ эдиктъ 1685 г. Парламентъ безъ затрудненій внесъ ее въ свои регистры, хотя она заслуживала вниманія никакъ не менѣе деклараціи по поводу буллы. Швеція и Голландія протестовали противъ нея, во Франціи же она

зывались незаконными, а объ Unigenitus говорилось, какъ о догматѣ вѣры. Парламентъ приказалъ, указами 20 декабря 1715, 19 августа 1719 и 27 августа 1721 г., сдѣлать надлежащія исправленія. Послѣднимъ указомъ 7 сентября 1722 г. онъ постановилъ прибавить къ этому сочиненію тринадцатый томъ, въ которомъ должны были быть «помѣщены статьи, пропущенныя о. Гардуэномъ, и исправлены тѣ, которыя онъ измѣнилъ въ угоду римскому двору въ видахъ уменьшенія независимости галликанской церкви». Указъ государственнаго совѣта 21 апрѣля 1725 г., изданный по настояніямъ іезуитовъ, отмѣнялъ всѣ постановленія парламента. «Странно, замѣчаетъ Марэ, что король объявляетъ себя противъ тѣхъ, которые отстаиваютъ его королевскую власть и свободу его государства отъ владычества римскаго двора; впрочемъ, никакія странности не должны поражать, какъ только іезуиты вмѣшаются въ дѣло». Marais, III, 181, 190.

[1]. По этому случаю были распространены стихи, заканчивавшіеся слѣдующими словами:

Et ton règne s'affermira,
Cher *Unigenitus*, par *l'Unigenita.*

Говорили, что все семейство короля Станислава находится подъ вліяніемъ іезуитовъ. «Говорятъ, что король до такой степени любитъ іезуитовъ, что самъ по временамъ одѣвается іезуитомъ и что въ этомъ проявляется его благочестіе». Marais, III, 188, 190, 205.

[2]. Эта декларація издана 14 мая 1794 г. Isambert, XXI, 261—270.

прошла незамѣченною, такъ какъ всѣ умы были исключительно заняты буллою [1].

Все увеличивающееся значеніе буллы среди ультрамонтанской партіи доказывало проницательность герцога Сенъ Симона. До сихъ поръ ученіе о непогрѣшимости папы только вкратцѣ излагалось въ письмахъ, посланіяхъ и мемуарахъ, теперь же, въ 1724 г., появилось объ этомъ цѣлое сочиненіе. Оно было напечатано въ Голландіи, привезено въ Парижъ и распространилось по всей Франціи. Въ этомъ сочиненіи излагалось ученіе, которое объявлялось религіей «всѣхъ странъ и всѣхъ временъ» и которымъ устанавливалось неограниченное полновластіе папъ надъ церковью, превосходство ихъ власти надъ соборами и господство ихъ надъ епископами, которые, говорилось тамъ, имѣютъ свою власть отъ папы, а не отъ Христа; наконецъ, ученіе это намекало, что папы имѣютъ право на корону, такъ какъ апостолъ Петръ получилъ отъ Бога власть, какъ на небѣ, такъ и на землѣ. «Это не просто богословскій трактатъ, какъ кажется сперва по названію, говорилъ королевскій адвокатъ, Жильберъ де Вуазэнъ, докладывая парламенту объ этой книгѣ; это намѣренное нападеніе на всѣ наши правила и ученія, сочиненіе, нарочно написанное противъ галликанской церкви и противъ Франціи [2]».

Янсенисты, задѣтые декларацією 4 августа 1720 г., съ своей стороны «не переставали» писать и печатать [3]. Одинъ изъ самыхъ пылкихъ представителей ихъ партіи, епископъ монпелльескій [4], напечаталъ сочиненіе, одно заглавіе котораго — «*Remontrances au Roi*» (представленія

[1]. Объ этой декларацiи почти не упоминается и въ мемуарахъ того времени.

[2]. Постановленіе парламента отъ 1 января 1734 г., запрещающее книгу подъ названіемъ: *Богословское разсужденіе о власти и непогрѣшимости папъ*, сочиненіе преп. о. Пети-Аидье, бенедиктинскаго монаха Сенъ-Ваннской конгрегаціи въ Люксембургѣ, 1724.

[3]. Marais, III, 246.

[4]. Шарль Кольберъ де-Круасси, умершій 8 апр. 1738 г.

королю)—уже указывало на смѣлость содержанія. Онъ упрекалъ Людовика XV и «его совѣты» за ихъ поступки въ дѣлахъ религіи и говорилъ, что не епископамъ надлежитъ подчиняться въ духовныхъ дѣлахъ волѣ государей, а напротивъ, епископы должны отдавать отчетъ Богу въ поведеніи королей [1]. Государственный совѣтъ дважды давалъ приказаніе уничтожать сочиненія дерзкаго прелата и послѣдній оба раза отвѣчалъ на это публичной защитой своихъ осужденныхъ сочиненій. Послѣднее его возраженіе было не только запрещено, но по указу Совѣта уничтожено. «Такія крайности, сказано было въ указѣ, не могутъ быть терпимы безъ колебанія значенія королевской власти [2]». Въ противоположность этому, собравшееся въ слѣдующемъ году, въ Парижѣ, общее собраніе духовенства написало королю письмо, въ которомъ оно называло буллу догматомъ вѣры и, на основаніи этого, требовало отъ монарха крайнихъ мѣръ для прекращенія ереси. На этотъ разъ уже не государственный совѣтъ, а парламентъ запретилъ это письмо [3].

1. «Обязанности епископовъ, писалъ прелатъ, тѣмъ болѣе велики, что они должны отдавать отчетъ предъ судомъ Божіимъ даже о самихъ короляхъ. Потому что вы сами знаете, что не смотря на вашъ санъ, возвышающій васъ надъ человѣческимъ родомъ, передъ священниками вы преклоняете голову, отъ нихъ вы принимаете таинства и имъ подчиняетесь въ дѣлахъ религіи. Вы отдаете себя ихъ суду, они же не отдаются на вашу волю... Теперь императоры и короли уже не подчиняются епископамъ въ духовныхъ дѣлахъ, а сами епископы должны подчиняться въ этихъ дѣлахъ не только королямъ, но и его совѣтникамъ, врагамъ епископовъ, ихъ подчиненнымъ, тайнымъ доносчикамъ, людямъ, которые интригами достигаютъ того, что ихъ доносамъ вѣрятъ и осуждаютъ, не выслушивая даже, своихъ начальниковъ епископовъ и собратій ихъ въ церковнослуженіи». См. Marais, III, 117.

2. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 21 сентября 1726 г., запрещающее два сочиненія епископа монпелльескаго, одно подъ названіемъ: *Почтительнѣйшія замѣчанія королю,* другое: *Пастырское посланіе епископа монпелльескаго къ духовенству своей епархіи.*

3. Постановленіе парламента отъ 10 января 1726 г., запрещающее

Въ то время, какъ религіозные вопросы продолжали волновать умы, появились еще и другія причины смутъ. Дороговизна хлѣба лѣтомъ 1725 г., обязанная своимъ появленіемъ неумѣлому управленію «герцога» и отчасти, можетъ быть, какъ тогда и думали, мошенничествамъ, въ которыхъ былъ замѣшанъ маркизъ де При, возбудила въ народѣ волненія, которыя не ограничились, какъ при регентствѣ, легкими смутами. Въ Канѣ, Руанѣ и Реннѣ произошли настоящія возстанія. На улицахъ Парижа толпа изъ тысячи восьмисотъ человѣкъ предавалась открытому грабежу. Конная стража разсѣяла эту «чернь», наступая на нее съ саблями на-голо и двое наиболѣе буйствовавшихъ были повѣшены на главной улицѣ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Такая строгая мѣра положила конецъ возстанію, но не могла уничтожить озлобленія народа. Волненіе поддерживалось еще нѣкоторое время прибитыми къ стѣнамъ объявленіями, въ которыхъ поносилось министерство и высказывалась угроза поджечь Парижъ. Спокойствіе возстановилось только послѣ принятыхъ мѣръ для пониженія цѣнъ на хлѣбъ [1].

За мѣсяцъ до этого возстанія,—перваго въ Парижѣ съ 1715 г.,—произошла въ парламентѣ сцена, которая должна была произвести еще большее впечатлѣніе на умы. Правительство издало нѣсколько указовъ о чрезвычайныхъ налогахъ, однимъ изъ которыхъ устанавливался налогъ въ размѣрѣ 2% (cinquantième) всѣхъ поступленій въ государственную казну. Налогъ этотъ имѣлъ свою справедливую сторону въ томъ, что ему подвергнуты были всѣ сословія государства, не исключая самого духовенства, и въ этомъ отношеніи это было нововведеніе, которымъ могли быть недовольны [2] только одни привисочиненіе подъ названіемъ: *Письмо къ королю отъ монсиньоровъ архіепископовъ, епископовъ и другихъ депутатовъ общаго собранія духовенства Франціи въ 1725 году.*

[1]. Marais, III, 211,—216.—Barbier, I, 392—405 (іюль-августъ 1725 г.).

[2]. Говорили, что этотъ налогъ былъ внушенъ идеями Вобана.

легированные классы, но въ данный моментъ, когда бѣдствіе 1720 г. было еще свѣжо въ памяти, и когда денегъ положительно ни у кого не было, налогъ этотъ возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Предчувствуя сопротивленіе со стороны парламента внести эти указы въ регистры, министерство рѣшилось ввести ихъ силою посредствомъ «королевскаго засѣданія» (lit de justice). Мало того; оно рѣшилось, вопреки всѣмъ обычаямъ, не сообщать о нихъ заранѣе членамъ парламента. 3 іюня король пріѣхалъ въ Парижъ на засѣданіе. Когда дѣло дошло до подачи голосовъ, то всѣ члены парламента отказались вотировать, объявивъ, что они не могутъ подавать голоса за или противъ того, чего они не знаютъ. «Всѣ, говоритъ очевидецъ, были взволнованы до глубины души». Генеральный прокуроръ [1] отъ имени всѣхъ членовъ парламента сказалъ королю, что они готовы пожертвовать всѣмъ состояніемъ своимъ и даже жизнью въ интересахъ службы ему и что принести эту жертву будетъ для нихъ легче, чѣмъ дать согласіе на указы, предложенные при такихъ условіяхъ. Король объявилъ черезъ своего хранителя печати [2], что онъ требуетъ послушанія своей волѣ, и парламентъ подчинился.

Въ томъ же засѣданіи объявленъ былъ и другой указъ, запрещавшій всѣмъ совѣтникамъ, не прослужившимъ десяти лѣтъ, подавать свое мнѣніе въ государственныхъ дѣлахъ. Такой неожиданной и ничѣмъ не оправдываемой мѣрой болѣе ста членовъ парламента осуждались на молчаніе. Это было страшнымъ ударомъ для парламента. «Съ сегодняшняго дня вы сдѣлались врагомъ всего государства», сказалъ принцъ Конти герцогу Бурбону вечеромъ въ день королевскаго засѣданія. По мнѣнію благоразумныхъ людей, важнѣе всего было то, что эти

вслѣдствіе чего недовольные «послали къ чорту» при этомъ случаѣ его и его систему. Marais, III, 194.

[1]. Жильберъ-де-Вуазэнъ.

[2]. Флеріо д'Арменонвиль.

несправедливыя и самовольныя дѣйствія, первыя, возбудившія въ народѣ неудовольствіе со времени совершеннолѣтія короля, проводились въ его присутствіи, съ его уполномочія и тѣмъ подрывали уваженіе къ королевской власти. Несмотря на свою молодость, Людовикъ XV долженъ былъ понять до какой степени неосторожно заставили его поступить по тому глубокому молчанію, которымъ встрѣтилъ его народъ при выходѣ его изъ парламента. Въ Парижѣ никто не кричалъ: «да здравствуетъ король!» и простой народъ, пытавшійся было привѣтствовать короля, былъ остановленъ буржуазіей [1]. Министерство почувствовало вскорѣ, что оно зашло слишкомъ далеко и, спустя шесть мѣсяцевъ взяло назадъ указъ, измѣнявшій подачу голосовъ парламента, оставивъ указъ о налогахъ [2]. Герцогъ Бурбонскій возбудилъ своимъ поведеніемъ такое отвращеніе къ себѣ, что когда, въ іюнѣ 1726 г. онъ, вслѣдствіе придворныхъ интригъ, былъ удаленъ отъ власти, пришлось принять мѣры противъ того, чтобы это событіе не было встрѣчено въ Парижѣ [3] торжественной иллюминаціей. Епископъ фрежюсскій, Флёри, имѣвшій болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду и замѣнившій теперь въ министерствѣ герцога Бурбона, уже съ давнихъ поръ подготовлялъ себѣ это повышеніе. Онъ былъ прежде наставникомъ молодого короля и имѣлъ надъ нимъ большое вліяніе. Обладая чрезвычайно тонкимъ умомъ и мягкимъ, вкрадчивымъ характеромъ, онъ былъ очень простъ въ своей жизни и повидимому былъ на столько не честолюбивъ, что отказался отъ зва-

[1]. Barbier, I, 393. Marais, III, 19—210. По поводу этого королевскаго засѣданія было сочинено слѣдующее четверостишіе:

«Ami, sais-tu ce que l'on dit?
La Justice est embarrassée;
Le Roi la fut voir dans son lit:
On prétend qu'il l'a violée».

[2]. См. у Isambert, XXI, 296, 297, декабрьскій эдиктъ 1725 г.

[3]. Barbier, I, 427, 428.

нія перваго министра; однако, въ тайнѣ, онъ всегда страстно стремился власти и, достигнувъ наконецъ цѣли своихъ стремленій, онъ впродолженіи семнадцати лѣтъ пользовался ею болѣе абсолютно, чѣмъ герцогъ Бурбонъ и даже самъ регентъ [1]. Онъ любилъ порядокъ во всемъ, былъ по природѣ экономенъ и даже скупъ и внесъ эти черты своего характера въ управленіе. При немъ финансовое положеніе казалось улучшилось и только войны, внесшія смуту въ послѣднее время его министерства, привели финансы снова въ разстройство. Съ половины 1727 г., принятыя имъ мѣры сбереженій позволили ему уничтожить указъ о «cinquantième», возбудившій такое сильное неудовольствіе въ обществѣ [2]. Народныя волненія, ознаменовавшія регентство и министерство герцога Бурбонскаго, утихли на долгое время. Подъ вліяніемъ Флери нравы двора и дворянства перестали скандализировать общественное мнѣніе до тѣхъ поръ, пока Людовикъ XV собственнымъ примѣромъ не вернулъ прежней распущенности. Но, несмотря на всѣ свои хорошія стороны, управленіе Флери было роковымъ для Франціи, вслѣдствіе того, что власть слишкомъ долго и исключительно находилась въ рукахъ человѣка, все болѣе ослабѣвающаго отъ старости, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе той нетерпимости, съ которою онъ относился къ религіознымъ вопросамъ,—нетерпимости, которая, собственно говоря, была единственной отличительной чертой его долгаго министерства и которая, переведя оппозицію янсенистовъ на политическую почву, подготовила революцію.

Раньше, чѣмъ сдѣлаться министромъ, епископъ фрежюсскій управлялъ духовными дѣлами. Прикрываясь герцогомъ Бурбонскимъ, онъ, собственно говоря, былъ авторомъ декларацій противъ протестантовъ. Онъ былъ

1. См. въ *Mémoires du duc de Luynes* (Paris, 1860—1865), V, 237—243, портретъ Флери.

2. Isambert, XXI, 306. Декларація 7 іюля 1727 г.

прежде «крайнимъ» янсенистомъ, но перешелъ на сторону іезуитовъ какъ только увидалъ, что сила на ихъ сторонѣ [1], и до такой степени перемѣнилъ свои мнѣнія, что, когда Бенедиктъ XIII [2] прислалъ въ мартѣ 1725 г. свои разъясненія по поводу буллы,—которыя тщетно ожидались уже впродолженіи двѣнадцати лѣтъ,—онъ отослалъ ихъ назадъ, говоря, что въ нихъ *слишкомъ много янсенизма* [3]. Если слова пфальцграфини, что желаніе быть кардиналомъ сводитъ большую часть епископовъ съ ума [4], и справедливы, то во всякомъ случаѣ это не можетъ служить объясненіемъ дальнѣйшаго поведенія епископа фрежюсскаго, такъ какъ онъ былъ сдѣланъ кардиналомъ въ тотъ же годъ, какъ и министромъ [5]. Достигнувъ власти, онъ счелъ нужнымъ, чтобы удержать ее за собой, сохранить поддержку іезуитовъ. Уже съ самаго начала своего министерства онъ далъ епископамъ доказательство своего вниманія къ нимъ. Высшее духовенство, въ 1725 году, энергически протестовало противъ указа о налогѣ въ одну пятидесятую, ссылаясь на то, что церковныя владѣнія по существу своему не подлежатъ обложенію и что во всѣ времена церковь приходила на помощь государству только добровольными пожертвованіями [6]. Кардиналъ Флери въ декларації, съ которой не разъ впродолженіи столѣтія, могли поздравить себя епископы, рѣшилъ, что, такъ какъ имущества духовенства «посвящены Богу и стоятъ внѣ мірскихъ дѣлъ», то никакимъ налогамъ они никогда подлежать не будутъ [7].

Ободренные благорасположеніемъ министра, епископы

[1]. Barbier, I, 431.

[2]. Избранный въ папы въ іюнѣ мѣсяцѣ 1724 г.

[3]. Marais, III, 174. Разъясненія эти были напечатаны и затѣмъ запрещены постановленіемъ совѣта 2 іюня 1725 г.

[4]. La Palatine, II, 165.

[5]. Онъ былъ назначенъ сначала кардиналомъ сверхштатнымъ (in petto), а затѣмъ уже штатнымъ.

[6]. Marais, III, 197.

[7]. Декларація 8 октября 1726 г. Isambert, XXI, 301, 303.

не преминули испытать его рвеніе къ буллѣ. Въ ноябрѣ 1726 г., они обратились къ Людовику XV съ письмомъ, прося его, чтобы онъ снялъ съ нихъ запрещеніе писать о буллѣ, указывая ему на «множество зловредныхъ сочиненій», которыя «прямо нападали» на апостольскія учрежденія, и убѣждая его употребить *всю свою власть*, чтобы обуздать распущенность, царящую, говорили они, болѣе чѣмъ когда либо, въ католическомъ мірѣ [1]. Не уступая вполнѣ желаніямъ епископовъ, министръ тѣмъ не менѣе доказалъ до какой степени онъ сочувствуетъ имъ. О. Соанемъ, членъ Ораторіи, епископъ сенезскій,—уже восьмидесятилѣтній старикъ, написавшій пастырское наставленіе [2], въ которомъ онъ поносилъ буллу, и возобновившій свою аппеляцію, поданную имъ въ генеральный совѣтъ,—былъ, по распоряженію Флёри, судимъ провинціальнымъ соборомъ въ Эмбрёнѣ, отрѣщенъ отъ должности и заточенъ въ аббатство [3]. Съ самого возникновенія раздоровъ еще ни разу не было поступлено такъ строго съ епископомъ, и такому необычайному наказанію подверглось духовное лицо, пользовавшееся всеобщимъ уваженіемъ, блестящій проповѣдникъ, жившій въ своей епархіи «по примѣру апостоловъ» и раздававшій все свое имущество бѣднымъ. Гнусныя оскорбленія еще усиливали жестокость суда, въ которомъ не были даже соблюдены формы законности. Самыя имена судей позорили приговоръ. «Бичъ честныхъ людей, продажный, порочный, дурной гражданинъ, всѣми осмѣиваемый и презираемый», такъ описывалъ нѣсколько лѣтъ спустя маркизъ д'Аржансонъ аббата де Тенсенъ, архіепископа эмбрёнскаго, бывшаго предсѣдателемъ собранія, на которомъ былъ осужденъ уважаемый епископъ сенезскій [4].

[1]. Протоколы общаго собранія духовенства, VII, 788—760.

[2]. Въ февралѣ 1727 г.

[3]. Октябрь 1727 г. Этотъ провинціальный соборъ былъ созванъ, по письму короля отъ 24 мая, на 15 іюня слѣдующаго года.

[4]. Barbier, II, 19, 21, 22.—Marais, III, 244—254; *Journal et*

Этотъ строгій поступокъ моментально пробудилъ снова всю горячность споровъ. Появилось множество пасквилей на эмбрёнское собраніе [1]. Кардиналъ де Ноайль и съ нимъ двѣнадцать епископовъ заявили въ письмѣ къ королю свой протестъ [2]. Епископъ кастрскій написалъ о. Соанемъ, *что приговоръ этотъ покрывалъ его славой, а враговъ его вѣчнымъ позоромъ* [3]. Этотъ соборъ, который аббатъ Тенсенъ осмѣлился сравнить въ одной публичной рѣчи съ выносомъ Св. Даровъ, былъ названъ янсенистами «незаконнымъ консиліабуломъ и разбоемъ [4]». Пятьдесятъ адвокатовъ парламента взялись защищать осужденнаго прелата и подписали консультацію, въ которой они вопреки декларацiи 1720 г. устанавливали право аппеляціи будущему собору, и признавали эмбренское собраніе недѣйствительнымъ [5]. Министерство пустило въ ходъ всѣ средства, чтобы воспрепятствовать опубликованію этого документа. Начальникъ полиціи Геро, соблазненный обѣщаніемъ пенсіона въ шесть тысячъ ливровъ и вообще пре-

mémoires du marquis d'Argenson, II, 50. Аббатъ де-Тенсенъ умеръ кардиналомъ и архіепископомъ ліонскимъ 8 марта 1758 г.

1. Barbier, II, 21. По поводу этого собранія сочинена была слѣдующая пѣсенка:

«Est-ce un concile, est-ce un sabbat,
Cette noire assemblée,
Qui contre le plus saint prélat
Est si fort déchaînée?
On n'y garde point les canons,
La faridondaine, la faridondon;
C'est un concile, à ce qu'on dit,
Biribi,
A la façon de Barbari,
Mon ami».

2. Въ этомъ письмѣ они не говорили ни о догматѣ, ни объ Unigenitus, и жаловались только на условія, при которыхъ происходилъ этотъ соборъ.

3. Оноре Кикеранъ де Божё. Marais, III, 495.

4. Marais, III, 245.

5. Эта консультація была составлена 30 октября 1727 г.

данный сторонникъ партіи іезуитовъ [1], запретилъ книгопродавцамъ *подъ страхомъ смерти* печатать ее [2]. Консультація появилась несмотря на запрещеніе полиціи, неудача которой послужила поводомъ для осмѣянія правительства въ лицѣ ея и ея агентовъ [3]. Въ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ разошлось четыре изданія этой консультаціи. «Мостовыя кишатъ ими», пишетъ одинъ современникъ [4]. Высшее духовенство громко жаловалось на то, что «свѣтскіе люди ставятъ себя судьями судей въ дѣлахъ вѣры», и требовало строгой кары адвокатовъ [5]. Правительство признало за лучшее затушить дѣло, и, не смотря на то, что римскій дворъ осудилъ консультацію и запретилъ читать ее подъ страхомъ отлученія отъ церкви [6], оно ограничилось тѣмъ, что воспретило ее постановленіемъ Совѣта [7].

Еще не закончился этотъ инцидентъ, какъ произошелъ другой, произведшій не меньшую сенсацію. Распространился слухъ, что кардиналъ де Ноайль, желая передъ

[1]. Геро былъ сдѣланъ начальникомъ полиціи въ августѣ 1725 г. Марэ писалъ по этому поводу: «Это человѣкъ очень преданный іезуитамъ, у него дядя іезуитъ; въ Турѣ (гдѣ онъ былъ интендантомъ) онъ хотѣлъ заставить Сенъ-Гатіенскій капитулъ принять буллу, захвативъ его врасплохъ, чему имѣются печатные протоколы». Marais, III, 216.

[2]. Barbier, II, 24.

[3]. Появилась пѣсенка:

Hérault, la terreur des écrits,
En guettait un de friande capture.
Il l'a trouvé, on le dit, on l'assure,
Entre les mains de tout Paris.

[4]. Marais, III, 527.

[5]. «Кардиналъ де Бисси хотѣлъ предать все огню и мечу, но его совѣту не послѣдовали». Marais, III, 529.

[6]. Marais, III, 561.

[7]. Постановленіе госуд. сов. отъ 3 іюля 1723, воспрещающее печатное произведеніе in 4°, въ 112 стр., озаглавленное: *Consultation de MM. les avocats du Parlament de Paris au sujet du jugement rendu a Embrun contre M. l'evéque de Senez.*

смертью заслужить благоволеніе папы и короля [1], намѣревается отречься отъ всего своего прошлаго образа дѣйствій и безусловно присоединиться къ буллѣ. Янсенисты взволновались; между ними были такіе, которые даже не обѣдали въ тотъ день, когда распространилось это извѣстіе [2]. Кардиналу стали указывать на весь позоръ такого отступничества. Были вывѣшены объявленія, въ которыхъ обѣщали награду въ сто тысячъ экю тому, кто найдетъ потерянную честь архіепископа [3]. Тридцать парижскихъ священниковъ обратились къ нему съ запиской, въ которой они заранѣе протестовали противъ этого присоединенія. Уже годъ тому назадъ кардиналу де Ноайль было представлено подобное же прошеніе, подписанное двадцатью тремя священниками Парижа, ста сорока священниками его епархіи и болѣе чѣмъ четырьмя стами другихъ духовныхъ лицъ. Государственный Совѣтъ запретилъ эту записку [4], какъ онъ запретилъ и прошеніе [5]. Священники обратились съ *представленіями* къ королю по поводу этого запрещенія. Онѣ были также запрещены [6]. «Такой необычный шагъ, со стороны парижскихъ священниковъ, говорилось въ постановленіи Государственнаго Совѣта,

[1]. Онъ родился въ 1651 г. и слѣдовательно въ то время ему было семьдесятъ шесть лѣтъ.

[2]. Barbier, II, 42.

[3]. Marais, III, 552.

[4]. Постановленіе госуд. сов. отъ 14 іюня 1727 г., воспрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Mémoire présenté par trente curés de la ville de Paris à S. Em. Mgr. le cardinal de Noailles, leur archevêque, au sujet du bruit qui s'était répandu d'une prochaine acceptation de la bulle* Unigenitus.

[5]. Постановленіе госуд. сов. отъ 18 мая 1726 г., воспрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Requête à S. Em. Mgr le cardinal de Noailles, archevêque de Paris.*

[6]. Постановленіе госуд. сов. отъ 11 октября 1727 г., воспрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Les très-humbles remontrances des curés de la ville de Paris, qui ont presenté un mémoire à S. Em. Mgr le cardinal de Noailles, lequel a été supprimé par arrêt du Conseil d'Etat du Roi, en date du 14 juin de la présente année 1727.*

указываетъ на распространеніе среди нихъ духа независимости и возмущенія», который непремѣнно долженъ быть подавленъ и который проявляется не только въ данномъ отказѣ принять буллу, но и въ неповиновеніи приговору, данному именемъ короля. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что между ними существуетъ «нѣчто подобное лигѣ, преступающей государственные законы [1]». Онъ служитъ также выраженіемъ притязаній со стороны низшаго духовенства образовать въ королевствѣ независимое сословіе, которое имѣло бы право «обращаться къ королю съ представленіями,—притязанія, противныя, какъ церковной дисциплинѣ, такъ и общественному порядку [2]».

Распространившійся слухъ оказался вѣрнымъ. Уступая настояніямъ министровъ, кардиналъ де Ноайль допустилъ вынудить у себя посланіе, въ которомъ онъ заявлялъ о своей безусловной покорности св. престолу, принималъ безъ всякихъ оговорокъ буллу и отрекался отъ всего, что имъ было написано противъ ея принятія [3]. Такъ какъ священники отказались читать это посланіе въ церквахъ, то оно было прибито къ дверямъ церквей. Изъ страха безпорядковъ это было сдѣлано рано утромъ [4]. Людей, которые прибивали ихъ, сопровождали стрѣлки, триста человѣкъ которыхъ цѣлый день бродило по Парижу. Ночью всѣ вывѣшенныя посланія были изорваны, а нѣкоторыя закиданы грязью [5].

[1]. Такое же обвиненіе выставлялось и противъ священниковъ въ постановленіи 14 іюня относительно ихъ *Мемуара*. Священники въ своихъ представленіяхъ жаловались на эту инсинуацію и приводили, по этому поводу, слѣдующую цитату изъ Тертулліана: *Cùm probi, cùm boni, cùm casti, cùm pii congregantur, non est factio dicenda, sed curia.*—«Цитата чрезвычайно удачная», замѣчаетъ Марэ.

2. Marais, III, 255, приписываетъ редакцію этого постановленія канцлеру д'Агессо.

3. Бенедиктъ XIII еще въ январѣ 1725 г. убѣждалъ кардинала Ноайля принять буллу безъ оговорокъ. Marais, III, 139.

4. 23 октября 1728 г., въ шесть часовъ утра.

5. Barbier, II, 54—57. «На объявленіе, вывѣшенное на углу

Былъ октябрь 1728 г. Въ два года янсенистская оппозиція сдѣлала значительные успѣхи. Исключая епископовъ, изъ которыхъ только восемь не присоединились къ «Конституціи [1]», и придворныхъ аббатовъ, «которые домогались милостей», все низшее духовенство, большая часть парижскихъ буржуа, судебнаго сословія, третьяго сословія, народа,—«все было страшно озлоблено противъ іезуитовъ и не спускало имъ ничего [2]». Даже женщины всѣхъ положеній, до горничныхъ включительно, принимали участіе въ борьбѣ, «готовыя идти подъ топоръ» [3] и выказывая тѣмъ большую горячность, что онѣ не понимали въ чемъ дѣло. Не для одного только простого народа булла была китайскою грамотою. Можно сказать, что вообще никто ничего не понималъ въ тѣхъ догматическихъ вопросахъ, которые въ ней излагались. Изъ пятидесяти адвокатовъ, подписавшихъ консультацію, только пять или шесть человѣкъ понимали въ этомъ что нибудь [4]. Но достаточно того, что булла была знаменемъ ультрамонтановъ, чтобы истинные янсенисты, галликане, однимъ словомъ всѣ враги Рима соединились для борьбы съ нею, увлекая за собою всякаго рода недовольныхъ и тѣхъ, кто по самому своему характеру любили безпорядки и искали новизны. Во всѣ времена ряды оппозиціи власти всегда набираются однимъ и тѣмъ же путемъ.

Это состояніе умовъ объясняетъ, какимъ образомъ могло безнаказанно циркулировать такое множество анонимныхъ брошюръ и памфлетовъ. Всякій считалъ бы для себя позоромъ выдать имя автора или типографщика. Только при такомъ всеобщемъ участіи въ заговорѣ и была возможна распродажа оппозиціоннаго изданія вро-

улицы Сенъ-Северенъ, говоритъ Барбье, имѣли дерзость наклеить среди бѣла дня (23 октября) бумажку съ надписью: *Истинные христіане не примутъ буллы, не взирая ни на какія преслѣдованія*».

[1]. Marais, III, 546.

[2]. Barbier, II, 21.

[3]. Barbier, II, 28, 29.

[4]. Barbier, II, 31.

дѣ газеты *Nouvelles ecclésiastiques*, которая втеченіи многихъ лѣтъ укрывалась отъ самыхъ тщательныхъ полицейскихъ розысковъ и печатаніе которой такъ и не удалось прекратить [1]. Кардиналъ Флери думалъ, что онъ можетъ остановить все возрастающее распространеніе такихъ изданій усиленіемъ мѣръ строгости. 10 мая 1728 г. онъ издалъ декларацію, на основаніи которой всякій типографщикъ, уличенный въ напечатаніи «записокъ, писемъ, духовныхъ извѣстій или другихъ сочиненій», касающихся предмета распри и, въ особенности, «противныхъ буллamъ, принятымъ въ королевствѣ, и подрывающихъ уваженіе, подобающее Нашему Святому Отцу Папѣ, епископамъ и королевской власти», будетъ приговоренъ, на первый разъ, къ позорному столбу, а въ случаѣ повторенія къ ссылкѣ на галеры [2]. Подобными же наказаніями угрожали и разносчикамъ газетъ; авторы

1. Barbier, II, стр. 211. Барбье описываетъ любопытные пріемы, къ которымъ прибѣгали редакторы этихъ листковъ, чтобы обманывать полицію. Первый листокъ появился 23 февраля 1728 г. (Marais, III, 522). См. въ *Comptes rendus de l'Académie des sciences morales et politiques* разборъ чрезвычайно интересныхъ писемъ, которыми обмѣнялись въ 1733 г. кардиналъ Флери и Ролленъ, прочитанныхъ 6 окт. 1877 г. въ академіи г. Жиро, и которыя показываютъ къ какимъ средствамъ прибѣгала полиція, чтобы накрывать типографщиковъ *Nouvelles ecclésiastiques* или даже просто лицъ, имѣющихъ у себя это изданіе. Ролленъ пишетъ, что въ его домѣ обыскивали даже колодцы.

2. См. объ этой декларації у Isambert, XXI, стр. 312—315. Уже въ февралѣ 1727 г. указомъ совѣта объявлено было, что книгопродавцы и типографы, осмѣлившіеся публиковать что либо безъ разрѣшенія, будутъ лишены права продолжать свою профессію, а ихъ типографіи и магазины будутъ закрыты и сами они подвергнутся штрафу въ 3.000 ливр. Для поощренія доносовъ, половина штрафа обѣщана была тому, кто укажетъ на нарушителя указа (Isambert, *ibid.*, стр. 304—305). Въ томъ же году приставленъ былъ для надзора за книжной торговлей «весьма преданный іезуитамъ» аббатъ, подъ начальствомъ хранителя печати. «Свобода печати будетъ стѣснена болѣе, чѣмъ когда либо», говоритъ по этому поводу Марэ (III, стр. 241).

же осуждались на изгнаніе, временное или пожизненное. Въ этой же декларації напоминались всѣ указы о книжной торговлѣ, появившіеся со времени Генриха II, изъ которыхъ иные были не только строги, но прямо жестоки, при чемъ приводился только годъ и время ихъ появленія, но не объяснялось ихъ содержаніе. тѣмъ не менѣе можно было думать, что правительство, въ случаѣ нужды, пуститъ въ ходъ и это оружіе.

Министерство въ началѣ, казалось, строго слѣдило за исполненіемъ этого указа. Оно свирѣпствовало надъ типографщиками [1]. Въ Парижѣ и въ провинціи нѣсколько разносчиковъ газетъ были выставлены къ позорному столбу. Но наказанія не привели ни къ чему. Въ Руанѣ народъ, собравшійся вокругъ столба, къ которому привязанъ былъ разносчикъ, кричалъ, что это мученикъ, и нѣсколько священниковъ собирались даже совершить тутъ же молебствіе [2]. Всѣ преслѣдованія полиціи были совершенно безуспѣшны; напрасно старалась она внезапно врываться въ типографіи, которыя по закону должны были запираться только простою задвижкою и изъ которыхъ не позволялось имѣть второго выхода. Несмотря на все это, существованіе безчисленнаго множества тайныхъ типографій продолжалось. Онѣ устраивались въ заднихъ комнатахъ магазиновъ, на чердакахъ, въ погребахъ. Если въ Парижѣ бдительность была слишкомъ сильна, то печатали въ провинціи, если же и тамъ становилось опасно, то печатали заграницей, и книги тайно привозились назадъ. Всѣ духовныя и свѣтскія общины и корпораціи имѣли свои тайныя типографіи. Многія частныя лица имѣли типографскіе станки и печатали сами [3].

[1]. Marais, II, стр. 253, 420.

[2]. Id., IV, стр. 110.

[3]. Все вышеразсказанное является результатомъ февральскаго регламента 1723 г., указа совѣта 8 февраля 1727 г., декларації 10 мая 1728 г. и указовъ совѣта 29 мая и 22 декабря 1729 г., изданныхъ противъ типографовъ и разносчиковъ.

Двѣ брошюры, осужденныя парламентомъ 8 марта 1729 г. на сожженіе, показываютъ до какихъ крайностей дошли обѣ партіи. Въ одной изъ нихъ требовалось ни болѣе ни менѣе какъ повторенія Варфоломеевской ночи противъ янсенистовъ; въ другой обращались къ полномочнымъ министрамъ, собравшимся тогда въ Суассонѣ для обсужденія обще-европейскихъ дѣлъ, и жаловались на іезуитовъ и ихъ ученіе, требуя противъ нихъ помощи иностранныхъ державъ [1]. За два дня до объявленія парламентомъ этого постановленія, вышло распоряженіе кардинала де Ноайля о возвращеніи іезуитамъ права исповѣди и проповѣди, котораго они были лишены еще въ самомъ началѣ регентства. Это было послѣднимъ актомъ архіепископа, такъ какъ вскорѣ послѣ этого онъ умеръ [2]. Несмотря на частыя перемѣны мнѣній, исторія которыхъ, говорили тогда, составила бы книгу не меньше исторіи покойнаго Боссюета [3], но которыя объяснялись отчасти его природною робостью, онъ заслужилъ всеобщее расположеніе своими добродѣтелями [4]. Преемникъ его, Вентимилль, далеко не пользовался такимъ уваженіемъ. Особенно ставили ему въ вину его невоздержность въ пищѣ. Въ самый день назначенія его архіепископомъ прибита была къ дверямъ его дворца надпись, гласившая, что св. Антоній (такъ звали кардинала де Ноайля) умеръ *и оставилъ послѣ себя свою свинью* [5].

Новый архіепископъ, прозванный въ пѣсенкахъ *тол-*

[1]. Постановленіе парламента 8 марта 1729 г., осуждающее на сожженіе двѣ брошюры, одну подъ заглавіемъ: Réfutation de l'opinion de plusieurs catholiques de France qu'on peut toujours communiquer licitement, quant au spirituel, avec les ennemis de la Constitution *Unigenitus,* и другую подъ заглавіемъ: A Nosseigneurs les plénipotentiaires du Congrès assemblés à Soissons, en leur adressant la dénonciation des Jésuites et de leur doctrine.

[2]. 4 мая 1729 г.

[3]. Письмо президента Буйе къ Марэ, май 1729 г. Marais, IV, 30.

[4]. Marais. IV, 25, 26.—Saint-Simon, *passim.*

[5]. Barbier. II, 22.

seigneur Ventremille[1], показалъ себя очень преданнымъ буллѣ. На большомъ обѣдѣ, данномъ имъ духовнымъ лицамъ капитула, онъ предложилъ имъ доказать ему свое усердіе, принявъ буллу «безусловно» *(purement et simplement)*. Изъ двадцати девяти собравшихся у него духовныхъ лицъ двадцать пять подписали свое согласіе [2]. Но онъ не встрѣтилъ болѣе подобной покорности между духовенствомъ своей епархіи и попробовалъ вынудить ее строгими мѣрами. Вскорѣ въ Парижѣ насчитывалось до трехъ сотъ запрещенныхъ священниковъ [3]. Правительство, съ своей стороны, ссылало множество викаріевъ и священниковъ изъ тѣхъ приходовъ, которые не хотѣли подчиняться буллѣ [4]. Въ то же время оно принуждало Сорбонну внести буллу въ свои регистры, прибѣгнувъ для этого къ lettre de cachet, лишенію права голоса и даже жалованья сорока восьми докторовъ, которые этому противились [5]. Съ тѣхъ поръ Сорбонна и получила въ обществѣ насмѣшливое прозвище *carcasse*. Все это являлось источникомъ новыхъ волненій. Церкви перестали пользоваться уваженіемъ. Въ нихъ стали публично препираться изъ за буллы, причемъ громко называли другъ друга еретиками и отступниками [6]; однажды простой ремесленникъ остановилъ священника во время проповѣди. Дошло до того, что однажды самъ парижскій архіепископъ былъ оскорбленъ на улицѣ [7].

Волненіе умовъ еще усилилось подъ вліяніемъ слѣдующаго поступка римскаго двора. Бенедиктъ XIII захотѣлъ измѣнить въ служебникѣ описаніе житія Григорія VII. Онъ помѣстилъ туда пѣснь, восхваляющую этого папу за то, что онъ отлучилъ отъ церкви императора и освободилъ его

1. Marais, IV, 195.
2. Barbier, II, 80 (сентябрь 1729 г.).
3. Marais, IV, 124.
4. Barbier, II, 84.
5. Barbier, II, 83—84 (ноябрь 1729 г.).
6. Marais, IV, 39, 66, 75.
7. Barbier, II, 71.—Marais, IV, 75.

подданыхъ отъ ихъ присяги ему, какъ за лучшій и славнѣйшій поступокъ всего времени его папства, и прибавилъ къ этой пѣсни молитву о томъ, чтобы Богъ далъ преемникамъ Григорія VII силу слѣдовать такому славному примѣру. Бенедиктъ XIII доказывалъ этимъ поступкомъ, что опасенія, которыя возбудилъ, при появленіи буллы, девяносто первый параграфъ ея объ отлученіи, имѣли полное основаніе [1]. «Умыселъ римскаго двора видѣнъ, наконецъ, явно», говорили вездѣ и янсенисты не безъ причины видѣли въ своихъ врагахъ враговъ государства [2]. Партія ультрамонтановъ, которая имѣла въ Парижѣ свое *бюро* у мадамъ Тансенъ,—не менѣе презираемой, чѣмъ ея братъ, архіепископъ эмбренскій [3],—позаботилась напечатать пѣснь и молитву и распространить

[1]. Говорили даже, что булла въ которой осуждалось сто одно положеніе, только и была написана ради девяносто перваго параграфа и что онъ то и былъ причиною образа дѣйствій римскаго двора по поводу буллы съ 1713 г. Barbier, II, 116.—Этотъ девяносто первый параграфъ, на который снова обратили вниманіе по поводу эпизода о Григоріѣ VII, съ тѣхъ поръ сталъ часто упоминаться въ разговорахъ. Архіепископъ парижскій, бывши однажды съ визитомъ у одной дамы, сказалъ ей, когда она хотѣла его провожать, что, если она это сдѣлаетъ, онъ отлучитъ ее отъ церкви: «Страхъ несправедливаго отлученія отъ церкви не можетъ помѣшать мнѣ исполнить свой долгъ», отвѣтила она и архіепископъ былъ удивленъ, такому удачному примѣненію фразы о. Кенеля.—Marais, IV, 75.

[2]. Marais, IV, 58.

[3]. Marais, III, 568, IV, 137. Марэ говоритъ, что м-мъ де Тенсенъ могла бы не безъ основанія называться *папессой Іоанной*. Во время эмбренскаго собора она играла довольно значительную роль и не была забыта въ распространявшихся по этому дѣлу сатирахъ, что доказывается слѣдующей пѣсенкой (Marais, III, 495):

«Te passerai-je sous silence
Soeur de Tencin?
Monstre enrichi par l'impudence
Et le larcin,
Vestale peu rebelle aut lois
De Cythérée,
Combien méritas-tu de fois
D'être vive enterrée»?

ее въ публикѣ. Парламентъ, принимая на себя выраженіе всеобщаго чувства, приказалъ запретить эти листки. «Невозможно было допустить, говорилъ королевскій адвокатъ, чтобы ради этого предполагаемаго прибавленія къ римскому служебнику, давали народу читать вещи, клонящіяся къ ниспроверженію святыхъ и ненарушимаго принципа привязанности подданнаго къ своему монарху» [1]. Римскій дворъ отвѣтилъ на это папской грамотой, предписывавшей всей католической церкви принять новую пѣснь и отвергающей всѣ рѣшенія свѣтскихъ властей *и даже монарховъ*, пытающихся этому воспротивиться [2]. Парламентъ удовольствовался тѣмъ, что запретилъ распространеніе этой грамоты, какъ уже запретилъ пѣснь, «хотя по справедливости, замѣчаетъ Барбье, грамота эта заслуживала сожженія [3]».

Всѣ эти крайности ультрамонтанскаго ученія не могли не сопровождаться подобными же крайностями со стороны янсенистской партіи. Въ тотъ же день, когда парламентъ высказался противъ папской грамоты, онъ присудилъ къ сожженію *Возраженія* архіепископу парижскому по поводу изданнаго имъ указа о буллѣ. Въ этихъ *Возраженіяхъ*, представленныхъ на этотъ разъ не только отъ имени духовенства, но отъ имени всѣхъ вѣрующихъ епархіи, говорилось, что есть обстоятельства, «при которыхъ пастырь долженъ слушаться своей паствы», что когда папа и епископы попираютъ истину, то защищать ее становится обязанностью вѣрующихъ и, наконецъ, что если высшее духовенство впадаетъ въ ошибку и уклоняется отъ истин-

[1]. Постановленіе парламента 20 іюля 1729 г., запрещающее печатный листокъ, начинающійся словами: *25 мая, день св. Григорія VII, папы и исповѣдника.*

[2]. Постановленіе парламента отъ 23 февр. 1730 г., объявляющее противозаконными четыре грамоты или декрета римскаго двора по поводу «*Житія Григорія VII.* Три изъ этихъ грамотъ осуждали посланія епископовъ монпелльескаго, труаскаго и оксерскаго, въ которыхъ они высказывались противъ этого *Житія*».

[3]. Barbier, II, 91.

наго пути, то «учить, исправлять и *судить его долженъ самъ народъ* [1]». Это уже являлось не просто проявленіемъ оппозиціи, но выраженіемъ революціоннаго духа, проникающаго въ церковь. Еще нѣсколько лѣтъ и онъ проникнетъ въ государство.

Тогда Флери привелъ въ исполненіе мѣру, къ которой отреченіе кардинала де Ноайль и принудительныя дѣйствія, которымъ подверглась недавно Сорбонна, были только подготовленіемъ. 24 марта 1730 г. онъ обратился къ парламенту съ декларацією, въ которой *повелѣвалось* всему духовенству королевства принять буллу «безъ всякихъ оговорокъ». По тому волненію, которое вызвала эта декларація среди членовъ парламента, министръ могъ заранѣе видѣть, что она не будетъ внесена въ регистры. Онъ принудилъ ихъ къ этому королевскимъ засѣданіемъ, имѣвшимъ мѣсто 3 апрѣля въ самомъ парламентѣ. Присутствіе монарха не могло удержать всеобщаго ропота. Одинъ изъ совѣтниковъ громко заявилъ, что девяносто первый параграфъ буллы есть стремленіе вырвать скипетръ изъ рукъ короля и что невозможно принять декларацію, санкціонирующую такую гнусную попытку. Канцлеръ д'Агессо, подъ предсѣдательствомъ котораго была еще во время регентства внесена въ регистры декларація 4 августа 1720 г., былъ и на этотъ разъ исполнителемъ королевской воли и долженъ былъ перенести тяжелые упреки въ томъ, что онъ отрекся отъ принциповъ, за которые стоялъ при Людовикѣ XIV.

Одинъ ярый янсенистъ, аббатъ Пюселль [2], кинулъ ему въ лицо слова поэта: *Quantum mutatus ab illo!* Кардиналъ Флери, наблюдавшій за подробностями этой сцены со сво-

[1]. Постановленіе парламента 23 февраля 1730 г., присуждающее къ сожженію брошюру подъ заглавіемъ: *Возраженія вѣрующихъ парижской епархіи монсиньору своему архіепископу по поводу его приказа 29 сентября 1729 г.*

[2]. Этотъ членъ парламента, одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей первой половины XVIII столѣтія, умъ и честность котораго восхваляетъ Сенъ-Симонъ, умеръ 7 января 1745 г.

его мѣста около иностранныхъ пословъ, долженъ былъ убѣдиться, что поставилъ короля въ непріятное положеніе. Когда Людовикъ XV вышелъ, то замѣчено было, какъ и послѣ королевскаго засѣданія 1725 г., что во дворѣ дворца и на всемъ остальнымъ пути его встрѣчало глубокое молчаніе. На другой день парламентъ собрался для совѣщанія по поводу всего происшедшаго. Король прислалъ имъ запрещеніе толковать «прямо или косвенно» о декларации. Парламентъ протестовалъ противъ этого запрещенія. Аббатъ Пюселль осмѣлился сказать, что должное монарху уваженіе состоитъ иногда въ томъ, чтобы не слушаться его приказаній. Король грозилъ членамъ парламента своимъ гнѣвомъ и даже возбуждался вопросъ о ссылкѣ парламента въ Амбуазъ. Парламентъ уступилъ [1].

Все общество, не менѣе парламента, было взволновано этой декларацией. На стѣнахъ внутри дворца вывѣшены были плакарды, въ которыхъ обращались къ св. Женевьевѣ, прося ее избавить Парижъ отъ буллы, какъ она избавила его однажды отъ Атиллы [2]. На другихъ плакардахъ, расклеенныхъ на стѣнахъ Тюльери, писали: «да здравствуетъ король, и да погибнетъ булла и тѣ, кто ее поддерживаетъ [3]»! Въ то время какъ наиболѣе страстные приверженцы янсенисткой партіи выражали такимъ образомъ свое неудовольствіе, въ другой части общества начинали разсуждать о принципахъ, на основаніи которыхъ должны быть опредѣлены отношенія королевской власти къ парламенту. Доказательствомъ этому можетъ служить сочиненіе запрещенное парламентомъ въ слѣдующемъ октябрѣ [4]. Это

[1]. Barbier, II, 104—124 (апрѣль-май 1750 г.). «Такимъ образомъ, говоритъ Барбье, окончилась исторія декларации къ большому неудовольствію общества, видѣвшаго, что дворъ можетъ посредствомъ приказа объ арестѣ и угрозами заставить молчать совѣтниковъ парламента и дѣлать все, что ему угодно.

[2]. Marais, IV, 119.

[3]. Barbier, II, 110.

[4]. Указъ государственнаго совѣта 30 октября 1730, запрещаю-

была консультація сорока адвокатовъ въ защиту священниковъ различныхъ епархій, аппелировавшихъ въ парламентъ на запрещенія своихъ епископовъ. Въ ней поддерживалось право низшаго духовенства искать у парламента защиты противъ своего духовнаго начальства; но въ то же время въ ней затрогивались вопросы и совершенно иного рода, на что ясно указываютъ приведенныя въ указѣ соображенія. По заключенію Государственнаго Совѣта она содержала въ себѣ нападки на главные основные принципы государственнаго правленія во Франціи и стремленіе подорвать въ народѣ уваженіе «къ этой высшей власти, которая, сосредоточиваясь всецѣло въ лицѣ одного государя, составляетъ существенную черту монархическаго правленія».

«Авторы консультаціи, говорится далѣе, осмѣливаются утверждать, что, *согласно постановленіямъ государства, парламенты представляютъ собою сенатъ націи* [1]. Они доходятъ до того, что имѣютъ непростительную дерзость придавать королю значеніе только какъ *главѣ* націи, *сенатъ* которой *составляютъ парламенты*. Все, что касается администраціи суда, они возлагаютъ на самую націю, на то, что они называютъ ея *верховнымъ судилищемъ*, на постановленія, *дѣлаемыя по ея желанію собраніемъ штатовъ*, которымъ они придаютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ тѣмъ, которые сдѣланы были безъ его вѣдома. Члены парламента и всѣ, кто имѣетъ право засѣдать въ немъ, называются *самодержавными блюстителями законовъ государства*, къ нимъ примѣняютъ названія *сенаторовъ, патриціевъ, тронныхъ засѣдателей въ администраціи суда* и прибавляютъ,

щее сочиненіе подъ заглавіемъ *Mémoire pour les sieurs Samson, curé d'Orlans, Cauët, curé de Darvoi, Gaucher, chanoine de Jargeau, diocèse d'Orléans, et autres ecclésiastiques de différents diocèses, appelant comme d'abus contre M. l'évêque d'Orleans et au tres archevêques et évêques de différens diocèses, intimés. Sur l'effet des arrêts des Parlemants, tant provsoirs que définitifs, en matière d'appel comme d'abus des censures ecclésiastiques.*

[1] Слова, напечатанныя здѣсь курсивомъ, подчеркнуты въ указѣ.

что *никто не можетъ быть судьею ихъ постановленій*, не исключая изъ общаго положенія и его величества... Въ ней говорится *объ общественной власти*, о правѣ *самодержавнаго суда парламентовъ*, какъ *представителей этой власти, надъ всѣми членами государства*, совершенно умалчивая о томъ, что король есть единственный ея источникъ. Въ ней осмѣливаются утверждать, какъ общее правило, что *законы суть соглашенія между правительствомъ и управляемыми*, правило, которое и въ республикѣ не было бы одобрено и совершенно не можетъ быть терпимо въ монархіи, такъ какъ оно лишаетъ государя самаго священнаго его права законодателя, заставляетъ его относиться къ своимъ подданнымъ, какъ равный къ равному, по договору, и принуждаетъ его подчиняться законамъ тѣхъ, кому онъ долженъ ихъ давать. Слѣдствіемъ того духа, которымъ проникнуто все это произведеніе, является такое же неуваженіе къ церкви, какъ и къ королю, и принципы, высказываемые въ ней, клонятся къ возмущенію народа противъ всякой власти [1]».

Поставленные въ необходимость отречься отъ этой консультаціи подъ страхомъ отрѣшенія отъ должностей, адвокаты ограничились тѣмъ, что сдѣлали къ запискѣ прибавленіе въ двадцать пять строкъ, въ которомъ они признавали, что *Франція есть монархическое государство и что верховная власть сосредоточивается всецѣло въ лицѣ одного короля* [2]. Вскорѣ за этимъ появился указъ Совѣта, снимающій съ нихъ обвиненіе въ возмущеніи [3]. Но тутъ къ политическому вопросу примѣшался вопросъ, касавшійся, правъ духовенства. Такъ какъ въ указѣ не было выражено неодобренія адвокатамъ за высказываемые ими принципы по этому вопросу и такъ какъ они въ послѣдней

[1]. Marais, IV, 76 говоритъ, что въ указѣ этомъ можно узнать «самодержавную руку г. канцлера (д'Агессо), его возвышенный образъ мыслей и достоинство его слога».

[2]. Barbier, II, 133.

[3]. Указъ государственнаго совѣта 25 ноября 1730 г., *изданный*

своей запискѣ снова объявляли, что церковнослужители могутъ быть судимы парламентомъ по аппеляціи на злоупотребленіе властью [1], то епископы подняли страшный шумъ [2]. Архіепископъ эмбренскій, лелѣявшій тогда надежду сдѣлаться кардиналомъ [3], напалъ на консультацію въ страстномъ посланіи, гдѣ онъ называлъ парламенты «химерическими трибуналами націи», сыпалъ на адвокатовъ обвиненія *въ возмущеніи, въ безбожіи, въ нравственной распущенности, въ святотатствѣ,* и называлъ ихъ *новыми чудовищами, дерзкими, опозорившими себя людьми* [4]. Епископъ лаонскій, въ маленькомъ, горбатомъ тѣлѣ котораго заключалась неукротимая душа и которому по словамъ современниковъ слѣдовало бы быть мушкетеромъ [5],—написалъ, съ своей стороны, пастырское внушеніе, гдѣ онъ говорилъ, что вѣра гаснетъ во Франціи и что пробудить ее

по поводу декларації, написанной сорока адвокатами парижскаго парламента вслѣдствіе указа 30 октября. При указѣ помѣщенъ текстъ декларації.

[1]. Извѣстно, что аппеляціей на злоупотребленіе (appel comme d'abus) называлась жалоба на духовнаго судью, на превышеніе имъ власти. Вотъ что сказано объ этомъ въ мемуарѣ *„Сорока адвокатовъ“:* «Мы считаемъ непреложнымъ закономъ, что служителя церкви должны подчиняться всѣмъ законамъ, исходящимъ отъ королевской власти, наравнѣ со всѣми другими сословіями государства; что данной имъ Христомъ и его церковью духовной власти подлежитъ только спасеніе душъ, власть же свѣтская дана имъ вашимъ величествомъ и они должны давать вамъ отчетъ въ употребленіи ея, а слѣдовательно и парламенту, который, какъ уполномоченный вами, можетъ, вслѣдствіе жалобъ на превышеніе власти, запретить все, чѣмъ нарушаются съ ихъ стороны законы и уставы королевства».

[2]. «Crièrent comme des aigles». D'Argenson, *Mémoires et Correspondance,* I, 71, 1859—1867. Paris.

[3]. Слухъ о томъ, что его сдѣлаютъ кардиналомъ, распространился еще въ августѣ 1728 г. Marais, IV, 58.

[4]. Эти выраженія были приведены парламентомъ въ постановленіи, изданномъ имъ противъ этого посланія. Cf. Barbier, II, 144

[5]. Marais, III, 53.—Barbier, II, 148. Этотъ прелатъ, по имени Жозефъ де Лафоръ, сдѣланъ былъ епископомъ въ декабрѣ 1723 г. Репутація его нравственности была довольно плоха.

вновь можно только, давъ епископамъ нѣкоторую долю общественной власти. Парламентъ запретилъ оба эти посланія [1]. Епископъ лаонскій, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, возбранилъ чтеніе касающагося его постановленія въ своей епархіи и приказалъ читать вездѣ обычныя молитвы противъ враговъ церкви [2]. Архіепископъ парижскій издалъ въ свою очередь инструкцію, въ которой онъ объявлялъ авторовъ консультаціи еретиками и утверждалъ, что епископы по божественному назначенію имѣютъ право на *принудительную власть*, вполнѣ независимую отъ свѣтской [3]. Наконецъ узнали, что посланная папѣ консультація была сожжена въ Римѣ [4].

Разграниченіе власти свѣтской и власти духовной или, какъ говорили тогда, *раздѣленіе двухъ властей*, сдѣлалось внезапно предметомъ споровъ во всѣхъ собраніяхъ и школахъ, и споры эти передавались въ печати. Распространилось убѣжденіе, что епископы хотятъ завладѣть правами въ ущербъ королевской власти [5]. Предвидя пламя, готовое вспыхнуть по поводу этихъ вопросовъ [6], парламентъ запретилъ, впредь до особаго распоряженія, распространеніе посланія архіепископа парижскаго [7]. Правитель-

[1]. Постановленіе парламента 29 января 1731 г., запрещающее два посланія, одно подъ заглавіемъ *Пастырское внушеніе*; другое,—*Посланіе монсиньора архіепископа эмбренскаго.*—Постановленіе парламента 20 февраля 1731 г. о принятіи жалобы генеральнаго королевскаго прокурора на превышеніе власти въ посланіи епископа лаонскаго.

[2]. Постановленіе парламента 2 марта 1731 г., запрещающее статью озаглавленную: *Пастырское посланіе епископа лаонскаго по поводу парламентскаго указа 20 февраля 1731 г.* Cf. Marais, IV, 213, 214.

[3]. Barbier, II, 146, 147.—Marais, IV, 206. Этотъ приказъ, изданный 10 января 1731 г., заключалъ въ себѣ 66 страницъ in 4°.

[4]. Marais, IV, 213. Cf. d'Argenson, I, 71. Епископы послали въ Римъ вмѣстѣ съ консультаціей указъ совѣта 25 ноября 1730 г.

[5]. Barbier, II, 187.

[6]. Это выраженіе было употреблено парламентомъ въ *представленіяхъ*, посланныхъ имъ королю.

[7]. Постановленіе парламента 5 марта 1731 г., о принятіи жалобы

ство приняло еще болѣе рѣшительныя мѣры. Указомъ Совѣта, 10 марта 1731 г., оно предписало абсолютное молчаніе по этому вопросу, предоставляя себѣ самому опредѣленіе правъ обѣихъ властей [1]. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, оно уничтожило дѣйствіе этой мѣры, разрѣшивъ архіепископу распространеніе своей инструкціи [2]. Авторы консультаціи (*les quarantes*, какъ ихъ называли) предположили, что министерство этимъ дѣйствіемъ заявляетъ, что присоединяется къ обвиненію ихъ въ ереси, и прекратили участіе въ судопроизводствѣ. Все сословіе адвокатовъ послѣдовало ихъ примѣру и засѣданія прекратились одновременно въ парламентѣ, въ Шателе, и въ верховномъ совѣтѣ [3]. Десять адвокатовъ вмѣстѣ съ старшиной были немедленно сосланы. Имъ, при выѣздѣ ихъ, сдѣлали овацію [4]. Волненіе умовъ было такъ сильно, что можно было ожидать возмущенія и оно чуть было не совершилось вслѣдствіе неосторожности одного аббата, осмѣлившагося въ дверяхъ первой палаты громко нападать на адвокатовъ и восхвалять архіепископа. Его сначала выслушали, потомъ бросились на него, смяли его, били и гнали такимъ образомъ до Дофинской площади, гдѣ народъ «расправился» съ нимъ, заставивъ его признаться, что адвокаты честные люди, а іезуиты мошенники [5].

генеральнаго королевскаго прокурора на превышеніе власти въ приказѣ и пастырскомъ внушеніи парижскаго архіепископа 10 января 1731 г.

[1]. Isambert, XXI, 354—356.

[2]. Постановленіемъ совѣта 30 іюля 1731 г., изданнымъ по поводу мемуара, посланнаго архіепископомъ королю противъ парламентскаго указа.

[3]. «Хотя Парижъ видимо недоволенъ этимъ прекращеніемъ суда, но онъ не жалуется на это». Marais, IV, 277, 279.

[4]. «Имъ сдѣлано было множество визитовъ, и нанесли со всѣхъ сторонъ денегъ, а также и тѣмъ тяжущимся, которые страдали отъ прекращенія правосудія». Marais, IV, 279.—Barbier, II, 186 (30 августа 1731).

[5]. Barbier, II, 185.—Marais, IV, 278. «Одинъ безумецъ можетъ погубить цѣлый городъ», писалъ по этому поводу Марэ.

Необычайныя явленія, происходившія тогда въ одномъ изъ уголковъ Парижа, еще болѣе усиливали всеобщее волненіе. Съ нѣкоторыхъ поръ толпы народа стали собираться на кладбищѣ Сенъ-Медаръ у могилы діакона Париса, яраго янсениста, который всю свою жизнь спалъ на голыхъ доскахъ, ѣлъ однѣ овощи, раздавалъ все свое имущество бѣднымъ и умеръ въ 1727 г., много разъ громко взывая о необходимости созванія собора [1]. На могилѣ его стали совершаться чудеса. Женщины, проходившія по тому мѣсту, гдѣ покоились останки блаженнаго, падали въ конвульсіяхъ, разслабленные выздоравливали и начинали ходить. Народъ при видѣ этого служилъ молебны. По его мнѣнію, Господь Богъ выражалъ этими знаками свое проклятіе буллѣ, Риму и епископамъ, и оппозиція противъ поддерживающихъ ихъ властей росла въ немъ сильнѣе и сильнѣе. Министерство безуспѣшно пыталось остановить это религіозное рвеніе. Одинъ священникъ, будучи свидѣтелемъ этого народнаго поклоненія, сказалъ громко: «стоитъ ли молиться за проклятаго Богомъ»,—его чуть было не убили. На улицахъ слышны были крики: *портретъ блаженнаго Париса;* напечатано было описаніе его жизни [2]. Все это было «непріятными обстоятельствами» для конституціонеровъ. Архіепископъ парижскій опровергалъ въ посланіи якобы совершавшіяся чудеса. Это не повело ни къ чему [3].

Въ Римѣ, декретомъ инквизиціи [4], приговорена была къ сожженію книга: *Жизнь Париса;* на площади противъ монастыря Минервы сложенъ былъ костеръ, книгу принесли связанную, какъ преступника, желѣзными цѣпями и, въ присутствіи собравшихся кардиналовъ, палачъ бросилъ ее въ пламя [5]. Извѣстіе объ этомъ вмѣстѣ съ экзем-

[1]. Barbier, II, 65.
[2]. Id., II, 167, 168.
[3]. Marais, IV, 262. Это посланіе написано было 24 іюля 1731 г.
[4]. 22 августа 1731 г.
[5]. Voltaire, *Histoire du Parlement,* 371.

плярами декрета распространилось во Франціи и только усилило общее возбужденіе и умножило чудеса [1].

Указъ Совѣта отъ 10 марта остался мертвой буквой. Епископъ лаонскій, *это погибшее чадо духовенства*, продолжалъ «неистовствовать» [2]. Въ то самое время, когда министерство ссылало адвокатовъ, онъ разразился самымъ оскорбительнымъ посланіемъ противъ парламента [3]. *Уничтожая, не уничтожишь, сжигая, только дѣлаешь кардиналовъ* [4],— рѣшили оскорбленные члены парламента и поэтому не уничтожили и не сожгли этого посланія, а постановили потребовать епископа на судъ собранія пэровъ, созванныхъ для этого въ парламентъ [5]. Министерство сочло за лучшее предотвратить этотъ скандалъ. Оно само воспретило посланіе указомъ совѣта, пригрозило прелату лишеніемъ дохода и отобрало назадъ данное ему право на печатаніе пастырскихъ поученій [6]. Когда, послѣ этого, парламентъ обратился съ представленіями къ королю по поводу послѣдняго приказа архіепископа парижскаго, монархъ отвѣтилъ, что онъ не потерпитъ никакой попытки со стороны духовенства ограничить его власть и не препятствуетъ своему парламенту употребить въ виду этого дан-

[1]. Marais, IV, 295, 303. Экземпляры декрета инквиціоннаго суда были уничтожены 28 сентября 1731 г. парламентомъ, не признававшимъ права публикаціи за актами этого трибунала.

[2]. Barbier, II, 188.

[3]. Это посланіе написано было 30 апрѣля 1731 г., но епископъ лаонскій опубликовалъ его только въ послѣднихъ числахъ августа. Marais, IV, 280.

[4]. Marais, IV, 280, 281.

[5]. Занимающій должность епископа лаонскаго считался вторымъ герцогомъ и духовнымъ пэромъ.

[6]. Постановленіе государств. совѣта 2 сентября 1731 г., запрещающее сочиненіе, озаглавленное: *Пастырское поученіе епископа лаонскаго, второго пэра Франціи, противъ реквизиторія Г. Жильберъ, генеральнаго адвоката.* Существовалъ обычай давать епископамъ, при вступленіи ихъ въ этотъ санъ, право на печатаніе всякихъ посланій, пастырскихъ писемъ и поученій для распространенія въ своей епархіи.

ную ему имъ власть въ примѣненіи законовъ [1]. Члены парламента сочли этотъ отвѣтъ за приказаніе и составили въ формѣ постановленія знаменитый указъ 7 сентября. Въ указѣ этомъ, составленномъ слово въ слово по старинным указамъ, они утверждали, что «свѣтская власть независима отъ всякой другой власти, что ей одной принадлежитъ право распоряжаться подданными короля и что служители церкви отвѣтственны передъ парламентомъ, подвластнымъ королю въ своихъ приговорахъ и рѣшеніяхъ [2]».

Высшее духовенство было крайне разсержено этимъ указомъ. Въ тотъ же вечеръ архіепископъ парижскій и еще нѣсколько прелатовъ поспѣшили въ Версаль «свернуть шею» кардиналу де Флери [3]. На слѣдующій день появился указъ Совѣта, кассирующій парламентское постановленіе, какъ «изданное вопреки волѣ короля и какъ попытка завладѣть принадлежащимъ его величеству правомъ, предписывать законы своимъ подданнымъ [4]»; кромѣ того, къ регистратору парламента явился судебный приставъ Совѣта и своей рукой вычеркнулъ указъ изъ регистровъ [5]. Хотя ни указъ совѣта, ни указъ парламента не были напечатаны, но рукописные списки ихъ тотчасъ разошлись въ публикѣ [6] и несомнѣнно произвели бы сильное волненіе, если бы наканунѣ не послѣдовало обычное закрытіе парламента на два мѣсяца [7]. Министерство, однакоже, въ видѣ предосторожности, распоря-

[1]. Marais, IV, 289.—Barbier, II, 193. Отвѣтъ короля послѣдовалъ 6 сентября.

[2]. Isambert, XXI, 366.

[3]. «Tourner la tête». Barbier, II, 194.

[4]. Isambert, XXI, 366, 367.

[5]. Barbier, II, 194, 195.

[6]. Marais, IV, 292, 293.

[7]. Парламентъ обыкновенно пользовался вакаціями отъ 7 сентября до 12 ноября. Засѣданія замѣнявшей его *вакаціонной палаты* (la chambre des vacations) продолжалось отъ 9 сентября по 27 октября.

дилось читать на улицахъ указъ, въ которомъ, возобновляя запрещеніе спорить о раздѣленіи властей, грозило судить какъ бунтовщика всякаго, кто возбудитъ снова споры о буллѣ, которая, было сказано «должна считаться совершенно покончennымъ дѣломъ [1]».

Если правительство и избѣгло возмущенія, то желаемаго молчанія оно всетаки не достигло. Вездѣ только и говорили, *о двухъ властяхъ*, такъ что можно было думать, пишетъ одинъ современникъ, что дѣйствительно двѣ равныя власти управляютъ государствомъ [2]. Архіепископъ эмбренскій, повиновившійся приказаніямъ короля не болѣе чѣмъ епископъ лаонскій, написалъ посланіе, въ которомъ объявлялъ весь составъ парламента еретиками. Когда по примѣру его собрата, его осудили указомъ Совѣта и лишили права печатать свои посланія, то онъ обошелъ это запрещеніе, издавъ *Письма* [4]; епископъ же лаонскій, у котораго «чесались руки» [5], издалъ *Размышленія* [6]. Желая прекратить всѣ эти волненія, кардиналъ Флери согласился на предложеніе произвести нечаянное и рѣшительное нападеніе на янсенистовъ. Предполагалось арестовать около

[1]. Это было постановленіе совѣта (Isambert, XXI, 365), составленное 5 сентября, но его прочли на улицахъ только 8-го вечеромъ. Всѣ покупали его, думая что это постановленіе парламента. Marais, IV, 290.

[2]. Marais, IV, 297.

[3]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 24 сентября 1731, запрещающее: *Посланіе архіепископа эмбренскаго противъ сочиненія, озаглавленнаго Постановленія парламента, и т. д.*

[4]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 9 декабря 1731 г., воспрещающее два письма, напечатанныя подъ заглавіемъ: *Письма архіепископа эмбренскаго къ кардиналу де Рогань.*

[5]. Marais, IV, 325.

[6]. Постановленіе государств. совѣта отъ 17 ноября 1741 г., запрещающее брошюру подъ заглавіемъ: *Размышленія епископа лаонскаго по поводу указа совѣта 2 сентября текущаго года.* Въ этомъ сочиненіи епископъ лаонскій имѣлъ смѣлость утверждать, что король только тогда можетъ судить епископа, когда тотъ сдѣлается государственнымъ преступникомъ.

тысячи четырехсотъ лицъ, придворныхъ, вельможъ, парижскихъ священниковъ, судей и частныхъ людей. Должны были также разрушить могилу Париса, но въ этомъ заключалось главное затрудненіе. Государственный канцлеръ [1], участвовавшій въ этомъ заговорѣ, объявилъ, что «за это онъ не берется». Начальникъ полиціи далъ наконецъ понять кардиналу опасность такого шага и этотъ планъ былъ оставленъ [2].

Наступалъ срокъ возобновленія сессіи парламента. Такъ какъ было извѣстно, что онъ рѣшилъ прежде всего заняться вопросомъ объ уничтоженіи своего послѣдняго постановленія, то всѣ ожидали интересныхъ событій (*á voir de belles choses*) [3]. Министерство, также ожидавшее этихъ событій, начало съ того, что прежде всего уладило дѣло съ адвокатами и вернуло сосланныхъ [4]. Парламенту же оно отправило въ первый же день его собранія lettre de cachet съ запрещеніемъ обсуждать то направленіе, которое было дано Совѣтомъ постановленію 7 сентября. Члены парламента, подозрѣвавшіе, что заключаетъ въ себѣ lettre de cachet, отказались выслушать его, и такъ какъ первый президентъ заявилъ, что нельзя приступать ни къ какимъ обсужденіямъ ранѣе чѣмъ будетъ прочитанъ королевскій приказъ, то они оставались нѣсколько часовъ, ничего не дѣлая, глядя другъ на друга и нюхая табакъ. На другой день они рѣшили прочитать приказъ вмѣстѣ съ другимъ письмомъ, присланнымъ имъ, которое, подтверждая содержаніе перваго, заключало въ себѣ приказаніе генеральному прокурору сообщить имена тѣхъ «господъ», которые откажутся повиноваться. При послѣдовавшемъ чтеніи аббатъ Пюселль заявилъ, что если ко-

1. Шовеленъ, замѣнившій въ августѣ 1727 г. Флери д'Арменовилля.

2. Barbier, II, 207—210 (ноябрь 1731 г.).—D'Argenson, I, 83; *примѣчаніе*.

3. Marais, IV, 315.—Barbier, II, 206.

4. Barbier, II, 212—214. 221.

роль находится въ Луврѣ, то нужно довести вѣрноподданническія чувства и жалобы парламента къ самому его престолу, *даже еслибы для этого пришлось идти черезъ баррикады.* Кто то замѣтилъ, что король находится въ Марли, и парламентъ единогласно рѣшилъ отправиться къ нему. Пятьдесятъ членовъ прибыли въ Марли. Тамъ ихъ никто не принялъ, а былъ высланъ къ нимъ дворянинъ, служащій при покояхъ его величества, и онъ передалъ имъ повелѣніе короля возвратиться назадъ. Они принуждены были покориться и вернулись въ Парижъ [1]. Тогда было рѣшено, что къ королю отправится первый президентъ и испроситъ у него разрѣшеніе парламенту принести ему свои жалобы. Людовикъ XV отвѣчалъ первому президенту, что онъ требуетъ себѣ повиновенія, и повернулся къ нему спиной. Послѣ этого члены парламента постановили, что они обратятся съ своими заявленіями къ королю «въ болѣе удобное время». Эти слова постановленія *болѣе удобное время* оскорбили кардинала Флери, который заподозрилъ, «что это должно означать, *когда его уже не будетъ*». Парламентъ, вытребованный въ Версаль, получилъ выговоръ, и послѣ этого о постановленіи 7 сентября уже болѣе не было рѣчи [2].

Устроивъ дѣло съ парламентомъ, какъ и дѣло съ адвокатами, министерство рѣшило покончить и еще съ однимъ источникомъ волненій. 29 января 1732 г. оно приказало запереть кладбище Сенъ-Медаръ. Были приняты предосторожности, и въ Сенъ-Марсельское предмѣстье съ четырехъ часовъ утра былъ посланъ военный караулъ, а во всѣхъ гауптвахтахъ было поставлено по двадцати солдатъ съ заряженными ружьями. Но никакихъ

[1]. Barbier, II, 215—220. Въ сущности «это вышло довольно глупой прогулкой, говоритъ Барбье, легкомысленнымъ и необдуманнымъ поступкомъ. Янсенисты восторгаются имъ, говоря, что парламентъ сдѣлалъ, что могъ; люди здравомыслящіе думаютъ иначе, находя, что это значитъ ронять свое достоинство».

[2]. Barbier, II, 222—224, 235—239 (дек. 1731 г.—янв. 1732 г.).

волненій не произошло, исключая нѣкотораго ропота. Больные удовольствовались тѣмъ, что перешли въ церковь, гдѣ и молились, повернувшись въ сторону кладбища [1]. Три мѣсяца спустя, правительство завершило эту мѣру, приказавъ сжечь рукою палача на паперти церкви Notre-Dame различныя сочиненія, въ которыхъ прославлялись «чудеса Париса [2]». Оно уже поздравляло себя съ тѣмъ, что вполнѣ водворило спокойствіе, когда послѣднее было снова нарушено посланіемъ архіепископа парижскаго, въ которомъ осуждались листки *Nouvelles ecclésiastiques*.

Архіепископъ приказалъ священникамъ прочитать его посланіе въ церквахъ. Двадцать одинъ священникъ отказались сдѣлать это на томъ основаніи, что въ полученной ими инструкціи о буллѣ говорилось, какъ о постановленіи всего духовенства [3]. Одному кюрэ, недавно назначенному архіепископомъ, который захотѣлъ прочесть посланіе наполнявшей его церковь приблизительно двухтысячной толпѣ народа, не дали даже начать чтеніе. Какъ только увидѣли, что онъ вынимаетъ изъ кармана бумагу, такъ тотчасъ же всѣ встали и съ шумомъ вышли изъ церкви, опрокидывая стулья и толкая другъ друга. Женщины плакали, говоря, что «недостойно писать подобныя вещи [4]».

Это посланіе заставило собраться и парламентъ. Король сообщилъ ему свое приказаніе не принимать ника-

[1]. Barbier, II, 242—244; Marais, IV, 335.

[2]. Постановленіе госуд. сов. отъ 24 апр. 1732 г., которымъ осуждались на сожженіе два печатныхъ изданія подъ заглавіемъ, одно: *Seconde Lettre de M. l'abbé de Lisle sur les miracles de M. Pâris;* а другое: *Troisième Lettre de M. l'abbé de Lisle sur les miracles de M. Pâris.* Это постановленіе было выполнено 26 апрѣля въ девять часовъ утра. Вскорѣ затѣмъ появилось и *четвертое письмо* (Marais IV, 365).

[3]. Barbier, II, 262. Посланіе архіепископа появилось 3 мая 1732 г.

[4]. Barbier, II, 266. Дѣло происходило въ церкви Saint—Jacques du Haut-Pas, 11 мая.

кого рѣшенія относительно дѣлъ церкви, не справившись предварительно съ его желаніями [1]. На этотъ разъ члены парламента не могли подавить чувства обиды и рѣшили единогласно сложить свои полномочія, «чтобы не доходить до такого униженія [2]». Король потребовалъ многихъ членовъ въ Компіэнь и въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказалъ имъ свое недовольство. Когда первый президентъ хотѣлъ заговорить, то онъ ему сказалъ: «*Молчите!*» Видя, что аббатъ Пюселль приближается, держа въ рукахъ записку, въ которой были изложены жалобы парламента, онъ сказалъ государственному секретарю, графу Морепá: «*Разорвите эту бумагу*». Въ тотъ же день аббатъ Пюселль былъ сосланъ [3], а другой совѣтникъ посаженъ въ Венсеннъ. При извѣстіи объ этихъ суровыхъ мѣрахъ, указывавшихъ на очень рѣшительныя намѣренія двора, въ Парижѣ наступило уныніе. Вскорѣ послѣ этого распространился слухъ, что министерство готовится отнять у парламентовъ право протеста [4]. Тревога возросла. Не взирая на повелѣнія короля, парламентъ, на основаніи принадлежащаго ему по законамъ королевства права, объявилъ, что посланіе архіепископа есть злоупотребленіе властью, и воспретилъ его распространеніе [5]. Опасаясь, чтобы это постановленіе его не было вычеркнуто такимъ же образомъ, какъ постановленіе 7 сентября, парламентъ

[1]. Такое повелѣніе было сдѣлано два раза, 10 и 14 мая 1732 г., какъ это видно изъ постановленія государственнаго совѣта отъ 19 іюня, о которомъ идетъ рѣчь ниже.

[2]. Barbier, II, 268.

[3]. Эта ссылка и послужила поводомъ для извѣстной пѣсни, въ которой парижскія женщины легкаго поведенія пѣли: *O guë! Rendez nous Pucelle!* Обо всѣмъ этомъ дѣлѣ см. Barbier, II, 267—295.—Marais, IV, 362—379.

[4]. Министерство опровергло этотъ слухъ въ открытомъ письмѣ къ начальнику полиціи. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, онъ былъ справедливъ.

[5]. Постановленіе парламента 13 іюня 1732 г. относительно посланія архіепископа парижскаго.

распорядился, чтобы оно было немедленно напечатано. На другой день оно растространилось по всему Парижу [1]. Правительство кассировало постановленіе [2], и четыре парламентскихъ совѣтника были схвачены и отвезены въ ссылку. Немедленно же всѣ члены парламента заявили о своемъ выходѣ изъ парламента, за исключеніемъ только одной первой палаты (le grand'chambre), которую близкія отношенія къ двору и преклонный возрастъ большинства ея членовъ дѣлали болѣе робкою [3].

Это событіе произошло 20 іюня 1732 г. Сто пятьдесятъ членовъ парламента вышли изъ зданія парламента попарно, сопровождаемые громадной толпой, которая кричала: «Вотъ истинные римляне и отцы отечества [4]»! Министерство, для котораго это было совершенною неожиданностью, смутилось. Членамъ парламента было дано знать, что разгнѣванный король рѣшилъ лишить ихъ дворянства, конфисковать ихъ имущества и сослать ихъ всѣхъ за тридцать лье отъ королевскихъ резиденцій [5]. При этихъ угрозахъ нѣкоторые магистраты, дѣйствовавшіе не столько по собственному побужденію, сколько въ увлеченіи примѣромъ другихъ, заговорили о томъ, чтобы идти на уступки. Правительство, съ своей стороны, поспѣшило облегчить имъ это. Уступки были сдѣланы съ обѣихъ сторонъ, и 10 іюля парламентъ вновь вступилъ въ свои обязанности; но всѣ чувствовали, что это только временное перемиріе [6].

Едва только парламентъ возобновилъ свои засѣданія,

[1]. «Paris en était farci»; Barbier, II, 292.

[2]. Постановленіемъ Совѣта отъ 16 іюня 1732 г.

[3]. «Нужно только вспомнить изъ кого состоитъ первая палата: изъ президентовъ, считающихъ себя выше другихъ, изъ преданныхъ двору аббатовъ, ожидающихъ награды, изъ совѣтниковъ, достигшихъ такого возраста, когда ихъ уже не интересуетъ ничего, кромѣ полученія денегъ». Barbier, II, 351.

[4]. Barbier, II, 296.

[5]. Ibid., II, 306.

[6]. Ibid., II, 301.

какъ появилась записка *О происхожденіи и власти парламента*, въ которой съ большою смѣлостью отстаивались права членовъ парламента, попираемыя королевскою властью. Всего болѣе она возставала противъ передачи дѣлъ въ Совѣтъ, сводившій къ нулю всю дѣятельность парламента, на что послѣдній не разъ горько жаловался [1]. «Когда дѣло касается интересовъ народа, говорилъ авторъ записки, то не Королевскому Совѣту рѣшать такіе вопросы. Король можетъ сноситься съ своимъ народомъ только черезъ парламентъ, который, имѣя столь же древнее происхожденіе, какъ и королевская власть, и созданный вмѣстѣ съ созданіемъ государства, представляетъ собою всю монархію. Королевскій совѣтъ есть вѣдомство, учрежденіе котораго идетъ въ разрѣзъ съ самыми основными законами королевства, не имѣетъ никакого общественнаго значенія и совершаетъ явную узурпацію, кассируя или урѣзывая постановленія парламента. Присутствіе короля въ Совѣтѣ имѣетъ очень мало значенія, такъ какъ онъ присутствуетъ тамъ только для того, чтобы нарушать законы, долгъ же государя состоитъ въ томъ, чтобы охранять ихъ. Въ этомъ состоитъ та клятва, которую онъ давалъ и на этомъ основанъ его договоръ съ народомъ. Такъ какъ онъ не можетъ создавать законы безъ содѣйствія парламента, то онъ долженъ выслушивать отъ него и отказы и возраженія. Члены парламента, которые отступили бы передъ королевскою властью отъ своего права сопротивленія ей, были бы измѣнниками своего долга и преступниками».

Изложенные въ запискѣ принципы, даже въ глазахъ людей очень рѣшительныхъ, являлись стремленіемъ превратить парламентъ въ «представительное собраніе всей націи» и сдѣлать изъ королевства *нѣчто вродѣ республики* [2]. Парла-

[1]. Barbier, II, 143.

[2]. Ibid., II, 320. О происхожденіи этой записки см. Marais, IV, 398.

ментъ сдѣлалъ постановленіе, осуждающее эту записку [1]. Онъ ставилъ себѣ въ заслугу свое безпристрастіе, проявивъ строгость по отношенію къ сочиненію, защищавшему его права. Между тѣмъ не только его права, самое его существованіе находилось въ опасности. Кардиналъ Флери со всѣхъ сторонъ получалъ совѣты уничтожить парламентъ. «Ваша Свѣтлость всегда можетъ найти три или четыре истинно вѣрноподданныхъ людей, чтобы предложить и обсудить средства избавиться навсегда отъ парламента [2]», писалъ ему маркизъ д'Аржансонъ, впослѣдствіи исповѣдывавшій совсѣмъ другія идеи. Не осмѣливаясь, однако, уничтожить парламентъ, кардиналъ пытался ограничить его права. 18 августа 1732 г. онъ послалъ ему декларацію, измѣнявшую порядокъ и уставы парламента и ограничивавшую его права протеста и представленій. Одинъ изъ парламентскихъ президентовъ, узнавшій наканунѣ о посылкѣ этой декларації, сказалъ государственному канцлеру, что это значило подливать масла въ огонь. «Дѣло не въ томъ, чтобы тушить огонь, отвѣчалъ послѣдній, а въ томъ, чтобы поддержать королевскую власть, и мы сдѣлаемъ это [3]».

Парламентъ протестовалъ и все общество было возмущено. Даже первая палата присоединилась къ всеобщему неудовольствію. Нѣсколько разъ парламентъ просилъ короля взять назадъ свою декларацію. Но министерство, которому близость ваканцій придавала смѣлости, стояло на своемъ. 3 сентября декларація была внесена въ регистры въ королевскомъ засѣданіи, т. е. въ присутствіи короля, въ *salle des Gardes* въ Версали, куда были вызваны всѣ члены парламента въ красныхъ одѣяніяхъ [4].

1. Постановленіе парламента 13 августа 1732 г., осуждающее на сожженіе брошюру подъ заглавіемъ: *Mémoire touchant l'origine et l'autorité du Parlement de France, appelé Judicium Francorum.*

2. D'Argenson, I, 136.

3. Barbier, II, 330—333. См. декларацію у Isambert, XXI, 374—378.

4. Barbier, II, 343.—Marais, IV, 408. Излишне говорить, что

По законамъ королевства парламентъ не могъ быть перемѣщаемъ. Члены парламента воспользовались этимъ нарушеніемъ и, по возвращеніи въ Парижъ, сдѣлали постановленіе о незаконности самого королевскаго засѣданія [1]. Янсенисты, которые «только и желали формальнаго неповиновенія», громко привѣтствовали этотъ поступокъ, называя его геройскимъ [2]. Министерство отвѣчало приказами о ссылкѣ. Сто тридцать девять членовъ парламента были сразу отправлены въ ссылку [3]. Но сдѣлавъ это, правительство испугалось послѣдствій. Въ ноябрѣ,—когда обыкновенно кончался срокъ парламентскихъ вакацій,—приказы о ссылкѣ были отмѣнены, изгнанные члены парламента возвращены и самая декларація «отсрочена», т. е. взята назадъ [4]. На этотъ разъ парламентъ торжествовалъ. Такое проявленіе слабости послѣ столь удивительныхъ по своей строгости мѣръ, разумѣется, не могло поднять въ мнѣніе общества уже поколебленнаго престижа правительственной власти. Даже лица, находящіяся при дворѣ, говорили, что короля заставляютъ дѣлать однѣ глупости [5].

Эти постоянныя мѣры насилія надъ парламентомъ все больше раздували страсти и озлобленіе янсенистовъ. Во время ссылки членовъ парламента появились картины съ изображеніемъ іезуитовъ, протягивающихъ руку къ коронѣ, рядомъ съ другими іезуитами, зарывающими въ землю трупъ парламента [6]. Возвращеніе магистратовъ не

правительство обыкновенно имѣло осторожность дожидаться приближенія вакацій, и тогда уже наносило удары парламенту.

[1]. Barbier, II, 345, 346. Это постановленіе состоялось 4 сент.

[2]. Id., II, 347. «Нашлись даже такіе смѣлые люди, какъ одинъ очень хорошо одѣтый господинъ, громко крикнувшій въ залѣ дворца: *Да здравствуетъ Парламентъ*»!

[3]. Въ ночь съ 6 на 7 сентября. Первая палата была оставлена въ покоѣ и ей было поручено министерствомъ вести вакаціонныя засѣданія.

[4]. Barbier, II, 361—371 (ноябрь-декабрь 1732 г.).

[5]. Id., II, 372.

[6]. Id., II, 361.

успокоило негодованія. Появилась брошюра [1], направленная лично противъ кардинала, въ которой разбирались всѣ его поступки съ самаго вступленія въ министерство. Его обвиняли въ тайномъ соглашеніи съ Римомъ и епископами съ цѣлью лишить галликанскую церковь ея правъ и королевскую власть ея независимости. Ему ставили въ упрекъ преслѣдованія противъ янсенистовъ и передачу дѣлъ въ Совѣтъ, при помощи чего онъ замыкалъ уста парламенту и получалъ возможность преслѣдовать невинныхъ. Его обвиняли въ томъ, что одно только честолюбіе заставило его стать на сторону іезуитской партіи и что своею защитою буллы онъ причинилъ Франціи большее зло, чѣмъ могли бы причинить ей чума, голодъ или война. Въ то время, какъ эта брошюра, несмотря на всѣ полицейскія преслѣдованія, распространялась въ городѣ, низшее духовенство снова возвысило голосъ и, опираясь на традиціи, въ смѣлой запискѣ отстаивало свое право высказывать свое мнѣніе въ вопросахъ вѣры наравнѣ съ епископами [2]. Вмѣстѣ съ этимъ выходили сочиненія, авторы которыхъ провозглашали право короля на управленіе церковью и напоминали всю исторію многократныхъ попытокъ папъ подчинить себѣ свѣтскую власть [3]. Наконецъ, епископъ монпелльескій, изображая въ пасторскомъ поученіи яркую картину царствующихъ въ католической

[1]. Постановленіе парламента отъ 20 марта 1733 г., осуждающее на сожженіе брошюру подъ заглавіемъ: *Lettre de Louis XIV à Louis XV.* Нѣсколько человѣкъ, заподозрѣнные въ томъ, что они авторы этой брошюры, были посажены въ Бастилію. (Barbier, II, 388). Объ этомъ упоминаетъ Вольтеръ въ своей *Histoire du Parlement,* стр. 377.

[2]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 29 іюля 1733 г., запрещающее брюшюру подъ заглавіемъ: *Mémoire sur les droits du second orde du clergé, avec la tradition qui prouve les droits du second ordre.*

[3]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 26 января 1734 г., запрещающее различныя сочиненія и между ними одно подъ заглавіемъ: *Le Droit des souverains dans l'administration de l'Eglise* или, какъ названо другое изданіе его, *Traité des bornes de la puissance*

церкви смутъ, обѣщалъ «*близкое наступленіе революціи*, которая уничтожитъ теперешнюю оскверненную и порабощенную Церковь и возстановитъ на мѣсто ея новую [1]».

Ультрамонтанская партія проявляла съ своей стороны не менѣе оживленную дѣятельность. Выведенные изъ себя послѣднею побѣдою парламента [2], іезуиты, епископы и другіе сторонники буллы распускали по всему королевству «яростные» листки [3], въ которыхъ говорилось, что ни отъ правительства, ни отъ короля нельзя ожидать никакой помощи и что защитники Рима и религіи должны отнынѣ расчитывать только на свои силы [4]. Во многихъ епархіяхъ епископы приглашали вѣрующихъ подписываться подъ заявленіями протеста противъ образа дѣйствій министерства и пускали въ ходъ подписные листы, несмотря на то, что это воспрещалось закономъ [5]. Съ цѣлью вызвать новыя столкновенія между королевскою властью и парламентомъ, писались брошюры, въ которыхъ

ecclésiastique et de la puissance civile, avec un sommaire chronologique de entreprises des Papes pour étendre leur puissance spirituelle, etc.

[1]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 25 апрѣля 1733 г., воспрещающее *Instruction pastorale de M. l'évêque de Montpellier adressée au clergé et aux fidèles de son diocèse au sujet des miracles que Dieu fait en faveur des appellant de la Bulle Unigenitus.* Marais, IV, 489, хвалитъ это поученіе, порицая только встрѣчающееся слово *революція*.

[2]. Barbier, II, 377.

[3]. «Furieux». Такъ они были квалифицированы въ тѣхъ различныхъ постановленіяхъ, которыми парламентъ осуждалъ эти сочиненія.

[4]. Постановленіе парламента 14 апрѣля 1733 г., осуждающее на сожженіе брошюру, озаглавленную: *Réflexions pour les évêques de France.* См. также Постановл. реннскаго парламента 28 марта 1733 г. «Епископы Франціи, говорилось въ этой брошюрѣ, видя какъ власть короля уступаетъ передъ насиліемъ парижскаго парламента, должны наконецъ сплотиться, такъ какъ отъ двора уже нельзя ждать никакой существенной поддержки религіи. Они могутъ только сожалѣть о томъ времени, которое они потеряли, ожидая отъ него дѣятельной помощи».

[5]. Постановленіе государственнаго совѣта 26 іюля 1733 г., воспрещающее листки подъ заглавіемъ: *Formulaire proposé par M. l'arché-*

послѣдній обвинялся въ стремленіи ограничить монархическую власть [1]. Въ то же время докторскія диссертаціи Сорбонны [2] и другія сочиненія [3] громко провозглашали верховенство духовной власти надъ свѣтскою и Рима надъ королями. Доходили до того, что открыто выражали желаніе возвращенія кровавыхъ временъ Лиги. Одинъ писатель, обращаясь ко всѣмъ епископамъ Франціи, заявлялъ, что единственнымъ средствомъ излѣчить язвы церкви, можетъ быть только открытый расколъ, который навсегда отрѣзалъ бы отъ нея «всѣ зараженные члены». Другой писалъ, что католицизмъ близокъ къ гибели подъ непрестанными ударами его враговъ, и что долгъ вѣрующихъ *браться за набатъ и бить тревогу* [4].

Въ виду всего этого волненія, министерство, охваченное страхомъ и нерѣшительностью [5], склоняясь то на сторону парламента, то на сторону епископовъ, не переставало давать тщетныя приказанія исполнять постановленія Совѣта [6], запрещающія всякія споры о папской и

vêque de Tours.—Постановленіе государственнаго совѣта отъ 22 октября 1733 г., воспрещающее два *Посланія архіепископа лаонскаго,* одно отъ 10 мая, другое отъ 1 іюля 1733 г.

[1]. Постановленіе парламента 5 іюня 1733 г., осуждающее на сожженіе брошюру подъ заглавіемъ: *Remontrances au Roi sur l'arrêt rendu par son Parlement de Paris le 28 février 1733, etc.*

[2]. Постановленіе парламента 5 января 1733 г. противъ диссертаціи, защищавшейся въ Сорбоннѣ 31 декабря 1732 г.—Постановленіе государственнаго совѣта 10 февраля 1733 г. противъ диссертаціи, защищавшейся въ Орлеанскомъ факультетѣ права.

[3]. См. въ концѣ книги постановленіе государственнаго совѣта 26 января 1734 г.

[4]. Постановленіе парламента 5 іюня 1733 г., осуждающее на сожженіе брошюру, озаглавленную: *Lettre d'un docteur de Sorbonne à un évêque de province.* Ср. съ вышеприведенными постановленіе противъ сочиненія, озаглавленнаго: *Réflexions pour les évêques de France.* См. въ концѣ этой книги списокъ осужденныхъ сочиненій за 1733 г. Вольтеръ *(Histoire du Parlement,* 376*)* довольно справедливо говоритъ, что 1733 г. «прошелъ среди пастырскихъ посланій, парламентскихъ постановленій и судорожныхъ волненій».

[5]. Barbier, II, 384.

[6]. Постановленія 10 марта и 5 сентября 1731 г.

королевской власти и о буллѣ [1]. Что же касается короля, которому, правда, было всего двадцать четыре года, то онъ ни во что не вмѣшивался, возложивъ всѣ заботы на кардинала Флери, и занимался только охотою и ужинами [2]. Требованіе созванія національнаго собора, съ которымъ обратились къ правительству епископы, еще увеличило всеобщее волненіе [3]. Такъ какъ на этомъ соборѣ булла должна была быть провозглашена догматомъ вѣры, то это значило бы по общему мнѣнію открытое объявленіе раскола, что зажгло бы страшное пламя раздора во всемъ королевствѣ [4]. Важныя событія, происходившія въ это время въ Европѣ, помѣшали исполненію этого плана. Франція съ минуты на минуту могла быть вовлечена въ войну, перспектива которой уже всецѣло поглощала вниманіе министерства. Здравомыслящіе люди, стоявшіе внѣ партій, возлагали надежды на эту войну, расчитывая, что она отвлечетъ умы и тѣмъ подѣйствуетъ благотворно на успокоеніе страны. «Хотя война и страшное бѣдствіе, писалъ одинъ изъ нихъ въ іюлѣ 1733 г., но, если она разразится, то только ей мы будемъ обязаны водвореніемъ мира въ королевствѣ,—мира, который будетъ очень дорогимъ, если его можно купить только такою цѣною [5]».

[1]. См. постановленія Совѣта противъ сочиненій, появившихся въ 1733 г., и въ частности постановленія отъ 10 и 11 февраля.

[2]. Barbier, II, 456; ср. ibid. стр. 338.

[3]. Это требованіе, подписанное вначалѣ двадцатью шестью прелатами, а затѣмъ разосланное для подписи провинціальнымъ епископамъ, было подано въ маѣ 1733 г. Barbier, II, 408, 409.

[4]. Marais, IV, 496.

[5]. Id., IV, 503. Такъ какъ въ то время не существовало тѣхъ документовъ, которыхъ у насъ теперь имѣется такъ много, то авторъ историческаго сочиненія о восемнадцатомъ столѣтіи, сдѣлавшагося классическимъ, пишетъ объ этой первой половинѣ министерства Флери: «Въ этотъ періодъ времени Франція оставалась неподвижною; это былъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ промежутковъ, которымъ исторія выражаетъ хвалу молчаніемъ». (Lacretelle, *Histoire de France pendant le dix-huitième siècle*, кн. VI).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА МИНИСТЕРСТВА ФЛЕРИ.

(1733—1743).

Если взять во вниманіе тѣ волненія и безпорядки, которые начались со времени вступленія въ министерство кардинала Флери и которые были болѣе или менѣе тѣсно связаны съ буллою Unigenitus, то про послѣднюю можно сказать словами одного современника: что вѣтви ея были хуже самого ствола [1]. Оппозиція янсенистовъ, которая во времена регентства не выходила изъ границъ религіозныхъ вопросовъ, перешла наконецъ и на политическую почву. «Королевская власть, писалъ въ 1731 г. маркизъ д'Аржансонъ, потеряла значеніе, такъ какъ ей ни въ чемъ не повиновались [2]». Ею одинаково пренебрегали какъ ультрамонтане, такъ и янсенисты, но тогда какъ первые, которыхъ было немного, столько же компрометировали ее своимъ союзомъ сколько и своею непокорностью, на сторонѣ послѣднихъ стояло большинство общества, сочувствуя волненіямъ, принимавшимъ все болѣе и болѣе мятежный характеръ. Даже нѣкоторые изъ высшихъ придворныхъ сановниковъ, будучи въ сущности за одно съ янсенистами противъ Рима и епископовъ, одобряли оппозицію, отвѣчавшую ихъ чувствамъ, хотя и не смѣли этого высказывать [3]. Не одинъ только недостатокъ повиновенія подвергалъ опасности королевскую власть; нерѣшительность министерства, его непослѣдовательность, проявленіе сла-

[1]. Barbier, II, 308. (іюль 1732 г.).

[2]. D'Argenson, I, 82.

[3]. Barbier, II, 227, 228 (декабрь 1731 г.) Кн. III 82.

бости, слѣдующее за строгими мѣрами, видимо способствовали ея подрыву. Въ публикѣ уже стали разсуждать о ней и хотя, самый принципъ монархіи еще не затрогивался, но послышались споры о ея правахъ, размѣрѣ ея власти, вспоминалось ея историческое происхожденіе [1]. Королевская власть съ своей стороны начинала чувствовать необходимость самозащиты и требовала признанія своихъ правъ постановленіями Совѣта, которыя походили на документы процесса, защищаемаго ею передъ общественнымъ мнѣніемъ [2]. Если въ политическомъ мірѣ еще не было открытой борьбы, то несомнѣнно подготовлялось оружіе для нея.

Съ точки зрѣнія религіи положеніе дѣлъ сдѣлалось также болѣе серьезнымъ, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. Римъ и іезуиты, ставшіе предметомъ ненависти, высшее духовенство, лишившееся всякаго значенія [3], колебаніе церковной дисциплины, споры по поводу церковныхъ традицій и исторіи, наконецъ народъ, стремящійся стать судьею въ дѣлахъ вѣры,—всѣ эти признаки недовольства и возмущенія представляли собою лишь слабую картину тогдашняго состоянія умовъ. Со стороны какъ ультрамонтанъ, такъ и янсенистовъ раздавались голоса, не остававшіеся безъ вліянія на общественную совѣсть и утверждавшіе, что вѣра угасла, а церкви грозитъ гибель или близкая революція. Въ самомъ лонѣ католицизма начали появляться явные признаки разложенія. При видѣ этихъ двухъ партій, изъ которыхъ каждая воображала, что она одна исключительно обладаетъ

[1]. Barbier, II, 321, говоря въ августѣ 1732 г. о появившейся запискѣ касательно происхожденія и власти парламента, сравнивалъ по этому поводу монархическое управленіе съ республиканскимъ и писалъ: «Надо признаться, что обстоятельства очень измѣнились въ теченіе послѣднихъ вѣковъ и съ точки зрѣнія политики трудно сдѣлать выборъ образа правленія». II, 321.

[2]. См. постановленіе Совѣта отъ 30 окт. 1730 г., направленное противъ мнѣнія сорока адвокатовъ.

[3]. Barbier, II, 150. «Прелаты вообще презираемы».

истиной, трудно было не закрасться въ душу сомнѣнію и скептицизму [1]. Весь этотъ пылъ, потраченный на вопросы, важность которыхъ не одинаково сознавалась разными умами, не могъ не представлять смѣшныхъ сторонъ для націи, отъ природы склонной къ насмѣшливости. Въ ходу были пѣсенки на счетъ буллы, направленныя и противъ іезуитовъ и противъ янсенистовъ. Одну оперную актрису, героиню скандальной исторіи, о которой говорилъ весь Парижъ, партеръ прозвалъ Буллой (la Constitution), а сестру ея Легендой (la Legende) [2]. Чудеса, которыми хвалились янсенисты, не только возбуждали смѣхъ въ нѣкоторыхъ недовѣрчивыхъ людяхъ, но видя эти исцѣленія, которыя подтверждались многочисленными свидѣтелями и удостовѣрялись протоколами, подписанными докторомъ и аптекаремъ, и засвидѣтельствованныя нотаріусомъ, многіе вѣрующіе люди спрашивали себя, что же слѣдуетъ думать о болѣе древнихъ чудесахъ, которымъ они должны были вѣрить [3]?

Были особыя причины, еще усиливавшія это опасное настроеніе. Правительство, столь строгое въ отношеніи людей, оспаривавшихъ буллу, дозволяло свободное обращеніе постыдныхъ записокъ, упоминавшихся въ процессѣ отца Жирара и Лакадьера и о которыхъ нѣкто сказалъ, что онѣ могли бы найти себѣ мѣсто въ запискахъ ла-Филльона [4]. Ихъ продавали на улицахъ; ихъ читали при дворѣ, въ городѣ, въ семействахъ, въ монастыряхъ [5], и въ то время, какъ въ Парижѣ это вредное чтеніе развращало воображеніе и вводило въ соблазнъ благочестіе, въ Тулонѣ народъ

[1]. Marais, IV, 8 (письмо президента Буйе къ Марэ, въ февралѣ 1729 г.).

[2]. Id., IV, 160, 252, 253.—Barbier, II, 165 (іюнь 1731).

[3]. Barbier, II, 244 (янв. 1782), 409—410 (май-іюнь 1733).

[4]. Id., IV, 267.

[5]. Id., IV, 263 (августъ 1731). «Эти мемуары, говоритъ Барбье, раздаются публично при входахъ на гулянья и спектакли; они печатаются въ Парижѣ, хотя составлены въ Э, и ихъ не хватаетъ для удовлетворенія требованій на нихъ». II, 179, 180.

жегъ изображеніе отца Жирара и кричалъ на улицахъ: *не надо исповѣди! долой іезуитовъ!* [1]. Даже епископскія посланія, и тѣ иногда, вслѣдствіе неумѣстности и пустоты ихъ содержанія, становились источникомъ скандала. Очень много забавлялись посланіемъ парижскаго архіепископа, изданнымъ въ 1731 году въ опроверженіе чудесъ «господина Париса», въ которое были вставлены въ видѣ доказательствъ доклады врачей и хирурговъ, объяснявшіе *самымъ яснымъ образомъ* нѣкоторыя подробности, касающіяся здоровья женщинъ [2]. Не меньше смѣялись надъ появившимся въ слѣдующемъ году посланіемъ арльскаго архіепископа, которое содержало въ себѣ пѣсню, сочиненную противъ парламента, и въ которомъ прелатъ запрещалъ женщинамъ носить *фижмы,* называя имъ «вмѣстилищами нечестія, *opercula iniquitatis* [3]». Тотъ же епископъ немного раньше издалъ пастырское поученіе, въ которомъ говорилъ о галльскомъ Геркулесѣ и о Комментаріяхъ Цезаря и разсуждалъ о *расколѣ супружескомъ* по поводу *раскола церковнаго.* «Есть отъ чего смѣяться до слезъ, писалъ по этому случаю адвокатъ Марэ президенту Буйе, и нав'ѣрное вашъ припадокъ подагры прошелъ бы отъ этого [4]». Но ничто не могло сравниться въ этомъ отношеніи съ впечатлѣніемъ, которое произвела «и великая и неподражаемая и необыкновенная и чудесная и пророческая жизнь сестры Маріи Алакокъ, монахини въ монастырѣ визитандинокъ въ Парэ», сочиненная епископомъ суассонскимъ [5]. Во всей Франціи под-

[1]. Marais, IV, 309.

[2]. Id., IV, 262. Женщины жаловались на епископа за недостатокъ уваженія къ нимъ и нѣкоторыя отзывались объ епископскомъ письмѣ, какъ о *безстыдствѣ.*

[3]. Id., IV, 419.—Barbier, II, 355.

[4]. Id., IV, 138 (іюнь 1730).

[5]. Это подлинныя выраженія, употребляемыя Марэ для оцѣнки сочиненія, о которомъ идетъ рѣчь. «Весь Парижъ, говоритъ онъ, бѣгаетъ за этой прекрасной книгой, которая производитъ больше скандала, чѣмъ назиданія». IV, 87.

нялся общій смѣхъ, въ которомъ даже король принялъ участіе. Въ теченіи нѣкотораго времени только и было рѣчи, что о Маріи Алакокъ или *Яичной матери.* Самому автору стало неловко своей знаменитости. Не говорили больше *яйца въ смятку* (oeufs à la coque), а *яйца а-ла-Суассонъ;* продавали ленты *а-лакокъ* и во время карнавала шалуны замѣнили свой традиціонный возгласъ словомъ *Алакокъ* [1].

Это насмѣшливое настроеніе, это сомнѣніе и скептицизмъ, вышедшіе отъ крайностей споровъ, присоединились къ зачаткамъ невѣрія, появлявшимся уже въ эпоху регентства и современники въ первый разъ стали говорить: «о безвѣрномъ вѣкѣ». Сближаясь съ духомъ оппозиціи, проявлявшейся въ политическомъ строѣ, эти зачатки антирелигіознаго броженія умовъ способствовали развитію ученій, которымъ предназначено было получить впослѣдствіи рѣшительное вліяніе на умы. Эти ученія не имѣли еще ни имени, ни знамени; но они уже начинали пробиваться и получали значеніе въ общественномъ мнѣніи. Они имѣли своихъ послѣдователей въ той группѣ образованныхъ людей, которыхъ называли Gens de lettres—*литераторами.* Будучи врагами произвола, откуда бы онъ ни исходилъ,—отъ королевской власти или отъ церкви,—эти нарождающіеся доктринеры примыкали въ этомъ отношеніи къ янсенистамъ и подобно имъ должны были бороться съ деспотизмомъ; подобно имъ, они также должны были приступить къ разрѣшенію религіознаго вопроса раньше, чѣмъ политическаго. Но янсенисты стали въ ряды оппозиціи во имя вѣры, а они—во имя разума. Еще въ первые мѣсяцы 1734 года эти новые люди заявили о себѣ сочиненіемъ, которое парламентъ присудилъ сжечь, «какъ способствующее распространенію распущенности, крайне опасной и для религіи

[1]. Barbier, II, 99.—Marais, IV, 87—110 (январь-мартъ 1730). Епископъ суассонскій говорилъ, что только еретики и глупцы могутъ находить его книгу дурною.

и для гражданскаго порядка». Это произведеніе, авторъ котораго, бывшій въ то время на верху славы, ставился своими поклонниками «во главѣ всего [1]», было: *Философскія письма* Вольтера [2].

Имя Вольтера, впервые занесенное магистратами въ ихъ постановленія, было многознаменательно. Оно обозначало появленіе въ средѣ общественнаго мнѣнія философской мысли, которая должна была впослѣдствіи породить партію философовъ. Въ томъ же году Монтескье издалъ свое сочиненіе *О причинахъ величія и упадка Римлянъ*. Вольтеръ, который въ это время писалъ свои *Основанія философіи Ньютона*, отмѣтилъ въ своей корреспонденціи начало движенія, которому онъ вскорѣ долженъ былъ дать такой сильный толчекъ. «Весь свѣтъ, писалъ онъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1735 г., начинаетъ заниматься геометріей и физикой; *всѣ начинаютъ разсуждать*. Чувство, воображеніе, красота изгнаны. Человѣкъ, жившій при Людовикѣ XIV, не узналъ бы теперь французовъ, ему показалось бы, что нѣмцы покорили эту страну. Говорю это не потому, что я не желалъ бы, чтобы занимались философіей, но я не хотѣлъ бы, чтобы она сдѣлалась модою, исключающею все остальное [3]». Горячка аргументаціи, которую въ продолженіи двадцати лѣтъ поддерживали религіозные споры, должна была безъ сомнѣнія способствовать происхожденію этой «моды».

Объявленное по требованію министерства [4] осужденіе *Философскихъ писемъ* доказывало, что власть уже начинала обращать вниманіе на произведенія литераторовъ. Незадолго передъ тѣмъ Монтескье чуть было не былъ изгнанъ изъ академіи за свои *Персидскія письма*, которыя

[1]. Marais, IV, 334.

[2]. Постановленіе парламента 10 іюня 1734, которымъ присуждено сжечь книгу подъ заглавіемъ: *Letres philsophiques par M. de V.... à Amsterdam, 1734.*

[3]. Voltaire, *Corresp. gen.*, I, 316, édit. de Kehl, 1785.

[4]. Id., ibid., I, 273.

кардиналъ Флери нашелъ непочтительными относительно правительства и религіи [1]. Что касается Вольтера, то за три года передъ этимъ захватили его *Исторію Карла XII* [2], а теперь была схвачена его трагедія *Заира* по поводу «двухъ—трехъ истинъ» въ предисловіи, которыя не понравились [3]; ставились также препятствія къ напечатанію его *Храма вкуса* [4]. Онъ жилъ тогда въ «уединеніи» въ Парижѣ, противъ главнаго входа церкви Сенъ-Жерве, и жаловался на то, что «философскую жизнь», которую онъ велъ въ этомъ убѣжищѣ, смущали не только «спазмы», но и «святая инквизиція», царившая въ литературѣ [5]. «Такъ какъ писать запрещено, говоритъ онъ, то я предоставлю янсенистамъ и іезуитамъ взаимно проклинать другъ друга, и пусть парламентъ и Совѣтъ расточаютъ постановленія, я же удовольствуюсь тѣмъ, что буду свободно думать [6]». По поводу *Философскихъ писемъ* въ его «эрмитажѣ» былъ произведенъ обыскъ и самъ онъ принужденъ былъ оставить Парижъ [7]. Однако же, не смотря на святую инквизицію, на которую жаловался Вольтеръ, литераторы въ то время подвергались скорѣе надзору, чѣмъ преслѣдованію. Ничто не указывало на явную оппозицію съ ихъ стороны и въ теченіи всей второй половины министерства Флери они лишь отчасти привлекали къ себѣ вниманіе правительства. Повидимому, только партіи янсенистовъ и ультрамонтанъ были способны возбуждать въ то время страсти.

Война, ожидавшаяся въ іюлѣ 1733 года и отъ которой

1. Marais, III, 505. Вольтеръ (*Siècle de Louis XIV, I, 169*) сообщаетъ, что Монтескье велѣлъ сдѣлать поскорѣе новое изданіе его книги, въ которомъ было исключено все, что могло быть осуждено какимъ нибудь кардиналомъ или министромъ, и что затѣмъ онъ снесъ ее къ Флери.
2. Marais, IV, 234.
3. Voltaire, *Corresp. gén.*, I, 161, 166.
4. Id., ibid., I, 188.
5. Id., ibid., I, 211.
6. Id., ibid., I, 175.
7. Онъ уже имѣлъ намѣреніе удалиться изъ Франціи и искать

иные надѣялись прекращенія споровъ, разразилась только въ октябрѣ. Австрія высказалась противъ избранія Станислава Лещинскаго на польскій престолъ и Людовикъ XV почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ человѣка, съ которымъ его соединяли узы родства. Онъ рѣшился оружіемъ поддерживать это избраніе и отправилъ войско сражаться съ австрійцами въ Италіи и Германіи. Исключая небольшихъ столкновеній регента съ Испаніей, Франція со времени смерти Людовика XIV въ первый разъ посылала войска за свои границы. Новизна событія, будущность, открываемая имъ воинственному духу націи, чувствительность оскорбленія, которое задѣвало ее самое, сдѣлали то, что въ началѣ эта война была принята съ нѣкоторымъ увлеченіемъ. «Всѣ отправляются, писалъ человѣкъ, самъ увлеченный шумомъ военныхъ приготовленій; народъ какъ бы обезумѣлъ и стремится отмстить за своего короля [1]». Тѣмъ не менѣе къ этому энтузіазму примѣшивалась и критика. Удивлялись тому, что послѣ двадцатилѣтняго мира министерство принуждено было увеличить налоги для покрытія военныхъ расходовъ [2]; да и самая война эта не одобрялась нѣкоторыми янсенистами. Король Станиславъ былъ извѣстенъ за большого приверженца буллы Unigenitus и этого было достаточно, чтобы осуждать предпріятіе, котораго онъ былъ причиною [3]. По крайней мѣрѣ она имѣла тотъ результатъ, что прекратила на время внутреннія несогласія, и до окончанія военныхъ дѣйствій пѣсни, сочиненныя по поводу войны и генераловъ [4], замѣнили собою пѣсни и памфлеты на счетъ буллы Unigenitus.

Въ то время какъ шумъ войны, занимавшій всю Европу, приковывалъ въ Парижѣ вниманіе большинства публики,

за границей, «по примѣру Декарта и Бэйля», убѣжище, гдѣ-бы онъ могъ независимо писать и думать. Voltaire, *Corresp. gén.*, I, 28; II, 64.

[1]. Marais, IV, 530.

[2]. Barbier, II, 444.

[3]. Id., II, 436.

[4]. Id., II, 457, 468, 469, 508, 509, 519 (апрѣль-ноябрь 1734).

«господа священники» продолжали свои раздоры [1]. Посланіе,въ которомъ епископъ монпельескій предсказывалъ революцію въ церкви, было опровергнуто архіепископомъ эмбренскимъ и осуждено въ Римѣ [2]. Прелатъ возразилъ пастырскимъ письмомъ, въ которомъ онъ обзывалъ эмбренскаго архіепископа невѣждой и нечестивцемъ и возвѣщалъ, опираясь на пророчества, что церковь, утомленная пребываніемъ въ развращенныхъ странахъ, переселится на край свѣта, и сообщалъ о новомъ чудѣ, совершившемся въ его епархіи, «какъ наглядное средство, которое Богъ посылалъ простымъ людямъ для познанія истины». Это письмо было уничтожено постановленіемъ Совѣта [3]. Было-бы желательно, писалъ по этому поводу Барбье, чтобы наши прелаты воздержались отъ распространенія въ публикѣ сочиненій, которыя въ дѣйствительности служатъ только къ «опозоренію» религіи. «Чѣмъ болѣе роются въ такихъ вещахъ, какъ пророчества или старинныя чудеса, принимаемыя церковью, тѣмъ становится виднѣе неясность однихъ и недостовѣрность другихъ, признанныхъ въ тѣ отдаленныя времена на такихъ же ничтожныхъ основаніяхъ, какъ и то, что происходитъ передъ нашими глазами [4]». Это размышленіе, исходившее отъ человѣка, не принадлежавшаго къ литературному кругу, указывало на то, какъ религіозные споры подготовляли пути для будущаго наплыва философскаго духа.

Чудо, о которомъ возвѣщалъ епископъ монпельескій, совершилось «посредствомъ дѣйствія земли», въ которой покоились останки блаженнаго Париса. Эта священная земля была разослана во всѣ провинціи, частички ея растворяли въ питьѣ для больныхъ, такъ что съ этихъ поръ мож-

1. Barbier, II, 501.

2. Папскою грамотою отъ 3 октября 1733 г.

3. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 28 августа 1734, которымъ запрещается *Lettre pastorale de M. l'évêque de Montpellier, adressée au clergé et aux fidèles de son diocèse, pour leur notifier un miracle opéré dans son diocèse par l'intercession de M. Pâris*

4. Barbier, II, 501.

но было ожидать, что чудеса будутъ твориться во всѣхъ мѣстахъ Франціи [1]. Въ Парижѣ совершались явленія другого рода. Одержимые, которые были изгнаны съ кладбища Сенъ-Медаръ, продолжали свое изступленіе и экстазы въ домахъ. Женщины подвергались при этомъ самымъ удивительнымъ опытамъ; къ нимъ на животъ взбирались по три и по четыре человѣка, ихъ почти удавливали, а онѣ не только не жаловались, но выказывали признаки полнаго блаженства и даже пророчествали [2]. Эти конвульсіонеры составляли уже какую то новую религію, распадавшуюся на нѣсколько сектъ. Была секта *умножающихъ* (multipliants), секта *елисейцевъ* (éliséens), секта *Непорочнаго Агнца*. Послѣдняя была особенно замѣчательна. Человѣкъ ложился на столъ въ позѣ агнца и ему, какъ таковому, поклонялись, читали молитвы и пѣли въ честь его гимны. Иногда ночью на мѣстѣ Поръ-рояля (Port-Royal des champs), священнаго убѣжища янсенизма, встрѣчались цѣлыя процессіи мужчинъ и женщинъ, опоясанныхъ кожаною перевязью и съ краснымъ крестомъ на лбу, начертаннымъ кровью гуся [3].

Эти безумства, которыя парламентъ старался подавить и въ которыхъ участвовали тысячи людей, сильно повредили янсенизму [4]. Не менѣе повредили онѣ и религіи.

[1]. Другое чудо произошло уже въ оксеррской епархіи. См. постановленіе государственнаго совѣта отъ 28 марта 1734, запрещающее *Mandement de M. l'évêque d'Auxerre à l'occasion du miracle opéré dans la ville de Seignelay de ce diocèse, le janvier 1733, jour de l'Epiphanie. 1734.*

[2]. Barbier., II, 385.

[3]. Id., II, 542—528.

[4]. Приказомъ отъ 17 февраля 1733 министерство запретило собранія конвульсіонеровъ. Затѣмъ оно предоставило парламенту, какъ завѣдующему общей полиціей королевства, заботу объ ихъ преслѣдованіи. Barbier., III, 1, 2. Янв. 1735. Надо замѣтить, что съ этого времени и до смерти Флери, министерство само не принимало никакой мѣры противъ конвульсіонеровъ. Можно предполагать, что оно нарочно позволяло продолжаться безумствамъ, которыя дискредитировали партію янсенистовъ. Но это только предположеніе, въ

«Если въ наши дни, замѣчаетъ одинъ современникъ, въ утонченный и безвѣрный вѣкъ, подобный нашему, есть личности, вѣрующія этимъ видѣніямъ, то нечего удивляться, какимъ образомъ во всѣ времена возникали разныя исповѣданія; къ нимъ примѣшивается политика и они устанавливаются незамѣтнымъ образомъ [1]». Эти мысли вскорѣ появились и въ сочиненіяхъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ парламентъ высказался противъ *Философскихъ писемъ,* онъ осудилъ на сожженіе романъ подъ названіемъ *Малабарскія принцессы или философское безбрачіе,* авторъ котораго, по словамъ парламента «стремился съ предвзятымъ намѣреніемъ къ уничтоженію всякихъ принциповъ, всякаго религіознаго духа, и ужасное богохульство котораго распространялось даже на наши самыя святыя и достойныя поклоненія таинства [2]».

Если экзальтированные люди изъ партіи янсенистовъ роняли религію своими сумасбродствами, то ультрамонтаны, еще взволнованные послѣдними происшествіями, не меньше вредили ей своими неистовыми обвиненіями. Презирая законы, которыми запрещалось говорить о двухъ властяхъ и о буллѣ, и которые были вновь возобновлены правительствомъ [3], они продолжали издавать сочиненія, вызывавшія столкновенія [4]. Архіепископъ эмбренскій сыпалъ посланіями, «наполненными такими рѣзкими выра-

подтвержденіе котораго нельзя привести никакого положительнаго доказательства.

1. Barbier, II, 525.

2. Постановленіе парламента отъ 31 декабря 1734, осуждавшее на сожженіе книгу подъ заглавіемъ: *Les Princesses malabares, ou le Célibat philosophique, ouvrage interessante et curieux, avec des notes historiques et critiques. A Andrinople, chez Thomas Franco, 1734.*

3. См. вышеупомянутое постановленіе совѣта отъ 26 января 1734.

4. Постановленіе парламента отъ 16 апрѣля 1734, осуждающее на сожженіе два сочиненія подъ заглавіями: одно—*Поученіе о послушаніи рѣшеніямъ церкви*; другое: *Отвѣтъ нынѣшнимъ сторонникамъ вѣротерпимости.*—Постановленіе государственнаго совѣта отъ 29 мая 1734, которымъ уничтоженъ памфлетъ, озаглавленный: *Разсказъ о*

женіями и такими отвратительными картинами», что они способны были, по словамъ государственнаго совѣта, который и на этотъ разъ высказался противъ него, снова и съ прежнею силою возжечь въ королевствѣ несогласія [1]. Соревнователь его, епископъ лаонскій, раздраженный строгими мѣрами министерства противъ ультрамонтанъ, съ своей стороны обнародовалъ не менѣе яростныя *Письма*. Онъ обвинялъ правительство въ томъ, что оно посягаетъ на права епископовъ, и сравнивалъ постановленія совѣта, поражавшія *правовѣрныхъ* прелатовъ, «съ тѣми, оставившими по себѣ ненавистную память, декретами, въ которыхъ императоры, обманутые еретиками, предоставляли права заблужденію и преслѣдовали истину [2]». *Письмо нѣсколькихъ архіепископовъ и епископовъ къ его величеству*, которое было уничтожено государственнымъ совѣтомъ съ замѣчаніемъ, что король былъ въ негодованіи, узнавши, что его осмѣлились напечатать, отличалось еще сильнѣйшею несдержанностью [3]. Въ немъ говорилось, что молчаніе, предписанное относительно буллы и двухъ властей, не обязательно для служителей церкви; что впредь до спеціальныхъ указаній, *епископы никогда не могутъ подходить подъ дѣйствіе общихъ указовъ и постановленій;* что, покоряясь этому предписанію о молчаніи, они выказали бы пагубную снисходительность къ ереси и что если терпимость возможна въ другихъ религіяхъ, то она не можетъ быть допущена католицизмомъ, который, владѣя одинъ всѣми божественными истинами, *съ ужасомъ ее отвергаетъ.*

томъ, что произошло по поводу постановленія совѣта отъ 26 января 1734.

[1]. Постановленіе государственнаго совѣта 25 мая 1734, уничтожающее сочиненіе подъ заглавіемъ: *Пастырское посланіе и приказъ М. архіепископа эмбрёнскаго.*

[2]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 2 января 1733, воспрещающее два сочиненія, одно *Письмо: М. архіепископа-герцога лаонскаго къ М. М. архіепископамъ и епископамъ Реймской провинціи* другое: *Письмо М. архіепископа-герцога лаонскаго къ королю.*

[3]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 14 авг. 1734, вос-

Одинъ случай, происшедшій въ первые мѣсяцы 1735 г., вызвалъ на короткое время смятеніе въ лагерѣ ультрамонтанъ. Епископъ сенъ-папульскій [1], который былъ всегда приверженцемъ двора и буллы, объявилъ въ одномъ посланіи, что честолюбивое желаніе достигнуть высокаго положенія въ церкви было единственнымъ двигателемъ его присоединенія къ сторонникамъ буллы, что совѣсть всегда упрекала его за этотъ дурной поступокъ, что онъ кается въ немъ передъ Богомъ и чтобы загладить свое преступленіе рѣшился отнынѣ посвятить себя уединенію. Поступая согласно съ этимъ заявленіемъ, онъ отправилъ къ королю отреченіе отъ епископства, которое давало ему семьдесятъ пять тысячъ ливровъ дохода. Янсенисты провозгласили, что это чудо, и не сомнѣвались въ томъ, что если бы этому примѣру могли послѣдовать еще четверо или пятеро епископовъ, то римскій дворъ и булла были бы разбиты. Но по мнѣнію людей, менѣе способныхъ къ преувеличенію, нечего было опасаться, чтобы многіе прелаты соблазнились желаніемъ отказаться отъ своихъ доходовъ [2]. Правительство замѣстило епископа и постановленіемъ Совѣта уничтожило посланіе, которое было, по его словамъ, соблазномъ для церкви и позоромъ для его автора [3]. Насмѣшники, которые теперь всегда уже играли нѣкоторую роль въ этихъ спорахъ, издали пародію на это посланіе, воспользовавшись именемъ одной актрисы, которая незадолго передъ тѣмъ оставила театръ. Пародія была заглавлена: *Объявленіе отъ дѣвицы Ле-Моръ къ публикѣ, сообщающее о ея убѣжденіяхъ на счетъ оперы*

прещающее сочиненіе подъ заглавіемъ: *Письмо нѣсколькихъ архіепископовъ и епископовъ къ Его Величеству.*

[1]. Жанъ-Карлъ де-Сегюръ.

[2]. Barbier, III, 10, 11.

[3]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 2 апрѣля 1735 воспрещающее сочиненіе подъ названіемъ: *Посланіе епископа С. Папульскаго, сообщающее его народу о его убѣжденіяхъ на счетъ настоящихъ дѣлъ церкви и о причинахъ, заставившихъ его отказаться отъ своего епископства.* 1735.

и о причинахъ, по которымъ она ее оставила [1] Когда епископъ лаонскій захотѣлъ тоже сказать свое мнѣніе по поводу этого дѣла, то *Постановленіемъ о ябедѣ* (Arrêt de la Bazoche *), составленнымъ въ подражаніе постановленіямъ парламента, посланіе прелата было присуждено къ сожженію «рукою перваго чистильщика, который будетъ встрѣченъ внизу большой лѣстницы зданія суда [2]».

Со времени открытія военныхъ дѣйствій съ Австріей министерство, не желая прибавлять къ трудностямъ внѣшней войны еще затрудненій отъ внутреннихъ раздоровъ, старалось оставаться безпристрастнымъ между двумя партіями. Въ постановленіи Совѣта, состоявшемся въ іюнѣ 1736 года, которое осуждало заразъ и посланіе епископа лаонскаго и письмо епископа монпельескаго, объявлялось, что «король рѣшился употребить свою власть для того, чтобы подавить безъ всякаго различія стремленія всѣхъ тѣхъ, кто, хотя бы и разными путями и для различныхъ цѣлей, равно стремились къ нарушенію общественнаго спокойствія [3]». Этотъ образъ дѣйствій былъ не слишкомъ удобенъ съ такими ловкими людьми, какъ іезуиты, умѣвшими понудить всякаго высказать свои сокровенныя мысли и относившимися, по словамъ д'Аржансона, какъ къ врагамъ, ко всѣмъ людямъ, которые съ ихъ точки зрѣ-

1. Срав. Barbier, III, 9, 13, 14. Для дополненія пародіи составлено было по образцу постановленій совѣта, *Постановленіе Момуса,* которымъ опредѣлялось воспретить заявленія дѣвицы ле-Моръ.

* Базошъ. Это—старинная корпорація приказныхъ, съ теченіемъ времени получившая отчасти шутовской характеръ. Они публично разъигрывали разные фарсы и т. п. *Перев.*

2. *Arrêt de la Bazoche, qui ordonne que le mandement de M. l'évêque de Laon du 2 avril 1735 sera brûlé par la main d'un decrotteur, le premier qui sera rencontré au bas du grand escalier du Palais, 22 avril 1735.* Въ постановленіяхъ парламента о сожженіи сочиненій, говорилось, что таковое должно быть совершено приставомъ *внизу большой лѣстницы зданія суда.*

3. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 27 іюня 1726, уничтожающее сочиненія подъ заглавіемъ, одно: *Посланіе м-ра епи-*

нія были *ни рыба, ни мясо* [1]. Такъ, когда парижскій архіепископъ издалъ молитвенникъ, составленный въ довольно умѣренномъ духѣ, то онъ тотчасъ же подвергся нападкамъ собственной партіи и былъ обруганъ въ памфлетѣ, въ которомъ говорилось, что «онъ былъ только по наружности католикомъ», внесъ въ храмы «мерзость запустѣнія» и что этотъ такъ называемый молитвенникъ былъ «чудовищнымъ сочиненіемъ, зараженною и испорченною закваскою [2]».

По правдѣ сказать, безпристрастіе, которымъ такъ кичилось министерство, было болѣе видимымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Черезъ начальника полиціи оно присуждало къ сожженію янсенистскія брошюры и приговаривало къ позорному столбу или еще болѣе тяжкимъ наказаніямъ тѣхъ, кто печаталъ эти сочиненія [3]; но относительно про-

скопа-герцога лаонскаго, по поводу трехъ брошюръ, распространяемыхъ въ его епархіи; другое: *Письмо м-ра епископа монпельескаго Е. С. папѣ Клименту XII, по поводу декрета Его Святѣйшества, отъ 23 мая 1735 и проч.*

[1]. D'Argenson, I, 127.

[2]. Постановленіе парламента, осуждающее на сожженіе памфлетъ, подъ заглавіемъ: *Письмо по поводу новаго парижскаго молитвенника, напечатаннаго въ MDCCXXXVI году;* въ концѣ письмо помѣчено *25 марта 1736.* Срав. постановленіе парламента отъ 20 авг. 1736, осуждающее на сожженіе памфлетъ, озаглавленный: *Представленіе или второе письмо монсиньору архіепископу парижскому.*

[3]. См. два рѣшенія главнаго начальника полиціи отъ 21 и 25 марта 1736 г., *которыми многія частныя лица присуждаются къ выставленію у позорнаго столба и къ изгнанію за устройство тайной типографіи и за напечатаніе въ ней многихъ запрещенныхъ сочиненій, соблазнительныхъ и противныхъ религіи и общественному спокойствію.* Первое изъ этихъ рѣшеній осуждало на сожженіе сочиненія, озаглавленныя: *Мысли о чудесахъ нашего времени; Истина, преслѣдуемая заблужденіемъ; Размышленія и продолженіе размышленій о плѣненіи Вавилонскомъ.* Вторымъ присуждалась къ сожженію брошюра подъ названіемъ: *Рѣчь о Церковныхъ новостяхъ.* Этимъ рѣшеніемъ было осуждено восемнадцать лицъ. Слѣдуетъ замѣтить, что изъ нихъ только двое названы типографщиками; остальные шестнадцать были: три башмачника, одинъ столяръ, одинъ поваръ, одинъ лакей, одинъ бывшій школьный учитель, учитель чистописанія, полировщикъ и нѣсколько лицъ безъ опредѣленнаго занятія.

изведеній противной партіи, оно ограничивалось тѣмъ, что запрещало ихъ постановленіями Совѣта [1]. Правительство въ особенности наблюдало за тѣмъ, чтобы въ спорахъ, которые могли еще возникнуть въ будущемъ, не допускать вмѣшательства парламента. Если послѣдній издавалъ постановленіе, послѣдствій котораго можно было опасаться, то министерство тотчасъ аппелировало противъ его исполненія [2]. Чаще всего оно не допускало магистратовъ къ произнесенію приговора. Уничтоживъ посланіе епископа сенъ-папульскаго, оно присвоило себѣ право разсмотрѣнія всѣхъ сочиненій, которыя могли бы появиться за или противъ этого посланія [3]. То же самое сдѣлано было по поводу требника, напечатаннаго въ троасской епархіи и бывшаго причиною новыхъ споровъ [4]. Этотъ же образъ дѣйствій былъ примѣненъ министерствомъ и въ болѣе важномъ случаѣ. Одинъ священникъ, янсенистъ, бывшій каноникомъ въ приходѣ Сентъ-Аме, въ Дуэ, умеръ въ этомъ городѣ, будучи лишенъ своимъ начальствомъ напутствія св. таинъ; было даже запрещено хоронить его въ освя-

[1]. Такимъ образомъ было уничтожено семь или восемь сочиненій епископа лаонскаго. Кромѣ приведенныхъ здѣсь постановленій Совѣта см. въ концѣ тома постановленія 1 и 15 мая, 3 и 7 іюля и 18 декабря 1735 г., 28 іюля, 19 авг. и 8 декабря 1736 г., 5 мая, 11 и 17 ноября 1737. Въ этихъ различныхъ постановленіяхъ министерство заявляетъ о своемъ примирительномъ духѣ и повторяетъ часто, что его величество постоянно заботится о томъ, чтобы погашать во всѣхъ областяхъ своего королевства пламя религіозныхъ раздоровъ.

[2]. Постановленіе парламента отъ 18 февраля 1735, запрещающее сочиненіе подъ заглавіемъ: *Пастырское наставленіе м-ра архіепископа камбрэйскаго* и одну диссертацію, защищавшуюся въ Сорбоннѣ 30 октября 1734. Срав. постановленія государственнаго совѣта отъ 20 февраля и 10 мая 1735.

[3]. Постановленія государственнаго совѣта отъ 24 апрѣля 1735 г. относительно сочиненій, изданныхъ по поводу посланія епископа Сенъ-Папульскаго.

[4]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 11 іюня 1737 по поводу новаго требника, изданнаго въ Троа, и посланія архіепископа сансскаго.

щенной землѣ. Близкіе люди похоронили его въ его собственномъ саду, лицомъ обращеннымъ къ церкви. По приказанію приходскихъ властей тѣло его было вырыто и положено въ противоположномъ направленіи и лицомъ внизъ. Семейство покойнаго обратилось съ жалобой къ парламенту. На другой же день постановленіемъ Совѣта [1] жалоба была устранена изъ вѣдѣнія парламента и все дѣло замято [2].

Наступилъ 1737 годъ. Война съ Австріей кончилась и шли переговоры о мирѣ, результатомъ котораго должно было быть присоединеніе Лотарингіи къ Франціи [3]. Пока продолжалась война, въ обществѣ мало говорили объ «*этой прекрасной буллѣ*» [4], но теперь, благодаря дѣлу въ Дуэ, опять начали заниматься ею. Одно происшествіе, которое надѣлало еще болѣе шума, такъ какъ оно случилось ближе къ Парижу, снова и въ сильной степени обратило на нее общее вниманіе. Однажды человѣкъ, одѣтый въ плащъ съ большимъ воротникомъ и въ парикѣ соотвѣтственныхъ размѣровъ, проникъ въ Версаль, въ комнату, въ которой король обѣдалъ за малымъ столомъ, и молча сталъ нѣсколько въ сторонѣ, къ большому удивленію присутствующихъ, которые спрашивали себя, что это за «приказная фигура»? По окончаніи обѣда, когда королю подали салфетку, человѣкъ этотъ бросился къ его ногамъ и подалъ книгу, умоляя прочитать ее во имя истины, которую по его словамъ давно отъ него скрываютъ;

[1]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 17 февраля 1737.

[2]. Barbier, III, 58—61.

[3]. Миръ былъ окончательно заключенъ только 18 ноября 1738 г. въ Вѣнѣ и объявленъ въ Парижѣ 1 іюня 1739 г., но военныя дѣйствія прекратились уже задолго до этого и съ апрѣля 1737 король Станиславъ долженъ былъ принять въ свое владѣніе Лотарингію, присужденную ему трактатами. Въ виду того, что онъ не сохранилъ той короны, изъ за которой началась война, то тѣ-же люди, которые не одобряли войну, осуждали теперь миръ, который они признавали «безчестнымъ» для Франціи. Barbier, III, 50.

[4]. Barbier, III, 59.

затѣмъ всталъ и изчезъ. Король взялъ книгу и хотѣлъ ее открыть, но одинъ изъ придворныхъ вырвалъ ее у него изъ рукъ, закричавъ, что она быть можетъ отравлена. Бросились за этимъ человѣкомъ, который пріѣхалъ изъ Парижа въ почтовой каретѣ и уже оставилъ Версаль, отыскали его и тотчасъ же посадили въ Бастилію. Оказалось, что это членъ парламента Каррэ-де-Монжеронъ, обращенный въ янсенизмъ чудесами, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ на кладбищѣ Сенъ-Медаръ, и съ тѣхъ поръ сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ ярыхъ его приверженцевъ. Книга же заключала въ себѣ,—вмѣстѣ съ разсказомъ объ этомъ обращеніи и исторіей чудесъ блаженнаго Париса,—длинное посланіе къ королю, въ которомъ авторъ нападалъ на Римъ и на іезуитовъ и открывалъ королю образъ дѣйствій его министровъ, которые, утверждалъ онъ, обманываютъ его относительно истинныхъ нуждъ церкви и интересовъ его короны [1].

Признавая поступокъ этого магистрата сумасбродствомъ, парламентъ тѣмъ не менѣе протестовалъ противъ строгости, которой подвергся Монжеронъ, и сослался на привилегіи корпораціи, дававшія магистратамъ право быть судимыми только своими сотоварищами. Правительство не сдалось на это требованіе. Изъ Бастиліи, гдѣ онъ содержался, Монжеронъ былъ переведенъ за сто пятьдесятъ льё отъ Парижа, въ крѣпость, изъ которой ему не суждено уже было выдти [2]. Янсенисты пришли въ волненіе; въ этомъ несчастномъ стали видѣть мученика за вѣру; распространялись брошюры, въ которыхъ увѣщевали другихъ членовъ парламента послѣдовать его примѣру и доказывали «дѣйствительность, размѣръ и успѣхъ заговоровъ, составленныхъ противъ Бога, религіи и государ-

[1]. *La Vérité des miracles du diacre Pâris, etc., démontrée contre M. l'archevêque de Sens,* par Basile Carré de Montgeron. P., 1737.

[2]. Въ цитадель Валанса, гдѣ онъ и умеръ въ 1754. Barbier, III, 89—102. (Іюль-сент. 1737); срав., Luynes, I, 310—312.

ства [1]». Едва только Монжеронъ былъ заключенъ въ Бастилію, какъ огонь уничтожилъ городскую больницу (Hôtel-Dieu), при чемъ погибло много людей [2]. Спустя мѣсяцъ, новый пожаръ, не менѣе ужасный по своимъ результатамъ, уничтожилъ Счетную Палату [3]. Въ обѣихъ катастрофахъ стали обвинять янсенистовъ, которые съ своей стороны приписывали ихъ божескому наказанію. Партія янсенистовъ, къ которой принадлежали люди изъ всѣхъ классовъ, не смотря на отпаденія, которыя могли быть произведены въ ней зараждающимся скептицизмомъ, составляла еще, какъ утверждали, двѣ трети населенія Парижа [4].

Раздоры снова возгорѣлись и притомъ по такой причинѣ, которая повидимому должна была бы ихъ погасить. Удрученный тяжестью лѣтъ и дѣлъ, Флёри замѣтно ослабѣвалъ. Въ началѣ 1738 года онъ былъ настолько боленъ, что причащался [5]. Въ публикѣ полагали, что онъ скоро выйдетъ въ отставку. Молодые придворные, любящіе все новое, открыто уговаривали короля, «отдѣлаться отъ своего стараго учителя [6]». Но министръ, у котораго страсть къ власти повидимому усилилась съ годами, чтобы удержать ее, снова прибѣгъ къ тому же способу, посредствомъ котораго онъ ее пріобрѣлъ. Онъ еще больше, чѣмъ до сихъ поръ, сблизился съ ультрамонтанской партіей и предался іезуитамъ, такъ какъ будто онъ отдался *чорту* [7]. Такимъ образомъ, внезапно выйдя изъ своего ка-

[1]. Постановленіе парламента 4 января 1738, запрещающее четыре сочиненія, озаглавленныя—одно: *Девятнадцатое богословское письмо;* другое: *Продолженіе девятнадцатаго богословскаго письма;* третье: *Письма къ одному магистрату по поводу поступка г. де-Монтжеронъ;* четвертое: *Продолженіе писемъ къ одному магистрату.*

[2]. Въ августѣ 1737.

[3]. Въ октябрѣ 1737.

[4]. Barbier, III, 106.

[5]. Id., III, 196.—Luynes, II, 40—41.

[6]. D'Argenson, I, 318, 319.

[7]. Id., II, 104.

жущагося нейтралитета [1], онъ прежде всего обратился противъ парламента. Святой престолъ только что обнародовалъ буллу о причисленіи къ лику святыхъ Винцента-де-Поля. Парламентъ запретилъ ее, не потому, какъ онъ выражался, чтобы онъ не почиталъ памяти лица по достоинству благоговѣйно чтимаго, но потому, что редакція буллы присвоивала римскому двору безусловную власть въ дѣлахъ вѣры, до такой степени, что въ ней говорилось о «слѣпомъ повиновеніи» его декретамъ «и о строгихъ наказаніяхъ, которыя свѣтская власть обязана была немедленно примѣнять, чтобы заставить исполнять эти декреты [2]». Министерство отмѣнило постановленіе парламента [3]. Оно заявило, что не имѣетъ нужды въ парламентѣ для защиты правъ королевской власти и привилегій государства и что роль магистратовъ должна заключаться только въ томъ, чтобы придавать «внѣшнюю форму» распоряженіямъ государя [4]. Руководясь этимъ принципомъ, оно отмѣнило другое постановленіе, направленное противъ четырехъ тезисовъ Сорбонны, въ которыхъ дѣлались нападенія на права галликанской церкви [5]. Тревожные слухи не замедлили распространиться. Увѣряли, что значительное число парламентскихъ должностей будетъ упразднено [6]. Въ это самое время министерство перемѣнило персоналъ Верховнаго Совѣта, составивъ его исключи-

[1]. Барбье (III, 144) и д'Арженсонъ (II, 2) согласно другъ съ другомъ отмѣчаютъ эту внезапную перемѣну въ образѣ дѣйствій министра.

[2]. Постановленіе парламента 4 января 1738, запрещавшее изданіе подъ заглавіемъ: *Canonisatio B. Vincenti à Paulo. Parisiis, è typis Petri Simon, MDCCXXXVII.*

[3]. Постановленіе государственнаго совѣта 22 января 1738 по поводу буллы о канонизаціи святаго Винцента-де Поля.

[4]. Barbier, III, 121.

[5]. Постановленіе парламента 16 декабря 1737, которымъ предписывается уничтоженіе четырехъ тезисовъ.—Постановленіе государственнаго совѣта 16 марта 1738, по поводу постановленія парламента 16 декабря 1737.

[6]. Barbier, III, 136 (іюнь 1737).

тельно изъ людей ему преданныхъ [1], и всѣ были убѣждены, что это послужитъ началомъ еще болѣе важныхъ мѣропріятій. Королевскія грамоты отъ 30 іюня 1738 г., «содержавшія въ себѣ передачу этому учрежденію всѣхъ дѣлъ объ іезуитахъ», подтвердили это подозрѣніе. Наконецъ стало извѣстно, что министерство предположило передать Верховному Совѣту дѣла по аппеляціямъ на превышенія власти [2]. Это значило бы, писалъ д'Аржансонъ, не только отнять у парламентскаго вѣнца его лучшее украшеніе, но и поставить явнымъ образомъ ультрамонтанство на мѣсто «столь хвалимой свободы галликанской церкви, называемой палладіумомъ Франціи [3]». Давно уже, прибавлялъ онъ, епископы «обдумывали этотъ достойный сожалѣнія переводъ власти» и на этотъ разъ они полагали, что наконецъ достигли исполненія своихъ надеждъ.

Въ ожиданія событія, которое должно было удовлетворить ихъ желанія, епископы получили отъ министерства еще другое удовлетвореніе. Аппеляція, предъявленная университетомъ по поводу буллы Unigenitus въ 1718 году, еще была у него въ производствѣ. Рѣшено было исключить ее изъ списковъ. Когда въ одномъ изъ факультетовъ, возникли споры по поводу предполагавшагося вскорѣ избранія ректора, министерство поспѣшило взять на себя разрѣшеніе этихъ споровъ,—которые подлежали вѣдѣнію парламента,—измѣнило по этому случаю правило подачи голосовъ и заставило избрать ректоромъ не просто одного изъ профессоровъ, но принца изъ дома Роганъ, аббата Вентадуръ, раздѣлявшаго его

[3]. Id., III, 120; d'Argenson, II, 47.

[4]. Этотъ слухъ усилился еще болѣе, когда узнали, въ концѣ 1738 года, что графъ д'Аржансонъ,—братъ автора Мемуаровъ и рѣшительный сторонникъ буллы,—назначенъ президентомъ Верховнаго Совѣта.

[5]. D'Argenson, II, 47 (декабрь 1738).

[6]. Постановленіе государственнаго совѣта 24 декабря 1738.

[7]. Другимъ постановленіемъ государственнаго совѣта 16 марта 1739

взгляды [1]. Никто не ошибался относительно цѣли, къ которой вели всѣ эти распоряженія. Въ то время, какъ шутники распространяли объявленіе, приглашавшее *присутствовать на выносѣ и похоронахъ университета* [2], появилась записка, авторы которой, принадлежавшіе къ самому университету, энергично настаивали на своемъ рѣшеніи не брать назадъ своего протеста [3]. «Мы не преклонимъ колѣна передъ *идоломъ*, говорили они. Мы думали и писали тогда, что Unigenitus есть ужасное дѣло, наносящее смертельный ударъ религіи. То же самое мы думаемъ и теперь. Посмотрите на дѣйствія партіи констуціонеровъ, — это одни насилія, беззаконія, несправедливости, клеветы, обманы, ссылки, заключенія въ тюрьму, волненія и безпорядки во всѣхъ духовныхъ обществахъ, вызываемыя гоненіемъ свободы,— расколъ повсюду, и это только для того, чтобы добиться признанія буллы. Правительство, обманываемое лживыми донесеніями, соглашается на все, и при этомъ говорятъ, что все это дѣлается съ одною цѣлью водворить миръ въ церкви Франціи: миръ гнета и отчаянія, подобный тому, который водворяетъ непріятель въ завоеванномъ городѣ».

Въ маѣ 1739 г. дѣло было сдѣлано. Послѣ «прекрасной рѣчи на латинскомъ языкѣ» аббата де Вентадура, произнесенной въ общемъ собраніи, протестъ былъ вычеркнутъ изъ регистровъ и булла принята «сердцемъ и духомъ», какъ догматъ всемірной церкви *всецѣло*

[1]. Barbier, III, 164.—d'Argenson, II, 76, 108—113. Выборъ происходилъ 16 марта 1739.

[2]. Вотъ текстъ этого объявленія: «Vous êtes prié d'assister au convoi et enterrement de très-haute et très-puissante dame, madame l'Université de Paris, fille aînée du Roi, décédée en son hôtel des sciences le 20 mars 1739. Son corps mort sera déposé dans l'église des RR. PP. Jésuites, pour y attendre la résurrection du bon sens en France. *Requiescat in pace*». Barbier, III, 170.

3. Постановленіе госуд. совѣта 11 апрѣля 1739 г., запрещающее брошюру подъ заглавіемъ: *Mémoire pour l'Université où l'on montre qu'elle ne peut révoquer son appel.*

и безусловно, безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій [1]. Восемьдесятъ два члена университета заявили публичный протестъ противъ этого принятія [2]. Они были лишены своихъ степеней. Почтенный ученый Ролленъ и съ нимъ тридцать четыре лучшихъ профессоровъ университета были лишены каѳедры [3]. «Конституція (булла) перейдетъ мало по малу въ догматъ вѣры, писалъ человѣкъ, который не былъ ни янсенистомъ, ни іезуитомъ, и изъ того, что происходитъ, можно судить о томъ, какое уваженіе мы должны питать въ душѣ ко всѣмъ рѣшеніямъ церкви по важнымъ вопросамъ вѣры. Надо предполагать, что такъ или иначе всѣ они проводились путемъ такой же лжи и такихъ же интригъ, въ особенности въ тѣ отдаленныя времена, когда духовенство пользовалось неограниченною властью [4]». Такимъ образомъ правительство своими необдуманными дѣйствіями само увеличивало число прозелитовъ философскихъ идей.

Во время этихъ самыхъ нападеній на университетъ, правительство внезапно распорядилось смѣнить всѣхъ священниковъ прихода Сенъ-Рошъ, подозрѣваемыхъ въ янсенизмѣ. Точно также были смѣнены въ Парижѣ, Путатье и въ другихъ городахъ всѣ настоятели ордена Голгофы и разосланы по разнымъ мѣстамъ, какъ разослалъ когда то Людвикъ XIV монахинь Поръ-Рояля. Грозили уничтоженіемъ ордена Ораторіи, который безъ сомнѣнія слишкомъ свято хранилъ память о. Кенеля. Кромѣ того, у папы были испрошены нѣкоторыя грамоты, несогласныя съ свободою галликанской церкви [5].

[1]. «Само общество Іисуса и всѣ іезуиты вмѣстѣ не могли бы принять ее лучше», говоритъ Barbier, III, 174. 175.—D'Argenson, II, 155, 156.

[2]. Постановленіе госуд. совѣта 14 мая 1739 г., запрещающее *Акты*, изданные на основаніи рѣшенія факультета искусствъ 11 числа того же мѣсяца.

[3]. D'Argenson, II. 162.

[4]. Barbier, III, 174—178.

[5]. D'Argenson, II, 108, 205, 207.

Тщетно парламентъ дѣлалъ свои представленія [1]. Министерство, сдѣлавшись осторожнѣе послѣ 1732 г., избѣгало прямыхъ столкновеній съ парламентомъ. Оно принимало его представленія, но требовало, чтобы они излагались письменно, затѣмъ медлило съ отвѣтомъ, давая время нѣсколько улечься волненію, если отвѣчало, то въ неопредѣленныхъ «медоточивыхъ» выраженіяхъ и продолжало свое дѣло [2]. Результатомъ этихъ насильственныхъ мѣръ и преслѣдованій было то, что партія янсенистовъ, начинавшая было уменьшаться, теперь, напротивъ, росла съ замѣтной быстротой. Все, что во Франціи ненавидѣло несправедливость и гнетъ, становилось на ихъ сторону [3]. Ультрамонтаны, болѣе чѣмъ когда либо, были предметомъ всеобщей ненависти. «Что за люди, эти предводители ультрамонтанства!» восклицалъ д'Аржансонъ, «и какими словами изобразить гнусность архіепископа эмбрёнскаго, имя котораго стало для страны тѣмъ же, чѣмъ было имя Равальяка?» Покровительство этихъ опозоренныхъ людей «сдѣлалось нынѣ столь же омерзительнымъ, какъ покровительство палача [4]».

Архіепископъ эмбренскій, о которомъ съ такою страстною ненавистью говоритъ д'Аржансонъ, былъ только что возведенъ папою въ кардиналы. Это назначеніе, въ которомъ была ясно видна рука министерства, было встрѣчено всеобщимъ негодованіемъ, какъ предсказаніе новой Варфоломеевской ночи для янсенистовъ [5]. Опасенія усилились еще болѣе, когда узнали, что его намѣрены сдѣлать преемникомъ кардинала Флери. Онъ самъ уже повидимому готовился къ этой роли, выказывалъ преувеличенную набожность («faisait le dévot»), не разставался съ молитвенникомъ, говорилъ проповѣди

1. D'Argenson, II, 113, 118.
2. Id., II, 177.
3. Id., II, 103, 107.
4. Id., II, 49. 50, 57.
5. Id., II, 99, 100.

придворнымъ дамамъ, присутствовалъ при вставаніи и отходѣ ко сну министра и составлялъ ему записки о ходѣ государственныхъ дѣлъ [1]. Въ іюнѣ 1739 г. была отдана въ печать декларація, которою передавались въ Верховный Совѣтъ всѣ дѣла, касающіяся религіи, т. е. буллы, что должно было лишить парламентъ всякой возможности принимать аппеляціи на беззаконія духовныхъ властей [2]. Ультрамонтаны открыто говорили о томъ, что будутъ произведены еще и другія реформы, которыя были бы ничѣмъ инымъ, какъ ниспроверженіемъ конституціи королевства, каковымъ было бы уничтоженіе парламента и замѣна его Верховнымъ Совѣтомъ [3]. Члены парламента были полны ожиданія, готовясь къ рѣшительному отпору. По словамъ здравомыслящихъ людей, это было повтореніе той же политики, которая вызвала во Франціи жестокія волненія во времена кальвинизма. Оппозиція противъ Рима и противъ правительства принимала болѣе грозные размѣры, чѣмъ въ 1732 г. Янсенисты, снова объединились въ общемъ союзѣ и «были способны на все [4]».

Можно было удивляться, почему желаніе оставаться министромъ, безъ сомнѣнія, въ связи съ тою чрезмѣрною набожностью, которая была слѣдствіемъ его старческаго возраста, заставляло кардинала Флери такъ усиливать строгость по отношенію къ янсенистамъ,—когда вдругъ стало извѣстно, что онъ подготовляетъ свою кандидатуру на папскій престолъ. Это «разъяснило множество загадокъ» и, въ особенности, его благоволеніе къ кардиналу Тенсену, которому, какъ узнали впослѣдствіи, онъ поручилъ хлопотать о своемъ выборѣ и который теперь съ этою цѣлью поѣхалъ въ Римъ [5]. Въ королевскомъ альманахѣ значилось, что Флери родился въ 1655 г. и слѣдова-

1. D'Argenson, II, 126, 139, 140.
2. Id., II, 184.
3. Id., II, 105, 107, 119, 138.
4. Id., II, 107, 108.
5. Id., II, 147, 158.

тельно ему восемьдесятъ пять лѣтъ, между тѣмъ въ дѣйствительности ему было восемьдесятъ семь, такъ какъ онъ родился въ 1653 г. Будучи двумя годами моложе папы Климента XII, который, какъ говорили, былъ при смерти, онъ могъ надѣяться пережить его, хотя и самъ онъ въ сущности былъ не въ лучшемъ состояніи, и слухъ о его смерти уже нѣсколько разъ распространялся во Франціи [1]. Но это самое обстоятельство было для него благопріятно, такъ какъ кардиналы, выбирая его, могли заранѣе быть увѣрены, что ваканція опять скоро освободится, чѣмъ открывалась дорога каждому изъ нихъ [2]. Питая эти надежды на папскую тіару и желая во что бы то ни стало завоевать себѣ симпатіи ультрамонтановъ, Флери задумалъ нанести янсенистамъ новый неожиданный ударъ, который хотя и не былъ бы актомъ насилія, но сдѣлалъ бы много зла врагамъ «Конституціи». Онъ постарался сблизиться съ Вольтеромъ, который послѣ осужденія его *Философскихъ писемъ*, снова навлекъ на себя неудовольствіе министерства тайнымъ напечатаніемъ *Pucelle* [3]. Имѣя теперь въ виду только тѣ услуги, которыя ему можетъ оказать талантъ великаго писателя, онъ попросилъ его выступить съ книгою противъ янсенизма. Вольтеръ согласился и предпринялъ рядъ писемъ вродѣ *Provinciales*, которыя должны были быть такимъ же походомъ противъ янсенизма, какимъ были письма Паскаля противъ іезуитовъ. Но начавъ книгу, онъ нашелъ, что ею онъ обезчеститъ себя и бросилъ свою рукопись въ огонь. За это Вольтеръ подвергся немилости и, по всей вѣроятности, именно этому обстоятельству онъ былъ обязанъ осужденіемъ Совѣта своего *Собранія летучихъ листковъ* [4]. По этому

[1]. А именно въ февралѣ и сентябрѣ 1738 г. Barbier, III, 142, 143.

[2]. D'Argenson, II, 426.

[3]. Voltaire, *Corresp. génér.*, I, 395; II, 4, 5.

[4]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 4 декабря 1739 г., воспрещающее книгу подъ заглавіемъ: *Recueil des pièces fugitives, en prose et en vers, par M. de V...*

случаю д'Аржансонъ однажды сказалъ Вольтеру: «Будьте такимъ же іезуитомъ, какъ я; для порядочнаго гражданина только и возможна одна партія,—партія вѣротерпимости, уничтожающая всякія партіи во Франціи [1]».

Между тѣмъ ультрамонтаны спѣшили извлечь какъ можно болѣе выгодъ изъ благопріятнаго настроенія министра. Многіе епископы издали *Письма*, въ которыхъ, открыто требуя признанія раскола, они настаивали во имя религіи на лишеніи таинствъ тѣхъ, «кто умираетъ не признавая конституціи [2]». Епископъ лаонскій, всегда готовый выступить на борьбу, развилъ эти мысли въ пастырскомъ поученіи со свойственнымъ ему блестящимъ краснорѣчіемъ [3]. Дѣло не ограничивалось однимъ писаніемъ. Въ Сомюрѣ, одна молодая дѣвушка, принадлежавшая къ *не признающимъ (une appelante)*, умерла безъ Св. Таинъ; духовенство распорядилось выбросить ея тѣло въ ямы, куда бросали трупы убитыхъ животныхъ, чуть не вызвавъ этимъ безчеловѣчнымъ поступкомъ настоящее народное возмущеніе [4]. Подобный же случай едва не произошелъ и въ Байе, еслибы не вмѣшательство генеральнаго лейтенанта судебнаго округа, на котораго тотчасъ же было донесено Флери мѣстнымъ епископомъ и который былъ вытребованъ для объясненій ко двору [5]. Въ Парижѣ партія конституціонеровъ употребляла всѣ усилія, чтобы кардиналъ Тенсенъ былъ сдѣланъ министромъ. Въ этихъ интригахъ принимало участіе множество «дамочекъ», имѣвшихъ претензію на репутацію благочестивыхъ и ультрамонтанокъ. Мадамъ де Тенсенъ

[1]. D'Argenson, II, 281 (октябрь 1739 г.).

[2]. Постановленіе парламента 22 февраля 1739 г., запрещающее брошюру подъ заглавіемъ: *Lettres de plusieurs évêques sur l'obligation de priver de l'obligation du sacrifice de la messe et des suffrages de l'Eglise ceux qui meurent appelants de la constitution Unigenitus. A Ypres, 1739.*

[3]. Сентябрь 1739 г. См. вышеупомянутое постановленіе парламента.

[4]. D'Argenson, II, 184.

[5]. Id., *ibid.*

съ своей стороны прибѣгала для этого ко всевозможнымъ средствамъ [1]. По мѣрѣ того, какъ этотъ походъ принималъ все большіе размѣры, тревога янсенистовъ возростала. Когда въ февралѣ 1740 г. Климентъ XII умеръ, назначеніе кардинала Тенсена министромъ показалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Флери уже повидимому успѣлъ обезпечить большинство голосовъ своей кандидатурѣ на папскій престолъ. При дворѣ только объ этомъ и говорили. Вспоминали, что Карлъ Пятый былъ единственнымъ монархомъ, сдѣлавшимъ своего наставника папою [2], и даже враги министра не могли не согласиться, что повтореніе этого примѣра Людовикомъ XV должно возвеличить славу Франціи. Эта же мысль льстила и самому королю, который намѣревался лично провожать новаго папу до Марсели. Въ концѣ мая это избраніе казалось настолько вѣрнымъ, что съ минуты на минуту ожидали получить извѣщеніе о немъ [3].

Надежды Флери были однако обмануты. 17 августа 1740 г. папою былъ избранъ Просперъ Ламбертини, принявшій имя Бенедикта XIV [4]. Все рвеніе министра къ «Конституціи» тотчасъ же упало и мѣры, задуманныя противъ парламента, не были осуществлены. Тѣмъ не менѣе онъ и теперь еще разъ далъ доказательство своего благоволенія къ ультрамонтанской партіи. Когда парламентъ осудилъ пастырское поученіе епископа лаонскаго и запретилъ «всякія дѣйствія или писанія, дающія право на отказъ отъ причащенія или церковнаго погребенія за непризнаваніе Конституціи [5]», министръ кассировалъ это поста-

[1]. D'Argenson, II, 236 (авг. 1739 г.); II, 417 (февр. 1740 г.).

[2]. Адріанъ VI.

[3]. D'Argenson, II, 426; III, 1—82 (февр.-май 1740 г.).

[4]. За шесть недѣль до этого избранія Флери уже зналъ, что его выборъ безнадеженъ. D'Argenson, III, 163.

[5]. Постановленіе парламента 1 сентября 1740 г., запрещающее брошюру подъ заглавіемъ: *Instruction pastorale de M. l'évêque de Laon*, помѣченную 8 и 18 сентября 1739 г.

новленіе [1]. Но такъ какъ поведеніе министерства уже не давало янсенистамъ никихъ новыхъ поводовъ къ раздраженію, то страсти какъ будто нѣсколько успокоились. На самомъ дѣлѣ, уже съ нѣкоторыхъ поръ и общество и правительство не могло не быть все болѣе озабочено другими вопросами чрезвычайной важности, которые и отвлекли теперь всеобщее вниманіе отъ этихъ злосчастныхъ религіозныхъ споровъ [2].

Въ то самое время, когда своими актами нетерпимости и своими суровыми мѣрами противъ янсенистовъ министерство вызывало такую страстную оппозицію, въ странѣ начинался голодъ, причиною котораго было не столько недостатокъ хлѣба, сколько взяточничество и другія злоупотребленія, господствовавшія во внутреннемъ управленіи, за которымъ министру при его слабѣющихъ умственныхъ способностяхъ дѣлалось все невозможнѣе слѣдить и которое все болѣе ускользало изъ его рукъ [3]. Въ народѣ стала распространяться сильная смертность. Въ срединѣ 1739 г. въ Турени, Мэнѣ, Ангумуа, въ верхнемъ Пуату, въ Перигорѣ, Берри, въ Орлеанскомъ округѣ, люди «ѣли траву и мерли какъ мухи [4]». Герцогъ Орлеанскій принесъ однажды королю хлѣбъ изъ травы и сказалъ ему: «посмотрите, чѣмъ питаются ваши подданные [5]».

1 По постановленію государственнаго совѣта отъ 6 сентября 1740 г. По словамъ Барбье онъ кассировалъ это постановленіе единственно только въ угоду епископамъ, которые только что вотировали въ своемъ общемъ собраніи добровольный даръ въ три милліона пятьсотъ тысячъ ливровъ. Barbier, III, 214, 215.

2. Государство имѣетъ передъ собою болѣе существенныя заботы: съ одной стороны, вѣроятная война съ Англіей; съ другой, неурожай хлѣба». Barbier, III, 216.

3. Barbier, III, 179.

4. D'Argenson, II. 130, 149, 151 (апрѣль-май 1739 г.).

5. Id., II, 159. Епископъ шартрскій смѣло говорилъ съ королемъ о положеніи дѣлъ. На вопросы Людовика XV, онъ отвѣчалъ, что люди ѣдятъ траву, какъ бараны, и умираютъ, какъ мухи и что скоро появится чума. Когда королева предложила ему сто луидоровъ для его бѣдныхъ, онъ сказалъ: «Сохраните ваши деньги

Президентъ палаты косвенныхъ налоговъ (la cour des aides) имѣлъ смѣлость въ публичной рѣчи сказать Людовику XV о страданіяхъ его народа, «принужденнаго отнимать пищу у животныхъ, пасущихся на поляхъ [1]». Бѣдствіе вскорѣ охватило всю страну. Въ мартѣ 1740 г. д'Аржансонъ писалъ, что въ послѣдніе два года во Франціи погибло отъ нищеты и голода больше народа, чѣмъ было убито во всѣхъ войнахъ Людовика XIV [2]. Во многихъ мѣстахъ вспыхнули возмущенія [3]. Былъ моментъ, когда въ самомъ Парижѣ ощущался недостатокъ въ хлѣбѣ и боялись возстанія [4]. 18 сентября, когда король проѣзжалъ по предмѣстью Сенъ-Викторъ по дорогѣ въ Исси, гдѣ находился кардиналъ, вокругъ него собрался народъ, кричавшій не «*да здравствуетъ король*», а—*Горе! Хлѣба! Хлѣба!* и осыпавшій ругательствами «*эту старую собаку, кардинала* [5]». Люди, доведенные до крайности нуждой, громко высказывали намѣреніе сжечь отель генеральнаго контролера финансовъ. Нѣсколько дней спустя, когда министръ проѣзжалъ черезъ Парижъ, его окружила толпа болѣе двухъ сотъ женщинъ, которыя хватались за упряжь лошадей, не хотѣли пропускать его, отворяли дверцы кареты и съ яростью кричали: *Хлѣба! хлѣба! мы умираемъ съ голода!* [6]».

Тѣ же самыя причины, которыя вызвали голодъ, привели къ совершенному разстройству и казну. Кардиналъ въ теченіи всего своего министерства не прибѣгалъ ни

для того времени, когда ихъ не будетъ больше ни у короля, ни у казны, ни у меня. Тогда, если у васъ еще будутъ деньги, в. в. поможете бѣднымъ моей епархіи». Id., II, 165, 166.

1. Barbier, III, 180, 181 (іюнь 1793 г.); d'Argenson, II, 175—176.

2. D'Argenson, III, 92.

3. Id., II, 159; III, 168.

4. Id., III, 168, 169.

5. Id., III, 171—172. «Эта старая собака кардиналъ мѣшаетъ земледѣльцамъ работать и заставляетъ насъ терпѣть недостатокъ хлѣба».

6. D'Argenson, III, 172.—Barbier, III, 219, 220.

къ другимъ какимъ способамъ для пополненія ея средствъ, какъ къ мелочной экономіи,—«экономіи свѣчныхъ огарковъ»,—и она естественно должна была придти въ совершенное разстройство какъ только не стало бдительнаго надзора и появились новыя непредвидѣнные расходы [1]. Въ то время, какъ хлѣбъ доставали по очень высокой цѣнѣ изъ Польши, Неаполя и Сициліи, совершившіяся въ Европѣ событія вызвали необходимость еще новыхъ расходовъ. Франціи угрожала война съ Англіей и ей пришлось заняться преобразованіемъ флота, который былъ доведенъ министерствомъ до полнаго упадка [2]. Денегъ, которыхъ было мало въ 1739 г., въ 1740 стало еще меньше [3]. Повысили налоги и сборъ ихъ производился съ безпощадною строгостью. У несчастныхъ плательщиковъ отнимали одежду, забирали даже дверныя задвижки и послѣдніе остатки пшеницы [4].

Все это вмѣстѣ порождало всеобщее раздраженіе противъ двора; кардиналъ сдѣлался наконецъ ненавистенъ во всемъ королевствѣ [5]. Удивлялись тому, что Людовикъ XV не хочетъ отставить министра, удаленія котораго всѣ такъ желали; но кардиналъ, который въ своей ревнивой жадности къ власти, давно удалилъ изъ министерства всѣхъ тѣхъ, кто своими достоинствами могъ представлять для него опасность [6], умѣлъ поддерживать въ своемъ воспитанникѣ ту смѣшанную съ робостью лѣность, которая совершенно устраняла всякое желаніе за-

[1]. D'Argenson, II, 151--241.

[2]. Id., II, 194—196, 234, 361 и *passim;* ср. I, 307.

[3]. Id., II, 149, 151; III, 78.

[4]. Id., III, 92 (май 1740 г.).

[5]. «Эту ненависть никакъ нельзя сравнивать съ ненавистью и интригами противъ кардинала Мазарини... Все, совершающееся въ настоящее время, совершенно справедливо возбуждаетъ негодованіе страны; она раздражена и доведена до крайности». D'Argenson III, 179, 180; срав. II, 189, 220.

[6]. D'Argenson, II, 9, 10, 35, 36, 186, 241 и *passim.*

ниматься управленіемъ [1]. Эти же эгоистическія цѣли заставили его отнестись равнодушно къ недавней связи короля съ мадамъ де Майльи, несмотря на то, что онъ не разъ обѣщалъ тотчасъ же оставить министерство, какъ только король обзаведется любовницей [2]. Въ то время, какъ страну опустошали голодъ и нищета, Людовикъ XV былъ занятъ только охотами, ужинами и празднествами, или же вышивалъ возлѣ мадамъ де Майльи [3]. Своимъ очевиднымъ равнодушіемъ къ общественнымъ бѣдствіямъ онъ давалъ новое оружіе оппозиціи, дѣйствовавшей противъ правительства [4]. Такой безчувственности его удивлялись даже за границей, во Франціи же сложилась поговорка, повторявшаяся всѣми: *Нашъ король ниже ничтожества (Notre roi est au-dessous de rien)*[5].

Война, которой опасались, наконецъ разразилась, но не съ той стороны, съ какой ее ожидали. Въ октябрѣ 1740 г. умеръ императоръ германскій Карлъ VI и всѣ при дворѣ стали твердить, что нужно воспользоваться этимъ случаемъ и «низвергнуть величіе Австріи [6]». Рѣшено было поддерживать кандидатуру Баварскаго электора и въ слѣдующемъ году двѣ французскія арміи, за которыми вскорѣ послѣдовала третья, перешли Рейнъ. Это было послѣднимъ ударомъ для казны. Въ деньгахъ чувствовался такой недостатокъ, какъ никогда [7]. Банкрот-

[1]. Id., II, 170, 185, 213, 378, 379.

[2]. Id., II, 255, 272. Мадамъ де Мальи сдѣлалась любовницею Людовика XV около начала 1736 г.

[3]. Barbier, III, 206, 288;—d'Argenson, II, 130, 283; III, 183, 264; Luynes, III, 308, 309 и *passim*.

[4]. Barbier, III, 218, 219.

[5]. D'Argenson, III, 192 (октябрь 1740 г.). Репутація короля все болѣе падаетъ, писалъ д'Аржансонъ въ ноябрѣ того же года; онъ видитъ, какъ гибнетъ его королевство, и ни на что не обращаетъ вниманія». Id., III, 224, 226.

[6]. Id., III, 303.

[7]. Барбье узналъ въ бюро финансовъ, что содержаніе каждой изъ этихъ армій стоило шесть милліоновъ въ мѣсяцъ. Менѣе чѣмъ въ годъ онѣ поглотили сто милліоновъ. Barbier, III, 312, 366.

ства слѣдовали одно за другимъ [1]. Налоги были еще повышены и декларація 29 августа 1741 г. устанавливала десяти—процентный сборъ (le dixième) со всѣхъ доходовъ [2]. Во время войны 1733 г. уже встрѣчались люди, которые, будучи противниками министерства, доводили свои враждебныя чувства къ правительству до того, что «желали зла своей родинѣ [3]»; теперь такія чувства стали проявляться, въ еще болѣе сильной степени. Парижъ былъ полонъ *австрійцами въ душѣ,* которые высказывали недовѣріе къ арміи, поносили генераловъ и сѣяли въ обществѣ недовольство и тревогу [4]. Такихъ «распространителей новостей» не разъ уже заключали въ Бастилію, но мѣры строгости только усиливали всеобщее раздраженіе [5].

Начало войны было, однакоже, удачно. Безъ всякаго, сраженія «вся Германія покорялась Франціи, все подавало свой голосъ» за курфюрста Баварскаго, который 24 января 1742 г. и былъ коронованъ императорскою короною во Франкфуртѣ [6]. Но эти удачи продолжались не долго. Министерство, начиная войну, немедленно охватившую пожаромъ всю Европу, не взвѣсило всей ея важности и кинулось въ нее, не имѣя ни яснаго представленія о положеніи дѣлъ, ни опредѣленнаго плана, ни вѣрныхъ союзниковъ [7]. При строгомъ и ревнивомъ деспотизмѣ кардинала

[1]. D'Argenson, III, 312,—401 (іюнь-октябрь 1741 г.). Barbier, III, 275, 284.

[2]. Isambert, XXII, 145 «Эта декларація имѣетъ странное вступленіе, замѣчаетъ не безъ основанія д'Аржансонъ. Въ ней причиною этого налога выставляется та нужда, которую терпитъ страна, и необходимость, въ которой находится король, придти ей на помощь. Значитъ эта нужда, которая еще далеко не прекратилась, является поводомъ для новаго налога, который ее только еще увеличитъ. Какова логика»! D'Argenson, III, 391.

[3]. D'Argenson, I, 175.

[4]. Barbier, III, 284, 325, 337; *Chronique du règne de Louis XV*, Revue rétrospective, *1-er série*, V, 39, 47.

[5]. Barbier, III, 360, 368.

[6]. D'Argenson, III, 394.

[7]. Id., III, 417, 419.

Франція не могла имѣть хорошихъ генераловъ, какъ не имѣла и хорошихъ министровъ. Французскія войска были совершенно разбиты въ Богеміи и въ Баваріи, при чемъ даже не было ни одного большого сраженія, и единственными слабыми успѣхами, которыми могла гордиться Франція, она была обязана генералу, который и по рожденію и по воспитанію не былъ французомъ,—графу Морицу Саксонскому [1]. Общество во Франціи дошло до того, что жаждало мира во что бы то ни стало, и кардиналъ началъ съ этою цѣлью въ высшей степени неумѣлые переговоры, единственнымъ результатомъ которыхъ было раскрытіе передъ Европою всѣхъ слабыхъ сторонъ его управленія [2].

Несчастія французскихъ войскъ производили на Людовика XV не больше впечатлѣнія, чѣмъ бѣдствія его народа, и въ обществѣ, гдѣ распространялись противъ кардинала сатиры, въ которыхъ его называли «глупцомъ» *(imbécile)*, въ то же время не переставали удивляться его дѣятельности, не слабѣвшей даже съ годами, тогда какъ о королѣ иначе не отзывались, какъ съ презрѣніемъ [3]. Распущенный образъ жизни, который онъ началъ открыто вести, также подавалъ поводъ къ недовольству. Покинувъ мадамъ де Майльи для ея сестры, мадамъ де Вентимилль, при чемъ такая перемѣна совершилась самымъ грубымъ и безце-

[1]. Барбье, говоря *о нувеллистахъ*, которыхъ сажали въ Бастилію, писалъ въ іюлѣ 1740 г.: «Что же, если извѣстія дурны и если онѣ являются результатомъ дурного управленія, то истинному французу нельзя кричать о побѣдѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы потеряли много народа отъ болѣзней, что въ тѣхъ небольшихъ сраженіяхъ, которыя мы давали, насъ всегда преслѣдовали какія нибудь неудачи, за исключеніемъ сраженій при Прагѣ и Эгра, которыя выигралъ графъ Морицъ Саксонскій, и что эта война намъ стоитъ уже сто милліоновъ и мы находимся въ самомъ скверномъ положеніи, какое только возможно». II, 360.

[2]. Voltaire, *Siècle de Louis XV*, 88, 89.—Barbier, III, 362—390.

[3]. Barbier, III, 367.—D'Argenson, III, 421.—*Chronique du règne de Louis* XV, 63, 66.

ремоннымъ образомъ [1], онъ не замедлилъ такъ же открыто вступить въ новую связь съ третьей ея сестрой, мадамъ де ла Турнелль [2]. Съ этихъ поръ роль королевской любовницы (метрессы) сдѣлалась почетною должностью. Этотъ примѣръ не замедлилъ отразиться на общественной нравственности. Въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ непристойныя сочиненія стали появляться въ такомъ множествѣ, что обратили на себя наконецъ вниманіе власти. Въ февралѣ 1742 г. постановленіемъ Совѣта приказывалось дѣлать обыски «какъ въ книгопечатняхъ, такъ и у книгопродавцевъ, и отбирать книги, содержаніе которыхъ противно нравственности», и которыя, говорилось въ постановленіи, сдѣлались чрезвычайно распространенными въ продажѣ [3]. Это постановленіе, первое въ этомъ родѣ, указывало на то, что къ язвамъ, которыя уже разъѣдали общество, присоединялся еще новый элементъ разложенія.

Между тѣмъ, кардиналъ Флери, «который не зналъ уже больше, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ не менѣе хотѣлъ дѣлать все», слабѣлъ все болѣе и болѣе; его умъ *превратился въ ничто* («*devenait à rien*» [4]). За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ оказалъ ультрамонтанской партіи еще одну послѣднюю услугу. Въ августѣ 1742 г. парламентъ осудилъ на сожженіе одну брошюру, въ которой говорилось, что служитель церкви не можетъ допускать «къ священному столу» враговъ буллы, *не становясь виновнымъ противъ тѣла и крови Іисуса Христа* [5]. Правительство кассировало это постановленіе пар-

[1]. D'Argenson, IV, 37—39, 45.

[2]. Luynes, IV, 265—268.—Barbier, III, 394, 395 (ноябрь 1742 г.).

[3]. Постановленіе государств. совѣта 22 февраля 1742 г., которымъ вдовы Писсо и Бьенвеню приговаривались каждая къ уплатѣ 500 ливровъ штрафа и вновь подтверждалось запрещеніе печатать что либо безъ разрѣшенія.

[4]. D'Argenson, IV, 12, 18.

[5]. Постановленіе парламента 9 августа 1742 г., осуждающее на

ламента, какъ посягательство на права духовной власти [1]. На самомъ же дѣлѣ, оно сдѣлало это не столько въ защиту доктрины, сколько изъ желанія угодить епископамъ, которые, вотивировавъ въ 1740 году свое добровольное приношеніе правительству въ суммѣ болѣе трехъ милліоновъ, теперь вторично вотировали ему двѣнадцать милліоновъ [2]. Въ это самое время кардиналъ Тенсэнъ былъ назначенъ государственнымъ министромъ, что возбудило сильнѣйшее негодованіе въ обществѣ [3]. Теперь уже не сомнѣвались, что онъ будетъ первымъ министромъ; самъ Флери указывалъ на него, какъ на своего преемника [4]. Янсенисты, ненавидѣвшіе кардинала Тенсэна еще болѣе, чѣмъ они ненавидѣли Флери, пришли въ совершенное отчаяніе и говорили, что наступаетъ погибель религіи [5].

Тѣмъ не менѣе, несмотря на столько обстоятельствъ, дававшихъ поводъ для тревоги и недовольства, общество еще не теряло всякой надежды. Хотѣли вѣрить, что послѣ смерти министра, который былъ «отвратителенъ для всей страны», Людовикъ XV выйдетъ наконецъ изъ своего «постояннаго бездѣйствія», и что положеніе вещей перемѣнится [6]. Уже три года какъ парламентъ молчалъ, ожидая этого *новаго царствованія*. Ультрамонтаны, съ своей стороны, льстили себя надеждою, что если король начнетъ самъ править страною, то онъ будетъ под-

сожженіе сочиненіе, озаглавленное *Cas de Conscience* (Вопросъ совѣсти) и начинающееся словами: *Terence et Terencienne.*

[1]. Постановленіе государственнаго совѣта 12 сентября 1742 г.

[2]. На основаніи рѣшенія, принятаго на общемъ собраніи въ Парижѣ 26 апрѣля 1742 г.

[3]. Въ августѣ 1742 г.

[4]. D'Argenson, IV, 21; *Chronique du règne de Louis* XV, 47. «Вчера утромъ (19 декабря 1742 г.) комитетъ министровъ собрался у кардинала Тенсена; это произвело здѣсь очень сильное впечатлѣніе». Luynes, IV, 303.

[5]. Barbier, III, 375—379.
D'Argenson, IV, 48 (январь 1743 г.).

держивать ихъ, вслѣдствіе отвращенія, которое ему внушилъ его наставникъ къ янсенистамъ. «Они не знаютъ того, что я знаю», писалъ д'Аржансонъ въ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда онъ еще думалъ, что Людовикъ XV съумѣетъ царствовать. «Вѣроятно ли, чтобы король, молодой, любящій чужихъ женъ и нисколько не преданный набожности, сталъ особенно заботиться о смѣшныхъ пустякахъ, которые могли увлекать только такихъ старыхъ развалинъ, какъ Людовикъ XIV и кардиналъ, когда они уже дошли до того возраста, когда боятся чорта за свои старые грѣхи! [1]».

---

[1]. D'Argenson, II, 200.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРАВЛЕНІЕ ЛЮДОВИКА XV.

(1743—1751).

29 января 1743 г. кардиналъ Флери умеръ. Извѣстіе объ этомъ событіи не произвело въ Парижѣ никакого возбужденія; оно столько разъ уже сообщалось, что впечатлѣніе его было, такъ сказать, истощено [1]. На эту смерть даже смотрѣли, какъ на своего рода благополучіе [2]; немного было такихъ вредныхъ, а къ концу и столь ненавидимыхъ министерствъ во Франціи, какъ министерство этого эгоистическаго, нетерпимаго и лицемѣрнаго старика. Онъ чрезмѣрно натянулъ пружины деспотизма, не искупая это излишество власти никакою идеею величія; онъ умалилъ парламентъ, Сорбонну, университетъ, давилъ мысль, насиловалъ вѣрованія, насиліемъ и преслѣдованіемъ возбудилъ элементы мятежа, дискредитировалъ религію и ослабилъ правительство. Умирая, онъ завѣщалъ своей странѣ голодъ и войну, оставилъ ее безъ денегъ, безъ генераловъ, безъ министровъ и безъ короля [3]. Если только серьезные умы могли оцѣнить раз-

[1]. *Chronique du règne de Louis* XV, 227.

[2]. Приводимъ общеизвѣстную эпитафію Флери, сочиненную въ то время:

Sans opulence et sans éclat,
Se bornant au pouvoir suprême,
Si Fleury vécut pour lui-même,
Il mourut pour l'État.

[3]. D'Argenson, IV, 57, 84, 85, 94. Понятно, что въ такомъ сужденіи о Флери, выраженія котораго частью заимствованы у д'Аржансона, дѣло идетъ не объ однѣхъ только личныхъ дѣйствіяхъ

мѣръ бѣдствій, причиненныхъ этимъ министромъ Франціи, то каждый до нѣкоторой степени чувствовалъ критическое положеніе, въ которомъ находилось королевство. Всѣ чувства сосредоточились на Людовикѣ XV; льстили себя надеждою, что, освободясь отъ руководителя, такъ долго подавлявшаго его, онъ пожелаетъ исправить то разстройство дѣлъ, предупредить которое онъ не съумѣлъ, и въ тотъ день, когда умеръ Флери, въ Парижѣ говорили: *кардиналъ умеръ, да здравствуетъ король* [1]!

Сначала можно было думать, что Людовикъ XV пойдетъ на встрѣчу общимъ надеждамъ. «Господа, сказалъ онъ государственнымъ секретарямъ, узнавъ о смерти своего прежняго воспитателя, теперь я самъ буду первымъ министромъ». Изъ этихъ словъ, которыя тотчасъ же комментировались въ обществѣ, заключали съ удовольствіемъ, что кардиналъ де Тенсэнъ «окончательно провалился [2]»; явилась увѣренность, что Людовикъ XV начнетъ наконецъ управлять, и такъ какъ его совсѣмъ не знали, то теперь готовы были также удивляться ему, какъ прежде презирали [3]. Но не прошло одного мѣсяца, какъ онъ уже утомился дѣлами и обнаружилъ наклонность снова поручить ихъ какому нибудь первому министру [4]. Кардиналъ де Тенсэнъ, честолюбивыя надежды котораго могли теперь осуществиться, попытался возбудить споры изъ за буллы, полагая этимъ путемъ сдѣлаться необходимымъ. Онъ подстрекнулъ Совѣтъ издать приказъ, воспрещающій «мнѣніе многихъ адвокатовъ», составленное въ защиту двухъ священниковъ которые, будучи осуждены мѣстнымъ соборомъ, были за-

этого министра, но и обо всемъ, что совершилось по его одобренію или изъ за его угодничества.

[1]. *Chronique du règne de Louis XV*, 229.

[2]. Barbier, III, 418.

[3]. D'Argenson, IV, 49, 50.—Barbier, III, 418, 420.—*Chronique du règne de Louis XV*, 229.

[4]. *Chronique du règne de Louis XV*, 241.

ключены въ Бастилію, а затѣмъ сосланы [1]. Противъ его ожиданія, этотъ приказъ не вызвалъ волненія въ обществѣ, потому что въ это время всѣ заботы его были сосредоточены на несчастной войнѣ, такъ неблагоразумно начатой два года тому назадъ кардиналомъ Флери и грозившей дальнѣйшимъ продолженіемъ.

Переговоры, которые пытался начать кардиналъ Флери, не только ни къ чему не привели, но непріязненныя дѣйствія приняли еще болѣе грозные размѣры. Теперь противъ Людовика XV были, какъ и противъ его дѣда, Австрія, Англія, Голландія и Савойя. Въ виду такой коалиціи онъ долженъ былъ увеличить свои силы и вскорѣ Франція довела свои войска до трехсотъ тысячъ человѣкъ [2]. Жертвы, которыя при этомъ должна была нести страна, не могли не вызывать безпокойства. Королевскій ордонансъ, повелѣвавшій набрать въ Парижѣ тридцать тысячъ милиціи, и который, распространяясь на ремесленниковъ, исключалъ однако лакеевъ, возбудилъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи чрезвычайное волненіе. На улицахъ были расклеены мятежныя воззванія и правительство должно было принять мѣры для предупрежденія безпорядковъ [3]. Извѣстіе о новой неудачѣ француз-

[1]. Постановленіе государственнаго совѣта отъ 26 апрѣля 1743 г., воспрещающее два произведенія, озаглавленныя: одно—Consultation de MM. les avocats du Parlement de Paris, au sujet du mandément de M. Berger de Charency, évêque de Montpellier, du 1-er juillet de 1742, pour l'acceptation de la bulle Unigenitus, publié dans le synode tenu le 12 du même mois; и другое—Consultation de MM. les avocats de Paris, au sujet du synode tenu à Montpellier le 12 juillet 1742 par M. Berger de Charency, évêque de Montpellier. «Отъ этого постановленія, пишетъ д'Аржансонъ, наши злокозненные придворные епископы ожидали возмущенія, при которомъ они стали бы необходимыми». D'Argenson, IV, 67.—*Chronique du règne de Louis XV*, 397, 403. Епископъ монпельескій желалъ обязать священниковъ своей епархіи, чтобъ они налагали воспрещенія причастія на всѣхъ противниковъ буллы.

[2]. Luynes, V, 292; Barbier, III, 477.

[3]. Barbier, III, 424—427, 441.—*Chronique du règne de Louis XV*, 237—270, 378—388.

ской арміи [1] усилило неудовольствіе. Въ публичныхъ мѣстахъ громко говорили о неспособности генераловъ и безпечности министровъ [2]. Стали снова толковать о равнодушіи короля, который, среди общаго безпокойства и горести, исключительно только и былъ занятъ своими поѣздками въ Шуази съ мадамъ де ля Турнелль и ея сестрою, м-мъ де-Лорагюэ [3]. Въ виду опасностей, грозившихъ, какъ внутри королевства, такъ и извнѣ, г-жа де Тенсэнъ, которая съ своимъ умомъ интриганки не была лишена проницательности, говорила: «если намъ не поможетъ самъ Богъ, то невозможно, чтобы государство не рухнуло». Съ своей стороны д'Аржансонъ 30-го іюля 1743 г. писалъ: «*Революція въ такомъ государствѣ вполнѣ возможна:* оно колеблется въ своихъ основахъ; не остается ничего болѣе, какъ удалиться изъ своего отечества и перейти къ другимъ властителямъ и подъ иную форму управленія [4]». Въ 1733 г. предчувствовалась революція въ Церкви, а десять лѣтъ спустя ее начинаютъ предвидѣть уже и въ государствѣ!

Новые наборы людей и милиціи и удвоеніе налоговъ [5] увеличили тревогу. Говорили, что, упорствуя на этой несчастной войнѣ, дворъ безъ сомнѣнія не хотѣлъ знать

[1]. Битва при Деттингенѣ, 27 іюня 1743 г.

[2]. *Chronique du règne de Louis* XV, 430, 447.—Barbier, III, 475—484.

[3]. Въ этомъ отношеніи интересно характерное заявленіе автора *Хроники царствованія Людовика XV*, бывшаго агентомъ начальника полиціи (стр. 420): «Люди хорошаго общества держатся мнѣнія, что король совершенно безчувственъ и вовсе не принимаетъ къ сердцу того, что касается славы его и его подданныхъ. Сильно говорятъ противъ его поѣздокъ въ Шуази и не прощаютъ его расточительность въ такое время, когда всѣ находятся въ безпокойствѣ и испытываютъ горечь. *Не будь положительныхъ приказаній представить вѣрный отчетъ обо всемъ, что говорится на счетъ самого короля, не было бы нужды упоминать объ такихъ рѣчахъ*». Ср. Luynes, V, 36,—56.

[4]. D'Argenson, IV. 83. Слова м-мъ де Тенсэнъ приводятся Сентъ—Бевомъ въ его *Causeries du lundi,* II, 296.

[5]. Ноябрь и декабрь 1743 г. Barbier, III, 478, 480.

до какой степени разоренія дошли провинціи [1]. Въ то время, какъ легкомысленные министры ставили такимъ образомъ «на квитъ или на дублетъ» самыя судьбы королевства [2], Людовикъ XV съ обычною расточительностью дарилъ г-жѣ де-ля Турнелль герцогство Шатору и выдалъ на него грамоты, которыя были зарегистрованы парламентомъ. Гласность, преданная этимъ грамотамъ, о которыхъ громко кричали на улицахъ, вызывала новыя выраженія неодобренія [3]. Теперь оскорбительныя рѣчи раздавались уже не противъ однихъ только министровъ, но и противъ самого короля, и смѣлость ихъ дошла до такой степени, что полиція должна была прибѣгнуть ко многимъ арестамъ [4].

Однако, когда Людовикъ, выйдя изъ своей продолжительной и преступной бездѣятельности, отправился въ маѣ 1744 г. чтобы стать во главѣ своихъ армій и далъ неожиданныя доказательства способностей и храбрости, всѣ признаки неудовольствія прекратились и въ отношеніи къ нему общества, казалось, произошла внезапная перемѣна. Самъ Д'Аржансонъ, забывъ свои предчувствія, говорилъ: «Кажется, у насъ наконецъ будетъ король [5]»! Когда же въ Парижѣ распространилась вѣсть, что король заболѣлъ въ Метцѣ и умираетъ, населеніе города было сильно огорчено. Между тѣмъ Людовикъ XV, уступая настояніямъ суассонскаго епископа [6], разстался съ герцогинею Шатору и тѣмъ вызвалъ надежду, что онъ рѣшился вести болѣе строгій образъ жизни; это еще болѣе содѣйствовало завоеванію имъ симпатій. Въ церквахъ за него горячо молились; почта осаждалась въ ожиданіи новостей, выѣзжали даже на встрѣчу курьерамъ. Того, кто первый возвѣс-

[1]. *Chronique du règne de Louis* XV, 448.

[2]. D'Argenson, IV, 94.

[3]. Barbier, III, 485 (февраль 1744). Грамоты были зарегистрованы въ январѣ.

[4]. D'Argenson, IV, 99 (май 1744).

[5]. Ibid., IV, 101.

[6]. Фицъ Джемсъ.

тилъ о выздоровленіи короля, толпа горячо привѣтствовала и выздоровленіе праздновалось въ Парижѣ добровольными торжествами. Въ этомъ отношеніи выдѣлялись своею горячностью въ особенности народныя массы: всѣ, до послѣдняго водоноса, старались выразить свою радость, заказывая на свой счетъ благодарственные молебны [1].

Самъ Людовикъ XV удивлялся этимъ знакамъ любви къ нему и спрашивалъ себя, что онъ сдѣлалъ, чтобы заслужить такую любовь? Къ тому же, неожиданно, въ замѣнъ прежнихъ неудачъ счастье улыбнулось французскому оружію. Морицъ Саксонскій, только что назначенный маршаломъ Франціи, заставилъ позабыть неспособность другихъ генераловъ. За Te Deum, пѣвшимся по случаю выздоровленія короля, слѣдовалъ Te Deum въ виду послѣдовательныхъ успѣховъ французскаго оружія. Побѣда при Фонтенуа въ 1745 г., въ присутствіи Людовика XV и дофина, подготовившая завоеваніе Фландріи, еще болѣе усилила престижъ государя. Парламентъ послалъ депутацію для торжественнаго поздравленія короля на границѣ [2] и пожелалъ самъ распорядиться церемоніями, которыми надлежало почтить возвращеніе короля въ Парижъ [3]. Вольтеръ присоединилъ свой голосъ къ общимъ похваламъ; онъ прославлялъ побѣдоноснаго короля въ поэмѣ, которую всѣ желали прочесть; въ теченіи десяти дней «вышло пять изданій этого прославленія [4]».

Казалось, что наконецъ наступило то «новое царствованіе», о которомъ мечталъ и парламентъ и весь народъ. Булла и горячіе раздоры, которые она вызывала, были какъ бы забыты. Мечты кардинала де Тенсэна сдѣлаться министромъ не только разсѣялись, но Людовикъ XV

[1]. Barbier, III, 534—541, 548—551 (августъ-октябрь 1744 г.).—Voltaire, *Siècle de Louis* XV, 130, 131.—Luynes, VI, 48.

[2]. Barbier, IV, 44—47 (май-іюнь, 1745 г.).

[3]. Постановленіе парламента отъ 2 сентября 1745 г.; ср. Barbier, IV, 77, 78.

[4]. Voltaire, *Corresp. gén.*, III, 336.

вручилъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ маркизу д'Аржансону, открытому сторонніку *вѣротерпимости* [1]. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ послѣдняго приказа Совѣта, вызваннаго тотчасъ по смерти кардинала Флери кардиналомъ де Тенсэнъ, какъ со стороны Совѣта, такъ и парламента не было издано ни одного постановленія относительно сочиненій, касавшихся *Unigenitus* [2]. Въ первый разъ по религіознымъ вопросамъ наступила та тишина и спокойствіе, которыхъ напрасно желали съ 1715 г. Такая же терпимость, казалось, распространилась одновременно и на всѣ произведенія мысли. Въ этомъ промежуткѣ времени ни одно литературное произведеніе не подверглось осужденію [3]; строгость правительства проявлялась только противъ безнравственныхъ книгъ [4]. Въ 1745 г. были опубликованы правила по книжной торговлѣ, въ которыхъ совсѣмъ не было угрозъ, встрѣчавшихся въ такихъ же правилахъ 1725 г. [5]; со стороны правительства замѣчалось даже нѣкотораго рода покровительство литераторамъ [6]. Вольтеръ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ и королевскимъ исторіографомъ [7] и получилъ отъ Людовика XV разрѣшеніе быть избраннымъ въ Академію [8]. По счастливому совпаденію такой же

[1]. 18 ноября 1744 г.

[2]. Такое же молчаніе относительно буллы замѣчается и въ мемуарахъ того времени.

[3]. Приказъ Совѣта отъ 28 марта 1745 г., изданный противъ *Исторіи Людовика XI* Дюкло (см. списокъ запрещеній), только запрещалъ продажу этого сочиненія, пока оно не будетъ исправлено назначенными для этого лицами.

[4]. См. въ концѣ постановленіе Совѣта отъ 11 іюня 1746 г.

[5]. Эти правила, помѣченныя 10 іюля 1745 г., не упоминаютъ о таковыхъ же 1728 г. и напротивъ ссылаются на правила 1723 г.

[6]. Какъ исключеніе, можно упомянуть объ отправкѣ въ Бастилію въ 1743 г. Лангле-Дюфренуа.

[7]. Въ 1745 г.

[8]. Май 1746 г. Barbier, IV, 146. Три года раньше ему предпочли архіепископа нарбоннскаго. Voltaire, *Corresp. gén.*, III. 221—226, мартъ-апрѣль, 1743).

умѣренный духъ казалось господствовалъ и въ Римѣ. Бенедиктъ XIV, самъ бывшій писателемъ, принялъ посвященіе себѣ Вольтеромъ трагедіи *Магометъ*, представленіе которой въ 1742 г. было запрещено въ Парижѣ; папа даже по этому случаю прислалъ автору свой портретъ. «Я получилъ, пишетъ 10 августа 1745 г. Вольтеръ, портретъ самого толстощекаго святаго отца, какого уже не было съ давняго времени. У него видъ добряка и человѣка, который знаетъ чего все это стоитъ [1]».

Но такая счатливая перемѣна была непродолжительна; даже во время той радости, которая была вызвана выздоровленіемъ короля, и когда разносилась по Европѣ вѣсть о французскихъ побѣдахъ, были люди, продолжавшіе дѣлать мрачныя предсказанія относительно правительства и будущности королевства [2]. Самъ Людовикъ XV снова призвалъ ко двору герцогиню Шатору, которая раньше была публично устранена, и тѣмъ поколебалъ престижъ, который онъ передъ тѣмъ пріобрѣлъ въ обществѣ. На такой актъ слабости янсенисты смотрѣли, какъ на предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій, которыя будутъ ниспосланы на Францію небеснымъ гнѣвомъ [3]. Внезапно умершей герцогинѣ Шатору [4] наслѣдовала другая фаворитка м-мъ д'Етіолль, которая, будучи объявлена официальной метрессой короля въ апрѣлѣ 1745 г., скоро стала полновластною королевою подъ именемъ маркизы де Помпадуръ. Въ обществѣ снова начались разговоры, направленные противъ правительства, снова стали критиковать его дѣйствія и сѣять тревогу. Въ томъ самомъ мѣсяцѣ, въ которомъ Людовикомъ одержена была по-

[1]. Voltaire, *Corresp gén.*, III, 359, 371.

[2]. «Я всегда замѣчалъ», писалъ Барбье въ октябрѣ 1774 г., что изъ собравшихся десяти человѣкъ три четверти ихъ расположено дурно говорить о нашихъ дѣлахъ и хвататься за плохія новости». III, 553; ср. *ibid.*, 517, 518.

[3]. Barbier, 568.—D'Argenson, IV, 113.—Luynes, VI, 166.

[4]. Въ декабрѣ 1744 г.

бѣда при Фонтенуа, парламентъ запретилъ, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія и изгнанія, *les Nouvelles à la main,* нѣчто вродѣ писанной газеты, распространявшей по всему королевству и даже за границей недоброжелательную критику и невѣрныя свѣдѣнія [1]. Блестящее продолженіе военныхъ успѣховъ во Фландріи и въ Брабантѣ,—правда ослабляемое неудачами въ Италіи и присутствіемъ непріятеля на восточныхъ и южныхъ границахъ [2], —не могло остановить возобновившагося ропота. Какъ ни былъ чувствителенъ народъ къ блеску этихъ успѣховъ, тѣмъ не менѣе онъ желалъ, онъ требовалъ мира [3]. Всѣ съ безпокойствомъ видѣли какъ затягивается война, начатая безъ всякаго смысла и ставшая теперь, послѣ недавней смерти баварскаго электора [4], уже безпричинною [5]. Забывая славу, заслуженную французскимъ оружіемъ, теперь думали только о вредѣ такой продолжительной войны, и все возрастающее сознаніе бѣдствій, причиняемыхъ ею, вскорѣ вызвало среди населенія новые признаки раздраженія.

Въ то время какъ королевская власть, повидимому снова возвращавшаяся къ произволу, продолжала вызывать къ себѣ недовѣріе и разочарованіе, Церковь продолжала глухо волноваться. Не только споры между янсенистами и ультрамонтанами, ставшіе болѣе спокойными, но не прекратившіеся, снова готовы были начаться при первомъ удобномъ случаѣ, но самому католицизму

[1]. Постановленіемъ парламента отъ 18 мая 1745 г. «запрещалось кому бы то ни было составлять и распространять изданіе, называвшееся *Gazettes ou Nouvelles à la main*».

[2]. Въ теченіи 1746 г. французская и испанская арміи были выгнаны изъ Италіи. Въ октябрѣ того же года англичане высадились на берегахъ Бретани, а въ слѣдующемъ декабрѣ австрійцы заняли Провансъ.

[3]. Это всеобщее желаніе мира выражается въ мемуарахъ того времени. См. особенно у Barbier, IV, 8,—115 (янв.-дек. 1745 г.), 124,—203 (янв.-ноябрь 1746 г.), 215 (январь 1747 г.).

[4]. Въ январѣ 1745 г.

[5]. Voltaire, *Siecle de Louis* XV, 146, 147.

сталъ грозить противникъ, котораго до сихъ поръ едва замѣчали. Философскій духъ, обнаружившійся въ первый разъ въ лицѣ Вольтера въ 1734 г., усилился въ своемъ значеніи и вскорѣ сталъ проявляться во всей своей силѣ. Въ іюлѣ 1746 г., когда послѣдовательныя побѣды отдали Брабантъ Франціи, а знамена, присланныя въ Парижъ маршаломъ Саксонскимъ, заполняли церковь Notre Dame [1], парламентъ присудилъ къ сожженію сочиненія, въ которыхъ этотъ грозный врагъ церкви показывалъ всю свою дерзость. Въ одномъ изъ нихъ—въ *Естественной исторіи души*—оспаривались теоріи спиритуалистовъ, различающихъ духъ отъ матеріи, чѣмъ подрывались, какъ говорилъ королевскій адвокатъ, «основы всякой религіи и всякой добродѣтели»; въ другомъ, озаглавленномъ *Философскія мысли,* «съ напускнымъ притворствомъ ставились всѣ религіи на одинъ уровень, чтобы не признавать въ концѣ концовъ ни одной изъ нихъ [2]». Второе сочиненіе принадлежало Дидро. Поставленный въ заголовкѣ рисунокъ вполнѣ характеризовалъ его направленіе: онъ представлялъ Истину, срывающую маску съ Суевѣрія [3].

Въ началѣ 1747 г. обнаружилось первое доказательство того, что относительно буллы Unigenitus не произошло въ дѣйствительности никакой перемѣны въ умахъ. Высшее духовенство, хотя и молчало, но вовсе не отказалось отъ своихъ прежнихъ требованій. Епископъ аміенскій разослалъ всѣмъ священникамъ своей епархіи инструкціи, чтобы они лишали таинствъ лицъ, противившихся этой буллѣ. Парламентъ запретилъ пастырское по-

[1]. Barbier, IV, 131. Брюссель сдался въ февралѣ 1746 г., Мехельнъ въ маѣ, Монсъ въ іюлѣ и Шарлеруа въ августѣ. Оставалось только взять Намюръ, чтобы овладѣть всѣмъ Брабантомъ.

[2]. Постановленіе парламента отъ 7 іюля 1746 г., осуждающее на сожженіе два сочиненія, озаглавленныя: одно—*Histoire naturelle de l'âme;* другое—*Pensées philopsohiques.*

[3]. *OEuvres de Diderot,* т. I, стр. 125, Asserat, Paris, 1875.

сланіе, способное, говорилъ онъ, вновь возбудить споры, «которые могли считаться уже давно прекратившимися или, по крайней мѣрѣ, затихшими [1]». Поощренный такимъ рѣшеніемъ, анонимный авторъ *Nouvelles ecclésiastiques* съ большою силою возсталъ въ своихъ листкахъ противъ буллы и осмѣлился сказать, что посредствомъ ея «Богъ предоставилъ Сатанѣ взять верхъ». Парламентъ или вѣрнѣе первая палата его осудила это сочиненіе на сожженіе [2], но генеральный адвокатъ д'Ормессонъ въ своей обвинительной рѣчи имѣлъ неблагоразуміе заявить, что булла Unigenitus, какъ «церковный и государственный законъ», не можетъ подвергаться нападкамъ, не нарушая уваженія, долженствующаго «двумъ властямъ». По требованію магистратовъ, не входившихъ въ составъ первой палаты, постановленіе, изданное общимъ собраніемъ 17 февраля, исправило заявленія генеральнаго адвоката, поддержавъ такимъ образомъ тѣ оговорки, которыя парламентъ съ 1714 г. продолжалъ выражать по отношенію къ Unigenitus. Многіе члены парламента были немедленно вытребованы въ Версаль посредствомъ вызова, переданнаго однимъ изъ государственныхъ секретарей первому президенту.

Магистраты, хотя и считали себя оскорбленными самымъ способомъ приглашенія, который нарушалъ всѣ принятые обычаи и приличія, тѣмъ не менѣе подчинились приказанію государя; но въ Версали вмѣсто церемонимейстера, который долженъ былъ ихъ принять, они были встрѣчены однимъ только швейцаромъ [3]. Когда же, не-

[1]. Постановленіе парламента отъ 7 января 1747, воспрещающее сочиненіе, озаглавленное *Avis donné par Mgr l'évêque d'Amiens aux curés de son diocèse, au sujet de ceux qui, n'étant pas soumis à la bulle* Unigenitus, *demendent les Sacrements.*

[2]. Постановленіе парламента отъ 1 февраля 1747 г., присуждающее къ сожженію два листка, озаглавленные: *Nouvelles ecclésiastiques,* ou *Mémoires pour servir à l'histoire de la constitution* Unigenitus.

[3]. Обычай требовалъ, чтобы парламентъ приглашался не иначе, какъ составленнымъ по извѣстной формѣ lettre de cachet. Кромѣ

довольные этимъ новымъ оскорбленіемъ, они наконецъ явились въ кабинетъ короля, этотъ послѣдній выразилъ имъ свое неудовольствіе по поводу послѣдняго постановленія. «Я его кассировалъ и приказомъ моего Совѣта [1] уничтожилъ, сказалъ онъ, и я запрещаю вамъ по этому поводу дѣлать какія либо представленія подъ страхомъ наказанія за неповиновеніе». Это значило обойтись съ парламентомъ такъ, какъ рѣдко обходятся съ ничтожнѣйшимъ изъ судовъ. Въ тотъ день, когда депутаты должны были дать отчетъ своимъ товарищамъ о томъ, что произошло, въ парламентъ собралась большая толпа, такъ какъ ожидали со стороны магистраторовъ рѣзкаго протеста. Болѣе двухсотъ экземпляровъ приказа государственнаго совѣта, кассировавшаго постановленіе парламента, было распродано мгновенно, но противъ ожиданія публики магистраты рѣшили не представлять никакихъ ремонтрансовъ; однако они не забыли униженія, произведшаго на нихъ глубокое впечатлѣніе [2].

Тѣмъ не менѣе религіозные споры не были возбуждены этимъ случаемъ, такъ какъ умы все еще были заняты событіями, продолжавшими волновать всю Европу. Конференціи, открывшіяся въ сентябрѣ 1746 года, въ Бреда для заключенія мира, не достигли цѣли и весною 1747 г. война возобновилась. Въ теченіи шести лѣтъ, т. е. съ тѣхъ поръ какъ она была объявлена, наборы въ войска и милицію, а также безпрерывное возрастаніе налоговъ, довели разореніе провинцій до крайности; деревни опустѣли, торговля исчезла, обработка земли прекратилась. Нищета вызывала въ Лангедокѣ и Гвіенѣ возмущенія болѣе

того, когда члены его являлись, ихъ долженъ былъ встрѣтить обер-церемонимейстеръ въ одной изъ залъ; послѣ чего къ нимъ выходилъ одинъ изъ государственныхъ секретарей и велъ къ королю.

[1]. Приказъ государственнаго совѣта отъ 21 февраля 1747, «изданный на предметъ постановленія парламента 17 февраля 1747 г.».

[2]. Luynes, VIII, 100, 131.—Barbier, IV, 221—231.—D'Argenson, V, 74.

серьезныя, чѣмъ тѣ, которыя были въ концѣ министерства Флери [1]. Возобновленіе непріязненныхъ дѣйствій потребовало новыхъ расходовъ и налоги еще разъ были повышены, а подъ видомъ лотереи произведены скрытые займы [2]. Финансовая система истощила уже всѣ способы и была близка къ «полному крушенію». Въ дѣйствительности нужно было добывать средства не только на военныя надобности, но и на королевскіе расходы. Теперь не было рѣчи, какъ во времена кардинала Флери, о «мелочной экономіи»; теперь сразу производились постройки въ Версали, въ Фонтенбло, въ Шуази и въ ла-Мюэттъ. Часто случалось, что изъ денегъ, внесенныхъ утромъ въ казначейство, къ вечеру не оставалось ни одной копѣйки [3]. Въ это время мадамъ де-Помпадуръ ввела въ моду «домашніе спектакли» (comédies des cabinets) и у всѣхъ была только одна забота — повторять балеты и учить роли [4]. Въ пышныхъ салонахъ, гдѣ вокругъ фаворитки толпились дамы и куртизаны, интересовались только позолотой, гипюрами и кружевами; тамъ все блистало, какъ на солнцѣ [5].

Всѣ эти расходы и празднества среди общаго разоренія не могли не вызывать ропота. Парламентъ намѣревался при первыхъ же налогахъ, которые онъ долженъ будетъ регистрировать, представить королю «чрезвычайныя» ремонтрансы. Говорили даже, что въ нихъ могъ бы принять участіе народъ [6]. Д'Аржансонъ, бывшій свидѣтелемъ такого положенія вещей и имѣвшій благоразуміе покинуть свой министерскій постъ и выйти въ отставку, снова возвратился къ своимъ прежнимъ предчувствіямъ о близкой перемѣнѣ политическаго строя во

1. D'Argenson, V, 95—142.
2. Barbier, IV, 261—265 (октябрь 1747 г.).
3. D'Argenson, V, 80—194 (апрѣль 1747—февраль 1748 г.).
4. Luynes, VIII, 457 и слѣд.—D'Argenson, V, 132,—150.
5. D'Argenson, V, 172.
6. Id., V, 161, 162 (январь 1748 г.).

Франціи. «Замѣтимъ, писалъ онъ 26 декабря 1747 г., что въ настоящее время народы, вслѣдствіе недостатка уваженія къ своимъ государямъ, мало привязаны къ нимъ. Рѣшится ли кто нибудь предложить сдѣлать нѣсколько шаговъ въ направленіи къ *республиканскому образу правленія?* Я не вижу у нашего народа никакой способности къ нему: дворянство, сеньеры и суды, привыкшіе къ рабству, никогда не думали о немъ и умъ ихъ очень далекъ отъ такой мысли. Однако, *эти идеи появляются* и французы очень быстро привыкнутъ къ нимъ [1]».

По достойному замѣчанія совпаденію, д'Аржансонъ записалъ эти размышленія только за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія *Духа законовъ* [2], сочиненія, которое, проводя параллель между монархіей и республикой и доказывая, что основной принципъ первой есть честь, а второй—добродѣтель, дало общественному мнѣнію новое оружіе противъ королевской власти [3]. Самое опредѣленіе монархіи, сдѣланное имъ, какъ такому порядку вещей, «при которомъ управляетъ одно лицо, на основаніи точныхъ и установленныхъ законовъ», являлось косвеннымъ осужденіемъ власти, не имѣвшей ни принциповъ, ни правилъ. Нѣкоторыя разсужденія напоминали тѣ положенія, которыя встрѣчались въ раньше вышедшихъ брошюрахъ, особенно же въ *Мемуарѣ о происхожденіи и власти парламента*, появившемся въ 1732 г. «Въ монархіи, писалъ Монтескье, необходимо охраненіе законовъ. Такое охраненіе можетъ быть выполнено только такимъ политическимъ учрежденіемъ, которое объявляетъ законы, когда они приняты, и напоминаетъ

[1]. D'Argenson, V, 142.

[2]. Соч. Монтескье l'Esprit des lois появилось въ серединѣ 1748 г.

[3]. Монтескье настолько сознавалъ, что установленное имъ различіе между республиканскимъ правленіемъ и монархическимъ не служитъ въ пользу послѣдняго, что въ главѣ, гдѣ проводилась эта параллель, онъ писалъ: «Я тороплюсь и дѣлаюсь краткимъ, чтобъ не подумали, что я пишу сатиру на монархическій образъ правленія (кн. III, гл. V).

о нихъ, когда они забываются. Королевскій государственный совѣтъ—не подходящій охранитель законовъ; онъ по самой своей природѣ является охранителемъ случайной воли правящаго принца, но не охранителемъ основныхъ законовъ [1]». Въ концѣ концовъ сочиненіе Монтескье представляло собою восхваленіе правленія, основаннаго на законности, каково бы ни было его названіе, монархія или республика,—противополагаемаго по своимъ результатамъ произволу. Въ началѣ это произведеніе не было оцѣнено, такъ какъ оно было слишкомъ отвлеченно для обыкновенной публики, читавшей «на скоро», какъ она читала брошюры [2]. Но люди серьезные задумались надъ нимъ. Оно приводило умы къ познанію законовъ и управленія; посредствомъ его область политики, бывшая до сихъ поръ открытою только игрѣ страстей, стала предметомъ мысли, которая вскорѣ занялась ею съ такою же смѣлостью, съ какою она вторглась уже въ область религіи.

Одновременно съ книгою Монтескье появилась другая, озаглавленная *Нравы,* самая рѣзкая книга изъ всѣхъ, внушенныхъ философскимъ духомъ противъ церкви. «Цѣль, которою задается это сочиненіе, говорилъ генеральный адвокатъ д'Ормессонъ, обвиняя ее передъ парламентомъ,—установить естественную религію на развалинахъ всякаго внѣшняго культа. Въ ней безъ всякаго уваженія осуждаются предписанія и законы ветхаго завѣта и обряды и таинства новаго. Въ немъ не признается божественности миссіи ни Моисея, ни Іисуса Христа; доказывается, что въ отношеніи религіи человѣкъ пребываетъ въ заблужденіи, вслѣдствіе невѣжества или обмана, и является игрушкою политики; только разумъ признается верховнымъ судьею всѣхъ религій. Смиреніе, умерщвленіе плоти, покаяніе, безбрачіе, неразрушимость брака,—словомъ всѣ христіанскія добродѣтели низвергнуты авторомъ, въ осо-

[1]. *Esprit des lois*, lib. II. c. IV.

[2]. Laharpe, *Cours de littérature*, part. III, lib. II, chap. III, sect. II.

бенности стремящимся опровергнуть послѣдствія грѣха и вѣчность наказанія въ будущей жизни. Хотя авторъ постоянно сохраняетъ приличный, строгій и умѣренный тонъ, но онъ съ богохульствомъ, которое мы не рѣшаемся повторить здѣсь, возстаетъ противъ всего, что свидѣтельствуетъ св. писаніе о справедливости Божьяго суда, и осуждаетъ даже наказанія, которыми человѣческое правосудіе караетъ кражу и человѣкоубійство [1]».

Въ сущности это сочиненіе было исповѣданіемъ вѣры деиста [2]. Авторъ, адвокатъ при парламентѣ и близкій другъ Дидро, противополагалъ отдѣльнымъ религіямъ естественную, которая, въ его глазахъ, одна только удовлетворяла умъ и, объединяя въ Богѣ идеи справедливости и благости, требовала, чтобы человѣческій законъ, до сихъ поръ столь богатый жестокими наказаніями, умѣрялъ, на

[1]. Barbier, IV, 301—308, писалъ по поводу этого сочиненія: «Только внутренняя вѣра, говоритъ авторъ, желающій разсуждать, какъ философъ, достойна Бога; она основана на чувствахъ, которыя заложены «въ сердцахъ всѣхъ людей». Это—та внутренняя вѣра, которую «хотѣлъ ввести въ міръ разрушитель еврейскихъ церемоній, когда сказалъ: «настало время, когда будутъ чтить въ духѣ и истинѣ». Различіе религій «состоитъ только въ различіи внѣшняго культа, который безразличенъ для Бога». Божество не оскорбляется несходствомъ почитанія, выражаемаго въ различныхъ религіяхъ, какъ оно не раздражается тѣмъ, что «въ римской церкви одни монахи совершаютъ заутреню въ полночь, а другіе утромъ... Долгъ мудраго предаться внутреннему культу, который не можетъ быть различенъ; что же касается культа внѣшняго, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію, то, если онъ совмѣстимъ съ естественною религіею,—должно поставить себѣ въ законъ ни вредить ему, ни производить въ немъ смуту, ни отрекаться отъ него». Тутъ мы встрѣчаемся съ положеніями, которыя впослѣдствіи развилъ Руссо въ своемъ *Эмилѣ*. Въ той части, гдѣ авторъ говоритъ о смертной казни воровъ и убійцъ, можно найти идеи, которыя потомъ внушатъ Беккарію его сочиненіе. «Я никогда не могъ убѣдиться, говоритъ онъ, чтобы Богъ позволялъ однимъ людямъ уничтожать другихъ. Гражданинъ нарушаетъ благочиніе въ государствѣ,—помѣшайте ему, вы это можете сдѣлать, не таща его на висѣлицу», и онъ совѣтуетъ употреблять ихъ, какъ каторжниковъ, на полезныя работы.

[2]. Фамилія его Туссэнъ.

подобіе суда божескаго, свою строгость бо́льшимъ милосердіемъ. Парламентъ осудилъ книгу на сожженіе [1]. Это осужденіе не только не повредило книгѣ, а напротивъ содѣйствовало ея успѣху. Не было человѣка, мущины или женщины, «считавшаго себя мыслящимъ», который не пожелалъ бы ознакомиться съ нею. Одинъ экземпляръ быстро переходилъ черезъ пятьдесятъ рукъ. Всѣ спрашивали другъ друга: «Читали ли вы *Нравы* [2]?» Такое отношеніе свидѣтельствовало не только о томъ, что въ извѣстной части общества не одобряли строгость магистратовъ, но и указывало также на благосклонное отношеніе общественнаго мнѣнія къ философскимъ ученіямъ.

Приказъ парламента противъ книги «*Нравы*» состоялся 6 мая 1748 г. Въ томъ же мѣсяцѣ узнали, что на конгрессѣ, происходившемъ въ Ахенѣ, подписаны предьварительныя условія мира [3]. Эта новость была встрѣчена съ восторгомъ, но когда увидѣли, что Франція при этомъ не сохранила за собою ни одного изъ завоеванныхъ городовъ и не извлекла никакихъ выгодъ за принесенныя ею жертвы, то и Парижъ и провинціи были крайне недовольны [4]. Всѣ возмущались поведеніемъ правительства, совершенно напрасно растратившаго кровь и деньги страны. Послѣдняя уличная торговка и та ругала этотъ миръ; «глупъ, какъ миръ», стало бранною поговоркою [5]. Однимъ изъ условій мирнаго договора было удаленіе изъ королевства принца Эдуарда Стюарта, высадкѣ котораго въ Шотландіи правительство содѣйствовало и который,—будучи

[1]. Постановленіе парламента отъ 6 мая 1748 г., осуждающее на сожженіе книгу, озаглавленную *Les Moeurs;* respicere ad exemplar vitae morumque (Hor. ad Pis.). Первая, вторая и третья части.

[2]. Barbier, IV, 300, 301.

[3]. Миръ былъ окончательно подписанъ 18 октября 1748 г. и подтвержденъ правительствомъ въ слѣдующемъ февралѣ.

[4]. D'Argenson, V, 227; ср. Luynes, X, 97.

[5]. Barbier, IV, 350.—d'Argenson, V, 362.

разбитъ при Кюллоденѣ [1], въ тотъ моментъ, когда онъ уже былъ близокъ къ тому, чтобы овладѣть тономъ своихъ предковъ,—возвратился на континентъ лишь послѣ многихъ тяжелыхъ испытаній. Такъ какъ принцъ не пожелалъ оставить Францію, гдѣ, какъ онъ говорилъ, ему обѣщано королемъ гостепріимство, то онъ былъ внезапно схваченъ вечеромъ въ оперѣ, при чемъ его связали по рукамъ и по ногамъ, какъ преступника, и заключенъ въ Венсеннъ. Такое нарушеніе даннаго слова, такое отношеніе къ принцу, молодость, мужество и несчастія котораго возбуждали любовь парижанъ, довело до крайности неудовольствіе, уже существовавшее вслѣдствіе заключенія позорнаго мира. Подъ впечатлѣніемъ этого событія, въ театрахъ, въ кафе, на прогулкахъ, на рынкахъ,—повсюду *велись политическіе разговоры* [2]. До сихъ поръ такъ волновалъ различные классы населенія только религіозный вопросъ. Появились печатные листки, въ которыхъ упрекали короля за отказъ отъ даннаго имъ слова и осмѣливались говорить ему, что, находясь въ рукахъ недостойной метрессы, онъ забывалъ «*слезы и презрѣніе*» своихъ подданныхъ [3]. Полиція произвела аресты, но не могла помѣшать дальнѣйшимъ смѣлымъ выходкамъ [4]. Это было, говоритъ одинъ современникъ, *всеобщее и всенародное* неудовольствіе [5]. Въ брошюрѣ, озаглавленной *Пять ранъ Франціи*, дѣлалось нападеніе на все царствованіе Людовика XV. Булла (Unigenitus), волненія, бывшія однимъ изъ тяжелыхъ послѣдствій ея, система Лоу, министерство Флери и Ахенскій миръ,—вотъ тѣ «пять ранъ», за нанесеніе которыхъ во Франціи упрекали это царствованіе [6]. Съ этихъ поръ къ враждебнымъ разговорамъ о политическихъ дѣлахъ присоединились и сочиненія такого же характера.

[1]. 27 апрѣля 1746 г.
[2]. Barbier, IV, 320—322, 329—333, 335 (ноябрь-декабрь 1748 г.).
[3]. D'Argenson, V, 339, 349.—Barbier, IV, 340, 341, 343.
[4]. Id., V, 365 (январь 1749 г.).
[5]. Id., *ibid.*
[6]. Id., V, 352 (январь 1749).

Тщетно для привлеченія къ себѣ общественнаго мнѣнія правительство устраивало для народа празднества по случаю заключенія мира. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ были приготовлены залы для танцевъ, народъ прогналъ музыкантовъ; нигдѣ не раздавалось крика *да здравствуетъ король!* Декораціи, устроенныя при этомъ архитекторомъ Сервандони, были разрушены и сожжены толпою [1]. Когда же министерство по этому же случаю отмѣнило нѣкоторые налоги, то въ этой мѣрѣ видѣли указаніе на то, что «дворъ боялся народа» и желалъ его подкупить [2]. Но шли и дальше этого: считали себя вправѣ судить о своевременности нѣкоторыхъ налоговъ; утверждали, что десятинный налогъ, установленный декларацiей 29 августа 1747 г., въ которой имѣлось прямое обѣщаніе отмѣнить его по заключеніи мира [3], уничтоженъ самымъ фактомъ заключенія послѣдняго и потому находили нужнымъ, не ожидая новаго распоряженія, отказаться отъ уплаты его. Въ ворота домовъ въ Парижѣ подбрасывались печатныя письма, въ которыхъ приглашали жителей дѣйствовать въ такомъ духѣ. Министерство потребовало отъ парламента присужденія къ сожженію этихъ возмутительныхъ сочиненій, но магистраты отказали ему въ этомъ, такъ какъ они сами относились враждебно къ продолженію десятины [4]. Бордосскій парламентъ, болѣе смѣлый чѣмъ парижскій, а по его примѣру парламенты въ Э, По и Тулузѣ воспретили плательщикамъ вносить десятину, а сборщикамъ подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія—требовать ее. Это являлось какъ бы санкціею приговоровъ общественнаго мнѣнія надъ дѣйствіями власти [5].

[1]. D'Argenson, V, 391—396 (февраль 1749).—Barbier, IV, 350.

[2]. Barbier, IV, 349.—d'Argenson, V, 387.

[3]. Это обѣщаніе было повторено въ другой декларацiи въ декабрѣ 1746 г.

[4]. Съ своей стороны правительство не хотѣло прибѣгать къ приказу Совѣта, потому что это значило бы показать, что парламентъ раздѣляетъ чувства всего общества.

[5]. D'Argenson, V, 410—433 (мартъ-апр. 1749).—Barbier, IV, 359.

Въ виду такихъ признаковъ возбужденія правительство, какъ ни желало оно сохранить десятину, не рѣшилось сдѣлать этого; оно чувствовало себя связаннымъ своими обѣщаніями, но вмѣсто того, чтобы отказаться отъ нея вполнѣ, оно приняло среднюю мѣру. Парламенту былъ посланъ указъ, уменьшающій десятину въ одну двадцатую. Магистраты отказались занести его въ реестры [1]; когда же Людовикъ XV потребовалъ, чтобы его воля была исполнена, парламентъ подчинился, но чтобы снять съ себя всякую отвѣтственность, отмѣтилъ въ реестрахъ, что онъ сообразовался «съ настойчивымъ требованіемъ короля [2]». Однако общество, требовавшее уничтоженія десятины, а вовсе не уменьшенія ея, продолжало жаловаться; настроеніе умовъ было настолько обострено, что, что бы ни дѣлало правительство, «все толковалось въ дурную сторону [3]». Миръ, налоги, расходы короля, его развлеченія, «метресса», все шокировало, все возмущало. Со всѣхъ сторонъ появлялись противъ короля пѣсни, стихи и сатирическіе рисунки [4]. «Людовикъ, говорилось въ одномъ изъ этихъ памфлетовъ, если было время, когда мы тебя любили, то это было потому, что еще не были извѣстны всѣ твои пороки; въ королевствѣ, обезлюденномъ по твоей винѣ и преданномъ въ добычу царствующихъ съ тобою шутовъ, французамъ остается только гнушаться тебя».

Броженіе, вызванное всѣми этими событіями, еще не улеглось, когда со стороны церкви явился новый источникъ смуты. Не задолго до этого архіепископомъ парижскимъ былъ назначенъ Кристофъ де Бомонъ, оставшійся имъ до самой своей смерти въ 1781 г. [5]. Обладая достоинствами, ко-

[1]. Большинствомъ 106 голосовъ противъ 49.

[2]. Barbier, IV, 367—371.—d'Argenson, V, 462, 473, 479 (май 1749 г.).

[3]. D'Argenson, V, 343, 393.

[4]. Id., V, 402—404, 411.

[5]. Онъ замѣстилъ въ августѣ 1746 г. Жиго де Беллефона, ко-

торыя признавались даже его врагами, онъ своею нетерпимостью заставлялъ забывать ихъ. Онъ былъ призванъ въ парижскую епархію прежнимъ мирепуасскимъ епископомъ Бойе, занимавшимъ по смерти кардинала Флери должность завѣдующаго бенефиціями. Это былъ честный, но ограниченный человѣкъ, котораго называли «гонителемъ всякихъ пустяковъ» и о которомъ говорили, что онъ почиталъ буллу Unigenitus гораздо выше Евангелія [1]. По его внушенію кардиналъ, который вначалѣ казалось «не хотѣлъ ни во что невмѣшиваться», задумалъ совершенное уничтоженіе янсенизма. Вступивъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей «въ обликѣ овцы», де Бомонъ вскорѣ сталъ вести себя «какъ разъяренный волкъ [2]». Ежедневно онъ «выпускалъ» приказы противъ духовныхъ лицъ, либо удаляя ихъ изъ приходовъ, либо налагая на нихъ запрещенія [3]. Наконецъ онъ приказалъ лишать причастія тѣхъ, кто не могъ представить записки объ исповѣди, подписанной священникомъ, признающимъ буллу. Коффенъ, бывшій ректоръ университета и извѣстный янсенистъ, первый испыталъ на себѣ дѣйствіе этихъ строгихъ мѣръ; онъ умеръ 20 іюня 1781 г., при чемъ священникъ его прихода отказался пріобщить его. На его погребеніе явилось болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, протестуя этимъ способомъ противъ церковныхъ строгостей [4]. Племянникъ покойнаго, носившій ту же фамилію и бывшій совѣтникомъ въ Шателе, принесъ парламенту жалобу на этотъ отказъ въ причастіи, основываясь на заключеніяхъ, составленныхъ

торый незадолго до того занялъ мѣсто Винтимиля, умершаго 3 февраля того же года.

[1]. Barbier, V, 343.—d'Argenson, IV, 215.—Voltaire, *Histoire du Parlement*, 379, 380; *Siècle de Louis* XV, 401.

[2]. D'Argenson, VI, 7.

[3]. Barbier, IV, 373, 374.

[4]. Цифра въ *четыре тысячи* сообщается Барбье. Д'Аржансонъ, V, 492, говоритъ *о десяти тысячахъ* и прибавляетъ: «Теперь мода на такія сборища при погребеніи знаменитыхъ противниковъ буллы».

[5]. Barbier, IV, 379—382.—Ср. Luynes, IX, 454, 455.

почти шестьюдесятью адвокатами. Собравшій парламентъ получилъ отъ двора приказаніе воздержаться отъ судебнаго разбирательства въ виду того, что король беретъ на себя принятіе «соотвѣтствующихъ мѣръ» по предмету, затрогивающему «религію, общественное благо и спокойствіе всего королевства [1]». Ожидали, что министерство приметъ мѣры, чтобы помѣшать повторенію подобныхъ скандаловъ, но вмѣсто этого 1-го августа появился приказъ Совѣта, которымъ запрещались вышеуказанныя заключенія адвокатовъ.

Этотъ приказъ, предоставлявшій епископамъ полную свободу въ дѣлахъ церкви, еще болѣе разжегъ страсти [2]. Раздраженіе противъ правительства вспыхнуло съ новою силою въ рѣчахъ и листкахъ. Одно стихотвореніе противъ короля, состоящее изъ двухсотъ пятидесяти строкъ самого «возмутительнаго» свойства, распространилось по Парижу. Оно начиналось словами: *Возстаньте тѣни Равальяка!* Прослушавъ его, Людовикъ XV сказалъ: «Я вижу, что умру какъ Генрихъ IV [2]». Правительство, уже раздраженное оборотомъ, которое приняло дѣло о десятинѣ, рѣшилось наконецъ положить конецъ такой дерзости энергическими мѣрами. Были произведены массовые аресты. Бастилія, Венсенскій замокъ и Форъ-Левекъ были наполнены, кромѣ множества янсенистовъ, большимъ числомъ аббатовъ, ученыхъ, «блестящихъ умовъ», профессоровъ университета, докторовъ Сорбонны, которые всѣ обвинялись «въ сочиненіи стиховъ на короля, въ чтеніи ихъ и распространеніи, въ порицаніи министерства и въ составленіи и напечатаніи произведеній въ защиту деизма и противъ нравственности». Въ числѣ

[1]. Приказъ государственнаго совѣта отъ 1 августа 1749 г., воспрещающій четыре указанныя консультаціи, одна двадцати восьми, другая—тринадцати, третья—девяти и послѣдняя четырехъ адвокатовъ при парижскомъ парламентѣ.

[2]. Barbier, IV, 382.

[3]. D'Argenson, VI, 15.

первыхъ былъ арестованъ Дидро [1]. Во время этого заключенія онъ составилъ планъ своей *Энциклопедіи.* Безъ всякихъ доказательствъ и по одному лишь «подозрѣнію въ составленіи листковъ», людей хватали и сажали въ тюрьму. Аресты обыкновенно производились ночью. Возмущенная такимъ образомъ дѣйствій публика шумѣла и «называла это французской инквизиціей». Однако нѣкоторые лица одобряли дѣйствія министерства; говорили, что оно поступаетъ правильно, стремясь «искоренить свободу писанія противъ Бога, короля и противъ нравственности [2]». Въ этихъ словахъ заключается все, что угрожало разрушеніемъ общественнаго устройства; паденіе именно этихъ трехъ элементовъ и должно было повлечь за собою крушеніе стараго режима.

Правительство надѣялось, что, поддержавъ такъ открыто епископатъ въ дѣлѣ его отказа въ совершеніи таинствъ, который такъ сильно взволновалъ общественное мнѣніе, оно можетъ надѣяться на доброжелательное отношеніе къ себѣ со стороны духовенства. Испытываемыя затрудненія въ отношеніи сбора налоговъ заставили министерство обратить вниманіе на огромныя богатства духовенства, обладавшаго почти третью всѣхъ имуществъ въ королевствѣ. Уже эликтомъ, занесеннымъ въ парламентскіе реестры 2 сентября, было запрещено пріобрѣтеніе безъ разрѣшенія короля недвижимыхъ имуществъ людьми, не могущими передавать свои имущества по наслѣдству [3]; но теперь правительство пошло дальше: считая недостаточными тѣ платежи, которые производило духовенство подъ именемъ *добровольнаго дара,* оно хотѣло подвергнуть его недавно установленному налогу одной двадцатой [4].

[1]. Онъ былъ заключенъ въ Венсеннъ за свои *Lettre sur les aveugles.* Assezat, *Oeuvres de Diderot,* I, 175.

[2]. D'Argenson, VI, 10, 11, 13, 15, 17, 26 (іюль-августъ 1749 г.); Barbier, IV, 377, 378.

[3]. Isambert, XXII, 226—235.

[4]. Barbier, IV, 390—392.

Такое намѣреніе правительства не нравилось епископамъ. Такъ какъ они не платили десятины, то желали быть освобожденными и отъ налога одной двадцатой. Въ печатной запискѣ, появившейся въ началѣ 1750 г., они ссылались на декларацію 1726 г., въ которой правительство, признавая, что церковныя имущества имѣютъ божественное право, обязывалось никогда не облагать ихъ, и въ почтительныхъ выраженіяхъ напоминали королю, что онъ нарушилъ свое слово, подтвержденное еще во время коронаціи клятвою оставаться вѣрнымъ всему, что дано всѣми государями, его предшественниками, со временъ Клодвига [1]. Министерство надѣялось на поддержку низшаго духовенства, на которое епископы возлагали всю тягость уплаты добровольнаго взноса, но корпоративный духъ и любовь къ привилегіи восторжествовали надъ нерасположеніемъ, которое такъ долго питало низшее духовенство къ высшему. И то и другое соединились для сопротивленія и рѣшили, въ случаѣ если правительство захочетъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, не совершать ни литургій, ни богослуженій, не выполнять никакихъ обязанностей, и такимъ образомъ подвергнуть все королевство своего рода отлученію [2].

Записка епископовъ не осталась безъ отвѣта. Въ трактатѣ, напечатанномъ въ формѣ *Писемъ* съ латинскимъ эпиграфомъ: Ne repugnate bono vestro, доказывалось, что король имѣлъ «право и власть (droit et police)» надъ имуществами духовенства и что льготы, на которыя оно ссылается, ничто иное, какъ «узурпація [3]». Это сочиненіе было запрещено приказомъ Совѣта. «Подъ предлогомъ поддержки правъ королевской власти и основныхъ истинъ, которыхъ никто и не оспариваетъ и не можетъ под-

[1]. Luynes, X, 467—474. Этотъ мемуаръ помѣченъ 17 сентября 1749 г. Ср. d'Argenson, VI, 138—151, 162.

[2]. D'Argenson, VI, 163 (мартъ 1750 г.).

[3]. Barbier, IV, 442—444.—d'Argenson, VI, 201.— Luynes, X, 275, 276.

вергать сомнѣнію, говорится въ приказѣ, въ этомъ сочиненіи имѣются разсужденія, направленныя противъ чести французскаго духовенства, которое хотятъ представить, какъ самую безполезную часть общества [1]». Это осужденіе вызвало всеобщее удивленіе, такъ какъ запрещенное сочиненіе было вполнѣ согласно съ видами министерства и, сверхъ того, было извѣстно, что оно было внушено, даже одобрено, генеральнымъ контролеромъ Машо, авторомъ мѣръ, принятыхъ въ отношеніи церковныхъ имуществъ. Въ дѣйствительности приказъ Совѣта, выпущенный повидимому для удовлетворенія епископовъ, сдѣланъ былъ съ единственною цѣлью обратить вниманіе общества на это сочиненіе и вызвать этимъ путемъ движеніе общественнаго мнѣнія въ направленіи, соотвѣтствующемъ проектамъ министерства. Чтобы дать возможно широкую извѣстность приказу, его даже афишировали на улицахъ. Два мѣсяца спустя повелѣніемъ, зарегистрованнымъ парламентомъ [2], правительство потребовало, чтобы епископы и всѣ члены духовенства представили въ указанное время заявленія о своихъ имуществахъ. Какъ разъ въ это время былъ общій съѣздъ епископовъ въ Парижѣ. Рѣшившись отвергнуть это требованіе, они обратились къ королю съ письмомъ, смѣлость котораго свидѣтельствуетъ насколько они были увѣрены въ своемъ могуществѣ. «Мы никогда не согласимся, говорятъ они, чтобы то, что до сихъ поръ было даромъ нашей любви, стало данью нашего послушанія [3]». Раздраженный король распустилъ съѣздъ, а прелатовъ разослалъ по ихъ епархіямъ [4]. Съ этого момента,

[1]. Приказъ государственнаго совѣта отъ 1 іюня 1750, воспрещающій книгу, озаглавленную *Lettres* съ помѣщеннымъ внизу латинскимъ эпиграфомъ, начинающимся словами: Ne repugnate bono vestro. Лондонъ, 1750.

[2]. 21 августа 1750. Это повелѣніе или, правильнѣе, эта декларація помѣчена 17 августа.

[3]. Luynes, X, 521—528. Письмо написано отъ 10 сентября 1750 г.

[4]. Barbier, IV, 470, 471.

двѣ силы, бывшія до сихъ поръ всегда въ союзѣ, стали между собою «на ножахъ» [1].

Духовенство всего королевства находилось «въ состояніи какъ бы бунта [2]» и, открыто выражая повсюду свою горечь и злобу, давало новые поводы для раздраженія противъ двора. Однако, въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе было несомнѣнно на сторонѣ министерства, такъ какъ находили вполнѣ справедливымъ заставить духовенство нести со всѣми остальными подданными королевства бремя государственныхъ расходовъ [3]. Тѣмъ не менѣе правительство не встрѣтило въ обществѣ той поддержки, на которую расчитывало. Для всѣхъ было ясно, что въ этомъ дѣлѣ его поведеніе не обусловливалось идеями «мудрой реформы», а истекало исключительно изъ нужды въ деньгахъ, и что какъ только будутъ получены эти новые источники дохода, они «упадутъ въ бездонную пропасть» казначейства и уйдутъ на королевскіе расходы, нисколько не облегчивъ страну [4]. Кромѣ того «двадцатая» была принята населеніемъ не лучше, чѣмъ духовенствомъ. Въ немногихъ провинціяхъ, сохранившихъ еще право созванія штатовъ [5], въ Бретани, Артуа, Лангедокѣ и Провансѣ, собранія трехъ сословій высказались противъ «двадцатой [6]». Правительство грозило, что оно отниметъ отъ провинцій это право, которымъ онѣ пользуются противъ него. «Въ теченіи моей жизни, писалъ д'Аржансонъ, я былъ свидѣтелемъ очень ловкаго подавленія парламента, Сорбонны,

[1]. D'Argenson, VI, 270.

[2]. Barbier, IV, 482.

[3]. «Всѣ желаютъ успѣха генеральному контролеру». Barbier, IV, 406.

[4]. D'Argenson, VI, 201.

[5]. Извѣстно, что Людовикъ XIV, не довольствуясь отнятіемъ у парламентовъ права дѣлать представленія (ремонтрансы). уничтожилъ очень многіе провинціальные Штаты.

[6]. Luynes, X, 487, 490 и слѣд.—d'Argenson. VI, 152—157, 164, 166, 283, 284 (февр.-нояб. 1750).—Barbier, IV, 417, 418, 482.

университета; теперь очередь за штатами испытать ту же участь [1]». Отвѣтомъ на эти угрозы явилась краснорѣчивая брошюра *О пользѣ провинціальныхъ штатовъ* [2]. Возбужденіе начало сказываться не въ однихъ подобныхъ протестахъ: въ Беарнѣ взиманіе двадцатой вызвало бунтъ, потребовавшій для усмиренія употребленія огнестрѣльнаго оружія [3]. Поднялъ въ свою очередь голосъ и парламентъ, котораго упрекали въ уступчивости по дѣлу о двадцатой. По случаю одного эдикта, возобновлявшаго нѣкоторые налоги, онъ сдѣлалъ королю заявленіе о бѣдности народа, расточительности двора, объ огромныхъ суммахъ, издержанныхъ уже послѣ заключенія мира, и представилъ ему свои ремонтрансы въ такихъ выраженіяхъ, выслушивать которыя онъ не привыкъ [4].

Между тѣмъ въ Парижѣ произошли событія, которыя одно время повидимому грозили имѣть очень опасныя послѣдствія. Въ виду необходимости увеличить населеніе нѣкоторыхъ своихъ колоній, правительство отправило въ нихъ прежде всего публичныхъ женщинъ и бродягъ [5]. Потомъ нѣкоторые полицейскіе, по всей вѣроятности превышая данные имъ приказы, захватили хитростью нѣсколько дѣтей ремесленниковъ. Какъ только это сдѣлалось извѣстно, въ предмѣстьяхъ вспыхнулъ бунтъ, какого еще не было съ самаго начала царствованія. Много полицейскихъ было убито, и затѣмъ толпа направилась къ дому начальника полиціи. Этотъ чиновникъ, «блѣдный, какъ утопленникъ», спасъ себѣ жизнь только

[1]. D'Argenson, VI, 155. Въ февралѣ герцогъ де Ришельё распустилъ Штаты въ Лангедокѣ по поводу вопроса о «двадцатой». Въ мартѣ уже отданъ былъ въ печать приказъ Совѣта о полномъ ихъ запрещеніи. Id., 161.

[2]. Іюль 1750. Д'Аржансонъ приписывалъ ее Монтескьё. Въ *Dictionnaire des anonymes* Барбье авторомъ ея названъ маркизъ де Мирабо.

[3]. D'Argenson, VI, 165.

[4]. Id., VI, 216, 217 (іюнь 1750).

[5]. Barbier, IV, 401—403.

тѣмъ, что выдалъ бунтовщикамъ одного полицейскаго, который немедленно былъ убитъ и брошенъ въ ручей. Во время этихъ сценъ насилія были «изрыгаемы» самыя «гнусныя» ругательства противъ короля. Народъ толковалъ ни болѣе ни менѣе, какъ о томъ, чтобы идти сжечь версальскій дворецъ, выстроенный, говорилъ онъ, на счетъ народа [1]. Не желая принимать на себя отвѣтственность за гнусные поступки полиціи, правительство дѣлало видъ, что не вѣритъ въ виновность своихъ агентовъ и распорядилось повѣсить троихъ бунтовщиковъ. Для исполненія приговора были приняты серьезныя военныя предосторожности. Въ самый моментъ его, когда въ толпѣ раздались крики о прощеніи, войска бросились въ штыки на толпу. Такая расправа, столь же жестокая, какъ и несправедливая, еще болѣе усилила въ народной массѣ накопившуюся ненависть къ правительству [2]. Въ высшихъ классахъ, хотя и высказывалось сожалѣніе къ тремъ несчастнымъ жертвамъ—такъ какъ въ похищеніи дѣтей никто несомнѣвался,—но въ то же время урокъ, данный народу, ни въ комъ не вызывалъ неудовольствія... «Не слѣдуетъ давать ему возможности понять свою силу», говорили эти люди. Тутъ впервые стало являться предчувствіе тѣхъ неожиданныхъ потрясеній, которыя можетъ испытать общество со стороны народной массы [3].

Такимъ образомъ недовольство обнаруживалось со всѣхъ сторонъ. Янсенисты, духовенство, парламенты, литераторы, народъ,—всѣ, хотя и по разнымъ причинамъ, были раздражены. Даже придворные, стараясь попасть въ уборную м-мъ де Помпадуръ, чтобы присутствовать при ея

[1]. Угрозы казались настолько серьезными, что были посланы войска для охраненія Севрскаго моста и Медонскаго прохода.

[2]. Въ народной толпѣ говорили: «Въ первый же разъ, когда еще повторится бунтъ, мы сдѣлаемъ свое дѣло: станемъ жечь убивать; хуже не будетъ, но мы будемъ менѣе несчастны».

[3]. Barbier, 422—437, 453—456 (май-августъ 1750).— D'Argenson, VI, 204—206, 213, 240, 241, 243.—Luynes, X, 268, 302.

туалетѣ, какъ прежде они присутствовали при знаменитомъ *сниманіи панталонъ* кардинала Флери, и тѣ негодовали, видя, какъ метресса, на подобіе перваго министра, распоряжается по своему произволу мѣстами и наградами [1]. Въ салонахъ въ присутствіи прислуги открыто бранили министерство и государя [2]. Въ кафе, на гуляньяхъ, громко и оскорбительно отзывались о правительствѣ, но полиція ограничивалась только подслушиваніемъ и никого не арестовывала, потому что пришлось бы арестовать рѣшительно всѣхъ [3]». Не было дома, гдѣ нельзя было бы услышать проклятій по адресу короля и правительства [4]. Духъ возмущенія овладѣлъ всею націею и распространялся «какъ гангрена». У народа начали образовываться относительно правительства особыя идеи; стали утверждать, что люди, облеченные общественною властью, «*обязаны* доставлять народу правосудіе, благосостояніе и счастье [5]». Въ разговорномъ языкѣ появились новыя слова съ угрожающимъ значеніемъ. Въ стихахъ, направленныхъ противъ м-мъ де Пампадуръ, ее упрекали за то, что она «безстыдно выставляетъ *субстанцію народа* (la substance du peuple) [6]». Самъ король получалъ утгрожающія предостереженія. На каминахъ и паркетахъ въ Версали находили записки, на которыхъ было написано: «Ты отправляешься въ Шуази; *почему бы не отправиться тебѣ въ Сенъ-Дени*» [7]? Съ своей стороны духовенство продолжало оказывать сопротивленіе намѣреніямъ генеральнаго контролера; съ этою цѣлью между духовенствомъ разныхъ епархій образовывались своего рода ассоціаціи. Возбужденіе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ

[1]. Barbier, VI, 483; cf. D'Argenson, VI, 291—321.
[2]. D'Argenson, VI, 91 (декабрь 1749)
[3]. Id., VI, 172 (мартъ 1750).
[4]. Id., VI, 173.
[5]. Id., VI, 206 (май 1750); 215 (іюнь 1750).
[6]. Barbier, 495, 496 (декабрь 1750).
[7]. D'Argenson, VI, 330 (январь 1751). Ср. id., 172. (*Сенъ-Дени*—мѣсто погребенія французскихъ королей. *Перев.*).

доходило до того, что они говорили, что скорѣе примутъ мученичество, чѣмъ откажутся отъ своихъ привилегій [1]. Въ декабрѣ 1750 г. пронесся слухъ, будто епископы, соединяя свое дѣло съ дѣломъ всей страны,— безъ согласія которой, по традиціямъ королевства, правительство не имѣло право взыскивать налоги,—намѣрены требовать созванія генеральныхъ штатовъ. «Эти Штаты соберутся не напрасно, пишетъ д'Аржансонъ. Пусть не шутятъ этимъ: они могутъ кончиться очень серьезно. *Quod Deus avertat* [2]!».

1751 г. начался инцидентомъ, совершенно одинаковымъ съ тѣмъ, который произошелъ съ покойнымъ ректоромъ университета Коффеномъ. Его племянникъ, совѣтникъ въ Шатле, находясь при смерти, не захотѣлъ признать буллу Unigenitus за догматъ вѣры, и священникъ церкви St. Etienne du Mont, Буэттонъ, отказалъ ему въ причастіи. Парламентъ распорядился взять священника подъ стражу и продержалъ его цѣлую ночь въ казематахъ тюрьмы Консьержери. Когда же этотъ священникъ заявилъ, что онъ дѣйствовалъ согласно приказаніямъ своего начальника, парижскаго архіепископа, парламентъ обратился къ королю съ ремонтрансами, прося его воспретить епископамъ подобные акты нетерпимости. Король ограничился тѣмъ, что выразилъ порицаніе за арестъ священника. Весь Парижъ былъ раздраженъ противъ высшаго духовенства; лица, даже совершенно не склонны принимать какое бы то ни было участіе въ борьбѣ, говорили, что опасно стѣснять такимъ образомъ «свободу совѣсти» и что если подобная система нетерпимости будетъ продолжаться, то «современемъ она можетъ сдѣлаться источникомъ *революціоннаго* обращенія Франціи въ протестантизмъ». Другіе шли еще дальше и говорили: «Мы станемъ пресвитеріанцами или *ни кѣмъ* [3]».

[1]. D'Argenson, VI, 280 (ноябрь 1750).

[2]. Id., VI, 318—320.

[3]. Barbier, IV, 500—505; V, 2, 27, 28 (январь-мартъ 1751).—D'Argenson, VI, 323, 326.

Принявъ въ этомъ случаѣ еще разъ сторону епископата противъ парламента, правительство одновременно съ этимъ предписало строгія мѣры противъ протестантовъ [1]. Казалось, что оно приняло на себя задачу доказать, что его проекты относительно имущества духовенства нисколько не уменьшили его ревности къ дѣламъ вѣры; но въ глазахъ епископовъ коснуться доходовъ церкви—значило задѣть самую религію. Марсельскій епископъ написалъ генеральному контролеру письмо, ходившее по рукамъ въ Парижѣ, въ которомъ говорилось: «Не ставьте насъ въ необходимость сдѣлать выборъ въ повиновеніи Богу или королю; вы сами знаете, кого изъ нихъ мы предпочтемъ [2]». Вскорѣ появилась булла римскаго двора, запрещавшая чтеніе писемъ «Ne repugnate» подъ страхомъ отлученія отъ церкви и обвиненія въ смертномъ грѣхѣ [3]. Въ этомъ заключалось скрытое осужденіе намѣреній министерства. Боясь открытаго противодѣйствія со стороны Рима, если оно будетъ настаивать на своихъ намѣреніяхъ, правительство вступило въ переговоры съ епископами и согласилось взамѣнъ двадцатой на примирительную мѣру [4], въ силу которой государственный совѣтъ издалъ распоряженіе о неприведеніи въ дѣйствіе приказовъ короля, касающихся декларацій о церковныхъ имуществахъ [5].

[1]. D'Argenson, VI, 359, 443.

[2]. Voltaire, *Siècle de Louis XV*, 397.—D'Argenson, VI, 354.—Luynes, X, 462.

[3]. D'Argenson, IV, 368.

[4]. Продолжая отвергать законность декларацій относительно своихъ имуществъ, клиръ предложилъ уплачивать по десяти милліоновъ въ годъ вмѣсто требуемой двадцатой. «Было много споровъ относительно того, какъ назвать этотъ налогъ. Дворъ не хотѣлъ допустить термина *добровольный даръ* (don gratuit); старались замѣнить его терминами: пособіе, помощь, субсидія, и остановились на томъ, чтобы называть его *замѣняющимъ двадцатую*». Barbier, V, 23—24.—D'Argenson, VI, 369.

[5]. Этотъ приказъ отъ 23 декабря 1751 г. былъ разосланъ всѣмъ

Какъ только министерство въ этомъ дѣлѣ отказалось отъ своихъ первоначальныхъ требованій въ отношеніи духовенства, никто не сомнѣвался, что въ данномъ случаѣ оно «потерпѣло неудачу». Безуспѣшность мѣры, начатой съ такимъ шумомъ, поощрила епископатъ и вызвала неудовольствіе въ обществѣ. Со времени возникновенія мысли объ этой мѣрѣ въ печати появилось множество сочиненій, написанныхъ за и противъ неприкосновенности имуществъ духовенства. Желая замять дѣло, неудача котораго не дѣлала чести ловкости и уму правительства, послѣднее приказомъ Совѣта отъ 21 мая 1751 г. запретило цѣлую массу этихъ сочиненій [1]. Въ числѣ ихъ былъ запрещенъ *Голосъ мудреца* (la Voix du Sage), листокъ, приписывавшійся Вольтеру, въ которомъ государство сравнивалось съ семьею, а духовенство съ наставникомъ, «который долженъ имѣть только жалованье». Запрещено было также «*Извлеченіе изъ протоколовъ клира 1577 г.*» (Extrait des procès verbaux du clergé), особенно задѣвшее министерство. Это былъ актъ, относящійся къ временамъ Лиги, въ которомъ епископы клятвенно обязались «никогда не соглашаться, ни прямо, ни косвенно, ни на словахъ, ни по существу, на какое бы то ни было умаленіе имущества Церкви, и не смотря на какое бы то ни было приказаніе въ противномъ смыслѣ папы или короля [2]».

Не получивъ ожидавшихся рессурсовъ отъ духовенство, правительство снова обратилось къ населенію, но, не рѣшаясь обременять его новыми налогами, прибѣгло къ займамъ. По этому поводу парламентъ обратился къ королю съ новыми ремонтрансами, болѣе рѣзкими, чѣмъ тѣ, которые представлялись имъ до сихъ поръ, и кото-

епископамъ, но не опубликованъ. Barbier, V, 143—146.—D'Argenson, VII, 59, 66.

[1]. См. въ концѣ настоящей книги приказъ отъ 21 мая 1751 г. Онъ слишкомъ великъ, чтобъ его можно было воспроизвести въ текстѣ.

[2]. *Collection des procès-verbaux des assemblées générales du clergé* т. I, Paris, 1767.—Barbier, V, 51.

рые «скорѣе походили на представленія генеральныхъ штатовъ, чѣмъ парламента». Онъ осмѣлился повторить ихъ три раза; наконецъ эдикты, устанавливающіе эти займы, были зарегистрованы «въ силу прямого приказанія короля [1]»; причемъ такое рѣшеніе состоялось большинствомъ всего десяти голосовъ. Тѣмъ не менѣе общество было недовольно парламентомъ за его уступчивость. Всѣ только и говорили, что о неумѣренныхъ расходахъ двора. Безпрерывныя поѣздки, празднества, спектакли, постройки, при которыхъ только и слышалось «дѣлать, передѣлать, бросить»,—все это съ добавленіемъ подарковъ и пенсій, назначаемыхъ кому попало, поглощало столь огромныя суммы, что Людовикъ XV, не платя ничего на содержаніе своего двора и будучи долженъ за два года жалованье парламентамъ, расходовалъ въ теченіе года доходы слѣдующихъ лѣтъ [2]. Это уже не мотовство, говорили тогда, это просто грабежъ! Одинъ «политикъ» опредѣлялъ правительство, какъ *расточительную анархію*[3], обозначая этими словами двойной источникъ безпорядка, котораго одного было бы достаточно, чтобы привести правительство къ гибели, если бы болѣе глубокія причины не подготовили его.

Вскорѣ послѣ обнародованія послѣднихъ эдиктовъ возникъ новый споръ, неосторожно начатый парижскимъ архіепископомъ. Ссылаясь на то, что янсенистскія доктри-

[1]. Luynes, XI, 143—175 (май-іюнь 1751). — Barbier, V 51—55, 61—63.—D'Argenson, VI, 417—420, 432. Постановленіе о зарегистраціи, опубликованное согласно обычаю вмѣстѣ съ эдиктами, было составлено въ выраженіяхъ, *отзывавшихся уличнымъ листкомъ*. Въ немъ говорилось, что король «поглощалъ свыше своихъ доходовъ (le Roi «mangeait au delà de ses revenus»). Сверхъ того «было сдѣлано секретное постановленіе о внесеніи въ реестры о необходимости обратиться къ королю съ настойчивою просьбою упорядочить свои расходы». Barbier, ibid., 54, 55.

[2]. D'Argenson, VI, 406—448 (май-августъ 1751) и passim.—Barbier, V, 50.

[3]. D'Argenson, VI, 463 (сентябрь 1751).

ны проникли во всѣ парижскіе госпитали, онъ пожелалъ получить въ свое вѣдѣніе весь персоналъ служащаго въ нихъ духовенства [1], до сихъ поръ назначавшійся администраторами госпиталей, и получилъ отъ короля декларацію, измѣнявшую уставы этихъ заведеній [2]. Парламентъ, которому принадлежало право высшаго наблюденія за главнымъ управленіемъ госпиталей, зарегистровалъ эту декларацію, но съ такими оговорками, которыя измѣняли ея сущность. Приказомъ Совѣта король отмѣнилъ всѣ эти ограниченія [3] и сообщилъ магистратамъ, что если онъ терпѣлъ ихъ ремонтрансы, то этимъ онъ не далъ права вносить въ его эдикты измѣненія, могущія извращать ихъ смыслъ. Даже въ обществѣ многія лица, отнюдь не враждебныя парламенту, находили, что въ этомъ случаѣ онъ превысилъ свое право [4]. Магистраты осмѣлились отвѣтить Людовику XV, что «на основаніи древнихъ правилъ королевства и основныхъ законовъ государства, измѣненія, вносимыя въ постановленія о зарегистрированіи, *были нераздѣльны съ ними*». Это значило, писалъ Барбье, «что парламентъ имѣетъ право остановить законъ, изданный королемъ, исправить его, однимъ словомъ, измѣнить всякій разъ, когда будетъ считать его противнымъ общественному порядку [5]».

Возбужденный этими спорами политическій вопросъ заставилъ вскорѣ забыть тотъ частный случай, который ихъ вызвалъ. Магистраты грозили выйти въ отставку подобно тому, какъ это было сдѣлано въ 1732 г. Теперь, какъ и тогда, окружающіе короля говорили о необходимости уничтожить парламентъ. Іезуиты и епископы

[1]. Сальпетріеръ, Питье, Бисетръ, дома Св. Духа, Св. Пелагіи Дома подкидышей и сиротъ—находились въ вѣдѣніи главнаго управленія госпиталями.

[2]. Эта декларація была отъ 24 марта 1751 г. См. Luynes, XI, 341.

[3]. 21 іюля 1751.

[4]. Barbier, V, 74, 75.

[5]. Id., V, 87.

«раздували огонь», надѣясь превратить парламентъ въ *ничто* («en faire une carcasse»), какъ это они уже успѣли сдѣлать съ Сорбонною [1]. На неоднократныя требованія зарегистровать декларацію во всей ея цѣлости магистраты отвѣчали отказомъ, говоря, «что истинная вѣрность и дѣйствительное послушаніе парламента состояли въ томъ, чтобы никогда не изъявлять согласія на что бы то ни было, противное законамъ и уставамъ монархіи». Раздраженный король взялъ въ свое собственное вѣдѣніе все дѣло управленія госпиталями и запретилъ магистратамъ обсуждать его; мало того, онъ вытребовалъ парламентскіе регистры и собственноручно вырвалъ изъ нихъ подлинникъ постановленій по этому предмету. Магистраты прекратили исполненіе своихъ обязанностей; тогда министерство, опасаясь безпорядковъ, поспѣшило возвѣстить на улицахъ объ уменьшеніи налоговъ. Въ этой поспѣшной мѣрѣ естественно увидѣли доказательство страха [2]. Тѣмъ не менѣе, по приказу короля, парламентъ согласился опять приступить къ своимъ дѣламъ; но при этомъ особымъ постановленіемъ онъ подтвердилъ свое право обсужденія, воспретилъ на будущее время выдачу своихъ регистровъ и ни въ чемъ не отказался отъ своихъ предшествующихъ протестовъ [3]. Правительство отвѣтило грамотами, передававшими Верховному Совѣту наблюденіе за управленіемъ госпиталями; но оно не рѣшилось опубликовать этихъ грамотъ, давая такимъ образомъ новое доказательство того, что оно опасалось общественнаго мнѣнія [4].

[1]. D'Argenson, VI, 454.

[2]. D'Argenson, VII, 31. — Barbier, V, 127, выразительно замѣчаетъ: «Всѣ тотчасъ же подумали, что эта мѣра является результатомъ страха».

[3]. Относительно этого дѣла см. Voltaire, *Histoire du Parlement*, 381—383. — Barbier, V, 65—95, 121—137 (іюль-декабрь 1751).—D'Argenson, VI, 440—468; VII, 24, 27, 33, 41.

[4]. D'Argenson, VII. 153, 154. Эти lettres patentes даны въ январѣ 1752 г.

Все это дѣло, занимавшее въ теченіи многихъ мѣсяцевъ весь Парижъ, при чемъ возбужденіе распространялось на всѣ слои общества, до «самыхъ низшихъ [1]», показало до какой степени подъ вліяніемъ событій измѣнились отношенія между парламентомъ и королемъ. Не только поведеніе самихъ магистратовъ становилось со дня на день смѣлѣе, но они открыто вступали въ законодательную область, до тѣхъ поръ для нихъ совершенно закрытую. Они не начинали болѣе обсужденія, не составляли ремонтрансовъ, иначе, «какъ точно опредѣляя границы королевской власти [2]»; они смотрѣли уже на себя «какъ на особую власть, установленную законами между монархомъ и его подданными [3]». Казалось, что и парламентомъ овладѣлъ духъ возмущенія, охвативший весь народъ. Настроеніе общества было таково, что оно совершенно равнодушно отнеслось къ рожденію герцога Бургундскаго, старшаго сына дофина [4]. Когда на бывшихъ по этому случаю празднествахъ Людовикъ XV остановился на нѣсколько мгновеній на подъѣздѣ городской ратуши, чтобъ показаться стоявшей тутъ толпѣ, не раздалось ни одного голоса, который бы привѣтствовалъ его [5]. Тщетно офицеры, охранявшіе короля, бросали народу деньги, подбивая его «кричать» [6]. Всѣ, даже бывшіе при этомъ иностранцы, замѣтили это молчаніе [7]. Было очевидно, что *народъ не любилъ больше королей, которыхъ онъ прежде такъ любилъ* [8]. Гнетущей бѣдности,

[1]. Не понимая политическаго вопроса, который скрывался въ глубинѣ этихъ споровъ, воображали, что парламентъ, сопротивляясь двору, защищалъ интересы бѣдныхъ. См. Barbier, V, 128.

[2]. D'Argenson, VI, 458 (августъ 1751).

[3]. Barbier, V, 133, 134 (декабрь 1751).

[4]. Родился въ сентябрѣ 1751 г. Старшій братъ Людовика XVI.

[5]. D'Argenson, VI, 474 (сентябрь 1751).

[6]. Barbier, V, 102.

[7]. Id., V, 121.—D'Argenson, VII, 2.

[8]. D'Argenson, VI, 473.

отъ которой онъ страдалъ при одновременной роскоши и расточительности двора, было достаточно, чтобъ сдѣлать ненавистнымъ правительство, оцѣнивать которое онъ научился и въ другихъ отношеніяхъ [1]. Во время шествія дофина съ женою въ соборъ Божіей Матери для благодарственнаго молебствія за дарованіе имъ сына, ихъ окружила толпа изъ двухъ тысячъ женщинъ, изъ которыхъ однѣ кричали: «*Дайте намъ хлѣба; мы умираемъ отъ голода!* а другія: — «*Вонъ блудницу, которая управляетъ королевствомъ и ведетъ его къ гибели! Если бы она попалась намъ, отъ нея не осталось бы ничего для мощей!* [2]». Въ провинціяхъ разореніе достигло крайней степени и вызывало бунты, какъ напр. въ Реннѣ, Бордо, Лангедокѣ. Въ Турени нужда, какъ говорили, была большею, чѣмъ въ 1709 г. Въ Арлѣ тысячи вооруженныхъ крестьянъ явились къ городской думѣ, требуя хлѣба [3]. Въ Парижѣ подъ воротами домовъ и даже въ прихожихъ находили записки, въ которыхъ говорилось о необходимости захватить короля, колесовать генеральнаго контролера и повѣсить «Помпадуршу» (la Pompadour) [4]. Въ то же время умножились угрозы смерти самому Людовику XV. Въ стихахъ, наклеенныхъ на стѣнахъ Лувра, на Новомъ мосту и въ другихъ мѣстахъ, напоминали, чтобы онъ боялся отчаянія народа и не забывалъ, что *среди дворянства есть еще Гизы, у Парижа—де Равальяки, а у клира—Клеманы* [5]. Іезуиты получали письма, въ которыхъ

[1]. «Въ Парижѣ дороговизна хлѣба и нищета увеличиваются; что же касается провинцій, то трудно выразить до какой степени дошла эта нищета вслѣдствіе недостатка денегъ и зерна. Налоги мучатъ народъ и онъ проклинаетъ правительство». D'Argenson, VII, 2 (октябрь 1751).

[2]. D'Argenson, VII, 29 (ноябрь 1751).

[3]. Id., VII, 81, 83, 87, 111 (январь 1752).

[4]. Id., VII, 49 (декабрь 1751).

[5]. Приведемъ эти стихи (D'Argenson, VII, 20):

Deux Henris, immolés par nos braves aïeux,
L'un à la liberté, et l'autre à nos dieux,

встрѣчались такія фразы: «Вы, мои почтенные отцы, умѣвшіе погубить Генриха III и Генриха IV, нѣтъ ли у васъ какого нибудь Жака Клемана или какого нибудь Равальяка, чтобы избавить насъ отъ Людовика XV и его блудницы [1]»?

Въ виду столь критическаго положенія дѣлъ всѣ чувствовали необходимость измѣненія политическаго порядка во Франціи; съ начала 1751 г. это былъ самый обычный предметъ разговора между мыслящими людьми страны. Это измѣненіе выражалось однимъ словомъ—*Революція*. «Теперь только и говорятъ, что о необходимости революціи, вынуждаемой плохимъ внутреннимъ управленіемъ», писалъ Д'Аржансонъ 1 мая 1751 г. [2]. Даже тѣ, которые относились враждебно къ насильственнымъ мѣрамъ, находили, что при данномъ положеніи вещей было бы почти невозможно даже мудрому и уважаемому «первому министру» пытаться произвести необходимую реформу мирными путями. Имѣя въ виду только одни вопросы финансоваго характера, всѣ понимали, что такой министръ, если бы онъ коснулся построекъ, пенсій, расходовъ на столъ, на путешествія, на конюшню и тысячи другихъ, истощавшихъ казну,—то онъ имѣлъ бы противъ себя не только «метрессу», но и гофмейстѣра королевскаго двора, главнаго метръ д'отеля, оберъ-шталмейстера, придворныхъ дамъ и наконецъ весь дворъ отъ господъ до лакеевъ [3]. Если находились люди, полагавшіе, что такая революція не можетъ совершиться безъ серьезныхъ препятствій, то были, напротивъ, и другіе, считавшіе, что она совер-

Nous animent, Louis, aux mêmes entreprises.
Ils revivent en toi, ces anciens tyrans.
Crains notre désespoir: la noblesse a des Guises.
Paris—des Ravaillacs, le clergé—des Cléments.

[1]. D'Argenson, VII, 51 (декабрь 1751).
[2]. Id., VI, 404.
[3]. Id., VI, 433.

шится *по общему заявленію* (par acclamation). «Всѣ слои общества недовольны, замѣчаетъ д'Аржансонъ, склонявшійся ко второму мнѣнію. Такъ какъ горючихъ матеріаловъ повсюду много, то бунтъ можетъ перейти въ возстаніе, а возстаніе въ *полную революцію,* во время которой будутъ избраны настоящіе народные трибуны, комиціи, коммуны, а король и его министры будутъ лишены своего чрезмѣрнаго права наносить вредъ [1]».

Не смотря на то, что «республиканскія идеи» уже проникли въ нѣкоторые умы, въ обществѣ не возникало еще мысли объ уничтоженіи королевской власти,—думали только объ ограниченіи ея. Вообще не шли дальше мысли, что король царствуетъ надъ народомъ въ силу договора, признаннаго или предполагаемаго, который обѣ стороны должны уважать [2]. Одною изъ частныхъ и наиболѣе желательныхъ реформъ было установленіе для короля *цивильнаго листа* по примѣру Англіи. Въ особенности находили желательнымъ освобожденіе министровъ отъ гибельныхъ вліяній двора [3]; что же касается реформъ общаго характера, касающихся политическаго устройства страны, то выражалось желаніе «введенія управленія посредствомъ провинціальныхъ и генеральныхъ штатовъ». Другими словами, стремились возстановить, но только на болѣе широкихъ основаніяхъ, прежнія учрежденія, разрушенныя королевскою властью. Эта мысль, вполнѣ отвѣчавшая и преданіямъ и обычаямъ страны, такъ овладѣла умами, «что только объ этомъ и говорили», и всѣ, «даже буржуа были ими пропитаны» [4]. Объ этомъ говорилось совершенно открыто въ публичныхъ мѣстахъ. Однажды въ ноябрѣ 1751 г. одинъ монахъ, сидя на скамьѣ въ Люксембургскомъ саду, «услышавъ, какъ нѣкоторыя лица

[1]. D'Argenson, VI, 464 (сентябрь 1751).

[2]. Эта же мысль была развита въ статьѣ Autorité въ *Энциклопедіи*, первый томъ которой появился въ этомъ году.

[3]. D'Argenson, VI, 404.

[4]. Id., VII, 23 (ноябрь 1751).

говорили: «да, министерство очень кстати нажимаетъ духовенство», вмѣшался въ разговоръ и сталъ осторожно защищать права своего сословія. Тогда тѣ, къ кому онъ обращался, отвѣтили ему: «Отецъ, мы знаемъ ваши права, но мы говоримъ не о нихъ, а о томъ, что насиліе правительства надъ духовенствомъ *ускоряетъ революцію* [1]».

Въ то время, къ которому относится этотъ анекдотъ, Вольтеръ находился въ Пруссіи, работая надъ своимъ сочиненіемъ *Вѣкъ Людовика XIV;* Дидро выпустилъ только еще первый томъ *Энциклопедіи;* Гельвеціусъ только что отказался отъ мѣста главнаго откупщика, чтобы заняться литературой; его книга *О Духѣ* появилась только семь лѣтъ спустя; Руссо былъ извѣстенъ только какъ авторъ той рѣчи, которая заслужила премію Дижонской академіи; аббатъ Рейналь едва начиналъ пріобрѣтать извѣстность; Гриммъ не приступалъ еще къ своей *Литературной корреспонденціи;* Гольбахъ еще ничего не написалъ и наконецъ Бюффонъ успѣлъ выпустить только три или четыре тома своей *Естественной исторіи.* Такимъ образомъ падаютъ такъ часто повторяемыя увѣренія, что на философовъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на внушителей революціи, такъ какъ много раньше того времени, когда они своими сочиненіями стали управлять общественнымъ мнѣніемъ, перспектива революціи, въ политическомъ смыслѣ, уже являлась въ умахъ людей; въ смыслѣ же религіозномъ она обрисовывалась уже довольно давно. Послѣдующія событія придали новую силу этому предвидѣнію и довели до того критическаго момента, когда достаточно было какого нибудь случайнаго обстоятельства, чтобы революція съ ея характеромъ двойной вражды противъ церкви и противъ королевской власти внезапно перешла изъ области идей въ область дѣйствительности.

---

[1]. D'Argenson. Эти слова можно объяснить не иначе, какъ предположивъ, что существовало мнѣніе, будто правительство не безусловно отказалось отъ своихъ проектовъ на счетъ церковныхъ имуществъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ПРАВЛЕНІЕ ЛЮДОВИКА XV

(1752—1754).

Въ всеобщемъ движеніи, охватившемъ умы во Франціи, она представляла собою какъ бы театръ, въ которомъ ежеминутно одна неожиданная сцена слѣдовала за другою, увлекая за собою и публику и актеровъ все скорѣе и скорѣе къ окончательной развязкѣ. Не успѣло кончиться дѣло съ госпиталемъ, какъ явился новый предметъ для разговоровъ. 21 января 1652 г. Сорбонна, которую продолжали по прежнему клеймить презрительною кличкою *каркассъ*, замѣняемою иногда названіемъ *скелетъ* или *старая кость* [1], осудила диссертацію, которую сначала приняла очень благосклонно, но, ознакомившись съ нею ближе, признала еретическою. Это была диссертація аббата де Прада, друга Дидро и одного изъ сотрудниковъ *Энциклопедіи*. Въ одномъ изъ положеній, относительно котораго наиболѣе «кричали объ ереси и даже атеизмѣ», авторъ утверждалъ, что чудеса Іисуса Христа, будучи отдѣлены отъ пророчествъ, предвозвѣщавшихъ его миссію, столько же доказываютъ истинность религіи, какъ и изреченія, приписываемыя Эскулапу. Дѣло оказалось настолько серьезнымъ, что потребовалось вмѣшательство парижскаго архіепископа. Въ особомъ пастырскомъ посланіи [2] этотъ прелатъ ука-

[1]. Barbier, V, 151.

[2]. Посланіе выпущено 29 января 1752 г. Двумя днями раньше появилось запрещеніе Сорбонны.

зывалъ, что Іисусъ Христосъ совершалъ исцѣленія въ силу своей божественности, тогда какъ Эскулапъ былъ демонъ, почерпавшій свои силы во врачебныхъ пособіяхъ. По этому поводу одинъ современникъ замѣтилъ, что «навѣрно божественный Эскулапъ не могъ расчитывать на честь быть когда нибудь помянутымъ въ посланіи парижскаго архіепископа [1]». По поводу той же диссертаціи архіепископъ возставалъ вообще противъ заблужденій философскаго разума. «Теперь, говорилъ онъ, уже не ограничиваются нападками на частности христіанскаго ученія, а создаютъ себѣ славу общимъ противорѣчіемъ всѣмъ его тайнамъ, общимъ невѣріемъ, которое ничего не уважаетъ, все оспариваетъ и стремится поколебать нашу вѣру въ самыхъ ея основахъ. Ежегодно появляются нечестивыя брошюры, гнусные листки и цѣлые томы, наполненные заблужденіями и кощунствомъ. Смѣлые писатели, дѣйствуя за одно, посвящаютъ свои таланты и досуги на изготовленіе этихъ ядовъ, и быть можетъ они уже успѣли сдѣлать больше, чѣмъ сами надѣялись».

Послѣднія строки были направлены противъ *Энциклопедіи*. Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторую преувеличенность выраженій, не соотвѣтствовавшую въ то время еще умѣреннымъ нападкамъ философіи, нельзя было яснѣе и опредѣленнѣе указать на опасность, угрожавшую католицизму, его догматамъ и таинствамъ со стороны общественнаго мнѣнія. Приняты были мѣры, чтобы посланіе это получило возможно большую гласность; о немъ выкрикивали на улицахъ и продавали очень дешево. За нимъ послѣдовали подобныя же посланія епископовъ монтобанскаго и окзерскаго. Еще никогда не было столько шума по поводу сочиненій подобнаго рода. Диссертація аббата де Прадъ сдѣлалась предметомъ всѣхъ разговоровъ; даже лавочники покупали посланіе парижскаго

[1]. Barbier, V, 152.

архіепископа. Благоразумные люди осуждали такую гласность, которая распространяла въ низшихъ классахъ свѣдѣнія о сочиненіяхъ, враждебныхъ религіи. «Диссертація аббата де Прадъ осуждена Сорбонной, говорили они; на этомъ и нужно было покончить. О ней было извѣстно въ Парижѣ только немногимъ; *Энциклопедія* пока еще книга рѣдкая, дорогая, отвлеченная, которую могутъ читать только образованные люди и любители науки, а такихъ немного. Къ чему же посланіе архіепископа, возбуждающее любопытство всѣхъ вѣрующихъ и поучающее ихъ разсужденіямъ философовъ о религіи? —Это не благоразумно [1]».

Въ глазахъ людей, гордившихся своимъ безпристрастіемъ, въ диссертаціи аббата де Прадъ не было ничего, что бы заслуживало особаго вниманія (de quoi fouetter un chat)[2]. Дѣйствительно, она была осуждена по внушенію іезуитовъ, которые нападая въ лицѣ аббата де Прадъ на одного изъ писателей въ *Энциклопедіи,* желали нанести ударъ самой Энциклопедіи [3]. Утверждали даже, что посланіе архіепископа парижскаго было ихъ собственное произведеніе [4]. Тѣмъ не менѣе, второй томъ Энциклопедіи, только что передъ тѣмъ отпечатанный, былъ выпущенъ въ свѣтъ [5]; но немедленно за симъ послѣдовалъ приговоръ Совѣта, запрещавшій оба вышедшихъ тома. «Его величество призналъ, говорилось въ этомъ приговорѣ, что въ этихъ двухъ томахъ излагаются многія положенія, стремящіяся уничтожить королевскій авторитетъ, укрѣпить духъ независимости и возмущенія и своими темными и двусмысленными выраженіями заложить основы заблужденій, порчи нравовъ и невѣрія [6]». Въ этихъ «ужа-

1. Barbier, V, 153.
2. D'Argenson, VII, 56.
3. Barbier, V, 157; D'Argenson, VII, 56—58.
4. D'Argenson, VII, 95.
5. 22 января 1752.
6. Приговоръ государственнаго совѣта отъ 7 февраля 1752.

сающихъ [1]» обвиненіяхъ узнавали руку, писавшую посланіе парижскаго архіепископа, отличавшееся такими же преувеличеніями. Министерство не ограничилось только запрещеніемъ этихъ двухъ томовъ: на основаніи особаго lettre de cachet Дидро долженъ былъ представить всѣ имѣвшіяся у него рукописи для этого великаго изданія. Опасаясь вторичнаго тюремнаго заключенія, Дидеро поспѣшно бѣжалъ изъ Парижа; то же самое сдѣлалъ и аббатъ де Прадъ. Янсенисты въ этомъ случаѣ завидовали іезуитамъ, что послѣдніе имѣли «честь» возбудить противъ философовъ преслѣдованіе властей [2]; имъ не нравилось, что приходилось уступать своимъ старымъ противникамъ роль защитниковъ вѣры. Парламентъ повимимому также испытывалъ тѣ же чувства, предписавъ арестовать аббата де Прадъ, а янсенисты, такъ долго нападавшіе на королевскую власть, усиленно выставляли теперь свой роялизмъ и возбудили обвиненіе противъ одного сочиненія, въ которомъ утверждалось, что въ монархіяхъ власть государя происходитъ отъ Бога и народа, что приводитъ, говорили они, къ признанію за народомъ «омерзительнаго» права низлагать королей [3].

воспрещающій два первыхъ тома сочиненія, озаглавленнаго *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, arts et métiers*, par une Société de gens de lettres.

[1]. D'Argenson, VII, 110.

[2]. D'Argenson, VII, 95, 110.

[3]. Id., VII, 130. Эта диссертація была представлена и защищаема аббатомъ де Ломени де Бріеннъ. Въ ней онъ утверждалъ, что королевская власть имѣетъ свой источникъ въ согласіи народа и волѣ Бога: A consensu populorum simul et a Deo mutuantur authoritatem principes; ne tamen eos aliquando deponi posse credas. «Нѣтъ ничего опаснѣе, говорится въ одной брошюрѣ, написанной противъ этой диссертаціи, какъ приписывать народнымъ обществамъ основу власти, а ихъ согласію ея выполненіе царствующимъ государемъ. Авторъ диссертаціи не могъ опровергнуть эти заключенія и чтобы прикрыть ихъ омерзительность онъ нашелъ нужнымъ прибавить, что не слѣдуетъ выводить изъ устанавливаемаго имъ принципа, что царствующія особы могутъ быть низлагаемы. Онъ отвергаетъ этотъ

Въ концѣ концовъ іезуиты торжествовали. Возбуждая такую бурю по поводу этого сочиненія, они стремились заставить замолчать «всѣхъ лучшихъ парижскихъ писателей и установить надъ мыслью такую же инквизицію, какой они уже добились надъ совѣстью [1]. Подъ ихъ внушеніемъ Сорбонна уже два года работала въ видахъ полученія права формальной цензуры надъ *Естественной исторіей* Бюффона и *Духомъ законовъ* [2]. Они же, «продолжая скрываться за занавѣсомъ», устроили такъ, что министерство потерпѣло неудачу въ дѣлѣ объ «одной двадцатой»; они же въ недавнихъ спорахъ по вопросу объ общемъ управленіи госпиталями подталкивали архіепископа и унизили парламентъ. При дворѣ, гдѣ іезуиты снова пріобрѣли прежнее вліяніе, у нихъ были союзники въ лицѣ принцевъ крови и большинства министровъ. Они надѣялись привлечь на свою сторону г-жу де Помпадуръ, которая въ это время выказывала преувеличенное благочестіе и представила на ихъ разсмотрѣніе важный вопросъ: можетъ ли она продолжать жить съ королемъ, какъ *съ другомъ*, живя съ нимъ раньше въ качествѣ метрессы? Наконецъ, подобранное ихъ стараніями низшее духовенство вмѣстѣ съ епископами было также настроено въ ихъ пользу. Вообще авторитетъ ихъ, пошатнувшійся было на время послѣ смерти кардинала Флери, снова возстановился и они опять были хозяевами положенія [3], а потому, вооружась буллою Unigenitus, они начали рѣшительную борьбу съ янсенизмомъ. Въ февралѣ былъ отданъ приказъ всѣмъ исповѣдникамъ въ парижской епархіи опрашивать всѣхъ кающихся объ ихъ отношеніи къ

выводъ, но не опровергаетъ его, и вовсе не доказываетъ, что онъ не заключается въ его принципахъ. Если принципъ установленъ и принятъ, ограниченіе его представитъ ему слабую преграду, которая вскорѣ будетъ уничтожена».

[1]. D'Argenson, VII, 68, 102, 106, 110.

[2]. Id., VI, 310; VII, 423.

[3]. Id., VII, 137, 179, 180.

буллѣ и быть непреклонными ко всѣмъ, непризнающимъ ее, какъ символъ вѣры [1]. Начиналась война за свидѣтельства объ исповѣди.

Въ послѣднихъ числахъ марта 1752 г. кюрэ церкви Св. Стефана, Буэттенъ,—тотъ самый, который отказалъ въ причастіи прежнему ректору Коффену за непредставленіе свидѣтельства объ исповѣди, подписаннаго духовнымъ лицомъ, признающимъ буллу,—отказалъ на тѣхъ же основаніяхъ въ причастіи престарѣлому и больному священнику Ле-Меру. Послѣдній принесъ жалобу парламенту. Спрошенный по этому поводу кюрэ отвѣчалъ, какъ и въ первый разъ, что дѣйствовалъ по точному приказу своего начальника, архіепископа парижскаго. Парламентъ издалъ постановленіе [2], въ силу котораго архіепископъ приглашался совершить таинство надъ священникомъ Ле-Меромъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, а обвиняемый священникъ, при повтореніи подобнаго случая, лишался жалованья. Оскорбленные этимъ приказомъ архіепископъ и іезуиты «зашевелились». Король кассировалъ приказъ и по постановленію своего Совѣта [3] оставилъ за собою разсмотрѣніе всего дѣла. Магистраты сдѣлали представленіе королю, что «крайнее состояніе болѣзни» Ле-Мера требуетъ немедленнаго совершенія надъ нимъ таинства и просили его сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія; но ихъ не послѣдовало, и больной умеръ безъ причастія.

Извѣстіе объ этомъ вызвало въ Парижѣ такое волненіе, примѣровъ котораго, какъ говорили, не видывали со временъ гражданскихъ войнъ. «Это было, пишетъ д'Аржансонъ, такое всеобщее проявленіе ненависти къ королю и презрѣнія къ правительству, которое предвѣщало самыя печальныя послѣдствія [4]». На погребеніе быв-

[1]. Id., VII, 106.
[2] 23 марта 1752.
[3]. 25 марта 1752.
[4]. D'Argenson, VII, 168.

шаго ректора Коффена явилось четыре тысячи человѣкъ, на погребеніе Ле—Мера десять тысячъ. Не рѣшаясь принять строгія мѣры по отношенію къ архіепископу, парламентъ издалъ приказъ о взятіи подъ стражу кюрэ и немедленно послалъ арестовать его. Онъ продолжалъ засѣданіе до четырехъ часовъ утра, ожидая исполненія своего приказа; но кюрэ бѣжалъ. Король, недовольный тѣмъ, что магистраты вмѣшались въ дѣло, которое онъ взялъ въ свое разсмотрѣніе, кассировалъ декретъ о взятіи подъ стражу [1], «какъ посягавшій на его власть» и повелѣлъ прекратить преслѣдованія. Парламентъ намѣревался протестовать, но въ это время новыя обстоятельства еще болѣе усложнили положеніе дѣлъ [2].

Едва только былъ погребенъ священникъ Ле-Меръ, какъ въ Парижѣ и въ провинціяхъ послѣдовали другіе отказы въ причастіи. Въ виду «такого возобновленія Лиги» магистраты представили королю ремонтрансы, подобныя «тѣмъ увѣщаніямъ, которыя дѣлались римлянами на трибунѣ [3]». Они указывали ему какіе безпорядки вызываются въ церкви буллою Unigenitus и какіе очевидные успѣхи, благодаря ей, дѣлаетъ духъ нетерпимости; какимъ образомъ во имя буллы, которая нарушаетъ права Франціи и которую невозможно признать за догматъ вѣры, епископы открыто подняли въ настоящее время «знамя раскола» и въ скоромъ времени «установятъ для принятія причастія такія условія, какія пожелаютъ, и сдѣлаются властелинами гражданъ и ихъ благополучія». Они указывали затѣмъ, что «нѣтъ ничего болѣе угрожающаго для государства», какъ религіозные раздоры; что, со своей стороны, они не перестанутъ указывать на опасность ихъ и что въ этомъ отношеніи ихъ рѣшеніе на столько непоколебимо, что «для того, чтобы заглу-

[1]. Указомъ Совѣта отъ 7 апрѣля 1752.

[2]. О всемъ предшествующемъ см. Barbier, V, 176—192.

[3]. D'Argenson, VII, 202.

шить ихъ голосъ, нужно сначала уничтожить ихъ самихъ [1]». Первый президентъ въ частной аудіенціи, которая ему была дана Людовикомъ XV, сказалъ ему со слезами на глазахъ: «Государь, васъ обманываютъ; пора видѣть это. Расколъ низвергаетъ королей, при чемъ даже многочисленныя арміи не могутъ поддержать ихъ [2]».

Парламентъ не ограничился одними только этими представленіями; увѣренный въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія и въ содѣйствіи провинціальныхъ парламентовъ, которые поспѣшили письменно сообщить ему свои обѣщанія въ этомъ смыслѣ [3], онъ рѣшился дѣйствовать. 18 апрѣля онъ издалъ постановленіе, по которому «воспрещалось всѣмъ духовнымъ лицамъ совершать какое бы то ни было дѣйствіе, ведущее къ расколу, и особенно отказывать въ причастіи подъ предлогомъ непредставленія свидѣтельства объ исповѣди или не признанія буллы Unigenitus, подъ страхомъ преслѣдованія неповинующихся, какъ нарушителей общественнаго спокойствія, и наказанія ихъ по всей строгости законовъ». Цѣлую ночь работали, чтобы напечатать это постановленіе и на другой день, 19 апрѣля, съ пяти часовъ утра оно было расклеено на углахъ всѣхъ улицъ.

Это постановленіе было встрѣчено обществомъ съ восторгомъ. Въ Парижѣ было раскуплено болѣе десяти тысячъ экземпляровъ его; каждый говорилъ: «вотъ мое свидѣтельство объ исповѣди»! Въ нѣкоторыхъ домахъ его повѣсили въ золоченой рамкѣ подъ стекломъ. Чтобы «подразнить» архіепископа, десять или двѣнадцать экземпляровъ приказа было вывѣшено въ самомъ дворѣ его дворца [4]. Въ виду такой манифестаціи правительство не рѣшилось кассировать приговоръ магистратовъ и, желая щадить ту и другую партію, предписало общее молчаніе

[1]. Luynes, XII, 259—265.
[2]. D'Argenson, VII, 188.
[3]. Id., VII, 197.
[4]. Voltaire, *Histoire du Parlement,* 385; Barbier, V, 210.

въ отношеніи Unigenitus [1]. Духовенство, «внѣ себя» отъ такой терпимости двора, также какъ и отъ «наглости» парламента [2], первое нарушило это предписаніе молчанія. Посланіе парижскаго архіепископа, предписывающее сорокачасовыя молитвы по поводу «опасности для религіи», было бы опубликовано, если бы министерство не поспѣшило остановить печатаніе его [3]. Тридцать одинъ кюрэ обратились къ прелату съ прошеніемъ сохранить во всей полнотѣ требованіе свидѣтельствъ объ исповѣди; самъ архіепископъ подъ рукой вызвалъ подачу этого прошенія. Парламентъ присудилъ къ аресту того кюрэ, которому принадлежала иниціатива его. Король кассировалъ это постановленіе и воспретилъ парламенту продолжать дѣло [4]; тогда магистраты рѣшили послать къ королю «большую депутацію», которой было поручено представить королю, что парламентъ, «одушевленный тою вѣрностью, которая иногда не боится даже вызвать гнѣвъ монарха, чтобы послужить для его пользы», рѣшился скорѣе прекратить свою дѣятельность, чѣмъ оставить безнаказанными схизматическій образъ дѣйствій парижскаго архіепископа. Король далъ такой отвѣтъ депутатамъ, который заключалъ въ себѣ одновременно и порицаніе, и угрозу. Парламентъ внесъ въ свои регистры этотъ отвѣтъ, и особымъ постановленіемъ подтвердилъ свободу своихъ рѣшеній [5].

Все общество и даже «простой народъ» одобряли сопротивленіе магистратовъ и жестоко осуждали поведеніе архіепископа. Однажды, когда послѣдній проѣзжалъ че-

[1]. Постановленіе Совѣта отъ 29 апрѣля 1752.

[2]. «Говорятъ, что парижскій архіепископъ, всѣ теперешніе епископы и вообще всѣ священники и монахи внѣ себя отъ злобы». Barbier, V, 211.—«Прежній мирепуаскій епископъ проявляетъ бѣшенство и раздраженіе противъ терпимости двора и мнимой наглости парламента». D'Argenson, VII, 219.

[3]. D'Argenson, VII, 211, 215.

[4]. Voltaire, *Histoire du Parlement*, 386; Barbier, V, 217, 220.

[5] Barbier, VII, 221—223, 234—236.

резъ Новый мостъ, его оскорбило простонародье, кричавшее, что «слѣдовало бы утопить ханжу, отказывающую народу въ причастіи [1]». Боясь, чтобы полиція не захватила ночью кюрэ церкви Св. Евстафія, какъ яраго янсениста, сто рыночныхъ торговокъ охраняли всю ночь его жилище, готовыя сражаться, какъ солдаты [2]. Распространялись картинки, въ которыхъ іезуиты изображались какъ враги королей, способные уничтожить ихъ по своему произволу [3]. Когда большая депутація, посланная парламентомъ къ Людовику XV, возвращалась въ Парижъ, толпа, собравшаяся на набережной, рукоплескала при прохожденіи магистратовъ [4]. Съ своей стороны не менѣе было возбуждено и духовенство; всѣ прелаты, находившіеся въ Парижѣ, собрались у архіепископа, чтобы сговориться. Ночью іезуиты разъѣзжали въ фіакрахъ по Парижу, посѣщая всѣхъ своихъ сторонниковъ [5]. Во время всей этой агитаціи въ Парижѣ и въ другихъ частяхъ королевства начались движенія другого рода. Въ Лангедокѣ, Гвіеннѣ, Оверни, Дофинэ и по всей Нормандіи вспыхивали бунты, вызывавшіеся дороговизною хлѣба, которую не безъ основанія приписывали разнымъ операціямъ съ зерномъ. Противъ бунтовщиковъ были посланы войска въ Руанъ и Мансъ [6]. Все содѣйствовало усиленію возбужденія умовъ.

Появилась масса брошюръ. 30 мая особымъ приговоромъ Совѣта запрещались, какъ противныя предписанному молчанію объ Unigenitus, разные листки противъ магистратовъ, а также картинка, представлявшая парламентъ

1. D'Argenson, VII, 226.
2. Id., VII, 227.
3. Id., VII, 235.
4. Barbier, V, 237.
5. D'Argenson, VII, 209, 233.
6. Barbier, V, 226; D'Argenson, VII, 213—286. Въ Руанѣ дома, монастыри и суда, нагруженные зерномъ, были разграблены народомъ; въ провинціи отъ пятнадцати до шестнадцати тысячъ возставшихъ крестьянъ взяли контрибуціи съ замковъ.

въ видѣ женщины, державшей въ одной рукѣ аттрибуты консульской власти, а въ другой шпагу, и имѣвшая надпись: Custos unitatis, schismatis victrix [1]. На слѣдующій день парламентъ, въ свою очередь, также запретилъ эти уже запрещенныя сочиненія, за исключеніемъ картинки, которой предоставилъ свободное обращеніе [2]. Это было сдѣлано для того, чтобы показать, что въ подобныхъ случаяхъ онъ желалъ дѣйствовать самъ и не допускалъ вмѣшательства Совѣта. Духовенство, котораго раздражала возрастающая смѣлость парламента, старалось всѣми средствами склонить на свою сторону общественное мнѣніе. Въ провинціи многіе епископы съ кафедръ открыто высказывали свое неодобреніе парламенту; епископъ въ Кимперѣ осмѣлился даже въ одной проповѣди обозвать магистратовъ безсмысленными животными [3], а въ Парижѣ обучили дѣвочекъ въ пріютѣ Младенца Іисуса пѣть оскорбительныя для нихъ пѣсенки [4]. 11 іюня девятнадцать прелатовъ собрались для подачи прошенія королю, требуя отъ него наказанія людей, осмѣлившихся назвать схизматикомъ парижскаго архіепископа [5]. Парламентъ отвѣчалъ на эти нападки, налагая запрещенія на писанія епископовъ; 4 іюля онъ запретилъ

[1]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 30 мая 1752, запрещающее сочиненія, озаглавленныя: первое—Lettre de M. l'archevêque de *** à M. ***, conseiller au parlement de Paris; второе—Lettre à M. l'évêque de *** sur l'affaire présente du Parlement, au sujet du refus des sacrements вмѣстѣ съ гравюрою, имѣющею надпись Custos unitatis.

[2]. Приговоръ парламента отъ 31 мая 1752 г., воспрещающій сочиненія, озаглавленныя: одно—*Lettre de M. l'archevêque de *** à M. ***, conseiller au parlament de Paris;* другое—*Lettre à M. l'evêque de ***,* и т. д. Въ этомъ постановленіи ни однимъ словомъ не упоминается о приказѣ Совѣта, изданномъ наканунѣ противъ этихъ самыхъ сочиненій.

[3]. *Les gens de la vache à Colas.* Такъ иногда народъ называлъ гугенотовъ. D'Argenson, VII, 247, 249.

[4]. D'Argenson, VII, 258.

[5]. Id. VII, стр. 247, 268.

проповѣдь, произнесенную противъ него аміенскимъ епископомъ и затѣмъ напечатанную [1]. Три дня спустя онъ осудилъ на сожженіе письмо марсельскаго епископа, обвинявшаго магистратовъ въ угнетеніи свободы совѣсти и въ ниспроверженіи королевской власти [2]. 29-го этого же мѣсяца онъ сжегъ сочиненіе, написанное по латыни, которое начиналось словами: Ira Dei ascendit super nos; это сочиненіе, приписывавшееся парижскому архіепископу, было разослано всѣмъ священникамъ и викаріямъ его епархіи [3]. «Мои дорогіе, несчастные братья, говорилъ авторъ, молитесь усердно, дабы Господь помиловалъ свой народъ и не допустилъ Францію дойти до позора. Вѣрные раздаватели тайнъ Божіихъ, не давайте псамъ то, что свято. Помните, что законы свѣтской власти, когда они противорѣчатъ предписаніямъ и авторитету Церкви,—преступны и насильственны и что слѣдуетъ повиноваться Богу, а не людямъ».

Ко все этой агитаціи примѣшивались еще и насмѣшки. Въ листкѣ, озаглавленномъ *Прошеніе младшихъ арендаторовъ государственныхъ земель къ королю* [4], просили, чтобы исповѣдныя записи выдавались на гербовой бумагѣ и подвергались контролю, при чемъ указывалось, что этимъ способомъ король наилучшимъ образомъ будетъ удостовѣряться въ благочестіи своихъ подданныхъ и въ то

[1]. Постановленіе парламента, воспрещающее сочиненіе, озаглавленное: *Extrait de l'exhortationq ue fit Mgr l'évêque d'Amiens dans la cathédrale le jour de la Fête-Dieu de la présente année 1752, communiqué aux fidèles de son diocèse.*

[2]. Постановл. парламента отъ 7 іюля 1752, присуждавшее къ сожженію сочиненіе, озглавленное *Lettre de Mgr l'évêque de Marseille à Mgr le chancelier.*

[3]. Постановл. парламента отъ 29 іюля 1752, присуждавшее на сожженіе печатное сочиненіе, начинающееся словами *Ira Dei* и оканчивающееся словами *Ejus sodales.*

[4]. Постановл. парламента отъ 22 іюля 1752, присуждавшее къ сожженію сочиненіе, озаглавленное *Requête des sous-fermiers du domaine au Roi, pour demander que les billets de confession soient assujettis au contrôle.*

же время откроетъ казначейству обильный источникъ дохода. Сверхъ того, въ немъ воздавалась похвала исповѣднымъ записямъ, которыя сравнивались съ *пропускными видами,* выдаваемыми государственными имуществами для предупрежденія контрабанды, и прибавлялось, что если бы онѣ примѣнялись въ старину, то Іисусъ безъ сомнѣнія не далъ бы Іудѣ причащенія. Это сочиненіе имѣло такой успѣхъ, что экземпляры его разошлись въ огромномъ количествѣ въ Парижѣ, въ провинціи и даже за границей. «Начинаютъ поднимать на смѣхъ наиболѣе важныя и священныя стороны религіи,—писалъ человѣкъ, который, вовсе не будучи скептикомъ, не раздѣлялъ однако этой страстности,—но нужно признаться, что онѣ немного заслуживаютъ этого [1]».

Тѣмъ не менѣе, къ магистратамъ поступали со всѣхъ сторонъ сообщенія о новыхъ отказахъ въ причащеніи [2] и парламенту приходилось ежедневно обсуждать ихъ. Духовныя лица, поведеніе которыхъ вызывало примѣненіе къ нимъ строгихъ мѣръ, не дожидались произнесенія приговора и немедлено скрывались. Къ концу іюля въ Парижѣ, въ приходѣ St-Etienne du Mont, не осталось ни священника, ни викаріевъ, ни дароносцевъ [3]. То же самое произошло во всѣхъ епархіяхъ, на которыхъ распространялась юрисдикція парламента. «Государь, писалъ королю епископъ аміенскій, многіе приходы моей епархіи пустуютъ; ихъ пастыри въ бѣгствѣ; мы подвергаемся преслѣдованіямъ. Не предавайте духовенство вашего королевства раздраженнымъ магистратамъ [4]». Чтобы придать своимъ преніямъ больше блеска парламентъ за-

[1]. Barbier, V, 259, 260.

[2]. D'Argenson, VII, 237, 245, 253, 258 и слѣд.

[3]. Barbier, V, 255.

[4]. Постановленіе Парламента отъ 17 авг. 1752, запрещавшее разныя сочиненія, озаглавленныя одно:—*Seconde Lettre de Mgr l'évêque d'Amiens au Roi;* другое—*Troisième Lettre de Mgr l'évêque d'Amiens au Roi,* и т. д.

сѣдалъ не иначе какъ «въ соединенномъ собраніи всѣхъ палатъ». Въ такомъ видѣ онъ становился *національнымъ собраніемъ* и «приближался къ генеральнымъ штатамъ или англійскому парламенту [1]». 19 августа онъ нанесъ смѣлый ударъ, произнеся приговоръ, которымъ изгонялся изъ Парижа на три года викарій прихода St-Etienne du Mont, а двое дароносцевъ того же прихода присуждались къ выговору, которому они должны были подвергнуться, стоя на колѣнахъ и съ обнаженными головами, въ залѣ дворца.

Несмотря на то, что приговоръ этотъ былъ сдѣланъ заочно, правительство не желало нести въ глазахъ епископовъ отвѣтственность за такой смѣлый поступокъ и постановленіе магистратовъ было кассировано рѣшеніемъ Совѣта, которое 22 августа было возвѣщено прочтеніемъ на улицахъ. Парламентъ распорядился объявить въ тотъ же день и часъ свой приговоръ, такъ что на улицахъ объявлялись одновременно оба рѣшенія, «какъ проявленіе двухъ почти равныхъ властей, которыя скрещивались въ своихъ дѣйствіяхъ [2]». На другой день приговоръ парламента снова объявлялся по улицамъ и его нужно было перепечатать, такъ какъ число выпущенныхъ экземпляровъ не удовлетворяло требованіямъ разнощиковъ. Нѣсколько дней спустя парламентъ далъ новое доказательство своей смѣлости. По рѣшенію Совѣта было запрещено сочиненіе, въ которомъ заключалась просьба къ королю кассировать постановленіе 18 апрѣля [3], но парламентъ, не обращая вниманія на состоявшее уже рѣшеніе, самъ высказался по поводу этого сочиненія и осудилъ его на сожженіе [4]. Всѣ эти противорѣчивые приговоры, расклеиваемые одинъ за другимъ, читались на улицахъ

[1]. D'Argenson, VII, 271.

[2]. Barbier, V, 272—273.

[3]. Постановленіе Совѣта отъ 27 авг. 1752, воспрещающее сочиненіе, напечатанное *безъ разрѣшенія и заглавія,* помѣченное 11 іюня.

[4]. Постановленіемъ отъ 30 авг. 1752.

собиравшимися толпами народа [1] и многіе мыслящіе люди задумывались надъ послѣдствіями всего этого безпорядка. «Все разваливается по кускамъ, писалъ д'Аржансонъ. Въ теченіи этого времени общественное мнѣніе двигается впередъ, поднимается, растетъ и можетъ послужить началомъ *всенародной революціи* [2]».

Наступилъ сентябрь 1752 г. и парламентъ долженъ былъ разойтись на вакаціи; въ виду серьезности положенія дѣлъ, онъ просилъ короля разрѣшить ему продолжать свои засѣданія, но получилъ отказъ [3]. Духовенство, какъ бы желая показать, что единственнымъ источникомъ всѣхъ смутъ былъ парламентъ, немедленно по закрытіи его засѣданій прекратило отказы въ причастіи [4]; но война брошюрами не прекратилась. Іезуиты подвергались нападеніямъ въ листкахъ, появленіе которыхъ уже болѣе не прекращалось [5]. Булла Unigenitus, надъ которою издѣвались и прежде, снова стала предметомъ насмѣшекъ. Было выпущено пригласительное письмо «на погребальное шествіе и похороны высокопоставленной и могущественной дамы госпожи Конституціи Unigenitus, дочери нашего Св. Отца папы Климента XI, скончавшейся въ залѣ общаго собранія парламента, въ Парижѣ, 18 апрѣля 1752 г.» Было напечатано также похоронное похвальное слово, составленное въ подражаніе рѣчи Боссюэта о принцѣ Конде [6]. Къ насмѣшкамъ надъ ре-

[1]. Barbier, V, 288. Приказомъ Совѣта отъ 3 сентября кассировано постановленіе парламента 30 августа.

[2]. D'Argenson, VII, 295.

[3]. Barbier, V, 282.

[4]. Id., V, 282.

[5]. Постановленіе парламента отъ 4 сентября 1752 г., осуждающее на сожженіе печатное произведеніе, озаглавленное Lettre aux R.R. PP. Jésuites вмѣстѣ съ гравюрою, озаглавленною l'Antipathique. Эта гравюра изображала парижскаго архіепископа, поражаемаго небесными и адскими молніями, тогда какъ І. Христосъ простираетъ руку надъ парламентомъ, а св. Духъ посылаетъ огненные языки на головы магистратовъ.

[6]. Постановленіе парламента отъ 28 сентября 1752, осуждавшее

лигіей присоединились нападки и на властей, долженствовавшихъ защищать ее. Въ сочиненной грамотѣ папы Бенедикта XIIII къ старшему сыну церкви давались совѣты королю ввести въ его государствѣ инквизицію и поручить ея грозныя обязанности «чадамъ Лойолы», такъ какъ ему удастся сохранить вѣру во всей ея чистотѣ не иначе, какъ съ помощью висѣлицъ и костровъ; и если бы вслѣдствіе казней пришлось бы обезлюдить его королевство, то все же не слѣдуетъ щадить ничего для достиженія столь священной цѣли [1]. Въ другомъ листкѣ нападали на самую исповѣдь; говорили, что она не необходима для спасенія, что достаточно жить честнымъ человѣкомъ, чтобы не бояться смерти, что такъ какъ доброта Бога безпредѣльна, то кары, которыми церковь пугаетъ грѣшниковъ, чистыя выдумки и что такъ какъ прошедшее, настоящее и будущее опредѣлено Богомъ отъ начала вѣка, то спастись могутъ только избранные, а потому исповѣдь является безцѣльною и безпредметною [2].

Тогда какъ вакаціонная палата преслѣдовала сочиненія, которыя, защищая янсенистовъ, становились оскорбительными для религіи, *Шателе,* низшая судебная инстанція, вмѣшалась въ свою очередь и осудила письмо одного архіепископа, правда, неподписанное, къ сожженію на Гревской площади [3]. Этотъ приговоръ былъ кас-

на сожженіе сочиненіе, озаглавленное Oraison funèbre de très-haute, très-puissante et très sainte princesse, la bulle Unigenitus. In 4⁰.

[1]. Постановленіе парламента отъ 7 октября 1752, осуждавшее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное *Bref de N. S. P. le Pape Benoit XIV au fils âiné de l'Eglise et à tous les fidèles de son royaume.*

[2]. Постановленіе парламента 16 сентября 1752 г., осуждавшее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное: *Lettre en réponse à l'auteur de la requête présentée au Roi par les sous-fermiers du domaine au sujet de l'assujettissement des billets de confession à la formalité du contrôle.*

[3]. Постановленіе Шатле отъ 4 ноября 1752 г., осуждавшее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное: *Seconde Lettre de M. l'archevêque de **, en réponse à la lettre d'un conseiller au Parlement.* Это письмо приписывалось архіепископу Санскому.

сированъ постановленіемъ Совѣта по неподсудности [1]. Тѣмъ не менѣе, епископы, только что вотировавшіе добровольный даръ королю въ размѣрѣ одиннадцати милліоновъ, воспользовались вакаціями парламента, чтобы предъявить настойчивыя требованія королю объ уничтоженіи приговора 18 апрѣля, который, говорили они, одинаково оскорблялъ, какъ его авторитетъ и честь, такъ и его религію [2]. Правительство обнаружило желаніе уступить этимъ просьбамъ и постановленіемъ Совѣта 21 ноября кассировало приговоръ, какъ присвоивавшій себѣ законодательную власть, «принадлежащую исключительно только одному его величеству»; но въ то же время оно не отмѣнило преслѣдованій, начатыхъ въ силу этого приговора и сохранило за парламентомъ право входить въ разсмотрѣніе проступковъ приходскихъ священниковъ при отправленіи ими своихъ обязанностей.

Это рѣшеніе не удовлетворило епископовъ и вызвало неудовольствіе магистратовъ. Едва послѣдніе возобновили свои засѣданія, какъ въ ризницахъ всѣхъ парижскихъ церквей было вывѣшено напечатанное по латыни посланіе «Ira Dei ascendit super nos», сожженное 29 іюля по распоряженію парламента [3]; въ то же время отказы въ причастіи начались съ новою силою. Когда кюрэ церкви Св. Медарда отказалъ въ предсмертномъ причастіи сестрѣ Перпетуѣ, монахинѣ общины Св. Агаты, парламентъ опредѣлилъ подвергнуть его заключенію подъ стражу и пригласить парижскаго архіепископа «въ виду положенія больной озаботиться безъ промедленія пріобщеніемъ ея св. таинъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ отъ архіепископа, чтобы онъ принялъ мѣры для предотвращенія на будущее время подобныхъ скандаловъ. Такъ какъ это *приглашеніе* осталось безъ результата, то парламентъ созвалъ собраніе пэровъ для суда надъ ар-

[1]. Постановленіе Совѣта было издано 12 ноября.

[2]. D'Argenson, VII, 343—344.

[3]. Barbier, V, 301—302; D'Argenson, VII, 353.

хіепископомъ и особымъ постановленіемъ распорядился о наложеніи запрещенія на его доходы. Король изъялъ это дѣло изъ вѣдѣнія парламента, снялъ наложенное запрещеніе и воспретилъ пэрамъ собираться, а вскорѣ затѣмъ, по просьбѣ архіепископа, приказалъ полицейской стражѣ увезти сестру Перпетую и распустилъ самую общину [1].

На этотъ разъ епископатъ, казалось, торжествовалъ. Магистраты представляли одинъ за другимъ ремонтрансы; они протестовали противъ акта насилія надъ сестрой Перпетуей. Въ отношеніи архіепископа они доказывали, что онъ можетъ быть судимъ только собраніемъ пэровъ и что, замѣняя собою это собраніе, король посягаетъ на основные законы монархіи. Такимъ образомъ простые «вопросы катехизиса» превращались мало по малу «не только въ вопросы религіозные, но и государственные [2]». Вынужденный при всѣхъ этихъ различныхъ случаяхъ держать рѣчи, первый президентъ усвоилъ пріемы *главы сената*, пользующагося своею властью «не отъ короля, но отъ всего народа [3]». Парламентъ рѣшился придать своимъ послѣднимъ заявленіямъ важность, соотвѣтствующую серьезности событій, и выразить въ нихъ всѣ свои многочисленныя обиды. Всѣ были увѣрены въ томъ, что эти ремонтрансы, которымъ магистраты предполагали придать самую широкую гласность, явятся «набатомъ, призывающимъ на борьбу съ правительствомъ [4]». Въ частности парламентъ долженъ былъ указать въ нихъ на lettres de cachet, выданные, начиная съ 1714 г., по поводу буллы; изъ сдѣланныхъ по этому поводу разслѣдованій оказались, что число ихъ дошло до *сорока пяти тысячъ* [5].

Тѣмъ временемъ, между дворомъ и парламентомъ воз-

[1]. Объ этомъ дѣлѣ см. у Barbier, V, 302—325 и слѣд. —D'Argenson, VII, 361—376; ср. Voltaire, *Histoire du Parlement*, 387—389.

[2]. Barbier, V, 321.

[3]. D'Argenson, VII, 376.

[4]. D'Argenson, VII, 378—379.

[5]. Id., VII, 385 (январь 1753); Barbier, V, 350.

никло новое столкновеніе по поводу отказа въ причастіи, имѣвшаго мѣсто въ Орлеанѣ. Епископъ этой епархіи, поддержавшій этотъ отказъ, не смотря на требованія, съ которыми обратились къ нему министры, былъ приговоренъ къ шести тысячамъ ливровъ штрафа. Король, поспѣшившій изъять это дѣло изъ вѣдѣнія парламента, кассировалъ приговоръ постановленіемъ Совѣта, которое было объявлено судебнымъ приставомъ *съ цѣпью* [1] главному регистратору парламента. Магистраты увидѣли въ этомъ нарушеніе формъ, установленныхъ закономъ, и рѣшились потребовать отъ государя удовлетворенія въ видѣ *уничтоженія оригинала и копіи объявленія* [2]. По поводу же новаго скандала, случившагося въ Орлеанѣ, они предписали епископу явиться на судъ. Тогда король рѣшилъ положить конецъ всему этому; 25 февраля 1753 г. онъ обратился къ парламенту съ грамотами, «повелѣвающими, чтобы онъ, подъ страхомъ наказанія за неповиновеніе, устранился отъ всѣхъ дѣлъ, касающихся отказовъ въ причастіи». Парламентъ постановилъ не вносить въ свои регистры этихъ грамотъ «впредь до представленія великихъ ремонтрансовъ», надъ которыми онъ работалъ, а до тѣхъ поръ продолжать вѣдать дѣла подобнаго рода [3].

Духовенство, видя, что правительство склоняется на его сторону, удвоило свою смѣлость. Въ Троа и Шартрѣ начались отказы въ причащеніи. Епископъ лангрскій собиралъ въ своей епархіи подписи къ протестамъ противъ парламента [4]. Въ Парижѣ архіепископъ нало-

[1]. Huissier de la châine. Такъ назывались пристава, состоявшіе при Королевскомъ Совѣтѣ и исполнявшіе его постановленія, потому что на рукояткѣ эфеса своей шпаги имѣли золотую цѣпь.

[2]. Voltaire, *Histoire du Parlement*, 387.—Barbier, V, 340—345.—D'Argenson, VII, 386, 393, 399, 412 (январь-февраль 1753).—Luynes, XII, 332—334.

[3]. Barbier, V, 353—354.—Luynes, XII, 364—365.

[4]. D'Argenson, VII, 449.

жилъ запрещеніе на священниковъ, подозрѣваемыхъ въ янсенизмѣ, тогда какъ тѣ, которые были осуждены парламентомъ, были съ согласія правительства возстановлены въ своихъ должностяхъ [1]. Было опубликовано нѣсколько сочиненій, въ которыхъ отрицалось право магистратовъ вмѣшиваться въ вопросы, касающіеся церковныхъ таинствъ. По этому же поводу былъ напечатанъ якобы мемуаръ парижскихъ адвокатовъ, но отъ него публично отрекся старшина этого сословія [2]. Въ другихъ брошюрахъ старались представить магистратовъ врагами короля, утверждая, что они желали взять въ опеку королевскую власть и стремятся къ роли старинныхъ палатныхъ мэровъ [3]. Въ тоже время сорокъ докторовъ канонической права парижскаго университета составили записку, въ которой приходили къ заключенію о необходимости лишать причастья янсенистовъ въ силу самаго факта исповѣданія этого ученія («notoires d'une notoriété de fait [4]), при этомъ они не побоялись напечатать, что эти упорные враги Unigenitus не вѣруютъ въ дѣйствительное присутствіе Христа во время Евхаристіи [5]. Въ аміенской епархіи

[1]. D'Argenson, VII, 458, 459.

[2]. Постановленіе парламента отъ 13 февраля 1753, осуждающее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное: *Consultation de plusieurs canonistes et avocats de Paris sur la compétence des juges séculiers par rapport au refus des sacrements.*

[3]. Постановленіе парламента отъ 9 марта 1753 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное: *Réflexions d'un évêque du Languedoc sur les remontrances du parlement de Toulouse du 17 juillet 1752.*

[4]. Постановленіе парламента отъ 9 марта 1753 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное: *Consultation de quarante docteurs en droit canon de la Faculté de Paris sur les refus de sacrements faits aux Jansénistes, appelants et Quesnellistes, notoires d'une notorieté de fait.*

[5]. Постановленіе парламента отъ 16 марта 1753 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное: *Question curieuse: si les Jansénistes et Quesnellistes croient à la presence réelle de Jésus-Christ dans l'Eucharistie.*

одинъ кюрэ, увлекшись рѣчью противъ янсенистовъ, заявилъ съ кафедры, что *первый омочитъ свои руки въ ихъ крови* [1].

Подвергаясь нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, парламентъ произносилъ приговоръ за приговоромъ, то противъ разныхъ лицъ, то противъ сочиненій. Высказавшись противъ одной диссертаціи, въ которой защищались ультрамонтанскія ученія, онъ командировалъ двухъ своихъ членовъ насильственно вписать въ регистры Сорбонны приговоръ, клеймящій такія доктрины. Король кассировалъ это зарегистрованіе; магистраты отвѣтили на это постановленіемъ, которымъ предписывалось преподаваніе во всѣхъ университетахъ четырехъ положеній собранія духовенства 1682 года. Возбужденіе парламента дошло теперь до такой степени, что въ случаѣ, еслибы Королевскій Совѣтъ отмѣнилъ это постановленіе, шестьдесятъ членовъ было готово обвинить канцлера въ преступленіи *измѣны* [2]. Какъ будто считая недостаточными всѣ эти источники смутъ, правительство возбуждало еще и другія волненія, преслѣдуя съ удвоенною строгостью протестантовъ. Въ Лангедокѣ ожидалось общее возстаніе кальвинистовъ [3]; въ то же время среди парижскаго населенія, которое сильно страдало отъ тяжести налоговъ, развивалось глухое недовольство. Съ 20 января по 20 февраля 1753 г. въ Сентъ Антуанскомъ продмѣстьи насчитывалось *восемьсотъ* несчастныхъ, умершихъ отъ голода [4]. Въ это время Людовикъ XV, которому всѣ эти событія болѣе надоѣдали и раздражали, чѣмъ внушали безпокойство, только номинально участвовавшій въ рѣшеніяхъ своихъ министровъ и предоставившій вмѣсто себя царствовать *своему*

[1]. Этотъ священникъ приказомъ парламента отъ 6 февраля 1753 былъ осужденъ на вѣчное изгнаніе.

[2]. Постановленія Королевскаго Совѣта контрасигновывались канцлеромъ. Постановленіе парламента относительно положеній 1682 г. было издано 31 марта 1753 г. См. Barbier, V, 357—358, 361, 363—364.—D'Argenson, VII, 450.

[3]. D'Argenson, VII, 439 (мартъ 1753 г.); ср. *id.*, 222—223, 300.

[4]. Id., VII, 425—26.

другу, г-жѣ де Помпадуръ, началъ искать новыхъ развлеченій въ постыдныхъ тайнахъ Оленьяго Парка [1].

Къ 9 апрѣля «великія ремонтрансы» были закончены; онѣ представляли настоящій трактатъ, раздѣленный на 23 отдѣла. Прежде чѣмъ онѣ были напечатаны, изъ всей Европы стали получаться заказы на доставку экземпляровъ по выходѣ ихъ [2] и въ обществѣ говорили, что это будетъ «одинъ изъ величайшихъ памятниковъ государства [3]». Увѣдомленный парламентомъ о намѣреніи послѣдняго представить ему эти ремонтрансы, король не пожелалъ ихъ выслушать, пока не будутъ внесены въ реестры его грамоты отъ 22 февраля. Магистраты отказались подписаться подъ этимъ условіемъ. Оскорбленный король снова приказалъ имъ зарегистровать грамоты, исходящія изъ его власти, запретивъ магистратамъ, *подъ страхомъ наказанія за неповиновеніе и угрозою вызвать его гнѣвъ*, продолжать вѣдать дѣла, касающіяся св. таинствъ. Парламентъ единогласно заявилъ, что онъ не можетъ *повиноваться* «не нарушивъ своего долга и не преступивъ данную присягу [4]». Послѣ этого ничего не оставалось иного, какъ дѣйствовать силою [5]. Въ ночь съ 8 на 9 мая мушкетеры ѣздили по Парижу, развозя всѣмъ членамъ парламента, за исключеніемъ присутствующихъ въ первой палатѣ, lettres de cachet, отправлявшія ихъ въ ссылку и повелѣвавшія оставить сто-

[1]. Barbier, V, 360, 372—73 (мартъ-апрѣль 1753).—D'Argenson, VII, 409, 439, 456.

[2]. Доходъ издателя отъ ихъ напечатанія опредѣляли въ 80,000 ливровъ.

[3]. D'Argenson, V, 464.

[4]. Voltaire, *Histoire de Parlement*, 391, по этому поводу говоритъ: «Слово obtempérer (повиноваться) произвело при дворѣ особенное впечатлѣніе. Всѣ дамы спрашивали, что значитъ это слово, и когда узнали, что оно соотвѣтствуетъ слову *подчиняться*, онѣ шумѣли больше, чѣмъ сами министры».—Barbier, V, 377—380 (май 1753).—D'Argenson, VIII, 9, 15—17.

[5]. D'Argenson, VIII, 16.

лицу въ двадцать четыре часа. Правительство льстило себя надеждою, что совѣтники первой палаты, въ силу своего преклоннаго возраста и тѣхъ пенсій, которыя получались многими изъ нихъ отъ двора, обнаружатъ бо́льшую покорность; однако они, при громкомъ выраженіи сочувствія всего общества, объявили себя вполнѣ солидарными съ своими товарищами и въ томъ же засѣданіи, въ которомъ они сдѣлали это заявленіе, присудили къ взятію подъ стражу нѣсколькихъ кюрэ [1]. Тотчасъ же имъ было приказано отправиться въ Понтуазъ.

На опалу парламента смотрѣли какъ «на послѣдній неожиданный ударъ», нанесенный сохранившемуся еще «незначительному остатку національной свободы [2]». Весь Парижъ былъ въ волненіи. Правительство опасалось бунта; были произведены аресты и повсюду разставлены шпіоны. Въ теченіи восьми ночей по городу разъѣзжала конная стража, готовая дѣйствовать при первыхъ признакахъ движенія. Дворецъ архіепископа, на глухо запертый, охранялся солдатами [3]. Во многихъ публичныхъ мѣстахъ были захвачены листки со словами: *Да здравствуетъ парламентъ! Смерть королю и епископамъ!* Свидѣтель всего происходившаго, д'Аржансонъ пишетъ: «Паденіе религіи во Франціи нельзя приписать англійской философіи, такъ какъ въ Парижѣ она пріобрѣла только какую нибудь сотню сторонниковъ философовъ,—причина его кроется въ доходящей теперь до крайности ненависти къ священникамъ. Ни одинъ служитель церкви не осмѣливается показаться на улицѣ, не рискуя быть освистаннымъ, и во всемъ этомъ

[1]. Поднимались даже голоса за арестъ тѣхъ министровъ, которые посовѣтывали королю ссылку парламента. Послѣ этого заявленія, «когда изъ первой палаты вышли ея члены, дворецъ наполнился безчисленнымъ числомъ народа, который, узнавъ о состоявшемся приказѣ, рукоплескалъ и кричалъ: Да здравствуетъ парламентъ!» Argenson, VIII, 20.—Barbier, V, 385--86.

[2]. D'Argenson, VIII, 35.

[3] Id., VIII, 33.

виновата булла Unigenitus, а также и опала парламента [1]». Изъ этихъ словъ видно, что если нельзя было упрекнуть философовъ за упадокъ уваженія къ королевской власти, которая была теперь вполнѣ дискредитирована, то еще менѣе имъ можетъ быть поставленъ въ вину упадокъ уваженія къ религіи.

23 мая такъ шумно возвѣщенныя ремонтрансы были наконецъ опубликованы. Онѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ ожиданія. Парламентъ съ большою силою изобразилъ въ нихъ угрожающее развитіе раскола и необходимость наложить узду на замыслы епископовъ. Онъ обратился къ началу возникновенія королевства, начерталъ картину безпрерывныхъ захватовъ духовенствомъ свѣтской власти, упорство, съ которымъ оно, подъ предлогомъ, что послѣдняя присуща ему по самому его характеру, отказывалось возвратить свободу свѣтской юрисдикціи и власти государя. «Права наслѣдниковъ апостоловъ, говорилъ парламентъ, состоятъ *въ служеніи, а не во власти* (est un ministère et non pas un empire) [2]». Возвращаясь къ исторіи буллы Unigenitus съ самаго ея начала, онъ отмѣтилъ смуты, внесенныя ею въ церковь и государство; напомнилъ притѣсненія, насилія и проскрипціи, указалъ на униженіе Сорбонны и университета, на ослабленіе знаній и на то, что «недовольство въ королевствѣ стало почти всеобщимъ [3]». Не выходя изъ границъ должнаго

[1]. D'Argenson, VIII, 27, 33, 35 (май 1753).

[2]. Эти слова подчеркнуты въ изданіи ремонтрансовъ.

[3]. Приводимъ все это мѣсто, изложенное нами вкратцѣ, въ его подлинномъ видѣ:

«Ученыя конгрегаціи страдаютъ отъ этого всеобщаго потрясенія. Весь Бенедиктинскій орденъ въ короткое время совершенно измѣнился. Болѣе пятисотъ монашествующихъ конгрегаціи Ст.-Моръ удалены отъ всѣхъ должностей и занятій и лишены права житья въ монастыряхъ. Эти ученые, полезные для церкви и государства своими знаніями и сочиненіями, выброшены навсегда. У нихъ нѣтъ теперь постоянныхъ жилищъ; неувѣренность въ своемъ будущемъ препятствуетъ имъ предаваться научнымъ занятіямъ и та-

уваженія къ монарху, они упрекали королевскую власть за то, что она при подобныхъ обстоятельствахъ сдѣлалась союзницею или вѣрнѣе орудіемъ духовенства. Они упрекали ее за злоупотребленіе системою изъятія дѣлъ изъ вѣдѣнія парламента, примѣненіе которой могло казаться для умовъ, не склонныхъ задумываться, правомъ верховной власти, но въ дѣйствительности представлявшей ничто иное, какъ ниспроверженіе всякаго политическаго порядка. «Если подданные обязаны повиноваться королямъ, говорили они, то и *короли, съ своей стороны, обязаны повиноваться законамъ*». Они указывали, что *отсутствіе законности подготовляло революцію въ государствахъ* и прибавляли, что размѣры угнетающихъ страну золъ достигли такой степени, что «теперь мы находимся въ печальной необходимости просить о возстановленіи почти всѣхъ основныхъ принциповъ конституціи нашего государства». Они говорили, наконецъ, объ отказахъ въ совершеніи св. таинствъ и о всякаго рода смутахъ, являвшихся ихъ по-

кимъ образомъ Ваше королевство лишилось навсегда плодовъ ихъ труда.

«Наконецъ, какая потеря для государства въ разрушеніи столькихъ школъ, гдѣ прежде царили благочестіе и самое серьезное обученіе, и въ ослабленіи университетовъ, нѣкогда столь ученыхъ и уважаемыхъ! Чтобы добиться подчиненія буллѣ Unigenitus были удалены изъ нихъ люди наиболѣе свѣдующіе въ святыхъ догматахъ вѣры, правилахъ морали и въ нашихъ наиболѣе драгоцѣнныхъ вольностяхъ, только за то, что они твердо сопротивлялись ей. Въ одинъ день сто докторовъ парижскаго факультета, уважаемыхъ за ихъ научныя познанія и за добродѣтели, были лишены права совѣщательнаго голоса и присутствія въ собраніяхъ факультета, а сколько еще другихъ было отнято отъ этого факультета по отдѣльнымъ распоряженіямъ! Парижскій университетъ испыталъ подобное же устраненіе своихъ ученыхъ и это ужасное опустѣніе довело до того, что источникъ самаго чистаго знанія почти совершенно изсякъ; эти уважаемыя корпораціи порабощены доносчикамъ и лишены помощи тѣхъ, которые были наиболѣе способны образовать просвѣщенныхъ служителей для церкви и вѣрныхъ гражданъ для государства. Отсюда въ школахъ уныніе, ослабленіе занятій и невѣжество, ставшее почти всеобщимъ во всемъ вашемъ королевствѣ».

слѣдствіемъ, и о наложенномъ на парламентъ запрещеніи строго преслѣдовать всѣ подобныя злоупотребленія. «Нѣтъ, Государь, говорили въ заключеніе магистраты, мы не дадимъ торжествовать расколу, гибельному для религіи и могущему нанести смертельный ударъ вашей верховной власти и государству. Напрасно хотѣли сдѣлать насъ праздными зрителями бѣдствій нашей родины и тѣмъ превратить насъ въ соучастниковъ; если тѣ, кто злоупотребляетъ вашимъ именемъ, стремятся привести насъ къ жестокой альтернативѣ или вызвать немилость вашего величества или измѣнить долгу, налагаемому на насъ ненарушимымъ усердіемъ въ служеніи вамъ, то пусть узнаютъ они, что усердіе это не знаетъ границъ и что мы рѣшились оставаться вѣрными вамъ даже до того, чтобы стать жертвами нашей вѣрности».

Обнародованіе ремонтрансовъ совершилось съ молчаливаго согласія парламента. Изъ уваженія къ королю, отказавшемуся принять ихъ, первая палата запретила ихъ, «какъ напечатанныхъ безъ разрѣшенія». Въ томъ же приговорѣ она осудила на сожженіе два рисунка, сдѣланные въ честь парламента, но оскорбительные для короля; на одномъ изъ нихъ было изображено Правосудіе, отправляющееся въ изгнаніе съ надписью: Justitia relegata, flecti nescia [1]. Съ этого времени стали распространяться тѣ аллегорическія гравюры, изображающія Правосудіе, Истину, Свободу, Законъ, которыя стали столь часты во время Революціи [2].

[1]. Постановленіе парламента отъ 28 мая 1759 г., воспрещающее два печатныхъ произведенія, одно in 4° въ 56 страницъ, другое in 12° въ 164 стр., озаглавленныя: *Remontrances du Parlement au Roi du 9 avril 1753,* и осуждающее также на сожженіе двѣ гравюры, озаглавленныя, одна: *Justitia relegata flecti nescia*, а другая—*Senatus optimo principi.*

[2]. Постановленіе парламента отъ 4 іюля 1753 г., воспрещающее гравюру in 12° съ надписью *Remontrances du Parlement au Roi contre le schisme et Unitati u* съ девизомъ *Schismaticos debellatura furores.*

Строгія мѣры правительства давали результаты, противоположные ихъ цѣли. Никогда престижъ парламента не стоялъ такъ высоко; Шателе, палаты косвенныхъ налоговъ, счетныя, монетныя, университетъ,—всѣ отправили депутаціи первой палатѣ, чтобы принести ей поздравленія [1]. Провинціальные парламенты, въ соревнованіи другъ передъ другомъ, устанавливали свой образъ дѣйствій по образцу парижскаго и вели войну противъ духовенства [2]. Опальные совѣтники изъ разныхъ мѣстъ своей ссылки посылали записки, въ которыхъ поддерживали сопротивленіе, указывая, что «если въ распоряженіи короля имѣется сто тысячъ человѣкъ, то за парламентомъ всѣ сердца, уваженіе и сочувствіе всей страны [3]». Въ Парижѣ Шателе, продолжая выходить за предѣлы своихъ правъ, распорядилось сжечь на Гревской площади сборникъ *Писемъ*, въ которыхъ парламентъ обвинялся во всѣхъ смутахъ, которыя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ огорчали все королевство [4]. Въ обществѣ ходили самые тревожные слухи. Разсказывали, что когда въ Мецѣ умеръ одинъ янсенистъ, которому было отказано въ причастіи, епископъ приказалъ принести въ свой дворецъ гробъ съ тѣломъ покойника, вынулъ изъ него трупъ

[1]. D'Argenson, VIII, 30, 38, 41. Университетъ отправилъ первой палатѣ привѣтствіе, говоря, что правосудіе, законъ и безопасность исчезли вмѣстѣ съ нею: «Luctum ingentem... reliquistis universae civitati, quae, ubi vos conspexit abeuntes, videre sibi vasa est justitiam, leges ipsas securitatemque publicam vobiscum simul emigrantes».

[2]. Barbier, VIII, 396—399.—D'Argenson, VIII, 38, 57—58, 61, 64.

[3]. D'Argenson, VIII, 78. Эти записки были адресованы сосланными магистратами въ первую палату, такъ какъ они опасались примиренія между нею и дворомъ. Ср. *id.*, 55, 57—58.

[4]. Приговоръ Шатле отъ 21 іюля 1753 г., осуждавшій на сожженіе печатное произведеніе in 4° въ 57 стр., озаглавленное: Lettres d'un docteur en théologie à un jeune magistrat de province, au sujet des affaires qui troublent l'Eglise depuis la fin de l'année 1750. «Шатле, замѣчаетъ по этому поводу д'Аржансонъ, вполнѣ усвоило образъ дѣйствія парламента». D'Argenson, XIII, 121.

и выбросилъ на улицу [1]. Увѣряли, что парламенты всего королевства единодушно готовились требовать созванія Генеральныхъ Штатовъ [2].

Съ своей стороны правительство продолжало дѣйствовать съ прежнею строгостью, арестуя разныхъ частныхъ лицъ [3], кассируя постановленія парламентовъ, даже примѣняя къ магистратамъ насилія, къ которымъ прибавлялись еще и оскорбленія. Когда нормандскій парламентъ осудилъ эвресскаго епископа къ штрафу въ шесть тысячъ ливровъ, въ Руанъ былъ отправленъ лейтенантъ королевской гвардіи; онъ вошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ въ залу засѣданій парламента и на глазахъ присутствующихъ вычеркнулъ въ реестрахъ это постановленіе [4]. Вскорѣ послѣ этого въ Бретань были посланы войска съ цѣлью устрашить реннскій парламентъ, отъ котораго ожидали подобныхъ же смѣлыхъ постановленій [5]. Такой способъ дѣйствій правительства только возбуждалъ сопротивленіе. Въ октябрѣ парламентъ въ Э рѣшился запретить постановленіе королевскаго Совѣта, кассировавшее его приговоръ надъ систеронскимъ епископомъ [6]. Когда засѣдавшіе въ Понтуазѣ магистраты прекратили занятія на вакаціонное время, король назначилъ членовъ временной вакаціонной палаты особыми грамотами, которыя послалъ въ Шателе для зарегистрованія. Шателе отказало въ регистраціи, заявивъ, что оно не признаетъ никакого другого начальства, кромѣ парижскаго парламента [7]. Суды всего округа подражали этому

[1]. D'Argenson, VIII, 77 (іюль 1753 г.).

[2]. Id., VIII, 121, 126.

[3]. «Постоянно арестуютъ многихъ частныхъ лицъ за разговоры о текущихъ дѣлахъ». Id., VIII, 121.

[4]. Barbier, V, 404.—D'Argenson, VIII, 95 (августъ 1753 г.). Фамилія этого лейтенанта была маркизъ де Форжъ.

[5]. D'Argenson, VIII, 121 (сентябрь 1753 г.).

[6]. Эсскій парламентъ возбудилъ преслѣдованіе систеронскаго епископа за отказъ въ причастіи.

[7]. D'Argenson, VIII, 133, 139.

примѣру, а одинъ маленькій деревенскій судъ, состоящій изъ двухъ чиновниковъ, былъ на столько смѣлъ, что протестовалъ посредствомъ ремонтрансовъ противъ королевскихъ грамотъ [1]. Волна возмущенія, овладѣвшая городами, достигла теперь и деревень.

Ученія, зарождавшіяся среди этихъ событій, были не менѣе смѣлы, чѣмъ самыя дѣйствія. И въ парламентѣ, и среди янсенистовъ, отнынѣ вполнѣ установился принципъ, что *народъ на столько же выше короля, насколько церковь выше папы* [2]. Настроеніе умовъ въ обществѣ шло далѣе этой формулы; принимая первую половину ея, оно не интересовалось второй. Эта идея о главенствѣ народа надъ государемъ являлась оружіемъ, за которое ухватилась ультрамонтанская партія, чтобы устрашать правительство. Постарались распространить вымышленные ремонтрансы руанскаго парламента, которыя казались составленными «скорѣе Брутами, чѣмъ подданными» и въ которыхъ предлагалось *національное собраніе* «для суда надъ королемъ и слѣдствія надъ его поведеніемъ [3]». Въ письмахъ, которыя распространялись въ королевствѣ, утверждалось, что проповѣдываемые парламентомъ, *республиканскіе* принципы, для короны опаснѣе, чѣмъ поведеніе римскаго двора, и что вслѣдствіе пріобрѣтеннаго имъ вліянія «онъ болѣе чѣмъ папа въ состояніи низложить короля [4]». Наконецъ одинъ

[1]. D'Argenson, VIII, 149. [2]. Id., VIII, 153.

[3]. Нѣкоторые полагали, что эти подложные ремонтрансы были «ничто иное, какъ листокъ, составленный съ цѣлью возбудить возстаніе противъ королевской власти». Д'Аржансонъ склоненъ былъ думать, что ихъ сочинили іезуиты для «возможно большаго возбужденія ненависти короля противъ парламентовъ». D'Argenson, VIII, 113, 118.

[4]. Приговоръ Анжерскаго сенешальства отъ 10 декабря 1753 г., запрещающій сочиненіе, озаглавленное Lettres de Mgr. l'évêque de *** à Mgr. l'évêque de *** sur les remontrances du parlement de Paris. Эти письма появились 14 іюля и 14 августа 1753 г. Онѣ были осуждены всѣми парламентами (въ Э, Тулузѣ, Бордо, Руанѣ и т. д.).

епископъ опубликовалъ посланіе, въ которомъ, напоминая англійскую революцію и трагическій конецъ Карла I, утверждалъ, что парижскій парламентъ, по примѣру лондонскаго, способенъ подвергнуть короля суду и *отправить его на эшафотъ* [1].

Возбуждаемое подобными недостойными пріемами, правительство пошло еще далѣе въ принимаемыхъ имъ строгихъ мѣрахъ. Когда Шателе осудило на сожженіе одинъ листокъ, направленный противъ парламента [2], то предсѣдательствовавшій въ засѣданіи его совѣтникъ былъ заключенъ въ Бастилію [3]. Первой палатѣ парламента не было разрѣшено возвратиться послѣ вакацій въ Понтуазъ; она была сослана въ Суассонъ *безъ права отправленія своихъ обязанностей.* Въ Парижѣ подъ именемъ *Королевской палаты* былъ созданъ «добавочный» парламентъ. Получивъ приказаніе зарегистровать «безъ обсужденій» данныя по этому поводу грамоты [4], Шателе записало ихъ какъ «полученныя по чрезвычайному повелѣнію короля», но на дѣлѣ отказалось признавать королевскую палату такъ же, какъ оно сдѣлало это раньше по отношенію вакаціонной палаты. Оно отмѣтило этотъ отказъ въ особомъ постановленіи и въ выраженіяхъ, напоминающихъ пылкій языкъ янсенистовъ 1720 г. «Король, говорили совѣтники, властенъ въ нашемъ достояніи и въ нашей

[1]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 26 октября 1753 г., запрещающее сочиненіе, озаглавленное Mandement de M. l'évêque de Montauban pour faire chanter le *Te Deum* en action de grâces de la naissance de M. le duc d'Aquitaine. Это посланіе было запрещено также Тулузскимъ парламентомъ 5 ноября 1753.

[2]. Приговоръ Шателе отъ 8 ноября 1753 г., осуждавшій на сожженіе сочиненіе, озаглавленное Conduite du clergé justifiée par les principes et les faits établis dans les dernières remontrances du parlement de Paris; conduite du parlement de Paris condamnée par les mêmes principes et les mêmes faits.

[3]. Дѣйствительный президентъ, такъ называемый lieutenant civil, отсутствовалъ. D'Argenson, VIII, 158.

[4]. 11 ноября 1753 г. Luynes, XIII, 108—110.

жизни, но не въ нашей чести [1]». Тогда заговорили о закрытіи Шателе. Раздраженіе въ Парижѣ стало всеобщимъ и ненависть къ королю усиливалась все болѣе и болѣе. Снова стали опасаться возстанія. «Я узналъ отъ одного изъ главнѣйшихъ парижскихъ магистратовъ, замѣчаетъ по этому поводу д'Аржансонъ, что всѣ парижане находятся въ сильнѣйшемъ скрытомъ возбужденіи. Приняты военныя предосторожности, стража удвоена, по улицамъ Парижа движутся патрули швейцарской и французской гвардіи. Тотъ же магистратъ говорилъ мнѣ, что онъ не сомнѣвается, что въ случаѣ закрытія Шателе, лавки будутъ заперты, появятся баррикады и *начнется ничто иное, какъ революція* [2]».

Всѣ эти событія происходили въ декабрѣ 1753 г. Какъ бы въ предчувствіи великаго событія, при которомъ страна будетъ нуждаться въ ихъ знаніяхъ, сосланные магистраты съ жаромъ занимались изученіемъ общественнаго права. Они совѣщались между собою, какъ будто засѣдали «въ академіяхъ» и нѣкоторые люди говорили, что «если бы французскій народъ нашелъ нужнымъ оказать имъ свое довѣріе, *національный сенатъ* былъ уже совершенно готовъ [3]». Въ первые мѣсяцы 1754 г. положеніе дѣлъ стало еще серьезнѣе. Видя, что правительство не останавливается передъ самыми рѣшительными мѣрами, ультрамонтанская партія удвоила свою нетерпимость. Во всей Франціи участились отказы въ причастіи; въ Парижѣ архіепископъ лишилъ должностей всѣхъ исповѣдниковъ, не обнаруживавшихъ чрезмѣрнаго рве-

[1]. D'Argenson, VIII, 187.

[2]. Id., VIII, 292. Нѣсколько дней спустя д'Аржансонъ писалъ: «Я знаю, что въ моментъ, когда Шателэ будетъ лишено своихъ правъ, оно можетъ кликнуть кличъ къ извѣстнымъ людямъ изъ народа, за которымъ послѣдуютъ запираніе лавочекъ, баррикады и общее возстаніе. Извѣстное количество народа соберется въ Шателэ и станетъ во главѣ возстанія, которое перейдетъ на площадь Аппортъ— Пари и на рынокъ». Id., 203.

[3]. Id., VIII, 152.

нія къ Unigenitus [1]. Іезуиты осмѣлились проповѣдывать въ присутствіи короля противъ магистратовъ и призывать на нихъ сильнѣйшія проявленія его гнѣва [2]. Съ своей стороны провинціальные парламенты обнаруживали неменьшую энергію и настойчивость въ преслѣдованіи епископовъ. Сообщаясь между собою посредствомъ разсылаемыхъ эмиссаровъ, объединяясь въ дѣлѣ сопротивленія и получая указанія отъ членовъ парижскаго парламента, они становились опасною силою [3]. Пораженная общественнымъ презрѣніемъ, королевская палата едва рѣшалась обнаруживать свое существованіе нѣсколькими ничтожными постановленіями [4]. Опасались возстанія въ Парижѣ, боялись его въ Руанѣ, и войска двигались «какъ будто для осады какого нибудь бунтующаго города [5]». Не довольствуясь возбужденіемъ правительства противъ парламента и янсенистовъ, духовенство вооружало его еще и противъ протестантовъ. Въ сентябрѣ 1753 г. въ Севенны была двинута цѣлая армія [6]. Опасаясь возобновленія драгоннадъ, протестанты повсюду заволновались и стали вооружаться. Въ мартѣ 1754 г. пять тысячъ протестантовъ ушли изъ Нима и совсѣмъ покинули страну [7]. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ снова д'Аржансонъ, все готовится къ междоусобной войнѣ, а король направляетъ свои войска

1. D'Argenson, VIII, 212.

2. Id., VIII, 250 (16 марта 1754 г.). Нѣсколько позже, 23 апрѣля, д'Аржансонъ пишетъ: «Іезуитъ отецъ Ложье говорилъ въ Версали проповѣдь противъ парламента и заключилъ ее во вкусѣ генеральнаго адвоката, требуя, чтобъ онъ былъ распущенъ, разсѣянъ и уничтоженъ, какъ нечестивый и какъ разрушитель религіи». Id., 277.

3. Id., VIII, 219, 233 и слѣд.

4. Приговоръ королевской палаты, засѣдавшей въ Луврскомъ замкѣ, отъ 28 ноября 1753 г., запрещающій сочиненіе, озаглавленное Second Mémoire de MM. les exilés à Bourges.

5. D'Argenson, VIII, 185.

6. 55 батальоновъ пѣхоты и 8 полковъ драгунъ. D'Argenson, VIII, 125.

7. Id., VIII, 241.

противъ своихъ же подданныхъ. Во всѣхъ этихъ смутахъ и безпорядкахъ виноваты священники; въ умахъ распространяется недовольство и непослушаніе и *все идетъ къ большой революціи, какъ въ религіи, такъ и управленіи*[1]».

Дѣйствительно, повсюду «только и говорили, что о перемѣнахъ и революціи» въ церкви и государствѣ[2]. Военные обнаруживали не меньшую строптивость, чѣмъ судейскія тоги. Посылаемые то противъ магистратовъ, то противъ протестантовъ, обязанные сдерживать населеніе, волнуемое бѣдствіями или принимавшее участіе во внутреннихъ смутахъ,—они начали тяготиться своею ролью[3]. Когда Шателе объявило, что во все продолженіе отсутствія парламента изъ Парижа, оно будетъ вѣдать вмѣсто него всѣ дѣла объ отказѣ въ причастіи и будетъ преслѣдовать виновныхъ въ этомъ, четыре совѣтника были схвачены ночью и препровождены въ Бастилію. Былъ снова поднятъ вопросъ объ упраздненіи Шателе; за одно долженъ былъ быть уничтоженъ и парламентъ[4]. Тѣмъ временемъ приближалась святая недѣля; Парижъ былъ въ унынiи; общественное раздраженіе приняло мрачный характеръ, а между тѣмъ, какъ бы въ насмѣшку надъ всеобщею печалью, никогда еще не было такихъ блестящихъ, какъ теперь, празднествъ въ Лоншанѣ. «Живущія на содержаніи дамы и дѣвицы» способствовали имъ «своими каретами, великолѣпными ливреями, уборами и брилліантами[5]». На той же недѣлѣ одинъ іезуитъ, говоря проповѣдь въ присутствіи Людовика XV, заявилъ, *что всегда была нужна кровь для того, чтобы погашать ереси, и что гораздо лучше пролить нѣсколько капель ея, чтобы впослѣдствіи сберечь цѣлые потоки ея*[6]. Несомнѣнно,

[1]. Id., VIII, 241—242. [2]. Id., VIII, 248.

[3]. D'Argenson, VIII, 247.

[4]. Id., VIII, 245, 274, 293. Относительно дѣлъ съ Шателэ ср. Luynes, XIII, 178 и слѣд.

[5]. Barbier, IV, 15.—D'Argenson, VIII, 278.

[6]. D'Argenson, VIII, 278.

что на короля, «занятаго болѣе чѣмъ когда либо любовными похожденіями» [1], эти слова оказывали мало вліянія, но на общество они производили сильное дѣйствіе. Со всѣхъ сторонъ очень рѣзко возставали противъ тираніи правительства, «вступившаго въ бракъ» съ тираніей духовенства. Теперь ужъ дѣло шло не объ янсенистахъ или конституціоналистахъ (защитникахъ буллы), но объ *націоналистахъ* и *сацердотистахъ* [2], т. е. стоящихъ за народное дѣло или за духовенство. По мнѣнію всей страны всѣ бѣды происходили отъ союза королевскаго произвола съ деспотизмомъ епископовъ; этотъ фатальный союзъ подготовилъ революцію, которая съ этихъ поръ постоянно угрожала странѣ. «Этой революціи можно опасаться теперь болѣе, чѣмъ когда либо, писалъ д'Аржансонъ въ іюнѣ 1754 г. Если она случится въ Парижѣ, то дѣло начнется съ растерзанія на улицахъ нѣкоторыхъ священниковъ, даже самого парижскаго архіепископа, потомъ набросятся и на другихъ, такъ какъ народъ смотритъ на нихъ, какъ на истинныхъ виновниковъ всѣхъ нашихъ бѣдъ [3]».

Такимъ образомъ революція въ идеяхъ, уже совершившаяся къ концу 1751 г., въ серединѣ 1754 г. готова была совершиться и на дѣлѣ. Королевскаго повелѣнія, уничтожающаго Шателэ или парламентъ, отказа въ причащеніи при какихъ нибудь особыхъ условіяхъ, народнаго возбужденія, вызваннаго налогами или какою нибудь другою причиною,—было достаточно, чтобы вызвать взрывъ, и такъ какъ Франціи было суждено выдержать революціонное потрясеніе, то можно пожалѣть, что оно произошло тридцать пять лѣтъ спустя, а не въ это время,

[1]. D'Argenson, VIII, 274.

[2]. Id., VIII, 313. «Обстоятельства сильно перемѣнились; теперь дѣло ужъ не идетъ о томъ называть ли однихъ янсенистами, а другихъ молинистами: эти названія замѣнились націоналистами и сацердотистами. Таково положеніе вещей». (Іюнь 1754 г.).

[3]. Id., VIII, 309.

когда направленіе движеніемъ безъ сомнѣнія было бы въ рукахъ парламента. Съ политической точки зрѣнія нѣтъ основанія думать, чтобы оно, какъ полагалъ д'Аржансонъ, приняло направленіе въ сторону «узаконеннаго демократическаго правленія [1]». По всей вѣроятности все дѣло окончилось бы ограниченіемъ королевской власти. Вмѣсто деспотическаго правленія попытались бы установить конституціонную монархію или такъ, что преобразованный и увеличенный парламентъ получилъ бы значеніе, подобное англійскому, или такъ, что, сохранивъ за собою только свои юридическія функціи, онъ вошелъ бы въ какую нибудь комбинацію, которая дала бы опредѣленную власть генеральнымъ и провинціальнымъ штатамъ. Въ отношеніи духовенства было бы сдѣлано то, чего раньше не сдѣлало правтельство: оно было бы обязано участвовать, какъ и всѣ остальные граждане, въ государственныхъ тягостяхъ; быть можетъ были бы приняты и еще какія нибудь мѣры, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что покончили бы съ ультрамонтантствомъ, всегда бывшемъ ненавистнымъ народу. Конечно, не удовольствовались бы однимъ только галликанствомъ, но вѣроятно прекратились бы и всякія преслѣдованія протестантовъ и согласно съ мнѣніемъ, котораго держался еще регентъ, были бы отмѣнены ненавистные законы Людовика XIV, выдѣлявшіе протестантовъ отъ остального общества. Позволительно даже предполагать, что желали идти еще дальше по этому пути. При видѣ строгостей по отношенію къ протестантамъ, въ умахъ назрѣла идея о католическомъ правительствѣ, признающемъ на ряду съ господствующею религіею законное существованіе другихъ культовъ [2]; но д'Аржансонъ ошибался, думая, что «всякій священникъ, всякое духовное лицо, всякое откровеніе и всякая тайна будутъ изгнаны» и что удовольствуются религіею, въ которой будутъ поклонять-

[1]. D'Argenson, VIII, 291.

[2]. *Memoires* de l'abbé Morellet, I, 32, 34, Paris, 1822.

ся Богу въ духѣ и истинѣ [1]. Будучи по своимъ докринамъ гораздо уже революціи 1789 г., революція 1754 г. имѣла бы по крайней мѣрѣ ту выгоду, что, даже впадая въ излишества, къ несчастью всегда неизбѣжныя, она конечно не привела бы къ системѣ террора, воспоминаніе о которомъ тяготѣетъ до сихъ поръ надъ Франціей. При этомъ мысль о реформѣ, если можно такъ выразиться, умѣряла бы духъ революціи; страна не находилась бы въ опасной необходимости создавать новый режимъ во всемъ его объемѣ на развалинахъ стараго; словомъ, Франція, вполнѣ связанная съ своимъ прошлымъ, ввела бы въ церковь и государство нововведенія, которыя, будучи проникнуты одновременно и уваженіемъ къ традиціямъ и къ прогрессу идей, открыли бы широкій путь для дальнѣйшихъ великихъ перемѣнъ, которыя таило въ себѣ будущее.

[1]. D'Argenson, VIII, 290—291.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ПРАВЛЕНІЕ ЛЮДОВИКА XV.

(1754—1762).

Если вѣрить Жанъ Жакъ Руссо, то волненіе, вызванное въ декабрѣ 1753 г. его *Письмомъ о французской музыкѣ*,— брошюрѣ, до такой степени возбудившей противъ него оркестръ оперы, что его жизни угрожала опасность,— было причиною, помѣшавшей вспыхнуть революціи [1]. Съ своей стороны Гриммъ увѣрялъ, что прибытіе въ Парижъ италіянскаго актера Манелли спасло Францію отъ междуусобной войны [2]. Давать вѣру подобнымъ разсказамъ значитъ отводить въ ходѣ событій слишкомъ большое мѣсто французскому легкомыслію. Истинною причиною, отвратившею взрывъ, былъ внезапный поворотъ въ политикѣ правительства, поворотъ, совершившійся, какъ думали, подъ вліяніемъ совѣтовъ г-жи де Помпадуръ [3]. Въ іюнѣ 1754 г.,

[1]. «Это было, говоритъ Руссо, время великаго раздора между парламентомъ и духовенствомъ. Броженіе достигало высшей степени; все предвѣщало скорое возстаніе. Появилась моя брошюра и мгновенно всѣ остальные раздоры были забыты, думали только объ опасности, угрожавшей французской музыкѣ; было возстаніе, но только противъ меня... Когда прочтутъ, что эта брошюра быть можетъ помѣшала революціи въ государствѣ, подумаютъ, что это бредъ; тѣмъ не менѣе это совершенная истина». *Confessions*, ч. II, кн. VIII.

[2]. Grimm, *Correspondance littéraire*, I, 27.

[3]. Barbier, VI, 35.—D'Argenson, IX, 109.—Voltaire, *Siècle de Louis XV*, 408, объясняетъ этотъ поворотъ состояніемъ здоровья, впавшаго въ дѣтство бывшаго мирепуасскаго архіепископа Бойе, который считался главнымъ виновникомъ послѣднихъ смутъ. Быть можетъ также, что самъ дворъ почувствовалъ наконецъ опасность.

въ то время, когда казалось революція готова была вспыхнуть, внезапно распространился слухъ, что вскорѣ будетъ вновь созванъ парламентъ, а іезуиты изгнаны изъ королевства [1]. Относительно перваго, свѣдѣнія оказались вѣрными. Около середины іюля приказы о созывѣ были разосланы по провинціямъ къ сосланнымъ магистратамъ. 30 августа королевскими грамотами упразднялась Королевская Палата [2]. Находившимся въ заключеніи совѣтникамъ Шателэ возвращена свобода, и 4 сентября, спустя нѣсколько дней послѣ рожденія принца, которому суждено было носить имя Людовика XVI, парламентъ возобновилъ свои занятія. Въ первомъ засѣданіи была прочтена декларація, помѣченная 2 сентября, которою король вновь предписывалъ абсолютное молчаніе о буллѣ Unigenitus, поручалъ парламенту «внимательно слѣдить, чтобы ни съ чьей стороны не дѣлались попытки, не предпринималось или не выдумывалось ничего въ противность этому молчанію» и освобождалъ отъ всѣхъ преслѣдованій духовныхъ лицъ, обвиненныхъ за время послѣднихъ смутъ. Такимъ образомъ дѣла приняли другой оборотъ, духовенство было унижено и парламентъ торжествовалъ [3].

Эти событія возбудили радость въ Парижѣ. Въ тотъ день, когда магистраты возвращались на свои мѣста, дворы парламентскаго дворца и лѣстницы были переполнены народомъ, который при прибытіи каждой кареты и прохожденіи совѣтниковъ, кричалъ: *Да здравствуетъ Король и Парламентъ!* Въ большой залѣ собралась такая толпа, что въ ней нельзя было двигаться. «Происходила всеобщая демонстрація; всѣ кричали и апплодировали [4]». Духовенство обнаруживало иныя чувства. Всѣ епископы, находившіеся въ то время въ Парижѣ, отправились боль-

[1]. D'Argenson, VIII, 302—303.

[2]. См. эти lettres patentes у Luynes, XIII, 336—337.

[3]. Barbier, VI, 53—56.—D'Argenson, VIII, 343—44. См. эту Декларацію у Barbier, XIII, 340—341.

[4]. Luynes, XIII, 310.—Barbier, VI, 53.

шою депутаціею къ королю, чтобы заявить, что они не могутъ принять декларацію [1]. Въ провинціи прелаты протестовали письменно. Одинъ изъ нихъ въ *Письмѣ къ генеральному Прокурору Парламента* указывалъ, что молчаніе, предписанное государемъ, не касается епископовъ, что они получили отъ Бога миссію проповѣдывать его имя во всеуслышаніе и что ихъ долгъ повиноваться Богу, а не людямъ [2]. Въ то же время въ разныхъ епархіяхъ произошли новые отказы въ причастіи; такъ, напримѣръ, въ булонской, когда умеръ одинъ янсенистъ не примирившись съ церковью, духовныя власти позволили похоронить его только на границѣ кладбища, «такъ чтобы ноги лежали въ святой землѣ, а голова и тѣло на улицѣ», намекая этимъ, что грѣшила голова и тѣло, а не ноги [3].

Сильный послѣднею декларацією, парламентъ не замедлилъ проявить свое вліяніе. Когда въ приходѣ St-Etienne du Mont повторился случай отказа въ причастіи, отъ архіепископа были потребованы объясненія. Послѣдній отвѣчалъ, что онъ дастъ отчетъ одному только Богу [4]. Не подвергая его наказанію, какъ этого можно было ожидать, магистраты принесли жалобу королю, который, будучи доволенъ этимъ знакомъ почтенія и рѣшившись поддерживать миръ, сослалъ архіепископа въ Конфланъ [5]. Этотъ рѣшительный шагъ, о которомъ въ Парижѣ говорили, «какъ о событіи большой важности [6]», привелъ

[1]. D'Argenson, VIII, 348.—Barbier, VI, 62.

[2]. Постановленіе парламента отъ 30 декабря 1754 г., воспрещающее сочиненіе подъ заглавіемъ Lettre de l'évêque de Boulogne à M. le procureur général du parlement de Paris, en date du 1-er octobre 1754.

[3]. D'Argenson, VIII, 373.

[4]. Id., VIII, 376.

[5]. Luynes, 394 и слѣд.; *Nouvelles ecclésiastiques,* 1755, стр. 9 и слѣдующія.

[6]. Barbier, VI, 81.—D'Argenson, VIII, 378.—Барбье посвящаетъ разсказу объ этомъ инцидентѣ особую главу, которую онъ озаглавилъ Evénement remarquable.

парижанъ въ восторгъ. Каждый, говоря о королѣ, настолько же возвеличивалъ его, насколько унижалъ въ прежніе два года [1]. Людовикъ XV сослалъ также архіепископовъ орлеанскаго и труаскаго, а также архіепископа эсскаго, поведеніе котораго было одною изъ причинъ смуты [2]. Король надѣялся, что ему лучше удастся сдерживать высшее духовенство, лично налагая на него наказанія; что же касается второстепенныхъ духовныхъ лицъ, то онъ предоставилъ наказывать ихъ парламенту. Приказовъ совѣта, мѣшавшихъ прежде магистратамъ проявлять свою строгость, не появлялось; «форма, по которой они выливались, разбилась [3]». Съ своей стороны парламентъ, котораго ссылка парижскаго архіепископа совершенно примирила съ министерствомъ, не принималъ ни одного рѣшенія, не доведя объ немъ до свѣдѣнія короля [4]. Никогда еще не было такого согласія между парламентомъ и дворомъ.

Духовенство упорствовало. Изъ мѣста своей ссылки парижскій архіепископъ, превозносимый іезуитами, какъ мученикъ [5], посылалъ приказанія продолжать борьбу за исповѣдныя записи. Въ провинціи епископы лишали должностей тѣхъ кюрэ, усердіе которыхъ не соотвѣтствовало ихъ требованіямъ [6]. Въ Парижѣ многіе священники, поставленные въ затруднительное положеніе противорѣчивыми постановленіями парламента и архіепископа, оставляли свои приходы. Приходъ St-Etienne du Mont снова опустѣвшій, оставался при двухъ *дежурныхъ* священникахъ, ожидавшихъ за опускною дверкою лицъ, же-

[1]. Barbier, VI, 84.

[2]. D'Argenson, VIII, 391, 395, 441.

[3]. Id., VIII, 393, 430.

[4]. Barbier, VI, 91.

[5]. D'Argenson, VIII, 422.

[6]. Парламентъ началъ озабочиваться столь частыми злоупотребленіями въ этомъ отношеніи и желалъ оспорить право епископата произвольно назначать на должности и отнимать ихъ у второстепенныхъ духовныхъ лицъ. D'Argenson, VIII, 419—420.

лавшихъ пріобщиться св. Таинъ; если же у нихъ не было исповѣдныхъ записей, они отпускали просителя и тотчасъ захлопывали дверь [1]. Будучи не доволенъ архіепископомъ, король отдалилъ мѣсто его ссылки, отправивъ его въ Ланьи. Общество привѣтствовало эту мѣру, видя въ ней, «послѣдовательность дѣйствій». Янсенисты торжествовали. Однако твердость правительства вызывала также и критику. «Почему, говорили нѣкоторые, не дѣйствовали въ этомъ направленіи два года тому назадъ? Тогда избѣжали бы ссылки парламента, сдѣланной совершенно напрасно, такъ какъ онъ не требовалъ ничего иного, какъ того, что дѣлается теперь [2]».

Убѣдившись въ поддержкѣ государя, парламентъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе. 3 февраля 1755 г. онъ осудилъ на вѣчное изгнаніе трехъ священниковъ, покинувшихъ приходъ св. Стефана; но онъ неограничился тѣмъ, что при этомъ вынесенный приговоръ провозглашался на улицахъ. Палачъ въ сопровожденіи отряда солдатъ со штыками на ружьяхъ и при двухъ чиновникахъ парламента былъ отправленъ на площадь Моберъ для установки столба, къ которому была прикрѣплена бумага, содержавшая приговоръ [3]. Пар-

[1]. Barbier, VI, 116.—D'Argenson, VIII, 424 -425. Это отсутствіе духовныхъ лицъ въ нѣкоторыхъ приходахъ заставило парламентъ объявить, что «на основаніи церковныхъ и государственныхъ законовъ въ этихъ случаяхъ должно быть поручаемо совершеніе таинствъ священникамъ сосѣднихъ приходовъ, какъ это бываетъ во время чумы».

[2]. Barbier, VI, 129.

[3]. Id., VI, 118. Другой приговоръ объ изгнаніи, произнесенный мѣсяцъ спустя надъ священникомъ церкви св. Маргариты, сопровождался такимъ же церемоніаломъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Barbier, VI, 140. Въ то же время парламентъ осуждалъ сочиненія, изъ какой бы партіи онѣ не исходили, но которыя противорѣчили предписанному молчанію объ Unigenitus. См. приказъ парламента отъ 3 марта 1755 г., осуждающій на сожженіе сочиненіе, озаглавленное Lettre de M. l'archevêque d'Auch et de ses suffragants au Roi, а также приказъ парламента отъ 20 марта 1755, запрещающій сочиненіе (210 стр. in 4°), озаглавленное Discours sur l'origine des

ламентъ пошелъ еще дальше. 18 марта онъ составилъ постановленіе, въ которомъ объявлялъ, что Unigenitus не есть догматъ вѣры, и поэтому запрещалъ всѣмъ духовнымъ лицамъ, *какою бы ни были они званія, должности или сана,* придавать ей это значеніе. Это постановленіе, распространявшееся и на епископовъ, было принято съ неменьшимъ удовольствіемъ, чѣмъ декларація 2 сентября [1]. Въ немъ видѣли полную отмѣну Unigenitus, совершенную всею націею [2], и новый ударъ ненавистному духовенству. Эта ненависть народа дошла до такой степени, что священники, появлявшіеся на улицахъ «въ долгополомъ платьѣ», могли опасаться за свою жизнь. Даже «въ частномъ обществѣ» если кто нибудь начиналъ говорить въ пользу буллы и защищать духовенство, то его стыдили, «какъ склоннаго къ инквизиціи [3]».

Наступало время кануна семилѣтней войны. Дворъ, гдѣ каждый думалъ только о себѣ и грабилъ, какъ грабятъ въ городѣ, взятомъ штурмомъ [4], не имѣлъ никакихъ средствъ, которыми бы могъ располагать въ виду наступающихъ событій. Чтобъ успокоить духовенство, которое должно было собраться въ общее собраніе и отъ котораго министерство надѣялось получить добровольный даръ въ пятнадцать или шестнадцать милліоновъ, король кассировалъ постановленіе парламента отъ 18 марта [5]. Парламентъ, своевременно освѣдомленный о мотивахъ

troubles présents de la France dans lequel on expose les causes, les progrès et les effets de la bulle Unigenitus, et où on traite de la nature de ce décret et de la fausse apparence de son autorité.

[1]. Въ большой залѣ дворца парламента публика привѣтствовала рукоплесканіями чтеніе этого приказа. Наскоро напечатанный онъ былъ выставленъ 19-го въ шесть часовъ утра. Въ дверяхъ типографіи стояло двѣсти человѣкъ въ ожданіи полученія экземпляровъ. Barbier, VI, 144—146.—D'Argenson, VIII, 452.

[2]. D'Argenson, VIII, 452.

[3]. Id., VIII, 453

[4]. Id., VIII, 351.

[5]. Приговоромъ Совѣта отъ 6 апрѣля 1755 г.

этого рѣшенія, не считалъ себя обиженнымъ [1], но епископы были не вполнѣ удовлетворены этимъ: имъ хотѣлось полной отмѣны декларації 2 сентября, предоставившей парламенту широкую власть въ дѣлахъ Церкви. Вопросъ объ этомъ сдѣлался предметомъ ихъ обсужденія, какъ только они собрались. Нѣкоторые епископы предлагали направить противъ парламента громы отлученія [2], другіе желали организовать что нибудь «въ родѣ священной Лиги», подобной той, которая образовалась во времена Генриха III [3]. По ихъ подстрекательству въ обществѣ были распространяемы сочиненія, враждебныя парламенту. Въ нихъ обвиняли магистратовъ «въ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ супруги Іисуса Христа [4]»; ихъ представляли, людьми, увлеченными духомъ «заблужденій и злобы [5]», бовиняли въ нагломъ распоряженіи Святая Святыхъ и въ томъ, что они превратили алтари «въ нѣчто въ родѣ публичнаго бюро, открытаго для всякаго встрѣчнаго [6]». Наконецъ, въ этихъ сочиненіяхъ сравнивали бѣдствія, отъ ко-

[1]. По этому поводу король приглашалъ парламентъ «не тревожить» епископатъ во все время, пока будетъ продолжаться собраніе духовенства, сообщая, что «цѣль такого молчанія—извлечь изъ духовенства какъ можно болѣе милліоновъ». Духовенство дало шестнадцать милліоновъ, изъ которыхъ шесть составляли «двадцатую», но оно назвало всю свою ассигновку *добровольнымъ даромъ*. D'Argenson, IX, 17, 24—27.

[2]. D'Argenson, IX, 35.

[3]. Id., IX, 13.

[4]. Постановленіе парламента отъ 12 іюля 1755, осуждающее на сожженіе листокъ подъ заглавіемъ Réflexions d'un C. S. C. adressées à M. ***, conseiller au Parlement.

[5]. Постановленіе парламента отъ 18 сентября 1755 г., осуждающее на сожженіе два листка, озаглавленные, одинъ—Lettre de M. *** conseiller de la grand'chambre, à M. ***, président des enquêtes, sur l'intérêt que le Parlement prend à la gloire du Roi et au bien de la religion; и другой—Lettre d'un homme désintéressé à celui qui sera curieux de la lire.

[6]. Постановленіе парламента отъ 17 іюня 1755 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе подъ заглавіемъ Réflexions sur la notoriété de droit et de fait.

торыхъ страдала Церковь, съ тѣми, которыя она испытывала во времена Діоклетіана, и говорилось, что Франція ожидаетъ рѣшеній собранія духовенства, какъ ждалъ ихъ нѣкогда «народъ эфесскій послѣ рѣшенія собора, долженствовавшаго уничтожить Несторія и укрѣпить за Маріею имя Матери Божіей [1]». Одновременно съ распространеніемъ этихъ листковъ въ церквахъ снова раздавались проповѣди противъ парламента [2]. Одинъ священникъ, держа въ одной рукѣ буллу, а въ другой постановленіе 18 марта, извергалъ съ высоты каѳедры неистовыя декламаціи и скорѣе походилъ на «одержимаго», чѣмъ на служителя Евангелія [3]. Возбужденіе умовъ среди ультрамонтанской партіи доходили до такой степени, что боялись, чтобы какой нибудь экзальтированный священникъ не покусился на жизнь короля. Многія духовныя лица открыто говорили, что Равальяки *еще не перевелись* [4].

Парламентъ, однако, не смутился. Онъ сжигалъ сочиненія, направленныя противъ него, осуждалъ либо на изгнаніе, либо даже на галеры,—хотя конечно только заочно,—упорныхъ духовныхъ и продолжалъ выставлять свои приговоры на столбахъ, воздвигаемыхъ на перекресткахъ [5]. Такъ какъ Сорбонна продолжала допускать диссертаціи, могущія вызывать распри, онъ вытребовалъ реестры факультета и приказалъ внести въ нихъ декларацію 2 сентября [6]. Его бдительность распростра-

[1]. Постановленіе парламента отъ 11 сентября 1755, осуждающее на сожженіе листокъ подъ заглавіемъ: Lettre d'un évêque du province à l'assemblée générale du clergé.

[2]. D'Argenson, IX, 21, 38, 46, 49, 75.

[3]. Id., VIII, 483.

[4]. Былъ посаженъ въ Бастилію священникъ, подозрѣваемый въ намѣреніи покуситься на жизнь короля. D'Argenson, IX, 18. Уже въ январѣ 1755 г. г-жа де Помпадуръ плакала по поводу событій, которыя, какъ она говорила, подвергаютъ опасности жизнь короля.

[5]. Barbier, VI, 166. 169, 178 и слѣд.

[6]. Id., VI, 161—169.—D'Argenson, IX, 3, 7—8, 10.

нялась съ одинаковою энергіею и на провинціи, подлежавшія его вѣдѣнію. Освѣдомившись, что канонику одной изъ церквей въ Орлеанѣ было отказано въ предсмертномъ причащеніи, онъ постановилъ противъ капитула приговоръ, въ которомъ послѣдній былъ «сильно подтянутъ» и предписалъ, чтобы въ церкви была сдѣлана надпись въ воспоминаніе этого приговора [1]. Тщетно собравшіеся въ Парижѣ епископы доводили до свѣдѣнія короля, что если онъ не обуздаетъ смѣлость магистратовъ, то «послѣдніе дойдутъ до послѣдней крайности [2]». Король остался твердъ, отказался возвратить сосланныхъ прелатовъ и, когда добровольный даръ былъ вотированъ, на всѣ просьбы епископовъ отвѣчалъ: *какъ бы не такъ (Lanturlu)!* [3].

Новое направленіе дѣятельности правительства сказывалось не въ одномъ только отношеніи его къ духовенству. *Энциклопедія,* запрещенная четыре года тому назадъ, стала снова выходить, но статья la Constitution была въ ней исключена по требованію правительства, потому что въ ней говорилось, что булла Unigenitus (или иначе la Constitution) была допущена во Франціи [4]. Когда умеръ старый мирепуасскій епископъ Бойе [5], съ 1743 г. завѣдывавшій церковными бенефиціями, на его мѣсто былъ назначенъ кардиналъ де ла Рошфуко, очень умѣренный

[1]. D'Argenson, IX, 78. Объявленіе постановленій парламента иногда встрѣчало сопротивленіе. Напримѣръ, когда, явился приставъ въ капуцинскій монастырь въ Троа съ декретомъ объ арестѣ, монахи ругали его неприличными словами и кричали, что имъ..... на парламентъ и его власть. Одинъ монахъ въ своей ругани дошелъ до того, что выхватилъ изъ рукъ пристава постановленіе «и сдѣлалъ видъ, что п.....» Barbier. VI, 160.—D'Argenson, VIII, 482.

[2]. D'Argenson, IX, 63, 95.

[3]. Id., IX, 120.

[4]. Такимъ образомъ IV-й томъ подъ словомъ *Constitution* не содержитъ ничего, относящагося къ буллѣ *Unigenitus*, ограничиваясь только замѣчаніемъ къ слову *Constitutionnaire*, что этотъ терминъ обозначаетъ защитника этой буллы.

[5]. Въ августѣ 1755 г.

сторонникъ буллы [1]. Одно время даже возбуждался вопросъ не поручить ли завѣдываніе бенефиціями *свѣтскому* лицу [2]? Наконецъ новый духъ терпимости отразился и на поведеніи правительства относительно протестантовъ. Во многихъ мѣстахъ имъ не мѣшали строить церкви и была рѣчь объ узаконеніи ихъ браковъ и возстановленіи Нантскаго эдикта [3].

Столь внезапный поворотъ въ образѣ дѣйствій правительства не могъ быть продолжительнымъ и вскорѣ положеніе еще разъ перемѣнилось. По случаю разногласія, возникшаго между парламентомъ и Верховнымъ Совѣтомъ, король издалъ декларацію, въ которой, основываясь на прежнихъ ордонансахъ, желалъ придать послѣднему права верховнаго суда. По приказанію короля эта декларація должна была быть отправлена во всѣ низшія судебныя мѣста, въ окружные суды и сенешальства всего королевства для зарегистрованія [4]. Парламентъ, лишавшійся въ силу этой декларації своей власти, *пріостановилъ* исполненіе этого приказа впредь до представленія своихъ ремонтрансовъ. «Этотъ способъ пріостановки, писалъ д'Аржансонъ, для меня новъ, и я не думаю, чтобы парламентъ его когда нибудь примѣнялъ; только любовь, охватившая все общество ко всѣмъ видамъ проявленія *національной воли*, заставляетъ насъ привѣтствовать его [5]». Столкновеніе принимало одно время неожиданные размѣры. Тог-

[1]. Говорили даже, что при немъ духовенство «будетъ постоянно прижато». Barbier, VI, 192.

[2]. D'Argenson, IX, 4, 6, 74. Д'Аржансонъ признавалъ необходимость этой реформы еще въ 1745 г. Id., IV, 215.

[3]. «Недавно воздвигли, писалъ д'Аржансонъ 26 декабря 1755 г., двѣ гугенотскихъ церкви въ округѣ Онисъ... Онѣ представляютъ ничто иное, какъ выбѣленныя риги... Нужно думать, что это сдѣлано не иначе, какъ по секретному разрѣшенію. Однако и это вызвало жалобы духовенства...» D'Argenson, IX, 133, 156—157.

[4]. Luynes, XIV, 281—282.—Barbier, VI, 203—208. Эта декларація была сдѣлана 10 октября 1755 г.

[5]. D'Argenson, IX, 112.

да какъ провинціальные парламенты, присоединяясь къ парижскому, отвергали декларацію [1], іезуиты, епископы и нѣкоторые министры, видѣвшіе въ этомъ столкновеніи средство ослабить парламентъ, высказывались за Верховный Совѣтъ и старались увлечь за собою дворъ [2]. Король въ своемъ отвѣтѣ на ремонтрансы подтвердилъ декларацію [3] и Верховный Совѣтъ отправилъ этотъ отвѣтъ всѣмъ судамъ «съ хвастливыми комментаріями [4]». Парламентъ призналъ, что учрежденія королевства находятся въ опасности и пригласилъ на засѣданіе принцевъ крови и перовъ, но король запретилъ такое собраніе. Общество, видѣвшее въ министрахъ и Верховномъ Совѣтѣ «соумышленниковъ епископата и орудіе тиранніи [5]», съ своей стороны пришло въ крайнее возбужденіе. Въ залахъ парламента «многіе буржуа» разражались оскорбительными рѣчами противъ правительства, которое они обвиняли въ союзѣ съ іезуитами съ цѣлью унизить парламентъ [6]. Это было, только въ новой формѣ, вторичное возникновеніе борьбы между *націоналистами* и *сацердотистами*.

[1]. D'Argenson, IX, 129, 132, 142.

[2]. Разсказывали будто епископы, видя какъ растетъ эта буря, въ концѣ засѣданій собранія духовенства подобно Медеѣ вскричали, (d'Argenson, IX, 125):

C'est ainsi qu'en partant je vous fais mes adieux!

[3]. Для этихъ ремонтрансовъ парламентъ примѣнилъ тотъ же способъ, что и для предшествующихъ. Прежде полученія отвѣта короля, онъ распорядился напечатать ихъ съ цѣлью обезпечить себѣ поддержку общественнаго мнѣнія. См. постановленіе парламента отъ 2 декабря 1755 г., запрещающее сочиненіе, озаглавленное Arrêts, arrêtées et remontrances du Parlement au Roi au sujet des entreprises du Grand Conseil. Ср. d'Argenson, IX, 142.—Barbier, VI, 222—23.

[4]. D'Argenson, IX, 191.

[5]. Id., IX, 227.

[6]. Id., IX, 214. «*Амстердамская газета* говоритъ, что всѣ здѣсь выражаютъ большое сочувствіе парламенту и всѣ противъ Верховнаго Совѣта. Дѣйствительно, публика отождествляла Верховный Совѣтъ и священниковъ». Id., IX, 218.

Конецъ 1755 г. и первые мѣсяцы слѣдующаго прошли въ волненіяхъ, вызванныхъ этимъ столкновеніемъ [1]. Появлявшіяся брошюры еще болѣе содѣйствовали этимъ раздорамъ. Въ одной изъ нихъ говорилось, что преступные люди, не успѣвшіе подавить парламентъ насиліемъ, стремятся къ той же цѣли, приравнивая права Верховнаго Совѣта къ правамъ парламента [2]. Верховный Совѣтъ осудилъ эту брошюру на сожженіе [3]. Въ мотивахъ этого рѣшенія онъ объяснялъ, что онъ не менѣе парламента является охранителемъ законовъ государства и, «будучи учрежденъ королями еще въ древности, имѣетъ за себя согласіе и голосъ всего народа». Этому увѣренію отвѣчали *Подлинные голоса*, въ которыхъ были воспроизведены тетради Генеральныхъ Штатовъ 1560 и 1576 гг., настойчиво требовавшія уничтоженія Верховнаго Совѣта [4]. Считая себя въ большой опасности, парламентъ рѣшился на мѣру большой важности; 6 апрѣля онъ поста-

[1]. Barbier, VI, 214—274 (октябрь 1755—мартъ 1756 г.).

[2]. «Хотятъ, чтобы Верховный Совѣтъ—правительственная комиссія, имѣлъ—подобно парламенту право исправлять и зарегистрировать законы. Разъ это право будетъ установлено и приведено въ дѣйствіе, парламентъ падаетъ, *это для всѣхъ очевидно*», говоритъ авторъ этого сочиненія. D'Argenson, IX, 211, писалъ: «По этому дѣлу сильно обвиняютъ епископовъ, іезуитовъ и конституціоперовъ въ томъ, что они желаютъ уничтоженія парламента».

[3]. Постановленіе Верховнаго Совѣта отъ 10 марта 1756 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное Lettre de M. de *** à M. de *** sur les entreprises du Grand Conseil.

[4]. «Да будетъ благоугодно королю отмѣнить и уничтожить Верховный Совѣтъ» (Орлеанскіе штаты 1560 г., 3-е cahier de la noblesse, tit. de la justice, art. 18).—«Верховный Совѣтъ, какъ излишнее судебное мѣсто, безполезенъ..... и долженъ быть совершенно уничтоженъ и отмѣненъ». (Штаты въ Блуа 1756, *Cahier du tiers état*, art. 104). Приказомъ отъ 23 марта 1756 г. парламентъ запретилъ *les Voeux authentiques*, равно какъ и другія брошюры, написанныя въ томъ же духѣ. (См. этотъ приговоръ въ концѣ этой книги). Парламентъ долженъ былъ сдѣлать это запрещеніе съ цѣлью привлечь вниманіе на благопріятныя для него статьи; таково единственно возможное предположеніе о цѣли наложеннаго запрещенія.

новилъ издать опредѣленіе, въ которомъ отрицалъ за Верховнымъ Совѣтомъ всякое право вмѣшательства въ дѣла общественнаго порядка и ограничивалъ его компетенцію только вопросами частнаго характера [1]. Никто не удивился такому постановленію парламента, въ которомъ послѣдній дѣйствовалъ, какъ верховная власть. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ въ умахъ совершился такой переворотъ, «что народъ въ Парижѣ и въ провинціяхъ» сталъ считать парламентъ *истиннымъ государемъ Франціи*, въ коемъ пребываетъ мудрость и *законодательная власть* [2].

Эти споры не мѣшали ни продолженію борьбы за исповѣдныя записи, ни обычнымъ нападкамъ духовенства на магистратовъ. Нѣкоторые кюрэ отказывали теперь, въ случаѣ неимѣнія исповѣдной записи, не только въ таинствѣ муропомазанія, но даже въ совершеніи браковъ [3]. Съ своей стороны парламентъ, продолжая преслѣдовать своихъ противниковъ, приказалъ сдѣлать справку въ реестрахъ Сорбонны, начиная съ 1714 г. и извлечь изъ нихъ всѣ факты, касающіеся буллы, съ цѣлью полнаго обнаруженія всѣхъ интригъ и насилій ультрамонтанской партіи [4]. Всѣ эти событія окончательно роняли уваженіе къ религіи. Во время карнавала 1756 г. модным увеселеніемъ было одѣваться въ костюмы епископовъ, аббатовъ, монаховъ и монахинь [5]. Скептицизмъ открыто выражался въ появляющихся книгахъ. Въ одной изъ нихъ, *Христіадѣ*, излагалась жизнь Іисуса Христа въ формѣ романа; въ другой подъ заглавіемъ *L'analyse raisonnée de Bayle* «были изложены въ общедоступной формѣ положенія пирронизма и отрицанія религіи»; здѣсь «какъ бы въ одной чашѣ» подносился весь ядъ невѣрія. Парла-

[1]. Barbier, VI, 286—288.
[2]. D'Argenson, IX, 227.
[3]. См. постановленіе Реннскаго парламента отъ 31 января 1756 г.
[4]. Barbier, VI, 322—325 (май 1756).
[5]. D'Argenson, IX, 216.

ментъ не безъ безпокойства видѣлъ совершающееся распространеніе философскихъ идей, но, будучи цѣликомъ погруженъ въ борьбу съ духовенствомъ, обращалъ свое вниманіе главнымъ образомъ на сочиненія ультрамонтановъ. Такимъ образомъ въ приговорѣ, осуждавшемъ Christiade и Analyse de Bayle, онъ особенно клеймилъ не ихъ, а *Исторію народа Божія* іезуита Беррюйе,—сочиненіе, наполненное, по его словамъ, положеніями, противными вольностямъ галликанской церкви и независимости королей [1]. Не довольствуясь осужденіемъ этой книги на сожженіе, онъ потребовалъ явки автора къ себѣ на судъ. Такъ какъ Беррюйе по своимъ годамъ и болѣзнямъ былъ не въ состояніи явиться, то къ нему былъ посланъ комиссаръ парламента, который и получилъ изъ его собственныхъ устъ показаніе, на основаніи котораго былъ составленъ протоколъ судебнаго засѣданія [2].

Какъ и можно было предвидѣть, столкновеніе, которымъ былъ занятъ Парижъ, не закончилось постановленіемъ парламента отъ 6 апрѣля о регламентѣ. Верховный Совѣтъ отправился большою депутаціею къ королю для представленія своихъ ремонтрансовъ по поводу этого постановленія [3]. Людовикъ XV принялъ его съ церемоніаломъ, установленнымъ для парламента [4]. Съ этихъ поръ не сомнѣвались болѣе, что дворъ вскорѣ замѣнитъ парламентъ Верховнымъ Совѣтомъ и что все министерство будетъ ультрамонтанскимъ [5]. Умы воспла-

[1]. Постановленіе парламента отъ 9 апрѣля 1756, осуждающее на сожженіе книги: одну подъ заглавіемъ La Christiade, ou le Paradis reconquis; другую—Analyse raisonnée de Bayle и третью—Histoire du peuple de Dieu, première et seconde partie.

[2]. См. протоколъ, составленный совѣтникомъ комиссаромъ, прибывшимъ въ домъ, занимаемый іезуитами, и приговоръ парламента отъ 13 апрѣля 1756 г., содержащій актъ о заявленіи отца Berruyer по поводу его книги, озаглавленной Histoire du peuple de Dieu.

[3]. D'Argenson, IX, 257.

[4]. Barbier, VI, 296—297.

[5]. D'Argenson, XI, 255—56.

менились. «Народъ даже на рынкахъ сталъ говорить объ основныхъ законахъ и національныхъ интересахъ, что указывало на опасное броженіе, направленное противъ власти [1]». Провинціальные парламенты еще тѣснѣе заключили союзъ съ парижскимъ и посылали къ нему депутатовъ съ цѣлью соглашенія на счетъ способовъ сопротивленія [2]. Въ своихъ приговорахъ они стали именовать себя *парламентскими классами,* обозначая этимъ, что они образуютъ всѣ вмѣстѣ одно цѣлое. Были напечатаны ремонтрансы руанскаго парламента, въ которыхъ онъ очень рѣшительно высказывался, что во Франціи имѣется единый парламентъ, состоящій изъ совокупности всѣхъ парламентовъ королевства [3]. «Это очевидно клонится къ собранію Генеральныхъ Штатовъ», замѣчаетъ д'Аржансонъ. Съ своей стороны Барбье писалъ, что всѣми признававшійся тогда принципъ, по которому законы только въ такомъ случаѣ становятся обязательными, когда они зарегистрованы по свободному согласію магистратовъ, «неминуемо ведетъ къ ограниченію королевской власти». Утверждали даже, что такая ассоціація парламентовъ представляетъ нѣчто большее, чѣмъ Генеральные Штаты, и что она и есть «вполнѣ организованное *національное правительство* [4]».

Между тѣмъ началась та гибельная семилѣтняя война, въ которой Франція, въ союзѣ съ своимъ старымъ вра-

[1]. D'Argenson, IX, 249.

[2]. Id., IX, 263, 267. Счетныя палаты и низшіе суды различныхъ мѣстностей Франціи съ своей стороны также отправили въ Парижъ депутатовъ для соглашенія съ парламентомъ.

[3]. Barbier, VI, 336 (іюль 1756 г.).

[4]. Id., VI, 330.—D'Argenson, IX, 294. «Парламенты, говоритъ Вольтеръ *(Siècle de Louis XV*, 416), претендовали не на что иное, какъ на то, чтобы представлять все государство, раздѣленное на различныя группы, которыя, образуя всѣ вмѣстѣ одно учрежденіе, составляли бы постоянные генеральные штаты королевства. Эта мысль была велика; но она была черезъ чуръ высока, и королевская власть была раздражена ею».

гомъ Австріей противъ Англіи и Пруссіи, должна была потерпѣть на морѣ и на сушѣ непоправимыя бѣдствія [1]. Король послалъ парламенту эдиктъ, въ которомъ предписывалъ взиманіе второй *двадцатой* (seconde vingtième) втеченіи всего времени военныхъ дѣйствій [2]. Магистраты не торопились удостовѣрить этотъ эдиктъ, надѣясь, что тѣмъ временемъ министерство уступитъ въ дѣлѣ Верховнаго Совѣта [3]. Король заставилъ зарегистровать эдиктъ посредствомъ lit de justice [4]. Парламентъ протестовалъ противъ такого самовластія и представилъ ремонтрансы, въ которыхъ формально обвинялъ министерство въ заговорѣ для уничтоженія магистратуры [5]. Все возрастающее упорство парламентовъ и безпрерывная борьба возбудила страсти; среди лицъ, окружающихъ правительство, стали раздаваться угрожающія рѣчи. «Я знаю, писалъ д'Аржансонъ, нѣкоторыхъ членовъ Верховнаго Совѣта, которые въ единомыслiи со священниками говорятъ, что *нужна кровь, чтобъ потушить все это* [6]». Совершенно равнодушный къ бушевавшей вокругъ него злобѣ, Людовикъ XV продолжалъ безславить себя всякаго рода излишествами, не составлявшими болѣе тайны для публики; его дворъ, выкроенный по образцу своего главы, «былъ не только галантенъ, но хваталъ черезъ край»; въ немъ только и видно было, что горничныхъ, разносящихъ любовныя записки, и высокопоставленныхъ

[1]. Объявленіе Англіею войны Франціи произошло 17 мая 1756. Въ томъ же мѣсяцѣ Людовикъ XV подписалъ въ Версали договоръ съ Маріей Терезіей.

[2]. Съ первою двадцатою, установленною въ 1749 г., это уже равнялось возобновленію десятины.

[3]. D'Argenson, IX, 291.

[4]. 21 августа 1756 г. Barbier, VI, 353—358. Декларація послѣдовала 7 іюля.

[5]. D'Argenson, IX, 319, 324. «Все это, говоритъ д'Аржансонъ, сѣетъ въ умахъ и сердцахъ народовъ великія сѣмена свободы».

[6]. D'Argenson, IX, 267.

дамъ, снующихъ по комнатамъ въ «своихъ боевыхъ костюмахъ (en habit de combat)» [1].

Подчиняясь мѣняющимся прихотямъ г-жи де Помпадуръ, которая, покинувъ сначала епископовъ для парламента, теперь бросила парламентъ для епископовъ [2], король, какъ тогда говорили, становился болѣе конституціонарнымъ и «епископальнымъ», чѣмъ даже Людовикъ XIV [3]. Духовенство не преминуло воспользоваться новымъ настроеніемъ государя. Когда парламентъ въ сентябрѣ 1756 г. по обыкновенію разошелся на вакаціи, парижскій архіепископъ немедленно выпустилъ пастырскую инструкцію, которая могла возбудить «всѣ ужасы раскола [4]». Въ ней онъ запрещалъ священникамъ, подъ страхомъ отлученія, не только совершать таинства въ силу приказовъ, исходящихъ отъ свѣтскихъ трибуналовъ, но также и всѣмъ вѣрующимъ добиваться этихъ приказовъ, а магистратамъ давать ихъ. Этимъ сочиненіемъ, авторами котораго были іезуиты, они думали напугать совѣсть короля и толкнуть его на «крайнія мѣры [5]». Ударъ былъ подготовленъ настолько тщательно, что прелатъ заявлялъ, какъ несомнѣнный фактъ, что къ его пастырской инструкціи присоединяться шестьдесятъ епископовъ; но и на этотъ разъ, какъ и въ 1753 г., за отсутствіемъ парламента, его мѣсто занялъ Шателэ и 5 ноября приказалъ,

[1]. D'Argenson, IX, 151—209, и послѣд. Д'Аржансонъ говоритъ по поводу употреблявшихся при дворѣ выраженій, что онъ походилъ на непотребное мѣсто.

[2]. Въ февралѣ 1756 г. она взяла себѣ исповѣдникомъ іезуита отца де Саси и съ этихъ поръ стала союзницею этого ордена. D'Argenson, IX, 196.

[3]. D'Argenson, IX, 357.

[4]. Эта инструкція представляла книгу въ 84 страницы in—4⁰, напечатанную мелкимъ шрифтомъ. Она помѣченъ г. Конфланомъ, 19 сентября 1756 г. По этому поводу д'Аржансонъ говоритъ (IX, 340): «Нельзя не замѣтить низость, съ которою епископатъ воспользовался вакаціями парламента, чтобы безнаказанно раздувать пламя раскола».

[5]. D'Argenson, IX, 331. Редакція этого сочиненія приписывалась о. Гриффе.

при всеобщемъ одобреніи, сжечь это произведеніе на Гревской площади [1]. Прелатъ отвѣчалъ посланіемъ, въ которомъ угрожалъ отлученіемъ всякому, кто будетъ читать приговоръ Шателэ. Послѣдній запретилъ подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія печатаніе и распространеніе этого посланія [2]. Въ теченіе пятнадцати дней онъ осудилъ на сожженіе посланія семи епископовъ, заявившихъ о своемъ присоединеніи къ пастырской инструкціи парижскаго архіепископа [3]. Приходилось присутствовать «при битвѣ духовенства съ имперіей [4]».

Какъ только парламентъ собрался, онъ въ свою очередь сталъ готовиться нанести ударъ епископату. Ожидали, что онъ декретируетъ арестъ парижскаго архіепископа [5]. Духовенство забило тревогу. Епископъ троасскій, не задолго передъ тѣмъ предписавшій сорокачасовыя молитвы для обращенія парламента, опубликовалъ посланіе, въ которомъ приписывалъ всѣ бѣды Франціи недостатку благочестія у магистратовъ и ихъ невѣрію въ безпорочность зачатія [6]. Во время парламентскихъ вакацій Людо-

[1]. Приговоръ Шатлэ отъ 4 ноября, осуждающій на изорваніе и сожженіе на Гревской площади сочиненія подъ заглавіемъ *Mandement et instruction pastorale de Mgr l'archevêque de Paris touchant l'autorité de l'Eglise, l'enseignement de la foi, l'adminisration des sacrements et la soumission due à la bulle* Unigenitus.

[2]. Посланіе архіепископа было отъ 9-го ноября 1756 г., а приговоръ Шатлэ отъ 10-го. Barbier, VI, 386—87.

[3]. Приговоръ Шатлэ отъ 19-го ноября 1756 г., осуждающій на сожженіе на Гревской площади трехъ печатныхъ книгъ, имѣющихъ заглавія: первая—*Mandement de Mgr l'évêque de Saint Pons;* вторая—*Mandement de Mgr l'evêque d'Auxerre;* третья—*Mandement de Mgr l'évêque de Troyes.*—Подобный же приговоръ отъ 26 ноября 1756 г., противъ двухъ печатныхъ произведеній, озаглавленныхъ: одно—*Mandement de Mgr l'évêque d'Orléans,* другое—*Mandement de Mgr l'évêque d'Amiens.*—Еще приговоръ отъ 7 декабря 1756 г. противъ двухъ изданій: 1-е *Mandement de Mgr l'évêque de Chartres;* 2-е *Mandement de Mgr l'évêque de Meaux.*

[4]. D'Argenson, IX, 342.

[5]. Id., IX, 339—340, 358.

[6]. Id., IX, 307, 359.

викъ XV написалъ Бенедикту XIV, прося его мудраго содѣйствія для умиротворенія умовъ. Какъ ни былъ папа расположенъ къ соглашенію, онъ всетаки не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ идей своихъ предшественниковъ и отвѣчалъ изданіемъ грамоты, въ которой признавалъ Unigenitus, какъ догматъ церкви, отвергать который нельзя, «не подвергаясь опасности потерять вѣчное спасеніе», но въ тоже время во избѣжаніе скандаловъ предоставлялъ священникамъ, «подъ ихъ личною отвѣтственностью и страхомъ», пріобщать умирающихъ, подозрѣваемыхъ въ янсенизмѣ, отказывая въ совершеніи таинствъ только «явнымъ» янсенистамъ [1]. Король разослалъ эту грамоту епископамъ съ приказаніемъ дѣйствовать согласно съ ней. Парламентъ, не желавшій допускать буллу ни какъ догматъ вѣры, ни какъ церковный законъ, имѣлъ смѣлость или твердость запретить особымъ постановленіемъ эту грамоту [2]. Такое постановленіе было оскорбленіемъ, наносимымъ одновременно и папѣ и королю. Людовикъ XV рѣшился строго наказать парламентъ. «Будьте тверды, будьте горды, вы имѣете за себя папу», говорила королю м-мъ де Помпадуръ [3]. Примѣромъ строгости надѣялись сдержать провинціальные парламенты, изъ которыхъ многіе въ это время открыто высказались противъ эдикта и второй *двадцатой* [4]. Парламентъ въ По безусловно отвергъ его, говоря «что народная нищета не позволяетъ занести его въ реестры [5]». Поведеніе магистратовъ привело дворъ въ такое раздраженіе, что былъ моментъ, когда возбуждался вопросъ не только объ уничтоженіи парижскаго

[1]. Voltaire, *Siècle de Louis* XV, 415.—Barbier, VI, 391.

[2]. Постановленіе парламента отъ 7 декабря 1756.—Ср. Barbier, VI, 400—402.

[3]. D'Argenson, IX, 357.

[4]. Д'Аржансонъ говоритъ даже, что многіе изъ нихъ осмѣлились вычеркнуть приказы Совѣта, противные ихъ собственнымъ постановленіямъ. IX, 266, 277, 311.

[5]. D'Argenson, IX, 353 (декабрь 1756).

парламента, но и вообще всѣхъ парламентовъ въ королевствѣ [1].

Гроза, собиравшаяся надъ парламентомъ уже съ начала дѣла о Верховномъ Совѣтѣ, наконецъ разразилась. 13 декабря 1756 г. король въ сопровожденіи принцевъ крови, канцлера и пэровъ, явился въ парламентъ держать королевское засѣданіе. Прослушавъ, согласно обычаю, мессу въ церкви парламента и поцѣловавъ крестъ, онъ перешелъ въ залъ первой камеры и приказалъ зарегистровать послѣдовательно три декларації. Первою, которая была противовѣсомъ декларації 2 сентября 1754 г., онъ приказывалъ уважать буллу, какъ предписаніе церкви, и предоставлялъ духовнымъ судамъ вѣдать дѣла объ отказѣ въ причастіи, за исключеніемъ жалобъ по злоупотребленіямъ въ этихъ вопросахъ. Второю онъ постановлялъ, что впредь только первая камера будетъ вѣдать дѣла, касающіяся религіи и всего государства; чтобы палаты не собирались безъ разрѣшенія первой палаты и чтобы ни одинъ совѣтникъ не имѣлъ права рѣшающаго голоса въ собраніи палатъ, не прослуживъ десяти лѣтъ. Наконецъ третьею онъ уничтожалъ шестьдесятъ повѣренныхъ при парламентѣ (chargés du parlament) и двѣ слѣдственныхъ палаты. «Вы слышали мою волю, сказалъ король по прочтеніи трехъ декларацій; я требую, чтобы она была исполнена и я настою на исполненіи ея *всею силою моей власти*». Послѣ этого засѣданія Людовикъ прошелъ черезъ безчисленную толпу народа, замѣтившаго, что выраженіе лица короля было очень печально [2].

Парламентъ былъ подавленъ. Эти мѣры, болѣе строгія, чѣмъ ссылка, уничтожали сразу какъ самыя дорогія

[1]. Barbier, VI, 403 (декабрь 1756).

[2]. «Никто ни одного разу не крикнулъ *да здравствуетъ король* на всемъ его пути туда и назадъ», говоритъ Барбье. См. Barbier, VI, 406—409; d'Argenson, IX, 361—363; Vottaire, *Histoire du Parlement*, 399—401. Хотя Барбье говоритъ о *трехъ* декларацiяхъ, но послѣдняя была въ сущности эдиктомъ. Ср. Luynes, XV, 295.

права его, такъ и самое существованіе. Всѣ совѣтники, за исключеніемъ членовъ первой камеры, тотчасъ же подали въ отставку; на другой день ихъ примѣру послѣдовали шестнадцать совѣтниковъ первой камеры. Шателе прекратило исполненіе своихъ обязанностей; адвокаты заперли свои кабинеты; теченіе правосудія было снова прервано. «Въ Парижѣ замѣчалась общая вражда къ верховной власти», пишетъ Барбье; мужчины и женщины наперерывъ выражали озлобленіе противъ только что совершеннаго насильственнаго акта [1]. Въ народѣ проскальзывала *мысль о сопротивленіи* [2]. Онъ обнаруживалъ мрачный гнѣвъ, «нѣмое бѣшенство»,—почти непреложный признакъ близкаго взрыва. «Все это, замѣчаетъ д'Аржансонъ, предвѣщаетъ возстаніе, которое тлѣетъ подъ пепломъ. Въ Парижѣ боятся, чтобы въ эти дни не было убито нѣсколько іезуитовъ или священниковъ, что сразу подыметъ весь народъ [3]». Одинъ парламентскій совѣтникъ, предвидя потрясеніе, которое низвергнетъ правительство, говорилъ, что королевское засѣданіе 13 декабря *было послѣднимъ вздохомъ умирающей королевской власти* [4]. Въ это же время Гриммъ въ виду «нелѣпаго усердія», съ которымъ уже въ теченіе сорока лѣтъ спорятъ во Франціи по поводу одной буллы, и видя, что вся Европа вооружается, а весь міръ такъ мало соотвѣтствуетъ тому типу, который указанъ философіей, писалъ: «Я очень далекъ отъ того, чтобы воображать, что мы живемъ въ вѣкѣ разума, напротивъ, *немногаго не достаетъ, чтобъ я подумалъ, что Европѣ грозитъ гибельная революція* [5]».

Революція, которая могла бы вспыхнуть еще въ 1754 г., была готова разразиться теперь, но покушеніе на жизнь короля, совершенное Дамьеномъ 5 января 1757 г., еще разъ

[1]. Barbier, VI, 416.
[2]. D'Argenson, IX, 377.
[3]. Id., IX, 370 (23 декабря 1756).
[4]. Id., IX, 368.
[5]. Grimm, *Corresp. litter.*, II, 81 (15 января 1757 г.).

измѣнило ходъ событій, давъ другое направленіе тревогѣ общества. Извѣстіе объ этомъ покушеніи вызвало въ Парижѣ глубокую сенсацію. Въ части общества произошло движеніе, напоминающее то, что происходило въ 1744 г. Всѣ старались добыть свѣдѣнія; нѣкоторыя лица горько плакали [1]. Подозрѣнія прежде всего направились противъ духовенства [2]; въ особенности подвергались нападкамъ іезуиты. Въ листкахъ ихъ упрекали за убійство Генриха III и Генриха IV [3]; на дверяхъ ихъ домовъ наклеивали бумажки, въ которыхъ грозили имъ общественнымъ преслѣдованіемъ [4]. Обвинивъ сначала іезуитовъ, стали потомъ обвинять янсенистовъ [5]. Полагали также, что убійца былъ «фанатикъ *парламентаристъ*», терминъ, употреблявшійся тогда для обозначенія тѣхъ, кто поддерживалъ парламентъ въ его борьбѣ съ дворомъ [6]. Благоразумные люди останавливались на мнѣніи, что преступникъ не былъ орудіемъ какой либо партіи, и что въ немъ слѣдуетъ видѣть человѣка, мозгъ котораго разгоряченъ рѣчами и листками, порожденными религіозными спорами послѣднихъ лѣтъ [7] Парижскій архіепископъ обнародовалъ посланіе, въ которомъ приписывалъ преступленіе Даміена зловреднымъ принципамъ, которые со времени ослабленія вѣры овладѣли умами и толкали ихъ «къ мятежу противъ государя и его законовъ» [8]. Однако волненіе не было всеобщимъ; признаки его проявлялись всего сильнѣе въ буржуазіи, народъ же оставался нѣмъ [9]. Онъ

1. Barbier, VI, 433.
2. Id., VI, 433, 434.
3. Постановленіе парламента отъ 30 марта 1757 г., осуждающее на сожженіе три листка, озаглавленные: первый—*Réflexions sur l'attentat commis le 5 janvier contre la vie du Roi;* второй—*Lettre d'un patriote* и третій—*Déclaration de guerre contre les auteurs du parricide.*
4. Barbier, VI, 442.
5. Id., VI, 479. 6. Id., VI, 508.
7. Id., VI, 508.
8. Id., VI, 491, 492.
9. «Въ Парижѣ, было замѣчено что богатые буржуа выказывали

цѣликомъ отдавался чувству досады, возбужденному въ немъ немилостью къ магистратамъ. На другой день послѣ событія были расклеены въ разныхъ мѣстахъ оскорбительныя для Людовика XV [1] надписи. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ были устроены празднества въ честь спасенія короля, но Парижъ отличался отсутствіемъ всякихъ демонстрацій; въ немъ даже не служили молебна [2].

Правительство было испугано; оно опасалось, чтобы покушеніе не сдѣлалось сигналомъ возстанія въ разныхъ частяхъ королевства и предписало начальникамъ провинцій немедленно возвратиться на свои посты, а въ столицѣ удвоило надзоръ и военныя предосторожности [3]. Усиливая строгости, оно отправило въ ссылку шестнадцать совѣтниковъ первой камеры, подавшихъ въ отставку, и сохранило подъ именемъ парламента то, что осталось отъ этой камеры, которую янсенисты съ этихъ поръ стали называть *остовомъ парламента* или *камерою отбросовъ* (la carcasse du Parlement, la chambre des restes [4]). Уже раньше, т. е. вскорѣ послѣ lit de justice, всѣ епископы, находившіеся въ Парижѣ, были разосланы въ свои епархіи [5]. Два министра, изъ которыхъ одинъ, Машэ, не пользовался расположеніемъ духовенства, а другой, графъ д'Аржансонъ, былъ напротивъ въ теченіе многихъ лѣтъ горячимъ другомъ іезуитовъ, также были сосланы [6].

большое огорченіе по поводу этого покушенія, но простой народъ оставался нѣмъ, на столько всѣ умы были заняты немилостью къ совѣтникамъ и безумнымъ, злобнымъ и еретическимъ поведеніемъ епископовъ». D'Argenson, IX, 385.

[1]. D'Argenson, IX, 389;—Barbier, VI, 442.

[2]. Barbier, VI, 482. «Въ Парижѣ не будетъ торжественнаго Te Deum, потому что его величество не довѣряетъ любви парижанъ». D'Argenson, IX, 392.

[3]. Barbier, VI, 434, 439.—D'Argenson, IX, 385.

[4]. Barbier, VI, 474. [5]. D'Argenson, IX, 367.

[6]. Voltaire, *Hist. du Parlement*, 411.—Barbier, VI, 465—446. Маркизъ д'Аржансонъ (авторъ *Мемуаровъ*) и его младшій братъ, графъ д'Аржансонъ, какъ извѣстно, держались очень несходныхъ воззрѣній.

Арестовывали духовныхъ лицъ и хватали людей, единственнымъ преступленіемъ которыхъ было то, что въ ихъ карманѣ находили экземпляръ парламентскихъ ремонтрансовъ [1]. Самыя строгія мѣры принимались и противъ провинціальныхъ парламентовъ. Когда было получено извѣстіе, что безансонскій парламентъ отвергъ вторую двадцатую, восемь совѣтниковъ его были схвачены и отправлены въ ссылку [2]. По тѣмъ же мотивамъ были арестованы, связаны и заключены въ тюрьму два совѣтника реннскаго парламента [3]. Наконецъ 16 апрѣля король издалъ декларацію, первыя статьи которой содержали слѣдующее:—«Всѣ тѣ, которые будутъ изобличены либо въ составленіи, либо въ порученіи составить и напечатать сочиненія, имѣющія въ виду нападеніе на религію, покушеніе на нашу власть, или стремленіе нарушить порядокъ и спокойствіе нашихъ странъ,—*будутъ наказываться смертною казнью*.—Всѣ тѣ, кто будетъ печатать сказанныя сочиненія; книгопродавцы, разнощики, а также лица, распространяющія ихъ, равнымъ образомъ *будутъ наказываться смертною казнью* [4]». Эта декларація была только угрозою; правительство наказывало ссылкою книгопродавцевъ и типографщиковъ, осуждало заочнымъ рѣшеніемъ на галеры мало извѣстныхъ писателей [5], но не рѣшилось идти дальше

[1]. Barbier, VI, 465—478.

[2]. Id., VI, 515—516.

[3]. D'Argenson, IX, 390 (январь 1757).—Дѣло съ Безансонскимъ парламентомъ происходило въ апрѣлѣ.

[4]. Isambert, XXII, 272—274. Что касается другихъ произведеній, то онѣ, смотря по обстоятельствамъ, влекли за собою ссылку на галеры на время или на всю жизнь.

[5]. См. постановленіе парламента отъ 27 августа 1757 г., осуждавшее различныхъ лицъ къ изгнанію, къ галерамъ и другимъ наказаніямъ, указаннымъ въ этомъ приговорѣ, за составленіе, печатаніе и распространеніе, въ нарушеніе законовъ о книжной торговлѣ, различныхъ сочиненій, стремящихся нарушить спокойствіе государства.—Другой приговоръ, вынесенный въ тотъ же день, осуждалъ на безчестіе, изгнаніе, на галеры или къ другимъ наказаніямъ, указаннымъ въ упомянутомъ приговорѣ, различныхъ лицъ, виновныхъ

этого. Издавая законъ, неисполнимый по своему варварству, оно только унижало себя.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ волненіе, вызванное послѣдними событіями, стало успокоиваться [1]. Правительство сочло возможнымъ прекратить строгости; не отмѣняя формально декларацiи, зарегистрированныя въ королевскомъ засѣданіи 13 декабря 1756, оно не приводило ихъ въ исполненіе [2]. Отставки, поданныя магистратами, были возвращены обратно, а также возвращены изъ ссылки шестнадцать совѣтниковъ первой камеры. Хотя Людовикъ XV и говорилъ: «если парламентъ останется такимъ же, какимъ былъ до lit de justice, то во Франціи уже не будетъ больше дѣйствительнаго короля [3]», тѣмъ не менѣе парламентъ былъ возстановленъ въ своемъ прежнемъ видѣ [4]. Одновременно былъ вызванъ изъ Конфлана въ Парижъ парижскій архіепископъ [5] и всѣмъ изгнаннымъ и осужденнымъ парламентомъ священникамъ было разрѣшено возвратиться въ свои приходы. Правительство надѣялось

въ сочиненіи, напечатаніи или распространеніи неприличныхъ стихотвореній и непристойныхъ и нечестивыхъ произведеній. Сверхъ того, всѣ сказанныя сочиненія должны были быть сожжены на Гревской площади черезъ экзекутора уголовнаго суда.—Въ числѣ сочиненій, сожженныхъ въ силу этого приговора, была и *Pucelle* Вольтера.

[1]. Barbier, VI, 552. «Ужъ не говорятъ болѣе о дѣлѣ Дамьена, какъ будто всего этого и вовсе не было (августъ 1757 г.)».

[2]. Оно только рѣшительно настаивало на той декларацiи, которая уничтожала шестьдесятъ уполномоченныхъ парламента и двѣ слѣдственныхъ палаты.

[3]. D'Argenson, IX, 377.

[4]. Это было больше, чѣмъ могли надѣяться «публика, члены сословія и самъ парламентъ». Barbier, VI, 579. Барбье положительно утверждаетъ, что парламентъ былъ возстановленъ со всѣми правами, которыя онъ имѣлъ послѣ декларацiи 2 сентября 1754 г.

[5]. «1 октября парижскій архіепископъ прибылъ въ свое мѣсто жительства, гдѣ былъ привѣтствованъ только своими слугами, потому что со стороны публики не было никакихъ знаковъ сочувствія». Barbier, VI, 586. На оборотъ, парламенту при его возвращеніи была сдѣлана овацiя.

такими мягкими мѣрами привлечь общественное мнѣніе, которому оно надоѣло своимъ непостоянствомъ; однако оно показало, что рѣшилось не терпѣть возобновленія религіозныхъ споровъ. Въ концѣ ноября, министерство сообщило синдику и другимъ докторамъ Сорбонны, что король рѣшилъ поддерживать миръ въ своихъ государствахъ и потому запрещаетъ имъ, какъ въ запискахъ, такъ и въ диссертаціяхъ или разсужденіяхъ, какимъ бы то ни было образомъ говорить о буллѣ. Сорбонна, которая столько разъ получала приказы въ противоположномъ смыслѣ, предоставлявшіе ей даже право употреблять насиліе для ихъ исполненія, обидѣлась за такое «колебаніе» ея значенія. Она постановила, что въ виду принесенной ею присяги «защищать католическую апостольскую и римскую религію usque ad effusionem sanguinis», она не можетъ согласиться на молчаніе, предписанное государемъ [1]. Деканъ теологическаго факультета былъ тотчасъ же сосланъ на разстояніе сто льё отъ столицы [2]. Парижскій архіепископъ, который подъ рукою ободрялъ сопротивленіе Сорбонны, былъ также подвергнутъ взысканію: упорный прелатъ былъ снова сосланъ, но уже не въ Конфланъ, а въ глубь Перигора [3].

Въ тоже самое время іезуитамъ былъ нанесенъ неожиданный ударъ. Въ Тулузѣ была вновь напечатана *Моральная теологія* нѣмецкаго іезуита Бузембаума, появившаяся впервые въ 1645 г. и выдержавшая послѣ того болѣе пятидесяти изданій. Въ этой книгѣ утверждалась абсолютная независимость духовенства отъ свѣтскихъ вла-

[1]. Barbier, VI, 604—605; VIII, 13. Эта присяга приносилась докторами Сорбонны при пріемѣ ихъ.

[2]. Barbier, VII, 15.

[3]. Id., VII, 1—2. Онъ былъ сосланъ, замѣчаетъ Барбье, 5 января 1758 г., ровно черезъ годъ и день въ день, послѣ покушенія Даміена. Онъ подъ рукою не только возбуждалъ сопротивленіе Сорбонны, но упорствовалъ, не смотря на повторныя требованія министерства, въ отказѣ въ причастіи сестрамъ милосердія Сенъ-Марсельскаго предмѣстья по подозрѣнію ихъ въ янсенизмѣ.

стей; доказывалось, что въ силу своихъ обязанностей люди, облаченные въ духовную рясу, образуютъ въ государствѣ отдѣльную республику, и горячо защищалась непогрѣшимость папы и его верховная власть надъ властью свѣтскихъ государей. Безнравственныя положенія, которыя были прежде заклеймены парламентами въ сочиненіяхъ разныхъ Суарецовъ, Сенхецовъ, Маріанна, и т. п. встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ этого сочиненія. Въ немъ указывались обстоятельства, при которыхъ кража и человѣкоубійство становились законными; доказывалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сынъ можетъ убить отца, а подданный—короля. Тулузскій парламентъ обратилъ вниманіе на преступную книгу. «Перепечатка этого сочиненія, говорится въ его реквизиторіи, совпадая съ гнуснымъ покушеніемъ, отъ котораго мы еще не оправились, составляетъ преступленіе оскорбленія величества [1]». Парижскій парламентъ осудилъ его въ свою очередь [2]. Тщетно іезуиты, чувствовавшіе какъ поколебалось ихъ значеніе послѣ событія 5 января, отрекались отъ этого сочиненія; тщетно заявляли они о своемъ уваженіи къ вольностямъ галликанской церкви и объ отвращеніи къ доктринамъ, разрѣшающимъ цареубійство [3],—эти заявленія не только не помогли имъ, потому что никто имъ не вѣрилъ, но еще увеличили ненависть, которую къ нимъ питали. Анонимный

[1]. Постановленіе Тулузскаго парламента отъ 9 сентября 1767 г., осуждающее на сожженіе книгу, озаглавленную *R. P. Herm. Busembaum, Societatis Jesu, ss. theologiae licentiati, Theologia moralis, nunc pluribus partibus aucta, a R. P. Claudio Lacroix, Societatis Jesu, theologiae in universitate Coloniensi doctore, et professore publico.* Editio novissima, diligenter recognita et emendata ab uno ejusdem Societatis Jesu sacerdote theologo. 1757.

[2]. Постановленіе парламента отъ 6 декабря 1757 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе подъ заглавіемъ: *Propositions condamnées et condamnables tirées du livre intitulé* Théologie morale *du R. P. Busembaum, de la Société de Jésus.*

[3]. Акты съ этими протестами присоединены къ постановленіямъ, какъ Тулузскаго, такъ и парижскаго парламентовъ.

авторъ въ листкахъ *Nouvelles ecclésiastiques* [1] рѣшился написать, «что нельзя не удивляться, что подобные люди терпятся во Франціи и остаются безнаказанными, чѣмъ постоянно поощряются къ новымъ преступленіямъ». Два мѣсяца спустя появилась *Апологія* книгѣ Бузембаума, въ которой возставали противъ приговоровъ, осудившихъ это произведеніе [2]. Парламентъ приказалъ сжечь это новое сочиненіе, какъ возобновляющее скандальныя положенія, противныя божескимъ и человѣческимъ законамъ, стремящіяся къ разрушенію государства и способныя привести подданныхъ къ покушеніямъ на священную особу государей [3]. Эти приговоры, впервые за все столѣтіе направленные противъ іезуитовъ, были предвѣстниками грозы, которая вскорѣ должна была разразиться надъ ними.

Строгія мѣры, принятыя противъ парижскаго архіепископа и декана теологическаго факультета, оказали свое дѣйствіе. Духовенство хранило молчаніе; іезуиты также молчали. Съ своей стороны парламентъ держалъ себя осторожно: онъ не вмѣшивался ни въ недавнее дѣло съ Сорбонною, ни въ послѣднюю ссылку парижскаго архіепископа. «Всѣ операціи» совершилъ самъ король или вѣрнѣе г-жа де Помпадуръ и новые министры [4]. За исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ брошюръ и рѣдкихъ, тотчасъ же подавляемыхъ [5] случаевъ отказа въ

[1]. См. *Nouvelles ecclésiastiques* отъ 2 января 1758 г. Эта духовная газета, говоритъ Барбье, была «болѣе чѣмъ когда либо распространена въ Парижѣ и во всемъ королевствѣ». См. Barbier, VII, 5—7.

[2]. Эту апологію не безъ основанія приписывали янсенистамъ, которые сочинили ее для того, чтобъ вызвать новое осужденіе своихъ враговъ.

[3]. Постановленіе парламента отъ 10 марта 1758 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное *Apologie de la Théologie morale des RR. PP. Busembaum et Lacroix, Jésuites, contre les parlements qui ont condamné cet ouvrage.* Ср. Barbier, VII, 25—27.

[4]. Barbier, VII, 17, 18, 20, 35.

[5]. Id., VII, 40, 41 (апрѣль), 64 (іюнь).

причастіи, всѣ споры по поводу буллы казалось были прекращены. Убѣдившись изъ покушенія 5 января въ опасности этихъ пререканій, правительство строго наблюдало за духовенствомъ съ цѣлью воспрепятствовать возобновленію ихъ [1]. Въ этихъ видахъ оно сблизилось съ парламентомъ, не выказывая враждебности къ епископату. Оно оставило дѣло о Верховномъ Совѣтѣ [2] и отняло отъ послѣдняго наблюденіе за главнымъ госпиталемъ, поручивъ его вновь парламенту, котораго шесть лѣтъ тому назадъ лишило этого права [3]. Выборъ папы Климента XIII, поддержаннаго министерствомъ, но имѣвшаго противъ себя іезуитовъ [4], окончательно поразилъ сторонниковъ этой злосчастной буллы, которая, казалось, должна была наконецъ позабыться [5]. Однако общественное мнѣніе, не волнуемое болѣе религіозными раздорами, имѣло другія причины для неудовольствія и вскорѣ стали обнаруживаться новые признаки глухого броженія и того внутренняго возмущенія, которое не прекращалось въ странѣ и сдѣлалось отнынѣ какъ бы присущимъ ея характеру.

Пораженіе при Росбахѣ въ ноябрѣ 1757 года, обнаруживъ неспособность французскихъ генераловъ и слабость армій, вызвало въ странѣ чувства раздраженія, огорченія и стыда, которыя еще усилились въ іюнѣ 1758 г. вслѣдствіе новой неудачи при Кревельтѣ. Неудовольствіе, возбужден-

[1]. Barbier, VII, 35.

[2]. Id., VII, 59—63 (іюнь 1758).

[3]. Декларацією отъ 15 марта 1758 г., отмѣнявшею lettres patentes 28 января 1752 г. Въ іюнѣ король призналъ за парламентомъ право, которое раньше неоднократно оспаривалъ, созывать перовъ и по этому случаю получилъ отъ магистратовъ публичную благодарность. Barbier, VII, 61—63.

[4]. Бенедиктъ XIV умеръ въ маѣ 1758 г. Выборы Климента XIII происходили въ іюлѣ. Кардиналъ Кавалькини, выставленный іезуитами, былъ увѣренъ въ полученіи 33 голосовъ изъ 42, но французское правительство совершенно неожиданно воспользовалось противъ него своимъ правомъ устраненія.

[5]. Barbier, VII, 45.

ное этими неудачами, всецѣло обратилось противъ двора. Его обвиняли въ униженіи, къ которому приведена Франція; дѣлали отвѣтственнымъ за отсутствіе дисциплины въ арміяхъ и за неспособность ихъ начальниковъ. Что говорилось въ публикѣ, то думали и сами министры. «Великое несчастіе наше, писалъ послѣ сраженія при Росбахѣ аббатъ де Берни [1], заключается въ тѣхъ людяхъ, которые ведутъ дѣла, и у насъ нѣтъ ни генераловъ, ни министровъ... Въ сущности намъ не достаетъ правительства [2]». Аббатъ де Берни только повторилъ то, что писалъ еще въ 1743 г. д'Аржансонъ, но въ 1758 г. дезорганизація была еще большею, зло еще глубже, а между тѣмъ у Франціи не было теперь маршала Саксонскаго для поправленія ея неудачъ. Послѣ покушенія 5 января Людовикъ XV болѣе чѣмъ когда либо показывалъ отвращеніе къ общественнымъ дѣламъ, погружаясь все сильнѣе въ развратъ. Настоящимъ королемъ была г-жа де-Помпадуръ; она назначала генераловъ и министровъ, принимала посланниковъ, руководила политикой и рѣшала союзы [3]. Подобное правительство возбуждало такое же презрѣніе среди военныхъ, какъ и въ народѣ, такъ что арміи, захваченныя тѣмъ же ферментомъ бунта, который волновалъ всю страну, скорѣе готовы были произвести возстаніе, чѣмъ сражаться съ непріятелемъ [4].

Приходилось расплачиваться за унизительныя неудачи, и правительство, какъ во времена Людовика XIV, по-

[1]. Государственный секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ.

[2]. Aubertin, *L'Esprit public au dix-huitième siècle,* 341, 345. См. въ этомъ сочиненіи драгоцѣнныя данныя, почерпнутыя авторомъ изъ архивовъ иностранныхъ дѣлъ о состояніи умовъ послѣ этихъ неудачъ и обо всѣхъ безпорядкахъ въ арміяхъ, которые ослабляли ихъ.

[3]. Barbier, VII, 17, 76.

[4]. «Нельзя разубѣдить политиковъ, что въ арміи существуютъ по отношенію къ правительству различныя партіи, являющіяся послѣдствіемъ духа независимости, которая овладѣла съ нѣкоторыхъ поръ всѣми умами въ этой странѣ». Barbier, VII, 69, 70.

требовало *добровольнаго дара* отъ городовъ, пригородовъ и мѣстечекъ всего королевства [1]. Неудовольствіе вспыхнуло съ новою силою [2]. Противъ правительства говорились самыя смѣлыя вещи. Одинъ приставъ палаты прошеній, непочтительно говорившій въ одномъ трактирѣ о королѣ и министрахъ, былъ присужденъ сначала принести публичное покаяніе передъ церковью Notre Dame, будучи одѣтъ въ одну рубашку и съ веревкою на шеѣ, а затѣмъ повѣшенъ на Гревской площади. Такая чрезмѣрная строгость не остановила разговоровъ [3]. Въ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ Парижа, въ Люксамбурѣ, Луврѣ, въ театрѣ французской комедіи были расклеены мятежныя плакарды, въ одной изъ которыхъ говорилось, что еслибъ не заставляли уплачивать пятьдесятъ милліоновъ духовенству и огромныхъ суммъ главнымъ откупщикамъ, изъ которыхъ каждый получаетъ двѣсти тычячъ ливровъ ренты, то триста тысячъ человѣкъ, имѣя во главѣ начальника, были бы готовы взяться за оружіе [4]».

Въ то время какъ раздраженіе низшихъ классовъ выражалось первымъ призывомъ къ оружію, расклееннымъ въ Парижѣ, въ высшихъ классахъ зародилось чувство другого рода. Здѣсь не ограничивались бранью правительства, но унижали самую Францію. Въ ущербъ послѣдней восхвалялась свободная Англія, побѣдоносная Пруссія и даже Китай, считавшійся убѣжищемъ мудрости, хотя никто не зналъ его. Говорилось о «придавленномъ

[1]. Посредствомъ эдикта, внесеннаго парламентомъ въ реестры 1 сентября 1758.

[2]. «Въ Парижѣ и королевствѣ есть нѣкоторое количество дурныхъ французовъ, но вообще всѣ недовольны правительствомъ». Barbier, VII, 84 (августъ 1758).

[3]. Хотѣли показать примѣръ на одномъ парижскомъ буржуа, человѣкѣ, занимавшемъ оффиціальную должность, для того, чтобъ подавить своеволіе многихъ фанатиковъ, которые изъ партійныхъ цѣлей говорятъ слишкомъ смѣло о правительствѣ». Barbier, VII, 90—91 (сентябрь 1758).

[4]. Barbier, VII, 92, 94 (сентябрь 1758).

народѣ» и «всеобщемъ разложеніи; наконецъ произнесено было слово *упадокъ* (décadence) [1]». Разложеніе, чувствовавшееся въ государствѣ, проявлялось также все сильнѣе и сильнѣе и въ церкви. Покушеніе на жизнь португальскаго короля, совершенное въ сентябрѣ 1758 г., въ которомъ были замѣшаны лиссабонскіе іезуиты, имѣло послѣдствіемъ не только еще большее омерзѣніе во Франціи къ ордену іезуитовъ [2], но дискредитировало еще самую религію. Какъ будто для того, чтобы еще болѣе пошатнуть ее, конвульсіонеры, о которыхъ почти забыли, начали съ новой экзальтаціей свои похожденія и чудеса. При пѣніи священниками псалмовъ распинали женщинъ, втыкали въ нихъ шпаги, «чтобы показать, что нѣдра церкви остаются всегда невредимы, какимъ бы преслѣдованіямъ не подвергалась она [3]». Среди этой смуты выступала группа философовъ, вносившихъ въ религію, въ мораль и въ политику, вмѣсто все болѣе и болѣе разрушающихся традицій, свои смѣлыя ученія. Чувствуя совершающееся по всѣмъ направленіямъ распаденіе общества и не имѣя болѣе основаній обвинять въ этомъ духовенство, которое заставили молчать, парламентъ обвинилъ философовъ и сталъ карать ихъ съ такою же строгостью, съ какою прежде относился къ конституціонерамъ. Приговоромъ Совѣта была запрещена кни-

[1]. «Мы приходимъ къ послѣднему періоду упадка (décadence)», писалъ 6 іюня 1758 г. аббатъ де Берни (Aubertin, *l'Esprit public au dix-huitième siècle*, 350). «Послѣ вѣка Людовика XIV нашъ вѣкъ—бѣдный вѣкъ», писалъ Вольтеръ 27 сентября того же года. «Людская нужда всякаго рода вызываетъ жалость; Франція будетъ продолжать свое существованіе, но ея слава, ея благоденствіе, ея прежнее превосходство... что станется со всѣмъ этимъ?» (*Corresp. gén.*, VI, 195, 156). Ср. Grimm, II, 310, 344; Aubertin, *l'Esprit public au dix-huitième siècle*, 341—350.

[2]. Barbier, VII, 98, 117, 131—133 (окт. 1758—февр. 1759 г.). Въ первый разъ въ обществѣ стали раздаваться требованія объ изгнаніи іезуитовъ.

[3]. Barbier, VII, 113 (декабрь 1758 г.) Ср. Grimm, II, 91. Въ это же время одинъ священникъ, обвиненный въ злоупотребле-

га *О Духѣ* [1], которая вскорѣ затѣмъ подверглась осужденію со стороны парижскаго архіепископа, выпустившаго противъ нея «убійственное» [2] посланіе. Эта книга, по словамъ Гримма, непристойнымъ изложеніемъ ложной морали возбудила противъ себя общественное мнѣніе [3]. Генеральный адвокатъ Омеръ Жоли де Флери съ своей стороны также занялся этою книгою и, присоединивъ къ ней *Энциклопедію*, уже дошедшую тогда до седьмого тома, поэму Вольтера *la Religion naturelle* и многія другія сочиненія, произвелъ общее нападеніе на философовъ:

«Общество, государство и религія предстали теперь передъ судомъ справедливости, чтобы принести ему свои жалобы, восклицалъ этотъ магистратъ въ своемъ реквизиторіи, доставившемъ знаменитость его автору. Съ большою горечью мы вынуждены сказать это; нечего скрывать отъ себя, что имѣется опредѣленная программа, что составилось общество для поддержанія матеріализма, уничтоженія религіи, внушенія неповиновенія и для порчи нравовъ. Развѣ подобныя крайности не требуютъ самыхъ сильныхъ мѣропріятій? Не должна ли юстиція обнаружить всю свою строгость, взять въ свои руки мечъ

ніяхъ молитвами и церковными церемоніями для совершенія колдовства, былъ наказанъ наложеніемъ клеймъ и высѣченъ на Гревской площади по приговору уголовнаго суда (Barbier, VII, 112). Такое публичное наказаніе служителя церкви было примѣнено въ первый разъ. За два мѣсяца до того парламентъ сжегъ сочиненіе противъ целибата священниковъ. См. постановленіе парламента отъ 30 сентября 1758 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе въ двухъ томахъ, озаглавленное *Avantage du mariage, et combien il est nécessaire et salutaire aux prêtres et aux évêques de ce temps—ci d'épouser une fille chrétienne.*

[1]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 10 августа 1758 г. сдѣланное по предмету выданной раньше привилегіи на напечатаніе сочиненія подъ заглавіемъ *De l'Esprit.*

[2]. Это посланіе, выпущенное изъ Перигора, помѣчено 22 ноября 1758 г. Сорбонна въ свою очередь подвергла книгу *О Духѣ* своей цензурѣ.

[3]. Grimm, II, 262.

и поразить безъ различія всѣхъ святотатцевъ, которыхъ осуждаетъ религія и отъ которыхъ отрекается отечество?» Въ особенности королевскій адвокатъ нападалъ на книги *de l'Esprit* и на *Энциклопедію*. О произведеніи Гельвеція онъ говорилъ, что это «кодексъ самыхъ гнусныхъ и позорныхъ страстей» и вмѣстѣ съ тѣмъ «сборникъ всего, что только могло придумать невѣріе для внушенія ненависти къ христіанству и католичеству». Книга «*О Духѣ*», прибавляетъ онъ, «представляетъ собою, какъ бы сокращеніе этого, слишкомъ извѣстнаго, произведенія, которое, по своему дѣйствительному назначенію, должно было бы быть книгою всякаго рода знаній, а сдѣлалось книгою всѣхъ заблужденій,—произведенія, которое не переставали восхвалять, какъ самый лучшій памятникъ, воздвигнутый въ честь національнаго генія, но сдѣлавшійся его позоромъ». Такими выраженіями онъ опредѣлялъ *Словарь Энциклопедіи*, противъ котораго направилъ затѣмъ самую страстную критику. Указывая на помѣщенныя въ немъ статьи: *Adorer, Conscience, Autorité*, онъ обвинялъ энциклопедистовъ въ томъ, что они утверждаютъ будто «способъ поклоненія истинному Богу никогда не долженъ уклоняться отъ требованій разума, потому что онъ самъ творецъ разума», требуютъ свободы совѣсти и «какъ естественнаго послѣдствія ея всеобщей терпимости», доказываютъ, что власть королей имѣетъ своимъ началомъ либо насиліе, либо дѣйствительный или предполагаемый договоръ между народами и ихъ властелинами, и не признаютъ, согласно апостолу, что всякая власть исходитъ отъ Бога, и что всѣ существующія на землѣ власти установлены самимъ Богомъ. Въ заключеніе, сопоставляя различныя основныя положенія, разбросанныя въ разныхъ сочиненіяхъ, на которыя онъ призываетъ кары магистратовъ, онъ клеймитъ авторовъ, какъ враговъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, одушевленныхъ преступнымъ намѣреніемъ разрушить все общество.

Всѣ сочиненія, указанныя въ этой *капуцинадѣ* были приговорены къ сожженію рукою палача, за исключеніемъ *Словаря Энциклопедіи*, котораго парламентъ не рѣшился подвергнуть такому позору, а удовольствовался тѣмъ, что поручилъ разсмотрѣть его особой комиссіи изъ теологовъ и адвокатовъ [1]. Этотъ приговоръ, вынесенный соединенными камерами парламента (6 февраля 1769 г.), произвелъ большой шумъ. Одобряемый ханжами, янсенистами и вообще всѣми людьми, боявшимися смѣлыхъ идей [2], онъ совершенно уронилъ парламентъ въ глазахъ теперь уже довольно многочисленныхъ сторонниковъ свободы мысли. «Сколько шума изъ за книги г. Гельвеція!» писалъ Вольтеръ. «Вотъ ужъ исторія изъ за выѣденнаго яйца!.. И для чего все это, метръ Омеръ? Боже, какъ все это глупо!» Говоря объ аббатѣ Кавейракѣ, авторѣ сочиненія Apologie de la Saint-Barthélemy [3], изданіе котораго было разрѣщено парламентомъ, онъ прибавлялъ: «Какъ! Преслѣдуютъ г. Гельвеція и терпятъ уродовъ [4]!» Гриммъ, не одобрявшій книги *О Духѣ*, негодовалъ на

[1]. Постановленіе парламента отъ 6 февраля 1759 г., осуждающее на сожженіе книги, озаглавленныя: *De l'Esprit; le Pyrrhonisme du sage; la Philosophie du bon sens, on Réflexions philosophiques sur l'incertitude des connaissances humaines; la Religion naturelle; Lettres semi-philosophiques du chevalier de *** au comte de ***; Etrennes des esprits forts; Lettre au R. P. Berthier sur le matérialisme,*—и назначающее комиссаровъ для разсмотрѣнія сочиненія, озаглавленнаго *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné de sciences, des arts et des métiers.*

[2]. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ порицали огласку. «Быть можетъ было бы благоразумнѣе, говорили они по поводу *Энциклопедіи*, не излагать такъ краснорѣчиво, какъ это сдѣлалъ въ своей рѣчи генеральный адвокатъ, системы деизма, матеріализма, невѣрія и того яда, который содержится въ нѣкоторыхъ статьяхъ ея, такъ какъ гораздо большее число людей можетъ прочесть этотъ реквизиторій въ тридцать страницъ, чѣмъ семь томовъ in-folio». Barbier, VII, 129, 130.

[3]. L'abbé Caveirac, *Apologie de Louis XIV et de son Conseil sur la révocation de l'édit de Nantes, avec une disseratation sur la Saint Barthélemy,* 1758.

[4]. Voltaire, *Corresp. gén.*, VI, 191, 192, 272.

приговоръ, который вмѣстѣ съ нею осуждалъ на сожженіе поэму la Religion naturelle, «идеи которой, говорилъ онъ, должны были бы быть начертаны золотыми буквами на дверяхъ нашихъ храмовъ [1]». Гельвеція хотѣли заставить подписать столь унизительное отреченіе, «что нельзя будетъ удивляться, если человѣкъ предпочтетъ скорѣе спасаться у готтентотовъ, чѣмъ подписаться подъ подобными мнѣніями [2]». Строгія мѣры, направленныя противъ философовъ, не ограничились этимъ: 8 марта 1759 г. приговоромъ Совѣта отмѣнялись разрѣшительныя грамоты на печатаніе *Энциклопедіи* [3]. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя это великое твореніе подверглось осужденію въ грамотѣ, выпущенной римскимъ дворомъ [4]. Одновременно съ этимъ парламентъ осудилъ на сожженіе le Précis de l'Ecclésiaste et du Cantique des cantiques Вольтера [5]. Видя грозу, поднявшуюся надъ писателями, Бюффонъ поспѣшилъ отложить печатаніе седьмого тома своей Histoire naturelle, посвященнаго исторіи волка, лисицы, барсука, выдры и куницы [6]. Не смотря на эти чрезмѣрныя строгости, начавшія собою ту систему преслѣдованій, которая съ разными измѣненіями продолжалась затѣмъ до самой смерти Людовика XV, философы продолжали свое дѣло. Преслѣдуемые главнымъ образомъ во имя религіи, они съ этого момента становятся ея горячими противниками [7] и, сосредоточивъ на ней свои нападенія,

[1]. Grimm, II, 292. [2]. Id., II, 262.

[3]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 8 марта 1759 г., отмѣняющее грамоты, данныя книгѣ подъ заглавіемъ: *Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, arts et métiers, par une société de gens de lettres.*

[4]. Damnatio et prohibitio operis in plures tomos distributi, cujus est titulus: *Encyclopédie*, и т. д. Clemens Papa XIII ad futuram rei memoriam, etc... 3 septemb. MDCCLIX.

[5]. Постановленіе парламента отъ 3 сентября 1759 г., осуждающее на сожженіе печатное произведеніе, озаглавленное: *Précis d'Ecclésiaste et du Cantique des cantiques, par M. de Voltaire, à Genève*, 1759.

[6]. Grimm, II, 338.

[7]. См. въ *Мемуарахъ* Дидро (Edit. Garnier, I, 75, 76) разсказъ

вскорѣ нанесли церкви тѣ ужасные удары, подъ которыми она должна была пасть.

Достойно замѣчанія, что парламентъ, въ противоположность своему образу дѣйствій въ религіозномъ вопросѣ, гдѣ онъ строго охранялъ доктрины галликанской церкви, въ политическихъ вопросахъ продолжалъ поддерживать смѣлые принципы, которыхъ держались и философы. Онъ далъ доказательство этому въ одномъ случаѣ, въ которомъ королевская власть обнаружила наконецъ, подъ вліяніемъ все поднимавшагося потока общественнаго мнѣнія, что она чувствуетъ свою слабость. Въ февралѣ 1759 г. безансонскій парламентъ, доведя свое сопротивленіе по вопросамъ о налогахъ до открытаго возмущенія, запретилъ собирать *добровольный даръ*, не задолго до того потребованный ото всѣхъ городовъ королевства [1]. Четыре совѣтника немедленно были заключены въ тюрьму, а двадцать восемь сослано на основаніи lettres de cachet. Парижскій парламентъ представилъ королю ремонтрансы, въ которыхъ въ выраженіяхъ внѣшней покорности протестовалъ противъ примѣненія lettres de cachet, представляющихъ, по его мнѣнію, «неправильные пути *абсолютной власти*», совершенно несогласныя съ законами, съ достоинствомъ магистратовъ и съ *правами народа* [2]. Это былъ первый случай, что пар-

объ одномъ разговорѣ, происходившемъ въ Грандвалѣ, у барона Гольбаха, въ октябрѣ 1759 г. Ср. также разсказъ въ томъ же родѣ, помѣченный 15 октября 1760 г., *ibid.*, 150, 151.

[1]. Barbier, VII, 126, 127, говоритъ, что Безансонскій парламентъ запретилъ взиманіе этого налога *подъ страхомъ смерти*. Слухъ, ходившій по поводу этого запрещенія, являвшагося признакомъ сопротивленія, дошедшаго до крайнихъ предѣловъ, былъ распространяемъ предумышленно въ силу политическихъ страстей. Г. Кастанъ, ученый архиваріусъ библіотекарь г. Безансона, любезно доставилъ намъ данныя, вполнѣ опровергающія утвержденія Барбье, которыя тѣмъ не менѣе представляютъ интересъ съ точки зрѣнія тогдашняго настроенія умовъ.

[2]. Id., VII, 150 (апрѣль 1759). Эти ремонтрансы помѣчены 24 марта.

ламентъ ссылался «на право народа» передъ королевскою властью. Король отвѣчалъ магистратамъ, что дѣло, касающееся безансонскаго парламента, не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія; что они превышаютъ свои полномочія, желая ихъ распространить «на общій порядокъ управленія»; что *всеобщность, полнота и нераздѣльность власти пребываютъ въ лицѣ короля;* что *право народа* ничѣмъ не отличается отъ законовъ, источникомъ и основою которыхъ служитъ онъ самъ, и что, если онъ воспользовался въ духѣ справедливости и разума *принадлежащею ему абсолютною властью,* то нельзя говорить, что онъ шелъ *неправильнымъ* путемъ [1]. Сторонники королевской власти радовались, что Людовика XV принудили говорить тономъ настоящаго государя, «чего уже не бывало съ давняго времени», а онъ самъ въ своемъ отвѣтѣ заявилъ, что только по своей снисходительности онъ снизошелъ до объясненія *принциповъ,* по поводу которыхъ «никто не долженъ и не можетъ возбуждать никакого вопроса». Въ дѣйствительности же король, который прежде только приказывалъ, теперь долженъ былъ защищать и оправдывать свою собственную власть. Это можетъ служить характеристическимъ признакомъ, такъ какъ власть только тогда защищается, когда чувствуетъ себя поколебленною.

При такихъ обстоятельствахъ получилось извѣстіе о пораженіи при Минденѣ [2] маршала де Контада, креатуры г-жи де Помпадуръ. Немного спустя узнали о взятіи англичанами Квебека [3] и вслѣдъ затѣмъ о ги-

[1]. Когда парламентъ повторилъ свои ремонтрансы. Людовикъ XV во второй разъ высказалъ такія же соображенія. Первый отвѣтъ короля былъ сдѣланъ въ апрѣлѣ 1759 г., второй въ іюлѣ. Министерство, считая умѣстнымъ сдѣлать первый отвѣтъ извѣстнымъ не только въ Парижѣ, но и за границей, распорядилось напечатать его въ Gazette de France,—способъ до сихъ поръ никогда не примѣнявшійся. Barbier, VI, 149—153, 173, 174.

[1]. 1 августа 1759 г.

[2]. Капитуляція Квебека совершилась 18 сентября 1759 г.

бели французскаго флота въ Белльилѣ [1], совершенно уничтожившей морскія силы Франціи. Эти извѣстія, распространившіяся одно за другимъ, комментировались недовольными и «дурными гражданами [2]», которыми былъ полонъ Парижъ, и вызывали тревогу въ населеніи. Какъ и въ 1758 г., за неудачами слѣдовали фискальныя мѣры. При этомъ правительство не ограничилось тѣмъ, что посредствомъ королевскаго засѣданія заставило зарегистрировать указы о чрезвычайныхъ налогахъ, въ чемъ парламентъ сначала отказалъ [3], но и отмѣнило уплату по государственнымъ обязательствамъ [4], что было равносильно началу банкротства. Вскорѣ появились lettres patentes, которыми король приказывалъ отправить на монетный дворъ свою серебряную посуду и приглашалъ подданныхъ слѣдовать его примѣру [5]. Примѣненіе такого способа, который обыкновенно являлся послѣднимъ рессурсомъ при государственныхъ бѣдствіяхъ, испугало общество. Нарушеніе частныхъ интересовъ, присоединяясь къ униженію, вызванному послѣдовательными неудачами, довело всеобщее раздраженіе до высшей степени. Даже лица, наименѣе враждебныя правительству, и тѣ громко говорили о скверномъ управленіи финансами и «о грабежѣ придворныхъ [6]». Въ провинціи, какъ и въ Парижѣ, волненіе и злоба были всеобщими.

Такое возбужденное состояніе умовъ въ странѣ еще продолжалось, когда въ февралѣ 1760 г. Людо-

[1]. Ноябрь 1759.

[2]. Barbier, VII, 176.

[3]. Это засѣданіе и происходило въ Версали 20 сентября 1759 г. Barbier, VII, 185—188. Нечего и говорить, что парламентъ протестовалъ противъ lit de justice.

[4] Четырьмя постановленіями Совѣта отъ 21 октября 1759 г.

[5]. Barbier, VII, 199—204. См. постановленіе монетнаго двора, 22 декабря 1759 г., запрещающее печатное сочиненіе, озаглавленное: *Observations sur les effets du port de la vaisselle à la Monnaie.* Lettres patentes были даны въ ноябрѣ.

[6]. Barbier, VII, 199.

викъ XV препроводилъ магистратамъ эдикты, устанавливающіе новые налоги [1]. Парламентъ, становясь выразителемъ общественнаго настроенія, возвысилъ голосъ. Онъ объявилъ о своемъ намѣреніи потребовать отъ министерства отчета, были ли дѣйствительно израсходованы на надобности государства огромныя суммы, внесенныя въ теченіе многихъ лѣтъ въ государственное казначейство, прибавляя, что до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ возможности удостовѣриться въ этомъ, «онъ по совѣсти не можетъ зарегистрировать эдикты о новыхъ налогахъ на страну [2]». Онъ составилъ ремонтрансы, въ которыхъ указалъ, что наиболѣе вѣрное средство къ поддержанію преданности народа состоитъ: «въ примѣрѣ *нѣкоторой* экономіи королевскихъ расходовъ, ограниченіи *произвола*, царящаго въ большей части податей, а равно и въ болѣе полезномъ назначеніи поступленій отъ налоговъ»; говорилъ, что теперь, для укрѣпленія довѣрія и общественнаго спокойствія, болѣе чѣмъ когда либо необходимъ *законный* порядокъ [3]. Король отказался принять эти ремонтрансы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабилъ требованія своихъ эдиктовъ. Парламентъ рѣшился зарегистрировать измѣненные эдикты, но въ постановленіи объ зарегистрированіи внесъ оговорки, въ которыхъ заявлялъ, что на будущее время онъ отнюдь не намѣренъ признавать власть lit de justice и будетъ признавать законами только тѣ, на которые онъ изъявитъ свое свободное согласіе [4]. Этимъ постановленіемъ наносился «жестокій ударъ» верховной власти, но министерство, ослабленное событіями, должно было промолчать. Нарушая свою обычную осторожность, парламентъ снова началъ дѣйствовать по образцу англійскаго [5].

[1]. Id., 227, 228 (февраль 1760). Въ теченіи всей семилѣтней войны, средній дефицитъ равнялся 217 милліонамъ въ годъ.

[2]. Особенно налогъ третьей двадцатой.

[3]. Эти ремонтрансы помѣчены 26 февраля 1760 г. Barbier, VII, 231—233.

[4]. Barbier, VII, 236, 237 (марта 1760 г.).

[5]. Id., VII, 229.

Все общество одобряло оказанное сопротивленіе, видя въ немъ хоть нѣкоторое обезпеченіе при данныхъ тяжкихъ обстоятельствахъ. Съ своей стороны счетная палата и палата косвенныхъ налоговъ представили также ремонтрансы, которые «злонамѣренные люди» тайнымъ образомъ напечатали. Въ заголовкѣ ремонтрансовъ счетной палаты стояли слѣдующія многозначительныя слова: *О многочисленности налоговъ и о бѣдности народа* [1].

Въ то время, какъ общественное мнѣніе, возбужденное вопросомъ о налогахъ, снова поднялось противъ королевской власти, въ Парижъ возвратился архіепископъ, вызванный наконецъ изъ Перигора послѣ ссылки, длившейся двадцать одинъ мѣсяцъ [2]. Съ его пріѣздомъ, тотчасъ же появились брошюры, въ которыхъ, ссылаясь на интересы вѣры, высказывались жалобы на молчаніе, наложенное королемъ на дѣло о буллѣ [3]. Одновременно съ этимъ возобновились нападки на философовъ. Во французской Академіи поэтъ-ханжа Лефранъ де Помпиньянъ произнесъ рѣчь, которая представляла собою сплошную жестокую брань по ихъ адресу [4]. Вскорѣ за тѣмъ была разыграна комедія Палиссо, въ которой онъ называлъ «мошенниками» людей, составлявшихъ въ глазахъ всей Европы славу французскаго имени и въ которой былъ представленъ ходящимъ на .четвереньках ъ будущій авторъ *Эмиля* и *Общественнаго догово-*

[1]. Постановленіе счетной палаты отъ 23 февраля 1760 г., запрещающее сочиненіе, озаглавленное *Très humbles et très-respectueuses remontrances, que présentent au Roi, notre très honoré et souverain seigneur, les gens tenants sa chambre des comptes.*—Постановленіе палаты косвенныхъ налоговъ отъ 10 марта 1760 г., запрещающее сочиненіе, озаглавленное: *Récit de ce qui s'est passé à la cour des aides de Paris, contenant la procès verbal, les arrêtés, objets et remontrances, avec la réponse du Roi.* Ср. Barbier, VII, 239, 240.

[2]. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ почти инкогнито 21 октября 1791 г.

[3]. См. въ концѣ книги приговоры Шателе отъ 27 ноября и 4 декабря 1759 г., и два постановленія парламента, одно 20 декабря 1759 г., а другое 23 февраля 1760 г.

[4]. Grimm, II, 394—396.

ра [1]. «Вотъ подлое время!» писалъ Вольтеръ, одинъ только пощаженный въ этой безстыдной сатирѣ. «Пьеса Палиссо, рѣчь метръ-Жоли, рѣчь господина Лефранъ де Помпиньянъ,—все это доводитъ до крайности позоръ Франціи и какъ разъ послѣ Росбаха, исповѣдныхъ свидѣтельствъ и конвульсіонеровъ! [2]». Эта комедія или вѣрнѣе фарсъ, игравшійся въ театрѣ Корнеля, былъ не только терпимъ, но одобренъ министерствомъ. Одного изъ сотрудниковъ *Энциклопедіи*, аббата Морелле, заключили въ Бастилію, когда онъ попытался въ своихъ *Visions de Palissot* отомстить за возмутительно оскорбленныхъ писателей [3]. Кажется, что, разрѣшая представленіе этой позорной пьесы, правительство хотѣло уронить въ общественномъ мнѣніи людей, вліянія которыхъ оно боялось не менѣе чѣмъ духовенство. Людямъ, стоявшимъ близко къ властямъ, былъ данъ какъ бы лозунгъ относиться къ Монтескье, Вольтерамъ, Дидеро и Бюффонамъ, какъ къ *общественнымъ отравителямъ*. «Дѣло дошло до того, писалъ Гриммъ, что въ настоящее время нѣтъ ни одного человѣка, занимающаго казенное мѣсто, который не смотрѣлъ бы на успѣхи философіи среди насъ, какъ на источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. Всѣ думали, что причины, которыя привели къ пораженіямъ при Росбахѣ и Минденѣ, которыя вызвали уничтоженіе и потерю нашихъ флотовъ, довольно извѣстны и ясны, но если вы поговорите о нихъ при дворѣ, то вамъ скажутъ, что всѣ эти несчастья должны быть приписаны новой философіи; что это она погасила военный духъ, слѣпое повиновеніе и

[1]. Эта пьеса въ первый разъ была дана во французской комедіи 2 мая 1760 г. Ср. Barbier, VII, 248—250. Въ ней представленъ лакей, который, обворовывая своего господина, говоритъ: «Я становлюсь философомъ». Два стиха, которыми заканчивается пьеса, вполнѣ характеризуютъ ее:

«Enfin tout philosophe est banni de céans,
Et nous ne vivrons plus qu'avec d'honnêtes gens».

[2]. Voltaire, *Corresp. gén.*, VI, 411.

[3]. Barbier, VII, 257, 258 (іюнь 1760).

вообще все то, что порождало прежде великихъ людей и славныя дѣла Франціи [1]». Такимъ образомъ слагалось то мнѣніе, которое, постепенно укрѣпляясь, существуетъ и до сихъ поръ, будто философы были причиною всѣхъ тѣхъ безпорядковъ, въ которыхъ погибъ старый режимъ. Вначалѣ это мнѣніе было распространяемо тѣми самыми людьми, которые сами породили ихъ.

Однако и провинціальные парламенты не менѣе чѣмъ парижскій волновались по поводу налоговъ. Объединяясь въ чувствѣ досады, они начали выдвигать смѣлую теорію *Французскаго Парламента,* образующагося изъ всѣхъ парламентовъ королевства [2]. Парламенты Руанскій, Мецкій, Бордосскій, Эсскій и другіе отвергли нѣкоторые изъ послѣднихъ эдиктовъ, даже изъ числа зарегистрированныхъ парижскимъ [3]. Это возстаніе магистратовъ противъ королевской власти было только слабымъ отголоскомъ того, что дѣлалось въ обществѣ, въ которомъ поведеніе правительства возбуждало самыя рѣзкія нападки. Недостатокъ денегъ, множественность налоговъ, бѣдность, являвшаяся послѣдствіемъ этого и подавлявшая провинцію, вызывали крайнее возбужденіе въ умахъ. Вездѣ раздавался крикъ о расхищеніи финансовъ и *о желаніи отомстить* [4]. Были напечатаны гораздо болѣе смѣлыя, чѣмъ парижскія, ремонтрансы руанскаго парламента, въ которыхъ «единство парламентовъ королевства, конституція французскаго правленія и основные законы монархіи» были предметомъ соображеній, открыто стремившихся поставить власть «французскаго парламента» выше власти государя [5]. Правительство было раздражено, но

[1]. Grimm, II, 400—401 (1 іюня 1760). Ср. стр. 295.

[2]. Barbier. VII, 261 (іюнь 1760).

[3]. Особенно налогъ третьей двадцатой, зарегистрованный парламентомъ въ предшествующемъ мартѣ мѣсяцѣ. Barbier, VII, 264 (іюль 1760).

[4]. Barbier, VII, 282, 283 (августъ 1760).

[5]. Id., VII, 269 (іюль 1760).

не смѣло прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ; оно знало, что вся Нормандія была проникнута парламентскимъ духомъ и боялось возбудить «какую нибудь революцію» какъ разъ въ то время, когда англичане ждали только момента, чтобы высадиться на берегахъ Франціи [1]. Король удовольствовался вызовомъ многихъ совѣтниковъ въ Версаль. «Я вашъ властелинъ, сказалъ онъ имъ, и долженъ былъ бы наказать васъ за смѣлость вашихъ принциповъ. Я гораздо болѣе чѣмъ вы думаете занятъ мыслью объ облегченіи моего народа и о средствахъ достиженія этого. Возвратитесь въ Руанъ и немедленно зарегистрируйте мои эдикты. Я требую, чтобъ вы подчинились мнѣ [2]».

Связанное съ этимъ вопросомъ о налогахъ дѣло безансонскаго парламента сдѣлалось дѣломъ всей магистратуры. По примѣру парижскаго парламента, не переставшаго обращаться по этому поводу съ представленіями къ королю [3], руанскій, бордосскій и тулузскій парламенты представили свои ремонтрансы. Въ тулузскихъ ремонтрансахъ, которые были напечатаны и открыто продавались въ Парижѣ, говорилось, что безансонскіе совѣтники своею настойчивостью дали примѣръ, возбуждающій удивленіе Франціи и Европы; что ихъ ссылка является покушеніемъ *на право всѣхъ гражданъ подвергаться наказанію только на основаніи законовъ и послѣ юридическаго разслѣдованія, совершеннаго подлежащими судьями;* что вся нація напугана нарушеніемъ своихъ самыхъ законныхъ вольностей; что только враги общественнаго блага могли посовѣтовать королю такое злоупотребленіе властью «и что, низвергая формы, въ которыхъ проявляются у всѣхъ благо-

[1]. Barbier, VII, 275.

[2]. Въ отвѣтъ на эти высокомѣрныя слова было пущено по рукамъ письмо, по всей вѣроятности апокрифическое, руанскаго парламента, въ которомъ магистраты говорили: «Если принципы, изложенные парламентомъ вашему величеству, заслуживаютъ наказанія, то единственно виновными въ нихъ являются короли, ваши предшественники, которые высказали ихъ». Barbier, VII, 280.

[3]. Людовикъ XV настойчиво отвѣчалъ, что это дѣло не касается

устроенныхъ народовъ истина и справедливость, *подготовляютъ пути для анархіи и неповиновенія* [1]. Всѣ эти ремонтрансы были представлены въ ноябрѣ 1760 г. Никогда еще парламенты не говорили такимъ смѣлымъ языкомъ. Канцлеръ Гильомъ де Ламуаньонъ написалъ отъ имени короля руанскому парламенту письмо, которое являлось какъ бы адресованнымъ ко всѣмъ вообще парламентамъ. Въ немъ, порицая публичность, приданную ремонтрансамъ, которые должны были бы оставаться секретными [2], онъ упрекалъ магистратовъ въ стремленіи «посягать» на права королевской власти. Онъ возставалъ противъ «новой и химерической» теоріи единаго парламента, образуемаго соединеніемъ всѣхъ парламентовъ королевства; въ особенности же онъ опровергалъ обнаруживаемую магистратурою претензію считать закономъ только то, что она сама признаетъ таковымъ. «Его величество повелѣлъ мнѣ напомнить вамъ, говорилъ онъ дальше, что его власть—верховная, и никто въ королевствѣ не можетъ ее раздѣлять съ нимъ. Вы забываете и вмѣстѣ съ вами забылъ это и безансонскій парламентъ, что только его величество даетъ указы и законы, которымъ всѣ подданные обязаны повиноваться, и что только отъ него зависитъ

парижскаго парламента. «Вы стараетесь, повторялъ онъ, установить принципы, которые я всегда отвергалъ». B a r b i e r, VII, 298 (сентябрь 1760 г.)

[1]. Ср. постановленіе парижскаго парламента 18 ноября, сдѣланное соединенными палатами по дѣлу о безансонскихъ ссыльныхъ и редактированное на основаніи такихъ же принциповъ. B a r b i e r, VIII, 311—314. Число брошюръ, вызванныхъ этимъ дѣломъ, такъ велико, что изъ нихъ составилось въ безансонской библіотекѣ шесть томовъ (сообщеніе г. Кастана).

[2]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 1 ноября 1760 г., воспрещающее произведеніе, озаглавленное: *Très humble et très-respectueuses remontrances que presentent au Roi, notre très-honoré et souverain seigneur, les gens tenant sa cour du parlement à Rouen.* Раньше мы видѣли, что въ предшествующіе года парламенты, опубликовавъ свои ремонарансы, запрещали ихъ, какъ напечатанные безъ позволенія. Теперь они уже не обнаруживаютъ такой заботливости.

самое существованіе и власть парламентовъ... Если королю угодно принимать ихъ ремонтрансы, имъ еще не разрѣшено подъ этимъ предлогомъ задерживать, а тѣмъ болѣе запрещать, исполненіе его повелѣній. Они должны ждать отъ его справедливости уничтоженія тѣхъ якобы злоупотребленій, на которыя они указываютъ. Таковы истинные принципы монархіи,—принципы неизмѣнные, но которые вы силитесь уничтожить [1]».

Это уже не было однимъ изъ тѣхъ столкновеній, которыя столько разъ вызывались ходомъ событій между парламентами и короною. Теперь принципіальный вопросъ подавлялъ вопросъ о фактѣ. Королевская власть оспаривалась, подвергалась въ средѣ магистратуры открытому нападенію и революціонный духъ овладѣвалъ тѣми людьми, которые болѣе всего заявляли о своей вѣрности существующимъ учрежденіямъ. «Парламентскіе господа, писалъ Вольтеръ, скоро сожгутъ эдикты его величества, короля [2]». Руанскій парламентъ не обратилъ вниманія на письмо канцлера и послалъ своего перваго президента для представленія королю новыхъ жалобъ по поводу безансонскаго парламента [3]. Съ своей стороны парижскій парламентъ приготовилъ «повторительные» ремонтрансы [4]. Уступая этимъ непрерывнымъ требованіямъ, правительство наконецъ призвало обратно сосланныхъ магистратовъ [5]. Среди всѣхъ этихъ волненій протестъ общаго собранія духовенства противъ приговоровъ, вынесенныхъ свѣтскими судами по дѣламъ, касающимся

1. Barbier, VII, 316—321 (декабрь 1760 г.).
2. Voltaire, *Corresp. gén.*, VII, 221 (декабрь 1760).
3. Barbier, VII, 342 (мартъ 1761).
4. Id., VII, 329 (январь 1761).
5. Id., VII, 358 (апрѣль 1761). По совѣту министерства два депутата отъ безансонскаго парламента явились въ Версаль къ королю и такимъ образомъ послѣдній какъ бы уступилъ ихъ настояніямъ, а не ремонтрансамъ парижскаго, руанскаго и бордосскаго парламентовъ. Id., VII, 278.

таинствъ, прошелъ незамѣченнымъ [1]. Всѣ умы были поглощены заботами, вызывавшимися бѣдственнымъ положеніемъ страны. Поэтому *Теорія налоговъ* маркиза Мирабо [2] нашла больше читателей, чѣмъ книга, сожженная парламентомъ, въ которой Моисей былъ представленъ обманщикомъ, а весь Ветхій Завѣтъ подвергся самому злостному разбору [3]. Всѣ мечтали о мирѣ, какою бы цѣною онъ ни былъ купленъ, желали какъ можно скорѣе конца войны, въ которой Франція терпѣла только униженія и разорялась [4]. Однако, какъ ни велико было безпокойство, оно не доходило до того, чтобъ Парижъ не предавался обычнымъ развлеченіямъ [5]; всѣмъ хотѣлось побывать во французской комедіи, гдѣ г-жа Клеронъ обнаруживала въ *Танкредѣ* блестящій талантъ, почти геніальность. Подъ впечатлѣніемъ восторга, вызываемаго знаменитой трагической актрисой, одинъ адвокатъ составилъ мемуаръ противъ отлученія отъ церкви, распространявшагося на всѣхъ актеровъ, и въ силу котораго тѣло Адріенны Лекуврёръ было оставлено безъ погребенія. Духовенство заволновалось; парламентъ

[1]. Это было собраніе духовенства, состоявшееся въ 1760 г. Протестъ сначала былъ напечатанъ только для епископовъ и сдѣлался извѣстенъ публикѣ лишь въ декабрѣ. Такъ какъ духовенство и епископы, даже парижскій архіепископъ, «держали себя очень спокойно и благоразумно», то можно думать, что прелаты дѣйствительно не имѣли въ виду дать ходъ этому протесту. Barbier, VII, 309, 314.

[2]. Авторъ, «обращавшійся въ этомъ сочиненіи прямо къ королю въ формѣ бесѣды, ясно говоритъ ему, что государство близко къ раззоренію вслѣдствіе дурнаго управленія финансами». Barbier, VII, 324. За эту книгу маркизъ Мирабо сначала былъ заключенъ въ Венсеннъ, а потомъ сосланъ.

[3]. Постановленіе парламента 3 декабря 1760, осуждающее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное: *l'Oracle des anciens fidèles*. Berne, 1760.—Ср. Barbier, VII, 324.

[4]. Barbier, VII, 337, 338 (февраль 1761).

[5]. Id., VII, 326. «Несмотря на недостатокъ денегъ, плохое состояніе финансовъ и общую бѣдность, парижская толпа по обыкновенію устремлялась на спектакли, предавалась удовольствіямъ и роскоши». (Конецъ декабря 1760).

присоединился къ нему въ дѣлѣ нетерпимости и предубѣжденія противъ свободы совѣсти. Адвокатъ былъ вычеркнутъ изъ списка своего сословія, а его мемуаръ сожженъ рукою палача [1].

Въ апрѣлѣ 1761 г., въ газетахъ было наконецъ возвѣщено о засѣданіяхъ конгресса для заключенія мира. Такъ какъ съ этой стороны тревога успокоивалась, то все вниманіе общества обратилось на процессъ, который велся въ первой камерѣ палаты и въ которомъ былъ замѣшанъ орденъ іезуитовъ [2]. Отецъ Ла-Валеттъ, глава миссій на о-вѣ Мартиникѣ, ведшій значительную торговлю разными товарами съ негоціантами южной Франціи, объявилъ себя банкротомъ почти на три милліона. Кредиторы, обратившіеся сначала съ своими требованіями къ генералу іезуитовъ, въ Римѣ, перенесли затѣмъ свое дѣло въ парламентъ. 8 мая, послѣ судоговоренія, продолжавшагося около мѣсяца, первая палата единогласно присудила орденъ къ уплатѣ трехъ милліоновъ. Провозглашеніе приговора было встрѣчено толпою, наполнявшею зданіе суда, съ восторгомъ и рукоплесканіями. Іезуиты, имѣвшіе смѣлость или наивность присутствовать въ залѣ суда, были ошиканы. Радость была столь же всеобща, какъ ненависть къ нимъ, говоритъ Вольтеръ [3]; но ордену Іисуса готовился ударъ, еще болѣе ужасный. Со времени покушенія на жизнь португальскаго короля въ 1758 г., повлекшаго за собою въ слѣдующемъ году изгнаніе всѣхъ іезуитовъ, жившихъ въ его владѣніяхъ, во Франціи

[1]. Постановленіе парламента 22 апрѣля 1761 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное: *Libertés de la France contre le pouvoir arbitraire de l'excommunication*. Ср. Voltaire, *Corresp. gén.* VII, 356; Barbier, VII, 363—367.

[2]. «Сами іезуиты избрали первую камеру палаты судьею, хотя вѣдѣніе всѣхъ ихъ дѣлъ принадлежало Верховному Совѣту». Barbier, VII, 349 (апрѣль 1761). Это право было предоставлено имъ, какъ извѣстно, посредствомъ letteres patentes отъ 30 іюня 1738 г. См. выше, стр. 103.

[3]. Voltaire, *Hist. du Parlement*, 421; Barbier, VII, 362.

ждали только случая, чтобы расправиться съ ними. Этотъ случай представился вышеуказаннымъ процессомъ.

Во время судоговоренія одинъ магистратъ заявилъ, что статуты общества іезуитовъ опасны для общественнаго порядка. Парламентъ предписалъ іезуитамъ доставить ихъ статуты, а генеральному адвокату разсмотрѣть ихъ. Іезуиты повиновались, но съумѣли устроить такъ, что король вытребовалъ къ себѣ эти статуты изъ парламента, дабы самому разсмотрѣть ихъ. Лишившись этого документа, парламентъ оказался въ затрудненіи выполнить свои намѣренія, но тогда «какой-то ангелъ или благочестивая душа» доставилъ ему другой экземпляръ статутовъ [1]. Было признано, что іезуиты, изгнанные изъ Франціи въ 1594 г., возвратились въ нее въ 1603 г. только *условно* и ихъ возвратъ не былъ окончательно утвержденъ. Основываясь на этомъ, генеральный адвокатъ построилъ свои заключенія, состоявшія въ томъ, что іезуиты «были обязаны обратиться къ папѣ и французскому королю за полученіемъ статутовъ, которые должны были быть зарегистрированы палатами, если бы таковые были имъ даны, а до тѣхъ поръ не имѣли права принимать ни одного послушника [2]». Тотъ же магистратъ [3], который указалъ на статуты іезуитовъ, обратилъ вниманіе и на ихъ ученія, обвиняя ихъ въ распространеніи путемъ сочиненій и преподаванія въ школахъ такихъ положеній, которыя оправдывали убійство и допускали цареубійство. Это обвиненіе не замедлило оказать свое дѣйствіе. 6 августа 1761 г. парламентъ издалъ противъ іезуитовъ два «убійственныхъ приговора». Первымъ изъ нихъ онъ осуждалъ на сожженіе двадцать-четыре ихъ сочиненія, «какъ мятежныя, разрушающія христіанскую мораль, преподающія убійственную и гнусную доктрину во вредъ безопасности и жизни не только

[1]. Barbier, VII, 370, 371 (май 1761 г.). Текстъ этихъ статутовъ составлялъ два тома in-folio.

[2]. Id., VII, 381 (іюль 1761).

[3]. Аббатъ Шовелэнъ.

гражданъ, но даже священныхъ царствующихъ особъ [1]». Вторымъ онъ запрещалъ іезуитамъ продолжать преподаваніе, а подданнымъ короля посѣщать ихъ школы, пансіоны и семинаріи до тѣхъ поръ, пока они будутъ руководиться уставомъ Общества [2]».

Эти два приговора, едва они стали извѣстны, произвели въ Парижѣ громадное впечатлѣніе. Первые экземпляры ихъ были расхватаны толпою; несмотря на то, что ихъ печатали днемъ и ночью, требованіе на нихъ со стороны публики не могло быть удовлетворено. Одно время полагали, что этотъ двойной приговоръ будетъ кассированъ постановленіемъ Совѣта, но такъ какъ это средство уже «примѣнялось» и «не оказывало болѣе дѣйствія [3]», а процессъ чрезвычайно взволновалъ общественное мнѣніе, то правительство, уже имѣвшее полное основаніе опасаться безпорядковъ и не увѣренное въ окончательномъ заключеніи мира, желало избѣжать ихъ, а потому король, не отмѣняя послѣдняго приговора парламента, приказалъ только отложить исполненіе его на годъ [4]. Опасаясь, чтобы такой долгій промежутокъ времени не кончился бы тѣмъ, что все дѣло придется начинать съизнова, магистраты измѣнили свое рѣшеніе. Сначала они назначили срокъ исполненія ихъ приговора на 1 октября 1761 г. [5], теперь они продлили его до 1 апрѣля 1762 г., т. е. на шесть мѣсяцевъ [6]. Іезуиты пытались воспользоваться этою отсрочкою. Начальства трехъ парижскихъ заведеній составили у нотаріусовъ торжественный актъ, въ которомъ заявляли о своей вѣрности особѣ короля и отвергали обвиненія, выставлен-

[1]. См. въ концѣ сочиненія постановленіе парламента 6 августа 1761 г. Оно очень длинно, чтобъ его можно было воспроизвести здѣсь; въ немъ поименованы всѣ эти сочиненія.

[2]. Barbier, VII, 391, 392.

[3]. Id., VII, 395.

[4]. Id., VII, 398 (августъ 1761).

[5] Это было, какъ и теперь, время начала классныхъ занятій.

[6]. Barbier, VII, 404—406 (сентябрь 1761).

ныя противъ нихъ магистратами [1]. Высшее духовенство съ своей стороны старалось поддержать ихъ и для этого получить полномочіе разсмотрѣть ихъ статуты. Оно утверждало, что нельзя предоставлять злобѣ парламентовъ орденъ, «который во всѣ времена былъ столь полезенъ для блага религіи и поддерживанія верховной власти [2]». Изъ пятидесяти епископовъ, сорокъ пять заявили, что въ поведеніи іезуитовъ, какъ и въ ихъ ученіи, нѣтъ ничего заслуживающаго упрека [3].

Сильно взволнованное общественное мнѣніе ускорило ходъ событій. По примѣру парижскаго парламента, парламенты ренскій, руанскій, эсскій, бордосскій, безансонскій и гренобльскій потребовали представленія статутовъ общества [4]. Ла Шалоте, генеральный прокуроръ реннскаго парламента, произнесъ при этомъ свой знаменитый *отчетъ*, который тотчасъ же распространился повсюду и въ которомъ онъ доказалъ невозможность сохраненія столь опаснаго для государства учрежденія [5]. Нормандскій парламентъ пошелъ еще дальше; онъ осудилъ статуты на сожженіе, запретилъ подданнымъ короля жить въ сообществахъ, руководствующихся такимъ регламентомъ, и приказалъ іезуитамъ въ самый короткій срокъ очистить всѣ дома, занимаемые ими въ его округѣ [6]. Съ своей стороны парижскій парламентъ отвергъ эдиктъ, препровожденный къ нему королемъ; этимъ эдиктомъ Общество Іисуса подвергалось преобразованію, послѣ каковаго предполагалось сохранить его [7]. Въ оправданіе своего отказа парламентъ представилъ королю *Извлеченіе изъ опасныхъ ученій*, преподаваемыхъ Обще-

1. Barbier, VII, 413 (октябрь 1761).
2. Id., VII, 418 (ноябрь 1761).
3. Id., VII, 425, 426; VIII, 1 (декабрь 1761).
4. Id., VIII, 26.
5. Id., VIII, 14, 19, 32 (февраль-апрѣль 1762).
6. Id., VIII, 10, 11 (февраль 1762).
7. Id., VIII, 20, 26, 27 (мартъ 1762 г.).

ствомъ и содержащихся въ его книгахъ [1]. 1-го апрѣля 1762 г., въ срокъ, указанный парламентомъ, іезуиты оказались вынужденными прекратить свое преподаваніе и на ихъ бумаги были наложены печати [2]. Съ этого момента никто болѣе не сомнѣвался, что «Іисусъ не получитъ грамоты реформированнаго капитана», какъ выражались шутники [3]. 6 августа 1762 г., день въ день черезъ годъ послѣ перваго приговора, поразившаго іезуитовъ, парламентъ осудилъ на сожженіе еще сто шестьдесятъ три ихъ сочиненія [4] и объявилъ о распущеніи самого Общества.

До послѣдняго момента іезуиты все еще не теряли надежды. Въ то время, когда собравшійся парламентъ обсуждалъ ихъ участь, они служили мессы въ своихъ церквахъ, прося Бога сохранить ихъ. Когда имъ былъ наконецъ объявленъ приговоръ, который публика назвала *похоронным билетомъ,* они были ошеломлены; многіе имѣли видъ только что осужденныхъ преступниковъ. Вокругъ нихъ ханжи вопили, ломали руки и рвали себѣ на память ихъ одежды [5]. Въ виду такого горя, начинали жалѣть этихъ людей, которыхъ прежде такъ ненавидѣли, но это не помѣшало, какъ говорилъ Дидро, тому, чтобъ на другой день сложить на ихъ счетъ пѣсенки, а черезъ два дня не думать болѣе о нихъ. Король предоставилъ парламенту свободу дѣйствій; было очевидно, что онъ соглашается на уничтоженіе іезуитовъ и что лисабонскій заговоръ, бросивъ свѣтъ на покушеніе 5 января, измѣнилъ его настроеніе по отношенію къ нимъ. Что же касается истин-

[1]. Barbier, VIII, 28. Парламентъ сжегъ также брошюры, въ которыхъ іезуиты пытались оправдываться. См. въ концѣ книги приговоры парламента 27 марта и 24 апрѣля 1762 г.

[2]. Два мѣсяца спустя они покинули городъ Руанъ. Barbier, VIII, 47.

[3]. Grimm, III, 92.—Bachaumont, *Mémoires secrets,* I, 81.

[4]. См. въ концѣ книги списокъ этихъ сочиненій, приведенный въ приговорѣ парламента 6 августа 1762 г.

[5]. Diderot, *Mém.*, I, 294—296.

ныхъ причинъ, вызвавшихъ это событіе, то Вольтеръ далъ имъ справедливую оцѣнку. «Не Санхецъ, не Лессіусъ, не Эскобаръ и не нелѣпости казуистовъ погубили іезуитовъ, говоритъ онъ; это Ле Телье и Булла выгнали ихъ изъ страны [1]». Такое «искорененіе» вызвало среди буржуазіи и простого народа чрезвычайную, почти непристойную радость [2]. Парламенты показали въ этомъ дѣлѣ свою силу; янсенисты съ своей стороны торжествовали, какъ будто эта побѣда была ихъ дѣломъ. Философы также приписывали себѣ эту заслугу. «Мнѣ кажется, писалъ Дидро, что я вижу Вольтера, подымающаго свои руки и глаза къ небу и говорящаго: Nunc dimittis servum tuum, Domine, quia viderunt oculi mei salutare tuum [3]. Въ дѣйствительности, уничтоженіе іезуитовъ не было тріумфомъ ни парламентовъ, ни янсенистовъ, ни философовъ,—оно было побѣдою общественнаго мнѣнія.

[1]. Voltaire, *Siècle de Louis XV*, 437.
[2]. Bachaumont, I, 81, 127, 140.
[3]. Diderot, *Mém.*, I, 294—296.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЮДОВИКА XV.

(1762—1770).

Въ глазахъ современниковъ закрытіе общества іезуитовъ не было только уничтоженіемъ презираемаго учрежденія, но оно колебало весь порядокъ вещей, тяготѣвшій надъ Франціей отъ начала восемнадцатаго вѣка. Оно являлось первымъ завоеваніемъ революціоннаго духа, первою брешью, пробитою въ зданіи стараго порядка, который основывался на союзѣ королевскаго деспотизма съ ультрамонтанствомъ. Эта брешь открывала дорогу новымъ приступамъ, новымъ ниспроверженіямъ. *Парламентаріи*, съ которыми постепенно слились янсенисты, продолжали свою оппозицію духовенству и правительству. Они боролись съ епископатомъ, пытавшимся вновь организовать ультрамонтанскую партію, ослабленную пораженіемъ іезуитовъ, они боролись съ королевскою властію, продолжавшею, не смотря на возраставшія требованія общественнаго мнѣнія, держаться политики традицій абсолютной власти. Однако, такая оппозиція, не шедшая въ обѣихъ направленіяхъ далѣе нѣкотораго ослабленія королевской власти и галликанства, уже не удовлетворяла болѣе просвѣщенныхъ людей. Они хотѣли большаго и, не имѣя выработаннаго плана и опредѣленной цѣли, шли за философами, которые сами стремились къ новому, но еще не уясненному для самихъ себя порядку вещей. Какъ справедливо замѣтилъ одинъ писатель [1], въ моментъ совершавшагося кризиса истинными со-

[1]. Aubertin, l'Esprit public aux dix-huitième siècle, стр. 390.

бытіями, рѣшающими актами, были книги. 3 ноября 1762 г. предварительныя условія столь горячо желаемаго мира между Франціею и Англіею были наконецъ подписаны и за внѣшнею войною должна была послѣдовать съ удвоенною силою война за мысль.

Этотъ періодъ открывается двумя знаменитыми книгами *Эмилемъ* и *Общественнымъ договоромъ*. И та и другая появились среди волненій, вызванныхъ дѣломъ іезуитовъ. *Эмиль*, какъ и сочиненіе *О Духѣ*, былъ сожженъ парламентомъ [1] и осужденъ парижскимъ архіепископомъ [2]. Но эти осужденія, выраженныя въ гораздо болѣе умѣренной формѣ, чѣмъ та, которая была направлена противъ сочиненія Гельвеція, свидѣтельствовали, что парламентъ и духовенство начинали колебаться подъ вліяніемъ все возрастающаго роста философской мысли. Говорили, что архіепископъ «только для формы» издалъ свое посланіе противъ *Эмиля* [3]. Тоже самое можно было сказать о коротком и ничтожномъ реквизиторіи, въ которомъ Омеръ Жоли де Флери обвинялъ Руссо въ распространеніи «преступной системы» натуральной религіи и проповѣди терпимости [4]. Увѣряли также, что парламентъ осудилъ *Эмиля* только потому, что магистратамъ было необходимо не давать повода къ обвиненію себя въ равнодушіи къ вѣрѣ въ тотъ самый моментъ, когда они преслѣдовали іезуитовъ [5]. Королевскій адвокатъ, подобно париж-

[1]. Приговоръ парламента отъ 9 іюня 1762 г., осуждающій на сожженіе печатное произведеніе, озаглавленное: *Emile, ou de l'Education, par J. J. Rousseau. La Haye, MDCCLXII.*

[2]. Посланіе архіепископа парижскаго (20 августа 1762 г.), осуждающее книгу подъ заглавіемъ: *Emile, ou de l'Education, par J. J. Rousseau, citoyen de Genève. A Amsterdam*, 1762.

[3]. Bachaumont, I, 135.

[4]. Grimm, III, 61, 117. «Магистратъ, осуждающій терпимость писалъ Гриммъ; «Господи, прости Омеру Жоли де Флери, ибо онъ не вѣдаетъ, что говоритъ».

[5]. Rousseau, *Confessions*, ч. II, кн. XI; *Corresp.*, II, 38, 43; изд. 1824 г.

скому архіепископу, указывалъ въ этомъ сочиненіи только на мѣста, противорѣчащія ученію церкви. *Общественный договоръ*, провозглашавшій принципы обращенія къ народу и народнаго суверенитета и дѣлавшій изъ правительства нѣчто въ родѣ комиссіи, смѣняемой по волѣ страны, въ политическомъ отношеніи было неизмѣримо смѣлѣе, чѣмъ *Эмиль* въ религіозномъ. Его считали опаснымъ даже многіе друзья философіи. «Очень важно, писалъ Башомонъ, чтобы подобное сочиненіе не вызывало броженія въ легко возбуждающихся головахъ. Къ счастью, авторъ облачилъ его въ научную темноту, которая дѣлаетъ его недоступнымъ обыкновеннымъ читателямъ. Въ сушности же онъ развиваетъ положенія, *которыя раздьляютъ въ глубинѣ души рѣшительно всѣ* [1]». Послѣднее замѣчаніе даетъ возможность убѣдиться, какъ далеко ушла мысль въ политическомъ отношеніи со времени появленія *Духа законовъ*. Несмотря на свою смѣлость, *Общественный договоръ* не былъ сожженъ парламентомъ. Такъ какъ онъ, какъ и *Эмиль*, былъ напечатанъ въ Голландіи, то удовольствовались только установленіемъ строгихъ мѣръ для воспрепятствованія ввоза его въ королевство. Да и на самомъ дѣлѣ въ Парижѣ его знали очень мало, такъ какъ туда попало весьма немного экземпляровъ сочиненія, тогда какъ «рѣшительно всѣ» прочли *Эмиля*, послѣ того, какъ парламентъ его осудилъ[2]. Руссо, поставившій на немъ свое имя, былъ приговоренъ къ аресту, но министерство облегчило ему возможность бѣгства. Обычная непослѣдовательность власти была такова, что въ это же время оно допустило снова появленіе *Энциклопедіи*, право на выпускъ которой было раньше уничтожено, а возбудившее такую бурю сочиненіе Гельвеція продавалось теперь совершенно открыто; не прошло за тѣмъ и шести мѣсяцевъ, какъ *Эмиль* и *Обществен-*

1. Bachaumont I, 137.
2. Id., I, 137.

ный договоръ выставлялись уже во всѣхъ лавкахъ наряду съ книгою *О Духѣ*[1].

Церковь должна была опасаться самыхъ жестокихъ нападеній не со стороны такого мыслителя, какъ «бѣдный Жанъ-Жакъ»; въ то время энциклопедисты распространяли въ публикѣ сочиненія, гораздо болѣе смѣлыя и другого направленія, чѣмъ *Исповѣдь савойскаго викарія*; при чемъ смѣлость ихъ шла все дальше. По поводу *Эмиля* Дидро говорилъ, что Руссо «вертится вокругъ капуцинскаго монастыря, въ который онъ когда нибудь и запрячется[2]». Со времени знаменитаго реквизиторія *метръ-Омера*, произнесеннаго противъ нихъ въ 1759 г., энциклопедисты, сблизившись между собою въ силу необходимости защищаться, соединили свои силы и задались ни чѣмъ инымъ, какъ установленіемъ царства разума на развалинахъ всѣхъ догматовъ. Вольтеръ, удалясь въ Ферней, куда онъ скрылся отъ преслѣдованій и декретовъ объ арестѣ, возбуждалъ оттуда ихъ рвеніе и направлялъ удары. Моментъ паденія іезуитовъ былъ въ тоже время тѣмъ моментомъ, когда партія энциклопедистовъ начала свой открытый походъ и упорядочила нападеніе. «*Братья* будутъ покинуты Богомъ, писалъ Вольтеръ въ январѣ 1762 г., если они не воспользуются счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находятся. Янсенисты и іезуиты рвутъ другъ друга: нужно раздавить однихъ другими, и развалины ихъ да сдѣлаются подножіемъ трона истины[3]». Начиная съ этого времени, въ письмахъ Вольтера появляется формула *Ecr. l'inf...*, ставшая *delenda Carthago* философской группы. Но онъ не ограничился только распоряженіемъ начать приступъ. Тогда какъ братъ *Mords-les* (кусай ихъ), въ дѣйствительности аббатъ Morrelet, издавалъ свой *Manuel de l'Inquisition*[4], а другой

[1]. Bachaumont, I, 20. Grimm, III, 73, 227.
[2]. Diderot, *Memoires*, I, 278.
[3]. Voltaire, *Corresp. gén.*, VIII, 148.
[4]. Bachaumont, I, 16, 48 (январь-февраль 1762).

братъ—*Изслѣдованія о восточномъ деспотизмѣ*, въ которомъ, по словамъ Башомона, священники были представлены въ самомъ отвратительномъ видѣ [1], — самъ Вольтеръ выпускалъ изъ Фернея *le Sermon des Cinquante* и *le Testament du curé Meslier*, которыми открывался рядъ безчисленныхъ брошюръ, нарождавшихся изъ подъ его неутомимаго пера. Но въ противоположность Руссо, который, подписывая своимъ именемъ свои сочиненія, давалъ возможность преслѣдовать его, Вольтеръ рѣшительно отрекался отъ своихъ произведеній. «Старайтесь, писалъ онъ Гельвецію, принести пользу человѣческому роду, не причиняя себѣ ни малѣйшаго вреда [2]». Вѣрный такому взгляду, онъ нападалъ на своихъ противниковъ, не подставляясь подъ ихъ удары; но цѣль его была все таки благородна. Горячій другъ человѣчности, онъ объявилъ войну всякого рода фанатизму, составляющему, по его мнѣнію, вредную основу всѣхъ религій. Не слѣдуетъ также забывать, что въ то время, когда онъ давалъ Гельвецію свой не вполнѣ благородный совѣтъ, самъ онъ подготовлялъ свой *Трактатъ о терпимости* и заинтересовалъ всю Европу вопросомъ о невиновности семьи Каласовъ.

Однако, какъ ни были подавлены іезуиты, все же они пытались еще бороться и старались посредствомъ разныхъ сочиненій склонить на свою сторону общественное мнѣніе. Въ *Письмѣ*, обращенномъ къ королю, одинъ епископъ говорилъ, что со времени приговоровъ, поразившихъ Орденъ Іисуса, «уравновѣшенные умы, истинные граждане и добродѣтельныя души пребываютъ въ унынiи [3]». Въ другихъ брошюрахъ обвиняли парламентъ въ

[1]. Voltaire, *Corresp. gén.*, VIII, 147, 148 (январь 1762).—Ср. Bachaumont, I, 139.

[2]. Voltaire, *Corresp. gén.*, VIII, 508 (февраль 1763 г.). Въ октябрѣ 1762 г. онъ писалъ: «Гельвецій имѣлъ несчастье признать себя авторомъ одной книги, что помѣшаетъ ему приносить въ будущемъ пользу». *Ibid.*, 337.

[3]. Приговоръ Руанскаго парламента отъ 2 іюля 1762 г., осуж-

нарушеніи этими приговорами всѣхъ принциповъ права [1]; доказывали, что такъ называемыя *Извлеченія* изъ доктрины іезуитовъ, представленныя имъ государю для выясненія дѣла, были ничто иное, какъ собраніе всякаго рода клеветы [2]. Появились поддѣльные мемуары, въ которыхъ магистраты выражали неодобреніе поведенію своихъ сотоварищей [3]; распространялись обо всѣхъ парламентахъ возмутительныя свѣдѣнія; звонили противъ нихъ «въ колоколъ возмущенія [4]». Парламенты отвѣчали на это осужденіемъ всѣхъ этихъ сочиненій на сожженіе. Шатле пожелалъ присоединить и свой голосъ къ голосамъ парламентовъ и издалъ противъ сочиненія одного итальянскаго іезуита Николая Мацотта, озаглавленнаго *Моральная теологія*, реквизиторій въ сто тринадцать страницъ in—4°, въ которомъ шагъ за шагомъ было заклеймлено ученіе іезуитовъ [5]. Въ одномъ изъ сочиненій, производившихъ въ это время наибольшій шумъ,—*О трехъ необходимостяхъ*,—говорилось, что нужно прогнать іезуи-

дающій на сожженіе листокъ, озаглавленный: *Lettre écrite au Roi par l'évêque D. P. (du Pay) sur l'affaire des Jésuites.*

[1]. Приговоръ парламента отъ 13 августа 1762 г., осуждающій на сожженіе брошюру, озаглавленную: *Mes doutes sur la mort des Jésuites.*

[2]. См. ниже рѣшеніе Шателэ отъ 29 декабря 1762 г.

[3]. Приговоръ парламента отъ 17 декабря 1762 г., осуждающій на сожженіе печатное сочиненіе, озаглавленное: *Mémoires présentés au Roi par deux magistats du parlement d'Aix contre des arrêts et arrêtés de leur Compagnie.*

[4]. Рѣшеніе Шателэ отъ 18 ноября 1762 г., осуждающее на сожженіе два сочиненія, озаглавленныя—одно: *Appel à la raison*, и другое—*Nouvel Appel à la raison des écrits et libelles publiés par la passion contre les Jésuites de France.*

[5]. Рѣшеніе Шателэ отъ 29 декабря 1762 г., осуждающее на сожженіе два сочиненія, озаглавленныя: одно—*Reverendi patris Nicolaii Mazotta e Societate Jesu Theologia moralis, in quinque tomos distributa...* Venetiis, MDCCLX; другое—*Lettre pastorale de M. l'evêque de Lavaur au sujet d'un volume in-4° ayant pour titre: Extraits des assertions pernicieuses et dangereuses*, etc.

товъ, уничтожить христіанство и убить дофина [1]. Этотъ листокъ, о которомъ говорили повсюду, но котораго никто не видѣлъ,—да по всей вѣроятности его никогда и не существовало,—былъ приписанъ всѣмъ обществомъ «плутнѣ» іезуитовъ, желавшихъ показать, что враги ордена были вмѣстѣ съ тѣмъ врагами религіи и престола [2]. Тщетно парламентъ запрещалъ печатаніе какого бы то ни было сочиненія, касающагося «Института и Общества, именовавшагося ранѣе Обществомъ Іисуса [3]»,—брошюры появлялись со всѣхъ сторонъ; но когда король эдиктомъ, изданнымъ въ февралѣ 1763 г., косвенно подтвердилъ распущеніе Общества [4], всѣ появившіяся послѣ этого сочиненія считались «послѣ ужина горчицей [5]» и въ теченіе нѣкотораго времени разговоры объ орденѣ іезуитовъ совершенно прекратились.

Была и другая причина, заставившая забыть іезуитовъ. Всѣ жаловались на то, что со времени прекращенія военныхъ дѣйствій налоги не были уменьшены. Въ маѣ 1763 г. было созвано королевское засѣданіе, въ которомъ были зарегистрированы эдикты, отмѣнявшіе нѣкоторые налоги, но вмѣстѣ съ тѣмъ и создававшіе новые [6]. Публика,

[1]. Bachaumont, I, 131. Дофинъ считался очень сочувствующимъ іезуитамъ.

[2]. Ibidem, I, 147. «Думаютъ, говоритъ Бошомонъ, что постановленіе Верховнаго Совѣта состоялось по подстрекательству іезуитовъ, пользующихся очень большою благосклонностью этого трибунала» (октябрь 1762). По поводу этого воображаемаго листка вышло сочиненіе, осужденное потомъ парламентомъ. См. приговоръ парламента отъ 15 октября 1762, воспрещающій сочиненіе, озаглавленное: *Lettre d'un homme de province à un ami de Paris au sujet d'une nouvelle fourberie des soi-disant Jésuites.*

[3]. Парламентъ сдѣлалъ это запрещеніе въ приведенномъ выше приговорѣ 13 августа 1762 г.

[4]. Barbier, VIII, 64, 88. См. у Isambert, XXII, 389—392, *Edit portant règlement pour les collèges qui ne dépendent pas des universités.*

[5]. Grimm, III, 347.—Barbier, VIII, 90 (май 1763 г.).

[6]. Barbier, VIII, 71, 73.

недовольная этими эдиктами, была не менѣе недовольна и самою властью, издавшею ихъ. Что касается парламента, то онъ составилъ постановленіе, въ которомъ объявлялъ, что эти насильственныя регистраціи эдиктовъ «стремились къ ниспроверженію основныхъ законовъ королевства [1]», и рѣшился представить королю вмѣстѣ съ замѣчаніями по поводу этихъ эдиктовъ еще рѣзкіе ремонтрансы относительно дѣйствій министерства и о расхищеніи финансовъ [2]. Теперь въ Парижѣ только и было рѣчи, что объ этихъ эдиктахъ [3]. Брошюра подъ заглавіемъ *Богатства государства,* въ которой предлагался повидимому простой и справедливый планъ обложенія, и которую авторъ, совѣтникъ парламента, распространялъ безплатно [4], еще болѣе содѣйствовала привлеченію вниманія публики на это дѣло. Всѣ читали эту брошюру; «даже народъ обсуждалъ ее и выражалъ желаніе осуществленія предлагаемыхъ мѣръ [5]». Начались требованія уничтоженія должности генеральныхъ откупщиковъ, замѣны всевозможныхъ сборовъ, отягощавшихъ страну, однимъ правильнымъ налогомъ [6] и наконецъ полной реформы всей финансовой системы. Въ виду того, что король, несмотря на представленія парламента, упорно поддерживалъ свои эдикты, магистраты составили новые ремонтрансы и грозили, какъ это они уже разъ сдѣлали въ 1760 г., что потребуютъ отъ министерства отчетовъ [7]. Ожидалось новое столкно-

[1]. Barbier, VIII, 75 (іюнь 1763).

[2]. Id., VIII, 76, 85.

[3]. «Ни о чемъ больше не говорятъ, только объ этихъ эдиктахъ, вслѣдствіе чего совершенно позабыли объ іезуитахъ». Barbier, VIII, 71.

[4]. Это былъ Руссель. За эту брошюру онъ попалъ въ Бастилію. Bachaumont, I. 259, 260, 269. «Можно было бы составить очень большую библіотеку, писалъ Башомонъ (I, 281), изъ безчисленнаго множества сочиненій, ежедневно порождаемыхъ этою патріотическою мечтою». (Іюль 1763 г.).

[5]. Barbier, VIII, 77—Bachaumont, I, 266.

[6]. Id., VIII, 115.

[7]. Id., VIII, 87.

веніе, въ которомъ снова будетъ поставленъ вопросъ о правахъ магистратуры и о королевской власти. «Если удастся уменьшить значеніе и такъ называемыя права парламентовъ, писалъ Барбье, то тогда уже не будетъ никакого препятствія для полнаго деспотизма; если же, напротивъ, парламенты соединятся, чтобъ воспротивиться этому какими нибудь рѣшительными мѣрами, *то за этимъ должна послѣдовать общая революція въ государствѣ* [1].» Революцію,—которую предвидѣлъ Барбье въ силу тѣхъ политическихъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и которая, по словамъ Ж. Ж. Руссо въ одномъ мѣстѣ его *Эмиля*, грозила не одной Франціи, но и всей Европѣ [2],—эту революцію, какъ неизбѣжный результатъ положенія церкви, возвѣстилъ также одинъ священникъ съ высоты церковной коѳедры. «Въ королевствѣ, гдѣ скипетръ и кадило безпрерывно сталкиваются, вскричалъ онъ, рано или поздно вспыхнетъ революція. Кризисъ очень великъ и *революція очень близка* [3].

[1]. Barbier, VIII, 88 (іюль 1763).

[2]. Приводимъ это, хорошо извѣстное, мѣсто, въ которомъ очень многіе видѣли только простое выраженіе дѣйствительности: «Мы приближаемся къ состоянію кризиса и къ вѣку революцій. Я считаю невозможнымъ, чтобъ еще долго могли удержаться великія европейскія монархіи».

[3]. Эти слова были сказаны 20 іюля 1763 г. въ церкви св. Маргариты, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Священникъ, произнесшій ихъ, былъ подвергнутъ отвѣтственности приговоромъ Шателэ. По всему Парижу были распространены копіи этой рѣчи. Barbier, VIII, 90.—По странному совпаденію почти въ тотъ самый моментъ, когда слово революція было въ первый разъ публично произнесено, была воздвигнута конная статуя Людовика XV на томъ мѣстѣ, которое тридцать лѣтъ спустя должно было называться «площадью революціи». La Gazette de France, *офиціальный органъ* того времени, сообщала, что это открытіе было привѣтствуемо «большими выраженіями радости безчисленнаго народа»; но въ дѣйствительности не было ничего подобнаго, а нѣсколько дней спустя послѣ церемоніи пьедесталъ статуи былъ покрытъ возмутительными плакардами и оскорбительными надписями. Bachaumont, I, 263.—Barbier, VIII, 78, 81.

Возбужденіе, вызванное эдиктами, распространилось изъ Парижа на провинціи. Руанскій парламентъ не ограничился отказомъ зарегистрировать ихъ, но потребовалъ отъ короля «присылки ему свѣдѣній о доходахъ и долгахъ королевства, чтобы имѣть возможность найти необходимое лѣкарство [1]». Другіе парламенты постановили такіе же отказы и также желали ознакомиться съ финансовыми отчетами, утверждая, что если король господинъ въ правѣ расходовать средства для поддержанія государства и величія престола, то онъ не долженъ расточать ихъ на безполезныя пенсіи и «обогащать придворныхъ *на счетъ способовъ существованія своего народа* [2]. Бордосскій парламентъ по поводу тѣхъ же эдиктовъ заговорилъ о концѣ монархіи и паденіи имперіи [3]. Всѣ они составили ремонтрансы или сдѣлали постановленія, которыя распорядились напечатать и распространить; въ нихъ стремленіе пользоваться законодательною властью или покрайней мѣрѣ раздѣлять ее съ королемъ выражалось совершенно открыто. Руанскій парламентъ заявилъ, что наступило время положить границы безпорядочному управленію, «подъ тяжестью котораго стонетъ весь народъ», что онъ отказывается содѣйствовать своею преступною уступчивостью «разоренію страны и торжеству притѣснителей» общества и что магистраты, *участвующіе въ законодательной дѣятельности*, «вовсе не призваны для удостовѣренія королевскихъ эдиктовъ посредствомъ слѣпаго одобренія ихъ [4]». Онъ потребовалъ отъ короля

[1] Barbier, VIII, 91.

[2]. Id., VIII, 192 (сентябрь 1763 г.).

[3]. Ремонтрансы бордоскаго парламента, говоритъ Барбье, начинались смѣлою и угрожающею фразою: «Надлежитъ представить королю: 1-е, что бываетъ моментъ, котораго государства не должны оставлять безъ вниманія, имѣя воспоминаніе о своемъ прошедшемъ,— моментъ, который ускоряетъ ихъ паденіе, и парламентъ такого государства подготовитъ такой гибельный моментъ для Франціи, зарегистрировавъ эдикты, и т. д...» Barbier, VIII, 100 (августъ 1763 г.).

[4]. Barbier, VIII, 96.

таблицу государственныхъ долговъ и доходовъ «не въ качествѣ особаго руанскаго парламента, но какъ отдѣленіе общаго парламента, засѣдающее въ Руанѣ [1]». Съ своей стороны парижскій парламентъ, расширяя смѣлый принципъ единства парламентовъ, доказывалъ, что эдиктъ подлежитъ исполненію только при томъ условіи, если онъ зарегистрированъ добровольно и при томъ не имъ однимъ, но *всѣми* парламентами королевства [2]. Такими непрестанными и становящимися все смѣлѣе требованіями магистраты болѣе и болѣе подготовляли пути для революціи, хотя сами думали, что остаются въ предѣлахъ политическихъ традицій Франціи.

Людовикъ XV, только что подписавшій мирный договоръ съ Англіей [3], считалъ свое положеніе укрѣпившимся и потому рѣшился не уступать. Онъ кассировалъ постановленія парламентовъ, напомнилъ магистратамъ, что опубликованіе ремонтрансовъ противно установленнымъ въ королевствѣ правиламъ и запретилъ печатать ихъ на будущее время [4], распространивъ это запрещеніе и всѣ ранѣе этого опубликованные представленія [5]. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ всѣмъ начальникамъ провинцій заставить *военною силою* зарегистрировать издан-

[1]. Barbier, VIII, 91.

[2]. Id., VIII, 87.

[3]. Объ этомъ мирѣ было сообщено парижскому населенію въ іюнѣ 1763 г.

[4]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 2 сентября 1763. Ср. Barbier, VIII, 101.

[5]. Постановленіе Государственнаго Совѣта 27 августа 1763 г., воспрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Remontrances du parlement séant à Rouen, au Roi, au sujet de l'édit et de la Déclaration du mois d'avril dernier.*—Id., отъ 2 сентября 1763 г., воспрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Extrait des registres du parlement de Bordeaux du 19 août 1763.*—Id., отъ 15 сентября 1763, кассирующее постановленіе парламента въ Дофине отъ 6 того же сентября и его публикацію.—Id., отъ 19 сентября 1763, которымъ кассируется и уничтожается постановленіе Тулузскаго парламента отъ 14 сентября 1763 г.

ные имъ эдикты [1]. Этотъ приказъ былъ выполненъ съ большею строгостью. Въ нѣкоторыхъ городахъ «храмъ правосудія» былъ окруженъ солдатами, въ другихъ магистраты были подвергнуты аресту у себя на дому, въ нѣкоторыхъ офицеры вошли въ зданіе съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукахъ. Магистраты отвѣчали на это присужденіемъ начальниковъ къ аресту [2]. Восемьдесятъ членовъ руанскаго парламента подали въ отставку. Парижскій парламентъ протестовалъ отъ имени всѣхъ парламентовъ королевства; онъ сдѣлалъ представленіе королю, что вводя свои эдикты силою оружія, онъ низводитъ націю «въ унизительное положеніе порабощеннаго народа»; что подданные «короля французовъ» суть *люди свободные, а не рабы*; что употребленіе оружія законно только противъ внѣшняго врага; что акты насилія надъ магистратами, особа которыхъ «священна и неприкосновенна», могутъ поколебать самый престолъ и что поддерживать авторитетъ правительства силою значитъ учить народъ, что оно можетъ быть ниспровергнуто силою же [3].—Броженіе, охватившее парламенты, грозило распространиться на весь народъ и испуганное министерство ослабило свои требованія. Эдикты были измѣнены; магистраты были увѣдомлены, что король по своему милосердію соблаговолилъ забыть ихъ сопротивленіе; парламенты, счетныя и палаты и палаты косвенныхъ налоговъ приглашались сообщить свои мнѣнія относительно улучшеній, которыя необходимы въ управленіи финансами. Въ особой деклараціи король обѣщалъ реформу своихъ расходовъ и

[1]. Barbier, VIII, 103, 105, 112 (октябрь—ноябрь 1763).

[2]. Id., VIII, 123, 126 (декабрь 1763).

[3]. См. ремонтрансы парижскаго парламента по поводу насилій надъ магистратами многихъ верховныхъ палатъ королевства. *Gazette d'Amsterdam,* 20, 24, 27 и 31 января 1764 г. См. также ремонтрансы того же парламента относительно притѣсненій многихъ отдѣловъ верховныхъ палатъ, особенно Тулузской, герцогомъ Фицъ-Джемсомъ. Ibid., 3, 7, 10 и 14 февраля 1764 г.

наконецъ предписывалось абсолютное молчаніе относительно всего происшедшаго [1].

Вопросъ о налогахъ вызвалъ массу брошюръ. Подобно тому, какъ дѣло іезуитовъ и *Эмиль* породили много сочиненій о воспитаніи, теперь появилось безчисленное число произведеній по вопросамъ финансовъ и управленія. Конечно не всѣ онѣ заслуживали одинаковаго вниманія. Гриммъ утверждалъ, что большая часть ихъ «была достойна сожалѣнія по своему ничтожеству и ребячеству [2]». Вольтеръ писалъ, что онъ усталъ отъ людей, «которые управляли государствомъ изъ глубины своихъ амбаровъ,» а по поводу *Antifinancier*'а, въ которомъ съ большею энергіею были обрисованы бѣдствія народа и «вымогательства дѣльцовъ»,—онъ признавалъ, что автору, какъ и всѣмъ философамъ, «очень удалось разрушить всѣ системы своихъ противниковъ, но не установить лучшія [3]». Правительство относилось къ этимъ различнымъ сочиненіямъ съ другой точки зрѣнія; оно думало, что онѣ могутъ поддерживать въ умахъ мятежное возбужденіе, а потому декларацією отъ 28 марта 1764 г. запретило на будущее время печатать чтобы то ни было относительно вопросовъ о государствѣ и финансахъ [4]. Правда, эта декларація соблюдалась не лучше, чѣмъ подобныя же декларации, издававшіяся раньше по поводу Unigenitus. Начинали смѣяться надъ этими приказами о молчаніи, которыми такъ злоупотребляло министерство [5]. Но какъ ни были плохи всѣ эти многочисленныя сочиненія, онѣ тѣмъ не менѣе являлись знаменательнымъ признакомъ.

[1]. Декларація отъ 21 января 1764 г. См. *Gazette de France* отъ 30 января. См. декларацію отъ 21 ноября 1763 г. и у Barbier, VIII, 113, 114. Излишне говорить, что не смотря на обѣщанія короля и на записки, потребованныя отъ верховныхъ палатъ, ничего не было измѣнено въ порядкѣ управленія финансами.

[2]. Grimm, III, 239.

[3]. Voltaire, *Corresp. gén.*, IX, 100, 157.

[4]. Isambert, XXII, 400, 401.

[5]. Bachaumont, II, 43.

«Какъ изъ собранія многихъ врачей, замѣчаетъ Гриммъ, можно заключить о плохомъ состояніи больного, такъ изъ того, что теперь рѣшительно всѣ стремятся высказать свое мнѣніе, слѣдуетъ думать, что данный моментъ представляетъ собою *агонію* [1]». Нѣсколько дней спустя послѣ вышесказанной декларации, Вольтеръ, указывая на общее и ускоренное движеніе, захватывавшее умы по всѣмъ вопросамъ, написалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ слѣдующія, ставшія знаменитыми, строки: «Все, что я вижу, *спѣетъ смѣна революціи, которая неминуемо произойдетъ* и быть свидѣтелемъ которой я не буду имѣть удовольствія. Французы всюду приходятъ поздно, но все таки въ концѣ концовъ приходятъ. Свѣтъ очень быстро распространяется все далѣе и далѣе, такъ что при первой возможности все освѣтится и тогда произойдетъ хорошая возня. Счастливы молодые люди: они увидятъ прекрасныя вещи [2]».

Пользуясь сильнымъ волненіемъ, вызваннымъ эдиктами, парижскій архіепископъ попытался возобновить борьбу по дѣлу іезуитовъ. Онъ опубликовалъ пастырское наставленіе, въ которомъ, сравнивая злобу, съ которою преслѣдовался этотъ монашескій орденъ, съ «ожесточеніемъ всѣхъ народовъ противъ Іерусалима», старался доказать, что упреки, дѣлаемые этому обществу за его ученіе не имѣли законнаго основанія; затѣмъ утверждалъ, что «les Extraits des assertions dangereuses» составлены на столько же пристрастно, какъ и невѣрно, и что магистраты въ своихъ приговорахъ сдѣлали дерзкое покушеніе на юрисдикцію церкви [3]. Парламентъ осудилъ это сочиненіе на сожженіе [4] и потребовалъ отъ короля, чтобы онъ наказалъ

[2]. Grimm, III, 285.

[3]. Voltaire, *Corresp. gén.*, IX, 256 (2 апрѣля 1764 г.).

[4]. *Instruction pastorale de Mgr l'archevêque de Paris sur les atteintes données à l'autorité de l'Eglise par les jugements des tribunaux séculiers dans l'affaire de Jésuites.* 182 стр. въ 2 столбца. 28 октября 1763. Ср. Barbier, VIII, 127.

[5]. Постановленіе парламента отъ 21 января 1764 г., осуждаю-

«неисправимаго» прелата. Король, опасавшійся, чтобъ парламентъ самъ не взялъ на себя самого инициативу въ примѣненіи строгихъ мѣръ, приказалъ архіепископу удалиться на нѣкоторое время на сорокъ льё отъ Парижа [1]. За этимъ пастырскимъ наставленіемъ послѣдовали другія брошюры или составленныя въ томъ же духѣ или представлявшія горячій комментарій къ наставленію. Всѣ онѣ были осуждены на сожженіе [2]. Было также сожжено пастырское письмо епископа лангрскаго, одно сочиненіе котораго уже разъ испытало такую же участь, и онъ «считалъ себя прославленнымъ во имя Божіе», претерпѣвъ такое безчестіе [3]. Равнымъ образомъ сожгли посланіе епископа аміенскаго, въ которомъ говорилось, что права епископата топчутся ногами, а духовенство приведено «въ рабство»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ большою силою протестовалъ противъ мѣры, принятой относительно наставленія парижскаго архіепископа, «въ которомъ, писалъ онъ, все дышетъ самою мудрою и чистою ревностью, тогда какъ самыя нечестивыя книги печатались безъ малѣйшаго риска и открыто продавались [4]». Наконецъ было сожжено пастырш

ее на сожженіе печатное произведеніе, озаглавленное *Instruction pastorale de M. l'archevêque de Paris.*

[4]. Hardy, рукописи Bibl. nat., I, f° 3. Король приказалъ прелату отправиться въ аббатство Сетъ-Фонъ (Отенской епархіи); но послѣдній испросилъ разрѣшеніе ѣхать въ Траппъ (епархія Сеецкая). Архіепископъ подъ предлогомъ болѣзни возвратился въ Парижъ въ слѣдующемъ сентябрѣ. Ibid., f° 8.

[1]. Постановленіе парламента 22 февраля 1764 г., осуждающее на сожженіе четыре печатныя произведенія, озаглавленныя: первое—*Lettre d'un docteur de Sorbonne à M. l'évêque de* ***; второе—*Il est temps de parler*; третье—*Tout se dira, ou l'Esprit des magistrats destructeurs*; послѣднее—*Examen de mandement portant condamnation de trois parties de l'Histoire du peuple de Dieu.*

[2]. Постановленіе парламента 3 марта 1764 г., осуждающее на сожженіе произведеніе, озаглавленное: *Lettre pastorale de Mgr l'évêque de Langres au clergé séculier et regulier de son diocèse.*

[3]. Постановленіе парламента отъ 9 марта 1764 г., осуждающее на сожженіе произведеніе, озаглавленное: *Adhésion de M. l'évêque d'Amiens à l'Instruction pastorale de M. l'archevêque de Paris.*

ское письмо архіепископа ошскаго, въ которомъ уничтоженіе іезуитовъ представлялось, какъ первый «тріумфъ враговъ церкви», вполнѣ ясная цѣль которыхъ «ниспровергнуть царство самого Іисуса Христа [1]».

Въ свою очередь, поддерживая посланія епископовъ авторитетомъ своихъ словъ, папа также высказался по вопросу объ іезуитахъ и издалъ два бреве, въ которыхъ ихъ дѣло обобщалъ съ вопросомъ о религіи. Парламентъ распорядился объ уничтоженіи обѣихъ папскихъ грамотъ и возобновилъ запрещеніе объявленія въ королевствѣ вообще всякаго акта римскаго двора безъ особаго на то разрѣшенія. «Развѣ для Рима *іезуиты, религія и католическая вѣра* суть синонимы?» сказалъ по этому случаю королевскій адвокатъ; «для блага религіи и ради достоинства св. престола мы не можемъ думать этого [2]». Эти взаимныя обвиненія имѣли только тотъ результатъ, что ускорили полное уничтоженіе іезуитовъ: въ ноябрѣ 1764 г. Людовикъ XV посредствомъ особаго эдикта объявилъ наконецъ общество іезуитовъ уничтоженнымъ въ предѣлахъ всего королевства [3]. Напрасно сторонники ихъ пытались склонить умы на ихъ сторону посредствомъ ввозимыхъ изъ заграницы листковъ [4]; —опираясь на авторитетъ короля, парламентъ не давалъ пощады защитникамъ іезуитовъ. Высказываясь противъ новаго бреве папы, онъ рѣшился указать, что если римскій дворъ будетъ продолжать возбуждать агитацію, то можетъ вызвать непріязненныя дѣйствія со стороны

[4]. Постановленіе Тулузскаго парламента отъ 9 апрѣля 1764, осуждающее на сожженіе два печатныхъ произведенія, озаглавленныя: одно—*Instruction pastorale de M. l'archevêque de Paris* и другое—*Lettre pastorale de M. l'archevêque d'Auch.*

[1]. Постановленіе парламента отъ 1 іюня 1764 г., запрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Brefs de N. S. P. le Pape Clément XIII au roi de Pologne et à l'archevêque de Paris.*

[2]. Isambert, XXII, 424.

[3]. Постановленіе парламента отъ 15 февраля 1765 г., осуждающее на сожженіе листокъ, озаглавленный *Lettre d'un chevalier de Malte à M l'évêque de* ***.

Франціи и его происки не останутся безнаказанными [1]. Парламентъ обнаружилъ даже безпримѣрную до тѣхъ поръ смѣлость: онъ осудилъ на сожженіе актъ, исходившій отъ святаго престола, и палачъ сжегъ его всенародно на эшафотѣ, воздвигнутомъ посреди̇нѣ одной изъ городскихъ площадей [2].

Одновременно съ парламентами, наносившими іезуитамъ послѣдніе удары, отдававшіеся даже на самомъ папствѣ, энциклопедисты продолжали свою пропаганду. Изъ Фернея послѣдовательно одно за другимъ выходили: *Катехизисъ честнаго человѣка, Изслѣдованіе религій* и *Философскій словарь*. Для борьбы, которую велъ Вольтеръ, онъ считалъ большія сочиненія слишкомъ тяжеловѣснымъ оружіемъ; онъ предпочиталъ «маленькія книжечки», распространять которыя было гораздо легче и которыхъ не продавали, а передавали надежнымъ людямъ, которые уже раздавали ихъ молодымъ людямъ и женщинамъ [3]. Продолжая отрекаться отъ своихъ сочиненій, «патріархъ» постоянно убѣждалъ «вѣрныхъ» слѣдовать его примѣру. «Мнѣ-бы хотѣлось, говорилъ онъ, чтобы каждый братъ ежегодно пускалъ изъ своего колчана стрѣлы въ чудовище и притомъ такъ, чтобы оно не знало какая рука наноситъ удары... Не слѣдуетъ ничего выпускать подъ своимъ име-

[1]. Постановленіе парламента отъ 11 февраля 1765 г., воспрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Bref de N. S. P. le Pape à Nosseigneurs les évêques de Grenoble, d'Alais et d'Angers.*— Другое постановленіе отъ того же числа, запрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Sanctissimi in Christe patris et domini nostri domini Clementis Papae XIII Constitutio qua Institutum Societatis Jesu denuo approbatur.*

[2]. Постановленіе парламента въ Э отъ 26 января 1765 г., осуждающее на сожженіе два печатныхъ произведенія, одно: *Bref de N. S. P. le Pape Clément XIII à M. l'évêque d'Alais* и другое – *Lettre de M. l'archevêque d'Aix à M. l'évêque d'Alais.* Въ концѣ приговора говорится: «Сказанныя печатныя произведенія... были разорваны и сожжены палачемъ на эшафотѣ, воздвигнутомъ на площади, называемой place des Prêcheurs, и т. д.»

[3]. Voltaire, *Corresp. gén.*, IX, 91.

немъ. Я,—я даже не писалъ Pucelle; я скажу метру Жоли де Флери, что это онъ ее сочинилъ [1]». Въ пылу своего одушевленія, онъ хотѣлъ, чтобы всѣ философы служили вмѣстѣ съ нимъ одному дѣлу. Онъ жаловался, что *братья* дѣйствуютъ отдѣльно, что они разбросаны [2] и называлъ Руссо измѣнникомъ, Іудою [3]. «Если бы вы не были мужемъ и отцомъ, писалъ онъ одному изъ нихъ, я бы вамъ сказалъ: Vende omnia quae habes, et sequere me [4].» Онъ старался создать не столько партію, сколько своего рода церковь [5], апостолы которой были бы врагами фанатизма и суевѣрія. Когда онъ узналъ, что его *Трактатъ о терпимости* распространился по всему королевству и читается даже при дворѣ г-жею де Помпадуръ и нѣкоторыми министрами, когда убѣдился, что Государственный Совѣтъ кассируетъ приговоръ, произнесенный тулузскимъ парламентомъ противъ несчастнаго Каласа, онъ испытывалъ священную радость человѣка, провозгласившаго на землѣ новый догматъ. «Богъ благословляетъ нашу нарождающуюся церковь, вскричалъ онъ; пелены падаютъ съ глазъ; царство истины близко [6]».

Какъ ни заботился Вольтеръ о своей безопасности, онъ все же не избѣжалъ направленныхъ противъ него ударовъ. Въ декабрѣ 1764 г. была пущена «бомба» по его адресу. Le Sermon des cinquante, le Testament du curé Meslier, l'Examen de la religion, le Dictionnaire philosophique,—всѣ эти сочиненія были публично сожжены въ Гаагѣ. «Я очень опасаюсь, писалъ патріархъ, чтобъ

[1]. Voltaire, *Corresp. gén.*, IX, 394, 435 (августъ—октябрь 1764).

[2]. Id., ibid., IX, 264 (апрѣль 1764 г.).

[3]. Id., ibid., IX, 364; X, 229.

[4]. Id., ibid., IX, 96.

[5]. «Обратимся съ общими молитвами ко святому Зенону, св. Эпикуру, св. Марку-Антонію, св. Эпиктету, св. Байлю и ко всѣмъ святымъ нашего рая». Voltaire, *Corresp. gén.*, IX, 307 (май 1764 г.) Ср. VIII, 149 и слѣд.

[6]. Id., ibid., IX, 173, 339. 364.

Омеръ не проснулся отъ треска бомбы [1]». И дѣйствительно, онъ проснулся. 19 марта 1765 г. *Философскій словарь* былъ осужденъ парламентомъ на сожженіе вмѣстѣ съ *Письмами съ горы* Руссо [2]. Въ своемъ реквизиторіи Жоли де Флери особенно нападалъ на *Философскій словарь;* онъ удивлялся, что «въ царствованіе государя, постоянно стремящагося укрѣпить въ сердцѣ своихъ подданныхъ ученіе и чистоту нравственности», осмѣливались такими путями вливать ядъ распущенности и невѣрія. «Тайны, догматы, нравственность, воспитаніе, культъ, истина религіи, божеская и человѣческая власть,— все это, восклицалъ онъ, подвергается осмѣянію подъ святотатственнымъ перомъ этого автора, почитающаго свою славу въ томъ, чтобъ ставить себя въ рядъ животныхъ, низводя человѣка на уровень послѣднихъ [3]». Вольтеръ, которому уже съ 1759 г. доставляло удовольствіе всячески оскорблять магистрата, краснорѣчіе котораго онъ сравнивалъ съ кваканіемъ жабы [4], объявилъ его «позоромъ парижскаго парламента [5]» и продолжалъ свою проповѣдь. Въ то время, когда въ Парижѣ сжи-

[1]. Voltaire *Carresp. gén.*, ibid., IX, 522.

[2]. Постановленіе парламента отъ 19 марта 1765 г., осуждающее на сожженіе двѣ брошюры, озаглавленныя: одна —*Dictionnaire philosophique portatif,* а другое—*Lettres écrites de la Montagne, par Jean Jacques Rousseau*, première et seconde partie.

[3]. Парламентъ, говоритъ Башомонъ по этому случаю, наконецъ оказалъ *Философскому словарю* и *Письмамъ съ горы* честь сожженія; къ несчастью онъ присоединилъ ихъ къ тремъ ничтожнымъ и фанатическимъ листкамъ, которые обезображиваютъ этотъ апоѳеозъ». II. 192 Эти три листка были написаны въ пользу іезуитовъ. Въ одномъ изъ нихъ этотъ монашескій орденъ изображался, какъ «передовая стража» церкви, принесенная въ жертву парламентами, «чтобъ сдѣлаться хозяевами положенія». См. постановленіе парламента отъ 19 марта 1765 г., осуждающее на сожженіе три листка, озаглавленныя: одинъ—*Avis important adressé à NN. SS. les cardinaux, etc.*, другой—*Lettre d'un cosmopolite* и третій—*Réflexions impartiales d'un Français papiste et royaliste.*

[4]. Voltaire, *Corresp. gén.*, VII, 398 и слѣд.

[5]. Id., ibid., X, 160.

гали его *Философскій словарь*, онъ возвѣстилъ объ отправкѣ «двухъ пакетовъ крысинаго яда», предназначеннаго «вызвать колики у этого подлеца [1]». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ выпустилъ *Вопросы о чудесахъ и Философію исторіи*, представлявшую жестокую сатиру на Ветхій Завѣтъ, въ которой «народъ Божій» былъ представленъ, «какъ самый глупый, отталкивающій и отвратительный народъ на землѣ [2]».

Парламенту пришлось бы много трудиться, еслибъ онъ захотѣлъ высказываться противъ всѣхъ сочиненій, въ которыхъ дѣлались нападки на религію; поэтому онъ осуждалъ или наиболѣе смѣлыя изъ нихъ или получавшія большую извѣстность. Кромѣ того, сочиненія, напечатанныя заграницею и не продававшіяся въ парижскихъ магазинахъ, что было довольно обычно для такого рода произведеній,—не были ему подвѣдомственны, а подлежали вѣденію полиціи. Послѣдняя преслѣдовала ихъ на столько хорошо, что по словамъ Гримма, въ Парижѣ скоро будетъ также трудно найти философскія книги, какъ въ Константинополѣ [3]. Тѣмъ не менѣе эти книги ходили по рукамъ. Философы такъ же, какъ это дѣлали янсенисты, имѣли тайныхъ сторонниковъ не только среди магистратовъ, но даже и среди полиціи. Секретарь начальника полиціи принадлежалъ къ *братьямъ* [4]. Само дворянство, способное болѣе сочувствовать таланту, чѣмъ относиться почтительно къ установленному ученію, считало за честь покровительствовать этимъ сочиненіямъ. Знаки уваженія, оказываемые иностранными государями [5], служили

[1]. Voltaire, *Corresp, gén.*, X, 58.

[2]. Grimm, IV, 253—259 (май 1765 г.). Ср. Bachaumont, II, 262 (августъ 1765 г.).

[3]. Id., IV, 153.

[4]. Voltaire, *Corresp. gén.*, IX, 427, 429; X, 379 и другія. Фамилія это секретаря была Марэнъ; начальникомъ полиціи былъ де Сартинъ, владѣлецъ книжнаго магазина. Bauchaumont, I, 333.

[5]. Въ мартѣ 1765 г. императрица Екатерина II купила библіотеку

также ихъ защитою. Власти не рѣшались дѣйствовать со всею строгостью съ людьми, которымъ писалъ собственноручныя письма король прусскій, или съ тѣми, которыхъ русская императрица осыпала своими милостями.

Понятно, что епископы были обезпокоены этою горячею пропагандою. Въ августѣ 1765 г. общее собраніе духовенства издало извлеченіе изъ своихъ протоколовъ, въ которыхъ выразило свою тревогу [1]. Это былъ первый случай протеста высшаго духовенства противъ произведеній философовъ. Въ первый разъ, соединяя съ религіознымъ вопросомъ вопросъ политическій, оно указывало, что отъ смѣлости мысли обществу грозитъ опасность въ двоякомъ направленіи. «Множество дерзкихъ писателей, говорило оно, топчетъ ногами божескіе и человѣческіе законы. Наиболѣе священныя истины помрачены, принципы монархіи поколеблены. Ничего не уважается, какъ въ гражданской, такъ и въ духовной сферѣ. Величіе Верховнаго Существа и королей подверглось поношенію.... и нельзя скрывать отъ себя, что въ отношеніи вѣры, нравовъ и даже государственнаго порядка, *духъ вѣка грозитъ революціею, предвѣщающею со всѣхъ сторонъ уничтоженіе и всеобщее разрушеніе*». За этимъ вступленіемъ, которое можно считать первымъ указаніемъ на революцію, сдѣланнымъ въ документѣ, имѣющемъ общественный характеръ, слѣдовало осужденіе in globo всѣхъ недавно вышедшихъ книгъ противъ религіи и особенно сочиненій Гельвеція, Дидро, Вольтера и Руссо [2]. Это значило однимъ почеркомъ пера уничтожить «всю

Дидро за 15,000 ливровъ, съ условіемъ, что она остается на его сохраненіи.—Grimm, IV, 252.

[1]. *Actes de l'assemblée générale du clergé de France sur la religion* Paris, 1765. Эти акты, подписанные тридцатью двумя архіепископами и епископами и тридцатью шестью духовными лицами второго класса, помѣчены 22 августа.

[2]. Книги: *de l'Esprit, l'Encyclopedie, l'Émile, le Contrat social, les Lettres de la Montagne, l'Essai sur l'histoire générale, le Dictionnaire phitosophique, la Ppilosophie de l'histoire, l'Analyse de Bayle* и т. д.

современную французскую литературу [1].» Даже парламентъ не склонялся къ такой цензуры и не вполнѣ одобрилъ ее. Онъ упрекнулъ епископовъ въ томъ, что они ничего не сказали о скандалахъ, вызывавшихся такъ долго іезуитами и ихъ сторонниками, и далъ понять, что если религія въ настоящее время подвергается нападкамъ философовъ, то это происходитъ отъ того, что люди, на обязанности которыхъ было преподавать и защищать ее, сдѣлали своимъ поведеніемъ все, чтобы уничтожить ея значеніе [2].

Ни въ глазахъ парламента, ни въ глазахъ епископовъ это осужденіе не было самымъ важнымъ пунктомъ манифеста, изданнаго собраніемъ духовенства. И въ самомъ дѣлѣ оно занимаетъ въ немъ четыре или пять первыхъ страницъ. Оно предшествуетъ длинному *Изложенію правъ духовной власти*, въ которомъ прелаты возобновляли требованія полной независимости духовнаго вѣдомства во всѣхъ «дѣлахъ божіихъ» и въ особенности относительно совершенія таинствъ. Затѣмъ слѣдовала *Декларація о буллѣ Unigenitus*. Въ этой декларации духовенство настаивало, что булла была «догматическимъ сужденіемъ всемірной церкви», что «неповинующіеся этому декрету» не могли пользоваться таинствами и «что таковымъ должно быть отказываемо въ нихъ, такъ же публично, какъ всякимъ другимъ публичнымъ грѣшникамъ». Это значило вновь возбудить всѣ старыя распри изъ за янсенизма. Епископы не удовольствовались выпускомъ въ свѣтъ такого результата своихъ совѣщаній, но реймскій архіепископъ въ качествѣ представителя собранія обратился ко всѣмъ прелатамъ королевства съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ онъ приглашалъ ихъ присоединиться къ *Актамъ* собранія, говоря, «что такое согласіе всѣхъ епископовъ Фран-

[1]. Bachaumont, II, 270.

[2]. *Discours d'un de messieurs des enquêtes au Parlement, chambres assemblées, sur un imprimé ayant pour titre*: Actes des l'assemblée générale du clergé. *Du 4 septembre 1765.*

щи послужитъ радостью для церкви и утѣшеніемъ для народовъ». Въ сущности это соглашеніе втайнѣ вырабатывалось со времени послѣдняго пастырскаго наставленія парижскаго архіепископа [1], пытавшагося снова поднять вопросъ о таинствахъ. Въ то самое время, когда печатались *Акты собранія духовенства*, этотъ прелатъ отказалъ въ причастіи одной монахинѣ монастыря урсулинокъ въ Сенъ-Клу, потребовавшей передъ смертью утѣшенія церкви. Обманувъ надзоръ, которому она была подвергнута, больной удалось довести свои жалобы до свѣдѣнія парламента. По требованію магистратовъ къ умирающей для совершенія таинства отправился священникъ изъ капитула въ Сенъ-Клу, но настоятельница, получившая съ своей стороны приказанія отъ архіепископа, отказалась отворить ворота. Пришлось употребить силу и священникъ принесъ Дары въ сопровожденіи начальника полиціи и двухъ чиновниковъ парламента, тогда какъ сосѣднія улицы были заняты стражею среди волнующагося народа [2].

Никто не сомнѣвался, что эти новыя интриги были дѣломъ іезуитовъ. Парламентъ поспѣшилъ принять строгія мѣры; онъ объявилъ, что епископы въ своихъ постановленіяхъ превысили свои полномочія и особымъ постановленіемъ запретилъ *Акты собранія духовенства* [3]. На

[1]. Постановленіе парламента отъ 7 сентября 1765, запрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Instruction pastorale de Nosseigneurs les archevêques et évêques de la province de Tours sur les atteintes données a la puissance spirituelle.* На этомъ сочиненіи значилось: «Дано въ Турѣ, въ нашемъ провинціальномъ собраніи, 30 апрѣля 1765». Оно было подписано турскимъ архіепископомъ и шестью епископами и подкрѣплено присоединеніемъ къ нему еще четырехъ другихъ прелатовъ.

[2]. Hardy, т. I, 15 (25 августа 1765 г.).

[3]. Постановленіе парламента отъ 4 сентября 1765, запрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Actes de l'assemblée générale du clergé de France se la religion.* «Палата въ полномъ собраніи всѣхъ камеръ, говорится въ приговорѣ, объявила и объявляетъ сказанные Акты не имѣющими силы, какъ составленные не компетентно, какъ пре-

слѣдующій день, другимъ декретомъ, онъ распорядился сжечь циркуляры реймскаго архіепископа [1]. Епископы принесли жалобу Людовику XV. Король, желавшій въ это время получить субсидію отъ духовенства, кассировалъ оба декрета [2]. Поощренные этимъ доказательствомъ благосклонности, епископы распространили по своимъ епархіямъ запрещенные *Акты*; они сообщали объ нихъ съ кафедры и дѣлали изъ нихъ предметъ пастырскихъ наставленій. Нѣкоторые епископы объявили ихъ *догматомъ вѣры*, отвергать который значитъ подвергаться отлученію [3]. Во многихъ епархіяхъ экземпляры *Актовъ* раздавались приходскимъ и другимъ священникамъ, по всѣмъ монастырямъ, включая и женскіе [4]. Стали собирать подписи и пытались вовлечь въ «лигу» духовныхъ лицъ низшаго ранга [5]. Въ то же время ходили по рукамъ листки, въ

вышающіе полномочія собраній, исключительно экономическаго характера, и касающіеся предметовъ, обсуждать которые сказанные собранія не могли безъ позволенія короля, и какъ покушающіеся на законы королевства, особенно же на декларації отъ 2 сентября 1754 г. и 10 декабря 1756 г.»

[1]. Постановленіе парламента 5 сентября 1765 г., осуждающее на сожженіе произведеніе, напечатанное на двухъ листкахъ in 4^0, начинающееся словами: *A Paris, ce 27 août 1765* и оканчивающееся словами *Ad tribunal Domini fidenti animo sistemus.*

[2]. Постановленіемъ Совѣта 15 сентября 1765. *Gazette d'Amsterdam*, 22 сентября и 1 октября 1765 г.

[3]. *Gazette d'Amsterdam,* 12 и 19 нояря 1765. Нѣкоторые прелаты отказались присоединиться къ этому движенію. Ліонскій архіепископъ писалъ королю, что декларація 2 сентября 1754 была законна и справедлива и что отказы въ причастіи противны любви къ ближнему. Ibid.

[4]. Постановленіе Прованскаго парламента отъ 30 октября 1765 г. относительно *Актовъ общаго собранія духовенства.*

[5]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 16 ноября 1765 г., воспрещающее печатныя произведенія подъ заглавіями *Observations, Mémoires, Remontrances* и т. д. отъ имени приходскихъ священниковъ, какъ одного города или епархіи, такъ и многихъ епархій.—Ср. Приговоръ суда въ Шони 20 февраля 1766 г., осуждающій такъ называемую декларацію приходскихъ священниковъ деканства Шони по предмету Актовъ духовенства.

которыхъ говорилось, что магистраты «стремились къ ниспроверженію трона и алтаря [1]», тогда какъ въ другихъ сочиненіяхъ требовали возстановленія іезуитовъ [2]. Боясь возобновленія безпорядковъ, такъ глубоко взволновавшихъ королевство, парламентъ издалъ постановленіе воспрещавшее присоединеніе къ *Актамъ* собранія духовенства, и распорядился выставить его во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему городахъ [3]. Правительство также обезпокоилось и съ своей стороны издало 24 мая 1768 г. постановленіе Совѣта, въ которомъ приказывало соблюденіе правилъ галликанской церкви, установленныхъ въ 1682 г., опредѣляло границы двухъ властей и напоминало о декларации 1731 г., предписавшей абсолютное молчаніе по этимъ вопросамъ [4]. Въ это же самое время возникли затрудненія, хотя и на другой почвѣ, но послѣдствій которыхъ правительство также должно было опасаться. Вслѣдствіе столкновенія между бретанскимъ парламентомъ и министерствомъ по поводу исполненія послѣднихъ эдиктовъ, касавшихся денежныхъ повинностей, всѣ члены этого парламента подали въ отставку [5]. По распоряженію короля шесть наиболѣе компрометированныхъ магистратовъ и въ числѣ ихъ генеральный прокуроръ Ла-Шалоте, знаменитый своимъ *Отчетомъ* объ организаціи іезуитовъ, — были арестованы и заклю-

[1]. Постановленіе парламента отъ 15 апрѣля 1766 г., осуждающее на сожженіе листокъ, озаглавленный *Monitoire à publier dans la capitale de la Provence.*

[2]. Bachaumont, III, 93.

[3]. Постановленіе парламента 8 іюля 1766 г., осуждающее акты присоединенія къ Актамъ собранія духовенства. Этотъ приговоръ въ 36 страницъ in 4⁰ содержитъ подробныя свѣдѣнія относительно движенія, замѣчавшагося по поводу этого случая въ концѣ 1765 г. и въ началѣ 1766 г.

[4]. Isambert, XXII, 450—455.

[5]. Hardy, I, 12, 13. Эти отставки были поданы 20 мая 1765 г. По этому дѣлу см. *les Etats de Bretagne,* par M. le comte de Carné, т. II, стр. 147 и слѣд., 2 изд. Paris, 1875. Только двѣнадцать магистратовъ воздержались отъ подачи отставки.

чены въ крѣпость. Сверхъ того, три государственныхъ совѣтника и двѣнадцать докладчиковъ были посланы въ Реннъ для веденія процесса противъ арестованныхъ магистратовъ [1]. Парижскій парламентъ протествовалъ энергическимъ постановленіемъ противъ учрежденія трибунала «такого рода, который, какъ тому имѣются многія историческія свидѣтельства, обреченъ на общественное презрѣніе [2]». Правительство было раздражено такимъ протестомъ, въ которомъ не побоялись представить актъ королевской власти, какъ нарушеніе закона. 3 марта 1766 г. Людовикъ XV прибылъ самъ въ парламентъ и приказалъ при себѣ вычеркнуть это постановленіе. Повторивъ въ болѣе рѣзкой формѣ то, что было сказано имъ шесть лѣтъ тому назадъ черезъ посредство канцлера руанскому парламенту [3], онъ указалъ магистратамъ, что это дѣло ихъ не касается. Онъ говорилъ о союзѣ парламентовъ, упрекалъ совѣтниковъ въ непризнаніи правъ короны, въ ихъ стремленіи образовать съ другими палатами королевства нераздѣльное учрежденіе, которое было бы представителемъ народа и раздѣлило бы съ монархомъ право изданія законовъ. «*Только въ одной моей особѣ*, говорилъ онъ, пребываетъ верховная власть; только *отъ меня* существуютъ палаты и пользуются властью; *только мнѣ одному*, безпредѣльно и независимо, принадлежитъ законодательная власть; *весь общественный порядокъ во всемъ его объемѣ исходитъ отъ меня*». Въ заключеніе онъ заявилъ, что если парламенты будутъ продолжать давать «возмутительное зрѣлище соперническаго противодѣйствія его верховной власти», онъ «будетъ вынужденъ къ печальной необходимости, въ видахъ предохраненія своего народа отъ гибельныхъ послѣдствій

[1]. Ноябрь 1765 г. Hardy, I, 19—20. Ср. comte de Carné, *États de Bretagne*, II, 182—186.

[2]. Постановленіе 11 февраля 1766 г.

[3]. См. выше рѣчь короля въ парижскомъ парламентѣ, въ февралѣ 1759 г., по дѣлу безансонскихъ магистратовъ.

подобныхъ затѣй, воспользоваться врученною ему Богомъ властью».

Рѣчь короля, напечатанная въ Gazette de France, была одинаково обращена ко всѣмъ провинціальнымъ парламентамъ и должна была послужить для нихъ руководствомъ [1]. Никогда еще королевская власть не указывала на свои права съ такою рѣзкостью, что означало, что никогда она не чувствовала такъ глубоко своей слабости. Общество видѣло въ этомъ заявленіи «принципы деспотизма, устанавливаемыя съ чрезвычайною смѣлостью надъ естественнымъ правомъ [2]». За то всѣ признавали, что рѣчь составлена такъ хорошо, что, еслибы король не былъ покровителемъ Академіи, то онъ заслуживалъ бы попасть въ нее по единодушному выбору [3]. Однако парламентъ не побоялся возобновить свои ремонтрансы и грозилъ выходомъ въ отставку [4]. Министерство не рѣшилось довести его до крайности и еще разъ пошло на мирное соглашеніе. Комиссары были отозваны изъ Бретани, ренскій парламентъ возстановленъ съ участіемъ нѣкоторыхъ изъ вышедшихъ въ отставку членовъ его и нѣсколькихъ магистратовъ, избрать которыхъ поручено было начальнику провинціи герцогу д'Эгильону [5]; наконецъ былъ прекращенъ процессъ Ла-Шалоте и другихъ обвинявшихся вмѣстѣ съ нимъ и имъ было сообщено, что «его величество, не желая розыскивать виновныхъ», замѣнилъ имъ тюремное заключеніе ссылкою [6].

[1]. Парламентъ жаловался на эту публикацію, но король отвѣтилъ, что онъ желалъ, чтобъ его воля была извѣстна всѣмъ. Hardy, I, 26, 27. Ср. *Gazette d'Amsterdam*, 18 марта 1766.

[2]. Bachaumont, III, 5.

[3]. Id., III, 11.

[4]. Hardy, I, 35 (августъ 1766 г.).

[5]. Этотъ вновь созданный парламентъ, число членовъ котораго вмѣсто ста двадцати, бывшихъ до тѣхъ поръ, было уменьшено до шестидесяти, получилъ въ публикѣ презрительное названіе *bailliage d'Aiguillon*.

[6]. Hardy, I, 39 (декабрь 1766). Въ ноябрѣ король вытребовалъ

Тѣмъ временемъ епископатъ продолжалъ агитацію. Несмотря на запрещеніе парламента и на постановленіе Совѣта отъ 24 мая, присоединенія къ *Актамъ собранія духовенства* не прекращались. Парламентъ запретилъ ихъ новымъ постановленіемъ и рѣшилъ подвергнуть аресту нѣсколькихъ приходскихъ священниковъ, нарушившихъ его запрещеніе [1]. Въ провинціяхъ, парламенты въ Бордо, Э и въ Тулузѣ издали подобные же приказы [2]. Такимъ образомъ между епископами и магистратами или, какъ тогда говорили, «между стихарями и мантіями», война снова разгорѣлась. Съ цѣлью умиротворенія, Людовикъ XV перенесъ въ вѣдѣніе своего Совѣта всѣ пререканія относительно *Актовъ* духовенства и кассировалъ изданныя по этому предмету постановленія парламентовъ [3], но, не добившись этимъ ничего, онъ вызвалъ только неудовольствіе магистратовъ. Новые отказы въ совершеніи таинствъ, имѣвшіе мѣсто въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ королевства, еще болѣе ухудшили положеніе [4]. Парламентъ рѣшился снова прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Въ постановленіи, составленномъ въ январѣ 1767 г., напомнивъ различныя декларации, предписывавшія молчаніе относительно буллы Unigenitus, онъ присудилъ къ аресту или изгнанію многихъ духовныхъ лицъ за отказъ въ совершеніи таинствъ и грозилъ преслѣдованіемъ всѣхъ осужденныхъ по этому поводу въ

себѣ процессъ шести магистратовъ, которые въ силу этого, были переведены въ Бастилію. Здѣсь они получили сообщеніе о своей ссылкѣ. Это дѣло вызвало появленіе разныхъ сочиненій. См. особенно постановленіе государственнаго совѣта 6 декабря 1766 г., воспрещавшее многіе листки, озаглавленные: одинъ *Des commissions extraordinaires;* другой—*Journal des événements qui ont suivi l'acte de démissions* и наконецъ послѣдній—*Chronologies des lettres de cachet.*

[1]. Hardy, I, 32. Постановленіе парламента сдѣлано 8 іюля 1766 г.

[2]. Id., I, 38.

[3]. Постановленіемъ Совѣта отъ 25 ноября 1766.

[4]. Hardy, I, 29, 36, 39, 40, 41 и слѣд.

теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, но которымъ удалось избѣжать примѣненія наказаній во всей ихъ строгости [1]. Епископы не только не уступили, но многіе изъ нихъ поспѣшили прибыть въ Парижъ, гдѣ начались между ними совѣщанія относительно новыхъ способовъ борьбы. Парламентъ сообщилъ прелатамъ, что они должны возвратиться въ свои епархіи подъ страхомъ удержанія ихъ доходовъ и движимаго имущества, находящагося въ Парижѣ, и запретилъ имъ на будущее время устраивать какое бы то ни было собраніе безъ разрѣшенія короля, которое они должны представлять генеральному прокурору [2]. Раздраженные епископы ходатайствовали предъ королемъ объ уничтоженіи этого постановленія; сверхъ того они требовали отмѣны обязательства молчать относительно буллы, возвращенія осужденныхъ или изгнанныхъ духовныхъ лицъ за отказъ въ совершеніи таинствъ и воспрещенія парламенту какого бы то ни было вмѣшательства въ дѣла церкви [3]. Это значило желать добиться позволенія волновать по своему произволу все королевство. Король это почувствовалъ и, кассируя приговоры, которые оскорбляли епископовъ, онъ поступилъ совершенно такъ, какъ парламентъ, — онъ приказалъ имъ отправиться въ свои епархіи. «Вы съѣзжаетесь слишкомъ часто и въ очень большомъ числѣ, сказалъ онъ имъ. Я желаю, чтобы вы возвратились въ свои епархіи согласно каноническимъ правиламъ и чтобъ вы являлись въ Парижъ не иначе, какъ съ моего разрѣшенія [4]». Покидая Парижъ, они получили послѣдній ударъ отъ парламента. Іезуиты были только что изгнаны изъ Испаніи [5], а парламентъ издалъ приказъ, из-

[1]. Hardy, I, 39—40.

[2]. Постановленіе парламента съ 2 апрѣля 1767 г.

[3]. Hardy, I, 43 (апрѣль 1767 г.). Эти требованія были изложены въ мемуарѣ, представленномъ королю.

[4]. Hardy, I, 43.

[5]. Въ ночь съ 31 марта на 1 апрѣля 1767 г.

гоняющій ихъ изъ Франціи [1]. Провинціальные парламенты послѣдовали этому примѣру, и король согласился утвердить особымъ эдиктомъ это рѣшеніе, ослаблявшее епископатъ, такъ какъ онъ лишался своихъ постоянныхъ и ревностныхъ союзниковъ [2].

Такимъ образомъ движеніе, которое пыталось вызвать высшее духовенство, кончилось полною неудачею. Общество, со дня на день все болѣе проникаясь философскими идеями, интересовалось образомъ дѣйствій епископата гораздо менѣе, чѣмъ парламентъ. Въ своемъ неблагоразумномъ усердіи епископы дали только новое оружіе своимъ противникамъ. Вольтеръ выпустилъ мнимое *Посланіе новгородскаго архіепископа о двухъ властяхъ* (Mandement de l'archevêque de Novgorod sur les deux Puissances), въ которомъ доказывалъ, что духовная власть во Франціи должна быть подчинена государю, какъ она подчинена въ Россіи [3]. При этомъ онъ снова обращается къ буллѣ Unigenitus. «Нужно быть только попомъ, только Вельхомъ, писалъ онъ, чтобъ изъ такой іезуитской и римской арлекинады сочинить законъ для церкви и государства. О Вельхи! у васъ даже нѣтъ на столько смысла, какъ у гуся! [4]». Епископы не ограничились однимъ только порицаніемъ философскихъ произведеній въ своихъ *Актахъ собранія духовенства*, но по ихъ настояніямъ министерство захватило послѣдніе томы *Энциклопедіи*, которая заканчивалась ими, и нѣкоторые авторы, сотрудничавшіе въ ней, были отправлены въ Бастилію [5]. Энциклопедисты отмстили новыми сочиненіями. «Они не переставали работать надъ увеличеніемъ громаднаго собранія сочиненій,

[1]. Постановленіе отъ 8 мая 1767 г.

[2]. Hardy, I, 45, 46.

[3]. Voltaire, *Corresp. gén.*, X, 329.

[4]. Id., ibid., X, 253.

[5]. Bachaumont, III, 27. Дѣло шло о десяти послѣднихъ томахъ Энциклопедіи, только что отпечатанныхъ въ Голландіи и доставленныхъ издателемъ въ окрестности Парижа. Подписчики должны были на свой страхъ и рискъ перевозить ихъ въ Парижъ.

разрушающихъ религію», замѣчаетъ Башомонъ въ іюнѣ 1766 года [1]. Смерть кавалера де-ла-Барръ, жертвы религіозной нетерпимости, обезглавленнаго въ Аббевиллѣ на основаніе приговора, утвержденнаго парижскимъ парламентомъ, еще болѣе обострила горячность пропаганды. Философы были тѣмъ болѣе возбуждены, что ихъ старались сдѣлать отвѣтственными за эту смерть, утверждая, что нечестіе кавалера Ла-Барръ почерпнуто имъ изъ ихъ книгъ. Чтобъ придать большее значеніе такому обвиненію сожгли *Философскій словарь* на томъ же кострѣ, на которомъ были сожжены останки несчастнаго Ла-Барра [2]. Это гнусное средство для публичнаго осужденія именно тѣхъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ неустанно проповѣдывали терпимость, только повредило тѣмъ, кто придумалъ его. Философы, не позабывшіе ужасную смерть Каласа, упрекали парламенты въ томъ, что они стали орудіемъ фанатизма и суевѣрія, и съ этихъ поръ одинаково недружелюбно относились какъ къ духовенству, такъ и къ магистратурѣ.

При первомъ извѣстіи о трагическомъ происшествіи въ Аббевиллѣ Вольтеръ былъ сильно потрясенъ. «Передъ грозою, погубившею этого молодого безумца, я склоняю голову», писалъ онъ [3], и съ негодованіемъ отзывался о безжалостной магистратурѣ: «Инквизиція—совершенные пустяки сравнительно съ вашими янсенистами первой камеры и уголовной палаты парламента... Насъ освободили отъ лисицъ, но отдали волкамъ [4]». Но какъ только пер-

[1]. Bachaumont, III, 51.

[2]. Voltaire, *Corresp. gén.*, X, 453, 461; XI, 7, 12.—Diderot, *Mémoires*, II, 127. Кавалеръ Ла Барръ былъ казненъ въ Аббевиллѣ 1 іюля 1766 г. Извѣстно, что изъ двадцати пяти магистратовъ, которые должны были разсматривать приговоръ аббевилльскаго трибунала, пятнадцать подали голосъ за смертную казнь.

[3]. Id., ibid., XI, 10 (августъ 1766 г.).

[4] По поводу этого же событія, онъ писалъ: «И такъ поступаетъ этотъ мягкій, легкомысленный и веселый народъ! Антропофаги-арлекины! Я не желаю болѣе говорить объ васъ! Отправляй-

вая буря прошла, онъ взялся за свое дѣло. Подобно тому, какъ послѣ казни Каласа онъ проповѣдывалъ терпимость, такъ и теперь, послѣ казни Ла-Барра, онъ сталъ проповѣдывать уваженіе къ человѣческой жизни и подъ вліяніемъ недавняго сочиненія Беккарія написалъ свой *Комментарій на уставъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ* (Commentaire du livre des délits et des peines) [1]. Полиція арестовала эту брошюру, но голосъ Вольтера нашелъ откликъ. Въ ноябрѣ 1766 г. одинъ магистратъ развилъ тѣже идеи въ *Рѣчи объ учрежденіи уголовнаго правосудія* (Discours sur l'administration de la justice criminelle), произнесенной имъ передъ гренобльскимъ парламентомъ [2]. Въ февралѣ слѣдующаго года Мармонтель выпустилъ своего *Велизарія*, представляющаго горячую защиту терпимости, которою зачитывался весь Парижъ. Въ немъ особенно была замѣчена фраза: «Истина свѣтитъ своимъ собственнымъ свѣтомъ и людей нельзя просвѣтить пламенемъ костровъ [3]». Парламентъ не преслѣдовалъ этихъ протестовъ, которые, какъ онъ сознавалъ, въ извѣстной мѣрѣ были направлены и противъ него, но духовенство занялось этимъ сочиненіемъ. Теологическій факультетъ въ одной только главѣ его осудилъ пятнадцать положеній [4], а париж-

тесь отъ костра на балъ и съ Гревской площади въ комическую оперу». *Corresp. gén.*, X, 473, 474; XII, 16, 18.

[1]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XI, 44, 63 (сентябрь 1766). Ср. Grimm, V, 190 (октябрь 1766). «Нужно искать эту брошюру въ Швейцаріи, гдѣ она напечатана, писалъ Гриммъ. Парижъ пользуется привилегіею не получать болѣе ничего изъ этихъ ядовъ».

[2]. Эта рѣчь, произнесенная генеральнымъ адвокатомъ Серваномъ, появилась затѣмъ въ видѣ отдѣльной брошюры. Отдавая отетъ о послѣдней, Гриммъ выражалъ опасеніе, что она не окажетъ надлежащаго дѣйствія: «магистратура во Франціи, говоритъ онъ, враждебна успѣхамъ разума не менѣе, чѣмъ духовенство». Grimm, V, 307, 308 (февраль 1767 г.).

[3]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XI, 408 (май 1767).

[4]. Сначала онъ осудилъ тридцать семь положеній. Это осужденіе, составлявшее 123 стр. in—4° въ два столбца, вынесено 26 іюня 1767 г.

скій архіепископъ осудилъ всю книгу въ посланіи, которое по его приказанію прочитывалось во время проповѣдей, было расклеено по угламъ всѣхъ улицъ и выставлено даже на воротахъ французской академіи, считавшей Мармонтеля въ числѣ своихъ членовъ [1].

Какъ въ запрещеніи теологическаго факультета, такъ и въ посланіи архіепископа, заявлялось, что религіозная нетерпимость составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ принциповъ католичества; при этомъ прибавлялось, что въ силу узъ, соединяющихъ двѣ власти, государи должны отдать свой мечъ на службу вѣрѣ [2]. Подобныя заявленія, конечно, не могли помѣшать распространенію сочиненій, направляемыхъ противъ церкви. Напрасно книжные магазины болѣе чѣмъ когда-либо подвергались строгому надзору, напрасно тюрьмы переполнялись разнощиками книгъ [3]: наряду съ сочиненіями, въ которыхъ оспаривалась законность права духовенства на его имущества [4], или давались королю совѣты упразднить монастыри и «изгнать изъ нихъ насѣкомыхъ, которые ѣдятъ и высасываютъ соки изъ Франціи [5], появились одно за другимъ: *Обличенные священники* (les Pretres démasqués), *Духъ духовенства* (l'Esprit du clergé), *Священническій обманъ* (l'Imposture sacerdotale), *Сомнѣнія относительно*

[1]. Grimm, V, 370. По причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, это посланіе было опубликовано только въ февралѣ 1768 г., но оно было извѣстно въ Парижѣ гораздо раньше, чѣмъ было опубликовано. Мармонтель состоялъ членомъ французской Академіи съ 1763 г.

[2]. Bachaumont, III, 229, 312, 344.

[3]. Въ іюнѣ 1767 г. говорили, что въ Бисетрѣ содержалось болѣе пятидесяти разнощиковъ. Bachaumont, III, 229.

[4]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 12 февраля 1768 г., воспрещающее листокъ, озаглавленный *Discussion intéressante sur le prétention du clergé d'être le premier corps de l'Etat.*

[5]. Постановленіе парламента отъ 29 января 1768 г., осуждающее на сожженіе печатное сочиненіе въ двухъ томахъ, озаглавленное: *Histoire impartiale des Jésuites depuis leur établissement jusqu'à leur première expulsion.*

религіи (les Doutes sur la religion), *Карманная теологія* (la Théologie portative), *Оглашенный* (le Catéchumene) *и Военный философъ* (le Militaire philosophe) [1]. 24 сентября 1767 г. Дидро, находясь въ Гранвалѣ, у барона Гольбаха и получивъ изъ Парижа тюкъ этихъ произведеній, писалъ: «Я не знаю, что сдѣлается съ бѣдною церковью Іисуса Христа и съ пророчествомъ о томъ, что врата адовы никогда не одолѣютъ ея [2]». Въ это же время одинъ епископъ говорилъ Мармонтелю, встрѣтившись съ нимъ на водахъ въ Ахенѣ: «При теперешней быстротѣ хода событій религія не просуществуетъ болѣе пятидесяти лѣтъ [3].

Не въ одной только Франціи, но казалось во всѣхъ католическихъ странахъ совершалось дѣло «разрушенія религіи». Въ Португаліи, Испаніи, Сѣверной Италіи, Неаполитанскомъ королевствѣ, въ Австріи и даже на о-вѣ Мальтѣ замѣчались такое же настроеніе [4]. Дѣло политическаго расшатыванія, не идя такъ далеко, какъ въ религіи, сдѣлало во Франціи также довольно значительные успѣхи. Въ 1767 г. появилась «секта» *экономистовъ*, главными представителями которой были такіе люди, какъ

[1]. Заглавія этихъ сочиненій уже указываютъ на ихъ содержаніе. Полное заглавіе послѣдняго изъ нихъ было: *le Militaire philosophe, ou Difficultés sur la religion proposées au R. P. Malebranche, prêtre de l'Oratoire, par un ancien officier.*

[2]. Diderot, *Mémoires*, II, 89.

[3]. Id., ibid., 107.

[4]. Говоря объ эдиктѣ 1764 г., запрещавшемъ во Франціи орденъ іезуитовъ, Вольтеръ прибавляетъ: «Этотъ великій примѣръ, вызвавшій подражаніе и даже превзойденный въ Испаніи, въ обѣихъ Сициліяхъ, въ Парижѣ и на Мальтѣ, показалъ, что то, что иногда считается очень труднымъ, въ сущности очень легко; теперь убѣдились, что было бы такъ же очень легко уничтожить всѣ узурпаціи, какъ уничтожить монаховъ, которые считались ихъ главнѣйшими сподвижниками...» *Hist. du Parlement.*—См. *Gazette d'Amsterdam* за 1767 г., подъ рубриками Лиссабонъ, Мадридъ, Неаполь, Генуа, Флоренція, Венеція, Вѣна и т. д. Изъ Неаполитанскаго королевства іезуиты были изгнаны въ ноябрѣ 1767 г.

Кэнэ, Мирабо, Тюрго, аббатъ Бодо. Это были, говоритъ одинъ современникъ, «политическіе философы», которые, соединясь по примѣру энциклопедистовъ, желали построить систему, посредствомъ которой «они должны были ниспровергнуть всѣ установленные принципы управленія и установить новый порядокъ вещей [1]». Гриммъ, аккуратно отмѣчавшій въ своей *Литературной перепискѣ* литературное движеніе и направленіе общественнаго мнѣнія, повторялъ, въ январѣ 1768 г., то, что говорилъ Вольтеръ четыре года назадъ. «Этотъ общій упадокъ христіанства, обнаруживающійся повсюду и особенно въ католическихъ государствахъ, это безпокойство, невидимо охватывающее всѣ умы и побуждающее ихъ нападать на религіозныя и политическія злоупотребленія,—все это представляетъ собою характерное явленіе нашего вѣка, подобно духу реформы въ шестнадцатомъ вѣкѣ, и предвѣщаетъ *неминуемую и неизбѣжную революцію*. Можно сказать, что Франція—очагъ этой революціи, которая, судя по крайней мѣрѣ по предыдущимъ опытамъ, имѣетъ ту выгоду, что совершится безъ пролитія крови [2]».

Легко замѣтить въ чемъ ошибался Гриммъ, но событія того времени, казалось, оправдывали его слова. Преслѣдуя сочиненія философовъ, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ проникалось ихъ идеями. Оно открыто порицало Сорбонну за ея запрещеніе *Велизарія*, требовало ослабленія его и въ теченіи нѣкотораго времени препятствовало опубликованію посланія парижскаго архіепископа, не желая становиться въ глазахъ публики на сторону принциповъ, которые стремились превратить законы въ служебное орудіе церкви [3]. Къ концу 1767 г. министры представили королю эдиктъ, предоставлявшій гражданскія права протестантамъ. Три раза этотъ эдиктъ разсматривался въ Версали, въ концѣ концовъ ко-

[1]. Bachaumont, III, 318 (декабрь 1767 г.).
[2]. Grimm, V, 358—359.
[3]. Bachaumont, III, 259, 312, 313.

роль отвергъ его, но губернаторамъ провинцій, генеральнымъ прокурорамъ и интендантамъ было написано, чтобы они «не безпокоили [1]» реформатовъ. Подъ именемъ *комиссіи о монахахъ* (commission des réguliers) была учреждена особая комиссія для реформированія монастырей [2], а въ мартѣ 1768 г. появилась декларація, которая, не осуществляя всѣхъ перемѣнъ, требуемыхъ общественнымъ мнѣніемъ, ставила, по крайней мѣрѣ, извѣстный предѣлъ множеству злоупотребленій, которыя роняли монашескую жизнь, и запрещала принесеніе обѣтовъ раньше того возраста, когда приносящій ихъ могъ дать себѣ отчетъ во всѣхъ послѣдствіяхъ ихъ [3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ одно весьма знаменательное событіе свидѣтельствовало о намѣреніяхъ, одушевлявшихъ правительство. Герцогъ Пармскій, Фердинандъ Бурбонскій, по примѣру всѣхъ государей своего дома, изгналъ іезуитовъ изъ своихъ владѣній и обнародовалъ регламенты, реформировавшіе монашескіе ордена и ограничивавшіе въ церковныхъ дѣлахъ вліяніе папской власти. Климентъ XIII приказалъ выставить на дверяхъ всѣхъ римскихъ церквей бреве, въ которомъ онъ касси-

Voltaire, *Corresp. gén.*, XII, 108, 120, 158 (декабрь 1767 г.). Различные эдикты, обнародованные въ этотъ періодъ времени въ пользу коммерсантовъ, признавались Вольтеромъ уничтожающими по своему смыслу отмѣну Нантскаго эдикта. Ibid., 124. См. объ этихъ эдиктахъ у Isambert, XXII, 468—470.

[3]. Эта комиссія была создана приказомъ Совѣта отъ 31 іюля 1766 г. Послѣднее собраніе духовенства, считая, что монашескимъ орденамъ грозитъ та же участь, которую испытали іезуиты, забѣжало впередъ, прося папу назначить комиссаровъ изъ кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ, которые, опираясь на его авторитетъ, приступили бы къ тѣмъ реформамъ, какія сочтутъ нужными. Постановленіемъ Совѣта отъ 23 мая 1766 г., правительство заявило, что право реформы монашескихъ орденовъ принадлежитъ исключительно только ему одному и возвѣстило о назначеніи комиссіи, учрежденной 31-го слѣдующаго іюля. Эта комиссія дѣйствовала до 1780 г., когда она была распущена, но потомъ возобновлена подъ другимъ названіемъ.

[1]. Isambert, XXII, 476—482. Ср. Bachaumont, III, 378.

ровалъ эти регламенты и, признавая власть, отъ которой исходили эти эдикты, «незаконною и самозванною», объявлялъ себя единственнымъ владыкою государствъ Пармы и Піаченцы [1]. Въ этомъ актѣ увидѣли не только оскорбленіе всему дому Бурбоновъ, но и возвращеніе къ претензіямъ св. престола господствовать надъ королями. Парламентъ отмѣнилъ бреве и запретилъ подъ страхомъ обвиненія въ оскорбленіи величества распространеніе его въ обществѣ [2]. Людовикъ XV утвердилъ этотъ приговоръ, сообщивъ его всѣмъ епископамъ своего королевства [3]; но онъ пошелъ еще дальше. Когда Климентъ XIII отказался, не смотря на его представленія, взять назадъ свой бреве, Людовикъ приказалъ занять Авиньонъ и графство Венессэнъ, и 11 іюня 1768 г. начальникъ войскъ, расположенныхъ въ Провансѣ, овладѣлъ ими при общемъ сочувствіи всего населенія [4]. Это событіе свидѣтельствовало на блестящемъ примѣрѣ о дальнѣйшемъ измѣненіи въ настроеніи умовъ по религіознымъ вопросамъ; оно являлось какъ бы изгнаніемъ папы изъ Франціи, совершившемся по приказу самого короля.

Если въ отношеніи церкви правительство въ извѣстной мѣрѣ подчинялось движенію, совершавшемуся въ общественномъ мнѣніи, то въ политической области оно дѣйствовало совершенно иначе. Вмѣсто того, чтобы склоняться къ идеямъ о равновѣсіи властей и къ свободѣ, смѣлыми выразителями которыхъ сдѣлались парламенты,

[1]. «In ducatu nostro».

[2]. Постановленіе парламента отъ 26 февраля 1768, запрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Sanctissimi Domini nostri Clementis PP. XIII litterae in forma brevis, quibus abrogantur et cassantur... nonnulla edicta in Dueatu Parmensi et Placentino edita, libertati, immuntati et jurisdictioni ecclesiasticae praejudicalia. Romae* MDCCLXVIII.—Ср. Постановленіе Прованскаго парламента отъ 2 мая 1768 г.—Реквизиторій представляетъ брошюру въ 240 стр in-12°.

[3]. Hardy, I, 57.

[4]. Voltaire, *Siècle de Louis XIV*, 440—445.

оно всѣ сильнѣе и сильнѣе выступало на путь произвола. Подобно тому, какъ епископы для укрѣпленія своей шатающейся власти и исчезнувшаго престижа, извлекли изъ забвенія буллу Unigenitus,—королевская власть пыталась воспрепятствовать дѣйствіямъ парламента посредствомъ возобновленія обычныхъ пріемовъ Верховнаго Совѣта. Правительство хотѣло вновь обратиться къ тому, что уже два раза оно безуспѣшно пробовало въ теченіи царствованія Людовика XV. Эдиктомъ, изданнымъ въ январѣ 1768 г., Верховный Совѣтъ былъ возстановленъ на тѣхъ же началахъ, которыя были предложены тридцать лѣтъ тому назадъ тогдашнимъ министромъ, кардиналомъ Флери, когда послѣдній въ угоду іезуитамъ намѣренъ былъ замѣнить имъ парламентъ [1]. И на этотъ разъ эта попытка не удалась, благодаря столько же сопротивленію магистратовъ, къ которымъ въ этомъ случаѣ присоединились принцы крови и пэры, сколько, если

[1]. См. этотъ эдиктъ у Isambert, XXII, 471—474. Вступленіе къ этому эдикту, замѣчаетъ Hardy, I, 55, «было составлено такъ, чтобы возможно сильнѣе унизить парламенты, и являлось покушеніемъ на ихъ дѣйствительныя права». Приведемъ начало этого вступленія: «Мы считали себя обязанными обратить наше вниманіе на одно учрежденіе (une Compagnie), которое тѣмъ болѣе заслуживаетъ и будетъ заслуживать наше одобреніе, что оно было установлено согласно желаній генеральныхъ штатовъ нашего королевства объ образованіи сословія (un corps), палаты (cour) или коллегіи, которая бы могла перемѣщаться, слѣдуя за нами, и *не была бы ограничена какимъ либо округомъ,* а могла бы, при содѣйствіи канцлера Франціи, своего единственнаго и дѣйствительнаго главы, *проявлять нашу верховную власть во всѣхъ, подчиненныхъ намъ, странахъ,* подобно тому, какъ наши палаты проявляютъ ее въ установленныхъ для нихъ границахъ и округахъ». Этотъ эдиктъ имѣлъ въ виду январьскій эдиктъ 1738 г. о Верховномъ Совѣтѣ. Парламентъ немедленно рѣшилъ представить ремонтрансы, сдѣлавъ постановленіе, въ которомъ говорилъ: «Имѣя въ виду, что генеральные штаты *напротивъ* требовали отмѣны Верховнаго Совѣта; что сказанные lettres patentes нарушаютъ общественное право, устанавливая незаконную юрисдикцію, и т. д...»

даже не болѣе, и общественному презрѣнію [1], и шесть мѣсяцевъ спустя король особою декларацією отмѣнилъ эдиктъ [2]. Теперь образованная часть общества возмущалась не только политическими дѣйствіями, склонявшимися къ деспотизму, но начала уже нападать на всякаго рода привилегіи; въ обществѣ зародилось новое чувство,—чувство равенства передъ закономъ. По поводу одного преступленія, совершеннаго очень извѣстнымъ маркизомъ де-Садъ, который избѣгнулъ правосудія благодаря благосклонности къ нему короля, книгопродавецъ Гарди писалъ въ своемъ дневникѣ: «Этотъ случай дастъ потомству еще одинъ примѣръ той безнаказанности, которую пользуются въ наше время самыя возмутительныя преступленія, если только совершающіе ихъ имѣютъ счастье быть высокопоставленными, богатыми и пользоваться извѣстностью [3]».

Новыми злоупотребленіями и безстыдствомъ своей администраціи королевская власть возбуждала въ населеніи то чувство злобы, которое должно было ускорить развитіе въ немъ революціоннаго духа. Сначали шли искусственныя голодовки, создававшіяся тою чудовищ-

[1]. Въ теченіи тѣхъ мѣсяцевъ, когда дѣйствовалъ этотъ эдиктъ въ Верховномъ Совѣтѣ не было возбуждено ни одного дѣла; да и вообще онъ уже въ теченіи многихъ лѣтъ не проявлялъ своей юрисдикціи. Hardy, I, 55.

[2]. Въ іюнѣ 1768 г. парламентъ принялъ къ свѣдѣнію эту декларацію и при участіи принцевъ крови и пэровъ постановилъ, «умолять короля во всѣ времена исполнять ходатайства Орлеанскаго и Блуасскаго штатовъ», требовавшихъ уничтоженія Верховнаго Совѣта. Hardy, I, 66, 68; ср. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 24 августа 1768, запрещающее печатное произведеніе, озаглавленное: *Recueil des pièces concernant l'affaire du Grand Conseil, rétabli sur une nouvelle forme par l'édit du mois de janvier 1768*; ср. также Isambert, XXII, 483.

[3]. Hardy, I, 61 (апрѣль 1758). Подобное же разсужденіе Гарди высказываетъ по поводу насильственнаго похищенія молодой дѣвушки, совершеннаго герцогомъ Фронсакомъ, дѣло о которомъ было потушено.

ною ассоціаціею, которую называли договоромъ о голодѣ (pacte de famine) и въ числѣ членовъ которой, какъ полагали, былъ самъ Людовикъ XV. Въ первой половинѣ 1768 г. вслѣдствіе дороговизны хлѣба вспыхнули бунты въ Нормандіи и въ разныхъ мѣстахъ Бретани. Въ Руанѣ народъ разграбилъ монастырь и дошло до кровопролитія [1]. Мѣстный парламентъ послалъ Людовику письмо, въ которомъ говорилъ «о цѣлыхъ деревняхъ», пораженныхъ болѣзнями, пораждавшимися дурнымъ качествомъ зерна, и о гибели рабочихъ въ городахъ. Въ этомъ письмѣ уже встрѣчаются фразы, такъ часто слышавшіяся потомъ въ эпоху революціи напр.: «придворный, купающійся въ наслажденіяхъ, не можетъ представить себѣ всѣхъ ужасовъ нищеты [2]». Нужда чувствовалась также и въ столицѣ. Въ Парижѣ и въ Версали расклеивались возмутительныя воззванія, которыя проскальзывали даже въ королевскіе покои [3]. Еще въ концѣ предыдущаго года парламентъ отправилъ къ Людовику XV депутацію умолять его отнестись съ состраданіемъ къ своему народу. «Я нѣжно люблю мой народъ, отвѣчалъ король; ваши же необдуманныя ходатайства за него только поощряютъ его жалобы [4]». Въ октябрѣ и ноябрѣ 1768 г. снова появились на самыхъ бойкихъ улицахъ Парижа плакарды, угрожавшія поджечь городъ съ четырехъ сторонъ, если цѣна на хлѣбъ не понизится. Въ одной изъ нихъ король обвинялся въ томъ, что онъ сдѣлался *торговцемъ пшеницы* и ему напоминали, что Дамьенъ можетъ найти себѣ подражателей [5].

Вмѣстѣ съ тѣмъ «бомбы» продолжали сыпаться «на церковь». Въ числѣ ихъ были: lettres philosophiques, переведенныя или только именовавшіяся переведенными

[1]. Hardy, I, 60 (мартъ 1768). Въ іюнѣ въ одномъ изъ бретанскихъ портовъ разъяренныя женщины хотѣли поджечь суда, нагруженныя пшеницею. Id., I, 65.

[2]. Hardy, I, 73 (сентябрь 1768).

[3]. Id., I, 73.

[4]. Id., I, 54.

[5]. Id., I, 74, 77

съ англійскаго Толаномъ; Lettres à Eugenie, la Contagion sacrée, l'Examen des prophéties, La vie de David ou de l'homme selon le coeur de Dieu; это была, какъ говорилъ Дидро, тысяча дьяволовъ, сорвавшихся съ цѣпи. «О, я очень боюсь, писалъ онъ, не настало ли время пришествія Сына человѣческаго, не близко ли явленіе Иліи пророка и не приближаемся ли мы къ царствованію антихриста. Всякій день, вставая съ постели, я смотрю въ окно не прогуливается ли уже по нашимъ улицамъ великая вавилонская блудница со своею чашею въ рукѣ и вообще нѣтъ ли на небесномъ сводѣ какого нибудь изъ предсказанныхъ признаковъ [1]». Нужно признаться, что въ этой войнѣ съ католицизмомъ, философы нападали безъ всякой пощады и безъ различія на всѣ традиціи, на всѣ идеи, являвшіяся препятствіемъ для ихъ дѣла, и излагали свои ученія въ томъ же безусловномъ тонѣ, за который они сами упрекали своихъ противниковъ [2]. Нападая сначала на церковь въ лицѣ ея служителей и догматовъ,—то посредствомъ «самыхъ ужасныхъ» разсужденій, то путемъ высмѣиванія,—они теперь старались доказать, что политика не имѣетъ никакой надобности въ ея помощи для поддержанія государствъ и управленія ими, что религіи только и годятся на то, чтобъ содѣйствовать тираніи, и что сама мораль стоитъ въ противорѣчіи съ природою и обществомъ [3]. Такъ какъ типографщики, по примѣру

[1]. Diderot, *Mémoires*, II, 152 (ноябрь 1768 г.).

[2]. По поводу сочиненія «le Despotisme oriental» Вольтеръ еще въ 1762 говорилъ: «Въ немъ очень утвердительно говорится относительно того, въ чемъ должно бы сомнѣваться, и это къ несчастью тоже самое, въ чемъ упрекаютъ нашихъ братій». *Corresp. gén.*. VIII, 148. Въ 1757 г. Фонтенелль, которому тогда было сто лѣтъ, по поводу утвердительнаго и догматическаго тона, усвоеннаго писателями, также говорилъ: «Я испуганъ ужасною увѣренностью, которую теперь я встрѣчаю повсюду». Grimm, XIII, 389.

[3]. Bachaumont, IV, 124, 125 (сентябрь 1768 г.). Эти мысли особенно развивались въ книгѣ, озаглавленной *la Contagion sacrée, ou Histoire naturelle de la superstition.*

писателей, стали скрывать свои фамиліи и дѣлались, подобно имъ, неуловимыми [1], то правительство удвоило свою строгость относительно разнощиковъ. Двое изъ нихъ были присуждены къ позорному столбу и ссылкѣ на галеры за продажу le Christianisme dévoilé, la Vestale [2] и l'Homme aux quarante écus [3]. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ умеръ отъ отчаянія послѣ произнесенія надъ нимъ этого приговора [4]. Но всѣ эти строгости не прекратили обращенія книгъ въ публикѣ. За недостаткомъ разнощиковъ, запрещенныя книги передовались съ рукъ на руки [5]. Нѣкоторые члены парламента, раздраженные вольностями писателей, хотѣли, чтобы былъ изданъ декретъ объ арестованіи Вольтера [6]. Патріархъ, хвалившійся тѣмъ, что онъ ловче Сократа и не желаетъ пить цикуту [7], публично причастился въ своей церкви въ Фернеѣ, что произвело «дьявольскій шумъ» въ Парижѣ. Два раза, въ 1768 и 1769 годахъ, онъ разыгралъ эту, по его выраженію, «остроумную шутку». Еслибы вмѣсто того, чтобы жить въ Фернеѣ, онъ жилъ бы въ Аббевилѣ, гдѣ былъ ка-

[1]. Grimm, V, 480.

[2]. *Ericie, ou la Vestale* представляла собою въ формѣ трагедіи сатиру, направленную противъ монастырей. Начальникъ полиціи, не рѣшаясь взять на себя разрѣшеніе представленія ея, передалъ ее на разсмотрѣніе архіепископа парижскаго, который назначилъ для этого особую комиссію изъ нѣсколькихъ парижскихъ приходскихъ священниковъ и докторовъ Сорбонны. Пьеса не была играна на сценѣ, но тѣмъ не менѣе авторъ получилъ разрѣшеніе напечатать ее. Grimm, V, 379, 380.

[3]. По постановленію парламента отъ 24 сентября 1768 г. Въ обществѣ много говорили о строгости этого приговора. Слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ приговоръ, объявленный вакаціонною палатою, былъ только подтвержденіемъ рѣшенія Шателэ, на которое аппелировали обвиненные. Тѣмъ же рѣшеніемъ три упомянутыя сочиненія были приговорены къ сожженію. Bachaumont, IV, 128, 129; Diderot, *Mémoires* II, 127.

[4]. Voltaire, *Corresp, gén.*, XIV, 97.

[5]. Grimm, V, 464.

[6]. Id., V, 391; Diderot, *Mémoires,* II, 127.

[7]. Voltaire, *Corresp. gén.* XII, 434 (декабрь 1768 г.).

зненъ кавалеръ де-ла-Барръ, то, по его словамъ, онъ пріобщался бы черезъ каждые пятнадцать дней и снималъ бы шляпу передъ всѣми процессіями [1].

Настойчивость пропаганды была такъ велика, что начальникъ полиціи признавался въ своемъ безсиліи сдерживать потокъ выходившихъ сочиненій [2]. Чего не смѣли печатать во Франціи, то печаталось заграницей. Печатные станки въ Голландіи «не переставали усиленно работать» и еженедѣльно выпускали какую-нибудь «адскую» книгу [3]. Переиздавались старыя сочиненія или переводились произведенія иностранныхъ авторовъ [4]. Что же касается новыхъ книгъ, то многія изъ нихъ, по мнѣнію самихъ философовъ, были настоящею *дрянью* [5], но тѣмъ не менѣе оказывали свое дѣйствіе на умы. Разносимыя этимъ потокомъ сочиненій, идеи энциклопедистовъ проникали въ дворянство, въ буржуазію, распространялись въ средѣ магистратовъ; «даже въ лавочкахъ» встрѣчались философы [6]. Само духовенство начинало заражаться ими. Въ сентябрѣ 1769 г. два монаха, оба важныя лица въ своемъ монастырѣ, признавались Дидро, что атеизмъ «былъ ходячею доктриною въ ихъ корридорахъ [7]». Одновременно съ тѣмъ, какъ въ силу новой тактики, католицизмъ подвергся нападенію въ смыслѣ его политическаго значенія, на него нападали и въ его отношеніяхъ къ обществу вообще. Для семьи стали требовать иныхъ правилъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ предписывалъ; возставали противъ нерасторжимости брака и появились

[1]. Grimm, V, 404—411; Bachaumont, IV, 13, 31, 267, 269, 344.

[2]. Bachaumont, IV, 219 (мартъ 1769 г.).

[3]. Id., IV, 117; Grimm, VI, 215.

[4]. Id., IV, 250, 254 (мартъ, апрѣль 1769 г.).

[5]. Такъ отзывался *Гриммъ*, VI, 215, о *le Traitè des trois imposteurs*, вышедшихъ въ Амстердамѣ (апрѣль 1769 г.).

[6]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XII, 435.

[7]. Diderot, *Mémoires*, II, 166.

сочиненія въ пользу развода [1]. Свидѣтели такихъ нападокъ и ниспроверженій—іезуиты не оставляли надежды на возстановленіе ихъ ордена. Хотя г-жи Помпадуръ больше не было [2], но двору была только что представлена новая метресса, г-жа Дюбарри, и они надѣялись на нее. Она будетъ, говорили они, «новою Эсфирью, которая спасетъ народъ божій и освободитъ его отъ притѣсненій [3]».

Тогда какъ энциклопедисты своими сочиненіями возбуждали такимъ образомъ образованные классы, волненіе, вызванное въ народѣ дороговизною хлѣба, далеко не улеглось. Въ первые мѣсяцы 1769 г. въ Парижѣ снова появились такія же угрожающія афиши, какъ въ 1768 г. [4]. Парламентъ занимался изысканіемъ средствъ для устраненія бѣдствія; онъ много разъ обсуждалъ этотъ вопросъ, дѣлалъ распоряженія относительно скупщиковъ, представлялъ королю рѣзкіе ремонтрансы [5]. Съ своей стороны экономисты издавали по этому же предмету сочиненія, въ которыхъ излагали свои воззрѣнія. Вопросъ о торговлѣ зерномъ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ очень занималъ общество, но выходило такъ, что какъ въ ремонтрансахъ парламента, такъ и въ писаніяхъ экономистовъ, муки было больше, чѣмъ ее можно было найти на рынкахъ. Созданіе новыхъ налоговъ, которые правительство находило необходимыми, чтобы «залѣчить раны, нанесенныя государству продолжительною и разорительною

[1]. Постановленіе парламента отъ 28 февраля 1769 г., осуждающее на сожженіе печатное произведеніе, озаглавленное: *Mémoires sur la population à Londres, in* 8°. Въ то же время появилось другое сочиненіе, написанное на ту же тему—*Le cri de l'honnête homme.* Bachaumont, IV, 245—247. Cf. Grimm, 318—320. Изъ разсужденій Гримма и Башомона видно, что ученіе о разводѣ было въ то время принято всѣми сторониками философіи.

[2]. Она умерла въ 1764 г.

[3]. Hardy, I, 91. Дюбарри была представлена двору въ концѣ февраля 1769 г.

[4]. Hardy, I, 87, 90.

[5]. Id., I, 87, 95 (январь-апрѣль 1769 г.).

войною [1]», усиливая его бѣдность, увеличивало раздраженіе населенія. Философы, не прекращая своихъ нападокъ на церковь, волновались по поводу такого положенія вещей. Одновременно съ аббатомъ Галіани, написавшимъ свои знаменитые Dialogues sur le commerce des blés, Вольтеръ издалъ свою Requête à tous les magistrats du royaume par les gens de la campagne [2]. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ принялъ на себя защиту сервовъ въ Юрѣ противъ канониковъ въ Сенъ-Клу и по этому поводу горячо работалъ за уничтоженіе рабства, тяготѣвшаго еще надъ нѣкоторую частью обывателей Франціи [3]. Правительство не обращало вниманія ни на ропотъ, ни на открытыя требованія. Подавляемое громаднымъ долгомъ [4], оно въ это время думало только о созданіи для себя во чтобы то ни стало источниковъ дохода. Аббатъ Террэ, недавно назначенный генеральнымъ контролеромъ [5] подъ вліяніемъ Мопу, который самъ за годъ до этого занялъ постъ канцлера, взялся «за кровопусканіе» народа. Въ январѣ и въ февралѣ 1770 г. появились указы Совѣта, которыми такъ урѣзывались пенсіи и ренты, что Вольтеръ нашелъ, что изъ его кошелька сразу ушло двѣсти тысячъ ливровъ [6]. Эта мѣра, раззорявшая множество семей, вызвала общее негодованіе. Самыя ѣдкія шутки ходили по адресу генеральнаго контролера [7]. Парламентъ былъ близокъ къ тому, чтобы воспретить исполненіе этихъ указовъ, но, не заходя такъ далеко, ограничился представленіемъ ремонтрансовъ, въ которыхъ

1. Hardy, I, 87.

2. Grimm, VI, 279, 280 (декабрь 1769 г.).—Ср. Bachaumont, V, 53, 59.

3. Id., VI, 436 (май 1774).

4. Его опредѣляли почти въ три милліарда ливровъ. Bachaumont, V.

5. 23 декабря 1769 г.

6. Voltaire, *Corresp. gén.*, XIII, 333 (мартъ 1770 г.) и слѣд.—Hardy, I, 145—149.

7. Bachaumont, V, 76.

въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказалъ настроеніе общественнаго мнѣнія. Король отвѣтилъ на это только заявленіемъ, что онъ самъ очень тронутъ положеніемъ своихъ подданныхъ, но что его отеческія чувства должны, при данныхъ обстоятельствахъ, уступать государственной необходимости [1].

При такомъ кризисѣ, который еще усиливался другими финансовыми мѣрами, идеи, уже высказывавшіяся раньше, получили новый толчекъ. Въ одномъ сочиненіи, которое «заставило возопить» епископовъ, давался королю совѣтъ погасить долгъ путемъ немедленнаго захвата всѣхъ недвижимыхъ имуществъ духовенства, которыя, составляя почти треть всѣхъ такихъ имуществъ въ королевствѣ или десять тысячъ квадратныхъ льё, приносили, какъ тогда увѣряли, доходъ въ три милліарда ливровъ. Это сочиненіе произвело тѣмъ большее впечатлѣніе, что было написано въ умѣренномъ тонѣ, беспристрастно и было запечатлѣно большимъ уваженіемъ къ религіи, во имя которой авторъ увѣщевалъ епископовъ соблюдать бѣдность, предписываемую Евангеліемъ [2]. Однако правительство теперь отвергало идеи, которыя нѣкогда поощряло, и приняло строгія мѣры относительно книгопродавцевъ, напечатавшихъ это сочиненіе [3]. Тѣмъ не менѣе оно могло во-очію убѣдиться въ бѣдствіи, которое вызвало на всемъ протяженіи королевства соединенное съ послѣдствіями голода разореніе массы семействъ. Въ особенности тяжело было положеніе простого народа. Въ теченіе всего 1770 года сельскіе жители питались исключительно только бобами, отрубями, овсомъ и тра-

[1]. Hardy, I, 149.

[2]. Bachaumont, V, 179—183 (августъ 1770 г.).

[3]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 11 августа 1770 г., лишающее званія и положенія книгопродавцевъ Гангери и Сего за напечатаніе безъ разрѣшенія сочиненія, озаглавленнаго: *Du droit du souverain sur les biens-fonds du clergé et des moines, et de l'usage qu'il peut faire de ces biens pour le bonheur des citoyens.*

вами [1]. По всей Франціи раздавался *общій и громкій крикъ* о дороговизнѣ хлѣба. Возмутительныя плакарды появлялись въ Парижѣ все въ большемъ числѣ; въ одной изъ нихъ говорилось: «Если хлѣбъ не станетъ дешевле и дѣла страны не будутъ упорядочены, мы должны будемъ сами взяться за дѣло и *противъ каждаго штыка насъ будетъ двадцать человѣкъ*». Когда Людовикъ XV подарилъ г-жѣ Дюбарри великолѣпный экипажъ, на который всѣ ходили смотрѣть въ придворныя мастерскія, одинъ человѣкъ изъ толпы громко сказалъ, что король находитъ средства дарить своей метрессѣ карету въ шестьдесятъ тысячъ ливровъ и въ то же время предоставляетъ своему народу умирать съ голоду. Однажды въ Пале-Рояли можно было видѣть повѣшенный на одномъ изъ деревьевъ портретъ Дюбарри, подъ которымъ лежалъ пучекъ розогъ съ подписью V [2].

Въ это время въ Парижѣ происходило общее собраніе духовенства; оно не занималось ни обсужденіемъ критическаго положенія королевства, ни бѣдствіями народа [3]. Кромѣ обычныхъ предметовъ такихъ совѣщаній—вопросовъ о духовномъ управленіи и объ отчетности—епископы сговаривались единственно только о томъ, какъ преградить распространеніе сочиненій, направленныхъ противъ церкви. По ихъ просьбѣ новый папа Климентъ XIV [4] обратился къ королю съ «побуждающимъ» письмомъ, въ которомъ заклиналъ его охранить свое государство отъ ядовитаго наводненія «этими книгами» [5]. Съ своей стороны прелаты въ началѣ своихъ засѣданій повергли къ подножію трона *Мемуаръ о гибельныхъ послѣдствіяхъ свободы мысли и печати*. Въ особенности они жало-

[1]. *Histoire des événements arrivés en France depuis septembre* 1770 *jusqu'en février 1775, par* Regnaud, *procureur au parlement de Paris.* Рукописи Нац. Библ., n° 13733—13735, т. I, стр. 27.

[2]. Hardy, 183—184 (сентябрь 1770 г.

[3]. Эти пренія начались въ мартѣ 1770 г.

[4]. Онъ наслѣдовалъ Клименту XIII въ 1769 г.

[5]. Grimm, VII, 51, 52.

вались на то, что въ настоящее время и на ихъ глазахъ предоставляютъ свободу печатанія новаго изданія *Энциклопедіи*, которая столько разъ была осуждена ихъ цензурою и которую само правительство столько разъ подвергало строгимъ преслѣдованіямъ. Уступая и на этотъ разъ требованіямъ прелатовъ, правительство распорядилось отправить въ Бастилію всѣ появившіеся томы новаго изданія; но никто не сомнѣвался, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они могутъ быть возвращены издателямъ [1]. Кромѣ того, епископы рѣшили принять еще одну мѣру, отъ которой ожидали благихъ результатовъ для религіи. Они назначали ежегодную пенсію въ размѣрѣ двухъ тысячъ ливровъ одному ученому священнику, аббату Бержье, который за эту цѣну обязывался опровергнуть всѣ важнѣйшія сочиненія энциклопедистовъ. Затѣмъ одинъ кордельеръ, отецъ Бономъ, получилъ отъ нихъ порученіе собрать лучшія сочиненія, написанныя въ пользу церкви, и составить по нимъ опроверженіе философіи [2].

Прежде чѣмъ разойтись, епископы выпустили манифестъ, озаглавленный: *Предостереженіе французскаго духовенства вѣрующимъ всего королевства объ опасности невѣрія* [3]. Это предостереженіе,—которое предполагалось сначала назвать *Противофилософское пастырское наставленіе,* но за тѣмъ заглавіе это было измѣнено, потому что имъ дали понять насколько оно смѣшно [4],—было разослано при особомъ циркулярѣ во всѣ епархіи. Въ немъ прелаты старались заинтересовать короля дѣломъ церкви, указывая, «что религія учитъ народы переносить иго съ покорностью и безропотно, и подчиняться цѣпямъ деспо-

[1]. Bachaumont, V, 91 (мартъ 1770). Voltaire, *Corrésp. gén.*, XIII, 324, 328.

Id., V, 179, 248, 249.

[3]. См. это *Предостереженіе* въ Procès-verbaux de l'assemblée du clergé de 1770. Paris, in—f°, 1776, стр. 484—534.

[4]. Bachaumont, V, 184, и XIX, *Additions*, 249.

тизма», — заявленіе крайне неблагоразумное, которымъ воспользовались философы и за которое общество строго порицало ихъ. «Только слѣпое суевѣріе, говорили тогда, или расчетливое лицемѣріе могутъ согласиться съ принципами, столь разрушительными для священныхъ правъ общественнаго договора [1]». Правительство безъ сомнѣнія было тронуто этимъ заявленіемъ, но, конечно, еще болѣе добровольнымъ даромъ въ шестнадцать милліоновъ, назначеннымъ епископами. Въ благодарность за этотъ даръ оно пригласило парламентъ дѣйствовать какъ можно строже противъ нечестивыхъ книгъ [2]. Магистраты отозвались на это приглашеніе и по докладу генеральнаго адвоката Сегье постановленіемъ отъ 18 августа 1770 г. присудили къ сожженію нѣсколько сочиненій [3], въ числѣ которыхъ были: la Contagion sacrée, le Christianisme dévoilé и только что появившаяся книга le Système de la nature, написанная въ такомъ атеистическомъ духѣ, что даже Вольтеръ считалъ себя обязаннымъ возражать противъ нее [4]. Тѣмъ же постановленіемъ были назначены особые комиссары «съ цѣлью выработать наиболѣе дѣйствительныя мѣры для прекращенія на будущее время дальнѣйшаго появленія безразсудныхъ писателей, не имѣющихъ повидимому иной цѣли, кромѣ уничтоженія во всѣхъ сердцахъ уваженія, приличествующаго религіи».

[1]. Bachaumont, V, 248.

[2]. Grimm, VII, 52.

[3]. Постановленіе парламента отъ 18 августа 1770 г., осуждающее на сожженіе сочиненія озаглавленныя: *la Contagion sacrée, ou Histoire naturelle de la superstition: Dieu et les Hommes, oeuvres théologiques, mais raisonnables; Discours sur les miracles de Jésus Christ; Examen critique des apologistes de la religion chretienne; Examen impartial des principales religions du monde; le Christianisme dévoilé, ou Examen des principes et des effets de la religion chrétienne; Système de la nature, ou Des lois du monde physique et du monde moral.*

[4]. Въ брошюрѣ, въ 25 стр., озаглавленной: *Dieu: Réponse au Système de la nature.*—Grimm, VII, 54, 55—Voltaire, *Corresp. gén.*, XIII, 440; XIV, 114.

Несмотря на всѣ принимаемыя строгія мѣры, было очевидно, что философія одержала побѣду и уничтожила своихъ противниковъ. *Предостереженіе французскаго духовенства* 1770 года отнюдь не имѣло той суровости, которою отличались *Акты собранія духовенства* 1765 г. Оно говорило уже языкомъ побѣжденной партіи и его безплодные протесты плохо скрывали сквозившее въ немъ чувство пораженія. Съ своей стороны правительство дѣлало только чисто формальную уступку, захвативъ новое изданіе *Энциклопедіи* и вызвавъ со стороны парламента строгія мѣры въ отношеніи нѣкоторыхъ книгъ. Самъ парламентъ, принимая ихъ, дѣйствовалъ не столько по убѣжденію, сколько въ силу необходимости, во имя профессіональнаго долга. Со времени смерти кавалера дела-Барра, сдѣлавшей его ненавистнымъ для всѣхъ сторонниковъ терпимости, и воспоминаніе о которой вызывало въ немъ угрызенія совѣсти, парламентъ обнаруживалъ меньшую склонность къ преслѣдованію сочиненій философовъ. Вмѣсто книгъ, осужденныхъ послѣднимъ его постановленіемъ, были сожжены старые свертки прокурорскихъ бумагъ. Такой подмѣнъ былъ сдѣланъ теперь въ первый разъ, но съ этихъ поръ онъ сталъ часто примѣняться, что не было тайною для общества [1]. Наконецъ магистраты, вопреки обычаю, не пожелали допустить печатанія реквизиторія генеральнаго адвоката, такъ что послѣдній для напечатанія своего доклада долженъ былъ просить особаго королевскаго приказа [2].

Въ этомъ реквизиторіи, написанномъ въ томъ декламаторскомъ тонѣ, которымъ вообще отличались произведенія этого рода, Сегье очень неловко выставилъ силу писателей, которыхъ онъ хотѣлъ заклеймить [3]. «Фило-

[1]. Grimm, VII, 52.

[2]. Этотъ реквизиторій имѣлъ слѣдующій заголовокъ: *Напечатанъ по особому приказу короля*, и былъ напечатанъ не въ типографіи парламента, а въ королевской.

[3]. Говорили, что это было причиною того, что парламентъ воспротивился его напечатанію. Bachaumont, V, 185, 186.

софы, говоритъ онъ, сдѣлались наставниками человѣческаго рода. Свобода мыслить—вотъ ихъ возгласъ, и этотъ возгласъ слышится съ одного края міра до другаго. Одною рукою они стремятся пошатнуть престолъ, а другою хотятъ опрокинуть алтарь. Цѣль ихъ—дать иное теченіе направленію умовъ относительно гражданскихъ и религіозныхъ учрежденій и *такимъ образомъ ими какъ бы совершена революція*. Государства почувствовали, что ихъ старыя основы колеблятся, а народы, пораженные уничтоженіемъ ихъ принциповъ, спрашиваютъ себя: какимъ рокомъ они приведены къ такому необычайному положенію?» Затѣмъ генеральный адвокатъ прибавляетъ, «что эти новаторы въ особенности стремились нанести самые гибельные удары религіи». Въ своихъ безчисленныхъ сочиненіяхъ они разливали ядъ невѣрія. «Краснорѣчіе, поэзія, исторія, романы, даже словари,—все было заражено. Едва эти сочиненія появляются въ столицѣ, какъ съ силою потока они распространяются по всѣмъ провинціямъ. Зараза проникла въ мастерскія и даже въ хижины!»

Нельзя было въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ высказать торжество философіи и въ особенности ученій, направленныхъ противъ католицизма. Это публичное признаніе, исходящее отъ магистрата, подтверждало заявленія, которыя съ своей стороны дѣлали философы. Вольтеръ писалъ, что на зло тѣмъ строгостямъ, которымъ подвергалась *Энциклопедія*, вся Франція и даже Европа сдѣлалась энциклопедистами, и что отъ С.-Петербурга до Кадикса, отъ Ледовитаго океана до Венеціи, революція *противъ церкви*—совершившійся фактъ [1]. Въ тоже время и какъ бы для освященія столь важнаго для исторіи человѣческой мысли событія, ученики и поклонники фернейскаго патріарха воздвигли ему въ Фернеѣ статую [2].

[1]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XIII, 340, 415 (мартъ-іюнь 1778). Ср. Ibid., XIV, 168, 187.

[2]. Grimm, VI, 423 (май 1770). Постановка этой статуи по под-

Совершившаяся революція въ своемъ побѣдномъ шествіи перешла, по словамъ Вольтера, за предѣлы своей первоначальной цѣли. Онъ желалъ, чтобы храмъ божества былъ только освобожденъ отъ скопившейся въ немъ грязи, но вовсе не хотѣлъ, чтобы онъ былъ ниспровергнутъ [1]; между тѣмъ оказалось, что онъ рушился. Отъ зданія «стараго порядка» остались только колеблющіяся стѣны, подъ которыми еще укрывалась королевская власть, но приближался моментъ, когда наступилъ чередъ рухнуть и ей самой.

пискѣ была рѣшена 17 апрѣля собравшимися у г-жи Неккеръ семнадцатью философами.

[1]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XV, 73.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

КОНЕЦЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЛЮДОВИКА XV.

(1770—1774).

Въ апрѣлѣ 1770 г. собрался парламентъ въ общемъ собраніи всѣхъ палатъ и въ присутствіи принцевъ крови и пэровъ для суда надъ герцогомъ д'Эгильономъ. Ла-Шалотэ, который вмѣстѣ съ пятью другими членами Реннскаго парламента подвергся изгнанію, послѣ болѣе чѣмъ годоваго заключенія въ тюрьмѣ, не переставалъ съ тѣхъ поръ заявлять свой протестъ противъ постигшей ихъ кары и издавалъ прокламаціи, которыя вызывали осужденіе Государственнаго Совѣта, но встрѣчали сочувствіе со стороны общества [1]. Ла-Шалотэ, подвергавшійся самому жестокому обращенію, несмотря на свой преклонный возрастъ, считалъ себя жертвою мести могущественнаго общества іезуитовъ, которому его знаменитое слѣдствіе нанесло такой тяжелый ударъ. Такое же мнѣніе было распространено и въ враждебно настроенномъ противъ іезуитовъ обществѣ. Въ Парижѣ, какъ и въ Реннѣ, создалось убѣжденіе въ существованіи обширнаго іезуитскаго заговора противъ Ла-Шалотэ и противъ Бретаньскаго парламента, въ которомъ принималъ участіе и герцогъ д'Эгильонъ, бывшій губернаторомъ провинціи. Послѣдняго обвиняли въ томъ, что онъ ложными донесеніями ввелъ въ заблужденіе короля и даже въ преступномъ замыслѣ отравленія Ла-Шалотэ, такъ что въ концѣ

[1]. См. въ концѣ книги постановленіе Совѣта отъ 17 мая и 12 октября 1767 г., 9 февраля и 13 декабря 1768 г. и 11 марта 1770 г. Ср. Bachaumont, III, 68, 119, 227, 253; IV, 199, 227, 229.

концовъ подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обвиненій онъ былъ вынужденъ подать въ отставку. Съ другой стороны, Реннскій парламентъ,—изъ удаленныхъ членовъ котораго лишь очень немногіе вернулись назадъ и который былъ пополненъ герцогомъ д'Эгильонъ новыми членами по своему выбору,—уже не разъ выражалъ протестъ противъ этихъ произвольныхъ назначеній и требовалъ «полнаго возстановленія во всемъ своемъ составѣ». Это и было наконецъ сдѣлано въ іюлѣ 1769 г. и возвращенные магистраты были восторженно привѣтствованы народомъ, въ которомъ постигшая парламентъ немилость вызвала сильное волненіе. Однако старый парламентъ обманулъ надежды на примиреніе, въ видахъ которыхъ состоялось его возвращеніе, и немедленно же сдѣлалъ запросъ «относительно подкуповъ, лжесвидѣтельства и другихъ преступленій, приписываемыхъ герцогу д'Эгильону». Бывшій комендантъ Бретани нашелъ наконецъ нужнымъ опровергнуть всѣ взводимыя на него обвиненія, позорящія его имя передъ всей Франціей, и самъ потребовалъ надъ собою суда пэровъ, вслѣдствіе чего по приказу короля былъ созванъ парламентъ [1].

Засѣданія верховнаго суда были открыты съ большою торжественностью. Людовикъ XV самъ предсѣдательствовалъ во время преній. Магистраты радовались по поводу предоставленной имъ въ такомъ важномъ вопросѣ свободы обсужденія, и въ нѣкоторой части публики говорили, что «если конецъ дѣла будетъ соотвѣтствовать началу, то въ исторіи оно останется примѣромъ торжества магистратуры и одною ихъ самыхъ славныхъ страницъ царствованія [2]». Пренія продолжались уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, когда неожиданно появились королевскія грамоты, отмѣнявшія все производство и объявлявшія герцога д'Эгильонъ свободнымъ отъ всѣхъ обвиненій [3].

[1]. Carné. *Etats de Bretagne,* II.

[2]. Hardy, I, 160.

[3]. Ibid., I, 171, 172 (27 іюня 1770 г.).

Парламентъ увидѣлъ въ этомъ оскорбленіе своего достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ попраніе правосудія. Возвратившись въ Парижъ, онъ издалъ указъ, объявляющій герцога «лишеннымъ правъ и привилегій пэрства до тѣхъ поръ, пока онъ не оправдаетъ себя отъ нареканій, позорящихъ его честь». Король кассировалъ указъ и, явившись самолично въ парламентъ, велѣлъ изъять изъ протоколовъ всѣ отчеты о процессѣ [1]. Провинціальные парламенты тотчасъ заволнавались. Генеральный адвокатъ Бордосскаго парламента и два члена Реннскаго были арестованы за замѣчанія, показавшіяся министерству слишкомъ рѣзкими. Безъ сомнѣнія можно было снова ожидать прекращенія засѣданій парламента и выхода въ цѣломъ составѣ въ отставку, т. е. «конфедераціи сопротивленія» во имя единства и нераздѣльности парламентовъ. Правительство поспѣшило принять мѣры противъ соглашенія между парламентами, въ которомъ оно видѣло грозную опасность.

На этотъ разъ король, которому въ то время было шестьдесятъ лѣтъ и котораго состарили не столько года, сколько распутство, руководился въ своихъ дѣйствіяхъ указаніями канцлера Мопу. Будучи смѣлъ и беззастѣнчивъ, быстръ въ рѣшеніяхъ и обладая энергическою волею, канцлеръ соединялъ въ себѣ условія, необходимыя для доведенія властнаго удара до конца. По его совѣту король издалъ эдиктъ, которымъ запрещалъ всѣмъ парламентамъ подъ страхомъ устраненія магистратовъ отъ ихъ должностей и наказанія какъ бунтовщиковъ употреблять на будущее время выраженія *единство, нераздѣльность* или *отдѣлы (классы),* сноситься другъ съ другомъ, кромѣ случаевъ прямо указанныхъ особыми ордонансами, и выражать протестъ его волѣ путемъ прекращенія занятій или коллективныхъ отставокъ. Вступленіе къ

[1]. Ibid., I, 182 (сентябрь 1770 г.). Парламентъ, для котораго уже начиналось каникулярное время, ограничился выраженіемъ протеста, отложивъ дальнѣйшія дѣйствія до возобновленія засѣданій.

этому эдикту было настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ парламентовъ. Въ немъ король осуждалъ все ихъ прошлое поведеніе: напоминалъ объ ихъ смѣлыхъ доктринахъ и упорной оппозиціи; обвинялъ ихъ въ томъ, что своими постановленіями они препятствовали исполненію его повелѣній, называли «противозаконными записями» зарегистрированія, сдѣланныя въ его присутствіи и по его приказанію, и наконецъ ставили свою власть «на ряду и даже выше» его собственной. Повторяя свои декларації 3 марта 1766 г., онъ заявлялъ, что его *корона дана ему только Богомъ;* что законодательная власть принадлежитъ ему одному *независимо и безраздѣльно;* что обычай дѣлать представленія не долженъ быть превращаемъ магистратами въ право оказывать сопротивленіе; что самыя представленія эти имѣютъ свои границы и что *они не должны быть средствомъ покушенія на его власть* [1]. Парламентъ отказался зарегистрировать этотъ эдиктъ, который, по его словамъ, долженъ былъ покрыть его позоромъ въ глазахъ всѣхъ народовъ [2]. На слѣдующій день онъ былъ вызванъ въ королевское засѣданіе въ Версаль, гдѣ канцлеръ повторилъ отъ имени короля, что, если не будетъ противопоставлена преграда дѣйствіямъ парламентовъ, то власть уже будетъ принадлежать не престолу, а ихъ собраніямъ, и послѣ безуспѣшныхъ представленій со стороны перваго президента,—эдиктъ былъ зарегистрированъ. Это памятное засѣданіе, въ которомъ *божественное право* въ послѣдній разъ заявило свой протестъ противъ ученій, которыя потрясали его во всѣхъ направленіяхъ, происходило 7 декабря 1770 г.

Въ обществѣ распространилась тревога, такъ какъ ожидали очень опасныхъ послѣдствій. Волновались одинаково какъ «малые, такъ и большіе». Народъ, сильно страдавшій отъ дороговизны хлѣба и знавшій, что парламентъ занимался изысканіемъ средствъ помочь его бѣдствіямъ, горячо

[1]. Isambert, XXII, 501—509.

[2]. Hardy, I, 190.

принялъ сторону магистратовъ. Даже принцы крови выражали свое неодобреніе правительству [1]. Совѣтники умоляли Людовика XV или взять назадъ свой эдиктъ, который «совершенно ронялъ ихъ достоинство», или принять отъ нихъ отставку [2], а до тѣхъ поръ рѣшили прекратить свои служебныя занятія, говоря, что «совѣсть ихъ теперь не на столько свободна, чтобы рѣшать вопросы, касающіеся благополучія, жизни и чести подданныхъ короля». Но король приказалъ имъ возобновить свою дѣятельность. Четыре раза повторилъ онъ этотъ приказъ посредствомъ такъ называемыхъ lettres de jussion * и четыре раза они отказались исполнить этотъ приказъ. Наконецъ, въ ночь съ 19 на 20 января 1771 г., ко всѣмъ совѣтникамъ были посланы мускатеры, которые потребовали, чтобы они подписали на предъявленной имъ бумагѣ *да* или *нѣтъ*, т. е. согласны ли они или не согласны возобновить свои служебныя занятія. Большинство написало *нѣтъ*. Д'Ормессонъ, президентъ парламента, отвѣтилъ мускатерамъ, доставившимъ ему королевскій приказъ, слѣдующими словами: «Отнесите обратно это письмо тому, отъ кого вы получили его; я не узнаю въ немъ языка короля, обращеннаго къ магистратамъ». Другой членъ парламента отвѣтилъ: «*Нѣтъ*—слишкомъ грубо по отношенію къ моему королю; *да*—слишкомъ позорно для меня». Третій бывшій драгунскимъ капитаномъ, грубо воскликнулъ: «Нѣтъ, f.....[1]» Сорокъ членовъ, подписавшихъ *да*, на другой день отказались отъ своей подписи. Въ слѣдующую ночь сто тридцать магистратовъ получили приказы о ссылкѣ и сверхъ того имъ сообщено постановленіе Совѣта о конфискаціи ихъ жалованья и о признаніи ихъ и ихъ дѣтей лишенными

[1]. Hardy, I, 191.

[2]. Id., I, 197.

* Такъ назывались особые приказы короля высшимъ властямъ королевства, которыми предписывалось имъ выполнить что либо, послѣ того, какъ раньше они отказались сдѣлать это. *Перев.*

[3]. Hardy, I, 200.

навсегда права занимать какую либо судебную должность. Утромъ 21 января тридцать восемь членовъ парламента, къ которымъ не было предъявлено вышеуказанное требованіе, отправились въ сопровожденіи громадной толпы во дворецъ парламента и тамъ торжественно высказались въ духѣ своихъ сотоварищей; ихъ также сослали. Такимъ образомъ съ этого момента парламента уже не существовало. Канцлеръ предложилъ Верховному Совѣту замѣнить его, но Совѣтъ не рѣшался на это; тогда онъ обратился къ палатѣ косвенныхъ налоговъ (Cours des aides), но и она отвѣтила отказомъ. Наконецъ Верховный Совѣтъ согласился взять на себя обязанности парламента и 24 января вступилъ въ отправленіе ихъ, принявъ полномочія и всѣ дѣла, подлежавшія его вѣдѣнію [1].

Парижъ находился въ чрезвычайномъ броженіи [2]. Когда тридцать восемь совѣтниковъ шли во дворецъ парламента, чтобы сдѣлать свою декларацію, которая навлекла на нихъ ту же кару, которой уже подверглись ихъ сотоварищи, въ толпѣ, по словамъ современника, можно было замѣтить «или угрюмое молчаніе, бывающее при великихъ бѣдствіяхъ, или шумъ и ропотъ, предшествующіе великимъ революціямъ [3]». Буря ненависти накоплялась во всѣхъ сердцахъ противъ канцлера Мопу; появились злобныя плакарды въ Парижѣ и Версали. На улицѣ du Marais былъ нарисованъ на стѣнѣ человѣкъ, висящій на висѣлицѣ, и подъ нимъ подпись *канцлеръ* [4]. Возлѣ рынковъ была наклеена написанная крупными буквами афиша съ угрозами противъ жизни короля [5]. Въ день, когда новые магистраты отправлялись занять свои мѣста, потребовалось вмѣшательство военной силы для защиты ихъ отъ раздраженной многолюдной толпы.

[1]. Regnaut, I, 59—61.
[2]. Geoffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, I, 149. P., 1875.
[3]. Regnaut, I, 56.
[4]. Hardy, I, 203.
[5]. Id., I, 206.

Когда какой то гвардеецъ грубо обошелся съ однимъ кавалеромъ ордена Св. Людовика, послѣдній обнажилъ свою шпагу и только присутствіе духа начальника отряда, поспѣшившаго извиниться передъ обиженнымъ, предупредило убійство, которое вѣроятно повлекло бы за собою общее возстаніе [1]. Въ первое время дворецъ парламента представлялъ изъ себя видъ настоящаго военнаго лагеря. Пренія въ самомъ парламентѣ происходили въ присутствіи солдатъ [2]. Ежедневно стѣны зданія оказывались покрытыми оскорбительными для новыхъ магистратовъ надписями. На дверяхъ первой палаты надписали: «Olim sacra Themis, nunc spelunca latronum [3]». Принцы крови, которые всѣ, за исключеніемъ графа де-ла-Маршъ, осуждали дѣйствія правительства, получали безымянныя письма, въ которыхъ ихъ заклинали «прійти на помощь націи», грозя въ противномъ случаѣ катастрофою [4]. Въ одной плакардѣ, вывѣшенной въ Пале-Рояли, въ обращеніи къ герцогу Орлеанскому говорилось: «Покажите себя, великій принцъ, и *мы возложимъ вамъ корону на голову* [5]». «Я утверждаю», писалъ человѣкъ, имѣвшій возможность правильно судить о ходѣ событій, «что еслибы въ этотъ критическій моментъ, нашелся предводитель, *то совершилась бы одна изъ самыхъ ужасныхъ революцій* [6]». Это былъ третій случай въ теченіи восемнадцати лѣтъ, когда революція готова была вспыхнуть.

Въ то время, когда волновался Парижъ, провинціальные парламенты въ Реннѣ, Руанѣ, Э, Гренобліѣ, Дижонѣ, Тулузѣ и Бордо заявляли свои протесты постановленіями, письмами и ремонтрансами, распространявшимися по всей странѣ съ быстротою молніи [7]. Въ Парижѣ, въ свою

1. Regnaut, I, 68, 69.
2. Id., I, 74.
3. Hardy, I, 206.
4. Id., I, 208.
5. Id., I, 208.
6. Regnaut, I, 56.
7. Hardy, I, 215—229 (февраль 1771 г.).

очередь, возвысили свои голоса Счетная палата, Монетная палата и Шателэ. Палата косвенныхъ налоговъ, предсѣдателемъ которой былъ Малэрбъ, будущій защитникъ Людовика XVI, составила ремонтрансы, въ которыхъ осмѣлилась просить короля о созваніи Генеральныхъ Штатовъ и объ обращеніи къ народу. «Неподкупное свидѣтельство представителей его, говорилось въ нихъ, дастъ вамъ возможность узнать насколько защищаемое нами дѣло есть дѣло всего народа, *черезъ котораго и для котораго вы царствуете* [1]». Въ нѣсколько дней копіи этихъ ремонтрансовъ получили такое распространеніе, что ихъ можно было найти въ каждомъ домѣ [2]. Авторъ ихъ, Малербъ, поплатился за свою смѣлость ссылкою. Несмотря на большое число лицъ, которыя ради честолюбія, страха или по другимъ какимъ либо мотивомъ, поддерживали распоряженія канцлера, никогда еще, со времени воцаренія Людовика XV, не проявлялась такая враждебность общественнаго мнѣнія противъ правительства. Въ частныхъ собраніяхъ, на ужинахъ, ни о чемъ не говорили, кромѣ какъ «о безстыдно нарушенныхъ основныхъ учрежденіяхъ» королевства. Въ этихъ разговорахъ принимали участіе даже женщины, излагая положенія публичнаго права, ссылаясь на исторію, превращая салоны, въ которыхъ онѣ до сихъ поръ царили, въ *маленькіе генеральные штаты* [3] и безжалостно изгоняя изъ своего общества «предателей и трусовъ», которые изъ выгоды или по слабости покидали дѣло, считавшееся ими за дѣло всей родины [4].

Мопу надѣялся успокоить умы, введя въ судебное устройство нѣкоторыя реформы, которыхъ уже давно требовало общественное мнѣніе. Онъ учредилъ подъ именемъ

[1]. Hardy, I, 223—225, 226, 233, 237.

[2]. Bachaumont, V, 264 (мартъ 1771 г.).—Hippeau, *Gouvernement de Normandie*, IV, 77 (Caen, 1864, in—8°).

[3]. Besenval, *Mémoires*, I, 368.

[4]. Bachaumont, XIX, 317—318.

Высшихъ Совѣтовъ шесть новыхъ судебныхъ палатъ въ предѣлахъ вѣдомства парижскаго парламента, такъ какъ обширность территоріи, которою онъ вѣдалъ, была разорительна для тяжущихся, и отмѣнилъ плату судьямъ, объявивъ, что на будущее время правосудіе для всѣхъ подданныхъ короля будетъ даровое [1]. Но ни одно изъ этихъ нововведеній не заслужило ему благодарности; въ нихъ видѣли одно только опредѣленное намѣреніе уничтожить парламентъ. Объявленія, въ которыхъ возвѣщались всѣ эти реформы, были испещрены ругательствами [2]. По поводу шести высшихъ совѣтовъ, которыхъ называли *шестью маленькими парламентами*, ходили оскорбительныя четырестишія [3]. На самого канцлера была написана злобная и переполненная угрозами ода [4]. Всѣ провинціаль-

[1]. Isambert, XXII, 512—515, февральскій эдиктъ 1771 г. Изъ всѣхъ трехъ реформъ, только первая была несомнѣнно полезною. Если отмѣна уплаты судьямъ удовлетворяла до нѣкоторой степени требованія со стороны общества, то съ другой стороны, она нисколько не обезпечивала независимость магистратовъ. Самъ канцлеръ говорилъ, что, платя судьямъ жалованье, правительство будетъ имѣть большую возможность избирать на эти должности людей способныхъ. Въ сущности Мопу сохранялъ принципъ несмѣняемости, но самъ по себѣ этотъ принципъ, не помѣшавшій уничтоженію стараго парламента, не представлялъ никакой гарантіи. Что касается дароваго правосудія, то оно было только кажущимся, а не дѣйствительнымъ. Уничтожили придатки, пишетъ современникъ, но сохранили «безграничныя права, которыми пользуется король въ отношеніи контроля, пени, гербовой бумаги и многія другія права, которыя, если бы онѣ были уничтожены, слѣлали бы правосудіе дѣйствительно даровымъ». Сверхъ того такса за веденіе дѣла была значительно увеличена по просьбѣ ста новосозданныхъ адвокатовъ, преданныхъ канцлеру. Regnaut, I, 242—243.—Cf. Bachaumont, V, 374—375.

[2]. Hardy, I, 225.

[3]. Bachaumont, XIX, 307.

[4]. Hardy, I, 223—225. Эта ода оканчивалась слѣдующею строфою:

Le fer à tes yeux étincelle;
La balle siffle autour de toi.

ные парламенты протестовали противъ учрежденія высшихъ совѣтовъ, какъ они протестовали противъ ссылки парижскаго парламента. Руанскій парламентъ, по примѣру палаты косвенныхъ налоговъ требовалъ созыва Генеральныхъ Штатовъ [1]. Съ своей стороны герцогъ Орлеанскій представилъ королю мемуаръ, подписанный шестнадцатью пэрами и пятью принцами крови, въ которомъ они протестовали противъ всего, что было сдѣлано послѣ 7 декабря 1770 г. [2].

Однако Мопу не только не сдавался, но сталъ дѣйствовать еще смѣлѣе. Когда палата косвенныхъ налоговъ отказалась признать новый парламентъ, онъ закрылъ ее и приказалъ солдатамъ выгнать изъ нее магистратовъ [3]. Принцы крови получили приказъ оставить дворъ. Еще въ началѣ всѣхъ этихъ событій Мопу сослалъ тѣхъ министровъ, которые могли бы противорѣчить его намѣреніямъ [4]; вмѣсто ихъ были назначены люди, въ которыхъ онъ былъ увѣренъ, а затѣмъ, какъ бы бросая вызовъ общественному мнѣнію, онъ вскорѣ призвалъ въ министерство герцога д'Эгильона, сдѣлавшагося ненавистнымъ народу послѣ его знаменитаго процесса [5]. Наконецъ въ королевскомъ засѣданіи парламента, происходившемъ въ Версали въ апрѣлѣ 1771 г., Людовикъ XV, подтвердилъ автори-

Tu n'as pas un ami fidèle
Que tu puisses voir sans effroi.
Dans un sommeil rare et pénible,
Dans un repos inaccessible,
Le poison peut finir ton sort!
Contre toi l'univers conspire;
L'air même, l'air que tu respire
Est peut-être un souffle de mort.

[1]. Hardy, I, 238—240.

[2]. Bachaumont, V, 277 (мартъ 1771 г.).

[3]. «Вслѣдствіе отказа принцевъ крови и другихъ герцоговъ» дать согласіе на эту насильственную мѣру, за исполненіе ея взялся маршалъ де Ришелье. Regnaut, I, 120. При этомъ президенты и многіе совѣтники были сосланы. Hardy, I, 242.

[4]. Герцоги де Шуазель и де Пралэнъ.

[5]. Герцогъ д'Эгилльонъ сдѣланъ министромъ въ іюнѣ 1771 г.

тетомъ своего слова всѣ дѣйствія канцлера и заявилъ, что *онъ ихъ никогда не измѣнитъ* [1]. Эти слова возбудили новый взрывъ негодованія. Женщины, болѣе пылкія, чѣмъ мужчины, возвѣщали паденіе монархіи [2]. Было напечатано новое стихотвореніе въ двадцать семь строфъ, въ которомъ говорилось, что Франція жаждетъ крови канцлера [3]. На афишахъ, во множествѣ появившихся въ Парижѣ, писали: *Хлѣбъ въ два су; повѣшеніе канцлера или возстаніе въ Парижѣ* [4]. Это объясняется тѣмъ, что къ политическимъ волненіямъ присоединялось броженіе, вызываемое нуждою. Оскорбленія, которымъ подвергались всѣ тѣ, кто слѣдовалъ за ненавистнымъ министромъ, дошли до такой степени, что одинъ изъ магистратовъ новаго парламента, представляя Monу свою просьбу объ отставкѣ, сказалъ: «Я не могу проглотить всю ту массу оскорбленій, которыя ежедневно сыплются на меня; я сытъ ими по горло [5]».

Франція была наводнена цѣлымъ потокомъ листковъ, какъ въ самыя бурныя времена янсенизма. Одинъ изъ нихъ, la Correspondance de M. de Maupeou avec M. de Sorhouet, conseiller du nouveau Parlement, наносилъ самые жестокіе удары министерству. Эта брошюра состояла изъ вымышленныхъ писемъ канцлера къ его другу Соруэ; въ нихъ, развивая свой планъ, свои идеи и мораль, «которая была не изъ такихъ, какія свойственны честнымъ людямъ», онъ какъ бы самъ давалъ основанія для насмѣшекъ и презрѣнія [6]. Эта

[1]. Однимъ изъ эдиктовъ, зарегистрованныхъ въ этомъ засѣданіи, уничтожался Верховный Совѣтъ, члены котораго присоединялись къ новому парламенту. Десять магистратовъ Верховнаго Совѣта, отказавшіеся отъ этихъ новыхъ обязанностей, были наказаны ссылкою. Hardy, I, 245—248.—Isambert, XXII, 522—523.

[2]. Besenval, I, 374.

[3]. Hardy, I, 253—55. Первая строфа оканчивалась стихомъ:

Je veux m'abreuver de ton sang.

[4]. Hardy, I, 253.

[5]. Id., I. 250.

[6]. Bachaumont, 323—326.—Hardy, I, 267.

сатира, написанная во вкусѣ *Писемъ провинціала*, въ которой иронія становилась болѣе опасною, чѣмъ оскорбленія,—настолько соотвѣтствовала общему настроенію публики, что современникъ не колеблясь называетъ ее «національною [1]». Мопу защищался брошюрами, которыя составлялись писателями, бывшими у него на жалованьи; до конца 1771 г. такихъ брошюръ было издано болѣе ста [2]. Онъ даже дѣлалъ секретныя попытки склонить Вольтера помочь ему своимъ перомъ [3]. Эти брошюры раздавались при входахъ въ мѣста прогулокъ, на улицахъ и вообще во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. Магистраты, назначенные въ Высшіе Совѣты, увозили съ собою цѣлые тюки ихъ для распространенія на мѣстахъ своей службы [4]. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій проявляли такое неловкое усердіе, что самъ канцлеръ долженъ былъ требовать отъ своего парламента осужденія ихъ. Такъ по его приказанію была осуждена на сожженіе брошюра les Observations sur la Protestation des princes, приписываемая его личному секретарю Лебрёну, тому самому, который помогъ потомъ 18-му брюмеру и сдѣлался консуломъ вмѣстѣ съ Бонапартомъ [5]. Въ этой брошюрѣ неловкость автора дошла до того, что онъ позволилъ себѣ отзываться о мемуарѣ, подписанномъ принцами крови и

[1]. Regnaut, I, 209.

[2]. Bachaumont, VI, 63—64; XXI, *Additions*, 101. Эти брошюры составлялись въ шутливомъ или серьезномъ тонѣ съ цѣлью дѣйствовать на всякаго рода читателей. Приводимъ заглавіе тѣхъ, которыя появились первыми: *Considérations sur l'Edit; le Perruquier; Lettres américaines sur les parlements; La tête leur tourne; Remontrances du grenier à sel; Le fin mot de l'affaire; Messieurs, entendons nous; les Peuples au Parlement* и т. д. и т. д. Hardy, I, 253, 265 (апрѣль-іюнь 1771 г.). *La Correspondance secrète* появилась въ іюлѣ. Cf. Hippeau, *Gouv. de Norm.*, IV, 78—79.

[3]. Bachaumont, XIX 299.

[4]. Id., V, 285.

[5]. Приговоръ парламента отъ 5 іюня 1771 г., осуждающій на сожженіе брошюру, озаглавленную *Observations sur la protestation des princes.*

представленномъ королю герцогомъ Орлеанскимъ, какъ «о національномъ сборникѣ образцовъ непослушанія и о публичномъ кодексѣ бунта [1]». Новый парламентъ былъ особенно склоненъ къ строгимъ преслѣдованіямъ сочиненій, направленныхъ противъ министра; съ своей стороны и полиція не оставалась бездѣятельною. Ежедневно лица разнаго общественнаго положенія подвергались арестамъ за распространеніе листковъ и даже за сказанныя ими слова [2]. У книгопродавцевъ производились обыски [3]; на бумагу установленъ былъ налогъ, что являлось однимъ изъ средствъ для задержанія печатанія книгъ [4]. *Похвала Фенелону* Ла-Гарпа, увѣнчанная французскою академіею, была запрещена какъ содержащая нескромные намеки на современныя обстоятельства, а академія получила приказъ не принимать на будущее время ни одного сочиненія на премію за краснорѣчіе безъ предварительнаго одобренія ея двумя докторами парижскаго факультета [5].

За отсутствіемъ парижскаго парламента центромъ сопротивленія грозили сдѣлаться провинціальные парламенты, которыхъ соединяло общее чувство раздраженія. Въ послѣдніе мѣсяцы 1771 г. всѣ они были закрыты, одни навсегда, другіе—въ видахъ измѣненія, ослабле-

[1]. Приводимъ цѣликомъ то мѣсто изъ нея, которое воспроизведено въ обвинительномъ актѣ: «Не должны ли были сами принцы трепетать, подписывая протестъ, дѣлающійся публичнымъ кодексомъ бунта и образцомъ непослушанія для народа, освящающій упорство всѣхъ парламентовъ и призывающій государя на судъ всѣхъ гражданъ?... Можетъ ли найтись правительство, каково бы оно ни было, которое потерпѣло бы подобную затѣю?..»

[2]. Hardy, I, 270, 276, 278 (іюль-сентябрь 1771 г.).

[3]. Id., 1, 28.

[4]. Bachaumont, V, 291—292.

[5]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 2 сентября 1771 г., запрещающе печатное произведеніе подъ заглавіемъ: *Eloge de François de Salignac de la Mothe-Fénelon, archevêque-duc de Cambrai.* Это постановленіе было воспроизведеніемъ пункта 6 устава 1671 г. Французской академіи.

нія или замѣны высшими совѣтами [1]. Эта мѣра повсюду приводилась въ исполненіе одинаковымъ способомъ. Начальникъ провинціи собиралъ магистратовъ, сообщалъ имъ эдиктъ объ упраздненіи парламента и затѣмъ приказывалъ военной силѣ очистить мѣсто ихъ собраній [2]. Въ провинціяхъ разгорѣлось тоже негодованіе, что и въ Парижѣ. Въ Нормандіи, гдѣ парламентъ былъ замѣненъ двумя высшими совѣтами, многіе вновь назначенные канцлеромъ магистраты рисковали своею жизнью; изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ были повѣшены и для обузданія населенія пришлось послать войска [3]. Появился *Манифестъ къ Нормандцамъ*, въ которомъ говорилось, что такъ какъ король уничтожилъ договоръ, на основаніи котораго эта провинція была присоединена къ французской коронѣ, то нормандцы имѣютъ право отдѣлиться отъ Франціи и избрать себѣ другого государя [4]. Съ другой стороны, для того, чтобы Людовикъ XV продолжалъ дѣйствовать въ духѣ той же строгости, которая, собственно говоря, была вовсе не въ его характерѣ, его старались напугать образомъ дѣйствій парламентовъ. Эту роль взяла на себя Дюбарри, которую канцлеръ склонилъ на свою сторону, льстя и всячески потворствуя ей, даже до того, что позволялъ ей шутки надъ собою, напримѣръ, публично срывать съ себя парикъ [5]. Она помѣстила въ своихъ аппар-

[1]. Только одинъ парламентъ въ По не пострадалъ отъ этихъ измѣненій. Правда, онъ тоже былъ закрытъ, но затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ возстановленъ. Магистраты были удалены, а ихъ мѣста предоставлены другимъ, подчинявшимся желаніямъ двора. Regnaut, I 240.

[2]. Regnaut, I, 242. Губернаторы, отказавшіеся привести въ исполненіе эти строгія мѣры, напримѣръ князь де Бово, въ Тулузѣ, и герцогъ де Дюра, въ Реннѣ, были лишены своихъ мѣстъ. Hardy, I, 273.

[3]. Hardy, II, стр. 1—4. (Начиная со второго тома *Дневника* Гарди нумеруется по страницамъ, а не по листамъ).

[4]. Hardy, I, 287.—Bachaumont, VI, 54 (ноябрь 1771).—Hippeau, *Gouv. de Normandie*, IV, 81.

[5]. Lettres d'Horace Walpole, traduites par la comte de

таментахъ портретъ Карла I, англійскаго, рисованный Ванъ-Дикомъ, который она незадолго до того купила за 20,000 ливровъ, и всякій разъ, когда ей казалось, что король склонялся къ уступкамъ, она напоминала ему о трагической кончинѣ этого короля. «Изъ подножія этой картины, писалъ Мероберъ, исходили разрушительныя молніи, поражавшія магистратуру и разносившія ее въ самыя отдаленныя мѣста королевства [1]». Въ то же время, когда уничтожились парламенты, было закрыто и затѣмъ возстановлено на другихъ началахъ Шателэ, предстояло даже уничтоженіе счетной палаты и вовсе закрыто нѣсколько низшихъ судебныхъ мѣстъ. Вся нація пришла въ уныніе; она видѣла, что ея законы и учрежденія были растоптаны и на ихъ развалинахъ устанавливалось «деспотическая имперія». Тѣмъ не менѣе нѣкоторые граждане не теряли бодрости; они вспомнили печальныя времена Карла VI и Генриха III и говорили, что если Франція могла подняться послѣ такого періода страданій и униженій, то нельзя отчаяваться въ ея дальнѣйшихъ судьбахъ [2].

Безпокойство общества усиливалось еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что замѣчаемое возвращеніе къ абсолютизму сопровождалось тѣмъ, что въ настоящее время принято называть клерикальною реакціею. Духовенство не скрывало радости, которую вызывали у него всѣ тогдашнія событія [3]. Оно громило съ высоты каѳедръ старый парламентъ [4]; іезуиты толпами возвращались въ Парижъ [5].

Baillon, 257. Paris, Didier, 1783. Говорили также, что однажды, во время игры въ жмурки у г-жи Дюбарри, онъ согласился для ея удовольствія, чтобы и ему завязали глаза.

[1]. Bachaumont, VI, 16, 17 (октябрь 1471 г.). Извѣстно, что Mairobert продолжалъ *Мемуары* Башомона послѣ смерти послѣдняго, случившейся въ апрѣлѣ 1771 г.

[2]. Regnaut, I, 228, 250—251.

[3]. Hardy, I, 263; I, стр. 36.

[4]. Bachaumont, XXI, *Additions,* 96.

[5]. Hardy, I, 277.

По просьбѣ парижскаго архіепископа король издалъ декларацію, которою призывалъ обратно всѣхъ изгнанныхъ или осужденныхъ послѣ королевскаго засѣданія 16 декабря 1756 г. священниковъ за отказъ въ совершеніи св. таинствъ [1]. Въ этой декларації усматривали шагъ къ возстановленію іезуитовъ [2]. Распространился даже слухъ, что они намѣрены обратиться къ новому парламенту съ требованіемъ пересмотра ихъ процесса [3]. Сатирическія картинки, нарисованныя на нихъ и открыто продававшіяся до сихъ поръ въ магазинахъ, по распоряженію полиціи были повсюду убраны [4]. Преданный іезуитамъ кардиналъ де-ла-Рошъ-Эймонъ получилъ въ свое завѣдываніе списки бенефицій вмѣсто орлеанскаго епископа Жаранта, вѣдавшаго ихъ раньше въ теченіи семи лѣтъ и, нужно признаться, больше занимавшагося танцовщицами оперы, чѣмъ буллою Unigenitus [5]. Нѣкоторые члены общества іезуитовъ получили бенефиціи и этимъ путемъ снова вошли въ составъ церкви [6]. Въ ноябрѣ 1771 г. по окончаніи вакацій новаго парламента парижскій архіепископъ лично служилъ *красную обѣдню* [7] и въ восторгѣ отъ совершившихся неожиданныхъ перемѣнъ, сказалъ, что ему не остается болѣе, какъ прежде чѣмъ умереть, пропѣть пѣснь Симеона: *Нынѣ отпущаеши рабамъ твоимъ* [8].

[1]. 15 іюня 1771 г.—Isambert, XXII, 529.—Hardy, I, 266.

[2]. Regnaut, I, 218, 213.—Cf. Geffroy et d'Arneth. *Marie Antoinette,* I, 167.

[3]. Hardy, I, 265.

[4]. Bachaumont, XIX, *Additions,* 334.

[5]. Этотъ прелатъ открыто содержалъ г-жу Гимаръ и помѣстилъ ее въ одномъ изъ монастырей. Отъ него не только отняли завѣдываніе бенефиціями, но и сослали за то, что онъ имѣлъ неосторожность неодобрить дѣйствія канцлера.

[6]. Hardy, II, 17.

[7]. Такъ называлась обѣдня, которую служили передъ началомъ сессіи парламента, при чемъ всѣ магистраты присутствовали на ней въ красныхъ мантіяхъ.

[8]. Regnaut, I, 253. Парижскому архіепископу Христофору де Бомонъ было тогда шестьдесятъ девять лѣтъ.

Благосклонность къ духовенству дала поводъ думать, что совершенный государственный переворотъ былъ дѣломъ іезуитовъ, которые, сваливъ старую магистратуру, надѣялись вновь захватить прежнее вліяніе. И дѣйствительно, они всѣми силами помогали ему; говорили, что во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ парижскій архіепископъ «состоялъ секундантомъ» канцлера [1], но въ сущности иниціатива исходила изъ министерства, Мопу искалъ въ духовенствѣ только поддержу для себя [2]. Точно также и не затрудненія, въ которыя было поставлено правительство процессомъ д'Эгильона, побудили канцлера на государственный переворотъ. Если вѣрить многимъ современникамъ той эпохи, то онъ хотѣлъ путемъ этого насилія выйти изъ почти безвыходнаго финансоваго положенія. Такъ какъ Людовикъ XV отказалъ въ объявленіи банкротства и вовсе не желалъ уменьшить свои издержки, то приходилось создавать новые налоги и пуститься на разныя мѣры, придумываемыя аббатомъ Террэ, но которымъ парламенты конечно оказали бы горячее сопротивленіе. Съ этого момента была рѣшена гибель магистратуры и король согласился на мѣру, которой процессъ д'Эгильона давалъ только удобный предлогъ [3]. И дѣйствительно, какъ только былъ уничтоженъ парижскій парламентъ, тотчасъ же начались финансовыя операціи. Эдикты о чрезвычайныхъ податяхъ повторялись такъ часто, что въ теченіи одного 1771 г. король получилъ свыше ста милліоновъ сверхъ своего обыкновеннаго дохода, при чемъ ни одинъ изъ государственныхъ долговъ не былъ погашенъ [4].

Однако, какъ ни было распространено убѣжденіе, что источникомъ всего происходившаго были финансовыя

[1]. Hardy, I, 271.—Regnaut, I, 214.

[2] Regnaut, I, 212—213.

[3]. Id., I, 12—16.—Hardy, II, 325.—Augeard, *Mémoires*, 33, 35—36 (in 8°, Paris, Plon, 1866).

[4]. Regnaut, I, 181.

неурядицы, оно было вѣрно только отчасти. Давно уже можно было предвидѣть, что королевская власть, раздраженная безпрерывными столкновеніями съ магистратурою, попытается когда-нибудь уничтожить ея сопротивленіе. Положеніе дѣлъ было таково, что изъ него можно было выйти только посредствомъ государственнаго переворота и Людовикъ XV прибѣгъ къ нему, какъ только нашелся министръ достаточно смѣлый, чтобы совершить его. Никто не вѣрилъ, чтобы канцлеръ руководился, какъ онъ самъ увѣрялъ, мыслью о реформѣ, такъ какъ въ дѣйствительности онъ ввелъ въ судебномъ вѣдомствѣ такія нововведенія, непосредственнымъ результатомъ которыхъ было только разстройство магистратуры [1]. Къ тому же парламенты не представляли исключительно судебнаго учрежденія; вовлеченные силою вещей на политическую почву, они представляли тогда единственную преграду для народа противъ абсолютной власти. Въ дѣйствіяхъ верховной власти, уничтожившей парламенты, Франція видѣла только одно—что ее отдавали на произволъ деспотизма, лишая возможности защищаться. Самъ Мопу, принося страну въ жертву эгоистическихъ интересовъ потерявшей достоинство королевской власти, руководился личными страстями. Врагъ магистратуры, которая, какъ онъ зналъ, презирала его; пожираемый алчнымъ желаніемъ власти, онъ спѣшилъ воспользоваться случаемъ, удовлетворяющимъ

[1]. Въ частности онъ вовсе не коснулся уголовныхъ законовъ, которыхъ позорило частое примѣненіе смертной казни и пересмотра которыхъ требовали всѣ классы общества и даже простой народъ. См. то, что сказано выше по поводу казни кавалера де ла Барръ. Cf. Hardy, I, *passim*, который аккуратно записывалъ всѣ смертные приговоры и не разъ выражалъ сожалѣніе по поводу злоупотребленія ими со стороны трибуналовъ. Канцлеръ съ большимъ шумомъ заявилъ о переработкѣ судебнаго законодательства, но знаменитый Кодексъ Мопу (Code Maupeou) свелся на упрощеніе нѣкоторыхъ формъ судопроизводства. Bachaumont, XIX, Additions, 320.

сразу и его честолюбіе и ненависть [1]. Достаточно прослѣдить всѣ его дѣйствія, чтобы убѣдиться, что онъ не руководился никакою возвышенною и благородною цѣлью. Брюнетъ, съ блѣднымъ лицомъ, острымъ, проницательнымъ и подозрительнымъ взглядомъ, который казалось постоянно искалъ себѣ добычу,—вся его фигура дышала холоднымъ злодѣйствомъ. Можно было предугадать, писалъ Вальполь, что «злобная жестокость его природы» должна была наталкивать его на всѣ насилія, которыя могли бы помочь его намѣреніямъ [2].

Однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ результатовъ государственнаго переворота 1771 г. было сосредоточеніе общихъ усилій мысли и смѣлыхъ доктринъ на одной и той же цѣли. За религіозною борьбою, которую энциклопедисты считали окончившеюся, послѣдовала политическая борьба; но эту новую борьбу уже не вели энциклопедисты въ строгомъ смыслѣ. Вольтеръ, не прощавшій парламентамъ ихъ преслѣдованіе литераторовъ и не перестававшій упрекать ихъ за казнь Каласа и кавалера де ла Барра, даже привѣтствовалъ мѣры, принятыя канцлеромъ. Въ его глазахъ, учрежденія шести высшихъ совѣтовъ было достаточно, чтобъ сдѣлать правленіе Людовика XV цѣннымъ для Франціи [3]. Правда, ему не доставало чувства свободы, такъ какъ онъ говорилъ, что

[1]. Безанваль положительно утверждаетъ, что Мопу прибѣгнулъ къ насилію для удовлетворенія своего честолюбія и ненависти къ парламенту, въ которомъ онъ былъ въ теченіи пяти лѣтъ первымъ президентомъ. Его управленіе въ это время не было «ни безупречно, ни незапятнано», и онъ зналъ, что магистраты намѣрены были обличить его въ этомъ, что могло нанести ударъ его значенію при дворѣ. Bensenval, I, 366—367.—Съ другой стороны изъ заявленій Реньо, I, 214, слѣдуетъ, что канцлеръ дѣйствовалъ *со дня на день*, безъ заранѣе обдуманной системы; что сначала онъ хотѣлъ только поразить парижскій парламентъ, но потомъ соотвѣтственно оказываемому сопротивленію, онъ все болѣе усиливалъ свои репрессивныя мѣры.

[2]. Walpole, 246.

[3]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XIV, 94,—245 (февраль 1771 г.—январь 1772).

предпочитаетъ «подчиняться прекрасному льву, который гораздо сильнѣе его, чѣмъ двумъ стамъ крысъ, принадлежащимъ къ одной съ нимъ породѣ [1]». При новыхъ обстоятельствахъ во главѣ движенія стали *патріоты*, теоріи которыхъ была ближе къ экономистамъ, чѣмъ къ энциклопедистамъ [2]. Даже янсенисты обратили противъ деспотизма монархіи всѣ силы, которыя они прежде направляли противъ деспотизма папства, и соединились съ *патріотическою партіею* [3]. Съ этого времени на ряду съ листками, сыпавшимися какъ градъ на министерство, стали появляться сочиненія, авторы которыхъ стремились собрать и развить теоріи, высказанныя раньше «объ естественной свободѣ человѣка, о неотъемлемости его правъ, о происхожденіи королевской власти и объ общественномъ договорѣ [4]».

Новые доктринеры выпускали брошюру за брошюрой, чтобы такими повторными ударами скорѣе достигнуть своей цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ самою этою безпрерывностью заставить правительство ослабить строгость власти [5]. Эти сочиненія стали распространяться во второй

[1]. Id., *Ibid.*, XIV, 136, 151.

[2]. Не безинтересно привести здѣсь, какъ Бошомонъ, или вѣрнѣе его продолжатель, смотрѣлъ на періодъ, протекшій отъ уничтоженія іезуитовъ до смерти Людовика XV: «Сначала *энциклопедисты*, усовершенствовавъ метафизику, внеся въ нее ясность,—лучшее средство для разсѣянія мрака, которымъ, окутала ее теологія, —уничтожили фанатизмъ и суевѣріе. За ними слѣдовали *экономисты*: занимаясь преимущественно вопросами морали и практической политики, они искали средствъ сдѣлать народы болѣе счастливыми, укрѣпляя общественныя узы путемъ взаимныхъ услугъ и лучше поставленнаго обмѣна и побуждая человѣка къ изученію природы. Наконецъ время смутъ и гнета породило *патріотовъ*, которые, восходя къ источникамъ закона и формъ правленія, доказали взаимность обязанностей подданныхъ и государей и установили великіе принципы». Bachaumont, I, *Предисловіе.*

[3]. Bachaumont, XXI, Additions, 131.

[4]. Id., *ibid.*, 120.

[5]. Id., *ibid.*, 120.

половинѣ 1771 г.; въ нихъ больше всего нападали на принципы, провозглашенные въ эдиктѣ 1770 г. «Пребываетъ ли верховная власть въ одномъ человѣкѣ или во всей совокупности націи?»—Таковъ былъ вопросъ, поставленный въ одномъ изъ первыхъ сочиненій этого рода [1]. Въ нихъ отрицалось, что король получаетъ свою *власть отъ Бога*, что ему *одному и безраздѣльно* принадлежитъ законодательная власть,—отрицаніе тѣмъ болѣе легкое, замѣчаетъ Мероберъ, «что оно вписано въ сердцѣ человѣка [2]». Заявлялось, что всѣ распоряженія государя, нарушавшаго основные законы государства, ipso facto не дѣйствительны [3]; намекалось, что по отношенію ко всѣмъ такимъ распоряженіямъ народы имѣютъ «право сопротивленія». Въ сочиненіи, изданномъ въ Лондонѣ, *Объ англійской конституціи*, и проникшемъ не смотря на бдительность полиціи во Францію, авторъ по поводу революціи 1688 г. говорилъ: «Изгнаніемъ короля, нарушившаго свою клятву, были положены великіе и истинные принципы обществъ. Ученіе о сопротивленіи, этотъ послѣдній рессурсъ угнетаемыхъ народовъ, было установлено какъ безспорное устраненіемъ всей фамиліи, наслѣдственно деспотической. Рѣшено было, что народы не принадлежатъ королямъ. Всѣ эти принципы пассивнаго послушанія, божественнаго права, ненарушаемой власти,—все это построеніе ложныхъ утвержденій на

[1]. Приводимъ заглавія нѣкоторыхъ сочиненій: *Réponse aux trois articles de l'Edit enregistré au lit de justice du 7 décembre 1770; Principes de la législation française, prouvés par les monuments de l'histoire de cette nation, relatifs aux affaires du temps; Tableau de la Constitution française, ou Autorité des rois de France dans les différents âge de la monarchie.* (Bachaumont, V, 368—370. Additions, XIX, 326, и XXI, 120. Іюнь—ноябрь 1771).

[2]. Bachaumont, XXI, Additions, 120.

[3]. *Réflexions sur le système projeté par le maire du palais pour changer la constitution de l'Etat.* Bachaumont, XXI, Additions, III (сентябрь 1771).

которое опиралась до тѣхъ поръ королевская власть,—все это было ниспровергнуто [1]».

При такихъ обстоятельствахъ прошелъ 1771 годъ, несомнѣнно самый смутный во все царствованіе Людовика XV. Въ 1772 г. волненіе, хотя и не столь шумное, все еще продолжалось. Принцы крови продолжали свою оппозицію. Частныя лица, вынужденныя обращаться по дѣламъ въ новый парламентъ, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ нанести оскорбленіе назначеннымъ магистратамъ. Одна женщина изъ простого народа, проигравшая свой процессъ, крикнула имъ въ самомъ засѣданіи: «Всѣ вы—куча сводниковъ, подобранная изъ грязи; подождите, старый парламентъ вернется и возстановитъ мое право [2]». Листки, направленные противъ канцлера, сдѣлались еще болѣе злобными. Авторъ *Секретной переписки г. де Моny съ г. де Соруэ* издалъ новые выпуски писемъ, въ которыхъ, замѣнивъ иронію оскорбленіями, разсказывалъ, какъ принцы крови оставили канцлера на произволъ народной вражды, который его тащитъ по грязи, наноситъ ему тысячи ударовъ и, бросивъ на костеръ его изуродованный трупъ, разсѣеваетъ его пепелъ по вѣтру среди восторженнаго одобренія [3]. Такъ какъ Gazette de France (офиціальный органъ) не переставала утверждать, что всѣ перемѣны, предписанныя министерствомъ, повсюду исполняются совершенно спокойно и пользуются одобреніемъ общества, то стали выходить *Дополненія къ Французской газетѣ* (Supplémenis à la Gazette de France), которыя, подъ предлогомъ исправленія лжи, часто распространяемой этою газетою, являлись въ политическомъ отношеніи тѣмъ же, чѣмъ были прежде въ религіозномъ,—*Церковныя Новости* [4]. Постановленіемъ въ

[1]. Bachaumont, VI, 38—40 (ноябрь 1771).

[2]. Hardy, II, 8 (январь 1772 г.).

[3]. Bachaumont, VI, 116—119 (февраль 1772 г.).

[4]. Id., XXI, Additions, 131. Первый номеръ ихъ появился въ декабрѣ 1771 г. Въ декабрѣ 1772 г. вышелъ уже десятый номеръ.

мартѣ 1772 г. парламентъ осудилъ сжечь *Секретную переписку* и одно изъ этихъ *Дополненій*, а авторовъ ихъ призналъ виновными *во второй степени* (au second chef) въ оскорбленіи божескаго и человѣческаго величества [1]. На этотъ приговоръ выпущена была пародія въ видѣ постановленія парламента отъ 3 апрѣля 1772 г., которое будто бы было сдѣлано на основаніи реквизиторія генеральнаго адвоката противъ «тайнаго памфлета, продукта темнаго заговора восемнадцати милліоновъ душъ [2]».

Послѣдній приговоръ парламента не только не испугалъ авторовъ листковъ, но, казалось, еще усилилъ ихъ смѣлость [3]. Вмѣстѣ съ язвительными эпиграммами и оскорбительными картинками, выпускавшимися все въ большемъ и большемъ количествѣ по адресу канцлера, появились одинъ за другимъ les Oeufs rouges [4], le Bouquet de Monseigneur [5], les Filets de Monseigneur [6],— самые жестокіе памфлеты, доведшіе бѣшенство Мопу до высшей степени [7]. Нападали не только лично на него, но и на его наиболѣе ревностныхъ помощниковъ. Напечатали вымышленные ремонтрансы новаго парламента, въ которыхъ магистраты, жалуясь на то, что ихъ дурно оплачиваютъ за ихъ преданность, обѣщаютъ за одинъ экю зарегистровать всѣ эдикты, которые будутъ сообщены имъ министерствомъ [8]. Одновременно съ лист-

[1]. Постановленіе парламента отъ 14 марта 1772 г., осуждающее на сожженіе двѣ брошюры, озаглавленныя: одна—*Suite de la Correspondance* и другая—*Supplément à la Gazette de France.*

[2]. Bachaumont, VI, 142.

[3]. Id., XXI, Additions, 142.

[4]. Въ маѣ 1772 г. Bachaumont, XXIV, Additions, 152—160.

[5]. Въ октябрѣ 1772 г. Bachaumont, XXIV, Additions, 232—235.

[6]. Въ ноябрѣ 1772 г. Hardy, II, 118.

[7]. Ожаръ въ своихъ *Мемуарахъ* на стр. 65 признается, что былъ авторомъ нѣкоторыхъ изъ этихъ листковъ и особенно части *Секретной переписки.*

[8]. Bachaumont, XXIV, Additions, 163.

ками продолжали выходить и политическія брошюры. Въ одной изъ нихъ подъ заглавіемъ Maximes du droit public говорилось, что «короли созданы для народовъ, а не народы для королей [1]». Въ другой, въ которой разсматривался вопросъ о происхожденіи монархіи, утверждалось, «что король и законъ получаютъ свою власть изъ одного источника,—единодушнаго желанія народа», и что послѣдній «имѣетъ право собираться по собственному почину» для обсужденія дѣлъ своего государства [2]. Немногія сочиненія, ограничивавшіяся принципами, которые высказывали раньше парламенты [3], не находили себѣ отклика. Общественное мнѣніе пошло уже гораздо дальше тѣхъ принциповъ, которыхъ преслѣдовала королевская власть.

Въ виду такихъ упорныхъ нападеній, Мопу, чувствовавшій необходимость найти себѣ союзниковъ, не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы сдѣлаться пріятнымъ духовенству. По ходатайству парижскаго архіепископа особыми грамотами было отмѣнено исполненіе приговора прежняго парламента, объявленнаго въ февралѣ 1768 г. и запрещавшаго оглашеніе во Франціи какого бы то ни было распоряженія римскаго двора безъ особаго разрѣшенія. Это значило открыть путь для возстановленія іезуитовъ, и теперь болѣе чѣмъ когда либо возникало опасеніе относительно ихъ возвращенія [4]. Удовле-

[1]. Id., ibid., 201, 202 (августъ 1772 г.)

[2]. *Inauguration de Pharamond.* Bachaumont, XXIV, Additions, 121—128 (мартъ 1772 г.). Въ октябрѣ 1772 г. объ обѣихъ этихъ сочиненіяхъ, *les Maximes du droit public* и *l'Inauguration de Pharamond*, было сообщено генеральнымъ прокуромъ парламенту. Hardy, II, 106.

[3]. См. *La Requête das Etats généraux de France au Roi;* Bachaumont, XXIV, Additions, 190—191 (іюль 1772 г.). «Вообще эти сочиненія слишкомъ проникнуты духомъ парламента, замѣчаетъ Мероберъ, и заботятся болѣе о возстановленіи магистратуры, чѣмъ о дѣйствительномъ устраненіи государственныхъ золъ».

[4]. Эти грамоты изданы 18 января 1772 г., но вслѣдствіе пред-

творяя злобѣ епископата противъ философовъ, канцлеръ приказалъ заложить камнями то помѣщеніе въ Бастиліи, гдѣ были сложены экземпляры новаго изданія Энциклопедіи, подъ предлогомъ, что заинтересованными въ немъ лицами дѣлаются попытки обратнаго полученія ихъ [1]. Выборы двухъ энциклопедистовъ—Сюара и поэта Делиля—во Французскую Академію были кассированы королемъ [2]. Самъ Вольтеръ, несмотря на выраженное имъ сочувствіе дѣйствіямъ канцлера, потерпѣлъ неудачу, когда хлопоталъ передъ Совѣтомъ въ пользу юрскихъ сервовъ духовнаго вѣдомства [3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мопу продолжалъ противопоставлять направленнымъ противъ него памфлетамъ массу брошюръ. Въ числѣ ихъ обратила на себя вниманіе одна, подъ заглавіемъ Voeu de la nation съ эпиграфомъ Deus nobis haec otia fecit, являвшимся оскорбленіемъ всего общества [4]. Какъ и въ предшествовавшемъ году, министру приходилось принимать строгія мѣры противъ сочиненій, которыя переходили границы въ защитѣ его дѣла [5], что вмѣстѣ съ тѣмъ служило средствомъ, чтобы думали, что онъ не принимаетъ участія въ изданіи этихъ книгъ. Съ своей стороны полиція занималась самымъ тщательнымъ розыскомъ съ цѣлью узнать откуда исходятъ всѣ эти памфлеты. Явилось подозрѣніе, что складъ листковъ имѣется въ одномъ покинутомъ аббатствѣ Соссэ, по

ставленій иностранныхъ правительствъ онѣ были отмѣнены декларацією отъ 8 марта того же года. Hardy, II, 13, 42. Ср. Bachaumont, VI, 108—110.

[1]. Bachaumont, VI, 190 (іюль 1772 г.).

[2]. Id., VI, 163—164 (май 1772). Ср. Grimm, VIII, 29—35. Извѣстно, что *энциклопедистами* не называли однихъ только писателей, сотрудничествовавшихъ въ *Энциклопедіи*, но и тѣхъ, которые по своимъ отношеніямъ и по доктринамъ были близки этой партіи.

[3]. Grimm, VII, 421.

[4]. Hardy, II, 75.

[5]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 28 ноября 1772 г., запрещающее сочиненіе подъ заглавіемъ: *Lettres provinciales*. Ср. Bachaumont, XXIV, Additions, 253.

дорогѣ въ Вилльжюифъ, и тотчасъ же были въ немъ обысканы всѣ погреба и, какъ тогда говорили, рылись даже въ гробахъ [1].

Парламентъ пытался остановить этотъ потокъ памфлетовъ посредствомъ крайне строгихъ, почти инквизиціонныхъ мѣръ. Онъ предписалъ преслѣдовать не только авторовъ, типографщиковъ и распространителей этихъ сочиненій, но и «единомышленниковъ и соучастниковъ», даже просто читателей ихъ [2]. Теперь общество было отдано на жертву самаго крайняго произвола. Дѣлались обыски въ домахъ [3]; достаточно было имѣть у себя одинъ изъ этихъ листковъ, чтобъ быть немедленно арестованнымъ [4]. Аресты производились на улицахъ, на публичныхъ гуляніяхъ [5]. Парижъ кишѣлъ шпіонами, но несмотря на самое широкое примѣненіе крайне строгихъ мѣръ, все таки не удалось уничтожить обращенія въ обществѣ этихъ сочиненій. Какъ во время янсенизма, вся нація была въ заговорѣ, даже женщины участвовали въ распространеніи ихъ, и одновременно съ этимъ расклеивались афиши, въ которыхъ писали: Maupeou gredin, chancelier à pendre, scélérat à écarteler [6]. Когда нормандское дворянство обратилось къ королю съ письмомъ, сдѣлавшимся общеизвѣстнымъ, въ которомъ оно жаловалось на тяготѣвшее надъ всею провинціею ярмо, одному комиссару Шателэ и полицейскому

[1]. Hardy, II, 44 (апрѣль 1772 г.). Въ этомъ аббатствѣ уже не было монахинь, а жилъ только управляющій.

[2]. Id., II, 78 (іюль 1772 г.).

[3]. Id., II, 98 (сентябрь 1772 г.).

[4]. Id., II, 103 (октябрь 1772 г.).

[5]. Id., II, 91.—Regnaut, I, 361, писалъ въ концѣ 1772 г. «Количество гражданъ, арестуемыхъ ежедневно по поводу этихъ сочиненій, безчисленно; это—самая настоящая инквизиція и тиранія».

[6]. Hardy, II, 106 (октябрь 1772 г.).

[7]. Это письмо было напечатано и распространено въ Парижѣ подъ заглавіемъ: *Requête présentée au Roi par la noblesse de Normandie.* Bachaumont, VI, 268—269.—Hardy, II, 119 (декабрь 1772). Дочь одного совѣтника прежняго парламента, у которой были

чиновнику (un exempt) было поручено объѣхать всѣ замки и потребовать отъ каждаго дворянина отреченія отъ высказанныхъ мнѣній, грозя въ противномъ случаѣ ссылкою [1].

Между тѣмъ генеральный контролеръ аббатъ Террэ, объ которомъ говорили, что онъ сочинялъ свои эдикты между висѣлицею и кардинальскою шапкою, продолжалъ производить «кровопусканіе» народа, создавая все новые налоги и дѣйствуя «хуже чѣмъ пьявка, которая, насосавшись, отваливается отъ кожи [2]». Всѣмъ новымъ парламентамъ было воспрещено представлять ремонтрансы [3] и, дѣйствительно, ихъ уже не было до самой смерти Людовика XV. Предоставленная въ добычу министрамъ, которыхъ не сдерживала никакая узда и изъ которыхъ каждый былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ вѣдомствѣ, Франція была похожа на завоеванную страну, на которую иноземное правительство налагаетъ новые законы [4]. Менѣе чѣмъ въ одинъ годъ сто тысячъ людей, пострадавшихъ въ имущественномъ отношеніи или опасавшихся за свою свободу, покинули столицу и удалились или въ глушь провинцій или за границу [5]. Съ такимъ шумомъ отмѣненная, плата судьямъ процвѣтала, принявъ только иную форму. Аббатъ Террэ и другой министръ, герцогъ де ла Врилльеръ, предоставили извѣстнымъ, потерявшимъ всякій стыдъ, женщинамъ открыто торговать должностями, которыя зависѣли отъ этихъ министровъ. Та, которая управляла генеральнымъ контролеромъ, на столько же жадная, какъ и развратная, дошла въ этомъ случаѣ до такой крайности, что аббату по неволѣ пришлось

захвачены экземпляры этого прошенія, была арестована и посажена въ Бастилію.

[1]. Regnaut, I, 284.

[2]. Id., I, 266. Говоря точнѣе, министерство формально потребовало, чтобы ремонтрансы хранились *въ секретѣ*, тогда какъ прежде онѣ получали огласку.

[3]. Regnaut, I, 282—284.

[4]. Walpole, 257.

разстаться съ нею [1]. Съ своей стороны Людовикъ XV, «запершись въ сералѣ и погрузясь въ развратъ», предоставилъ въ распоряженіе г-жи Дюбарри государственные доходы. «Только бы были у него деньги для уплаты за свои удовольствія, а обо всѣхъ этихъ безпорядкахъ у него было мало заботы [2]».

Обращая свое вниманіе преимущественно на летучіе листки, а не на серьезныя сочиненія, министерство предоставило свободно распространяться сочиненію аббата Рейналя «L'Histoire philosophique et politiques des établissement et du commerce des Européens dans les deux Indes»,— гораздо болѣе смѣлому, чѣмъ большинство тѣхъ, которыя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ подвергались строгимъ преслѣдованіямъ, такъ какъ авторъ съ одинаковою силою нападалъ въ немъ на всѣ власти на землѣ, на министровъ, на духовенство и на королей. Наконецъ шумъ, поднятый этою книгою, заставилъ правительство осудить ее, но оно удовлетворилось въ этомъ случаѣ только запрещеніемъ ея посредствомъ постановленія Совѣта [3]. Точно также въ январѣ 1773 г. ограничились однимъ только

[1]. Walpole, 250. Г-жу Дюбарри, метрессу аббата Террэ и метрессу герцога де ла Врильера называли «три напасти» (les trois *Disgrâces*). Непереводимый каламбуръ.

[2]. Regnaut. I, 274, 284. Всему, что разсказываетъ Реньо о Людовикѣ XV и его правительствѣ, можно вѣрить тѣмъ болѣе, что онъ былъ искреннимъ и глубокимъ роялистомъ. Въ одномъ мѣстѣ его *Мемуаровъ* имѣется слѣдующее замѣчательное разсужденіе: «Есть одинъ государственный законъ, освященный во всѣ вѣка закономъ Божескимъ, это—обязанность уважать государя, даже тогда, когда онъ творитъ несчастье для ввѣреннаго ему народа». II, 291.

[3]. Постановленіе Государственнаго Совѣта, запрещающее печатное произведеніе подъ заглавіемъ: *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*, въ шести томахъ, in—8°. Это постановленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ строчекъ и не заключаетъ въ себѣ никакихъ мотивовъ и выдержекъ изъ сочиненія. Аббатъ Рейналь не выставилъ своего имени на этомъ первомъ изданіи своего сочиненія. Ср. Grimm, VIII, 366.—Bachaumont, VI, 169. 291.

запрещеніемъ не менѣе смѣлой книги «les Réflexions philosophiques sur le système de la nature», въ которой проводилась мысль, что народы не только имѣютъ право, но ихъ *долгъ* возставать противъ деспотизма, и что въ силу того, что король пользуется своею властью съ согласія народа, онъ отвѣтственъ не предъ однимъ только Богомъ, но «что и на землѣ есть люди, которые вправѣ потребовать отъ него отчета въ его поведеніи [1]». Такъ быстро подъ впечатлѣніемъ дѣйствій правительства шагнула мысль впередъ въ политической области. Канцлеръ повидимому обезпокоился этимъ обстоятельствомъ; онъ довелъ осторожность до того, что запретилъ печатаніе *Капитуларій* Балюза изъ опасенія, чтобы этотъ сборникъ старинныхъ французскихъ законовъ не далъ оружія въ руки писателей-патріотовъ [2]. Съ своей стороны парламентъ продолжалъ свои розыски по поводу «противоканцлерскихъ» сочиненій [3]. По этому поводу были привлечены къ суду пятьдесятъ два лица, процессъ которыхъ тянулся почти весь 1773-й годъ [4]. Пока всѣ эти событія совершались въ Парижѣ, въ провинціяхъ возникали бунты вслѣдствіе дороговизны хлѣба; таковы были бунты въ Э, Тулузѣ, Бордо, Альби, Мармандѣ, По и Лиможѣ. Крестьяне толпами направлялись въ городъ, требуя хлѣба, и являлось опасеніе, какъ бы непрерывная нужда не вызвала общаго возстанія [5].

Среди столькихъ совершенно основательныхъ поводовъ къ раздраженію общество получило одно удовлетвореніе. Какъ мы уже говорили, оно опасалось возста-

[1]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 17 января 1773 г., запрещающее сочиненіе въ одномъ томѣ in—12°, озаглавленное: *Réflexions philosophiques sur le système de la nature.* Ср. Bachaumont, VI, 307—308, 313—316.

[2]. Bachaumont, VI, 352 (мартъ 1773 г.).

[3]. Hardy, II, 148, 176, 183 (январь—конецъ апрѣля 1773 г.).

[4]. Окончательный приговоръ былъ объявленъ только въ январѣ 1774 г. (Hardy, II, 279).

[5] Hardy, II, 192, 198 (май—іюнь 1773).—Regnaut, II, 173—174.

новленія іезуитовъ, но бреве Климента XIV, изданное въ іюлѣ 1773 г., окончательно отмѣняло этотъ орденъ. Іезуиты на этотъ разъ казалось были совершенно уничтожены, а ихъ ультрамонтанскія доктрины не позволяли имъ возражать противъ власти, которая ихъ поразила [1]. Однако парижскій архіепископъ пытался образовать среди духовенства партію, которая могла бы помѣшать исполненію этого декрета. Заимствуя въ этомъ случаѣ свои аргументы у янсенизма, ожесточеннымъ преслѣдователемъ которыхъ онъ былъ до сихъ поръ, онъ утверждалъ, что это бреве содержало статьи, противныя вольностямъ галликанской церкви. Ходили слухи, что съ тридцатью другими епископами онъ намѣренъ аппелировать будущему общему собору; но, убѣдившись, что дворъ не расположенъ поддерживать его, онъ оставилъ свое намѣреніе [2]. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ правительство не могло отдѣлиться отъ другихъ католическихъ дворовъ, которые всѣ просили папу объ изданіи декрета, уничтожающаго орденъ іезуитовъ. Къ тому же самъ Пану далеко не былъ благочестивъ. Послѣ возбужденныхъ и пережитыхъ имъ бурь, онъ вовсе не хотѣлъ снова возбуждать противъ себя общественное мнѣніе возстановленіемъ ненавидимаго учрежденія, а быть можетъ надѣялся даже возбудить къ себѣ симпатіи, содѣйствуя его полному уничтоженію. Но за это бреве приходилось заплатить возвращеніемъ Авиньона и графства Венессэнъ [3]; кромѣ того канцлеръ считалъ также своею обязанностью показать, что исчезновеніе іезуитовъ не сдѣлало правительство болѣе снисходительнымъ къ врагамъ религіи.

[1]. Regnaut, II, 254.

[2]. Hardy, II, 266 (сентября 1773 г.). Король выразилъ свое намѣреніе поддержать исполненіе этого бреве, разославъ экземпляры его всѣмъ епископамъ Франціи. Id., ibid.

[3]. Съ іюля 1769 г. въ Парижѣ разсказывали объ одномъ письмѣ папы къ королю, въ которомъ онъ намекалъ, что можетъ помочь ему уничтожить іезуитовъ, если ему будетъ возвращенъ Авиньонъ. Bachaumont, IV, 313—315.

Въ январѣ 1774 г. Парламентъ, жегшій до сихъ поръ только листки, направленные противъ Мопу, осудилъ теперь на сожженіе два сочиненія, какъ нечестивыя [1]. Одно изъ нихъ,—посмертное произведеніе Гельвеція, въ которомъ священники и религія трактовались «съ недопустимымъ вольнодумствомъ [2]»,—называлось: De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation, другое было озаглавлено: le Bon Sens [3] и преставляло собою катехизисъ атеизма «для всеобщаго руководства, для женщинъ, дѣтей, для самыхъ необразованныхъ и невѣжественныхъ людей» или, какъ выразился проще Гриммъ, «для горничныхъ и парикмахеровъ [4]».

Мопу было тѣмъ легче содѣйствовать папскому бреве объ уничтоженіи іезуитовъ, что теперь для него была не очень нужна помощь духовенства. Въ концѣ декабря 1772 г. принцы крови, хотя и продолжая поддерживать въ извѣстной мѣрѣ свои прежніе протесты, возвратились ко двору [5]. Члены закрытыхъ парламентовъ, или по крайней мѣрѣ большинство ихъ, долгое время отказывавшіеся отъ ликвидаціи дѣлъ по своимъ должностямъ на томъ основаніи, что ихъ уступка по этому пункту была бы молчаливымъ признаніемъ совершившихся событій, въ

[1]. Постановленіе парламента отъ 10 января 1774, осуждающее на сожженіе двѣ книги, озаглавленныя: первая—*le Bon Sens, ou Idées naturelles opposées aux idées surnaturelles*, томъ въ 315 страницъ; вторая—*De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation*, въ двухъ томахъ.

[2]. Grimm, VIII, 245.

[3]. Авторомъ этой книги былъ баронъ д'Ольбахъ.

[4]. Bachaumont, VI, 259.—Grimm, VIII, 146.

[5]. Hardy, II, 125—127, 132—133. Прошеніе нормандскаго дворянства послужило одною изъ причинъ этого возвращенія. Оно было адресовано подписавшими его герцогу Орлеанскому, который долженъ былъ передать его королю. Дворъ почувствовалъ опасность, если послѣдуетъ соглашеніе между принцами крови и дворянствомъ, и устроилъ возвращеніе первыхъ ко двору. Regnaut, II, 67. Ср. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, I, 396.

концѣ концовъ уступили [1]. Само общество обнаруживало уже меньшую горячность въ оппозиціи; памфлеты стали появляться рѣже и были менѣе рѣзки. Въ теченіи двухъ лѣтъ страна продолжала питать надежду на возвращеніе прежняго порядка вещей; ежемѣстно распространялся слухъ, что парламенты возстанавляются и канцлеръ попалъ въ немилость [2]. Эти надежды, постоянно возрождавшіяся и затѣмъ опровергавшіяся, утомили общество. Въ серединѣ 1773 г. стало замѣчаться нѣчто худшее, чѣмъ утомленіе, какъ это часто случается съ народами, надъ которыми тяготѣетъ деспотизмъ: всѣми умами овладѣло «своего рода оцѣпѣненіе и летаргія [3]». За этою летаргіею вскорѣ послѣдовало другое—лихорадочное увлеченіе наслажденіями и мотовство. «Никогда я не видѣлъ такой игры и столько зрѣлищъ», замѣчаетъ современникъ. «При дворѣ и въ столицѣ царили удовольствія, что было совсѣмъ неприлично, такъ какъ могло являться вызовомъ общественной нищетѣ въ глазахъ народа, изнемогающаго отъ нужды, при множествѣ наступившихъ разореній и громадныхъ банкротствахъ [4]». Пѣсня, которая, казалось, исчезла изъ французскихъ нравовъ, снова вошла въ моду [5]. Когда появился *Королевскій альманахъ* на 1774 г., въ которомъ нѣкто г. Мирлаво былъ названъ

[1]. «Значительная партія изъ состава парламентовъ и провинціальныхъ палатъ согласилась на ликвидацію. Если исключить Руанскій и Бретанскій парламенты, которые остались непреклонны, всѣ остальные пошли на соглашенія». Regnaut, II, 155. Правда, что для министерства въ виду отсутствія у него средствъ для ликвидаціи, это согласіе не имѣло особаго значенія.

[2]. Hardy, года 1771 и 1772 и послѣд.

[3]. Id., II, 191 (май 1773). Правительство также стало дѣйствовать умѣреннѣе и съ начала 1773 г. уже не замѣчается такого потока эдиктовъ, декларацій и грамотъ, которыми была наводнена страна въ 1771 и 1772 годахъ (Id., II, 178).—Канцлеръ считилъ, что его система вполнѣ удалась ему.

[4]. Regnaut, II, 117.

[5] Bachaumont, V, 87—88.

«казначеемъ складовъ зерна по счетамъ короля»,—что являлось открытымъ заявленіемъ о торговыхъ спекуляціяхъ, которыми занимался государь,—это не столько раздражило общество, сколько позабавило его; министерство подвергло наказанію типографщиковъ и поспѣшило запретить альманахъ, а парижане удовольствовались тѣмъ, что сочинили по этому поводу пѣсенку [1]. Нѣкоторые люди выражали удивленіе, какъ могла Франція дойти до того, чтобы смотрѣть «спокойно и даже безразлично» «на расчитанныя» дѣйствія деспотизма, первые шаги котораго сперва такъ взволновали ее. «Если когда нибудь, писалъ одинъ изъ нихъ, та искра свободы, которая еще таится въ умахъ небольшаго числа гражданъ, можетъ усилится, возгорѣться и охватитъ часть Франціи, то никто не будетъ вѣрить, чтобы подобные факты были терпимы [2]».

Этимъ же состояніемъ приниженности объясняется почему не было выражено никакого протеста противъ возвращенія папѣ Авиньона и графства Венессэнъ. Съ такимъ же равнодушіемъ было встрѣчено извѣстіе о раздѣлѣ Польши [3]. Если нѣсколько человѣкъ и занимались этимъ событіемъ, то только въ виду возможности войны, которая могла быть послѣдствіемъ его;—одни, видя въ ней источникъ бѣдствій для страны, который можетъ довести ихъ до высочайшей степени; другіе, напротивъ, мечтая о ней, какъ о «спасительномъ толчкѣ [4]». Дѣйствительно, тогда было не мало людей, раздѣлявшихъ мысль, что только сильное потрясеніе можетъ еще возродить Францію. Гельвецій въ сочиненіи, которое было осуждено парламентомъ на сожженіе, вы-

[1]. Hardy, II, 272, 289.—Bachaumont, VII, 138, 140 (февраль 1774 г.).—Hippeau, *Gouv. de Norm.*, IV, 88—89.

[2]. Regnaut, II, 193.

[3]. Однако появилось одно сочиненіе подъ заглавіемъ *les Observations*, въ которомъ говорилось, что этотъ раздѣлъ—насиліе и несправедливость. Bachaumont, VI, 297.

[4]. Regnaut, II, 173—174 (середина 1773 г.).

сказалъ слѣдующее мнѣніе, обратившіе на себя большое вниманіе [1]: «Моя родина попала наконецъ подъ ярмо деспотизма, имѣющаго свойство задушать мысль въ умахъ и доблесть въ душахъ, и нашъ народъ можетъ снова сдѣлаться славнымъ, но уже не подъ именемъ французовъ. Эта униженная нація презирается Европою и никакой спасительный кризисъ уже не возвратитъ ей свободы. Она погибнетъ отъ истощенія, единственное лѣкарство отъ ея несчастій—ея завоеваніе». Но если оппозиція обнаруживала утомленіе, то нельзя того же сказать относительно ненависти, доказательствомъ которой можетъ служить борьба, начатая человѣкомъ, которому предстояла громкая извѣстность въ будущемъ, а именно Бомарше, съ совѣтникомъ новаго парламента Гоезманномъ. Этотъ магистратъ возбудилъ противъ Бомарше процессъ за подкупъ по поводу суммы въ пятнадцать луидоровъ, которую, какъ утверждалъ послѣдній, онъ далъ ему въ придачу къ установленной платѣ при разсмотрѣніи дѣла, которое велъ Бомарше [2]. Бомарше доказалъ, что пятнадцать луидоровъ имъ дѣйствительно даны и бичевалъ своего противника въ мемуарахъ, брызжущихъ иронією и огнемъ, въ которыхъ онъ очень искусно примѣшивалъ къ личнымъ дѣламъ общій политическій вопросъ. Парижъ и Франція страстно слѣдили за процессомъ, который покрывалъ позоромъ презираемую магистратуру [3]. На Бомарше смотрѣли, какъ «на органъ національной мести». Когда былъ произнесенъ надъ нимъ приговоръ, присуждавшій его къ *выговору* (le blâme) [4], ему сдѣлали ова-

[1]. Bachaumont, VII, 120—121 (январь 1774 г.).

[2]. Относительно всего этого дѣла см. *Baumarchais et son temps*, par M. de Lomenie, I, 313—370. Эти пятнадцать луидоровъ были даны не самому Гоезманну, а его женѣ.

[3]. Процессъ тянулся съ августа 1773 г. до февраля 1774 г. «Въ теченіи семи мѣсяцевъ, говоритъ де Ломени, весь Парижъ, вся Франція, можно даже сказать вся Европа, напряженно слѣдили за ходомъ этого процесса.

[4]. Извѣстно, что *выговоръ* влекъ за собою почти-что гражданскую смерть.

цію; «весь Парижъ» поспѣшилъ записаться у него, а на другой день герцогъ Шартрскій и принцъ Конти дали въ честь его праздникъ. Для судей это было самою горькою обидою: общество этимъ путемъ наносило оскорбленіе всему парламенту Мопу. Исходъ процесса былъ настолько унизителенъ для магистратовъ, что повсюду повторялся каламбуръ: Si *Louis quinze* a détruit le Parlement, *quinze louis* détruiront le nouveau. Такое положеніе вещей вскорѣ должно было измѣниться вслѣдствіе чрезвычайно важнаго событія.

Въ апрѣлѣ 1774 г. Людовикъ XV занемогъ тою болѣзнью, которая свела его въ могилу. Эта новость, распространясь по Парижу, тотчасъ же сосредоточила на себѣ всѣ заботы. Въ обществѣ явилась надежда на близость наступленія новаго царствованія; особенно простой народъ не скрывалъ удовольствія въ виду возможности перемѣны короля [1]. Что касается лично Людовика XV, то его состояніе не возбуждало ни сожалѣнія, ни интереса. Согласно принятому обычаю при народныхъ бѣдствіяхъ въ церквахъ были выставлены Св. Дары и открыта рака св. Женевьевы. Общественныя развлеченія и театры были закрыты, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ классахъ общества замѣчалось полное равнодушіе [2]: король сдѣлался какъ бы совершенно чуждымъ странѣ [3]. На его счетъ ходили и разсказывались совершенно открыто самыя неприличныя остроты. Тщетно усиливали аресты: чтобъ прекратить разговоры, нужно было бы арестовать весь Парижъ [4]. Достаточно привести одинъ фактъ, чтобы понять на сколько втеченіе

[1]. Hardy, II, 337.—Besenval, I, 291—292.

[2]. Hardy, II, 330.

[3]. Regnaut, II, 401.—Besenval, I, 292, говоритъ, что «не было никого, кто бы показывалъ хоть малѣйшій интересъ къ королю, до такой степени онъ потерялъ значеніе въ общественномъ мнѣніи».

[4]. Hardy, II, 333. На улицѣ Сенъ Гоноре одно частное лицо сказало своему другу, сообщившему ему объ опасности, въ которой

послѣднихъ тридцати лѣтъ измѣнилось отношеніе парижанъ къ своему государю. По словамъ одного совѣтника—клерка въ парламентѣ Мопу, каноника церкви Notre Dame,—въ этой церкви было заказано въ 1744 г. шесть тысячъ молебновъ о выздоровленіи короля, когда онъ заболѣлъ въ Мецѣ; въ 1557 г., послѣ покушенія Дамьена, число заказанныхъ молебновъ уже спустилось до шестисотъ; въ 1774 г. ихъ было всего на всего три [1]. Въ воскресеніе, 8 мая, за два дня до смерти Людовика XV приходскій священникъ церкви Св. Стефана на горѣ, взойдя на каѳедру во время соборной обѣдни, горячо напалъ на своихъ прихожанъ за то безчувствіе, которое они обнаруживали при столь серьезныхъ обстоятельствахъ. «Христіане ли вы? французы ли вы?» говорилъ онъ имъ съ упрекомъ [2]. Наконецъ Людовикъ XV скончался послѣ слишкомъ продолжительнаго для Франціи царствованія. Его послѣдними словами было подтвержденіе тѣхъ взглядовъ его на абсолютную власть, которую онъ четыре года тому назадъ пытался вновь захватить вопреки всякому праву и законамъ. Принимая причастіе, онъ сказалъ, «что раскаивается въ томъ, что давалъ примѣръ безнравственности своимъ подданнымъ, хотя въ своемъ поведеніи онъ обязанъ давать отчетъ только одному Богу». Скончавшись при полномъ равнодушіи со стороны общества, онъ сдѣлался предметомъ посмертныхъ оскорбленій. Втеченіе цѣлаго слѣдующаго мѣсяца появлялись оскорбительныя для него эпитафіи, плакарды и сатиры, и если вспоминали умершаго короля, то только для того, чтобы оскорбить его память.

Съ Людовикомъ XV исчезъ престижъ королевской власти, монархія Божіей милостью сдѣлалась болѣе невозмож-

находилась жизнь короля: «Какое мнѣ до этого дѣло»? Намъ отъ этого не будетъ хуже, чѣмъ теперь». Говорившій былъ немедленно арестованъ.

[1]. Hardy, II, 330.

[2]. Id., II, 333.

ною во Франціи. Этотъ послѣдній четерехлѣтній періодъ, когда народъ видѣлъ какъ на ряду опозореннымъ развратомъ королемъ царствуетъ г-жа Дюбарри, когда на сценѣ оставались одни только негодяи и развратники, когда повсюду царили безпорядки, неправосудіе и насилія, когда принципы, нравы, обязанности,—все было позабыто,—этотъ короткій и постыдный періодъ закончилъ то, что подготовляло все царствованіе Людовика XV [1]. Скандалы, которыми оно было полно, сдѣлали то, что политическія воззрѣнія философовъ сдѣлались общими для всѣхъ образованныхъ людей. Философія сдѣлала по отношенію къ королевской власти тоже, что сдѣлалъ въ отношеніи церкви періодъ волненій по поводу отказа въ совершеніи таинствъ, когда общество имѣло предъ собою гнетущее духовенство, насилующее совѣсть и замѣняющее своими страстями права истины. Съ полити-

[1]. Умный графъ де Мерси въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Терезіи отъ 11 сентября 1774 г. характеризовалъ этотъ періодъ слѣдующими словами: «Достойныя сожалѣнія излишества короля въ послѣдніе четыре года его жизни окончательно опозорили его царствованіе. Государство оказалось во власти презрѣннаго созданія, родственники котораго и все окружающее его, составляли собраніе гнусныхъ и ничтожныхъ людей, а Франція была отдана подъ ихъ иго. Честные люди постарались отойти въ сторону, предоставивъ мѣсто негодяямъ всякаго рода, наводнявшимъ дворъ. Съ этого момента настали только смуты, беззаконія, скандалы. Все было опрокинуто; не было ни руководства принциповъ, ни традицій,—все предоставлено случаю. Униженіе, въ которомъ находилась нація, вызвало въ ней чувство стыда и невыразимаго уныния. Такимъ образомъ на сценѣ остались только негодяи, и самыя священныя обязанности были позабыты». Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, II, 231. Раньше мы приводили отзывы англичанина Вальполя, барона де Безанваля, главнаго откупщика Ожара, парламентскаго прокурора Реньо, продолжателя мемуаровъ Башомона и книгопродавца Гарди, т. е. людей самыхъ различныхъ положеній, которые всѣ одинаково осуждаютъ конецъ царствованія Людовика XV. См также *les Remontrances de la cour des aides* отъ 6 мая 1775 г., о которыхъ будетъ рѣчь ниже и въ которыхъ достойный и честный Малербъ представилъ настоящій обвинительный актъ этой эпохѣ.

ческой точки зрѣнія можно считать, что въ смыслѣ идей революція уже совершилась въ это время, какъ она уже совершилась раньше въ отношеніи религіи. Королевская власть въ ея прежнемъ значеніи была низвержена, какъ раньше этого рухнула церковь. Наступалъ моментъ, когда революція уже должна была произойти на дѣлѣ. Выражаясь сначала въ попыткахъ реформъ, она должна была столкнуться не столько съ теоріями, вытекавшими изъ прошлаго, теперь уже почти уничтоженнаго, но съ интересами, которые она должна была затронуть и которые могли ее задержать или даже совершенно уничтожить, пока, наконецъ, новыя событія не открыли для нея путь и она пріобрѣла тогда свой истинный характеръ и увлекла за собою все.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЮДОВИКА XVI. — МИНИСТЕРСТВО ТЮРГО.

(1774—1776).

10 мая 1774 г. Людовикъ XVI сталъ королемъ. Онъ вступилъ на престолъ, встрѣченный наилучшими пожеланіями и надеждами націи. Послѣ гнета минувшаго царствованія, закончившагося безпорядками и позоромъ, воцареніе принца, который, несмотря на свои молодые годы, успѣлъ своими хорошими качествами [1] заслужить всеобщее уваженіе, явилось какъ бы обѣщаніемъ осуществленія надеждъ націи. Всѣ желали реформъ и льстили себя надеждой, что новый монархъ захочетъ ознаменовать начало своего царствованія законнымъ удовлетвореніемъ этихъ желаній. Вся страна терпѣливо ждала, чтобы ея, до сихъ поръ заглушаемый, голосъ былъ наконецъ услышанъ. Нельзя, однакоже, сказать, чтобы всѣ эти стремленія и надежды были формулированы въ опредѣленный планъ, немедленное исполненіе котораго ожидалось отъ преемника Людовика XV. Вслѣдствіе самаго возбужденія, въ которомъ находились умы впродолженіе долгихъ лѣтъ, они занеслись въ области теорій, и въ средѣ интеллигенціи существовало большое разногласіе относительно необходимыхъ въ государственномъ порядкѣ перемѣнъ.

[1]. «Всѣ соглашались въ томъ, что молодой монархъ обладалъ тремя качествами, драгоцѣннѣйшими въ государѣ для блага народа: любовью къ справедливости, бережливостью и нравственной чистотой». Hardy, II, 343 (16 мая 1774 г.) Людовикъ XVI, родившійся въ 1754 г., не имѣлъ еще полныхъ двадцати лѣтъ.

«Теперь, писалъ Гриммъ почти на другой же день послѣ смерти Людовика XV, не найдешь ни одного молодого человѣка, который по выходѣ изъ коллегіи не составлялъ бы проэктовъ новой состемы правленія, ни одного автора, который не считалъ бы своею обязанностью указывать правительствамъ наилучшій способъ управленія государствами [1]».

Но масса общества имѣла опредѣленный предметъ желаній. Увольненіе ненавистныхъ министровъ, возстановленіе прежняго парламента, скорѣйшее принятіе мѣръ для поправленія финансовъ и прекращенія голода, отъ котораго страдало населеніе,—таковы были первыя нужды, удовлетвореніе которыхъ ожидалось отъ молодого монарха. По своему внутреннему настроенію Людовикъ XVI былъ склоненъ вступить на путь реформъ. Но, на ряду со всѣми своими хорошими качествами, онъ обладалъ лишь весьма ограниченнымъ умомъ и нерѣшительной волей. Для достиженія предпринимаего имъ преобразованія онъ неминуемо долженъ бы былъ попрать интересы множества людей и встрѣтить оппозицію, тѣмъ болѣе сильную, что она исходила отъ тѣхъ, кому были выгодны эти безпорядки, т. е. отъ людей наиболѣе могущественныхъ и вліятельныхъ. Къ несчастью для него и для всей Франціи, никто при самомъ вступленіи его на престолъ не посовѣтовалъ ему созвать Генеральные Штаты, которые просвѣтили бы его умъ и поддержали бы его волю. Теперь уже невозможно было избѣжать неминуемой революціи. Начало ея лежало не только въ идеяхъ, бродившихъ въ средѣ интеллигенціи,—оно лежало въ томъ духѣ возмущенія и независимости, которымъ охвачена была вся нація и который проникъ до самого трона. Введя предполагаемыя реформы, королевская власть должна была бы и сама подвергнуться нѣкоторымъ преобразованіямъ. Если бы генеральные штаты, были созваны на зарѣ новаго царствованія молодаго монарха, ко-

[1]. Grimm, VIII, 383 (августъ 1774 г.).

тораго знали только съ хорошей стороны, то они быть можетъ имѣли бы дѣйствіе того умѣряющаго элемента, котораго они не въ силахъ уже были представить въ равной степени въ 1789 г. По крайней мѣрѣ они не имѣли бы за собою давленія послѣдующихъ пятнадцати лѣтъ, впродолженіе которыхъ, послѣ безплодныхъ попытокъ улучшенія и неоконченныхъ реформъ, общее разстройство только усилилось и страсти разгорѣлись еще сильнѣе.

Чувства, наполнявшія Людовика XVI, высказались въ первомъ же его указѣ [1], которымъ онъ отказывался отъ суммы въ двадцать четыре милліона, которая должна быть ему поднесена при вступленіи на престолъ (*le droit du joyeux avénement*) и которая стоила платящимъ этотъ налогъ по крайней мѣрѣ сорокъ милліоновъ. Король, прося помощи Всевышняго для поддержанія его въ виду его молодости и неопытности, объявлялъ, что справедливость будетъ основаніемъ его управленія, обѣщалъ порядокъ и бережливость въ финансовыхъ дѣлахъ и говорилъ о своемъ желаніи устроить благосостояніе народа въ такихъ выраженіяхъ, «что Парижъ, по словамъ Гримма, былъ тронутъ до слезъ [2]». Молодая королева Марія-Антуанета, о добротѣ и великодушіи которой также много говорили, сочувствовала вполнѣ монарху и, со своей стороны, отказалась принять сумму денегъ, даваемую по обычаю молодой королевѣ и носившую названіе *le droit de ceinture de la Reine*. Въ этихъ первыхъ актахъ царствованія увидѣли предзнаменованіе будущихъ благодѣяній и чья то рука начертала на подножіи статуи Генриха IV слово: *Resurrexit* [3].

Но среди этихъ восторговъ слышался однако же ропотъ. Указъ появился въ концѣ мая мѣсяца, т. е. три

[1]. См. этотъ указъ у Isambert, XXIII, 4—7. Онъ былъ внесенъ въ регистры 30-го мая 1774 года.

[2]. Grimm, VIII, 329.

[3]. Hardy, II, 301 (12 іюня 1774 г.).

мѣсяца спустя послѣ смерти Людовика XV и преемникъ его, ко всеобщему удивленію, все еще не отмѣнялъ парламента Мопу. Члены парламента принесли королю свои поздравленія со вступленіемъ на престолъ и общество выражало неудовольствіе, что онъ это допустилъ [1]. Перемѣны въ министерствѣ возбудили еще большее разочарованіе. Были недовольны не тѣмъ, что король довѣрялся прежнему министру Людовика XV, старому графу Морепа, болѣе извѣстному своимъ остроуміемъ, чѣмъ разумнымъ управленіемъ дѣлами и характеромъ, (такъ-какъ общество не имѣло никакого опредѣленнаго сужденія о человѣкѣ, который давно уже сошелъ со сцены [2]),—но тѣмъ, что Людовикъ XVI, смѣнивъ нѣкоторыхъ министровъ, удаленія которыхъ дѣйствительно желали, напримѣръ герцога д'Эгильонъ [3], все же оставилъ тѣхъ, кого ненавидѣли болѣе всего, т. е. Мопу и аббата Тэррея. Нація жаждала отомстить людямъ, которые ее такъ долго угнетали; она не вѣрила обѣщаніямъ, которыя не подтверждались удаленіемъ этихъ двухъ министровъ и возвращеніемъ прежняго парламента, и начинала опасаться, что «Франція при новомъ царствованіи достигнетъ только нѣсколько большаго приличія въ нравахъ и бо́льшей бережливости въ финансовыхъ дѣлахъ [4]».

Между тѣмъ какъ общество выражало свое нетерпѣ-

[1]. Hardy, II, 355 (5 іюня 1774 г.). Были также очень недовольны тѣмъ, что указъ былъ зарегистрованъ именно этимъ парламентомъ.

[2]. Онъ впалъ въ немилость въ апрѣлѣ 1749 г. за одну пѣсенку на м-мъ де-Помпадуръ.

[3]. Герцогъ д'Эгильонъ вышелъ изъ министерства 4 іюня; 9-го графъ де-Верженъ переведенъ былъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, а графъ де-Мюи въ военный. Морепа призванъ былъ ко двору съ 13 мая. Извѣстно, что какъ первое доказательство той слабости, которая впослѣдствіи сдѣлалась для Людовика XVI столь роковою, онъ по настояніямъ одной изъ своихъ тетокъ, послалъ Морепа письмо, предназначавшееся раньше Машо. Campan, I, 30, 91.

[4]. Hardy, II, 353; *Chronique secrète du règne de Louis XVI,* Rev. rétrosp., III, 61.

ніе, Мопу, высшее духовенство и все, что при дворѣ держалось партіи канцлера, старались соединенными силами помѣшать Людовику XVI уступить общественному мнѣнію. Парижскій архіепископъ и съ нимъ нѣсколько прелатовъ убѣждали короля, что если онъ призоветъ старый парламентъ, то религіи придетъ совершенный конецъ. Говорили, что сорокъ епископовъ представили объ этомъ записку Людовику XVI [1]. Опасаясь вліянія Маріи-Антуанетты, которой приписывали удаленіе герцога д'Эгильонъ [2], старались поселить раздоръ между ею и Людовикомъ XVI. За столомъ король находилъ на своемъ приборѣ записочки со словами: *Государь, не довѣряйте королевѣ* [3]. Его пытались убѣдить въ ея невѣрности; выпущены были брошюры, содержавшія въ себѣ клеветы на ея нравственность; наглость ихъ была такъ велика, что въ нихъ называли по именамъ ея предполагаемыхъ любовниковъ [4]. Такимъ образомъ съ подножія трона посыпались

[1]. Hardy, II, 384, 386, 394.

[2]. «Только по милости королевы удаленъ былъ герцогъ д'Эгильонъ; если бы не она, онъ остался бы на своемъ мѣстѣ». Мерси къ Маріи Терезіи, 15 іюля 1774 г. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette,* II, 197.

[3]. Hardy, II, 376. Гарди говоритъ, что записочки эти клались подъ салфетку короля по приказанію Мопу.

[4]. Эти имена дошли до книгопродавца Гарди, который, ссылаясь на придворные слухи, указываетъ на герцога Шартрскаго, принца де-Пуа и аббата Вермона, чтеца королевы. Онъ упоминаетъ также о брошюрѣ подъ заглавіемъ *la belle Aurore*, говоря объ ней, какъ о доказательствѣ заговора противъ королевы. Онъ говоритъ, кромѣ того, что общество сильно подозрѣвало участіе высшаго духовенства въ этомъ заговорѣ и передаетъ слышанное имъ отъ многихъ духовныхъ лицъ мнѣніе, что надо во что бы то ни стало помѣшать возвращенію прежняго парламента. Hardy, II, 377—408. 28-го сентября 1774 г. графъ де-Мерси писалъ Маріи Терезіи: «Я замѣтилъ, что герцога д'Эгильонъ сильно подозрѣваютъ въ участіи въ анонимныхъ сочиненіяхъ, распространявшихся въ послѣднее время противъ правительства съ цѣлью главнымъ образомъ повредить репутаціи королевы. Очень можетъ статься, что для достиженія этой цѣли сошлись безъ предварительнаго даже соглашенія,

на Марію-Антуанетту первые удары, подготовившіе тѣ, еще болѣе ужасные, которые ей пришлось испытать въ послѣдствіи. Въ тоже время старались вселить въ королѣ недовѣріе къ народу. Въ резиденціи двора, Марли, прибиты были объявленія, въ которыхъ «въ угрожающихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ» требовалось возращеніе прежняго парламента [1]. Съ другой стороны старались возбудить противъ короля народъ. Говорили, что по примѣру своего дѣда онъ хочетъ взять себѣ любовницу; увѣряли, что, возвращаясь къ гнуснымъ преданіямъ *Pacte de famine,* онъ будто бы подписалъ договоръ съ монополистами хлѣба [2]. Попавъ между этимъ заговоромъ, опутывавшимъ его интригами, и желаніями націи, молодой монархъ колебался, и колебаніе это повредило его популярности. Когда 25-го іюля онъ появился на бульварахъ вмѣстѣ съ Маріей-Антуанеттой, то, вмѣсто ожидаемыхъ привѣтствій, встрѣченъ былъ всеобщимъ молчаніемъ [3]. Два дня спустя послѣ этого, во время церемоніи похоронъ Людовика XV въ Сень-Дени, когда герольдмейстеръ, по обычаю, возгласилъ три раза: «Король умеръ, и потомъ: Да здравствуетъ король!» замѣчено было, что присутствующіе «довольно долго молчали» [4]. Рѣчь, произнесенная по этому случаю епископомъ Бовескимъ въ которой онъ восхвалялъ іезуитовъ и парламентъ Мопу, еще менѣе не могла разсѣять непріятное настрое-

люди совершенно различныхъ партій». Въ другомъ письмѣ онъ называетъ вмѣстѣ съ герцогомъ д'Эгильонъ его тетку, графиню де-Морепа, которая съ своей стороны возбуждала своего мужа противъ королевы. Наконецъ изъ письма отъ 11-го сентября 1774 года видно, что народъ приписывалъ составленіе брошюръ Мопу и что это даже и было главнымъ источникомъ недовольства канцлеромъ. Gefroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette,* II, 224—322.

[1]. Hardy, II, 379.

[2]. Hardy, II, 576. По словамъ Мерси, этотъ договоръ дѣйствительно былъ бы возобновленъ, если бы не воспротивилась этому королева. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette,* II, 221.

[3]. Hardy, II, 387; ср. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette,* II, 210.

[4]. Hardy, II, 390.

ніе. Съ безпокойствомъ спрашивалъ себя народъ: что если король не оправдаетъ возлагаемыхъ на него надеждъ и пойдетъ по стопамъ своего дѣда? И у подножія статуи Людовика XV чья то рука начертала, какъ раньше у подножія статуи Генриха IV, но уже въ совершенно противоположномъ смыслѣ, слово *Resurrexit* [1].

Это состояніе неизвѣстности и недовѣрія продолжалось до 25-го августа, праздника св. Людовика, когда вдругъ разнеслась вѣсть о ссылкѣ Мопу и объ удаленіи Террэ. Король мгновенно возвратилъ себѣ всю свою прежнюю популярность. Произошелъ взрывъ всеобщаго восторга. Люди, встрѣчаясь на улицахъ, на гуляньяхъ, поздравляли другъ друга. Надежда поселилась вновь во всѣхъ сердцахъ; въ этомъ событіи видѣли предзнаменованіе «новаго порядка вещей». Парижъ былъ иллюминованъ; въ свѣтящихся транспарантахъ читалось: *да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! да здравствуетъ прежній парламентъ!* Продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ пущено было столько выстрѣловъ и феерверковъ, въ знакъ всеобщей радости, что у Понъ-Нефъ и у Понъ-Сенъ-Мишель, а также вокругъ дворца, почва была совершенно покрыта картономъ и бумагой. Къ этимъ изъявленіямъ радости присоединились и другія демонстраціи. На площади Дофина сожжено было изображеніе канцлера и изъ толпы слышались въ это время голоса: *Постановленіе парламента, предписывающее заживо сжечь г. Мопу, канцлера Франціи, и прахъ его развѣять по вѣтру.* На горѣ св. Женевьевы повѣшено было на висѣлицѣ чучело, изображавшее аббата Террэ, въ одеждѣ его духовнаго званія и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Правительство сильно встревожилось этими манифестаціями. Предувѣдомленное о томъ, что народъ собирается сжечь передъ статуей Генриха IV чучело, изображавшее канцлера со всѣми знаками его званія, оно послало туда конную стражу, чтобы разогнать толпу. Но исполнить это стоило большого

[1]. Hardy, II, 378 (17 іюля 1774 г.).

труда. Народъ съ крикомъ: *да здравствуетъ король! да здравствуетъ прежній парламентъ!* бросалъ горячіе факелы въ лошадей. Понадобилось обнажить сабли и сдерживать толпу, пока отрядъ швейцарской гвардіи «дѣлалъ видъ» будто заряжаетъ ружья. Когда канцлеръ выѣзжалъ, то ему пришлось дать конвой для охраненія его отъ народной ярости. Аббатъ Террэ, въ свою очередь, переѣзжая Сену въ Шуази, чуть было не былъ брошенъ въ воду. Что касается до членовъ парламента Мопу, то они доведены были до необходимости засѣдать при закрытыхъ дверяхъ, до такой степени, въ первые дни, публика, наполнявшая залы засѣданія, осыпала ихъ насмѣшками и оскорбленіями. Ихъ оскорбляли на улицахъ, какъ только ихъ узнавали, и они принуждены были ходить въ зданіе парламента переодѣтыми и засѣдать тамъ, подъ охраною солдатъ [1]. Въ провинціяхъ происходили подобныя же демонстраціи. Въ Руанѣ чучело, изображавшее канцлера, было четвертовано, а чучело, изображавшее аббата Террэ, было повѣшено за ноги, причемъ изъ носу, рта и ушей его сыпался зерновой хлѣбъ [2]. Такимъ то образомъ съ первыхъ же мѣсяцевъ царствованія Людовика XVI, поведеніе народа въ Парижѣ и провинціяхъ было какъ бы прелюдіей къ трагическимъ сценамъ Революціи.

Возвращеніе прежняго парламента не замедлило послѣдовать за удаленіемъ обоихъ министровъ. *Анти-парламентары* «выходили изъ себя», чтобы помѣшать этому возвращенію; въ особенности же духовенство «скрежетало зубами» [3]. Въ Парижѣ распространялись копіи брошюры, въ которой говорилось, что немилость къ парламенту, учрежденному въ 1771 г., является не только несправедливостью, но и большою неосторожностью, такъ какъ она обезсиливала друзей королевской власти и да-

[1]. Hardy, II, 405—409.
[2]. Id., II, 419.
[3]. Id., II, 433.

вала силу могущественной партіи, колебавшей тронъ [1]. Вольтеръ,—согласный въ этомъ случаѣ съ большей частью философовъ, которые, какъ и онъ, были врагами прежняго парламента,—удивлялся какимъ образомъ можно было жертвовать новымъ парламентомъ, который всегда только повиновался королю, въ пользу стараго, который ему постоянно противорѣчилъ» [2]. Но Людовикъ XVI, согласно «желаніямъ націи» [3] написалъ ко всѣмъ сосланнымъ членамъ парламента, чтобы они возвратились въ Парижъ и явились 12-го ноября во дворецъ въ парадныхъ одеждахъ. Со своей стороны король также прибылъ въ парламентъ и, открывъ засѣданіе, велѣлъ внести въ регистры указы, которыми онъ уничтожалъ верховные совѣты и возстановлялъ прежній парламентъ. По выходѣ изъ засѣданія король и члены парламента встрѣчены были громкими привѣтствіями, а вечеромъ Парижъ былъ иллюминованъ. Указомъ, зарегистрованнымъ въ тотъ же день, былъ возстановленъ и Руанскій парламентъ [4]. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ прежніе парламенты, а также Шателе и палата косвенныхъ налоговъ были возстановлены въ своихъ правахъ. Однимъ словомъ молодой монархъ разрушилъ все, сдѣланное Людовикомъ XV, и такимъ образомъ какъ бы оправдывалъ прежнія жалобы народа.

Король старался, на сколько это было возможно, оградить интересы тѣхъ лицъ, которыя должны были пострадать вслѣдствіе его указовъ; онъ возобновилъ Верховный Совѣтъ, уничтоженный въ 1774 г., и назначилъ членами его бывшихъ членовъ парламента Мопу [5]. Но этимъ Людо-

[1]. Hardy, II, 436.

[2]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XV, 229, 230.

[3]. Выраженіе это употреблено королевой въ отвѣтѣ ея членамъ парламента, явившимся къ ней для принесенія ей своей благодарности. Hardy, II, 452.

[4]. Hardy, II, 449. См. у Isambert, XXIII, 73—86, о засѣданіи парламента и о различныхъ указахъ, зарегистрованныхъ на этомъ засѣданіи.

[5]. Они сначала протестовали, хотѣли подать въ отставку, но кон-

викъ XVI не уничтожилъ недовольства той партіи, которую задѣли его новыя мѣры. Появились объявленія, угрожавшія жизни короля; онѣ были наклеены на стѣнахъ Люксембургскаго дворца и въ другихъ мѣстахъ столицы. Въ нихъ значилось: «Мы промахнулись по вашему дѣду, но вы отъ насъ не уйдете [1]». Такимъ образомъ тѣ самые люди, которые утверждали, что возвращеніе стараго парламента, повлечетъ за собою гибель государства, первые стали стараться возбудить ненависть къ особѣ короля. Парижскій архіепископъ, предполагавшій, что у парламента отнимутъ по крайней мѣрѣ право завѣдыванія духовными дѣлами, и обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, не скрывалъ своего неудовольствія [2]. Не безъ основанія можно было опасаться, что онъ прибѣгнетъ къ средству, которое удавалось ему при Людовикѣ XV, и станетъ отказывать въ св. тайнахъ тѣмъ, кто принадлежитъ къ противной партіи [3]. Людовикъ XVI потребовалъ архіепископа къ себѣ и объявилъ ему, что если только онъ станетъ по прежнему вызывать раздоры, то онъ не только сошлетъ его, какъ это сдѣлалъ его дѣдъ, но подвергнетъ его всей строгости законовъ [4]. Рѣчь эта тотчасъ же сдѣлалась извѣстной и съ слѣдующаго же дня она разошлась по Парижу въ безчисленномъ числѣ экземпляровъ. Ее переписывали во всѣхъ кафе и не только министерство не опровергало ея содержанія, но даже полиція совершенно спокойно допускала ея распространеніе [5]. Прави-

чили тѣмъ, что приняли. Hardy, II, 452, 456. Не слѣдуетъ забывать, что въ 1771 г. парламентъ Мопу составился изъ членовъ Верховнаго Совѣта.

[1]. Hardy, II, 456 (18 ноября 1774 г.).

[2]. Id., II, 461.

[3]. Id., II, 474. Въ декабрѣ 1774 г. должны были приказать причастить въ приходѣ Св. Северина одну особу, которой было отказано въ предсмертномъ причастіи.

[4]. Id., II, 481.

[5]. Id., II, 482. Копіи эти разошлись даже по провинціямъ.

тельство ясно доказывало этимъ, что, оно рѣшилось согласно желаніямъ страны наложить узду на духовенство.

Въ то же время Людовикъ XVI началъ смѣло и открыто вводить реформы. Еще наканунѣ отставки Мопу и аббата Террэ, онъ призвалъ къ управленію государственнымъ контролемъ Тюрго, одного изъ замѣчательнѣйшихъ вождей партіи экономистовъ[1]. Выборъ этого министра встрѣченъ былъ съ большимъ одобреніемъ, такъ какъ его знали за «весьма честнаго человѣка, хотя отчасти и прожектера» [2], знали также, что когда онъ былъ интендантомъ въ Лимузенѣ, то тамъ его всѣ «обожали» [3]. Принимая на себя завѣдываніе финансами, Тюрго поставилъ себѣ правиломъ не прибѣгать ни къ увеличенію налоговъ, ни даже къ займамъ, а уравновѣсить расходы съ доходами посредствомъ строгой экономіи во всемъ [4]. Довѣріе монарха давало ему силу и онъ надѣялся посредствомъ болѣе общихъ мѣръ способствовать возрожденію государства. Принадлежа къ людямъ той школы, которая съ 1767 г. заявила своимъ призваніемъ измѣненіе общественнаго строя, онъ во многомъ могъ назваться революціонеромъ. Тѣмъ не менѣе, нововведенія, предполагаемыя имъ и изложенныя въ его запискѣ къ королю о муниципальныхъ совѣтахъ (*Mémoire au Roi sur les municipalités*) [5], не имѣли, собственно говоря, политическаго характера и касались только общественныхъ и административныхъ учрежденій. Онъ не желалъ, чтобы національное собраніе раздѣляло съ королемъ законодательную власть; въ королевскомъ совѣтѣ онъ ра-

[1]. Тюрго вступилъ въ государственный контроль 24 августа. Извѣстно, что раньше этого онъ былъ назначенъ въ морской департаментъ, гдѣ пробылъ только мѣсяцъ.

[2]. Hardy, II, 387.

[3]. Métra, *Corresp..secr.*, I, 67.

[4]. Обо всемъ, что касается управленія Тюрго, см. въ *l'Essai sur le ministère de Turgot,* par Foncin, Paris, 1877. Въ отношеніи фактическаго матеріала это лучшая книга объ этомъ времени.

[5]. Эта записка, надъ которой Тюрго работалъ еще до вступленія своего въ министерство, была окончена втеченіе 1775 года.

товалъ противъ возвращенія стараго парламента и враждебно относился къ генеральнымъ штатамъ. Собранія, которыя онъ предполагалъ учредить подъ именемъ «муниципальныхъ совѣтовъ»,—начиная съ деревенскихъ и кончая «большимъ государственнымъ муниципальнымъ совѣтомъ»,—могли выражать свои желанія, но не имѣли никакой исполнительной власти [1]. Въ этомъ отношеніи онъ не раздѣлялъ стремленій страны и невозможно было отрицать, что въ силу самыхъ похвальныхъ цѣлей онъ являлся сторонникомъ неограниченной королевской власти [2]. Кромѣ его политико экономическихъ взглядовъ которые дѣлали его сторонникомъ «неограниченной» свободы торговли и промышленности, онъ впадалъ еще и въ другую крупную ошибку при составленіи плана своихъ реформъ: онъ не достаточно принималъ во вниманіе нравы и преданія страны [3]. Находя, что націи недостаетъ того общественнаго духа, который образуетъ гражданъ, онъ составилъ планъ воспитанія, посредствомъ котораго надѣялся *въ десять лѣтъ* совершенно преобразовать Францію. Тюрго былъ во многихъ отноше-

[1]. Эти собранія, говорилъ онъ, никогда не будутъ «Штатами» и, предвидя такіе случаи, когда желанія этихъ собраній будутъ расходиться съ желаніями правительства, онъ прибавлялъ, что за королемъ тѣмъ не менѣе всегда останется власть постановлять рѣшенія *собственною своею властью.*

[2]. Въ той же самой *Запискѣ о муниципалитетахъ,* поданной Людовику XVI, онъ писалъ: «Никто не осмѣлится оспаривать законодательную власть Вашего Величества въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она принадлежала королямъ, допустившимъ всѣ злоупотребленія, которыя мы нынѣ стараемся исправить. Сильнѣйшее могущество заключается въ чистой совѣсти тѣхъ, въ руки кого провидѣніе вложило власть, и пока ваше величество будете идти по пути справедливости Вы можете считать себя *неограниченнымъ законодателемъ*». Однимъ словомъ это была та же знаменитая теорія «милостиваго деспота» *(le bon despote).*

[3]. Какъ и вся философская школа, онъ думалъ, что права людей, соединившихся въ общество, «основаны не на ихъ исторіи, а на ихъ природѣ».

ніяхъ болѣе теоретикъ, чѣмъ государственный человѣкъ, и, по выраженію президента Бросса, «не столько министръ, сколько экциклопедистъ [1]». Но, будучи человѣкомъ высокаго ума, безукоризненно честнымъ и безкорыстнымъ, гуманнымъ, преисполненнымъ горячаго чувства справедливости и страстнаго желанія общественнаго блага, онъ несомнѣнно могъ сдѣлать много добра и, какъ онъ думалъ, спасти Францію отъ погибели.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Тюрго было объявленіе свободы хлѣбной торговли и, чтобы сразу прекратить операціи такъ называемой *Pacte de famine*, онъ запретилъ всякую закупку и устройство запасовъ хлѣба на государственный счетъ. Мѣра эта, уничтожавшая монополистовъ и обѣщавшая окончаніе искуственно вызываемаго ими голода, встрѣчена была съ восторгомъ [2]. Одно то, какимъ образомъ Совѣтъ объявлялъ это постановленіе, было уже само по себѣ новостью. Въ этомъ объявленіи министръ излагалъ свои экономическіе взгляды и доказывалъ пользу свободы торговли. Въ первый разъ правительство отдавало такимъ образомъ свои рѣшенія на судъ общества. «Нація, писалъ Метра, съ восторгомъ читала въ этомъ указѣ слова *собственность* и *свобода*, слова, давно уже изъятыя изъ лексикона нашихъ королей [1]». Указъ этотъ не былъ еще зарегистрованъ, а Тюрго уже приготовлялъ другой, долженствовавшій произвести неменьшую сенсацію,— указъ объ уничтоженіи барщины. Въ то же время онъ обдумывалъ реформу налоговъ и уже облегчилъ положеніе деревенскаго люда нѣкоторыми улучшеніями въ

[1]. См. у Sainte-Beuve, въ *Causeries du lundi*, очеркъ, посвященный президенту де Броссъ.

[2]. Мѣра эта, постановленная совѣтомъ 13 сентября 1774 г., была зарегистрована парламентомъ только 19 декабря. Причиною этого запозданія безсомнѣнія была глухая оппозиція. См. Isambert, XXIII, 30—39. Тюрго благоразумно устанавливалъ свободу торговли зерномъ только внутри королества и отложилъ свободу вывоза его.

[1]. Métra, I, 108.

этомъ отношеніи [1]. Но общественные слухи опережали намѣренія министра, и преувеличивали многое относительно его плановъ. Ожидали, напримѣръ, «Варѳоломеевской ночи интендантамъ [2]»; говорили объ учрежденіи особой камеры для суда надъ всѣми финансовыми дѣльцами [3]; возвѣщали о новыхъ мѣрахъ противъ іезуитовъ, которые якобы «интриговали болѣе чѣмъ когда нибудь» [4], и о проэктѣ декларацiи, долженствующей изгладить послѣдніе слѣды буллы *Unigenitus* [5]. Извѣстно было, что съ цѣлью дать Франціи «національное» образованіе, т. е. такое, которое могло бы уживаться со всякими мнѣніями, Тюрго задумалъ смѣлую мысль поставить дѣло народнаго образованія независимо отъ религіи [6]. Ободряемые этими намѣреніями министра, протестанты Гвіенны поднесли королю адресъ съ просьбою даровать имъ свободу вѣроисповѣданія [7]. Повсюду чувствовалось, что начинается новая эпоха [8]. Не только экономисты, но даже энциклопедисты и вообще всѣ писатели, принадлежавшіе къ философской школѣ, получили теперь поддержку въ министрѣ. Болѣе того, правительство приказало уничтожить всѣ сочиненія, заключавшія въ себѣ нападки на нихъ [9]. Теперь можно было смѣло

[1]. Декларація отъ 3 января 1775 г. отмѣняла круговую поруку между важнѣйшими обывателями прихода по уплатѣ подати (la taille), являвшуюся одною изъ причинъ разоренія деревень. Ср. Hardy, II, 495 (декабрь 1774 г.).

[2]. *Chron. secr. du règne de Louis XVI,* Rev. rétrosp., III, 412.

[3]. Hardy, II, 425 (октябрь 1774 г.).

[4]. Hardy, III, 24 (январь 1775 г.).

[5]. Id., III, 30.

[6]. См. Записку Тюрго о муниципалитетахъ.

[7]. Bachaumont, VII, 349 (мартъ 1775 г.).

[8]. «Мнѣ кажется, писалъ Вольтеръ д'Аламберу 30-го сентября 1774 г., что небеса и земля обновились».

[9]. Министерство задержало *l'Année littéraire,* содержавшее въ себѣ оскорбительные нападки на Дидро (Bachaumont, VIII, 5 апр. 1775 г.) и указомъ Совѣта отъ 2 апр. 1775 г. запретило *la Théorie du libelle, ou l'Art de calomnier avec fruit* (Теорія пасквиля

сказать, что еще вчера гонимая философія заняла свое мѣсто въ совѣтѣ королей [1].

Люди, интересамъ или предразсудкамъ которыхъ противорѣчили всѣ эти перемѣны, не замедлили, конечно, возстать противъ нихъ. Финансисты, придворные, всѣ тѣ, которые жили злоупотребленіями, ополчились теперь на Тюрго. Духовенство, съ своей стороны, забыло старый парламентъ и напало на министра. Къ духовенству присоединились ханжи, обвинявшіе генеральнаго контролера въ томъ, что онъ за одно съ «корифеями матеріализма» и что онъ не ходитъ къ обѣднѣ, въ противуположность Террэ, говорили они, который ходилъ каждый день [2]. Самъ парламентъ сталъ на сторону противниковъ Тюрго. Долгое изгнаніе, которому онъ подвергся, утомило его патріотическое рвеніе и съузило взгляды. Возстановленный въ условіяхъ, не равныхъ его прежнему положенію, онъ чувствовалъ себя обиженнымъ и заботился только о сохраненіи своихъ привиллегій [3]. Къ тому же ему было извѣстно, что министръ относится къ нему вражили искусство успѣшно клеветать),—брошюру, враждебную экономистамъ.

[1]. См. у Grimm'a VIII, 370—389, рѣчь Сюарда во французской академіи. Новые выборы призвали въ эту академію Сюарда и поэта Делиля, устраненныхъ изъ нея по приказанію Людовика XV.

[2]. Bachaumont, VII, 302, 303 (январь 1775 г.), Voltaire, *Corresp. gen.*, XV, 294.

[3]. Возстановляя старую магистратуру, Людовикъ XVI желалъ однако сохранить все то полезное для интересовъ подсудимыхъ и для поддержанія королевскаго авторитета, что имѣлось въ порядкѣ, установленномъ въ 1771 г. Съ одной стороны, онъ увеличилъ кругъ вѣдомства низшихъ трибуналовъ, чѣмъ отнималось отъ парламента большое количество дѣлъ, а съ другой—устанавливалъ для него дисциплинарный наказъ, которымъ предотвращались коллективные отставки его членовъ и прекращеніе ими отправленія своихъ обязанностей. Магистраты жаловались и, по замѣчанію Вольтера, первымъ актомъ парламента было представленіе ремонтрансовъ противъ воскрешавшаго его эдикта (Volt., *Corr. gén.*, XV, 282, 286). Парламентъ даже предполагалъ собрать по этому поводу принцовъ крови и пэровъ.

дебно и желалъ сократить его судебныя обязанности. Съ декабря 1774 г. враги государственнаго контролера начали распускать слухъ о томъ, что онъ скоро попадетъ въ немилость [1]. Слухъ этотъ достигъ Фернея и Вольтеръ, горячо привѣтствовавшій возвышеніе Тюрго, писалъ по этому поводу: «Я не удивляюсь, что мошенники, упивавшіеся нашею кровью, возстаютъ противъ г. Тюрго, который хочетъ сохранить ее въ нашихъ жилахъ...; но горе Франціи, если онъ оставитъ свой постъ» [2].

Благотворная дѣятельность Тюрго была внезапно прервана неожиданными безпорядками, причинившими правительству новыя затрудненія. Весной 1775 г. цѣны на хлѣбъ увеличились; въ народѣ послышался ропотъ; на рынкахъ громко ругали правительство [3]. Во многихъ мѣстахъ королевства и въ окрестностяхъ Парижа вспыхнули возмущенія. Въ Понтуазѣ тысячная толпа, собравшись на берегу рѣки, останавливала и грабила мимоидущія суда съ хлѣбомъ. Въ Сенъ-Жерменѣ разрывали мѣшки съ хлѣбомъ и разсыпáли его по улицамъ. Въ Версали подобные же безпорядки происходили на глазахъ короля. Въ Бри-Контъ-Роберѣ, въ Мо, въ Сенъ-Морѣ, народъ сжегъ хлѣбные магазины. Возмущеніе достигло наконецъ Парижа: 3-го мая бунтъ вспыхнулъ на рынкахъ и тотчасъ же охватилъ всю столицу. Всѣ лавки закрылись. Начался грабежъ булочныхъ, въ которыхъ взламывали двери; народъ врывался въ дома частныхъ лицъ и отнималъ хлѣбъ. Правительство принуждено было прибѣгнуть къ военной силѣ. Оно разставило войска по рынкамъ и на площадяхъ, у всѣхъ булочныхъ поставили часовыхъ, между тѣмъ какъ отряды мушкетеровъ и конной гвардіи день и ночь разъѣзжали по всѣмъ кварталамъ. Но все это нисколько не устрашило бунтовщиковъ: они плевали въ лицо часовымъ и грозили камнями гвардейцамъ,

[1]. Hardy, II, 489 (28 декабря 1774 г.).
[2]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XV, 280 (19 сент. 1774 г.).--282.
[3]. Hardy, III, 45 (15 марта 1775 г.).

заряжавшимъ свои ружья. Правительство вынуждено было *подъ угрозою смерти* запретить собранія на улицахъ и приказало солдатамъ, въ случаѣ надобности, стрѣлять. Во время этихъ безпорядковъ на стѣнахъ Парижа и Версаля появлялись объявленія самаго «грознаго» содержанія. На одномъ изъ нихъ было написано: *Людовикъ XVI будетъ помазанъ на царство 11-го іюня и казненъ 12-го*; на другомъ: *Если цѣна на хлѣбъ не понизится, мы уничтожимъ короля и всю кровь Бурбоновъ;* въ третьемъ, прибитомъ, какъ утверждали, къ самимъ дверямъ королевскаго кабинета въ Версали, значилось: *Если цѣна на хлѣбъ не понизится и министерство не будетъ смѣнено, мы подожіемъ дворецъ со всѣхъ четырехъ сторонъ* [1].

Но, повидимому, дороговизна хлѣба была скорѣе только предлогомъ къ возмущенію, чѣмъ причиной его. Общество, также какъ и правительство, подозрѣвало тутъ заговоръ и указывало на канцлера, аббата Террэ, на іезуитовъ, высшее духовенство и вообще на всѣхъ враговъ новаго министерства и реформъ [2]. Дѣйствительно, многіе признаки доказывали, что возмущеніе это было подготовлено. Нѣсколько разъ было замѣчено, что люди, по своему положенію стоящіе выше уровня толпы, и даже женщины высшаго сословія, а также и духовныя лица, ободряли и возбуждали бунтовщиковъ. Въ Парижѣ и въ провинціи распространены были подлѣльные указы Совѣта. У многихъ изъ бунтовщиковъ, кричавшихъ о дороговизнѣ хлѣба, грабившихъ и поджигавшихъ хлѣбные магазины, найдены были въ карманѣ золотыя монеты. «Люди, преданные королю всей душой, пишетъ одинъ современникъ, повержены были въ отчаяніе этими безпорядками, возбужденными тѣми, кто имѣлъ цѣлью возстановить Францію противъ ея молодого монарха. А люди набожные умоляли Господа простереть свою всемогу-

[1]. Hardy, III, 59—64.

[2]. Bachaumont, VIII, 62.

щую руку, охраняющую государство отъ гибели» [1]. Только одинъ еще годъ царствовалъ Людовикъ XVI и уже раздавались голоса, возвѣщавшіе гибель Бурбонской династіи и въ недалекомъ будущемъ можно было предвидѣть полное паденіе монархической власти. «Если я не ошибаюсь, писалъ Мирабо, дядя будущаго трибуна, *подобныя возмущенія всегда предшествовали революціямъ* [2]».

Вплоть до осени 1775 г. правительство принуждено было охранять рынки войсками и не переставали появляться объявленія, въ которыхъ нападали то на короля, то на министерство, и грозили сжечь Парижъ и Версаль, если цѣна на хлѣбъ не понизится. Частныя лица получали анонимныя письма, въ которыхъ говорилось, что «такъ какъ богатый не хочетъ придти на помощь бѣдному и не думаетъ какъ бы достать ему хлѣба, то бѣдный потребуетъ его съ оружіемъ въ рукахъ [3]». Наконецъ, къ концу мая, *хлѣбная война* прекратилась и порядокъ на улицахъ былъ возстановленъ [4]. Наступившее спокойствіе дало возможность совершить коронацію, которую до сихъ поръ все откладывали [5]. Она послужила новымъ доказательствомъ тѣхъ страстей, которыя боролись вокругъ королевской власти. Подъ пред-

[1]. Hardy, III, 64.

[2]. Это выраженіе приведено Фонсэномъ въ упомянутомъ выше сочиненіи, стр. 208. См. *ibid.*, 188 и 209.

[3]. Hardy, III, 96, 124, 129 (іюль—октябрь 1775 г.).

[4]. Извѣстно, что по поводу этихъ волненій Людовикъ XVI разослалъ всѣмъ приходскимъ священникамъ для прочтенія съ каѳедры *Инструкцію*, въ которой, излагая естественныя причины повышенія и пониженія цѣнъ на зерно, онъ приписывалъ происшедшія событія гнуснымъ интригамъ и оправдывалъ правительство. Епископы дѣлали видъ, что они «очень скандализованы» такимъ присвоеніемъ Людовикомъ XVI себѣ права издавать «Пастырское письмо». Они утверждали, что Тюрго стремится сдѣлать короля главою галликанской церкви и «такимъ образомъ уничтожить религію». Bachaumont, VIII, 41.

[5]. Коронованіе присходило въ Реймсѣ. 15 іюня См. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, II, 343; Bachaumont, VIII, 97.

логомъ избавленія Людовика XVI отъ утомительныхъ формальностей, духовенство выпустило ту часть церемоніала, гдѣ, согласно преданіямъ, испрашивается у народа согласіе на выборъ короля, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно сочло нужнымъ сохранить древній обычай, по которому король присягой обязывается истреблять еретиковъ. Тюрго предлагалъ отмѣнить эту присягу, но Морепа, который изъ зависти постоянно противорѣчилъ Тюрго, убѣдилъ Людовика XVI сохранить ее [1]. Этотъ двойной фактъ, конечно, не прошелъ незамѣченнымъ [2]. По возвращеніи съ коронаціи Тюрго подалъ королю записку, въ которой доказывалъ ему, что онъ не имѣетъ никакой власти надъ совѣстью своихъ подданныхъ и что онъ долженъ предоставить каждому исповѣдывать свою религію [3]. «Патріоты», со своей стороны выпустили брошюры: *l'Ami des lois* (другъ законовъ) и *le Catéchisme du citoyen* (Катихизисъ гражданина), въ которыхъ напоминали королю, что корона дарована ему не Богомъ, а націей [4].

Въ этихъ же брошюрахъ они не только утверждали, что королевская власть имѣетъ границы, которыя она не вправѣ переступать, но что бунтъ противъ деспотизма есть «проявленіе высшей добродѣтели». Какъ ни казались смѣлы эти брошюры, онѣ все же не заключали въ себѣ ничего такого, чего бы не было говорено раньше. Напримѣръ, *Катехизисъ гражданина* только излагалъ тѣ же самыя ученія, которыя *l'Esprit des lois* и *le Contrat*

[1]. Когда наступила минута произнести эту претившую его совѣсти присягу, робкій король смутился и пробормоталъ какія то невнятныя слова.

[2]. Bachaumont, VIII, 100.

[3]. Рѣчь идетъ объ его *Запискѣ о вѣротерпимости.*

[4]. Изъ сочиненій, вышедшихъ по этому поводу, слѣдуетъ упомянуть *le Sacre royal, ou les Droits de la nation française reconnus et confirmés par cette cérémonie,* въ которомъ доказывалось, будто неограниченная власть есть тиранія и противорѣчитъ понятію о законномъ правительствѣ. Bachaumont, VIII, 135 (15 іюля 1775 г.).

social «топили въ весьма трудно понимаемой метафизикѣ», но дѣлали ихъ доступными пониманію «самыхъ простыхъ и глупыхъ людей [1]». Но именно это и представляло большую важность; оно показывало стремленіе развить въ народѣ революціонныя идеи въ политическомъ отношеніи, какъ это дѣлалось уже прежде въ отношеніи религіи. Это стремленіе еще больше, можетъ быть, чѣмъ самыя идеи, излагаемыя въ брошюрахъ, произвело сильное безпокойство въ парламентѣ; и хотя онъ самъ своимъ поведеніемъ немало способствовалъ возбужденію умовъ противъ неограниченной монархической власти, онъ, тѣмъ не менѣе, присудилъ эти сочиненія на сожженіе, какъ «подрывающія принципъ королевской власти». Болѣе того: генеральный прокуроръ Сегье выразилъ въ своемъ обвинительномъ актѣ сожалѣніе о томъ, что дѣла, касающіяся государства, становятся до такой степени общеизвѣстны. «Счастлива была бы Франція, восклицалъ онъ, еслибы всѣ эти политическія проблемы оставались всегда за той завѣсой, которой мудрая осторожность нашихъ предковъ постоянно прикрывала все, касающееся администраціи и правительства [2]».

Въ то время, какъ въ парламентѣ выражено было такое странное сожалѣніе, Палата косвенныхъ налоговъ или, вѣрнѣе, первый президентъ ея обратился къ королю съ представленіями совершенно иного рода [3]. Эти ремонтрансы, рукописный текстъ которыхъ составлялъ цѣлый томъ, заключали въ себѣ подробное изложеніе податной системы, обременяющей Францію, и

[1]. Bachaumont, VIII, 99. 123; IX, 149, 150.

[2]. Постановленіе парламента отъ 30 іюня 1775 г., осуждающее на сожженіе брошюры, озаглавленныя одна:—*Catéchisme du citoyen, ou Élements du droit public français par demandes et par réponses*, и другая:—*l'Ami des lois*, съ эпиграфомъ *Omne malum nascens facile opprimitur*.

[3]. Эти представленія были сдѣланы по поводу нѣкоторыхъ условій, введенныхъ въ 1774 г. при возстановленіи Палаты Косвенныхъ налоговъ.

всѣхъ вытекающихъ изъ нея злоупотребленій. Малербъ рисовалъ картину народа, находящагося подъ гнетомъ сборщиковъ податей и совершенно безпомощнаго противъ ихъ произвола. Онъ напоминалъ, что всѣ гарантіи, которыми пользовались прежде граждане въ этомъ отношеніи, были одна за другой уничтожены. Онъ жаловался на то, что все, касающееся этой стороны администраціи, совершается скрытно и даже какъ то таинственно. Неизвѣстны ни тарифы, ни правила, ни даже самыя лица, во власти которыхъ находится состояніе податныхъ лицъ, ихъ свобода и иногда даже и жизнь. Онъ требовалъ, чтобы положенъ былъ конецъ этой скрытности, и указывалъ, какъ на лучшее для этого средство, на регулярный созывъ генеральныхъ штатовъ или по крайней мѣрѣ провинціальныхъ собраній. «Государь, писалъ онъ, было бы подлостью говорить Вамъ другое; никто не долженъ оставлять Васъ въ невѣденіи того, что единодушное желаніе страны состоитъ въ томъ, чтобы были созваны генеральные или, покрайней мѣрѣ, провинціальные штаты [1]».

Хотя Тюрго и не раздѣлялъ желаній, которыя Малербъ приписывалъ всей націи, однако онъ хотѣлъ, чтобы эти представленія были напечатаны, такъ какъ онѣ могли расположить общественное мнѣніе въ пользу проэктируемыхъ имъ измѣненій въ податной системѣ [2]. Но, по

[1]. Ни Мемуары, ни переписка того времени не сохраняютъ слѣдовъ этого «единодушнаго» желанія генеральныхъ штатовъ. Впрочемъ Малербъ и самъ признаетъ, что его утвержденіе страдаетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ и оговаривается, прибавляя: *или, по крайней мѣрѣ*, провинціальныхъ штатовъ». Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что самое предложеніе штатовъ занимаетъ у Малерба всего нѣсколько строкъ въ его пространныхъ ремонтрансахъ. Однако оно все же должно быть отмѣчено, какъ указаніе на существованіе извѣстныхъ мнѣній въ обществѣ.

[2]. Говорили, что по поводу этихъ представленій между нимъ и Малербомъ существовало соглашеніе. Bachaumont, VIII, 53.

внушенію Морепа, которому сильно не нравилось возрастающее значеніе новаго министра, Людовикъ XVI не дозволилъ этой публикаціи. Онъ объявилъ палатѣ косвенныхъ налоговъ, что исправленіе всѣхъ указанныхъ ею злоупотребленій будетъ дѣломъ всего его царствованія и что осторожность требуетъ, чтобы онѣ стали извѣстными только тогда, когда найдено будетъ средство къ ихъ прекращенію [1]. Такимъ образомъ гибельнымъ вліяніемъ Морепа былъ заглушенъ голосъ, впервые, со времени вступленія Людовика XVI на престолъ, требовавшій созванія генеральныхъ штатовъ. Но черезъ нѣсколько времени король призвалъ автора этихъ заявленій, которыя онъ запретилъ напечатать, въ свой Совѣтъ и доказалъ этимъ, что не боится выслушивать правду [2].

Вступленіе Малерба въ министерство еще болѣе упрочило значеніе Тюрго, которое враги его считали поколебленнымъ вслѣдствіе *хлѣбной войны (guerre des farines)*. Тюрго и Малербъ любили и уважали другъ друга. Если они и расходились по нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ, то все же оба они были одинаково убѣждены въ необходимости реформъ, вызываемыхъ многочисленными бѣдствіями страны. Говорили даже, и слухъ этотъ не лишенъ былъ вѣроятія, что Малербъ только затѣмъ и вступилъ въ министерство, чтобы оказать поддержку

[1]. Текстъ этихъ заявленій и событія, которымъ они послужили поводомъ, см. въ *Mémoires pour servir à l'histoire du droit public français, ou Recueil de ce qui s'est passé a la cour des aides, etc.*, Bruxelles, 1779, стр. 628—695.

[2]. Эти ремонтрансы были напечатаны секретно. Палата косвенныхъ налоговъ по обыкновенію запретила это единственное изданіе ихъ. См. постановленіе палаты косв. налоговъ отъ 8-го іюля 1775 г., которымъ запрещалась книга, подъ заглавіемъ: *Très humbles et très-respectueuses remontrances arrêtées le 10 avril 1775*. Ср. Bachaumont, VIII, 133—140. Однако эти представленія сдѣлались извѣстными публикѣ только въ 1777 и 1779 г.г., когда ихъ вновь напечатали сначала отдѣльно, а потомъ вмѣстѣ съ другими документами.

«патріотическимъ» планамъ своего друга [1]. Но, несмотря на всю чистоту репутаціи и глубокое уваженіе, которымъ пользовался Малербъ, епископы были недовольны его назначеніемъ. Дѣла духовенства и дѣла по религіознымъ реформамъ находились вмѣстѣ съ управленіемъ королевскаго двора и администраціей Парижа подъ вѣдѣніемъ новаго министра, и епископы опасались силы двухъ, зараженныхъ философскимъ ученіемъ, людей. Въ особенности же боялись они, чтобы министры эти не рѣшили сообща заставить духовенство сдѣлать заявленіе объ отдачѣ въ распоряженіе правительства своихъ имѣній [2]. Напротивъ того, въ публикѣ назначеніе Малерба встрѣчено было съ восторгомъ. Союзъ этихъ двухъ уважаемыхъ людей являлся какъ бы залогомъ того, что наступаютъ лучшія времена. Д'Аламберъ писалъ прусскому королю, что восхищенная нація въ одинъ голосъ восклицаетъ: «*Мы на зарѣ болѣе ясныхъ дней* [3]».

Малербъ вполнѣ оправдалъ внушаемое имъ довѣріе. Едва вступивъ въ министерство, онъ исходатайствовалъ у короля уничтоженіе *Lettres de cachet* [4]. Онъ считалъ для себя дѣломъ чести исправить тѣ несправедливости, которыя были совершены этимъ путемъ, и, отправившись въ сопровожденіи начальника полиціи въ Бастилію, осво-

[1]. Bachaumont, VIII, 131. Малербъ въ концѣ іюля былъ причисленъ къ министерству королевскаго двора; онъ замѣнилъ тамъ герцога де-ла-Врильеръ, участвовавшаго въ министерствѣ Мопу.

[2]. Bachaumont, VIII, 130, 131 (іюль 1776 г.). «Назначеніе Малерба министромъ возбудило всеобщую радость; но между придворными, финансистами и дѣльцами радость эта притворная; они видятъ въ этомъ только упроченіе вліянія Тюрго. Увѣряютъ, что духовенство въ отчаяньи». Métra, II. 69.

[3]. Письмо д'Аламбера писано 10 іюля. 6-го г-жа де-Леспинассъ писала Гюберу: «Вы увидите, что это министерство оставитъ по себѣ глубокія слѣды въ умахъ». Оба эти письма приведены у Фонсэна.

[4]. Онъ испросилъ, чтобы всѣ подобные приказы выдавались, по крайней мѣрѣ, только по обсужденіи ихъ мотивовъ и по утвержденіи совѣтомъ Bachaumont, VIII, 147 (іюль 1776 г.).

бодилъ множество заключенныхъ [1]. Тюрго, со своей стороны, снова принялся за свои планы реформъ, которые были прерваны *хлѣбной войной*. Онъ облегчилъ тяжесть налоговъ болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ, уничтожилъ нѣкоторыя привилегіи, стѣсняющія торговлю, ввелъ значительныя улучшенія въ финансовой администраціи и поднялъ кредитъ, сильно упавшій за послѣднее царствованіе [2]. Ко всѣмъ интендантамъ были посланы извѣщенія объ уничтоженіи, въ скоромъ времени, барщины. Повсюду было объявлено, что браки протестантовъ будутъ признаны законными. Увѣряли даже, что правительство хочетъ дать сектантамъ свободу вѣроисповѣданія [3]. Во всѣхъ этихъ новыхъ мѣрахъ министрами руководили идеи добра, справедливости и порядка; впервые Франція переживала такое время. Даже иностранцы приходили въ восторгъ и называли царствованіе Людовика XVI *царствомъ добродѣтели* [4]. Но въ самой Франціи событія эти если и «приводили общество въ восторгъ, зато придворнымъ они, напротивъ, были очень непріятны», и каждый умный и дальновидный человѣкъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что интриги и личныя честолюбія скоро лишатъ націю ея «благодѣтелей» [5].

Намѣренія, приписываемыя правительству относительно протестантовъ, произвели большую тревогу среди того

[1]. Bachaumont, VIII, 182 (августъ).—Hardy, III, 114 (сентябрь).

[2]. О подробностяхъ этихъ реформъ см. въ упомянутомъ уже сочиненіи Фонсэна за періодъ іюнь-октябрь 1775 г.

[3]. Hardy, III, 83 (іюнь).—Bachaumont, VIII, 145, (іюль); Hippeau, *Gouv. de Norm.*, IV, 102. Изъ прошенія, составленнаго адвокатомъ Легуве и поданнаго королю протестантами, видно, что въ то время во Франціи было три милліона сектантовъ, что составляло восьмую часть всего населенія королевства.

[4]. Walpole, 312 (3 октября 1775 г.). Ср. Voltaire, *Corresp. gén.*, XVI, 141.

[5]. Geffroy et d'Arneth, *Marie Antoinette*, II, 258 (августъ 1775 г.); въ примѣчаніи письмо графа де-Мерси къ барону де-Нени. Ср. Walpole, 322 (10 октября).

духовенства, которое, находилось тогда въ Парижѣ на общемъ собраніи. Вопреки общественному мнѣнію, которое все болѣе и болѣе высказывалось въ пользу этой реформы, епископы сильно возстали противъ нея и подали королю записку, въ которой между прочимъ, говорили: «Государь, не медлите отнять у еретиковъ всякую надежду имѣть среди насъ свои храмы и свои алтари. Довершите дѣло, начатое Людовикомъ Великимъ, которое было продолжено Людовикомъ Возлюбленнымъ и которое онъ со славою окончилъ бы, еслибы приказанія, *которыя онъ не переставалъ давать* [1], были бы лучше исполняемы». Нѣкоторые не столь непримиримые прелаты были того мнѣнія, что, не давая протестантамъ свободы вѣроисповѣданія, можно однако признать ихъ браки [2]. Но большинствомъ епископовъ это предложеніе было отвергнуто. Между ними нашлись даже такіе, которые требовали точнаго исполненія законовъ, изданныхъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта [3]. Въ своей запискѣ епископы затрогивали не одинъ только протестантскій вопросъ. Жалуясь на то, какимъ образомъ велось въ коллегіяхъ дѣло воспитанія со времени удаленія іезуитовъ, они просили короля прославить свое царствованіе, возвративъ коллегіи въ руки духовенства, которое по своему образованію и безкорыстію, и по самому существу своего служенія, одно только какъ бы призвано воспитывать юношество. Другими словами, это было косвеннымъ выраженіемъ желанія возвратить іезуитовъ и сопротивленіемъ заранѣе плану Тюрго учредить національное воспитаніе. Наконецъ, они протестовали противъ свободы, предоставленной писателямъ, указывали монарху на мно-

[1]. Слова эти были подчеркнуты въ *Запискѣ*.

[2]. По поводу этого появилась брошюра подъ заглавіемъ: *Dialogue entre un évêque et un curé sur les mariages des protestants.* Bachaumont, VIII, 239, 250—253; ср. ibid., 145.

[3]. Bachaumont, VIII, 145, 300.

жество книгъ, нападающихъ на религію, и умоляли его запретить ихъ распространеніе и наказать авторовъ [1].

Епископы не ограничились этими заявленіями. Они издали еще *Предостереженіе вѣрующимъ въ королевствѣ* [2], въ которомъ изложены были всѣ ихъ воззрѣнія, и разослали это сочиненіе съ циркулярнымъ письмомъ по всѣмъ епархіямъ Франціи. Къ нему былъ прибавленъ списокъ сочиненій, появившихся съ 1765 г. и осужденныхъ ими за враждебное отношеніе къ религіи [3]. «Предостереженіе» оказалось написаннымъ еще слабѣе, чѣмъ Предостереженіе 1770 г., и заключало въ себѣ только до такой степени общія мѣста, что годилось, какъ тогда говорили, столько же для мусульманъ, какъ и для христіанъ [4]. Ни «Предостереженіе», ни осужденіе *in globo* философскихъ сочиненій, не произвели на общество никакого дѣйствія. Вліяніе духовенства упало до такой степени, что на всѣ его поступки, казалось, не обращали никакого вниманія. Пока шли пренія въ общемъ собраніи духовенства, во всѣхъ салонахъ и кружкахъ смѣялись и шутили надъ ними; говорили, что епископы собираютъ свѣдѣнія объ извѣстномъ, бывшемъ тогда

[1]. Hardy, III, 121, 146.—Bachaumont, 221, 225. *ср. Procès verbaux du clergé* за 1775 г. Депутація отъ духовенства подала королю эти заявленія 24 сентября.

[2]. *Avertissement aux fidèles du royaume sur les avantages de la religion chrétienne et sur les effets pernicieux de l'incridulité.*

[3]. Приводимъ списокъ сочиненій, осужденныхъ *in globo* въ этомъ предостереженіи; нѣкоторыя изъ нихъ были уже ранѣе осуждены постановленіями парламента и Государственнаго Совѣта: *le Christianisme dévoilé; l'Antiquité devoilée par ces usages; le Sermon des Cinquante; l'Examen important; la Contagion sacrés; Examen critique des anciens et nouveaux apologistes du christianisme; Lettre de Trasyhule à Leucippe; Système de la nature; Système social; Questions sus l'Encyclopédie; De l'homme et de ses facultes; le Bon Sens; Histoire philosophique et politique du commerce et des établissements des Européens dans les deux Indes.* См. *Procès-verbaux du clergé pour l'année 1775.* Ср. Bachaumont, VIII, 330—333 (декабрь 1775 г.); Hardy, III, 137.

[4]. Hardy, III, 148.

въ модѣ, фокусникѣ Комюсѣ, котораго они будто бы подозрѣвали въ колдовствѣ [1].

Людовикъ XVI, съ своей стороны, обратилъ на заявленіе прелатовъ весьма мало вниманія и на всѣ ихъ просьбы отвѣчалъ уклончиво [2]. На прощальной аудіенціи у короля, духовенство поднесло ему экземпляръ книги *Théologie portative* (Карманное богословіе) и просило его отнестись къ этому сочиненію со всей должной строгостью [3]. Это былъ единственный случай, когда монархъ уступилъ имъ. Онъ отдалъ парламенту приказъ и книга эта была сожжена палачемъ [4].

Если духовенство теряло теперь ту поддержку, которую всегда оказывала ему королевская власть, то съ другой стороны, оно нашло себѣ союзника тамъ, гдѣ никакъ не ожидало. Вслѣдствіе жалобы епископовъ, указомъ Совѣта уничтожено было анонимное сочиненіе Вольтера, подъ заглавіемъ: *Diatribe à l'auteur des Éphémérides*, которое вмѣстѣ съ восхваленіемъ Тюрго заключало въ себѣ «неприличные» намеки на ту роль, которую играло духовенство во время послѣднихъ безпорядковъ [5]. Со своей стороны и парламентъ осудилъ эту книгу на сожженіе. Генеральный прокуроръ Сегье изложилъ, по обыкновенію, въ обвинительномъ актѣ, все

[1]. Hardy, III, 136. «Что подобный слухъ могъ распространиться въ обществѣ, пишетъ Гарди, къ несчастью указываетъ на то презрѣніе, которое питаютъ свѣтскіе люди къ большей части прелатовъ». (Ноябрь 1775 г.). Въ отношеніи Комюса см. *Spectacles de la Foire*, par E. Campardon, P., 1877 г.

[2]. Bachaumont, VIII, 235 (октябрь 1775 г.).

[3]. Hardy, III, 146 (декабрь 1773 г.).

[4]. Постановленіе парламента отъ 16-го февраля 1776 г., осуждающее на сожженіе книгу подъ заглавіемъ: *Théologie portative ou Dictinnaire abrégé de la religion chrétienne.*

[5]. Указъ Государственнаго Совѣта отъ 19 августа 1775 г., запрещающій брошюру, озаглавленную: *Diatribe à l'auteur des Éphémérides* и страницы, съ 59 до 71 включительно, газеты *Меркурій* за августъ мѣсяцъ. Ср. Hardy, III.

достойное порицанія въ этой книгѣ, приписываемой *знаменитому писателю* [1], а затѣмъ, сказавъ о томъ несогласіи, которое чувствуется между служителями церкви и служителями закона,—несогласіи, посѣянномъ, по его мнѣнію, врагами тѣхъ и другихъ—философами, онъ прибавилъ: «Наступилъ часъ, когда духовенство и магистратура должны соединиться и общими силами отклонить покушеніе нечистыхъ рукъ противъ трона и алтаря. Драгоцѣнный союзъ этотъ положитъ конецъ этимъ скандальнымъ брошюрамъ, одинаково оскорбительнымъ, какъ для божественной, такъ и для королевской власти. Писатели этого вѣка, которыхъ ничто доселѣ не могло укротить, устрашатся, наконецъ, этого союза, столь желаннаго для церкви и государства [1]». Публика была того мнѣнія, что такимъ заявленіемъ генеральный прокуроръ «возмутительнѣйшимъ образомъ подольщается къ духовенству» [2], но важнѣе всего то, что оно являлось объявленіемъ союза между духовенствомъ и парламентомъ, бывшими до сихъ поръ врагами. Заключаемый, повидимому, съ цѣлью охраненія трона и алтаря, союзъ этотъ въ дѣйствительности направленъ былъ противъ того духа нововведеній, который исходилъ изъ министерства и угрожалъ вліянію и привиллегіямъ, какъ духовенства, такъ и самаго парламента.

Шателэ послѣдовалъ примѣру парламента. Два дня спустя послѣ того, какъ парламентъ высказался противъ брошюры Вольтера, онъ съ своей стороны запретилъ сочиненіе Делиль-де-Саля, появившееся въ первый разъ въ 1770 г., подъ заглавіемъ: *De la philosophie de la nature*. Начало обвинительнаго акта было въ томъ же родѣ, какъ и у генеральнаго прокурора; въ немъ гово-

[1]. Слова эти подчеркнуты въ обвинительномъ актѣ.

[2]. Постановленіе парламента отъ 7-го сентября 1775 г. по поводу брошюры подъ заглавіемъ: *Diatribe à l'auteur des Ephémérides* напечатанный въ августовскомъ № *Mercure de France*.

[3]. Bachaumont, VIII, 215.

рилось: «Государство, въ которомъ мы имѣемъ счастье жить, устроено такимъ образомъ, что обѣ власти, духовная и свѣтская, взаимно поддерживаютъ другъ друга, и отъ согласія между ними зависитъ внутренній миръ и благоденствіе государства. Безпорядки, которые духовная власть не могла остановить убѣжденіемъ, должны быть прекращены силою власти свѣтской». Приговоръ, слѣдовавшій за обвинительнымъ актомъ, свидѣтельствовалъ о рвеніи, превосходящимъ даже парламентское. Книга Делиля осуждалась на сожженіе, «какъ нечестивая, богохульная, клонящаяся къ тому, чтобы поднять народъ противъ религіи и правительства, возмутить подданныхъ противъ королевской власти и ниспровергнуть всѣ принципы общественной безопасности и нравственности [1]». Такія крайнія преувеличенія въ приговорѣ не понравились министерству. Оно хотѣло остановить или, по крайней мѣрѣ, ограничить его публикацію [2], а потому сообщило Шателэ, что если король и позволитъ напечатать самый приговоръ, то на печатаніе обвинительнаго акта онъ никакъ не согласится, такъ какъ этотъ актъ можетъ послужить только къ тому, чтобы напомнить о почти позабытой книгѣ. Шателэ настаивалъ на своемъ правѣ напечатать обвинительный актъ, утверждая, что книга далеко не позабыта, что печатается новое изданіе ея въ трехъ тысячахъ экземпляровъ и готовится еще другое, и что обвинительный актъ предназначенъ быть «противоядіемъ» противъ нея [3]. Кончилось тѣмъ, что обвинительный актъ былъ напечатанъ вмѣстѣ съ приговоромъ и книга сожжена на Гревской площади [4]. Однакоже Шателэ, не ограничил-

[1]. Приговоръ Шателе отъ 9 сентября 1775 г. осуждающій на сожженіе сочиненіе въ 6 томахъ in-12, подъ заглавіемъ: *De la philosophie de la nature.*

[2]. Прежде чѣмъ приговоръ былъ напечатанъ, хранитель печати потребовалъ дѣло къ себѣ и продержалъ его болѣе мѣсяца.

[3]. Hardy, III, 131 (24 октября 1775 г.).

[4]. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ проволочекъ приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе только 14 декабря 1775 г.

ся такой строгой мѣрой. Онъ объявилъ автора «виновнымъ въ оскорбленіи, какъ божественной, такъ и человѣческой власти», приказалъ его арестовать и началъ дѣло, которое длилось около полутора года.

Такимъ образомъ правительство встрѣчало препятствія со стороны тѣхъ самыхъ учрежденій, которыя нѣкогда своей блестящей оппозиціей противъ ненавистнаго обществу режима послужили разсадникомъ новыхъ преобразовательныхъ идей. Между тѣмъ на Тюрго надвигались тучи, со стороны двора. Королева, въ поведеніи которой уже проглядывало то легкомысліе, которое привело ее впослѣдствіи къ такому печальному концу, начинала тяготиться строгой экономіей государственнаго контролера. При помощи Морепа, она выхлопотала одной изъ своихъ фаворитокъ, принцессѣ де-Ламбаль, мѣсто начальницы ея управленія съ жалованьемъ 150,000 ливровъ. Тюрго послѣ нѣсколькихъ возраженій уступилъ и тѣмъ не менѣе имъ остались недовольны [1]. Въ то же время онъ нажилъ себѣ враговъ еще и по другому поводу. По его совѣту Людовикъ XVI назначилъ въ департаментъ военныхъ дѣлъ заслуженнаго офицера, графа де-Сенъ-Жерменъ, съ цѣлью реорганизаціи военной администраціи, безпорядки въ которой были не менѣе значительны, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія [1]. Сенъ-Жерменъ былъ простой дворянинъ и назначеніе его на такой высокій постъ произвело сильное неудовольствіе въ средѣ придворныхъ вельможъ, которые заявили, что «вообще, если составъ

[1]. Bachaumont, VIII, 217.—Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, II, 387. Принцесса де-Ламбаль приняла присягу, какъ завѣдывающая дѣлами королевы, 18 октября 1775 г.

[1]. Въ декабрѣ 1787 г. Башомонъ писалъ въ своихъ мемуарахъ: «По словамъ очень образованныхъ офицеровъ во Франціи всего 36,000 офицеровъ всѣхъ чиновъ и изъ нихъ только 13,000 состоятъ на дѣйствительной службѣ, что составляетъ 23.000, живущихъ милостями короля, не принося ни малѣйшей пользы».

министерства останется тотъ же, то надо будетъ положить этому конецъ [1]».

Но министерство, несмотря на всѣ эти препятствія, продолжало свое преобразовательное дѣло. Къ концу 1775 г. эдиктъ объ уничтоженіи барщины былъ готовъ къ внесенію въ регистры, а также и другой эдиктъ, надъ которымъ Тюрго давно уже работалъ и на мысль о которомъ навели его экономическія идеи,—эдиктъ объ уничтоженіи сословія цеховыхъ присяжныхъ (la juraude). Говорили еще о другихъ эдиктахъ, которые установятъ одинъ общій и пропорціональный налогъ и преобразуютъ судебную систему. Говорили о томъ, что, несмотря на оппозицію духовенства, законы Людовика XIV противъ протестантовъ будутъ торжественно отмѣнены въ королевскомъ засѣданіи [2]. Постоянно занятый новыми улучшеніями, Тюрго работалъ съ неутомимой энергіей. Даже болѣзнь не могла укротить его рвенія. По словамъ его поклонниковъ, онъ «каждый день издавалъ или проэктировалъ новые законы, долженствующіе упрочить благоденствіе народа [3]». По его примѣру, графъ Сенъ-Жерменъ, начавъ реформы по своему министерству, повелъ дѣло быстро и рѣшительно. «Министры наши — это хирурги, которые рѣжутъ намъ руки и ноги, писала тогда одна придворная дама шведскому королю; надо надѣяться только что здоровый организмъ Франціи вынесетъ столько трудныхъ операцій. Мы постоянно въ ожиданіи какого ни-

[1]. Hardy, II, 134.—Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, II, 393. Графъ Сенъ-Жерменъ вступилъ въ военное министерство въ октябрѣ 1775 г. Не слѣдуетъ забывать, что начальникъ полиціи, Ленуаръ, впавшій въ немилость вслѣдствіе *хлѣбной войны*, былъ замѣненъ по предложенію Тюрго, экономистомъ Альберомъ. Такимъ образомъ вліяніе Тюрго въ министерствѣ преобладало.

[2]. Hardy, III, 139—164 (ноября 1775 г.—янв. 1776 г.). Ср. Voltaire, *Corresp. gén.*, XVI, 43.

[3]. Walpole, 287 (сентябрь 1775 г.).

будь новаго приказа и находимъ, что кризисъ немного слишкомъ силенъ [1].

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ одновременнаго введенія столькихъ разнородныхъ реформъ было, конечно, измѣненіе положенія многихъ частныхъ лицъ и ущербъ ихъ благосостоянія [2], вслѣдствіе чего противъ Тюрго велись сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, интриги и образовался настоящій заговоръ [3]. Къ его врагамъ присоединился парламентъ, запретивъ брошюру, написанную въ похвалу ему и начинавшуюся словами: *Благословеніе министру* [4]. Еще болѣе явную оппозицію выказалъ онъ ему по поводу одного сочиненія, изданнаго подъ покровительствомъ Тюрго и озаглавленнаго: *Неудобство феодальныхъ правъ* [5]. Въ собраніи всѣхъ палатъ и въ присутствіи принцевъ крови и пэровъ, парламентъ осудилъ эту брошюру на сожженіе, «какъ оскорбляющую законы и обычаи Франціи, священныя и неприкосновенныя права короны и права собственности частныхъ лицъ; клонящуюся къ низверженію монархическаго правленія, возмущая подданныхъ противъ ихъ господъ и самаго короля, и изображая владѣтельныя и феодальныя права, какъ гнус-

[1]. Письмо графини де-Ла-Маркъ къ Густаву III, приведенное у Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette,* II, 416. Въ этомъ же самомъ письмѣ графиня де-Ла-Маркъ сравнивала Сенъ-Жермена съ «своего рода дровосѣкомъ, рубящимъ и вкривь и вкось».

[2]. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette,* письмо Мерси къ Маріи-Терезіѣ, 19 Января 1776 г.; II, 416.

[3]. Hardy, III, 160 (январь 1776 г.).

[4]. Постановленіе парламента отъ 30 января 1776 г., воспрещающее книгу, начинающую словами: *Bénissons le ministre* и заканчивающуюся такъ: *Que ce soit jamais pour le vôtres.* Эта маленькая книжка была написана Кондорсе по поводу уничтоженія барщины. Парламенту донесъ на нее д'Эпремениль, отзывавшійся объ экономистахъ, какъ о людяхъ, стремящихся къ разрушенію всѣхъ существующихъ формъ и къ ниспроверженію государства.

[5]. Извѣстно, что авторомъ этого сочиненія былъ нѣкто Бонсерфъ, состоявшій при государственномъ контролѣ. Этимъ сочиненіемъ Тюрго хотѣлъ подготовить умы къ задуманному имъ новому закону.

ное и нелѣпое насиліе [1]». Общество было очень удивлено такимъ строгимъ осужденіемъ книги, которая, въ весьма умѣренныхъ выраженіяхъ, нападала на существовавшіе еще остатки ненавистнаго рабства [2]. Вольтеръ, узнавъ, что сожжено сочиненіе, которое онъ называлъ «полнымъ сводомъ гуманности», былъ пораженъ удивленіемъ и скорбью. «Странное время переживаемъ мы, писалъ онъ, и наблюдаемъ удивительные контрасты. Разумъ съ одной стороны и нелѣпый фанатизмъ съ другой; государственный контролеръ, жалѣющій народъ, и парламентъ, угнетающій его; гражданская война у всѣхъ на умѣ и заговоры во всѣхъ игорныхъ домахъ. *Спасайся, кто можетъ* [3]»!

Наконецъ парламентъ выступилъ открытымъ противникомъ Тюрго. Когда Людовикъ XVI послалъ ему [4], для внесенія въ регистры, эдикты объ уничтоженіи барщины и сословія присяжныхъ, то къ королю явилась депутація изъ сорока двухъ членовъ парламента съ просьбою отмѣнить эти эдикты и сдѣлала по этому поводу слѣдующее удивительное заявленіе: «назначеніе дворянства—защищать отечество отъ враговъ; духовен-

[1]. Постановленіе парламента отъ 23 февраля 1776 г., осуждающее на сожженіе брошюру, подъ заглавіемъ: *Les Inconvéniants des droits féodaux.*

[2]. Hardy, III, 178, 179; Bachaumont, IX, 58—66. Этимъ постановленіемъ парламентъ приказывалъ возбудить преслѣдованіе противъ авторовъ брошюры, но король не допустилъ его; Hardy, III, 183.

[3]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XVI, 106, 109, 113 (мартъ 1776 г.). Вольтеръ не ограничился выраженіемъ своего неудовольствія въ своей перепискѣ: онъ выпустилъ подъ псевдонимомъ «Достопочтеннаго отца Поликарпа» памфлетъ, въ которомъ иронически поздравлялъ Сегье съ обвинительнымъ актомъ, составленнымъ послѣднимъ по этому случаю. Приговоръ этотъ, говорилъ онъ, тѣмъ болѣе справедливъ, что «предложеніе уничтожить феодальныя права есть покушеніе на собственность гг. членовъ парламента, большинство которыхъ владѣютъ помѣстьями».

[4]. 6 февраля 1776 г.

ство призвано поучать и наставлять народъ, низшіе же классы націи, которые не могутъ нести столь высокихъ обязанностей, должны служить государству податями, промыслами и физической работой [1]». Говорятъ, что въ отвѣтъ на эти заявленія Людовикъ XVI сказалъ: «Я вижу, что никто кромѣ меня и Тюрго не любитъ народъ [2]». Купеческое сословіе выразило также сильную оппозицію противъ эдикта о присяжныхъ [3]. Изданы были брошюры, въ которыхъ доказывалась необходимость сохранить *метризу* [4] и опасность теорій, которыя «энтузіасты, ослѣпленные химерой объ общемъ благѣ и безграничной свободѣ [5]», хотятъ противупоставить существующимъ законамъ, охраняющимъ искусство и промышленность. Указъ Совѣта уничтожилъ эти брошюры [6], что подало поводъ говорить, что «гг. экономисты» пропо-

[1]. Эти слова въ ремонтрансахъ парламента повидимому всего болѣе поразили публику, такъ какъ только ихъ приводитъ Гарди. За исключеніемъ послѣднихъ строкъ, онъ передаетъ только сущность всѣхъ ремонтрансовъ. Hardy, I, 187; см. ibid., 171, 175, 183, 185.

[2]. *Oeuvres de Turgot. Mémoires sur sa vie*, etc., I, 364. По словамъ автора этихъ мемуаровъ, въ своихъ ремонтрансахъ парламентъ будто бы выразился, что «французскій народъ *поддается какимъ угодно налогамъ и барщинамъ*» (était taillable et corvéable à merci). Можетъ быть общество и приписало парламенту выраженіе, которое передавало смыслъ его заявленій, но слова эти не были сказаны.

[3]. Hardy, III, 175 (февраль 1776 г.).

[4]. *Maîtrise*. Этимъ названіемъ обозначалась при старомъ порядкѣ привилегія мастеровъ, данная ограниченному числу людей, на право занятія искусствами и ремеслами, а также и торговлею. *Перев.*

[5]. Bachaumont, IX, 46, 47. На многочисленныя просьбы, подаваемыя королю купечествомъ, была издана забавная пародія въ видѣ особаго письма по поводу состоявшагося будто бы указа Совѣта отъ 21 янв. 1776 г., которымъ приказывалось уничтожить кроликовъ на всемъ пространствѣ королевства. *Ibid.*, 61.

[6]. Указъ Государств. Совѣта отъ 22 февр. 1776 г., запрещающій брошюры, озаглавленныя: *Réflexions des six corps de la ville Paris sur la suppression des jurandes; Mémoire à consulter sur l'existence actuelle des six corps et la conservation de leurs privilèges; Addition au Mémoire à consulter sur l'existence des six coprs pour les marchands dra-*

вѣдуютъ свободу для себя, но не хотятъ предоставить ее своимъ противникамъ [1].

Въ парламентѣ царило сильное броженіе, направленное противъ Тюрго; въ немъ осмѣивали его идеи, его образъ правленія, относясь съ полнымъ неуваженіемъ къ его личнымъ достоинствамъ [2]. При дворѣ враги его шли еще дальше и говорили о «*неблагородствѣ*» *(ignobles)* его предисловій къ эдиктамъ, находя, что давать первое мѣсто народу значитъ унижать королевское достоинство [3]. Защитники Тюрго обнаруживали, со своей стороны, не меньшую горячность.

При видѣ странной оппозиціи, которою встрѣчено было уничтоженіе барщины, «этого варварскаго рабства, разрушительнаго для страны», Вольтеръ говорилъ, что его «старая кровь закипѣла въ жилахъ [4]». Вальполь, бывшій очевидцемъ всѣхъ этихъ событій, писалъ: «Сопротивленіе парламента прекрасной реформѣ, подготовленной Тюрго и Малербомъ, позорнѣе всякаго каприза деспота. Эти члены парламента, противодѣйствующіе счастью нѣсколькихъ милліоновъ людей, уменьшаютъ на половину вину Мопу, который преслѣдовалъ ихъ». Людовикъ XVI твердо стоялъ на своемъ и, чтобы сразу прекратить всякое сопротивленіе, велѣлъ зарегистрировать эдикты въ королевскомъ засѣданіи 12 марта 1776 г., которое Вольтеръ назвалъ *благодѣтельнымъ засѣданіемъ (le lit de beinfaisance)* [5]. Какъ бы ни были похвальны намѣренія Тюрго, но то, что онъ внушилъ королю

piers; *Réflexions de maitres tailleurs de Paris sur le projet de supprimer les jurandes*, и т. д.

1. Bachaumont, IX, 62.

2. Id., X, 50. По поводу этихъ вопросовъ салоны раздѣлялись на лагери *экономистовъ* и лагерь *антиэкономистовъ*. Bachaumont X, 51, 52.

3. Voltaire, *Corresp. gén.*, XVI, 119, 133 (мартъ 1776 г.).

4. Voltaire, *Corresp. gén.*, XXI, 88.

5. Walpole; приводится у Geoffroy et d'Arneth, *Marie Antoinette*, II, 425, въ *примѣчаніи*.

образъ дѣйствій, являющійся нѣкоторымъ образомъ самовластіемъ, конечно, не замедлили поставить ему въ вину. Можно только сказать, что упрекъ этотъ былъ совершенно неумѣстенъ именно со стороны его противниковъ. Такъ, генеральный адвокатъ Сегье, излагая королю картину безпорядковъ, могущихъ произойти вслѣдствіе примѣненія этихъ эдиктовъ, началъ свою рѣчь словами: *Королевская власть не знаетъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя ей угодно себѣ поставить* [1]. Никогда ни одинъ членъ парламента при Людовикѣ XV, ни даже канцлеръ, Мопу, не осмѣливался выражать подобныя мысли.

Вечеромъ, въ день королевскаго засѣданія, многіе кварталы Парижа были иллюминованы. Въ освѣщенныхъ транспарантахъ можно было читать: «*Да здравствуетъ Король и свобода!*» [2]. Эти демонстраціи исходили изъ среды «мелкаго люда», который былъ внѣ себя отъ восторга вслѣдствіе уничтоженія сословія присяжныхъ [3]. Къ несчастью при этомъ произошли безпорядки, которые какъ бы оправдывали враговъ реформъ. Во время самаго королевскаго засѣданія, множество рабочихъ оставило своихъ хозяевъ, переполнило кабаки и «безобразныя картины полнѣйшаго пьянства» встрѣчались повсюду [4]. Впродолженіе этого дня и еще нѣсколькихъ послѣдующихъ дней произошло довольно много столкновеній между хозяевами и рабочими, «опьянѣвшими отъ сознанія своей свободы». Во время происходившихъ схватокъ были случаи убійства. Потребовалось послать войско для усмиренія безпорядковъ и посадить въ тюрьму многихъ изъ тѣхъ людей, которыхъ хотѣли сдѣлать свободными [5].

Подобные же безпорядки происходили и въ деревняхъ. Возбужденные надеждой на уничтоженіе феодаль-

[1]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XII, 191. См. разсказъ объ этомъ королевскомъ засѣданіи у Isambert, XXIII, 398—433.

[2]. Hardy, III, 192;—Voltaire, *Corresp. gén.*, XVI, 131.

[3]. Hardy, III, 191.

[4]. Bachaumont, IX, 78.

[5] Hardy, III, 191, 194.

ныхъ правъ, крестьяне, во многихъ случаяхъ, взбунтовались противъ своихъ господъ [1]. Въ виду всѣхъ этихъ безпорядковъ парламентъ, приписывая происхожденіе ихъ «распущенности общественнаго мнѣнія и опаснымъ разсужденіямъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ умовъ», издалъ 30 мая указъ, которымъ предписывалось «всѣмъ подданнымъ короля, находящимся въ оброчной, вассальной или подвѣдомственной зависимости у частныхъ лицъ, отправлять по прежнему, какъ по отношенію къ королю, такъ и по отношенію къ господамъ своимъ, всѣ обязанности, которыя постановлены имъ законами королевства». Кромѣ того, онъ строго запрещалъ «возбуждать въ народѣ словами, или письменными произведеніями идеи о какихъ бы то ни было перемѣнахъ по отношенію къ вышеупомянутымъ законамъ, въ противномъ же случаѣ, нарушители этого будутъ преслѣдуемы съ особенной строгостью и примѣрно наказаны, какъ непокорные законамъ и возмутители общественнаго спокойствія» [2]. Этотъ приказъ былъ прибитъ по всѣмъ улицамъ Парижа и общество увидѣло въ немъ «своего рода *амбарго*» планамъ министра [3].

На самомъ дѣлѣ никто, кромѣ простаго народа и философовъ, не одобрялъ новыхъ мѣръ Тюрго. И даже между ними находились такіе, которые критиковали ихъ. Гриммъ писалъ по поводу уничтоженія сословія цеховыхъ присяжныхъ: «Люди, пишущіе объ администраціи, дѣлаютъ обыкновенно ту большую ошибку, что хотятъ перенести абстрактныя идеи и метафизическія истины въ такую сферу, порядокъ вещей которой совершенно ихъ измѣняетъ. Если законы общества и не противорѣчатъ законамъ природы, то все же во многомъ съ ними расходятся, и что годится для единицы не всегда годится

[1]. Hardy, III, 198.
[2]. Isambert, XXIII, 525, 526.
[3]. Hardy, III, 198.

для государства» [1]. Появились памфлеты съ нападками на дѣятельность Тюрго и съ упреками королю въ томъ, что онъ дозволяетъ своему министру вести Францію «самъ не зная куда [1]». Распространились пѣсенки, подъ названіемъ *Prophéties Turgotines* (Пророчества Тюрго), въ которыхъ говорилось, что скоро всѣ сословія перемѣшаются, всѣ различія исчезнутъ и что самъ монархъ, «видя въ себѣ зло», откажется отъ короны [2]. Людовикъ XVI, со своей стороны, начиналъ тревожиться этой оппозиціей и терять увѣренность въ своей правотѣ. Онъ не совсѣмъ охотно согласился насильно заставить зарегистировать послѣдніе эдикты. Во время королевскаго засѣданія, видя, что даже братья его противъ него, онъ не могъ скрыть своего огорченія [3]. Нѣсколько времени спустя, онъ говорилъ своему министру: «Какимъ это образомъ, г. Тюрго, вы мнѣ все говорите о благѣ моего народа, объ общемъ благѣ всѣхъ моихъ подданныхъ, а между тѣмъ всѣ эти полезныя благія мѣры, которыя

[1]. Приводимъ цѣликомъ эту, заслуживающую вниманія, выдержку изъ переписки Гримма: «Философы, пишущіе объ администраціи, чаще всего впадаютъ въ ту ошибку, что хотятъ перенести абстрактныя идеи и метафизическія истины въ такую сферу, порядокъ вещей которой совершенно ихъ измѣняетъ. Если законы общества и не противорѣчатъ законамъ природы, то все же во многомъ съ ними расходятся. Понятія о собственности всегда будутъ плохо согласоваться съ понятіями первобытнаго состоянія, когда у людей все было общее. Всякая идея объ обязанности всегда будетъ болѣе или менѣе оскорблять въ насъ чувство естественной свободы. Неравенство положеній всегда будетъ казаться намъ страннымъ при сознаніи, что всѣ мы рождаемся равными. Очевидно, что въ соціальномъ отношеніи для государства не всегда хорошо то, что хорошо для единицы. Конечно, самое лучшее законодательство было бы такое, при которомъ каждый бы пользовался вполнѣ всѣми возможными выгодами, но такое законодательство—химера; нужно довольствоваться такимъ, которое хотя немного вознаграждаетъ за то бремя, которое оно накладываетъ. Grimm, IX, 27, 28 (апрѣль 1776 г.).

[1]. Hardy, III, 201 (апрѣль 1776 г.).

[2]. Id., III, 214, 215.

[3]. Id., III, 188.

вы мнѣ совѣтуете, встрѣчаютъ столько возраженій? [1]».

Число враговъ министра видимо росло. Вмѣстѣ съ дворомъ, духовенствомъ, парламентомъ, финансистами, къ которымъ прибавились еще и *антиэкономисты*, между которыми были люди и вполнѣ искренно убѣжденные, вся промышленная и торговая буржуазія была теперь противъ него [2]. Если бы даже Людовикъ XVI и обладалъ тою твердостью, которой недоставало его характеру, то при его молодости и невозможности понять дѣйствительныя желанія и нужды націи,—которыя могли бы раскрыть ему только генеральные штаты,—ему всетаки трудно было бы не отступить передъ такой громадной оппозиціей. Нѣкоторыя другія обстоятельства еще болѣе повліяли на колеблющійся духъ монарха. Папа IIій VI, только что вступившій на престолъ послѣ смерти Климента XIV [3], объявилъ юбилей по поводу своего восшествія. Празднованіе этого юбилея началось въ Парижѣ 15 марта. Въ буллѣ, объявлявшей юбилей, новый папа, слывшій за покровителя іезуитовъ, осуждалъ въ строгихъ выраженіяхъ философскія ученія. Тотчасъ же по его примѣру «проповѣдники со своихъ кафедръ, епископы въ своихъ посланіяхъ, священники въ своихъ поученіяхъ» начали громить философовъ [4]. Во всемъ этомъ заключались нападки на Тюрго. Наконецъ, парламентъ, по поводу одного сочиненія, присужденнаго имъ на сожженіе 3-го мая, нанесъ министерству послѣдній ударъ.

Сочиненіе это, озаглавленное: *Совершенный Монархъ*, заключало въ себѣ восхваленіе Іосифа II [5], и авторъ

[1]. Hardy, III, 201 (апрѣль 1776 г.).

[2]. Id., III, 291, 219 и *passim*; Bachaumont, IX, 90, 95, 107, 108; Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, Introduction, I, LV.

[3]. Февраль 1775 г.

[4]. Bachaumont, IX, 129 (май 1776 г.).

[5]. Извѣстно, что этотъ государь составилъ себѣ почти легендарную репутацію своими филантропическими и реформаторскими стремленіями.

весьма горячо распространялся при этомъ о состояніи общества. Онъ рисовалъ мрачную картину народныхъ бѣдствій и призывалъ народы къ возстанію, чтобы *передавить чудовищъ, пожирающихъ ихъ существованіе.* «Если же судьба и измѣнитъ вамъ, говорилъ онъ, и вы не завоюете себѣ счастья, то все же вы не умрете, не отомстивши. Несчастные народы, васъ держатъ на цѣпи, умѣйте же по крайней мѣрѣ уничтожить своихъ тирановъ; пусть это будетъ отнынѣ вашимъ девизомъ и короли будутъ трепетать предъ вами». Есть эпоха, говорилось дальше, «которая является необходимостью при нѣкоторыхъ правительствахъ; эпоха—страшная, кровавая, но она предвѣстникъ свободы,—я говорю о гражданской войнѣ». Генеральный адвокатъ, нападая на это «кровожадное ученіе», приписывалъ ее той необузданности, «которая явилась вслѣдствіе зародившейся во всѣхъ жажды неограниченной свободы». Нельзя не сознавать, говорилъ онъ, что потрясеніями этими страна обязана «тѣмъ предпріимчивымъ геніямъ, которые не хотятъ знать никакихъ мнѣній, кромѣ своихъ; этимъ опаснымъ реформаторамъ, которые, не изучивъ исторіи развитія человѣческаго ума, думаютъ, что они въ состояніи управлять имъ; этимъ безумнымъ и ярымъ проповѣдникамъ, которые осмѣливаются разрушать государство, подъ предлогомъ его преобразованія [1]».

Никто не сомнѣвался, что генеральный адвокатъ указывалъ этими словами на Тюрго. Придворныя интриги, въ которыхъ принималъ большое участіе и Морепа, довершили дѣйствіе этихъ нападокъ. Явились подложныя письма, писанныя якобы министромъ къ своему другу. Письма эти были подсунуты Людовику XVI; они были наполнены насмѣшками надъ королевой и оскорби-

[1]. Постановленіе парламента отъ 3 мая 1776 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе: *Le Monarque accompli, par M. de Lanjuinais, principal du collège de Meudon.*

[2]. Hardy, III, 212; Bachaumont, IX, 118.

тельными для короля инсинуаціями [1]. Наконецъ вмѣшалась и Марія-Антуанетта. Она оскорбилась тѣмъ, что графъ де-Гюинъ, которымъ она интересовалась, бывшій посланникомъ въ Лондонѣ, по совѣту Тюрго былъ отозванъ во Францію. Она отнеслась къ этому распоряженію, какъ къ личному для себя оскорбленію. Вліяніе ея на короля было въ то время неограниченно и она, добившись того, что графъ де-Гюинъ возвратился во Францію съ графскимъ титуломъ, рѣшилась еще просить у короля, чтобы въ день его возвращенія, Тюрго былъ прогнанъ изъ министерства и заключенъ въ Бастилію [2].

12 мая 1776 г., Людовикъ XVI, уступая, наконецъ, этимъ интригамъ и возраставшей отовсюду оппозиціи, удалилъ Тюрго отъ двора. Малербъ подалъ въ отставку раньше, наскучивъ всѣми интригами, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Узнавъ объ этомъ, Вольтеръ былъ пораженъ скорбью: «Франція была бы слишкомъ счастлива, писалъ онъ, Союзъ этихъ двухъ министровъ сдѣлалъ бы чудеса. Я никогда не утѣшусь, видѣвъ зарожденіе и гибель золотого вѣка, который они намъ подготовляли [3]». Такъ пали два мудреца, которые украшали Францію. Ихъ паденіе было неизбѣжно и его заранѣе предвидѣли мыслящіе люди. Даже помимо тѣхъ мѣръ, которыя были внушены Тюрго его экономическими воззрѣніями, эти два министра своими нововведеніями затрогивали слишкомъ много обычаевъ, интересовъ и предразсудковъ, и потому должны были встрѣтить противодѣйствіе. Они желали ввести сразу всѣ реформы, для выполненія которыхъ было мало полу-столѣтія. При Людовикѣ XVI уже было поздно начинать

[1]. *Oeuvres de Turgot*; Mémoires sur sa vie, etc. I, 389—394.

[2]. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, II, 447. По этому поводу Мерси сообщаетъ, что Марія-Антуанетта питала къ Тюрго ненависть. Гарди, III, 222, со своей стороны писалъ отъ 18 мая, что королева ненавидитъ Тюрго и что она теперь болѣе чѣмъ когда либо всемогуща при дворѣ.

[3]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XVI, 153, 168, 177.

необходимыя «ампутаціи»; ихъ слѣдовало предпринять еще во времена Людовика XV. Аббатъ Галіани 16 мая писалъ г-жѣ д'Эпине: «Мы пришли къ временамъ, о которыхъ говоритъ Титъ Ливій: ad haec tempora ventum est, ubi nec mala, nec remedia pati possumus» [1]. Безсиліе павшаго министерства показало, что только насильственный, революціонный порядокъ можетъ произвести необходимыя реформы. Эту мысль уже въ 1751 г. высказывалъ д'Аржансонъ [2] и французское общество, не пожелавъ подвергнуться «операціи» со стороны *двухъ хирурговъ*, которые тогда правили судьбами Франціи, тѣмъ самымъ роковымъ образомъ отдавало себя въ ближайшемъ будущемъ въ руки болѣе страшныхъ хирурговъ.

[1]. Grimm, IX, 226.
[2]. См. выше, стр. 157 и 158.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЮДОВИКА XVI. — МИНИСТЕРСТВО НЕККЕРА.

(1776—1781).

Дворъ и «городъ» съ восторгомъ встрѣтили извѣстіе о паденіи Тюрго. Въ Версали это событіе вызвало настоящее ликованіе. Остальная часть общества, хотя и не сочувствовавшая «систематическимъ» идеямъ Тюрго, тѣмъ не менѣе жалѣла о немъ, какъ о честномъ человѣкѣ. Дѣйствительное огорченіе выказали только нѣкоторыя «просвѣщенныя» лица и «истинные граждане [1]». Какъ и слѣдовало ожидать, за опалою, которая постигла Тюрго болѣе какъ министра, чѣмъ какъ человѣка, немедленно послѣдовало уничтоженіе всѣхъ введенныхъ имъ реформъ: отмѣненъ эдиктъ, уничтожавшій сословіе цеховыхъ присяжныхъ, возстановлена барщина. Точно также подверглись отмѣнѣ и другія его мѣропріятія, такъ что изъ всего, что сдѣлалъ Тюрго «для облегченія народа и реорганизаціи финансовъ», не осталось почти ничего [2]. Опала распространилась на всю экономистическую партію. Секретарь Тюрго, Дюпонъ де Немуръ, и одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его помощниковъ, аббатъ Бодо, были сосланы [3]. Такимъ образомъ Людовикъ XVI разрушалъ все, созданное Тюрго, какъ раньше онъ уже разрушилъ то, что сдѣлалъ Людовикъ XV, не сознавая того, что подобные необъяснимые повороты въ

[1]. Hardy, 219, 220.—Bachaumont, IX, 128; Beauvau *Mémoires*, 106.

[2]. Hardy, III, 263.

[3]. Bachaumont, IX, 191 Grimm, IX, 159—162.

политикѣ дискредитируютъ въ глазахъ народа его самаго [1]. Онъ не заслужилъ даже той признательности, на которую расчитывалъ, думая, что онъ дѣлаетъ уступку общественному мнѣнію. Эдиктъ, возстановлявшій сословіе цеховыхъ присяжныхъ, сопровождался условіями, придававшими ему характеръ чрезвычайнаго налога [2], а потому онъ вызвалъ всеобщій ропотъ [3]. Это неудовольствіе встревожило дворъ, и тревога эта еще усилилась, когда стало извѣстно какое волненіе произвело въ народѣ возстановленіе барщины, отмѣну которой крестьяне «встрѣтили съ восторженными благословеніями обожаемаго монарха». Видя, что ихъ снова возвращаютъ къ прежнему тяжелому рабскому состоянію, крестьяне во многихъ мѣстахъ королевства были готовы къ открытому возстанію [4].

Перемѣны въ министерствѣ подали поводъ къ новому взрыву неудовольствія. *Менторъ* Людовика XVI, старый графъ Марепа призвалъ управлять генеральнымъ контролемъ на мѣсто Тюрго совершенно безнравственнаго человѣка, Клюньи, бывшаго интендантомъ въ Бордо [5]. Новый министръ, немедленно же по своемъ вступленіи въ должность, воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы установить поборы «въ пользу своихъ метрессъ и креатуръ». Генеральный контроль превратился въ сборище мошенниковъ, въ подозрительное мѣсто [6]. Чтобы покончить сразу съ государственнымъ

[1]. Hardy, III, 263.

[2]. Продолжатель Мемуаровъ Башомона пишетъ въ январѣ 1780 г., что, благодаря этимъ условіямъ, эдиктъ принесъ казнѣ около трехъ милліоновъ. XV, II.

[3]. «Повсюду слышался ропотъ противъ новаго эдикта; о немъ, совершенно не стѣсняясь, высказывались самыя рѣзкія сужденія во всѣхъ кафе и другихъ публичныхъ мѣстахъ». Hardy, III, 267.

[4]. Hardy, III, 263, 267.

[5]. Въ маѣ 1776 г. Извѣстно, что Морепа, съ своей стороны, былъ назначенъ начальникомъ совѣта финансовъ.

[6]. Augeard, 93.—Мармонтель (II, 204) слѣдующимъ образомъ

долгомъ, Клюньи предложилъ объявить банкротство Франціи, и это предложеніе, къ которому повидимому присоединились и остальные министры, очень можетъ быть было бы приведено въ исполненіе, еслибы Людовикъ XVI не возсталъ всѣми силами противъ столь пагубнаго рѣшенія [1]. Одинъ слухъ объ этомъ, распространившійся въ обществѣ, «заставилъ леденѣть кровь въ жилахъ всѣхъ гражданъ». «Въ то время какъ нѣкоторая часть общества начинала все болѣе жалѣть о Тюрго [2], наростало также недовольство и тѣмъ, что во главѣ управленія королевскимъ домомъ вмѣсто Малерба поставленъ человѣкъ совершенно неспособный и слывшій за креатуру духовенства [3]. Однимъ словомъ, четыре мѣсяца спустя послѣ удаленія Тюрго недовольство приняло такіе размѣры, что говорили, что если Людовикъ XVI не отставитъ нѣкоторыхъ изъ своихъ министровъ, то *всеобщее возстаніе неизбѣжно!* Человѣкъ [4], бывшій секретаремъ по управленію дѣлами Маріи Антуанетты, писалъ послѣ 18 брюмера, что еслибы Клюньи дальше оставался министролъ финансовъ, то въ обществѣ поднялось бы такое волненіе, которое двѣнадцатью годами раньше привело бы къ созванію генеральныхъ штатовъ [5].

Смерть Клюньи въ октябѣ 1776 г. положила конецъ порядку вещей, грозившему самыми гибельными послѣдствіями [6]. Морепа самъ почувствовалъ необходи-

охарактеризовалъ министерство Клюньи: «Четыре мѣсяца грабежа, о которомъ король ничего не зналъ».

[1]. Hardy, III, 278 (сентябрь 1776 г.).

[2]. Id., III, 271. Говорили, что даже аббатъ Террэ былъ бы лучше Клюньи.

[3]. Amelot. Hardy, III, 219.

[4]. Hardy, III, 267 (30 августа 1776 г.).

[5]. Augeard, 93. Ожаръ прибавляетъ, что это было бы хорошо, такъ какъ эти генеральные штаты имѣли бы въ своемъ основаніи старую конституцію и, слѣдовательно, революціи бы не произошло.

[6]. Для Клюньи была сочинена слѣдующая эпитафія:

Ci-gist Clugny, dont le destin
Sur son sort fixa notre doute.

мость измѣнить политику и указалъ монарху на человѣка, который, будучи противникомъ ученію экономистовъ, пользовался большимъ уваженіемъ всей финансовой буржуазіи. Это былъ женевецъ Неккеръ, создавшій себѣ, какъ банкиръ, самую блестящую репутацію. Необходимость въ опытномъ руководителѣ управленіемъ финансами была тѣмъ болѣе настоятельною, что событія, происходившія въ то время въ Америкѣ, давали основаніе ожидать войны съ Англіей. Этимъ назначеніемъ король еще разъ пошелъ навстрѣчу новымъ идеямъ. Салонъ мадамъ Неккеръ посѣщался всѣми философами и считался однимъ изъ самыхъ интересныхъ; при Людовикѣ XV разумѣется не могло бы быть и рѣчи о назначеніи протестанта. Архіепископъ парижскій и многія другія высшія духовныя лица дѣлали по этому поводу королю свои представленія, напоминая ему, что въ силу отмѣны нантскаго эдикта протестантъ не можетъ занимать важнаго государственнаго поста [1]. Людовикъ XVI уступилъ до нѣкоторой степени этимъ заявленіямъ, назначивъ Неккера *директоромъ государственной казны,* а впослѣдствіи *генеральнымъ директоромъ финансовъ,* не давая ему званія министра [2]. Несмотря однакоже на это, какъ въ глазахъ Франціи, такъ и въ глазахъ всей Европы, версальскій кабинетъ сдѣлался «министерствомъ Неккера».

Il aima tant les pots-de-vin
Qu'il mourut enfin de la goutte.

[1]. Въ одномъ письмѣ, писанномъ по этому поводу къ одному епископу и получившемъ нѣкоторую извѣстность, говорилось, что Людовикъ XVI этимъ выборомъ разрушаетъ религію, и дѣлались даже «мрачныя предсказанія» относительно продолжительности его царствованія. Hardy, III, 289, 304.

[2]. Извѣстно, что Людовикъ XVI назначилъ въ качествѣ номинальнаго начальника контроля, Табуро, въ помощь которому, въ качествѣ директора государственнаго казначейства, былъ назначенъ Неккеръ, и лишь послѣ ухода Табуро, въ іюнѣ 1777 г., Неккеръ получилъ званіе генеральнаго директора финансовъ. Когда парижскій архіепископъ убѣдился въ твердой рѣшимости Людовика XVI

Немедленное же значительное повышеніе государственныхъ бумагъ являлось доказательствомъ того довѣрія, которое внушалъ этотъ выборъ. Не обладая такимъ обширнымъ умомъ и такими возвышенными нравственными качествами, какъ Тюрго; отличаясь нѣкоторою долею высокомѣрія, но честный, расчетливый, точный, глубоко проникнутый филантропическими идеями ученія философіи и сознающій какой славный путь открывается ему, Неккеръ принялъ власть съ искреннимъ и твердымъ намѣреніемъ сдѣлать все возможное для блага страны. Подобно Тюрго онъ не видѣлъ того, что въ окружающихъ условіяхъ все неудержимо клонилось къ водворенію новаго порядка, при которомъ народу принадлежала бы гораздо большая власть въ управленіи страною; онъ, какъ и Тюрго, враждебно относился къ вмѣшательству парламентовъ, и, подобно ему, сталъ во многихъ отношеніяхъ въ положеніе косвеннаго орудія абсолютной власти, чѣмъ и навлекъ на себя упрекъ въ томъ, что онъ усилилъ то, что уже со времени Тюрго, получило названіе *министерскаго деспотизма* [1]. Помимо нѣкоторыхъ благотворительныхъ мѣръ, внушенныхъ ему его филантропическими чувствами, онъ намѣревался сосредоточить всѣ свои усилія на финансовыхъ реформахъ. Это было второю ошибкою его; онъ считалъ, что главное, быть можетъ единственное зло, отъ котораго страдаетъ Франція, заключается именно въ управленіи финансами и, полагая, что дѣйствуетъ какъ государственный человѣкъ, онъ въ душѣ оставался болѣе всего финансовымъ дѣятелемъ.

несмотря на его заявленіе, оставить Неккера во главѣ финансовъ, онъ пригласилъ Неккера къ обѣду. По этому случаю было сложено слѣдующее четверостишіе (Hardy, II, 300):

Malgré le zèle ardent ne notre prélature,
Enfin Neckér dîne à Conflant;
Ne soyez point surpris d'une telle aventure,
Il n'est point janséniste, il n'est que protestant.

[1] Hardy писалъ въ февралѣ 1778 г.: «Повидимому сколько бѣдъ готовитъ нашимъ дѣтямъ, съ одной стороны, упадокъ вліянія

Исключеніе изъ плановъ реформъ всего, что касалось общаго государственнаго устройства королевства, дѣлало то, что управленіе Неккера являлось шагомъ назадъ по сравненію съ управленіемъ Тюрго, и это обстоятельство получало тѣмъ болѣе важное значеніе, что общественное мнѣніе, возбужденное попытками, предпринятыми Тюрго, стало гораздо болѣе требовательнымъ, а писатели болѣе чѣмъ когда либо были заняты идеями объ измѣненіи учрежденій. Нельзя сказать, чтобы появилось что либо новое въ этомъ отношеніи, какое нибудь сочиненіе, которое произвело бы особенно сильное впечатлѣніе. Какъ нами уже было замѣчено, появлявшіяся еще во времена Тюрго сочиненія были въ сущности почти всѣ повтореніемъ старыхъ. Въ области политики» было столько поднято и сказано новаго, что больше почти ничего не оставалось говорить», писалъ Мэроберъ [1]. Тѣмъ не менѣе эти сочиненія, хотя и представлявшія собою простые плагіаты и повторенія, появлялись въ изобиліи и, въ силу одного уже этого обилія, служили широкому распространенію смѣлыхъ доктринъ философіи [2]. На ряду съ книгами, число газетъ также «невѣроятнымъ образомъ» увеличивалось [3]. Вольтеръ, получая одну изъ газетъ въ Фернеѣ, жаловался на то, что она почти исключительно занимается политикой [4]. Развивая въ подробностяхъ теоріи,

парламентовъ, а съ другой, ужасный деспотизмъ министровъ, который усиливается съ каждымъ днемъ!» При министерствахъ Тюрго и Неккера, Гарди нѣсколько разъ высказывалъ эту мысль въ своемъ дневникѣ. Та же мысль неоднократно встрѣчается и въ *Мемуарахъ* Башомона.

[1]. Bachaumont, IX, 302 (ноябрь 1776 г.).

[2]. Въ 1774 г. книжная торговля въ Парижѣ равнялась 45 милліонамъ, тогда какъ въ Лондонѣ она достигала лишь четверти этой суммы. Aubertin, *l'Esprit public au dix-huitieme siècle,* 482, прим.

[3]. Bachaumont, IX, 272 (октябрь 1776 г.); Métra, II, 130, IV, 385; V, 403, XIII, 124 (1775—1777).

[4]. Voltaire, *Corresp. gén.*, XVI, 254, 255 (декабрь 1776 г.).

излагаемыя въ большихъ сочиненіяхъ, газеты должны были служить самыми сильными распространителями революціонной идеи.

Въ то время, какъ книги и газеты подрывали авторитетъ королевской власти распространяемыми ими ученіями, ее дискредитировали также и памфлеты. Этотъ родъ воинствующей литературы, начавшійся при Тюрго, продолжался и послѣ него. Въ этихъ брошюрахъ стали появляться нападки на королевскую фамилію, на королеву и на самаго Людовика XVI, и число ихъ все увеличивалось. Въ особенности на королеву сыпались самыя оскорбительныя поношенія, несравненно болѣе злостныя, чѣмъ все, что писалось о любовницахъ Людовика XV. Въ іюлѣ 1776 г. въ Сен-Жерменѣ былъ открытъ цѣлый магазинъ такихъ брошюръ, гдѣ рядомъ съ книгами непристойнаго содержанія, какъ напримѣръ, le Portier de Chartreux, находились les Amours de notre Reine, la Vie et les amours de l'Impératrice son auguste mère, l'Almanach royal, и другія брошюры, которыхъ одно заглавіе уже заключало въ себѣ оскорбленіе. Нѣсколько времени спустя у герцога Дюра было захвачено большое собраніе рукописныхъ сочиненій противъ Маріи Антуанетты. Въ мартѣ 1777 г. одинъ казначей королевскаго дома былъ заключенъ въ Бастилію за распространеніе брошюры подъ заглавіемъ: la Coquette et l'Impuissant [1]. Всякія мѣры строгости противъ разнощиковъ, торгующихъ книгами, постоянные обыски и въ Парижѣ и въ провинціяхъ, оказывались тщетными. Эти сочиненія, передававшіяся изъ рукъ въ руки и порождаемыя какъ партійнымъ духомъ, такъ и придворными интригами и чувствами личной вражды, появлялись все въ большемъ и большемъ числѣ и въ публикѣ и при самомъ дворѣ. По отзывамъ современниковъ, они въ сильной степени содѣйствовали исчезновенію всякаго уваженія въ наро-

[1]. Hardy, III, 258, 267, 336; Bachaumont, IX, 195, 279, Hippeau, *Gouv. de Norm.*, IV, 113.

дѣ къ королевскимъ особамъ и въ этомъ отношеніи чрезвычайно способствовали паденію монархіи [1].

Если можно было обвинять новое министерство въ томъ, что оно не имѣетъ яснаго представленія объ истинныхъ недугахъ положенія и о тѣхъ средствахъ, которыя требовались для ихъ излѣченія, то насколько еще съ большимъ основаніемъ можно было дѣлать этотъ упрекъ всѣмъ различнымъ органамъ власти, окружавшимъ престолъ. Духовенство, магистратура, дворянство, самая королевская власть находились въ томъ ослѣпленіи, которое въ критическіе моменты обыкновенно предшествуетъ катастрофѣ. Епископы выказали чрезмѣрную радость при паденіи Тюрго [2]. Въ то самое время, какъ Неккеръ вступалъ въ управленіе дѣлами, они были заняты планами, которые ясно показывали до какой степени они плохо понимали, что происходитъ вокругъ нихъ. Съ момента паденія Тюрго, іезуиты прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы добиться возстановленія ихъ института. Они уже дѣлали попытку возрожденія его подъ именемъ *Братьевъ креста* [3]. Распространившаяся въ публикѣ брошюра подъ заглавіемъ *Plan de l'Apocalypse* не оставляла никакихъ сомнѣній относительно ихъ намѣреній. Въ этой брошюрѣ объявлялось, что на основаніи апокалипсиса ихъ общество должно быть возстановлено въ 1777 году и что съ этого времени государство сольется съ церковью [4]. Находясь въ большомъ количествѣ и въ

[1]. «Можно было думалъ, писалъ Гарди по поводу этихъ брошюръ, что есть люди, которые намѣренно стараются возстановить народъ противъ короля и королевы для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей». III, 336 (мартъ 1777 г.).

[2]. Bachaumont, IX, 128. Говоря, нѣсколько времени спустя послѣ паденія Тюрго, о протестантскихъ бракахъ, Мэроберъ выразился, что духовенство было бы «въ отчаяніи» отъ появленія новыхъ брошюръ по этому вопросу, если бы «паденіе Тюрго не было такою радостью, которая заслоняетъ собою все остальное».

[3]. Hardy, 154 (январь 1776 г.).

[4]. Grimm, IX, 302, 303 (февраль 1877 г.).

Парижѣ и въ Ліонѣ, занимая всѣ духовныя должности и кафедры, пользуясь громадными доходами, они употребляли теперь все свое вліяніе на то, чтобы захватить въ свои руки семинарію, которую предполагали учредить при военной школѣ для воспитанія войсковыхъ священниковъ. Этимъ путемъ они надѣялись подчинить себѣ армію и въ то же время распространить свое вліяніе на все королевство [1]. Душою этого замысла былъ, по слухамъ, архіепископъ парижскій, но говорили, что король намѣревается отправить его въ ссылку [2]. Несмотря на установившіяся при Тюрго хорошія отношенія между епископами и парламентомъ, въ послѣднемъ снова заговорили старыя враждебныя чувства. Онъ приговорилъ къ сожженію Plan de l'Apocalypse [3] и потребовалъ отъ правительства строгихъ мѣръ противъ іезуитовъ. Не заходя такъ далеко, какъ того хотѣлъ парламентъ [4], король издалъ въ маѣ 1777 г. указъ, которымъ онъ, ограждая существующихъ іезуитовъ, объявлялъ, что общество ихъ *никогда не будетъ возстановлено*. Этого было достаточно, чтобы лишить успѣха всѣ происки іезуитовъ, на которые общество въ сущности обращало весьма мало вниманія [5].

[1]. Hardy, III, 323, 328, 331, 385; Bachaumont, X, 69, 70, 86, 87, *Correspondance secrète sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la Cour et la ville*, I, 29, 30, 33 (мартъ 1777), 1886. Въ виду того, что эта корреспонденція есть ни что иное, какъ та же корреспонденція Métra, за исключеніемъ разныхъ пустяшныхъ мелкихъ фактовъ и стихотвореній, мы будемъ пользоваться ею вмѣсто послѣдней. Однакоже, такъ какъ въ этомъ же изданіи Lescure'a пропущено все, что касается 1783 и 1784 гг., то для этихъ двухъ годовъ мы будемъ ссылаться на Метра.

[2]. Hardy, III, 335 (мартъ 1777 г.).

[3]. Постановленіе парламента 11 апрѣля 1777 г., которымъ приговаривалась къ сожженію брошюра, подъ заглавіемъ: *Plan de l'Apocalypse*.

[4]. Парламентъ требовалъ, чтобы бывшіе іезуиты не могли занимать должностей въ духовной администраціи, чтобы ихъ лишили права обладать бенефиціями и обязали жить на мѣстѣ рожденія.

[5]. Hardy, III, 360, 367, 368. См. у Isambert, XXV, 1—3, указъ изданный въ маѣ 1777 г.; Ibid., 36, 37, Декларація 7 іюня.

Въ то время, какъ высшее духовенство теряло въ этихъ безплодныхъ интригахъ послѣдніе остатки своего авторитета, Шателе дискредитировалъ себя приговоромъ, «который по своему безсмыслію, фанатизму и варварству былъ равносиленъ возстановленію инквизиціи въ Испаніи [1]». Онъ окончилъ въ это время слѣдствіе, начатое еще при Тюрго, противъ автора *Философіи природы*. Главнымъ пунктомъ обвиненія противъ Делиль-де-Саля онъ выставилъ его направленіе, склоняющееся къ ученію Спинозы: утвержденіе того, что человѣку невозможно составить себѣ ясное понятіе о сущности Бога и что достаточно молча поклоняться Ему; то, что онъ отличалъ культъ человѣка отъ культа гражданина; говорилъ, что бываютъ въ жизни государства такіе моменты, когда каждый гражданинъ получаетъ значеніе, какъ самостоятельная личность, а короли становятся простыми людьми, и, наконецъ, то, что онъ осмѣливался утверждать, что четыре основныхъ добродѣтели могутъ быть сведены къ одной. Установивъ эти пункты обвиненія, магистраты приступили къ подачѣ голосовъ. Первые голоса были поданы за то, чтобы приговорить автора *ad omnia citra mortem*, т. е. къ наказанію плетьми, наложенію клейма и вѣчной ссылкѣ на галеры. Затѣмъ было предложено изгнать его изъ королевства, подвергнувъ предварительно покаянію у позорнаго столба въ одной рубахѣ и съ факеломъ въ рукѣ передъ воротами парижской Богоматери. И приговоръ въ этомъ смыслѣ едва не состоялся. Наконецъ большинствомъ голосовъ противъ семи, его приговорили къ пожизненному изгнанію [2]. Делиль-де-Саль аппелировалъ на этотъ приговоръ въ парламентъ. Общество съ своей стороны, также выразило негодующій протестъ. Тюрьма Шателэ превратилась для обвиненнаго въ «тріумфальное мѣстопребываніе». Самые знаменитые изъ философовъ и самыя извѣстныя дамы лучшаго общест-

[1]. Bachaumont, X, 83 (мартъ 1777 г.).

[2]. Grimm, IX, 313—315.

ва, принадлежащаго къ ихъ партіи, являлись къ нему съ поздравленіями. Вольтеръ писалъ ему; со всѣхъ сторонъ ему предлагали денегъ и его книга пріобрѣла такую славу, какой она сама по себѣ конечно никогда бы не имѣла. Парламентъ не могъ не увидать до какой степени его приговоръ былъ смѣшенъ, и потому постановилъ другой, которымъ Делиль-де-Саль приговаривался только къ замѣчанію [1].

Несмотря однако на это доказательство здраваго смысла, въ другихъ отношеніяхъ парламентъ не проявлялъ большого благоразумія. Онъ воспретилъ празднованіе дня въ честь сердца Іисуса Христа [2], сжигалъ сочиненія, въ которыхъ были нападки на янсенистовъ [3], учреждалъ надзоръ за іезуитами [4], и, забывая, что онъ не разъ выставлялъ себя органомъ народной власти и представителемъ его интересовъ, совершенно не обращалъ вниманія на нужды государства и народныя стремленія. По словамъ современниковъ «онъ уже потерялъ способность понимать событія». Какъ будто бы «оглушенный» ударомъ, нанесеннымъ ему канцлеромъ Мопу, онъ только и былъ занятъ «однѣми интригами и желаніемъ кого то раздавить», повидимому, совершенно утративъ всякое чувство патріотизма, которымъ онъ былъ воодушевленъ прежде [5]. Въ данное время онъ былъ всего болѣе озабоченъ уничтоженіемъ Верховнаго Совѣта, съ которымъ у него всегда существовало соперничество и къ которому онъ въ то время относился съ большею чѣмъ когда либо ненавистью вслѣдствіе того, что онъ состоялъ изъ чле-

[1]. Hardy, III, 360; Bachaumont, X, 109; Voltaire, *Corresp. gén.*, XVI, 318—323 (апрѣль-май 1777 г.).

[2]. Этотъ праздникъ уже былъ уничтоженъ въ Тосканѣ, какъ «суевѣрный обрядъ». Hardy, III, 234.

[3]. Постановленіе парламента отъ 7 февр. 1777 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе, озаглавленное: *Motifs de ne point admettre la nouvelle liturgie de l'archevêque de Lyon.*

[4]. Февраль-іюнь 1777 г. Hardy, 323—367, passim.

[5]. Bachaumont, XI, 182.

новъ парламента Мопу. Верховный Совѣтъ, съ своей стороны, жаловался на отношеніе къ нему, какъ къ комиссіи, а не какъ къ верховному суду, заключалъ союзы съ низшими судебными учрежденіями, говорилъ о томъ, что парламентъ можетъ захватить себѣ «громадную», власть, и въ постановленіи, которое онъ представилъ королю, указывалъ «на опасность, угрожающую трону», если въ самомъ скоромъ времени этой власти парламента не будетъ положенъ строгій предѣлъ [1]. Таковы были тѣ жалкіе раздоры, которыми были заняты въ это критическое время высшіе органы власти во Франціи.

Дворъ представлялъ изъ себя не менѣе печальное зрѣлище. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, господствовали интриги. Высшее дворянство, какъ и при Людовикѣ XV, соперничило другъ передъ другомъ въ мелкомъ тщеславіи и жадности. Изъ за полученія мѣстъ и разныхъ королевскихъ милостей шла самая отчаянная борьба, которая не прикрывалась даже и соблюденіемъ внѣшняго достоинства. Подъ вліяніемъ все болѣе распространявшихся философскихъ идей, этикетъ, который еще умѣлъ поддерживить Людовикъ XV, теперь утратилъ всю свою строгость. Иностранецъ, попавши въ Версаль, лишь съ трудомъ иногда отличалъ короля отъ его окружающихъ. Графъ д'Артуа, проходя мимо короля, обращался съ нимъ въ высшей степени непочтительно, толкалъ его и чуть не наступалъ ему на ноги [2]. Сама королева первая отбросила всякія, стѣснявшія ее, церемоніи и допускала татую фамильярность по отношенію къ себѣ, которая являлась оскорбленіемъ, какъ ея лично, такъ и короны. Не соблюдая никакихъ приличій, она отличала своимъ расположеніемъ людей самой сомнительной репутаціи.

[1]. Hardy, III, 404, 405 (августъ 1877 г.); *Corresp secr.*, I, 91. См. постановленіе парламента отъ 20 сент. 1777 г., которымъ налагалось запрещеніе на печатное изданіе, озаглавленное: *Extrait du registre des délibérations des officiers du haillage et siége présidal de Sens.*

[2]. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, II, 217.

«Плохая репутація и всякіе позорные поступки какъ будто даютъ особыя права на то, чтобы быть допущеннымъ въ ваше общество», сказалъ ей однажды аббатъ Вермонъ [1], и при этомъ непрерывный рядъ праздненствъ и развлеченій, которымъ она отдавалась съ какою то лихорадочностью, увлекая за собою всю эту шумную толпу придворныхъ, производившую на строгаго и серьезнаго графа де Мерси впечатлѣніе «вихря испорченности [2]». Несмотря на то, что азартныя игры были запрещены во всемъ королевствѣ, въ Версали, въ Фонтенбло и въ Марли играли въ ланскнехтъ или въ фараонъ до четырехъ и пяти часовъ утра. И мало того, что игра велась вопреки закону, она еще велась и нечестно. Такимъ образомъ, лишенный всякаго внѣшняго декорума, дворъ Людовика XVI, хотя и не столь безнравственный, какъ при предъидущемъ царствованіи, былъ уже больше не дворомъ, а *притономъ распущенной шайки* (une cohue ou un tripot) [3].

Тѣмъ не менѣе Неккеръ принялся за дѣло. Подобно Тюрго, онъ рѣшилъ не создавать новыхъ налоговъ. Но, увлеченный англійскими идеями въ вопросахъ, касающихся кредита, онъ прибѣгнулъ къ займамъ, которые были выведены его предшественникомъ. Въ 1777 г. онъ открылъ заемъ на двадцать четыре милліона, вслѣдъ за которымъ въ томъ же году послѣдовало нѣсколько другихъ [4]. Несмотря на то, что этотъ первый заемъ былъ покрытъ въ

[1]. Geffroy et d'Arneth, *ibid.*, II, 490, примѣчаніе.

[2]. Id., *ibid.*, III, 43 (апрѣль 1777).

[3]. Это—выраженіе де Мерси и самаго Іосифа II. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, II, 525; III, 35, 113, 114 и слѣд. Ibid., I, Introduction, LXX.

[4]. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого перваго займа уже шла рѣчь о второмъ займѣ въ 26 милліоновъ, и сверхъ того Неккеръ занялъ 12 милліоновъ у генеральныхъ откупщиковъ. Въ сентябрѣ того же года онъ открылъ новый заемъ въ 12 милліоновъ отъ имени города Парижа. Въ промежуткѣ онъ дѣлалъ попытку совершить заемъ въ Генуѣ и велъ переговоры о займѣ въ 100 милліоновъ въ Голландіи.

одинъ день и слѣдующіе также, повидимому, обѣщали быть не менѣе успѣшными, раздались недовольные голоса, осуждавшіе эту систему, какъ ведущую къ опаснымъ послѣдствіямъ. Парламентъ представилъ возраженія, заявивъ при регистрированіи перваго займа, что онъ это дѣлаетъ только изъ довѣрія «къ заявленнымъ его величествомъ намѣреніямъ порядка и экономіи». Даже люди, не боящіеся нововведеній, критиковали эту финансовую политику, говоря, что Франціи нужны не подобныя временныя мѣры, какъ бы онѣ съ перваго взгляда ни казались удачны, а коренная перемѣна всей финансовой системы и «введеніе новой, простой и естественной системы обложенія [1]». Въ обществѣ уже образовывались партіи за и противъ Неккера. Одни, пораженные его искусствомъ, готовы были видѣть въ немъ новаго Кольбера; другіе, страшась его смѣлости, смотрѣли на него, какъ на второго Лоу [2].

Однако же Неккеръ, отягощая казну займами, въ то же самое время старался о томъ, чтобы облегчить эту тяжесть. Онъ вводилъ строгую экономію, урѣзывалъ и сокращалъ штаты въ подвѣдомственномъ ему управленіи, съ большою смѣлостью касаясь даже самыхъ высшихъ должностей и высказывая намѣреніе значительно сократить число генеральныхъ сборщиковъ и откупщиковъ [3]. Эти разумныя мѣры вызвали еще больше нападокъ на него, чѣмъ его займы. Финансисты подняли «дьявольскій шумъ» [4]. Съ іюля мѣсяца его скорое паденіе считалось уже неизбѣжнымъ и ему предсказывали участь Тюрго [5]. При дворѣ по этому поводу держали пари [6]. Неккеръ полагалъ обезоружить своихъ враговъ введеніемъ новыхъ благотворныхъ

1. *Corresp. secr.*, I, 5,—111 и слѣд.
2. Hardy, III, 380; Grimm, IX, 419.
3. Id., III, 373—375 (іюль 1777 г.).
4. *Corresp. secr.*, I, 39 (апрѣль 1777 г.).
5. Hardy, III, 374; *Corresp. secr.*, I, 73.
6. Id., III, 390 (августъ 1777 г.).

мѣръ [1]. Въ августѣ постановленіемъ Совѣта была учреждена комиссія для преобразованія госпиталей, печальное состояніе которыхъ вызывало совершенно основательныя жалобы [2]. Вскорѣ послѣ этого было создано учрежденіе Mont-de-Piété (Ссудную кассу), что встрѣтило не мало затрудненій, такъ какъ среди высшихъ должностныхъ лицъ было много ростовщиковъ [3].

Несомнѣнно, однако, что у Неккера было больше сторонниковъ, чѣмъ противниковъ. Онъ не былъ «человѣкъ системы», какъ Тюрго, и большая часть общества сочувственно встрѣчала тѣ его мѣропріятія, польза которыхъ была ей понятна. Духовенство, опасавшееся какого нибудь посягательства на его имущество, проявляло безпокойство, но не вступало въ борьбу. Парламентъ также держалъ себя сдержанно. Правда, что подъ этой сдержанностью явно проглядывало недоброжелательство [4]. Въ Неккерѣ, какъ и въ Тюрго, онъ сознавалъ своего врага [5]. Но какъ ни слаба еще казалась оппозиція противъ Неккера, она уже начинала возбуждать опасенія въ нѣкоторыхъ классахъ общества. «Онъ подвергается всякимъ непріятностямъ только потому, что онъ затроги-

[1]. Bachaumont, X, 229.

[3]. Постановленіемъ Совѣта 17 авг. 1777 г. Больницы были переполнены больными, которые помѣщались тамъ безъ всякаго разбора, лежа часто рядомъ, на однѣхъ кроватяхъ съ умирающими, а иногда и съ мертвыми. Bachaumont. XVII, 188. Преобразованіе ихъ было постановлено указомъ 22 апрѣля 1781 г., вслѣдствіе доклада Неккера королю. См. Isambert, XXVII, 11—14.

[3]. Декабрь 1777 г. Isambert, XXV, 153—158; *Corresp. secr.*, I, 145.

[4]. Нѣкоторые магистраты открыто говорили, что «Неккеръ необходимо долженъ оставить свое мѣсто въ самомъ скоромъ времени». *Corresp. secr.*; I, 143 (февраль 1778 г.).

[5]. Въ февралѣ 1778 г. распространился слухъ, что отнынѣ ни одинъ финансовый законъ не будетъ представляться на утвержденіе парламента и что министерство въ этомъ отношеніи будетъ дѣйствовать исключительно на основаніи указовъ Совѣта. Hardy III, 456.

ваетъ интересы богатыхъ и сильныхъ; еслибы онъ наносилъ вредъ только бѣдному народу, то все дѣлалось бы по его желанію [1]». Въ февралѣ 1778 г., его сторонники находили его положеніе настолько шаткимъ, что ему стали посылать письма, въ которыхъ убѣждали не покидать своего поста, но сильнѣе вооружиться противъ всѣхъ препятствій, которыя ему ставятъ, и говорили, что оставить Францію въ такую трудную минуту значило бы не справдать высокаго мнѣнія о его талантахъ, рвеніи и твердости [2].

Въ это самое время въ Парижъ прибылъ Вольтеръ [3], которому здѣсь было суждено вскорѣ умереть. При видѣ тѣхъ необыкновенныхъ овацій, которыя дѣлались «Патріарху», духовенство еще разъ доказало до какой степени глубокъ расколъ между нимъ и общественнымъ духомъ. Въ лицѣ Вольтера поклонялись не только поэту и геніальному писателю, но борцу разума, апостолу терпимости и защитнику угнетенныхъ. Духовенство же видѣло въ немъ только проповѣдника атеизма и безнравственности и хотѣло, чтобы онъ былъ изгнанъ изъ Парижа. Въ надеждѣ отыскать какое нибудь давнее запрещеніе пребыванія его въ столицѣ, оно предприняло самые тщательные розыски во всѣхъ полицейскихъ архивахъ департамента Парижа и иностранныхъ дѣлъ, но оказалось, что противъ Вольтера невозможно найти и слѣда какого нибудь lettre de cachet. Его книги, почти всѣ анонимныя, или подписанныя вымышленными именами, отъ которыхъ онъ всегда отрекался, не могли давать повода для преслѣдованій. Къ тому же ни правительство, ни самъ парламентъ, въ которомъ у Вольтера находились друзья и поклонники, не согласились бы сдѣлаться посмѣшищемъ всей Франціи и всей Европы, изгнавъ человѣка, покрытаго такою громкою славою и находящагося въ такомъ

1. *Corresp. secr.*, I, 79.
2. Bachaumont, XI, 100.
3. Въ февралѣ 1778 г.

преклонномъ возрастѣ. Духовенство должно было ограничиться тѣмъ, что «громко кричало о скандалѣ» и громило съ каѳедры «дерзкаго главу безбожной секты и разрушителя религіи и нравовъ [1]». Король отказался принять Вольтера въ Версали, но по крайней мѣрѣ предоставилъ парижанамъ полную свободу выражать ему свои восторженныя чувства. Когда Вольтеръ умеръ, онъ по требованію духовенства предписалъ безусловное молчаніе о томъ, кому при жизни онъ дозволялъ оказывать публичныя овацiи; онъ запретилъ газетамъ говорить о его смерти, актерамъ играть его пьесы и учителямъ въ школахъ цитировать на урокахъ его стихи [2]. Невозможно было проявить болѣе явной непослѣдовательности. Правда, что шесть мѣсяцевъ спустя, онъ съ новой непослѣдовательностью опять разрѣшилъ торжество апафеоза Вольтера въ Французской Комедіи [3].

Но Людовикъ XVI проявилъ еще гораздо большую непослѣдовательность, принявъ сторону американскихъ колоній въ объявленной ими тогда войнѣ противъ Англіи. 4 іюля 1776 года конгрессъ депутатовъ этихъ колоній, собравшись въ Филадельфіи, объявилъ независимость Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ предисловіи этой знаменитой Декларацiи находились слова, столь часто цитируемыя впослѣдствіи, которыя несомнѣнно вышли изъ ученія французской философіи: «Всѣ люди созданы равными и всѣмъ имъ Создатель даровалъ извѣстныя неотъемлемыя права. Для обезпеченія себѣ пользованія этими правами люди учредили правительства, справедливая власть которыхъ исходитъ изъ согласія управляемыхъ. *Всякій разъ, когда ка-*

[1]. Hardy, III, 461; Grimm, X, 4—10; Bachaumont, XI, 135, 208 (февр.-апр. 1778 г.).

[2]. Grimm, X, 46 (іюнь 1778 г.).

[3]. Bachaumont, XIII, 321. «Для правительства, въ которомъ непослѣдовательность обычна, пишетъ Мэроберъ, всетаки это было слишкомъ много».

кая либо форма правленія становится гибельною для тѣхъ цѣлей, ради которыхъ она была установлена, народъ имѣетъ право измѣнить ее и даже уничтожить». Уже въ виду одного этого текста декларацiи, можно было утверждать, что, заключая союзъ съ людьми, провозглашающими эти принципы, Людовикъ XVI давалъ своимъ подданнымъ оружіе противъ себя. Это и доказывалъ авторъ одной брошюры, изданной въ Англіи. «Неосторожный монархъ, обращался онъ къ Людовику XVI, вы беретесь за оружіе для поддержанія независимости Америки и принциповъ, превозглашенныхъ конгрессомъ. Есть власть, которая въ настоящее время становится выше закона: это власть честолюбивыхъ разсужденій; она вызвала революцію въ Америкѣ и, *быть можетъ, готовитъ такую же революцію во Франціи*... Англія будетъ съ избыткомъ отомщена за всѣ ваши враждебныя дѣйствія, когда ваше правительство будетъ потребовано къ отвѣту, судимо и осуждено на основаніи тѣхъ принциповъ, которые проповѣдываются въ Филадельфіи и которые встрѣчаютъ такое сочувствіе въ вашей столицѣ [1]».

Доктрины, провозглашенныя въ Америкѣ, разумѣется

[1]. Дюрюи, въ своей *Исторіи Франціи*, сдѣлалъ болѣе полное извлеченіе изъ этой брошюры и лично поручился передъ нами за подлинность этого изданія. Но и въ самой Франціи были люди, думавшіе одинаково съ авторомъ этой брошюры. Вотъ что говорилъ объ этой Декларацiи Мирабо, въ то время находившійся въ заключеніи въ Венсеннѣ: «Великій манифестъ американскихъ Соединенныхъ Штатовъ здѣсь привѣтствовался всѣми съ восторгомъ. Боже меня сохрани говорить что нибудь противъ этого проявленія чувствъ обществомъ... Но я спрашиваю, осмѣлились ли правительства, заключавшія съ ними союзъ, прочесть этотъ манифестъ и, прочтя его, заглянуть въ свою совѣсть. Я спрашиваю, есть ли въ настоящее время хоть одно правительство въ Европѣ, исключая Швейцарской и Голландской конфедерацій и Британскихъ острововъ, которыя, на основаніи принциповъ декларацiи конгресса, не должны были бы лишиться своихъ правъ». (Lettres de cachet). *Mémoires de Mirabeau*, изд. 1834 г., IV, 157, 158.

не остались безъ отклика во Франціи и способствовали дальнѣйшему развитію въ ней революціонныхъ идей [1], но въ этомъ возмущеніи колоній противъ ихъ метрополіи видѣли скорѣе войну между двумя народами, а не возстаніе подданныхъ противъ своего государя. Сочувствіе, и возбужденіе общественнаго мнѣнія, которыя проявляла Франція въ этомъ дѣлѣ, являлись, собственно говоря, не столько слѣдствіемъ общности идей съ *инсургентами*, сколько слѣдствіемъ національной вражды къ Англіи. Франція еще помнила бѣдствія семилѣтней войны; помнила взятіе Бель-Иля, Пондишери, потерю Канады, страшное пораженіе ея морскихъ силъ. Возмущеніе американскихъ колоній «давало превосходный поводъ, чтобы унизить гордость Англіи и ослабить ея могущество [2]». Наиболѣе горячее сочувствіе инсургенты встрѣчали въ Парижѣ и въ приморскихъ провинціяхъ [3]. Въ Парижѣ же самыя пылкія чувства проявлялись среди военныхъ и молодыхъ людей высшаго дворянства [4]. Личное вліяніе Франклина, за которымъ «бѣгали, ухаживали и поклонялись [5]»,—ученые за его геній, философы за его доктрины, свѣтскіе люди за его оригинальность,—не мало содѣйствовало возбужденію симпатій тому дѣлу, которое онъ защищалъ. Но было и много сторонниковъ мира [6]. Тюрго, при которомъ начались первыя несогласія между Англіей и ея колоніями, стоялъ за нейтралитетъ. Неккеръ также желалъ мира, имѣя главнымъ образомъ въ

[1]. Лафайэтъ писалъ 9 октября 1787 г. Вашингтону: «Со времени американской революціи, идеи свободы получили широкое распространеніе». *Mémoires*, II, 207, изд. 1837 г. in-8°.

[2]. *Corresp. secr.* I, 158 (мартъ 1777 г.).—Bachaumont, XII, 112.

[3]. *Corresp. secr.*, I, 67.

[4]. *Corresp. secr.*, I, 122.

[5]. Bachaumont, XI, 133;—*Corresp. secr.*, I, 13, 185.

[6]. *Corresp. secr.*, I, 64, 65, 185. Аббатъ Рейналь былъ противъ войны и въ новомъ изданіи своего сочиненія *Etablissements des Européens dans les deux Indes,* порицалъ французское правительство за то, что оно вмѣшалось въ нее.

виду состояніе финансовъ. Людовикъ XVI, съ своей стороны, по самому своему характеру, былъ мало склоненъ къ войнѣ и рѣшился на нее лишь съ трудомъ. Сначала онъ оказывалъ только тайную помощь американцамъ, но когда онъ увидалъ, что успѣхъ благопріятствуетъ имъ, то рѣшился принять Франклина въ качествѣ посланника. Это было равносильно признанію американской республики; нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ актомъ отъ 10 іюля 1778 г. открыто порвалъ сношенія съ Англіей [1].

Эта война, продолжительность которой невозможно было предсказать, дѣлала задачу Неккера еще гораздо труднѣе. Онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ новымъ займамъ [2]; но въ тоже самое время онъ съ большою рѣшительностью принялся за искорененіе всякаго рода злоупотребленій и безполезныхъ тратъ, вводя самую строгую экономію какъ въ крупныхъ, такъ и въ мельчайшихъ дѣлахъ [3]. Однимъ изъ самыхъ полезныхъ его дѣлъ было уничтоженіе всѣхъ королевскихъ кассъ, разбросанность которыхъ являлась причиною безчисленныхъ безпорядковъ, и перенесеніе всѣхъ хранящихся въ нихъ суммъ въ государственное казначейство, находившееся подъ его наблюденіемъ. Эта операція, «одобренная всѣми благоразумными людьми», которые называли его *мастерскимъ ударомъ*, вызвала ропотъ въ высшихъ финансовыхъ сферахъ. Она прямо затрогивала интересы не только всѣхъ генеральныхъ казначеевъ, но и тѣхъ министровъ, для департаментовъ которыхъ были учреждены особые казначеи [4]. Затѣмъ онъ приступилъ къ еще болѣе важной реформѣ, «которую вся страна давно считала необходимой»,—къ реформѣ королевскаго двора.

Дѣйствительно нигдѣ не совершалось столько вопію-

[1]. Isambert, XXV, 353, 354.

[2]. Въ ноябрѣ 1778 г. онъ объявилъ заемъ въ 44 милліона.

[3]. См. Отчетъ Неккера, стр. 7.

[4]. *Corresp. secr.*, I, 233—235 (ноябрь 1778 г.).

ющихъ злоупотребленій, какъ здѣсь. Одни расходы на столъ достигали, какъ говорили, до шести милліоновъ въ годъ [1]. Но здѣсь то именно Неккеръ и встрѣтилъ всего болѣе затрудненій. Лица высшаго дворянства, не желавшія, чтобы ихъ стѣсняли къ ихъ расточительности [2], соединились противъ него съ финансистами. При дворѣ, болѣе чѣмъ когда либо, стали говорить о его скоромъ паденіи и уже называли его преемника,—государственнаго совѣтника Жоли-де Флери,—«человѣка пріятнаго для придворныхъ сферъ, писалъ Гарди, благодаря уступчивости своего характера и совсѣмъ не склоннаго противодѣйствовать этимъ господамъ въ удовлетвореніи ихъ ненасытной жадности [3]». Распространился даже слухъ, что Неккеръ, поставленный въ невозможность осуществить свои планы и твердо сохраняя рѣшимость не прибѣгать къ новымъ налогамъ, уже утратилъ всякую надежду и подалъ королю прошеніе объ отставкѣ [4]. Дѣйствительно, мысль о томъ, чтобы сложить съ себя обязанности, которыя создавали ему столько враговъ, все болѣе созрѣвала въ немъ. Видя его колебанія, враги напали на него съ новою силою и ко всѣмъ интригамъ, которыя велись противъ него, теперь присоединились еще и памфлеты [5].

Въ сущности Неккера, какъ и Тюрго, поддерживалъ одинъ король. Парламентъ не только продолжалъ осуждать произведенные имъ займы [6], но и съ большою неохотою принималъ всякія иныя предлагаемыя имъ ре-

[1]. Hardy, IV, 113 (февраль 1779 г.).

[2]. «Я долженъ согласиться, писалъ Безанваль въ 1780 г., что хищенія, производимыя сановниками, заправляющими расходами по королевскому дому, доходятъ до ужасающихъ, возмутительныхъ размѣровъ». I, 428.

[3]. Hardy, IV, 113 (февраль 1779 г.).

[4]. Id., IV, 113, 114, 147 (февраль-май 1779 г.).

[5]. Bachaumont, XIV, 41—42 (апрѣль 1779).

[6]. Незадолго передъ тѣмъ, онъ даже чуть не примкнулъ къ сдѣланной нармандскимъ парламентомъ попыткѣ возмущенія противъ

формы, помимо финансовыхъ. Когда ему предложено было высказаться о нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ, имѣвшихъ въ виду дарованія гражданскихъ правъ протестантамъ, то парламентъ отвѣтилъ, что «въ этихъ разсужденіяхъ нѣтъ надобности» и достаточно положиться на мудрое усмотрѣніе короля [1]. Въ придворной сферѣ точно также Неккеру приходилось не только бороться съ всевозможнымъ противодѣйствіемъ выполненію своихъ проектовъ, но и имѣть дѣло съ такими злоупотребленіями, которыя въ значительной степени уничтожали то, что онъ достигалъ своею экономіею. Королева, имѣвшая страсть къ карточной игрѣ, проиграла въ одномъ только 1778 году до *четырнадцати тысячъ* луидоровъ [2]. Съ тѣмъ же поразительнымъ легкомысліемъ, съ которымъ она при Тюрго создала для принцессы Ламбалль совершенно ненужную должность съ жалованьемъ въ полтораста тысячъ ливровъ, она продолжала и теперь награждать богатыми милостями, «чрезмѣрными» пенсіями, должностями, оплачиваемыми иногда по восьмидесяти тысячъ въ годъ, лицъ, которыхъ она отличала своимъ расположеніемъ и вся заслуга которыхъ, писалъ Мерси, заключалась въ томъ, что они способствовали удовлетворенію ея страсти къ развлеченіямъ [3].

Эта «адская» игра, эта расточительность, скандализировали общество. Когда, въ февралѣ 1779 года, Людовикъ XVI и Марія-Антуанетта прибыли въ Парижъ, чтобы присутствовать на торжественномъ богослуженіи

налога «двадцатой», по поводу которой Людовикъ XVI будто бы сказалъ: «Я вижу, что Мопу вовсе не былъ такъ неправъ, какъ меня старались убѣдить». Hardy, IV, 45 (сентябрь 1778); *Corresp. secr.* I, 209—214. Floquet, *Hist. du parlem. de Normandie*, VII, 58—82.

[1]. Hardy, IV, 82 (декабрь 1778); Bachaumont, XII, 189, 190, 278 (ноябрь 1778—январь 1779); Hippeau, *Gouv. de Norm.*, IV, 129.

[2]. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, III, 290. Луидоръ равнялся тогда 24 франкамъ.

[3]. Ibid., IV, 477—496; III, 119—237 (1776—1778).

по случаю рожденія принцессы, сдѣлавшейся впослѣдствіи герцогинею Ангулемскою, то ихъ при проѣздѣ едва привѣтствовали, почти повсюду царило «полное молчаніе», которое Мерси приписывалъ тому неблагопріятному впечатлѣнію, которое производили расточительность и легкомысленный образъ жизни королевы [1]. Истрачивая всѣ свои средства на удовольствія,—до того, что она дѣлала долги, которые королъ долженъ былъ впослѣдствіи уплачивать,—королева не имѣла денегъ на дѣла благотворительности [2]. Она даже какъ бы забывала о лежащихъ на ней въ этомъ отношеніи обязанностяхъ. Вмѣсто нея завѣдываніе благотворительными учрежденіями въ королевствѣ взяла на себя госпожа Неккеръ, такъ что когда архіепископъ парижскій выигралъ въ одномъ процессѣ пятьсотъ тысячъ ливровъ, то онъ послалъ эти деньги ей, а не королевѣ, для раздачи бѣднымъ [3]. Тщетно Неккеръ дѣлалъ королевѣ почтительнѣйшія заявленія о томъ, какой ущербъ наноситъ казнѣ ея легкомысленная щедрость. Въ то время какъ онъ доводилъ экономію до сокращенія расходовъ на свѣчи въ королевскомъ домѣ и требовалъ, чтобы тамъ *жили оігарки* [4], Марія-Антуанетта, увлекаясь въ то время г-жею де-Полиньякъ, какъ раньше она увлекалась принцессою де-Ламбалль, заставила пожаловать этой новой фаворитки земель, приносящихъ тридцать тысячъ ливровъ годоваго дохода, и кромѣ того четыреста тысячъ ливровъ на уплату ея долговъ и восемьсотъ тысячъ на приданое дочери. Такія непомѣрныя милости вызвали тѣмъ большее негодованіе, что было извѣстно, по словамъ Мерси, что семейство Полиньякъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, «не имѣя никакихъ заслугъ предъ государствомъ и пользуясь единственно только

[1]. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, III, 296; Bachaumont, XIII, 326—327.

[2]. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, III, 155.

[3]. Bachaumont, XIV, 191, 210 (августъ-сентябрь 1779).

[4]. *Corresp. secr.*, I, 262. Неккеръ уменьшилъ расходъ на свѣчи до 50.000 ливровъ, тогда какъ до него этотъ расходъ достигалъ 450.000 ливровъ.

королевскими милостями», уже пріобрѣло себѣ около пяти сотъ тысячъ ливровъ годоваго дохода [1].

Однако же Людовикъ XVI, несмотря на то, что изъ слабости по отношенію къ королевѣ, онъ давалъ свое согласіе на продолженіе тѣхъ злоупотребленій, которымъ онъ долженъ былъ бы положить конецъ, тѣмъ не менѣе искренно шелъ на встрѣчу всѣмъ разумнымъ и благотворнымъ проэктамъ Неккера. Въ августѣ 1779 г. онъ издалъ знаменитый эдиктъ, отмѣнявшій крѣпостное право въ его владѣніяхъ [2]. Этотъ эдиктъ былъ горячо привѣтствованъ всѣми друзьями философіи [3]. Французская академія также присоединилась къ этимъ привѣтствіямъ, объявивъ о присужденіи своей преміи за поэтическое произведеніе по поводу этого достопамятнаго акта [4]. Людовикъ XVI, доводившій до щепетильности свое уваженіе къ чужой собственности, не рѣшился своею властью освободить крѣпостныхъ рабовъ въ чужихъ владѣніяхъ. «Мы желали бы, говорилъ онъ въ введеніи къ эдикту, повсемѣстно уничтожить эти остатки суроваго феодализма, но наши финансы не позволяютъ намъ выкупить эти права у владѣльцевъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ надежду, что его примѣру послѣдуетъ все остальное королевство и въ скоромъ времени онъ «увидитъ полное освобожденіе своихъ подданныхъ», которые, продолжаетъ онъ, въ какомъ бы состояніи они по волѣ Про-

[1]. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, III, 382, 391 (дек. 1779), и *ibid.* 422 (мартъ 1780).

[2]. Isambert, XXVI, 139, 141.

[3]. «Этотъ законъ служитъ свидѣтельствомъ того, что философія своимъ неотразимымъ вліяніемъ побѣждаетъ умы и сердца даже королей. Ей принадлежитъ слава этого памятника благодѣянія, долженствующаго обезсмертить царствованіе Людовика XVI, гораздо болѣе самыхъ блестящихъ побѣдъ». Bachaumont, XIV, 168.

[4]. Grimm, X, 208. Однако, эта тема повидимому не очень вдохновляла поэтовъ, такъ какъ изъ всѣхъ присланныхъ произведеній ни одно не было найдено достойнымъ преміи. Bachaumont, XV, 301.

видѣнія ни были рождены, «имѣютъ одинакіе права на его покровительство и милость».

Голосъ монарха былъ услышанъ и нѣкоторые сеньеры заслужили себѣ славную память, проявивъ подобное же великодушіе. Тѣмъ не менѣе, множество людей еще оставались прикрѣпленными къ землѣ и лишенными, какъ говорилось въ указѣ, свободы своей личности и прерогативъ собственности [1]. Крѣпостные въ горахъ Юры, за которыхъ такъ горячо заступался Вольтеръ, противъ капитула Сен-Клода,—и изъ за которыхъ впервые была высказана мысль объ уничтоженіи рабства во Франціи,—не были освобождены. Каноники не захотѣли послѣдовать великодушному примѣру короля, иначе какъ подъ условіемъ вознагражденія въ размѣрѣ тѣхъ двадцати пяти тысячъ дохода, которыхъ они при этомъ лишались [2]. Что касается парламента, то онъ зарегистрировалъ эдиктъ, но среди его членовъ находилось немало крупныхъ владѣльцевъ фіефовъ и поэтому онъ не только не высказалъ желанія, чтобы благодѣянія этого эдикта распространились на все королевство безъ изъятія, но еще и подтвердилъ особымъ параграфомъ права сеньеровъ, ставя такимъ образомъ частные интересы, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственными, впереди правъ человѣчности [3].

Какъ ни угнетали Неккера встрѣчаемыя имъ отовсюду недоброжелательство и противодѣйствіе, тѣмъ не менѣе, увѣренный въ довѣріи и поддержкѣ короля, онъ продолжалъ преслѣдовать поставленную имъ себѣ задачу. Онъ вводилъ все большую и большую строгость въ управленіе финансами, установилъ новую систему отчет-

[1]. Къ 7-му августа 1789 г. во Франціи было еще около *полутора милліона* сервовъ. Bailly, *Mémoires*, II, 214.

[2]. Bachaumont, XVII, 253. Впослѣдствіи, въ своемъ *Отчетѣ* за январь 1871 г., Неккеръ заявилъ, что Сенъ-Клодскій капитулъ готовъ освободить своихъ крѣпостныхъ. Каноники горячо опровергли это утвержденіе. Ср. Hippeau, *Gouv. de Norm.*, IV, 146.

[3]. Bachaumont, XIV, 173.

ности, которая позволяла ясно видѣть съ перваго же взгляда въ книги казначейства отношеніе между доходами и расходами [1], сократилъ число главныхъ откупщиковъ [2], и число главныхъ сборщиковъ податей съ шестидесяти уменьшилъ до двѣнадцати [3]. Онъ взялся за трудную задачу преобразованія управленія королевскаго дома. Всѣ отдѣльные завѣдующіе расходами на столъ, на серебро, на мелкія удовольствія, на вино, конюшни, постройки, были замѣщены однимъ единственнымъ казначеемъ, который соединилъ въ себѣ всѣ эти должности [4]. Потомъ было сразу уничтожено четыреста шесть должностей при королевскомъ домѣ [5] и объявлено, что должности высшихъ чиновъ короны будутъ также упразднены [6]. Вмѣстѣ съ королевскимъ домомъ Неккеръ предполагалъ также преобразовать и управленія домовъ графа Прованскаго и графа д'Артуа [7]. Сверхъ того онъ пытался ограничить тѣ дорого стоющія щедроты, которыя подъ именемъ *пенсій, индемнитетовъ, пожалованій, сохраненія содержанія, средствъ существованія* составляли для казны ежегодный расходъ въ двадцать восемь милліоновъ [8]. Однимъ словомъ, онъ производилъ въ управленіи финансовъ тѣ многочисленныя и благодѣтельныя «ампутаціи», которыя Тюрго желалъ произвести во всѣхъ вѣдомствахъ государственнаго управленія.

[1]. Hardy, IV, 221. Cf. Isambert, XXVI, 185, 186. Декларація отъ 17 октября 1779 г.

[2]. См. у Isambert, XXVI, 242—248, постановленіе Совѣта отъ 9 января 1780 г., которымъ собираніе податей передавалось тремъ учрежденіямъ, тогда какъ прежде имъ занималось множество отдѣльныхъ управленій.

[3]. Указомъ, изданномъ въ апрѣлѣ 1780 г. Hardy, IV, 279.

[4]. Hardy, IV, 173; Isambert, XXVI, 118, 119.

[5]. Указомъ отъ августа 1780 г. Hardy, IV, 334.—Указомъ отъ января 1780 г. были отмѣнены всѣ должности генеральныхъ контролеровъ королевскаго двора.

[6]. Hardy, IV, 264 (мартъ 1780).

[7]. Id., IV, 276 (апрѣль 1780).

[8]. См. *Отчетъ Неккера*, стр. 8, 27. Cf. Hardy, IV, 188. Въ сен-

По мѣрѣ того, какъ эти реформы получали свое осуществленіе или дѣлались извѣстными, враждебное отношеніе къ Неккеру принимало все болѣе явный и угрожающій видъ. Братья короля, герцогъ Орлеанскій, принцъ Кондэ и высшіе придворные сеньеры [1] громко выражали свое неудовольствіе, при чемъ одни жаловались на посягательство на ихъ привиллегіи, а другіе на то, что эти мѣры унижаютъ королевскую власть, лишая ее ея блеска [2]. Нѣкоторые изъ министровъ, независимости которыхъ мѣропріятія Неккера грозили извѣстными ограниченіями, также выражали свое недовольство, и въ то время, какъ выполненію его реформъ [3] ставились всевозможныя затрудненія и преграды, одинъ за другимъ печатались противъ него памфлеты. Въ нихъ говорилось, что онъ вскорѣ не будетъ въ состояніи выплачивать всѣ вознагражденія за уничтоженныя должности и будетъ принужденъ прибѣгнуть къ выпуску бумажныхъ денегъ и что «вся эта игра» кончится банкротствомъ. Въ нихъ были нападки не только на его управленіе, но и на его личный характеръ. Его обвиняли въ томъ, что подъ видомъ заботы объ общественномъ благѣ, онъ ищетъ лишь собственныхъ выгодъ, удовлетворенія своего лицемѣрнаго тщеславія и затаеннаго чувства мести. Разбиралась вся его прошлая жизнь съ явною цѣлью найти въ ней что либо дурное или смѣшное. Его оскорбляли въ самыхъ законныхъ его чувствахъ [4]. Однимъ словомъ, дѣлали все,

тябрѣ 1780 г. было объявлено, что пенсіи, дарованныя покойнымъ королемъ, будутъ значительно уменьшены.

[1]. А именно, оберъ-шталмейстеръ князь де Ламбескъ и герцогъ Куаньи, первый шталмейстеръ. Принцъ Кондэ былъ оберъ-гофмаршаломъ королевскаго дома.

[2]. Geffroy et d'Arneth *Marie-Antoinette*. III, 398, 422; Ср. Bachaumont, XV, 71.

[3]. «Рѣшенное передъ тѣмъ преобразованіе королевскаго двора не воспослѣдовало и казалось отложеннымъ на неопредѣленное время».—Hardy, IV, 313 (іюль 1780).

[4]. Имя г-жи Неккеръ подвергалось самымъ оскорбительнымъ

чтобы задѣть его гордость и подорвать его патріотизмъ, и въ то самое время, какъ въ обществѣ заранѣе трепетали за тотъ «хаосъ», который снова воцарится въ финансахъ, если управленіе ими перейдетъ въ другія руки [1], при дворѣ уже снова держали пари о днѣ, когда Неккеръ долженъ будетъ покинуть свой постъ [2].

Со своей стороны епископы имѣли основанія опасаться реформъ Неккера. Въ публикѣ распространялись брошюры [3], будто бы написанныя имъ или по его указаніямъ, въ которыхъ доказывалась необходимость обложенія имущества духовенства. Въ мартѣ 1780 г. «весь Парижъ» только и говорилъ о предстоящемъ въ скоромъ времени королевскомъ засѣданіи, на которомъ, вмѣстѣ съ эдиктомъ, отмѣняющемъ должности grands officiers de la couronne, будутъ провозглашены еще два новые закона,—о дарованіи гражданскихъ правъ протестантамъ и объ обложеніи податями имущества духовенства [4]. Мысль объ обложеніи имѣній духовенства высказывалась въ то время всѣми и всѣ удивлялись тому, что, при существующихъ финансовыхъ затрудненіяхъ правительства, епископатъ отказывается придти ему на помощь. Общее собраніе духовенства, которое должно было быть въ этомъ году (1780), открылось въ іюнѣ. Епископы ясно показали, какъ мало они склонны разстаться хотя бы съ частью своихъ громадныхъ доходовъ. На просьбу королевскихъ комиссаровъ о пожертвованіи тридцати

шуткамъ. Ее звали *Curchod*, что передѣлали въ *Cuchaud*. Обо всѣхъ этихъ памфлетахъ см. у Bachaumont, XV, 153—233 (іюнь-іюль 1780), XVI, 16—97.

[1]. Hardy, IV, 318; Bachaumont, XVI, 75.

[2]. Hardy, IV, 383 (декабрь 1780).

[3]. Въ августѣ 1770 г. появилась брошюра, написанная въ этомъ духѣ, подъ заглавіемъ: *Du prêt et de l'emprunt*, а въ ноябрѣ другая, озаглавленная: *De l'administration des États provinciaux et de la nature de l'impôt*. Hardy, IV, 189; *Corresp. secr.*, I, 274; Bachaumont, XIV, 297, 352. Hippeau, *Gouv. de Norm.*, IV, 138; ср. 147.

[4]. Hardy, IV, 264; cf. *ibid.*, 251, 252.

милліоновъ въ виду расходовъ на войну съ Англіей, кардиналъ де ла Рошфуко, президентъ собранія, отвѣтилъ выраженіемъ своего удивленія «такому чрезмѣрному требованію», равнаго которому «нѣтъ ничего въ архивахъ духовенства [1]». Потребовалось, чтобы король обязался выплачивать духовенству въ теченіе четырнадцати лѣтъ по одному милліону,—что сводило пожертвованіе къ шестнадцати милліонамъ,—и кромѣ того, чтобы онъ далъ обѣщаніе не требовать никакой другой субсидіи до 1785 года. Правительство было вынуждено сдѣлать и еще одну уступку. Кюрэ провинціи Дофинэ,—которые большею частью пользовались только незначительною частью доходовъ и жаловались на бѣдственное положеніе, въ которомъ ихъ держало высшее духовенство, присвоивая одному себѣ всѣ богатства церкви,—прислали въ Парижъ двухъ синдиковъ, поручивъ имъ представить королю точное описаніе ихъ нищенскаго состоянія. Чтобы придать болѣе основательности своей просьбѣ, они напечатали консультацію, подписанную девятью опытными адвокатами. Епископы добились отъ короля приказа о томъ, чтобы синдики возвратились къ себѣ домой, и чтобы консультація по постановленію Совѣта была уничтожена [2].

Согласно обычаю, во время своихъ засѣданій епископы представили королю записки съ выраженіемъ своихъ желаній по отношенію къ религіи. Въ одной изъ нихъ они выражали сожалѣніе о томъ, что протестанты, вопреки законамъ, стали допускаться къ занятію госу-

[1]. Hardy, IV, 298; Hippeau, *Gouv. de Norm.*, IV, 154.

[2]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 12 мая 1780 г., воспрещающее сочиненіе, озаглавленное: *Mémoire à consulter et consultation pour les curés du Dauphiné sur l'insuffisance de la portion congrue.* Ср. Bachaumont, XV, 98—101, 196. Съ самаго начала своихъ засѣданій, собраніе духовенства распорядилось какъ можно больше разослать и расклеить это постановленіе въ Парижѣ, чтобы отнять охоту на подобныя попытки у остальнаго низшаго духовенства. Hardy, IV, 299.

дарственныхъ должностей [1],—что являлось косвеннымъ намекомъ на Неккера,—и умоляли короля, какъ они дѣлали это и въ 1775 году, не снимать преградъ, поставленныхъ передъ отступниками вѣры мудростью и благочестіемъ его предшественниковъ. Въ другой запискѣ они жаловались на безнаказанное распространеніе многочисленныхъ «антихристіанскихъ произведеній». Въ особенности же выражали они свое прискорбіе по поводу постояннаго «публичнаго чествованія» одного знаменитаго писателя, «менѣе извѣстнаго величіемъ своего генія и превосходствомъ своихъ талантовъ, чѣмъ тою безпощадною войною, которую онъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ ведетъ *противъ Господа Бога и І. Христа* [2]». Сдѣлавъ такое указаніе на Вольтера, они перешли къ аббату Рейналю, «бывшему духовному лицу, еще облаченному въ священныя одежды церкви», который долгое время отрекался отъ сочиненія, «преисполненнаго самаго возмутительнаго кощунства» и уже осужденнаго постановленіемъ Совѣта [3], а теперь выпускающему новое изданіе его съ своимъ именемъ и портретомъ; «до такой степени, говорили они, дошло забвеніе священныхъ принциповъ, до такой степени заглохли самые элементарные понятія благопристойности и стыда»!

«Государь, прибавляли они, пора положить конецъ этой прискорбной летаргіи. Пусть Ваше Величество спасетъ религію, нравы, и власть, обратившись ко всѣмъ госу-

[1]. «Протестанты, писали епископы, часто допускаются на должности прокуроровъ, приставовъ, нотаріусовъ и адвокатовъ, въ качествѣ администраторовъ, засѣдаютъ иногда въ муниципальныхъ городскихъ учрежденіяхъ и въ бюро, во многихъ случаяхъ даже управляютъ общественными школами и ничто не мѣшаетъ имъ сѣять сѣмена своихъ религіозныхъ воззрѣній въ мягкихъ и податливыхъ умахъ юношества».

[2]. Эти слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

[3]. Здѣсь говорится о сочиненіи, озаглавленномъ: *l'Histoire philosophique et politique des établissements et du commeree des Européens dans les deux Indes* и запрещенномъ постановленіемъ Совѣта въ 1773 г.

дарствамъ съ предложеніемъ изданія благодѣтельнаго закона, который держалъ бы самое благородное изъ всѣхъ искусствъ — писательское — въ границахъ широкой, но мудрой свободы». Они напоминали при этомъ Декларацію 1757 г., которая присуждала къ *смертной казни* «всякаго, уличеннаго въ сочиненіи, напечатаніи или распространеніи произведеній, направленныхъ противъ религіи». Они однако не требовали такой строгой кары, «ибо ихъ отеческое сердце содрогается, говорили они, отъ подобной безжалостности» къ автору. Они ограничивались теперь требованіемъ его ареста съ лишеніемъ всѣхъ правъ, а въ отношеніи типографа—временнаго, либо окончательнаго лишенія его права заниматься типографскимъ дѣломъ, и кромѣ того требовали наказанія разнощиковъ книгъ и частыхъ осмотровъ книжныхъ лавокъ полиціей [1]. Людовикъ XVI, какъ и въ 1775 г., далъ весьма уклончивый отвѣтъ на эти заявленія. Что же касается общества, то ни эти требованія, ни самыя разсужденія о нихъ не вызвали къ себѣ даже и того слабаго вниманія, которое оно оказало преніямъ и требованіямъ собранія 1775 г. [2]. Епископы какъ будто и сами сознавали какъ мало пользуются они вниманіемъ общества. Въ первый разъ за все время они не издали даже *Актовъ* своего собранія, какъ это дѣлалось всегда по закрытіи послѣдняго. Единственно только одно это обстоятельство и обратило на себя вни-

[1]. См. *Procès-verbaux de l'assemblée du clergé*, годъ 1780, стр. 335—350. Почти въ это же самое время генер. адвокатъ Сегье предложилъ въ парламентѣ, чтобы отнынѣ министерство скупало у авторовъ ихъ рукописи и само бы печатало ихъ. Эта мысль *о введеніи государственной монополіи на разумъ*, писалъ Гриммъ, если бы она была хорошо разбработана съ финансовой стороны, «могла бы, быть можетъ, оказаться столь же полезнымъ учрежденіемъ для государства, какъ и монополія на табакъ, и заслуживаетъ того, чтобы серьезно подумать о ней». Grimm, X, 297, 298.

[2]. Hardy и продолжатель его Bachaumont совсѣмъ и не упоминаютъ о дѣйствіяхъ собранія духовенства 1780 г., тогда какъ о собраніи 1775 г. они пишутъ довольно подробно.

маніе общества; его объясняли тѣмъ, что если епископатъ рѣшался на такое отступленіе отъ своихъ обычаевъ, то очевидно, что «отцы Церкви довольны своею паствою» [1].

Въ то время, какъ высшее духовенство давало это новое доказательство своей нетерпимости и не останавливалось передъ напоминаніемъ Людовику XVI законовъ о смертной казни, изданныхъ его предшественникомъ, юный монархъ, повинуясь совершенно противоположнымъ вліяніямъ, распространялъ заботливость своего милосердія даже на преступниковъ, вводя различныя улучшенія въ тюрьмахъ, на необходимость которыхъ давно указывалось во имя гуманности [2], и отмѣняя нѣкоторыя пріемы предварительнаго слѣдствія [3]. Съ другой стороны, Неккеру удалось получить отъ него согласіе на нововведеніе, заимствованное изъ Англіи и долженствовавшее поразить умы болѣе, чѣмъ всѣ предъидущія его мѣры. Въ январѣ 1781 г. онъ съ разрѣшенія короля обнародовалъ свой знаменитый *Отчетъ* о состояніи финансовъ [4], въ которомъ онъ не ограничивался представленіемъ сравнительной таблицы доходовъ и расходовъ [5], но давалъ и разъясненія какъ совершенныхъ имъ операцій, такъ и будущихъ своихъ плановъ, открыто излагая всѣ тѣ безпорядки и злоупотребленія, уничтожить которые онъ поставилъ себѣ цѣлью. До сихъ поръ, какъ онъ говорилъ, во Франціи изъ состоянія финансовъ постоянно дѣлалась тайна. Страна не только пребывала въ невѣдѣніи взаимнаго отношенія годовыхъ расходовъ и доходовъ казны съ размѣрами взятыхъ на себя короною особыхъ обяза-

[1]. *Corresp. secr.*, I, 329 (26 октября 1780).

[2]. Августъ 1780. Hardy, IV, 333; Isambert, XXVI, 376—378.

[3]. *La question préparatoire* постепенно почти уже вышелъ изъ употребленія. Isambert, XXVI, 373—375; Bachaumont, XV, 315.

[4]. *Compte rendu au Roi*, par M. Necker, directeur des finances, in 4°, напечатанный въ 1781 г., по приказу короля.

[5] Извѣстно, что онъ помѣстилъ въ этомъ отчетѣ лишь обычный бюджетъ, исключивъ изъ него всѣ чрезвычайные доходы и расходы.

тельствъ, ей оставались неизвѣстны даже и самые размѣры суммъ уплачиваемыхъ ею государству. Въ первый разъ теперь должна она была быть освѣдомлена объ этомъ.

Изданіе отчета произвело громадное впечатлѣніе. Говорили, что появленіе этого «замѣчательнаго» документа «составитъ вѣчную и славную эпоху въ дѣяніяхъ монархіи». Въ самый день своего появленія онъ разошелся приблизительно въ шести тысячахъ экземпляровъ [1]. Первое время двѣ типографіи, работая непрерывно, не могли поспѣвать удовлетворить всѣ требованія Парижа, провинціи и изъ заграницы. Въ самомъ скоромъ времени онъ появился на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Въ честь Неккера выходило множество стиховъ и картинъ [2], но наряду съ похвалами слышалось также и осужденіе. Одни видѣли въ изданіи *Отчета* лишь поступокъ, внушенный самомнѣніемъ возгордившагося администратора, а другіе—дѣло «шарлатана». Старые финансисты *à la diable*, т. е. въ духѣ Террэ или Клюньи, порицали его какъ «опасное нововведеніе». Нѣкоторые «политики» нашли въ немъ *неконституціонныя* выраженія и ставили автору въ упрекъ слова, что «увеличеніе налоговъ подлежитъ власти короля». Говорили также, что сообщать публикѣ и подвергать нѣкоторымъ образомъ ея суду дѣйствія монарха значитъ оскорблять достоинство послѣдняго и умалять его власть [3]. Но что всего болѣе возбудило недовольство,—это тотъ свѣтъ, который проливалъ этотъ отчетъ на злоупотребленія, дававшія столькимъ корыстолюбивымъ и безчестнымъ людямъ возможность жить на счетъ государства и въ ущербъ его пользамъ.

[1]. Его можно было найти, говоритъ Сегюръ, не только у всѣхъ государственныхъ людей, но и въ карманахъ каждаго аббата и на туалетномъ столѣ каждой дамы. Ségur, *Mémoires*, I,142.

[2]. Hardy, IV, 413; Grimm, X, 402; Bachaumont, XVII, 90, 146, 157 (февраль-апрѣль 1781 г.).

[3]. *Corresp. secr.*, I, 368; Bachaumont, XVI, 79.

Почувствовавъ всю силу удара, нанесеннаго имъ этимъ обвинительнымъ актомъ, и опасаясь тѣхъ новыхъ проэктовъ реформъ, которыя возвѣщались имъ, враги Неккера призвали на помощь всѣ свои силы и начали противъ него борьбу «на смерть [1]». Начали воздѣйствовать на робкую душу короля, подняли на ноги весь дворъ. Памфлеты стали появляться въ большемъ, чѣмъ когда нибудь, количествѣ. Такъ одинъ за другимъ появились: *Lettres d'un ami à M. Necker, les Observations d'un citoyen, Réponse au conte bleu, les Comment, les Pourquoi.* Наконецъ, пустили въ ходъ еще болѣе дѣйствительное средство, оказавшееся на этотъ разъ рѣшительнымъ. Неккеръ, воспользовавшись одною изъ идей Тюрго, учредилъ въ верхней Гвіэннѣ, въ Дофинэ [3], выборную коммисію, состоящую изъ депутатовъ всѣхъ трехъ сословій, которая, собираясь въ извѣстные сроки, должна была распредѣлять налоги, принимая въ соображеніе интересы населенія [4]. Подобныя же коммисіи онъ намѣревался постепенно ввести во всѣхъ провинціяхъ, давъ имъ названіе *Провинціальныхъ управленій* (*Administrations provinciales*). Но прежде чѣмъ приступить къ осуществленію всей системы, первые опыты которой уже успѣли дать нѣкоторые благотворные результаты, онъ подалъ объ этомъ записку Людовику XVI, и этою то запискою и воспользовались для того, чтобы его низвергнуть.

[1]. Hardy, IV, 434, 439.—*Corresp. secr.*, I, 330.

[2]. Hardy, IV, 431; Augeard, 99, 106; Bachaumont, XVII, 125, 129, 130, 136. Ожаръ въ своихъ *Мемуарахъ* называетъ себя авторомъ первыхъ двухъ памфлетовъ; онъ приписываетъ себѣ и памфлетъ les *Pourquoi*, тогда какъ les *Comment* по его словамъ, написанъ Калонномъ.

[3]. Постановленіями Совѣта отъ 12 іюля 1778 г., 27 апр. и 26 ноября 1779 г.

[4]. Излишне напоминать читателю, что эти собранія, точно также, какъ и *муниципалитеты* Тюрго, вовсе не носили политическаго характера и занимались лишь распредѣленіемъ налоговъ, не имѣя права ихъ вотировать.

Въ этой запискѣ, въ которой Неккеръ касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и въ которой онъ, нужно сказать, наряду съ весьма полезными мыслями, высказывалъ и такія, которыя могли служить лишь къ укрѣпленію абсолютной власти [1], онъ предлагалъ между прочимъ отмѣнить законъ, освобождающій отъ налога на соль всѣхъ членовъ высшихъ государственныхъ учрежденій, чтобы такимъ образомъ уменьшить тяжесть этаго налога для остальнаго населенія; отмѣнить десятинный сборъ; увеличить жалованье сельскимъ священникамъ до 1200 ливровъ, взявъ необходимыя для этого суммы изъ доходовъ «тузовъ церкви» и богатыхъ церковныхъ удѣловъ; уничтожить интендантства, какъ «учрежденія безполезныя для государства и тираническія для народа»; отнять у парламентовъ ихъ право регистрированія законовъ, ограничивъ ихъ дѣятельности одною судебною функціей [2]. Опубликованіе этой записки, до сихъ поръ остававшейся неизвѣстною, непремѣнно должно было возстановить противъ Неккера «и парламенты, и высшее сословіе, и духовенство». Его враги поняли это. Они тайно напечатали ее, сообщили парижскому парламенту и, повидимому, разослали ее даже всѣмъ

[1]. Такъ напр. Неккеръ утверждалъ тамъ, что въ «власти *установленія налоговъ* и заключается вся сущность размѣровъ королевской власти».

[2]. Приводимъ набросокъ этой записки, какъ передаетъ ее «съ той точки зрѣнія, съ которой она наиболѣе вызываетъ нападки», продолжатель записокъ Башомона. «Интенданты творятъ злоупотребленія; парламенты стѣсняютъ; всѣ старыя учрежденія представляютъ изъ себя препятствія и преграды для власти. Преобразовать и ограничить первыхъ, обратить вторые въ простыя юридическія собранія, уничтожить всѣ виды, всѣ названія и всѣ слѣды старыхъ штатовъ и ихъ правъ, замѣнивъ ихъ мѣстными выборными управленіями, которыя будутъ собираться рѣдко и никогда не оказывать сопротивленія... и которыя въ случаѣ нужды представятъ изъ себя *силу* для приведенія въ порядокъ нынѣшнее положеніе Бретани, Лангедока и Артуа»... Bachaumont, XVII, 203, 204.—Augeard 108, 109; *Corresp. secr.*, I, 394.

другимъ парламентамъ королевства [1]. Послѣдовалъ взрывъ всеобщаго негодованія. Армія враговъ министра финансовъ немедленно же увеличилась отъ присоединенія къ ней всѣхъ тѣхъ, кому угрожали новые проекты, изложенные въ запискѣ. Посыпались новые памфлеты, направленные противъ нее. Парламентъ отказался зарегистрировать указъ, учреждавшій провинціальное собраніе въ Бурбонне, и составилъ ремонтрансы; его раздраженіе дошло до такой степени, что многіе совѣтники предлагали даже предать Неккера суду за посягательство на ниспроверженіе законовъ [2].

Людовикъ XVI, досаждаемый жалобами и выраженіями негодованія парламентовъ, интендантовъ, высшаго духовенства и наиболѣе вліятельныхъ лицъ при дворѣ, сталъ колебаться [3]. Съ своей стороны Неккеръ пришелъ къ убѣжденію, что для него невозможно оставаться на своемъ посту иначе, какъ получивъ отъ короля новое громкое доказательство довѣрія, которое заставило бы его враговъ замолчать. Онъ обратился къ Людовику XVI съ просьбою допустить его участвовать въ Совѣтѣ съ званіемъ министра, или же принять его отставку [4]. «Старый придворныхъ дѣлъ мастеръ» Морепа, который сначала самъ увлекался Неккеромъ, но съ теченіемъ времени сдѣлался его врагомъ [5],—предоставилъ ему «сдѣлать этотъ шагъ» и, какъ только онъ былъ сдѣланъ, доложилъ Людовику XVI, что законами королевства

[1]. Hardy, IV, 446 (апрѣль 1781); Bachaumont, XVI, 151, *Corresp. secr.*, I, 387, 390.

[2]. Hardy, IV, 451, 464; Bachaumont, XVII, 166, 168, 169, 208; *Corresp. secr.*, I, 388, 390.

[3]. *Corresp. secr.*, I, 395 (16 мая 1781).

[4]. Неккеръ просилъ о допущеніи его въ составъ Совѣта уже за три года до этого. *Corresp. secr.*, I, 213.

[5]. Безанваль въ 1780 г. вѣрно охарактеривалъ эти непослѣдовательныя дѣйствія Морепа, который «по своему обыкновенію одобрялъ всякую реформу и затѣмъ первый препятствовалъ ея выполненію». II, 27.

воспрещается участвовать въ Совѣтѣ иноземцу и протестанту и что если онъ будетъ допущенъ въ него, то министры не согласятся оставаться въ немъ [1]. Людовикъ XVI могъ поставить на своемъ; теперь его уже не оправдывала, какъ во времена отставки Тюрго, крайная молодость и онъ не могъ не знать, что опозиція противъ Неккера далеко не имѣетъ ни той силы, ни того серьезнаго значенія, какъ та, которую возбудилъ противъ себя Тюрго, но въ припадкѣ слабости онъ допустилъ совлечь себя съ пути своего долга и принялъ отставку Неккера.

Вѣсть объ этой отставкѣ разнеслась по Парижу утромъ 20 мая и глубоко поразила всѣхъ. На биржѣ произошла чрезвычайная паника; государственныя бумаги немедленно же сильно понизились [2]. Въ обществѣ это извѣстіе было принято, какъ народное бѣдствіе; говорили, что отставка Неккера хуже для Франціи, чѣмъ потеря сраженія на морѣ. Повсюду, въ частныхъ домахъ, въ кафе, на улицахъ только о ней и говорили. Можно было видѣть людей, сообщающихъ другъ другу эту вѣсть со слезами; другіе же встрѣчались молча и съ грустью пожимали другъ другу руки. Вечеромъ, въ театрѣ *Французской Комедіи,* произнесенное имя Неккера вызвало цѣлую бурю. Нѣсколько дней спустя, когда авторъ одного изъ послѣднихъ памфлетовъ, написанныхъ противъ Неккера, появился въ Палэ-Рояли, то вокругъ него собралась угрожающая толпа и едва не накинулась на него, чтобы бросить его въ воду. Самъ король выражалъ свое сожалѣніе объ уходѣ человѣка, нѣсколько суровый и педантичный характеръ котораго могъ иногда быть ему непріятенъ, но который никогда не переставалъ пользо-

[1]. Augeard, 107, 108; *Corresp. secr.*, I, 397; Bachaumont, XVII, 208.

[2]. Въ первый моментъ учетная касса должна была уплатить болѣе 12 милліоновъ за свои билеты, находившіеся въ обращеніи; сверхъ того казначейство израсходовало отъ 3 до 4 милліоновъ для поддержанія дѣятельности биржи. *Corresp. secr.*, I, 400.

ваться его уваженіемъ. Герцоги Орлеанскій и Шартрскій, принцъ Конде и самыя важныя лица при дворѣ,—изъ которыхъ многія втайнѣ содѣйствовали событію, такъ опечалившему Парижъ,—отправились, если не изъ патріотизма, то хоть ради приличія съ визитомъ къ Неккеру [1]. Въ теченіи нѣсколькихъ дней все еще надѣялись, что онъ будетъ вновь призванъ къ дѣламъ; въ этомъ направленіи даже были сдѣланы нѣкоторые шаги, но боязнь его возвращенія еще разъ возбудила всю клику [2] и 4 іюня Жоли де Флери, котораго враги Неккера намѣтили раньше, какъ его преемника, вступилъ въ Совѣтъ въ качествѣ министра финансовъ [3]. Теперь всякая надежда, что король измѣнитъ свое рѣшеніе, была потеряна.

Пять дней спустя послѣ отставки Неккера парламентъ осудилъ на сожженіе сочиненіе аббата Рейналя *'Объ учрежденіяхъ и торговлѣ европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ*, то самое, на которое было донесено королю послѣднимъ собраніемъ духовенства, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ арестовать автора [4]. Это осужденіе было не чуждо тѣмъ событіямъ, которыя волновали общественное мнѣніе. Парламенту было сообщено, что аббатъ Рейналь работалъ для Неккера въ составленіи его Записки о провинціальныхъ собраніяхъ и этого обстоятельства было достаточно, чтобъ вызвать противъ писателя строгость магистратовъ[5].

[1]. Hardy, IV, 461—466; Grimm, 433—437; *Corresp. secr.*, I, 397—401.

[2]. *Corresp. secr.*, I, 402.

[3]. Жоли де Флери, приглашенный къ завѣдыванію финансами на другой день послѣ отставки Неккера, сначала принялъ портфель только временно, не нося титула министра. Bachaumont, XVII, 206, 241.

[4]. Постановленіе парламента отъ 25 мая 1781 г., осуждающее на сожженіе сочиненіе въ десяти томахъ in--8, озаглавленное: *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes,* par Guillaume Thomas Raynal, à Genève, MDCCXXX. Извѣстно, что аббатъ Рейналь бѣжалъ и нашелъ себѣ убѣжище у короля прусскаго.

[5]. *Corresp. secr.*, I, 406, 407.

По другому разсказу парламентъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ по приказанію короля. Одинъ изъ враговъ аббата положилъ на столъ короля томъ его сочиненія и сдѣлалъ такъ, чтобы онъ развертывался на страницахъ, содержавшихъ наиболѣе рѣзкія мѣста, и когда Людовикъ познакомился съ ними, то выразилъ свое неудовольствіе хранителю печати, что парламентъ предоставляетъ свободно распространяться столь опасной книгѣ [1]. Увѣдомленные объ этомъ министромъ и желая безъ сомнѣнія сдѣлать пріятное королю въ тотъ моментъ, когда они требовали удаленія Неккера, магистраты поспѣшили проявить свою строгость.

Со времени запрещенія Совѣтомъ этого сочиненія въ 1772 г., авторъ сдѣлалъ въ немъ много добавленій. Въ изданіи 1780 г., подвергшемся наказанію, разсматривался вопросъ о войнѣ, которую вела въ это время Франція съ Англіею. Мѣста, на которыя ссылался обвинительный актъ, приводились какъ крайнее выраженіе ученій высказанныхъ философами. Но въ сочиненіи Рейналя было еще много такихъ безусловныхъ и жестокихъ положеній. которыя какъ будто позаимствованы изъ грядущихъ самыхъ смутныхъ дней революціи. Христіанская религія, говорилъ авторъ, представляетъ собою ничто иное, «какъ варварскую мораль, представляющую радости жизни самыми тяжкими преступленіями; мораль низкую, потому что она налагаетъ обязанность находить удовольствіе въ униженіи; мораль нелѣпую, потому что она грозитъ одинаковыми муками и за слабости любви и за самые жестокіе поступки; мораль суевѣрную, такъ какъ она предписываетъ уничтожать все, что уклоняется отъ господствующихъ мнѣній; мораль корыстную, потому что она допускаетъ только такія добродѣтели, которыя

[1]. Bachaumont, XVII, 196—220. Можно предположить, что духовенство, жаловавшееся на книгу аббата Рейналя, такъ или иначе содѣйствовало ея осужденію; но Мемуары того времени ничего не сообщаютъ въ подтвержденіе этого предположенія.

выгодны священнику, и считаетъ преступленіями то, что вредитъ служителямъ религіи» [1].

Никогда философія не прибѣгала къ такому рѣзкому языку и нельзя было яснѣе выразить мысль, что уничтоженіе католицизма будетъ благодѣяніемъ для цивилизаціи. Опережая и въ другомъ отношеніи крайнихъ апостоловъ революціонныхъ ученій, аббатъ Рейналь обожествлялъ разумъ. «Философія, писалъ онъ, должна занять на землѣ мѣсто Бога; только она связываетъ, освѣщаетъ и утѣшаетъ человѣчество и помогаетъ ему». По естественной послѣдовательности онъ дѣлаетъ философію руководительницею политики и законовъ. «Всякій геніальный писатель есть прирожденный магистратъ своей родины, его трибуналъ—вся нація; его судья—общество, а не деспотъ, который его не понимаетъ, и не министръ; который не хочетъ его слушать. Мудрымъ земли должно принадлежать право создавать законы и всѣ народы должны стремиться принять ихъ». Въ этомъ произведеніи даже предупреждены декреты о казняхъ временъ Революціи. Рейналь напоминаетъ древній обычай, существующій на о-вѣ Цейлонѣ, и «подчиняющій государя дѣйствію закона, *который осуждаетъ его на смерть, если онъ осмѣлится нарушить законъ*». Со стороны автора это было не просто историческая справка: «Еслибы народы знали свои права, прибавляетъ онъ, то этотъ древній обычай существовалъ бы во всѣхъ странахъ земнаго шара». Наконецъ, создавая въ своемъ воображеніи еще болѣе ужасный призракъ, онъ высказываетъ такое положеніе: *Законъ—ничто, если нѣтъ меча, скользящаго надъ всѣми головами безразлично и поражающаго ту, которая подымается надъ тѣмъ горизонтальнымъ уровнемъ, на которомъ она находится.* Прочелъ ли Людовикъ XVI это мѣсто въ числѣ тѣхъ, на которыя неизвѣстная рука обращала его вниманіе?

---

[1]. Этотъ отрывокъ и всѣ послѣдующіе взяты изъ обвинительнаго акта.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЮДОВИКА XVI. — МИНИСТЕРСТВА ЖОЛИ ДЕ ФЛЕРИ, Д'ОРМЕССОНА И КАЛОННА.

(1781—1786).

Вмѣстѣ съ Тюрго пали всѣ попытки реформъ, которыя, не нарушая непосредственно политической организаціи Франціи, захватывали однако всю совокупность ея соціальнаго, экономическаго и административнаго устройства. Вмѣстѣ съ Неккеромъ пали тѣ проэкты реформъ, которыя не будучи такъ широки, какъ у его предшественника, касались главнымъ образомъ финансоваго строя. Съ этого времени королевская власть возвратилась къ прежнимъ порядкамъ и должна была очутиться предъ тѣми же затрудненіями и тѣми же опасностями, съ которыми она столкнулась въ концѣ предыдущаго царствованія. Но при этомъ, не обладая со времени смерти Людовика XV дѣйствительнымъ престижемъ и представляя скорѣе только одно названіе, а не принципъ, она менѣе чѣмъ прежде была въ состояніи господствовать надъ положеніемъ вещей въ странѣ, тогда какъ общественное мнѣніе, сдѣлавшись болѣе освѣдомленнымъ, стало гораздо смѣлѣе. Указывая на всякаго рода злоупотребленія и безпорядки, расшатывавшія монархію, и на необходимость уничтожить ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отдавая принимаемыя ими мѣры на судъ общества, какъ верховнаго судьи, Тюрго и Неккеръ тѣмъ самимъ развили въ народѣ духъ независимости и смѣлости. Теперь, когда единственный путь къ реформамъ былъ закрытъ, рево-

люція сдѣлалась почти неизбѣжною. Надвигаясь съ той стороны, съ которой королевская власть была всего слабѣе, она должна была войти черезъ брешь, оставшуюся открытою вслѣдствіе развалившагося зданія финансовъ и, несмотря на обманчивую внѣшность нѣкоторыхъ явленій, какъ бы указывавшихъ на нѣчто другое, достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы наступленіе революціи, о которой такъ давно уже говорили и которую предсказывали, сдѣлалось совершившимся фактомъ.

На другой день послѣ отставки Неккера Людовикъ XVI заявилъ, что хотя онъ перемѣнилъ министровъ, но не измѣнилъ принциповъ [1]; «однако уже первые шаги новаго управляющаго финансами, Жоли де Флери, показали, какъ слѣдуетъ относиться къ королевской декларації. Въ августѣ 1781 г. былъ обнародованъ эдиктъ, прибавлявшій по два су на каждый ливръ платежей, установленныхъ на предметы потребленія. Этотъ указъ являлся возвращеніемъ къ обычной фискальной системѣ временъ Людовика XV, системѣ отвергнутой какъ Тюрго, такъ и Неккеромъ. Мѣра эта вызвала и въ Парижѣ и въ провинціяхъ всеобщій ропотъ [2]; неудовольствіе особенно проявлялось среди низшихъ классовъ населенія, интересы котораго всего сильнѣе затрогивались этимъ эдиктомъ. О соображеніяхъ, которыя сопровождали указъ и въ которыхъ король, ссылаясь на потребности, вызываемыя войною съ Англіею, заявлялъ о своей любви къ подданнымъ, отзывались какъ «о насмѣшкѣ» или «лицемѣріи». Парламентъ въ признательность за жертву, которую ему принесли, устранивъ «опаснаго женевца», зарегистровалъ увеличеніе сбора въ два су на ливръ, «не представивъ, по обычаю, ни малѣйшаго напоминанія, ни даже хотя бы самого ничтожнаго ходатайства въ пользу

[1]. Hardy, IV, 464.—*Corresp. secr.*, I, 399.
[2]. Id., V, 11, 12.—*Corresp. secr.*, I, 426.
[3]. Bachaumont, XVII, 376.

народа [1]». Всѣ упрекали парламентъ за его «низкую податливость»; говорили, что онъ не болѣе, какъ «призракъ и тѣнь самого себя [2]». Едва только былъ зарегистрованъ этотъ эдиктъ, какъ магистратамъ были сообщены новые эдикты, касавшіеся налоговъ [3]. Беззастѣнчиво выступая на путь злоупотребленій, министерство предложило городу Парижу сдѣлать заемъ съ цѣлью помочь личнымъ надобностямъ графа Прованскаго и графа д'Артуа [4]. Были возстановлены сорокъ восемь должностей генеральныхъ сборщиковъ, уничтоженіе которыхъ считалось одною изъ самыхъ разумныхъ мѣръ Неккера [5]. Затѣмъ были возстановлены должности генеральныхъ казначеевъ, генеральныхъ откупщиковъ и всѣ должности королевскаго двора [6]. Людовикъ XVI передѣлывалъ теперь все, что было сдѣлано Неккеромъ, какъ онъ нѣкогда передѣлалъ сдѣланное Тюрго, теряя въ общественномъ мнѣніи все болѣе и болѣе, вслѣдствіе обнаруживаемой имъ слабости и постояннаго самопротиворѣчія. Парижане, сохраняя свою обычную насмѣшливость, даже когда они ропщутъ, гово-

[1]. *Corresp. secr.*, I, 427.

[2]. Hardy, V, 20. По поводу этого эдикта была сочинена слѣдующая пѣсенка:

L'as-tu donc lu, ma commère,
L'as-tu lu, c'fameux édit?
Enregistré sans mystère
Par nos pères les circoncis?
Com'il nous savonne!
Com'il nout rançonne!
Si c'est du Fleuri,
Ce n'est pas joli.

[3]. Hardy, V, 7.—*Corresp. secr.*, I, 423.

[4]. Hardy, V, 36.—*Corresp. secr.*, I, 433.—Cf. Isambert, XXVII (сент. 1781). Этотъ заемъ былъ въ пятнадцать милліоновъ.

[5]. Hardy, IV, 487; V, 39. Эдиктъ, возстановлявшій всѣ эти должности, сопровождался реестромъ суммъ, которыя должны были внести получающіе эти должности.

[6]. Hardy, V, 39.—Bachaumont, XVII, 318.—*Corresp. secr.*, I, 423.

рили, что «дѣла идутъ какъ нельзя лучше, потому что нынче только и говорятъ, что о возстановленіи» (Puisqu'on ne parlait que de *récréations*) [1]».

Эти первыя мѣры новаго министерства не годились для того, чтобы примирить съ королевскою властью умы, раздраженные отставкою Неккера. Подъ вліяніемъ недовольства, вызывавшагося этими мѣрами, стали появляться сатирическія картинки, оскорбительныя четырестишія или такія рѣзкія брошюры, какъ *le Cri du peuple* [2], и одновременно съ ними тайно распространялись возмутительные листки противъ королевы, членовъ королевской фамиліи и важнѣйшихъ лицъ при дворѣ. Нѣкоторые изъ этихъ листковъ, напримѣръ, *la Vie d'Antoinette*, были наполнены такими «гнусностями», что правительство не ограничилось производствомъ розысковъ въ Парижѣ, но обратилось къ иностраннымъ государямъ и добилось обыска въ подозрѣваемыхъ типографіяхъ Голландіи и Германіи [3]. Еще въ послѣдніе мѣсяцы управленія Неккера подобныя же разслѣдованія были произведены по поводу памфлетовъ, также «достойныхъ сожженія» [4]. Въ сущности повторныя безразсудства Маріи Антуанеты, ея расточительность, шумныя развлеченія [5], непрерывное мотовство двора, совершавшіяся при немъ скандальныя мошенничества, доходившія до того, что въ присутствіи самой королевы были найдены въ карманѣ графа де Дилльона украденные пятьсотъ луидоровъ

1. *Corresp. secr.*, I, 443 (октябрь 1781 г.).

2. Bachaumont, XVII, 302, 347.

3. Bachaumont, XVIII, 212, 223—224; XX, 56, 75, 111.

4. Въ ноябрѣ 1780 г. появились первые экземпляры брошюры, озаглавленной *le Pou;* въ февралѣ 1781 появилась другая брошюра подъ заглавіемъ: *le Proces des trois rois.*—*Corresp. secr.*, I, 131.—Bachaumont, XVII, 63.

5. Королева возобновила театральныя представленія въ Тріанонѣ, въ которыхъ выступала сама, какъ прежде—г-жа Помпадуръ. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette*, III, 456, 481 (августъ-октябрь 1780).—Campan, I, 230—231.

банковыми билетами [1],—все это давало достаточно матеріала для нападокъ памфлетистовъ и нельзя сказать, чтобы эти листки представляли собою сплошную клевету.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ правительство раздражало общество своими финансовыми мѣропріятіями, оно утвердило уставъ, по которому разночинцы не могли получать въ арміи чинъ подпоручика, а чинъ капитана допускался только для офицеровъ, у которыхъ было четыре поколѣнія предковъ, пользовавшихся званіемъ дворянина. «Нужно принадлежать къ почтенному третьему сословію, писала нѣсколько позже г-жа Кампанъ, чтобъ понять злобу или, вѣрнѣе, отчаяніе, которое вызвалъ этотъ законъ». Трудно было сдѣлать что либо болѣе неполитичное, какъ этотъ шагъ, какъ разъ въ то время, когда продолжающаяся война за американскую независимость поддерживала распространяемыя философіей идеи равенства и когда реформы Тюрго и Неккера показали во-очію всю несправедливость и вредъ привилегій. Впечатлѣніе, произведенное этимъ актомъ, было таково, что многіе современники не колеблясь указываютъ на него, какъ на одну изъ «побочныхъ» причинъ революціи [2].

Если судить по внѣшности, то можно подумать, что еще многіе французы были сердечно привязаны къ монархіи. Въ октябрѣ 1781 г. Марія Антуанета родила наслѣдника [3]. Извѣстіе объ этомъ событіи казалось заста-

[1]. Geffroy et d'Arneth, *Marie-Antoinette,* III, 490 (18 ноября 1780).

[2]. «Несправедливость и нелѣпость этого закона, говоритъ г-жа Кампанъ, I, 277, безъ сомнѣнія были одною изъ побочныхъ причинъ революціи». Сегюръ, I, 277, съ своей стороны писалъ: «Это повелѣніе умными людьми всѣхъ классовъ признавалось мѣрою несвоевременною, неприличною, совершенно несоотвѣтствующею духу времени и одною изъ наиболѣе существенныхъ причинъ того всеобщаго неудовольствія, которое предрасполагало умы къ революціи». Это повелѣніе или, вѣрнѣе, уставъ, помѣченное 22 мая 1781 г., повидимому сдѣлалось извѣстнымъ въ обществѣ только въ августѣ того же года. Cf. Bachaumont, XVII, 380.

[3]. Людовикъ-Іосифъ; умеръ 3 іюня 1789 года.

вило парижанъ забыть всѣ неудовольствія. Когда Людовикъ XVI отправлялся въ Соборъ Богоматери, онъ повсюду былъ встрѣчаемъ горячими привѣтствіями. Въ оперѣ, гдѣ былъ данъ даровой спектакль, при поднятіи занавѣса раздались общіе крики: *Да здравствуетъ король, да здравствуетъ королева, да здравствуетъ дофинъ!* Женщины рынка, явясь по обычаю поздравить короля, обратились къ нему съ рѣчью, которая оканчивалась слѣдующими словами: «Мы озаботимся научить нашихъ дѣтей, какъ нужно любить и уважать своего короля [1]». Но на ряду съ этими выраженіями радости проявлялись и другія чувства. Нѣсколько лицъ было посажено въ Бастилію либо за свои рѣчи, либо за сочиненія, написанныя по этому случаю противъ королевы [2]. Многіе выражали неодобреніе по поводу празднествъ, предписанныхъ старшиною купечества и долженствовавшихъ происходить на Гревской площади 21 января [3]. Появились даже плакарды, въ которыхъ грозили поджечь въ этотъ день Парижъ. Въ одной изъ нихъ, содержавшей зловѣщій намекъ на порядокъ, который примѣнялся къ осужденнымъ на смерть, говорилось, что 21 января король и королева, «препровожденные подъ надлежащимъ конвоемъ на Гревскую площадь», отправятся въ Городскую Думу, чтобы исповѣдаться во всѣхъ грѣхахъ и затѣмъ «взойдутъ на эшафотъ, гдѣ и будутъ сожжены живыми [4]».

Нѣкоторые епископы, заблуждаясь на счетъ настрое-

[1]. Hardy, V, 42—43.—Bachaumont, XVIII, 112, 117—119, 135.—Campan, I, 215.—*Corrsp. secr.*, I, 435, 447.

[2]. Hardy, V, 49, 62.

[3]. Говорили, что городъ сдѣлалъ бы лучше, если бы значительныя суммы, которыя пойдутъ на празднества, были обращены на благотворительныя дѣла. Hardy, V, 98.—Bachaumont, XX, 32 (январь 1782 г.). Были арестованы также нѣкоторыя частныя лица, «роптавшія на эти празднества». Hardy, V, 82.

[4]. Hardy, V, 88. «Предосторожности, принимаемыя полиціею въ виду этихъ празднествъ, могутъ сами по себѣ устрашить; ожидается какое нибудь несчастье». Id., V, 94.

нія умовъ и намѣреній правительства, усматривали въ отставкѣ Неккера благопріятный для своихъ идей или интересовъ признакъ и издали пастырскія посланія, въ которыхъ старались возбудить вражду противъ философіи. Віеннскій архіепископъ запретилъ вѣрнымъ своей епархіи подъ страхомъ совершенія смертнаго грѣха подписываться на новое изданіе *Сочиненій Вольтера,* печатавшееся тогда подъ наблюденіемъ Бомарше въ Келѣ [1]. Но всѣ подобныя посланія остались безъ результата. Когда же теологическій факультетъ съ своей стороны обратился съ письмомъ къ хранителю печати по поводу того же изданія, то министерство отвѣтило, что «это дѣло касается полиціи, а не его [2]». Доносъ,—и при томъ гораздо болѣе серьезный, чѣмъ посланія,—съ эпиграфомъ Clamate et ululate, сдѣланный все по тому же дѣлу парламенту, постигла та же участь, и онъ не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ него ожидали его авторы [3]. Министерство не только не обратило вниманія на печатаніе *Сочиненій Вольтера,* но дало одному парижскому книгопродавцу разрѣшеніе на новое изданіе *Энциклопедіи,* на которое немедленно нашлось три тысячи подписчиковъ [4]. Вскорѣ послѣ этого на сценѣ Французской комедіи была возобновлена комедія Палиссо, но теперь она совершенно провалилась и появленіе Криспэна «на четырехъ ногахъ» для изображенія Жанъ-Жака вызвала общее негодованіе въ партерѣ [5]. На мѣсто стараго парижскаго архіепископа,

[1]. Bachaumont, XVII, 285 (іюль 1781 г.). Этотъ же прелатъ въ августѣ издалъ второе посланіе, въ которомъ запрещалъ чтеніе сочиненій Рейналя и Руссо. Id., XVIII, 25. Онъ былъ родной братъ епископа Пюисскаго де Помпиньяна, такъ отдѣланнаго Вольтеромъ. 12 октября 1781 г. страсбургскій архіепископъ, кардиналъ де Роганъ, въ свою очередь выпустилъ посланіе противъ «святотатственнаго» изданія сочиненій Вольтера. Bachaumont, XX, 63.

[2]. Bachaumont, XVII, 303.

[3]. Id., XVIII, 169—170 (ноябрь 1781 г.).

[4]. Id., XVIII, 193—199 (декабрь 1781).—Cf. Grimm, XI, 119.

[5]. Grimm, XI, 166 (іюнь 1782).—*Исповѣдь* Руссо, появившаяся

Христофора де Бомонъ, умершаго въ 1781 г., Людовикъ XVI назначилъ шалонскаго епископа Жуинье, бывшаго прежде ярымъ сторонникомъ іезуитовъ. Новый архіепископъ задумалъ потребовать отъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ своей епархіи подчиненія буллѣ Unigenitus, но такое запоздалое усердіе обезпокоило только нѣсколькихъ старыхъ янсенистовъ [1]. Все свидѣтельствовало, что поучающая роль церкви закончилась; философское невѣріе овладѣло самимъ епископатомъ. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ высшаго духовенства, Ломени де Бріеннъ, архіепископъ тулузскій, котораго впослѣдствіи Людовикъ XVI даже призвалъ въ составъ министерства, «смѣялся надъ чудесами, священными предметами и другими смѣшными обрядами», хотя въ тоже время съ большимъ торжествомъ посылалъ герцогу Пармскому «локтевую кость» святаго Ѳомы Аквинскаго [2]. Отказываясь вызывать «религіозный фантомъ» уже исчезнувшій теперь, часть епископовъ перестала заниматься вопросами доктрины, а заботилась только объ управленіи; ихъ называли *прелаты-администраторы* и они считались, какъ тогда говорили, епископами «новой школы [3]».

Графъ де Морепа, оказывавшій на Людовика XVI самое вредное вліяніе своими совѣтами и интригами, умеръ за нѣсколько дней до смерти парижскаго архіе-

въ тотъ же мѣсяцъ, когда была разыграна эта пьеса, была «расхватана». Hardy, V, 178.

[1]. Архіепископъ требовалъ признанія буллы отъ тѣхъ священниковъ, которымъ были поручены проповѣдь и исповѣдь. Онъ запретилъ также женщинамъ, желающимъ поступать въ монастырь, чтеніе сочиненія о. Кенеля. Hardy, V, 196, 236.

[2]. Hardy, V, 76.—Bachaumont, XVIII, 219, 234; XXI, 170—171; XXII, 73. Одно время былъ даже вопросъ о назначеніи его парижскимъ архіепископомъ. Людовикъ XVI возразилъ, что нужно, чтобы это мѣсто было предоставлено человѣку, который еще вѣритъ въ Бога.

[3]. Bachaumont, XXII, 73 и слѣд

пископа [1] и явилась мысль, что Неккеръ будетъ снова призванъ, однако финансы остались въ прежнихъ рукахъ. Между тѣмъ война съ Англіей продолжалась, несмотря на возникшія было надежды на миръ вслѣдствіе французскихъ побѣдъ на морѣ и побѣдъ Вашингтона. Въ виду недостатка средствъ, министерство прибѣгло къ способу, за который такъ упрекали Неккера, и открыло подписку на заемъ на условіяхъ гораздо болѣе тягостныхъ для государства, чѣмъ всѣ займы, сдѣланные прежнимъ директоромъ финансовъ. По поводу этого займа король возобновилъ свои благожелательныя обѣщанія и заявилъ, что, какъ только будетъ заключенъ миръ, онъ будетъ въ состояніи обезпечить своему народу «облегченія, которыя онъ самъ нетерпѣливо желаетъ дать [2]». Эти обѣщанія нисколько не успокоили общество. Начался ропотъ на продолжительность войны, польза которой была малопонятна, а между тѣмъ она уже стоила казначейству болѣе семисотъ милліоновъ [3]; больше же всего роптали на налоги, причиною или предлогомъ которыхъ она была со времени отставки Неккера, и всѣ боялись, чтобы министерство не нашло въ ней основанія для созданія новыхъ.

Этотъ ропотъ обратился «въ уныніе», когда получилось извѣстіе, что значительная часть французскаго флота погибла въ сраженіи близь Гваделупы [4]. Однако ненависть къ Англіи восторжествовала надо всѣмъ, и по-

[1]. Морепа умеръ 21 ноября 1781 г.

[2]. Февральскій эдиктъ 1782 г. См. Gazette de France, годъ 1782, стр. 61—62. Заемъ былъ въ семьдесятъ милліоновъ.

[3]. *Corresp. secr.*, I, 437, 490. Cf. Augeard, 110. 21 января 1783 г., когда предварительныя условія мира были уже подписаны, Метра писалъ: «За исключеніемъ людей и денегъ, мы болѣе ничего не потеряемъ въ эту войну. По крайней мѣрѣ мы на это надѣемся». XIV, 94.

[4]. 12 апрѣля 1782 г. Графъ де Грассъ, командовавшій французскимъ флотомъ, потерялъ въ этой битвѣ 120-пушечный адмиральскій корабль *Городъ Парижъ*, и еще четыре корабля.

всюду началась подписка, которую министерство искусно поддерживало, имѣвшая цѣлью помочь правительству и снабдить его кораблями [1]. Король въ обнародованномъ письмѣ заявлялъ, что, принимая пожертвованія провинцій, городовъ и различныхъ учрежденій королевства, онъ отказывается отъ пожертвованій частныхъ лицъ, «такъ какъ, говорилъ онъ, положеніе финансовъ не вызываетъ необходимости въ такой помощи [2]». Но немедленно послѣ этого появился эдиктъ, устанавливавшій на все продолженіе войны и на три года, слѣдующихъ за заключеніемъ мира, налогъ на имущество въ видѣ третьей *двадцатой* [3]. Поставленный такимъ образомъ своими неблагоразумными министрами въ противорѣчіе съ самимъ собою, Людовикъ XVI какъ бы насмѣхался надъ обществомъ. Противъ правительства стали раздаваться горячія жалобы, всѣ говорили, что отставка Неккера была бѣдствіемъ для Франціи [4]. Само министерство чувствовало позоръ своей непослѣдовательности; оно не рѣшилось прибѣгнуть къ обычному провозглашенію своего эдикта на улицахъ, а ограничилось опубликованіемъ его въ Gasette de France и въ Journal de Paris [5].

Общество находилось еще подъ впечатлѣніемъ этого эдикта, когда объявлено было банкротство принца

[1]. Hardy, V, 168—169, 175 (май-іюнь 1782 г.). Духовенство, собранное въ экстренное собраніе, дало пятнадцать милліоновъ.

[2]. См. это письмо, написанное отъ имени короля государственнымъ секретаремъ Амело, въ Gazette de France, 1782 года, стр. 231.

[3]. Письмо Амело было обнародовано въ іюнѣ 1782 г. Эдиктъ изданъ въ іюлѣ. Новый налогъ исчислялся въ 21 милліонъ; высчитывали, что два су на ливръ должны были дать 30 милліоновъ. Что касается первой *двадцатой*, которая была опредѣлена въ іюнѣ 1749 г., то она во время управленія аббата Террэ сдѣлана была постоянной посредствомъ эдикта, даннаго въ ноябрѣ 1771 г., который въ то же время продолжилъ вторую двадцатую до 1781 г., а за тѣмъ эдиктомъ въ февралѣ 1780 г. она была снова продолжена.

[4]. Bachaumont, XXI, 22—24 (іюнь 1782 г.).—*Corresp. secr.*, I, 491.

[5]. Hardy, V, 190.

де-Роганъ-Гюмене, превышавшее тридцать милліоновъ и захватывавшее интересы болѣе чѣмъ трехъ тысячъ лицъ. Это обстоятельство явилось новымъ источникомъ воплей противъ двора. Кардиналъ де-Роганъ, высшее духовное лицо во Франціи (grand aumônier), говорилъ съ нелѣпымъ тщеславіемъ, «что только одинъ король или одинъ Роганъ могъ быть такимъ великимъ банкротомъ». Высшее дворянство, выражая порицанія, въ то же время радовалось паденію дома, гордая пышность котораго часто коробила его. Король поспѣшилъ объявить дѣло подлежащимъ его суду и приказалъ задержать въ Дижонскомъ замкѣ спѣшившаго уѣхать заграницу принца Гюмене. Всѣ негодовали на эту мѣру, видя въ ней замаскированное средство избавить виновнаго отъ судебной отвѣтственности. Когда принцесса де Рошфоръ, свояченица банкрота, проѣзжала въ каретѣ, она была окружена бунтующимъ простонародьемъ, и съ трудомъ избѣжала его гнѣва. Госпожа де Гюмене, воспитательница королевскихъ дѣтей,—которая, не смотря на обязанности, налагавшіяся на нее столь высокою должностью, не побоялась принять участіе во взяточничествѣ своего мужа,—должна была отказаться отъ занимаемаго ею мѣста и удалиться изъ Парижа. Взгляды выродившагося дворянства лучше всего характеризуются тѣмъ, что первою заботою принцессы Гюмене по пріѣздѣ въ Дижонскій замокъ, гдѣ ея мужъ ежедневно напивался до пьяна, было позвать рабочихъ для постройки тамъ театра [1].

Парламентъ зарегистровалъ третью двадцатую съ тою же покорностью, съ какою онъ зарегистровалъ налогъ въ два су на ливръ [2]. Провинціальные парламенты, относившіеся съ большею заботливостью «къ интересамъ на-

[1]. Hardy, V, 218, 228, 237.—Bachaumont, XVI, 155—156, 161, 167, 173, 185, 215 (24—25) (сентябрь-декабрь 1782 г.).

[2]. Однако онъ сдѣлалъ представленія, но «съ огорченіемъ всѣ видѣли, что эти представленія очень условны и представляютъ лишь одну формальность». Hardy, V, 190.

рода», чѣмъ парижскій, начали волноваться [1]. Безансонскій парламентъ, зарегистровавшій два су на ливръ только съ нѣкоторыми ограниченіями, отвергъ третью двадцатую и составилъ ремонтрансы; но прежде чѣмъ послѣдніе дошли до короля, губернаторъ города, по приказу министерства, явился въ парламентъ и потребовалъ, чтобы тотъ и другой эдикты были зарегистрованы во всей ихъ цѣлости. Магистраты протестовали и, поддерживая свои первоначальныя постановленія, заявили, «что совершенно безполезно присылать къ нимъ эдикты съ тѣмъ, чтобы немедленно затѣмъ лишать права провѣрки ихъ; что безъ этого священнаго права провѣрки, основаннаго на свободѣ націи, истина не дойдетъ до престола; что монархъ *управляетъ законами*» и что люди, которымъ онъ ввѣрилъ власть, должны, какъ всѣ остальные граждане, уважать законъ [2].

Безансонскому парламенту грозило уничтоженіе и въ Версаль была вызвана депутація отъ непокорнаго собранія [3]. Депутаты привезли вмѣстѣ съ своими регистрами образецъ овсянаго хлѣба, какъ свидѣтельство разоренія, до котораго было доведено сельское населеніе. Король не позволилъ магистратамъ высказать свои жалобы; онъ сдѣлалъ имъ выговоръ за ихъ неподчиненіе, указалъ имъ, что они вышли изъ предѣловъ своихъ правъ, прибавилъ, что «все, что дѣлается его именемъ, дѣлается по его приказу» и повелѣлъ занести въ ихъ регистры всѣ недавніе указы. Но уже прошло то время, когда послѣднее слово принадлежало королевской власти. По возвращеніи депутаціи безансонскій парламентъ сдѣлалъ по-

[1]. Особенно парламенты въ Бордо, Руанѣ и Безансонѣ. Hardy, V, 197 (августъ 1782 г.).

[2]. Bachaumont, XXI, 117—119, 123—124 (37—50) (сентябрь-декабрь 1782).

[3]. Слухъ объ оказанномъ сопротивленіи дошелъ до Парижа; настроеніе преувеличило его и разсказывали, что магистраты воспретили сборъ новыхъ налоговъ *подъ страхомъ смерти*. Hardy, V, 225 (20 октября 1782 г.).

становленіе, что такъ какъ магистратура приведена въ совершенное безсиліе и народъ остается «безъ истолкователя его нуждъ и безъ помощи» вслѣдствіе дѣйствій министровъ, презирающихъ законъ, то онъ требуетъ для Франшъ-Конте созванія провинціальныхъ штатовъ, а для всего королевства созванія *Генеральныхъ Штатовъ* [1]. Это постановленіе состоялось 17 февраля 1781 г. Такимъ образомъ въ первый же разъ, какъ Людовикъ XVI обратился къ деспотическимъ пріемамъ своего дѣда, были формулированы требованія, которыя по своимъ послѣдствіямъ вели прямо къ революціи.

Обвиненія, высказанныя безансонскимъ парламентомъ противъ министровъ, имѣли достаточныя основанія. Со времени вступленія на престолъ Людовика XVI менѣе чѣмъ когда нибудь считались съ правами магистратуры, и законы, хотя въ болѣе мягкихъ формахъ, во многихъ отношеніяхъ нарушались еще чаще, чѣмъ при Людовикѣ XV. Но при этомъ нарушались права не одной только магистратуры. Въ то время, какъ Безансонскій парламентъ сдѣлалъ свое памятное постановленіе, въ Парижѣ ходили переписанныя копіи письма, посланнаго королю штатами Бретани, въ которомъ послѣдніе, указывая на то, что въ этой провинціи ни одинъ налогъ не можетъ быть введенъ безъ ихъ согласія, говорили, что «всѣ установленныя формы» въ этомъ отношеніи были «нарушены» министрами, что обсужденіе «потеряло всякій признакъ свободы» и что, вопреки наиболѣе установившимся и уважаемымъ традиціямъ, они стали теперь «только призракомъ» [2]. Штатамъ, какъ и безансонскому парламенту, грозило «уничтоженіе» и даже былъ уже готовъ эдиктъ, превращавшій Бретань въ провинцію, управлявшуюся на общемъ основаніи (en généra-

[1]. Bachaumont, XXII, 36, 39—40, 195—196, 294—296.

[2]. Id., XXII, 78—80 (февраль 1783).—Cf. XXI (69—70, 73—76)—Cf. Hardy, V, 246—247.

lité)[1]. Въ свою очередь и парижскому парламенту дано было почувствовать, что ему не позволятъ безнаказанно выйти изъ его обычной покорности. Возвратясь къ сознанію своего долга, онъ недружелюбно встрѣтилъ списокъ эдиктовъ о налогахъ», сообщенной ему Жоли де Флери[2]. Тотчасъ же распространился слухъ, что правительство намѣрено уменьшить кругъ вѣдомства парламента, учредить либо высшіе совѣты, либо новые парламенты въ Турѣ и Пуатье, и возобновить противъ него систему насилій канцлера Мопу[3].

Этими произвольными мѣрами и неблагоразумными угрозами министерство въ концѣ концовъ возбудило въ магистратурѣ духъ сопротивленія и патріотизма. По почину безансонскихъ совѣтниковъ стала образовываться конфедерація различныхъ парламентовъ королевства. Болѣе важная по своимъ задачамъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе преслѣдующая частные ингересы, чѣмъ такія же конфедераціи, образовывавшіяся при Людовикѣ XV,—она стремилась къ иной цѣли, чѣмъ возвращеніе магистратурѣ ея прежняго вліянія. Понимая, быть можетъ не безъ сожалѣнія, что «они не могли сами по себѣ возстановить власть, которую потеряли», — парламенты рѣшились возвратиться *къ великимъ принципамъ* и потребовать «единодушнымъ крикомъ» созванія Генеральныхъ Штатовъ[4]. Книга Мирабо «Lettres de cachet», появившаяся въ это же время[5], придала новую силу этимъ идеямъ. Въ этомъ сочиненіи Мирабо не огра-

[1]. Bachaumont, XXIV, 81.—Терминъ *généralités* примѣнялся къ провинціямъ, подчинявшимся въ отношеніи налоговъ генеральному интенданту финансовъ; тѣ же провинціи, которыя имѣли право сами вотировать налоги, назывались *pays d'États*.

[2]. *Corresp. secr.*, I, 504, 508.

[3]. Этотъ слухъ нѣсколько разъ возобновлялся въ теченіи 1783 г., въ мартѣ, въ октябрѣ и въ ноябрѣ. Hardy, V, 286, 369, 376.

[4]. Bachaumont, XXIV, 106—107 (іюль-декабрь 1783 г.).

[5]. Id., XXII, 65 (январь 1783).—Hardy, 324—225 (конецъ іюля 1783 г.).

ничился краснорѣчивыми протестами противъ произвольныхъ арестовъ и доказательствомъ во имя исторіи и права того, что ни одинъ гражданинъ не можетъ быть задержанъ иначе, какъ только въ силу судебнаго рѣшенія, но, исходя изъ исключительно политическихъ соображеній, онъ стремился доказать, что деспотизмъ въ государствѣ не зависитъ только отъ личнаго характера государя, но отъ отсутствія и недостаточности законовъ; что Франція, какъ страна, неимѣющая дѣйствительной конституціи, въ силу одного этого обстоятельства, есть государство деспотическое; что даже тогда, когда ея королемъ будетъ государь, желающій быть отцомъ своего народа, она все таки будетъ оставаться въ рабствѣ, и что, наконецъ, «не можетъ быть середины между абсолютною властью деспотизма и абсолютною властью законовъ» [1].

Происшедшіе внѣшніе признаки перемѣны поведенія правительства и общее удовольствіе, вызванное заключеніемъ мира съ Англіею въ сентябрѣ 1783 г., успокоили зарождавшееся броженіе. Тотчасъ же по подписаніи предварительныхъ условій, т. е. въ началѣ года, правительство распорядилось напечатать и «распространить возможно болѣе» уставъ объ управленіи финансами, въ которомъ было сказано, что, желая, чтобы народъ вкусилъ блага мира, оно намѣрено немедленно приступить къ изысканію средствъ для отмѣны части налоговъ [2].

[1]. *Des Lettres de cachet et des prisons d'Etat.* Ed. 1820, in—8°, гл. VIII, 165, 169, 174, 185.

[2]. Этотъ регламентъ помѣченъ 26 февраля 1783 г. Имъ учреждался финансовый комитетъ, который вѣдалъ всѣ дѣла фиска. Общество одобряло это нововведеніе, полагая, что Совѣтъ будетъ болѣе чѣмъ одинъ министръ въ состояніи сопротивляться требованіямъ людей, близкихъ ко двору. Но этотъ комитетъ, учрежденный въ сущности только для удовлетворенія честолюбія нѣкоторыхъ, просуществовалъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Hardy, V, 340.—Bachaumont, XXII, 137, 141—148 г.—Besenval, II, 121.—Ségur, II, 8, 16.—Isambert, XXVII, 256—257. Cf. Métra, XIV, 130.

Отставка Жоли де Флери казалось подтверждала эти обѣщанія [1]. На его мѣсто король назначилъ молодого государственнаго совѣтника д'Ормессона, для котораго былъ возстановленъ титулъ генеральнаго контролера. Хотя онъ не имѣлъ достаточнаго навыка въ финансовыхъ дѣлахъ, но пользовался репутаціею честнаго и трудолюбиваго человѣка [2]. Отъ начала царствованія Людовика XVI это былъ седьмой администраторъ, поставленный во главѣ финансовъ [3].

Общество было обезпокоено этими постоянными смѣнами министровъ, указывавшихъ на отсутствіе опредѣленныхъ взглядовъ у правительства и на его колебанія [4]. Д'Ормессонъ былъ назначенъ 1 апрѣля 1783 г.; но многіе предсказывали, что къ концу года онъ *будетъ безъ мѣста* [5]. Дѣйствительно уже въ ноябрѣ того же года онъ оставилъ свою должность генеральнаго контролера [6]. Поставленный въ затруднительное положеніе расходами, которые онъ не имѣлъ силы сдерживать, обязанный удовлетворять расточительность самаго короля, который, забывъ о своемъ намѣреніи быть экономнымъ, купилъ Рамбулье за четырнадцать милліоновъ, хотѣлъ заплатить долги своихъ братьевъ и оказать помощь князю Гюмене,

[1]. Bachaumont, XXII, 217—219.— Жоли де Флери оставилъ должность 29 марта 1783 г.

[2]. Besenval, II, 129.

[3]. Шестью предшественниками д'Ормессона были: аббатъ Террэ, Тюрго. Клюньи. Табуро, Неккеръ и Жоли де Флери.

[4]. Это тревожило еще и потому, что частыя перемѣны являлись источникомъ расходовъ казначейства, такъ какъ каждый министръ, уходя, получалъ большую пенсію. Жоли де Флери вышелъ въ отставку съ пенсіей въ 50,000 ливровъ. изъ которыхъ 20,000 были пенсіей въ собственномъ смыслѣ, а 30,000 жалованьемъ. Bachaumont. XXII, 230—235.—Hardy, V, 290.

[5]. Уже въ маѣ ходили слухи объ его отставкѣ. Hardy, V, 240.—Bachaumont, XXII, 253, 313.

[6]. 2-го ноября 1783 г. Въ теченіе своего короткаго временнаго управленія онъ сдѣлалъ два займа, каждый по 24 милліона; первый —въ апрѣлѣ, а второй въ октябрѣ.

д'Ормессонъ сдѣлалъ секретный заемъ въ учетной кассѣ, созданной Тюрго и сохраненной Неккеромъ. Секретъ открылся и владѣльцы билетовъ направились массами въ кассу, которая вскорѣ была не въ состояніи производить обратную выдачу вкладовъ. Д'Ормессонъ разрѣшилъ ей прекратить уплату, чѣмъ только увеличилъ тревогу, Всѣ женщины стали носить шляпы «à la caisse d'escompte», которыя дѣлались безъ дна (sans fonds) [1]. Эта неудачная операція молодого генеральнаго контролера была только внѣшнею причиною немилости къ нему. *Четыре угла королевы* [2] соединились противъ д'Ормессона и указывали королю, что онъ не можетъ держать министра, обнаружившаго «такую глупость». Въ дѣйствительности же онъ долженъ былъ удалиться потому, что, кромѣ неспособности, онъ обнаружилъ еще патріотизмъ и хотѣлъ отклонить короля отъ неосновательныхъ расходовъ и противился неотступнымъ просьбамъ придворныхъ, разорительныя требованія которыхъ дѣлали изъ королевскаго казначейства «бочку Данаидъ» [3].

«Недостойные» люди, низвергнувшіе д'Ормессона, понудили слабаго Людовика XVI назначить министромъ человѣка, соотвѣтствующаго ихъ видамъ, который давно уже «нюхалъ» главное контролерство. Это былъ валансіенскій контролеръ, Калоннъ,—котораго графъ Морепа, самъ не отличавшійся совѣстливостью, называлъ безумцемъ, дырявою корзиною, задолжавшимъ «и Богу и дьяволу»,—человѣкъ безнравственныхъ правилъ и запятнанный въ общественномъ мнѣніи, но умный, любезный, плѣнительный, смѣявшійся надъ затрудненіями и обнаруживавшій въ аффератъ ловкость, въ которой, по сло-

[1]. Bachaumont, XXIII, 213—239 (сентярь-октябрь 1783).—Métra, XV, 167.

[2]. Такъ называли четыре большихъ семьи, пользовавшихся наибольшимъ значеніемъ при дворѣ: Полиньяки, Водрейли, Гиши и Перигоры.

[3]. Hardy, V, 376.—Bachaumont, XXIII, 284—285.

вамъ его льстецовъ, были «искры геніальности» [1]. Своею угодливостью онъ оправдалъ ожиданія тѣхъ, кто указалъ на него. Онъ уплатилъ долги братьевъ короля; чтобы дать князю Гюмене возможность удовлетворить своихъ кредиторовъ, онъ купилъ у него за баснословную цѣну имѣніе Лоріанъ и купилъ замокъ Сенъ-Клу для королевы, давно желавшей пріобрѣсти его; увеличилъ пенсіи, удвоилъ жалованья и широко раздавалъ деньги придворнымъ и женщинамъ [2], но при этомъ не забывалъ и себя. При первомъ же свиданіи съ королемъ онъ признался ему, что у него двѣсти двадцать тысячъ ливровъ долгу, который уже взыскивается. «Генеральный контролеръ, прибавилъ онъ при этомъ, можетъ легко найти средства раздѣлаться съ ними, но я предпочитаю быть во всемъ обязаннымъ добротѣ вашего величества». Людовикъ XVI немедленно вынулъ изъ своего бюро двѣсти тридцать тысячъ ливровъ въ акціяхъ парижской водопроводной компаніи и передалъ ихъ Калонну, который, однако, удержалъ ихъ у себя и нашелъ другое средство избавиться отъ своихъ долговъ [3].

Назначеніе Калонна обезпокоило общество, которое боялось съ его стороны дѣйствій à la Terray [4], но онъ очень заботился о своей популярности, чтобъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыя уже заранѣе были осуждены. Онъ началъ съ увольненія изъ контроля многихъ чиновниковъ, лихоимство которыхъ было слишкомъ извѣстно [5]. Когда,

[1]. Hardy, V, 376.—Augeard, 107.—Bachaumont, XXIII 285—286. Калоннъ былъ назначенъ генеральнымъ контролеромъ 3 ноября 1783 г. Слова *искры генія* были произнесены въ рѣчи, обращенной къ Калонну первымъ президентомъ счетной палаты, 13 ноября. Bachaumont, XXIV, 67. См. на слѣд. стр. примѣч. 4.

[2]. Ségur, II, 16—17, 26.

[3]. Monthion, *Particularités sur les ministres des finances,* стр. 279, цитируемый Анри Мартэномъ въ его Hist. de France, XVI, 540 Долги Калонна опредѣлялись въ 700,000 ливровъ.

[4]. Hardy, V, 377.

[5]. Bachaumont, XXIII, 334—335 (ноябрь 1783). Онъ поста-

согласно обычаю, онъ отправился для принесенія присяги въ счетную палату, онъ произнесъ тамъ рѣчь, которая была потомъ опубликована и распространена; она отличалась самымъ горячимъ патріотизмомъ [1]. Онъ успокоилъ парламенты относительно ограниченія ихъ правъ [2] и помѣшалъ приведенію въ исполненіе мѣръ противъ Штатовъ Бретани [3]. Вмѣсто новыхъ налоговъ, которые возбудили бы ропотъ, онъ подъ видомъ лотереи устроилъ заемъ въ сто милліоновъ на такихъ выгодныхъ для заимодавцевъ условіяхъ, что получилъ сумму, превышающую ту, которую желалъ; когда же наступило время перваго тиража, онъ уплатилъ сполна всѣ выигрыши [4]. Дѣлая видъ, что желаетъ посвятить всѣ средства государства для благополучія и величія страны, Калоннъ немедленно послѣ вступленія въ министерство предпринялъ важныя общественныя работы въ Парижѣ и во

рался также снабдить учетную кассу средствами для расчета съ вкладчиками и такимъ образомъ разсѣялъ безпокойство, вызванное его предшественникомъ. Hardy, V, 393 (декабрь 1783).—Bachaumont, XXIII, 350—352; XXIV, 86—87.

[1]. Отвѣтная рѣчь перваго президента не менѣе интересна. Въ ней встрѣчаются слова «искры генія», относящіяся къ Калонну. Генеральный контролеръ, отправившій въ счетную палату копію своей рѣчи, любезно просилъ прислать ему въ обмѣнъ рѣчь перваго президента. Этотъ магистратъ отвѣчалъ: «Палата сохранитъ вашу рѣчь, какъ образецъ гармоническаго и мужественнаго краснорѣчія, какъ произведеніе, дышащее патріотизмомъ и обнаруживающее государственнаго человѣка. Посылая свою, я очень опасаюсь представить вамъ лишь эскизъ вмѣсто великолѣпной картины; мнѣ слѣдовало бы прежде, чѣмъ отвѣчать вамъ, перечитать вновь Гомера и Боссюэта». См. A. de Boislisle, *Chambre des comptes*, 1873, стр. 723—725.

[2]. Ségur, II, 18.

[3]. Bachaumont, XXIV, 82 (декабрь 1783).

[4]. Этотъ заемъ былъ объявленъ въ концѣ декабря 1783 г. Выпущено было сто тысячъ билетовъ и надлежало до полнаго погашенія его уплатить десять тысячъ выигрышей. Первый тиражъ былъ въ октябрѣ 1784 г. Hardy, VI, 14.—Besenval, II, 150.

всѣхъ главнѣйшихъ городахъ [1]. Онъ учредилъ кассу погашенія, съ помощью которой, какъ онъ говорилъ, можно будетъ погасить весь долгъ въ теченіи двадцати пяти лѣтъ [2]. Смѣло расточая увѣренія, долженствовавшія внушить всѣмъ увѣренность въ будущемъ, онъ сталъ считаться человѣкомъ, нашедшимъ тайну обогащенія государства. Даже въ первыхъ своихъ эдиктахъ онъ говорилъ о своихъ планахъ улучшенія дѣлъ такимъ убѣжденнымъ тономъ и такъ возвѣщалъ о счастливыхъ результатахъ ихъ, что можно было сказать, что съ нимъ началась новая эра въ финансахъ страны [3].

Сначала, кромѣ придворныхъ сферъ, никто не зналъ о всѣхъ расходахъ, которые дѣлалъ Калоннъ; еще меньше знали о тѣхъ способахъ, посредствомъ которыхъ онъ могъ ихъ производить и которыми онъ въ теченіи трехъ лѣтъ довелъ Францію до разоренія. Только позже узнали ту массу секретныхъ пріемовъ и даже обмановъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ своей гибельной системѣ предварительныхъ позаимствованій и что только по одному этому поводу онъ переплатилъ въ одинъ годъ около тридцати милліоновъ процентовъ. Но нѣкоторое время деньги шли изъ казначейства, какъ изъ неизсякаемаго источника, и, подымая повсюду кредитъ, казалось разносили вездѣ богатство и жизнь. Общество и даже парламенты были поражены и ослѣплены [4]. При дворѣ, откуда теперь были наконецъ изгнаны слова экономія и реформа,—всѣ были очарованы. Баронъ-де Тальеранъ говорилъ: «я былъ убѣжденъ, что благополучіе государства

[1]. Bachaumont, XXVI, 75, 141 (іюнь-іюль 1784).

[2]. Августъ 1784 г. Isambert, XXVII, 464—469. Cf. Hardy, V, 495. Нечего и говорить, что эта касса существовала только на словахъ.

[3]. См. въ Gazette de France, 1783—84, эдиктъ, которымъ устанавливался заемъ въ 100 милліоновъ, и эдиктъ, учреждавшій кассу погашенія.

[4]. «Парламенты, говоритъ Сегюръ, общество и рѣшительно всѣ были ослѣплены».

будетъ дѣломъ этого человѣка; но я никогда не думалъ, чтобы онъ сдѣлалъ все это такъ быстро» [1]. Людовикъ XVI, который съ большею неохотою назначилъ Калонна, называлъ его теперь не иначе, какъ «своимъ дорогимъ генеральнымъ контролеромъ» [2].

Во всемъ этомъ внезапномъ и кажущемся преуспѣяніи въ дѣйствительности все было фиктивно. Какъ только миръ былъ заключенъ, дѣла, бывшія до тѣхъ поръ вялыми, естественно немедленно же оживились [3]. Съ другой стороны, независимость Америки, открывая новые пути торговлѣ и промышленности, дала имъ внезапный толчекъ [4]. Наконецъ жатвы въ 1784 и 1785 гг. оказались во всѣхъ отношеніяхъ превосходными,—все это были обстоятельства, сильно помогавшія Калонну и содѣйствовавшія его смѣлости. Молодой графъ Сегюръ, возвратясь съ войны въ Америкѣ, нашелъ королевство въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, а парижское общество столь одушевленнымъ и блестящимъ, «что, не будучи одареннымъ печальнымъ даромъ пророчества, не возможно было, говоритъ онъ, предвидѣть близость той пучины, въ которую насъ влекъ быстрый потокъ событій» [5].

И дѣйствительно, если что могло въ то время ввести въ обманъ относительно будущаго, такъ это тогдашній моментъ царствованія Людовика XVI. Обманутая относительно состоянія своихъ финансовъ, довольная миромъ, полная гордою радостью достигнутымъ униженіемъ Англіи и занявъ въ Европѣ положеніе, кото-

[1]. Ségur, II, 26.

[2]. Эта фраза разнеслась по Парижу и когда общество стало прозрѣвать что такое Калоннъ, то стали говорить, что дѣйствительно генеральный контролеръ *дорогъ* для Франціи.

[3]. Métra въ своей *Перепискѣ* писалъ 20 февраля 1783 г.: «Наступленіе мира оживитъ дѣятельность торговли и промышленности. Да и пора». XIV, 144.

[4]. Ségur, II, 7, 8.

[5]. Id., II, 27; cf. *Мемуары* графа Beugnot, I, 63, 2-е изд. 1876 и *Мемуары* Malouet, I, 76.

рое было утеряно неудачами семилѣтней войны, управляемая благодушнымъ королемъ, Франція на первый взглядъ казалась вкушавшею прелести гражданственности, обусловленной прогрессомъ идей [1]. Хотя привилегіи продолжали существовать, но на дѣлѣ всѣ классы общества сближались и различія между ними сглаживались; вѣра хотя и погасла, но вмѣсто нея установилось терпимость; писали и говорили обо всемъ совершенно свободно. Въ отвѣтъ на книгу Мирабо о *Приказахъ объ арестахъ* (lettres de cachet) которая нѣсколько лѣтъ назадъ была бы несомнѣнно осуждена на сожженіе, правительство распорядилось очистить венсеннскія башни, куда «весь Парижъ» ходилъ смотрѣть на отвратительные слѣды «прежняго варварства» [2]. Повсюду, подъ вліяніемъ толчка, даннаго министерствомъ, основывались полезныя учрежденія [3]. Казалось, что всѣ были какъ бы «опьянены филантропіей» [4]. Въ суровую зиму 1784 г. благотворительность въ отношеніи бѣдныхъ проявилась въ безпримѣрной до того степени [5]. Одновременно съ аббатомъ де л'Епе, получившимъ поддержку правительства для дѣла, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь [6], его подражатель Валентинъ Гайю (Найу) создалъ *институтъ* для слѣпыхъ [7]. Никогда еще народъ

[1]. Извѣстны слова Талльерана: «Кто не жилъ до 1789 г., тотъ не знаетъ прелести жизни». Cf. Beugnot, I, 54—55.

[2]. Hardy, V, 498.—Bachaumont, XXV, 22, 67; XXVI, 252—254.

[3]. Bachaumont, XXV, 345; XXVI, 75, 140—142, 176 и слѣд.

[4]. Ségur, II, 61.

[5]. Bachaumont, XXV, 83—200 (январь-мартъ 1784).

[6]. Въ 1784 г. аббатъ де л'Епе обнародовалъ свое сочиненіе *Истинный способъ обученія глухо-нѣмыхъ*. Постановленіемъ Совѣта отъ 25 мая 1785 г., король перевелъ къ Целестинцамъ заведеніе аббата де л'Епе, которое до тѣхъ поръ послѣдній содержалъ на свой счетъ, и обезпечилъ за нимъ доходъ изъ имуществъ целестинцевъ въ размѣрѣ 3500 ливровъ въ годъ. Гарди уже съ 1779 г. выражалъ сожалѣніе по поводу равнодушія правительства къ столь полезному дѣлу. IV, 130.

[7]. Институтъ для слѣпыхъ былъ учрежденъ въ 1784 г.

не былъ предметомъ такой заботливости. Епископы учреждали во всѣхъ епархіяхъ школы акушерства [1]. Устанавливались награды для кормилицъ, которымъ начальникъ полиціи въ Парижѣ раздавалъ золотыя медали [2], а въ провинціяхъ интенданты руководили сельскими праздниками, на которыхъ при крикахъ «да здравствуетъ король» раздавались награды за земледѣліе [3]. Повсемѣстно устанавливались награды за трудъ или для возданія чести добродѣтели [4]. Какъ бы ни было велико въ такомъ настроеніи умовъ вліяніе моды, все же оно служитъ указаніемъ на гуманныя идеи, проникавшія въ общество, и не только нельзя было предвидѣть близости эпохи насилій и ненависти, но все давало право надѣяться, что наступила заря тѣхъ счастливыхъ дней, о которыхъ мечтали философы.

Неожиданныя открытія, изумительныя новшества, овладѣвая воображеніемъ, закрывали признаки близкой катастрофы. Изобрѣтеніе аеростатовъ, которыхъ публика увидѣла въ 1784 г., произвело необычайное впечатлѣніе. Полагали, что человѣкъ сдѣлался властелиномъ воздуха. Князья, знатные дворяне, аббаты, магистраты,—всѣмъ вскружило голову это новое открытіе; сами министры зажигали огонь подъ монтгольфьерами [5]. Когда воздухоплаватель Бланшаръ перелетѣлъ на воздушномъ шарѣ Ла Маншъ и французское знамя развѣвалось нѣкоторое время надъ Англіею, это вызвало невѣроятный взрывъ восторга въ Парижѣ и всѣ стали говорить не болѣе не менѣе, какъ о такомъ же переѣздѣ черезъ Атлантическій океанъ [6]. Въ Кале, гдѣ опустился смѣлый аеронавтъ,

[1]. Bachaumont, XXVII, 79 (декабрь 1784).

[2]. Id., XXVII, 75 (декабрь 1784); XXVII, 84—85 (январь 1785).

[3]. Id., XXVI, 124 (іюль 1784).

[4]. Id., XXV, 249, 314; XXVI, 124, 179 (май-августъ 1784). «Основываютъ преміи за всѣ роды добродѣтели». Id., XXVIII, 11.

[5]. Id., XXVI, 85, 92, 101—102, 110 117, 138—139 (іюнь-іюль 1784).

[6]. Id., XXVIII, 29 (январь 1785).

на башнѣ былъ поднятъ флагъ города, а самый шаръ внесенъ въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ сохраняться на вѣчное время. Всѣ считали, что живутъ «въ вѣкѣ чудесъ» [1] и слово *невозможно* казалось несуществующимъ болѣе для французовъ [2]. Одновременно съ тѣмъ, какъ стали летать по воздуху, дѣлались попытки ходить по водѣ [3]. Изготовлялись «говорящія головы [4]», искуственныя птицы, летавшіе по воздуху [5], утки, принимавшія пищу. Месмеризмъ, съ своей стороны, производилъ фуроръ; надѣялись, что въ магнетизмѣ найдено средство противъ всѣхъ болѣзней [6]. Мущины, женщины, дѣти,—всѣ магнетизировали [7]. Вокругъ месмеровскаго чана толпилась масса людей и происходили такія же чудеса, какія нѣкогда творились на могилѣ «г-на Пари» [8]. Однажды одинъ монахъ, говоря проповѣдь въ церкви, замѣтилъ, что какая то женщина упала отъ слабости; онъ немедленно оставилъ кафедру и тутъ же, въ церкви, принялся ее магнетизировать [9]. Встрѣчались адвокаты, которые устраивали «чаны» даже въ своихъ пріемныхъ кабинетахъ [10]. «По истинѣ, пишетъ Сегюръ, когда я вспоминаю эту эпоху обманчивыхъ мечтаній и ученаго безумія, я могу сравнить состояніе, въ которомъ мы находились, съ состояніемъ человѣка, стоящаго на высокой башнѣ, у ко-

1. Bachaumont, XXIV, 77, 102.

2. Ségur, II, 40.

3. Bachaumont, XXIX, 251, 279; XXX, 109 и слѣд.

4. Знаменитая м-мъ де Ламоттъ имѣла въ своемъ салонѣ такую птицу, какъ это видно изъ документовъ имѣющихся въ *процессѣ объ ожерельи.*

5. Ségur, II, 27—28.

6. Bachaumont, XXVI, 256, 258 (сентябрь 1784).

7. Id., XXV, 254 (апрѣль 1784).

8. Id., XXV, 294. Знаменитый янсенистъ, котораго многіе послѣдователи считали святымъ и на могилѣ котораго происходили чудеса, привлекавшія массу народа. См выше, кн. II.

9. Id., XXV, 258—259 (апрѣль 1784); cf. XXVI, 304, 310—312.

10. Id., XXXI, 202.

тораго при видѣ безконечнаго горизонта, открывающагося передъ нимъ, дѣлается головокруженіе, предшествующее за нѣсколько мгновеній ужасному паденію [1]».

Не менѣе удивительны были и научныя завоеванія того времени. Лавуазье открылъ составъ воды, Ла Перузъ приготовлялся къ путешествію для открытія новыхъ путей въ еще неизслѣдованныхъ областяхъ земнаго шара. Увлеченный этою лихорадкою всего новаго, опьяненный всѣми этими чудесами, наполненный филантропическими химерами, умъ французовъ потерялъ подъ собою почву. Воображеніе развилось на счетъ разума и у образованныхъ людей мечты замѣнили дѣйствительность. Приближался моментъ, когда вмѣстѣ со всѣми этими вѣчными, великими, благородными и гуманными идеями французы перенесли въ область политики тѣже иллюзіи, то же головокруженіе и думали, что условія, существующія въ обществѣ, могутъ также быстро измѣниться, какъ, казалось, измѣнились вокругъ ихъ всѣ условія жизни [2]. Еще одно нововведеніе, относящееся къ этой же эпохѣ, подготовило ораторовъ, которые вскорѣ съ высоты трибуны должны были заговорить для Франціи и всей Европы. Въ концѣ 1783 г. и особенно въ 1784 стали основываться *клубы* [3]. Сначала въ нихъ собирались либо съ благотворительными цѣлями, либо исключительно, чтобы пообѣдать, поиграть и почитать газеты. Это нововведеніе быстро вошло въ моду; повсюду въ Парижѣ появились клубы, общества, лицеи, музеи [4]. Эти кружки, въ которыхъ собирались только мущины, уничтожили значеніе салоновъ, въ которыхъ до сихъ поръ царили женщины.

[1]. Ségur, II, 28.

[2]. Подъ впечатлѣніемъ тѣхъ же иллюзій Кондорсе написалъ впослѣдствіи (1793) свой *Очеркъ прогресса человѣческаго ума,* въ которомъ, предсказывая человѣку болѣе блестящую и продолжительную жизнь, сожалѣетъ, что не можетъ обѣщать ему безсмертія.

[3]. Bachaumont, XXIII, 46; XXV, 301 (іюль 1783—апрѣль 1784). Hardy, VI, 60 (февраль 1785).

[4]. Bachaumont XXVIII, 29; XXIX, 193 (январь-августъ 1785).

Одни изъ ихъ превратились просто въ игорные дома [1], тогда какъ другіе сдѣлались чѣмъ то вродѣ академій, гдѣ читались лекціи, говорились рѣчи и гдѣ вскорѣ стали заниматься политикой [2]. Провинція подражала Парижу. Въ Реннѣ образовался кружокъ подобнаго рода подъ именемъ *Бретонскаго патріотическаго Общества*. Великосвѣтскія дамы, входившія въ него, желали, чтобы ихъ называли «гражданками», а въ залѣ засѣданій была поставлена трибуна, украшенная надписями, самое же залу назвали громкимъ именемъ—*Храмъ Отечества* [3].

Такимъ образомъ для самого тогдашняго общества, полагавшаго, что оно идетъ къ полному широкихъ обѣщаній будущему, всѣ старыя учрежденія и всѣ принципы, на которыхъ держалось прошлое, казались ничѣмъ инымъ, какъ смѣшными заблужденіями. *Свадьба Фигаро,* которую стали давать въ это время и въ которой авторъ съ безпримѣрною смѣлостью поносилъ «великихъ міра, ихъ нравы, невѣжество и низость, въ которой онъ смѣялся надъ министрами и Бастиліей», возбуждала неистовые «браво [4]». Самые важные люди, не только не протестовали противъ тѣхъ убійственныхъ чертъ, которыми авторъ ихъ рисовалъ, но сами давали сигналъ рукоплесканіямъ. Они сами выхлопотали у короля разрѣшеніе на представленіе пьесы, которую онъ, поступая благоразумнѣе ихъ, до сихъ поръ запрещалъ. Такимъ образомъ всѣ старыя общественныя формы падали среди общаго смѣха, пока не были окончательны разбиты революціею.

Церковь, такъ долго возбуждавшая противъ себя

[1]. Bachaumont, XXVIII, 146 (февраль 1785).

[2]. Ségur, II, 32.

[3]. Bachaumont, XXVI, 70—71 (іюнь 1784).

[4]. Grimm, XII, 104—114. Въ первый разъ эта пьеса была дана въ театрѣ Французской Комедіи 27 апрѣля 1784 г. и затѣмъ выдержала съ неслыханнымъ успѣхомъ одно за другимъ шестьдесятъ восемь представленій. Во время перваго представленія «весь Парижъ» былъ съ утра въ театрѣ; «голубые шнурки» толкались тамъ вмѣстѣ съ «савоярами».

злобу и страсти, теперь уже казалась какимъ то призракомъ, достойнымъ только насмѣшки. Когда король приказалъ прелатамъ, собравшимся въ большомъ числѣ въ Парижѣ, куда ихъ влекла жажда удовольствій, возвратиться въ свои епархіи, во всѣхъ салонахъ читались стихи подъ заглавіемъ Adieux des évques aux filles impures [1]. Пастырское посланіе парижскаго архіепископа, изданное имъ въ февралѣ 1785 г. для разрѣшенія употребленія въ пищу яицъ во время великаго поста, но въ которомъ онъ возставалъ противъ развращающаго вліянія сочиненій Вольтера и Свадьбы Фигаро, также подало поводъ къ шуткамъ и куплетамъ. Повидимому самъ прелатъ сознавалъ безполезность своихъ замѣчаній. Говоря объ изданіи Сочиненій Вольтера, которое онъ клеймилъ, какъ «памятникъ скандала» и какъ «дѣло тьмы», онъ грозилъ по этому поводу «громами церкви, но потомъ, послѣ этого quos ego...., онъ, вдругъ перемѣняя тонъ, предсказываетъ болѣе ясные дни и кончаетъ разрѣшеніемъ ѣсть яйца во время поста [2].

Среди этого смѣха и самообмана приближалась развязка. Въ январѣ 1785 г. Калоннъ объявилъ новый заемъ въ сто двадцать пять милліоновъ, условія котораго были для подписчиковъ на него еще болѣе выгодны, чѣмъ условія предыдущаго займа и обезпечивали имъ по истеченіи двадцати пяти лѣтъ удвоеніе капитала. На этотъ разъ парламентъ считалъ себя обязаннымъ протестовать; съ своей стороны представила ремонтронсы и Счетная палата. Парламентъ заявлялъ королю, что еще не было примѣра займа, заключеннаго съ платежемъ такихъ громадныхъ процентовъ, и что, не смотря на обѣщанія, высказанныя въ эдиктахъ, долгъ видимо увеличивается.

[1]. Hardy, VI, 37 (декабрь 1784). Даже послѣ этого приказа въ Парижѣ оставалось еще сорокъ епископовъ. По этому поводу было выпущено якобы *Прошеніе парижскихъ дѣвицъ* къ министерству. Bachaumont, XXVII, 115; XXVIII, 98—106.

[2]. Hardy, VI, 66—68.—Bachaumont, 149, 157—156.

Кромѣ того онъ рѣшился высказать жалобу на то, что часть государственныхъ доходовъ идетъ на уплату издержекъ графа Прованскаго и графа Артуа, или же на покупку увеселительныхъ замковъ и лѣсовъ для охоты, напримѣръ, Сенъ-Клу и Рамбуллье [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ впервые появились памфлеты, направленные противъ Калонна. Сочинили *Постановленіе Совѣта*, въ которомъ король, измѣняя условія послѣдняго займа, служащія явнымъ доказательствомъ «бѣдственнаго положенія» казначейства, осуждалъ поведеніе министра, преступленія по должности котораго «заслуживаютъ наказанія по всей строгости законовъ [2]». Но несравненно болѣе страшный ударъ Калонну нанесло сочиненіе Неккера «*Объ управленіи финансами* (Sur l'Administration des finances).

Въ этомъ сочиненіи, представлявшемъ три тома in-octavo, Неккеръ, съ самодовольнымъ тщеславіемъ напоминая свои прежнія услуги и въ то же время доказывая съ цифрами въ рукахъ на сколько увеличился государственный долгъ послѣ его отставки, указывалъ

[1]. Магистраты согласились зарегистровать новый заемъ только тогда, когда Людовикъ XVI заявилъ, что фонды перваго займа «пошли исключительно на уплату долговъ, вызванныхъ войною». Bachaumont, XXVIII, 13—14, 300—301.

[2]. Bachaumont, XXVIII, 127 (февраль 1785); cf. ibid., 135—137; 140—144. *Corresp. secr.*, I, 536. Этотъ памфлетъ, напечатанный въ видѣ свитка и разосланный разнымъ лицамъ при дворѣ, дошелъ до Людовика XVI, который приказалъ начальнику полиціи розыскать авторовъ. Послѣдній отвѣтилъ, что всѣ его розыски будутъ напрасны «въ виду того, что типографіи имѣются у многихъ вельможъ въ Версали и даже во дворцѣ его величества». За *Постановленіемъ Совѣта* послѣдовали другіе памфлеты, напр. le Compte rendu de 1785, le Bulletin du contrôle général, les Suppléments au Journal de Paris. *Corresp. secr.*; I, 547, 549, 552.—Bachaumont. XXVIII, 258; XXIX, 121—124, 262; XXX, 51, 53, 90—91 (апрѣль-ноябрь 1785). Генеральный откупщикъ Ожаръ (*Mémoires*, 133, и слѣд.) признается въ своемъ участіи въ составленіи нѣкоторыхъ изъ этихъ листковъ. Составленные подъ вліяніемъ личнаго нерасположенія и направленные не столько противъ дѣйствій министра, сколько противъ его личности, послѣдующіе памфлеты не возбудили особаго вниманія.

на возобновленіе прежнихъ безпорядковъ, которые ему удалось устранить, и настаивалъ на необходимости приступить къ реформамъ. Калоннъ силился отклонить ударъ, наносимый ему этимъ сочиненіемъ; онъ постарался распустить слухъ, что книга Неккера будетъ осуждена парламентами, «какъ стремящаяся снова возбудить тревогу въ умахъ народа [1]». Были выпущены брошюры [2], въ которыхъ старались очернить книгу и доказывали, что со стороны человѣка, знакомаго съ дѣлами министерства, такой поступокъ являлся нарушеніемъ довѣрія и оскорбленіемъ государя [3]. Несмотря на всѣ эти уловки сочиненіе жадно читалось. «Патріоты» и «истинные граждане» «глотали» его [4]. Съ конца января, т. е. въ теченіе одного мѣсяца послѣ ея выхода, было продано около двадцати тысячъ экземпляровъ ея [5]. Въ мартѣ было выпущено новое изданіе въ двѣнадцатую долю листа и раскупалось такъ же очень быстро [6]. Впечатлѣніе, произведенное этимъ сочиненіемъ, было на столько сильно, что Неккеру было предложено отнюдь не являться въ Парижъ, такъ какъ его присутствіе тамъ несомнѣнно вызвало бы нѣкоторое броженіе [7]. Эта книга пополнила въ обществѣ свѣдѣнія, данныя четыре года тому назадъ его *Отчетомъ*. Послѣдніе покровы, еще скрывавшіе arcanum imperii, были порваны [8] и Парижъ наполнился «счетчиками» [9].

1. Hardy, VI, 60, 63.

2. Одна изъ этихъ брошюръ была озаглавлена: *Avis au public*; другая: *Lettre à madame N***, la vertueuse compagne du grand homme.* Издавались также произведенія въ стихахъ. Bachaumont, XXVIII, 40, 51, 130—131.—Hardy, VI, 63.

3. Bachaumont, XXVIII, 164—165.

4. Hardy, VI, 60.

5. Id., VI, 53.—Ségur, II, 66.

6. Hardy, VI, 80.

7. *Corresp. secr.*, I, 538.

8. Ségur, II, 66.

9. *Corresp. secr.*, I, 543.

Хотя вѣра въ Калонна начинала колебаться, но смѣлость его осталась прежнею. Когда духовенство собралось въ этомъ году въ обычное общее собраніе, министръ потребовалъ отъ него добровольнаго дара въ размѣрѣ двадцати милліоновъ, но получилъ только восемнадцать [1], и притомъ съ условіемъ вознаградить такую щедрость постановленіемъ Совѣта, которое бы воспретило изданіе сочиненій Вольтера, какъ противныхъ «религіи, нравамъи основнымъ принципамъ общественнаго порядка [2]». Калоннъ охотно согласился на это; приказъ былъ отпечатанъ и расклеенъ «въ огромномъ количествѣ», а на дверяхъ у Бомарше его наклеили въ двухъ экземплярахъ. Правда, большая часть экземпляровъ сочиненій Вольтера была уже распродана и Бомарше, будучи предупрежденъ министромъ, поспѣшилъ очистить отъ нихъ свои магазины раньше, чѣмъ они были осмотрѣны полиціей [3]. Кромѣ того епископы требовали еще бо́льшаго; напомнивъ королю желаніе, выраженное собраніемъ духовенства въ 1780 г., они просили объ изданіи закона, который, не установливая *смертной казни*, какъ законъ 1757 г., все же былъ бы достаточно строгъ, чтобъ внушить писателямъ спасительный страхъ. Министерство нашло, что оно сдѣлало уже достаточно, и Людовикъ XVI отвѣтилъ прелатамъ, что онъ разсмотрѣлъ всѣ законы, изданные по этому предмету, и считаетъ, что они совершенно достаточны для предотвращенія всякихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ [4].

Заемъ въ сто двадцать пять милліоновъ покрывался очень медленно. Разныя финансовыя компаніи, которымъ

[1]. Hardy, VI, 123 (іюнь 1785).

[2]. Постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 3 іюня 1785, запрещающее изданіе подъ заглавіемъ: *Collection complète des Oeuvres de Voltaire, par la Société littéraire typographique.*

[3]. Bachaumont, XXIX, 81—82, 86, 101.—Hardy, XI, 130.

[4]. *Procès-verbaux de l'assamblée du clergé pour les années* 1785—1786. Archives nationales, reg. G. VIII, 704, стр. 291—297, 440, 758.

Калоннъ чрезмѣрно покровительствовалъ съ цѣлью вызвать хотя бы фиктивные обороты, которые скрывали бы его маневры, поглотили всѣ деньги. Созданный имъ самимъ ажіотажъ обратился теперь противъ него же; *чудовище убивало своего отца* [1]. Онъ попытался уронить эти компаніи, воспользовавшись перомъ Мирабо, который не отличался неподкупностью равною его краснорѣчію и согласился предоставить свой талантъ къ услугамъ министра [2]. Вскорѣ потомъ Калоннъ остановился на средствѣ, позаимствованномъ имъ изъ худшихъ временъ монархіи, и задумалъ переплавить золотую монету,—операція, отъ которой онъ полагалъ получить пятьдесятъ милліоновъ, но которая, вслѣдствіе обмана, открытаго только позднѣе, принесла ему несомнѣнно гораздо больше. Парижане, очень довольные возможностью получить обѣщанные двадцать су на каждый старый луидоръ, устремились на монетный дворъ. Многіе получили только пятнадцать, тринадцать и даже двѣнадцать су, а нѣкоторые должны были прибавить еще нѣсколько серебра за свое золото. Съ другой стороны министерство вмѣсто того, чтобъ выдавать новые луидоры въ обмѣнъ за старые, уплачивало билетами учетной кассы или простыми росписками [3]. Общество обезпокоилось. Монетная

[1]. Grimm, XIV, 171. Cf. *Mémoires de Soulavie,* VI, 115, éd. 1801, in-8°.

[2]. Bachaumont, XXIX, 126,—237; XXX, 51—52, 135. Мирабо писалъ особенно противъ Banque de Saint-Charles и противъ la Compagnie des Eaux, а также и противъ учетной кассы. Будущій трибунъ обнаруживалъ въ своихъ нападкахъ такое усердіе, что возбудилъ жалобы, и правительство должно было осудить его сочиненія особымъ постановленіемъ Совѣта. Постановленіе Совѣта отъ 17 іюля, воспрещающее сочиненіе подъ заглавіемъ: *De la banque d'Espagne dite de Saint Charles,* par le comte de Mirabeau, avec cette épigraphe: *Ploratur lacrymis omissa pecunia veris.*—Постановленіе Совѣта отъ 24 авг. 1785 г., запрещающее сочиненіе подъ заглавіемъ *Lettre de M. le comte de Mirabeau à M. Le Coutelx de la Norraye.* Cf. Mirabeau, *Mémoires,* IV, 181 192.

[3]. Hardy, VI, 233, 234, 237, 240—243. Эта переплавка луидо-

палата также была возмущена этими неправильностями и составила постановленіе, въ которомъ заявляла свой протестъ. Калоннъ испугался, что вслѣдствіе этого его операція можетъ не удасться; король вызвалъ къ себѣ членовъ монетной палаты и послѣ строгаго выговора приказалъ, чтобы состоявшееся постановленіе было вычеркнуто изъ реестровъ палаты [1].

Еще не окончилась переплавка луидоровъ, какъ появился эдиктъ о новомъ займѣ въ восемьдесятъ милліоновъ [2]. Въ предисловіи къ эдикту Калоннъ, чувствовавшій возрастающее недовѣріе публики, больше чѣмъ когда нибудь расточалъ смѣлыя увѣренія. Онъ говорилъ, что безошибочность его предположеній подтверждается наступившимъ видимымъ процвѣтаніемъ Франціи. Никогда еще государство не выполняло съ такою точностью всѣ свои обязательства и если король рѣшилъ сдѣлать еще одинъ послѣдній заемъ, то только для того, чтобы погасить всѣ предшествующіе долги, которые будутъ окончательно оплачены въ 1786 году [3]. Однако результатомъ всѣхъ этихъ утвержденій было то, что недовѣріе только усилилось. Парламентъ, начинавшій прозрѣвать истину, обратился къ королю съ просьбою взять обратно свой эдиктъ. Въ отвѣтъ на это Людовикъ XVI потребовалъ зарегистрованія эдикта повелительнымъ тономъ, одна фраза котораго à la Мопу касалась неповиновенія парламента, «на обязанности котораго было помогать правительству, а не препятствовать ему и не стѣснять его». Магистраты повиновались, но къ постановленію о зарегистрованіи эдикта прибавили оговорки, которыя роняли

ровъ была предписана декларацією отъ 30 октября 1785. Cf. *Corresp. secr.*, I, 611.—Bachaumont, XXX, 121.—Soulavie, VII, 115.

[1]. Bachaumont, XXI, 69, 75—76 (январь-февраль 1786).

[2]. Декабрь 1785 г. Этотъ заемъ, погашаемый въ десять лѣтъ обезпечивался пошлинами и налогомъ на соль.

[3]. Hardy, VI, 257—258.—Bachaumont, XXX, 145—147.—*Gazette de France*, 1785, стр. 431—432.

заемъ. Тогда парламентъ въ полномъ составѣ и со всѣми реестрами былъ вызванъ въ Версаль. Король собственноручно вычеркнулъ оговорки, прибавленныя къ тексту эдикта. «Знайте, сказалъ онъ магистратамъ, что я доволенъ моимъ генеральнымъ контролеромъ и не потерплю, чтобы неосновательными сомнѣніями нарушали исполненіе плановъ, которые стремятся ко благу моего государства и къ облегченію моихъ подданныхъ [1]».

Съ этого момента начался «расколъ» между Калонномъ и парламентомъ [2]. Съ своей стороны провинціальные парламенты возобновили, и не безъ основаній, обвиненіе, высказанное Безансонскимъ парламентомъ противъ деспотизма министровъ. Нѣсколько раньше, по поводу закона, касавшагося торговли въ колоніяхъ, по которому не было спрошено мнѣніе торговыхъ палатъ, Бордосскій парламентъ жаловался *въ Письмѣ къ королю*, что «даже учрежденія, всего менѣе способныя вызвать подозрѣніе, были низведены къ «совершенному ничтожеству» и требовалъ возстановленія Генеральныхъ Штатовъ, какъ единственнаго средства придать нѣкоторую силу ослабленнымъ пружинамъ монархіи [3]. Теперь онъ оспаривалъ у государства владѣніе двадцатью двумя лье наносной земли, представлявшей цѣнность болѣе ста милліоновъ, которую государство желало присвоить себѣ вопреки праву собственности и всеобщему ропоту провинціи [4]. Реннскій парламентъ, которому *предъявитель приказовъ* (le porteur

[1]. Bachaumont, XXX, 139, 141—143, 154—156 (декабрь 1785).—Hardy, VI, 254—256.

[2]. Id., XXXI, 32—33 (январь 1786).

[3]. Id., XXVIII, 169—170 (февраль 1785). Въ этомъ письмѣ Бордоскій парламентъ повторилъ выраженіе, употребленное Малербомъ въ ремонтрансахъ, представленныхъ въ 1775 г. по поводу налоговъ: «Повидимому, писалъ онъ, *на весь народъ наложено общее запрещеніе*».

[4]. Bachaumont, XXXI, 53 (январь 1786). Дѣло шло объ островахъ, о наносахъ земли и отмеляхъ въ части береговъ рѣкъ Жиронды, Гароны и Дордони.

d'ordre) заявилъ именемъ короля требованіе зарегистровать одно постановленіе Совѣта, которое раньше не было сообщено парламенту, также обнаруживалъ раздраженіе. Къ королю была послана депутація, представившая ему замѣчанія парламента на незаконность дѣйствій министерства, превращавшаго актъ зарегистрованія въ излишній аппаратъ, «настолько же недостойный королевскаго величества», какъ и серьезности обязанностей магистратуры. Людовикъ XVI призналъ министровъ правыми и повторилъ знаменитыя слова своего дѣда: «Мнѣ одному и безраздѣльно, сказалъ онъ депутатамъ, принадлежитъ законодательная власть; законы, зарегистрованные въ моемъ присутствіи или по моему непосредственному приказу тѣми, которыхъ я удостоиваю исполнить мое повелѣніе такого рода, должны быть исполняемы, и всѣ приговоры или постановленія моего парламента, противныя этимъ принципамъ, по закону не имѣютъ значенія [1]».

Такимъ образомъ возвращались цѣликомъ къ произвольнымъ и столь обычнымъ при Людовикѣ XV дѣйствіямъ, и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шли еще дальше, а потому все предвѣщало такую же борьбу, какая волновала общество въ концѣ прошлаго царствованія. Въ то же время обнаружились несомнѣнные признаки все большаго отчужденія общества отъ королевской фамиліи. Когда въ маѣ 1785 г. Марія Антуанетта ѣхала съ большою помпою въ соборъ Notre Dame на молебенъ по случаю рожденія герцога Нормандскаго [2], она не встрѣтила со стороны парижанъ ни малѣйшихъ знаковъ привѣтствія. «Что я имъ сдѣлала?» вскричала удивленная и огорченная этимъ молчаніемъ королева [3]. Но вскорѣ она была

[1]. Bachaumont, XXX, 153—154; XXXI, 11—13, 129—131 (декабрь 1785). Это событіе касалось дѣла по постановленію Совѣта относительно табака.

[2]. Впослѣдствіи Людовикъ XVII.

[3]. Bachaumont, XXIX, 56, 59; *Corresp. secr.*, I, 568—569.

поражена гораздо болѣе жестоко. 15 августа того же года кардиналъ де Роганъ былъ арестованъ и преданъ суду парламента по дѣлу объ ожерельи. Въ теченіи восьми мѣсяцевъ Парижъ и Франція занимались процессомъ, въ которомъ Марія Антуанетта была компрометирована, какъ женщина и какъ королева, и скандальныя подробности котораго не безъ основанія сравнивали съ таковыми же въ процессѣ отца Жирара и де-ла Кадьера [1]. Какъ и тогда, появилась масса мемуаровъ и изложеній дѣла, которые читались съ жадностью. Никто не обманывалъ себя на счетъ нравственныхъ качествъ невѣрующаго, высокомѣрнаго, расточительнаго и развратнаго прелата, но враждебность противъ королевы и вообще противъ всего, что было близко двору, была настолько велика, что стали жалѣть его, считали невиннымъ и преслѣдуемымъ [2]. За нѣсколько времени до произнесенія приговора, въ апрѣлѣ 1786 г., всѣ женщины носили на прогулкахъ въ Лоншанѣ шляпы à la cardinal, — соломенныя съ яркокрасною тульею [3]. Приговоръ, оправдывающій прелата, возбудилъ «общую» радость и когда кардиналъ возвращался изъ Бастиліи, гдѣ онъ содержался, въ своей отель, расположившаяся по пути толпа встрѣтила его рукоплесканіями [4]. Такія овація человѣку, который въ низкой интригѣ компрометировалъ имя и честь своей государыни, являлись величайшимъ оскорбленіемъ, которое наносилось лично Маріѣ-Антуанеттѣ.

Но этимъ процессомъ унижалась не только королева, но и королевское достоинство, дворъ, епископатъ,

[1]. *Corresp. secr.*, II, 45.

[2]. Besenval, II, 170.

[3]. *Corresp. secr.*, II, 31.

[4]. Besenval, II, 171.—Hardy, VI, 377, 368.—Ср. Bachaumont, XXXII, 91—92, 115.—Mirabeau, *Mémoires*, IV, 325—326. Приговоръ былъ произнесенъ 31 мая 1786 г. Обо всемъ, касающемся этого дѣла см. *Marie-Antoinette et le procès du collier* par E. Campardon. Paris, Plon, 1863.

однимъ словомъ все высокопоставленое. Высшее духовенство, повидимому, не понимало всего позора, падавшаго въ этомъ дѣлѣ на церковь. Папа лишилъ кардинала правъ, присвоенныхъ его рангу, но не потому, что онъ былъ недостоинъ ихъ, а за то, что онъ подчинился свѣтскому, а не духовному суду, епископы же представили Людовику XVI записку, въ которой заявляли, что передача этого дѣла парламенту была несогласна съ законами королевства и съ привилегіями церкви, которыя «древнѣе, чѣмъ сама монархія [2].» Генеральный викарій главнаго раздавателя милостыни, аббатъ Жоржель, осмѣлился даже во время самаго процесса издать посланіе, въ которомъ сравнивалъ прелата, содержавшагося тогда въ Бастиліи, со *святымъ Павломъ, томящимся въ узахъ* [3]. Черезъ мѣсяцъ послѣ оправданія кардинала, 3 іюля 1786 г., вновь состоялось по повелѣнію короля общее собраніе духовенства [4]; на немъ епископатъ обнаружилъ еще разъ, что какъ бы ни были важны обстоятельства, всѣ онѣ должны уступать заботѣ о неприкосновенности ихъ правъ. Министерство желало исподволь и безъ шума вновь возбудить попытку, сдѣланную нѣкогда генеральнымъ контролеромъ Машо, и подняло вопросъ объ имуществахъ духовенства [1]. Епископы, не-

[1]. Не было ничего, чѣмъ бы не пользовались для того, чтобы уронить корону; воспользовались даже тѣмъ позорнымъ клеймомъ, которое было наложено на потомку дома Валуа, г-жу де Ламоттъ. Правительство отлично понимало это и дѣлало разслѣдованіе нѣтъ ли ошибки въ ея генеалогіи, которая была однако оффиціально установлена. Графъ Артуа, такъ же какъ и почти всѣ придворные, былъ слѣпъ относительно нравственнаго вліянія, оказаннаго этимъ процессомъ, и, передъ произнесеніемъ приговора говорилъ шутя: «Боюсь, какъ бы моя дорогая кузина де Валуа не была повѣшена». *Corresp. secr.*, II, 36—37, 43.

[2]. Hardy, VI, 189—191, 321. Bachaumont, XXIX, 270, 274—275, 281, 289, 302—307; XXXI, 151.

[3]. Bachaumont, XXXI, 216—217.

[1]. Правительство распорядилось произвести по этому дѣлу разслѣдованіе, какъ въ государственныхъ имуществахъ, такъ и въ

могшіе не знать тревожнаго состоянія финансовъ въ данное время, доказывали въ побѣдоносныхъ запискахъ, что они вовсе не подлежатъ налогамъ, и утверждали даже, что въ отношеніи земель «какъ дающихъ извѣстныя права, такъ и не дающихъ ихъ» (titrées et non titrées), которыми они пользовались, «они свободны отъ какихъ бы то ни было феодальныхъ поземельныхъ платежей въ отношеніи къ королю [1]».

Если высшее духовенство какъ бы отдѣлялось отъ общества, отказываясь въ такой критическій моментъ помочь нуждамъ государства, то общество, съ своей стороны, окончательно разорвало тѣ слабыя узы, которыя еще связывали его съ духовенствомъ. «Религіозное равнодушіе распространилось наконецъ и на народъ [2]»; по признанію самихъ епископовъ празднованіе воскреснаго и праздничныхъ дней, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ, болѣе не соблюдалось [3]. Въ сущности сами

счетной палатѣ. Вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ 1785 г., и именно съ цѣлью дать возможность получить самыя широкія свѣдѣнія собраніе духовенства было продолжено до слѣдующаго года. Въ своихъ *Мемуарахъ* Башомонъ опредѣленно говоритъ, что собраніе 1785 г. было «послѣднимъ срокомъ отсрочки, данной духовенству для доказательства своихъ правъ на освобожденіе отъ налоговъ и отъ уплаты податей наравнѣ со всѣми остальными подданными». XXIX, 109—110.

[1]. Людовикъ XVI не рѣшился идти дальше по этому пути и подъ предлогомъ необходимости посовѣтоваться съ парламентами приказалъ прекратить начатыя изслѣдованія вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ. Bachaumont, XXIX, 222, 247—248; XXIII, 63, 126—127. Епископы обратили вниманіе на положеніе низшихъ духовныхъ лицъ (второго разряда) и увеличили на нѣсколько сотенъ ливровъ содержаніе, получаемое послѣдними подъ названіемъ la portion congrue. Это увеличеніе было утверждено декларацією 2 сентября 1786 г. Въ этомъ же мѣсяцѣ закрылось и собраніе духовенства. Bachaumont, XXXIII, 23, 42, 55—56.

[2]. *Corresp. secr.*, II, 87 (декабрь 1786).

[3]. *Procès-verbaux du clergé,* année 1786. Archives nationales, G, VIII, 705, 1463—1467. Казалось, что и король подтвердилъ этотъ разрывъ однимъ многозначительнымъ актомъ. Когда дофинъ до-

епископы чувствовали, что ихъ религіозная роль кончилась. Не только въ двухъ собраніяхъ, которыя были въ послѣднее время, они не издали ни одного изъ тѣхъ *актовъ*, съ которыми они обыкновенно въ концѣ своихъ засѣданій обращались къ «вѣрнымъ», но отмѣнили, какъ безполезные, тѣ жалованья, которыя были установлены для духовныхъ лицъ, обязанныхъ защищать въ своихъ сочиненіяхъ интересы религіи [1]. Этимъ духовенство признавало до нѣкоторой степени свое уничиженіе и сходило со сцены, сохраняя свое мѣсто въ государствѣ, но уже не въ качествѣ представителя религіи, и такимъ оно оставалось до самой революціи.

Между тѣмъ «расколъ» между дворомъ и магистратурой все увеличивался и подготовлялись событія, которыя должны были повести къ удаленію со сцены и самую королевскую власть. Дѣло о наносныхъ земляхъ, за которыя бордоскій парламентъ продолжалъ бороться противъ несправедливыхъ претязаній министерства, приняло размѣры всенароднаго столкновенія. 30 мая 1786 г. парламентъ былъ вынужденъ «въ военномъ засѣданіи» зарегистровать какъ называемыя lettres patentes, которыми устанавливалась принадлежность спорныхъ земель государственнымъ имуществамъ, а предисловіе къ которымъ, наполненное жестокими обвиненіями, направленными противъ магистратовъ, являлось оскорбленіемъ ихъ чести и патріотизма [2]. Магистраты протествовали въ постановле-

стигъ семилѣтняго возраста, Людовикъ XVI, согласно обычаю, назначилъ ему гувернера, но отмѣнилъ должность воспитателя, которую до тѣхъ поръ всегда занималъ одинъ изъ епископовъ. Общество, знавшее, что сдѣлалъ фрежюскій епископъ Флери изъ Людовика XV, привѣтствовало рѣшеніе, устранявшее наслѣдника престола отъ вліянія духовенства. *Corresp. secr.*, 76—77 (октябрь 1786).

[1]. Bachaumont, XXXIII, 86—87; cf. XXIX, 258—259.

[2]. Въ предисловіи къ этимъ письмамъ магистраты обвинялись въ отсутствіи уваженія и подчиненія королю, въ возбужденіи тревоги въ народѣ, въ содѣйствіи захватамъ въ ущербъ доменамъ и въ пользованіи своею властью ко вреду общественныхъ интересовъ.

ніи, которое тотчасъ же распорядились напечатать и экземпляры котораго были распространены въ Парижѣ, Версали и въ другихъ городахъ Франціи. Въ этомъ постановленіи они не побоялись заявить, что захватъ, санкціонированный королевскими lettres patentes, «былъ плодомъ той хищнической системы, отъ которой стонутъ всѣ владѣющіе имуществами»,—системы, поддерживаемой «людьми, которыхъ всеобщее презрѣніе единогласно изгнало бы, еслибы они не съумѣли прикрыться священнымъ именемъ монарха». Это было прямое указаніе на «Полиньяковъ и другихъ довѣренныхъ придворныхъ», которые въ согласіи съ генеральнымъ контролеромъ желали, подъ видомъ доменовъ, овладѣть этими богатствами [1]. Смѣлый шагъ правительства вызвалъ тревогу не только въ Гвіеннѣ, но и во всемъ королевствѣ; всѣ понимали, что разъ будетъ предоставлено совершить такое неслыханное нарушеніе права собственности, не будетъ уже «никакой преграды для дальнѣйшихъ дѣйствій въ этомъ направленіи». Тулузскій парламентъ особымъ постановленіемъ торжественно присоединился къ бордоскому и всѣ остальные парламенты обнаруживали наклонность послѣдовать этому примѣру. Подготовлялось какъ бы *общее доменное возстаніе* [2].

Министерство встревожилось. Бордоскій парламентъ, вслѣдствіе его послѣдняго постановленія, былъ вытребованъ въ Версаль въ полномъ составѣ и со всѣми своими регистрами. Магистраты отправились въ числѣ девяностошести человѣкъ; только больные и немощные уклонились отъ путешествія, которое населеніе мѣстностей, расположенныхъ по пути, превратило для нихъ въ тріумфальное шествіе.

Министерство изъ предосторожности запретило имъ слѣдовать черезъ Парижъ. По прибытіи ихъ въ Версаль [3],

[1]. Bachaumont, XXXII, 125, 135—139.

[2]. Id., XXXII, 143—144.—*Corresp. secr.*, II, 56—57.

[3]. Они прибыли туда 21 іюля. Bachaumont, XXXII, 177, 188—189, 210, 212, 215—216.—*Corresp. secr.*, II, 58—59.

король собралъ «нѣчто вродѣ королевскаго засѣданія» и приказалъ вычеркнуть изъ ихъ регистровъ постановленія, свидѣтельствующія объ ихъ сопротивленіи, но, въ дѣйствительности, онъ уступилъ. Подъ видомъ лучшаго объясненія своихъ намѣреній, онъ повелѣлъ зарегистровать «объяснительные приказы», которые уничтожали прежніе и въ которыхъ онъ признавалъ право прибрежныхъ владѣльцевъ, защищавшееся парламентомъ. Эта «замазка» не замедлила вызвать по адресу правительства оскорбительныя замѣчанія [1]. Овація, предметомъ которой сдѣлались магистраты по возвращеніи въ Бордо, была новымъ униженіемъ для власти, которая хотѣла ихъ поразить. Все населеніе толпою отправилось на встрѣчу магистратовъ, разсыпало цвѣты по ихъ пути и вѣнчало ихъ лаврами [2].

Не успѣлъ еще бордоскій парламентъ возвратиться въ свою провинцію, какъ «пришелъ въ броженіе» дижонскій парламентъ по поводу незаконно введеннаго налога и послалъ депутацію въ Версаль для принесенія жалобы. Вскорѣ послѣ этого былъ снова вытребованъ ко двору Безансонскій парламентъ, вслѣдствіе столкновенія съ интендантомъ этой провинціи [3]. По всѣмъ дорогамъ встрѣчались магистраты, отправляющіеся къ королю съ жалобами на нарушеніе законовъ или для полученія выговора непосредственно изъ его устъ за ихъ патріотическую оппозицію [4]. Среди этихъ тяжелыхъ событій

[1]. Эти «lettres patentes interprétatives», писалъ одинъ бордоскій обыватель, являются одновременно и отреченіемъ и замазкою. «Я спрашиваю васъ, не было ли бы благороднѣе сказать королю, что его обманули, и формально признаться въ несправедливости, которую его заставили сдѣлать, чѣмъ вынуждать его противорѣчить самому себѣ въ одно и тоже время и употреблять недостойныя увертки, чтобъ извинить прежнія притѣсненія... Слѣдовало бы наказать авторовъ всего этого, но никогда не наказываютъ тѣхъ, которые захватили власть». Bachaumont, XXXII, 234—237, 283; XXXIII, 77—78.

[2]. Bachaumont, XXXII, 173 (іюль 1786).

[3]. Id., XXXIII, 311—312 (декабрь 1786).

[4]. Продолжатель Мемуаровъ Башомона въ выраженіяхъ, заслу-

финансовыя затрудненія, испытываемыя Калонномъ, все усиливались. Иллюзіи общества наконецъ разсѣялись; послѣдній заемъ не удался; съ другой стороны, срокъ, на который была введена третяя «двадцатая», приходилъ къ концу [1]. Подъ предлогомъ работъ для предположеннаго украшенія столицы Калоннъ попытался заставить городъ сдѣлать заемъ въ тридцать милліоновъ, которые въ дѣйствительности должны были поступить въ Государственное казначейство [2]. Теперь уже стали прибѣгать къ мелочнымъ мѣропріятіямъ; такъ, напримѣръ, установленъ былъ гербовой сборъ съ нотной бумаги и предполагали сдѣлать налогъ на лакеевъ, на кабріолеты и вообще на предметы роскоши. Каждый приставъ при аукціонной продажѣ могъ купить за пятнадцать тысячъ ливровъ званіе «королевскаго совѣтника». Говорили о дополнительныхъ сборахъ съ нотаріусовъ, прокуроровъ и приставовъ [3]. Увѣряли, что правительство согласно предоставить гражданскія права протестантамъ, которые предлагаютъ заплатить за эту милость большія деньги [4]. Вообще

живающихъ вниманія, отмѣчаетъ появленіе на свѣтъ нѣкоторыхъ сочиненій, вызванныхъ зрѣлищемъ этой непрерывной борьбы магистратуры съ дворомъ. «Въ нынѣшнее время, когда деспотизмъ идетъ быстрыми шагами къ осуществленію своего проекта уничтоженія французской магистратуры,—единственнаго препятствія, котораго онъ еще опасается,—необходимо удвоить усилія, чтобы помѣшать этому, если только это возможно. Такова цѣль новаго сочиненія подъ заглавіемъ: *Accord des principes et des lois sur les évocations, commissions et cassations,*—сочиненія, представляющую сводъ всего, что можно сказать хорошаго въ пользу верховныхъ палатъ, права которыхъ ежедневно нарушаются самымъ незаконнымъ и совершенно произвольнымъ образомъ». Bachaumont, XXXIII, 201—202 (20 ноября 1786).

[1] Напомнимъ, что на основаніи эдикта, которымъ устанавливался этотъ налогъ, взысканіе послѣдняго должно было послѣдовать въ концѣ третьяго года по заключеніи мира.

[2]. Bachaumont, XXXIII, 31—32 (сентябрь 1786 г.).

[3]. Hardy, VI, 446—448, 455 (октябрь-ноябрь 1786).— Bachaumont, XXXII, 140,—*Corresp. secr.*, II, 90.

[4]. Bachaumont, XXXIII, 155, 159 (ноябрь 1786). Увѣряли

ходили тысячи слуховъ, свидѣтельствовавшихъ о бѣдственномъ положеніи казначейства и о затрудненіяхъ правительства. Самъ Калоннъ, какъ говорили, не скрывалъ желанія освободиться отъ бремени финансоваго управленія и получить другое министерство. Въ срединѣ декабря 1786 г. была сообщена парламенту «масса» эдиктовъ и деклараціи, устанавливающихъ новые налоги. Магистраты отказались «во имя народа» зарегистровать эти «рождественскіе подарки» [1]. Всѣ ждали скораго назначенія королевскаго засѣданія, въ которомъ должны были быть утверждены эти налоги, какъ внезапно разнеслась чрезвычайная новость, которой никто не ожидалъ: Калоннъ испросилъ у короля и послѣдній согласился на созваніе собранія нотаблей. Вступали въ революціонную драму. Прологъ начинался.

также, что съ своей стороны евреи предлагали сто милліоновъ за полученіе права свободнаго исповѣданія своего культа. *Corresp. secr.*, II, 90.

[1]. Hardy, VI, 455.—*Corresp. secr.*, II, 89.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СОБРАНІЕ НОТАБЛЕЙ И СОЗВАНІЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХЪ ШТАТОВЪ.

(1787—1789).

Мысль созвать Нотаблей,—одинъ изъ видовъ собраній, которыя не собирались уже болѣе полутора вѣка [1],—явилась Калонну вслѣдствіе отчаяннаго положенія финансовъ. Министръ-расточитель дошелъ до крайности. Всѣ источники были исчерпаны, всѣ средства испробованы. Казна была пуста, кредитъ исчерпанъ. «Чудовищныя» растраты довели его и государство до банкротства [2]. Но съ тою же дерзостью, съ какою онъ разорялъ Францію, онъ вообразилъ себѣ теперь, что можетъ вывести ее изъ бѣды. Въ секретной запискѣ, представленной имъ Людовику XVI, въ августѣ мѣсяцѣ 1786 г., онъ обрисовалъ ему положеніе дѣлъ,—не сознаваясь, однако же, что виновникомъ всему былъ онъ,—объяснялъ, что существуетъ дефицитъ въ сто милліоновъ, который нельзя пополнить иначе, какъ «сильными средствами»; и предложилъ планъ, успѣхъ котораго долженъ былъ, по его словамъ, упрочить благосостояніе государства и «возвысить имя короля превыше всѣхъ именъ великихъ монарховъ». Прочтя этотъ планъ, король воскликнулъ: «Но вѣдь это то же, чего хотѣлъ Неккеръ!»—«Государь,

[1]. Послѣднее собраніе нотаблей было при Людовикѣ XIII, въ 1626 г.

[2]. Grimm, XIV, 168—170, ноябрь 1788 г. Здѣсь имѣется краткій и живой очеркъ управленія Калонна.

отвѣчалъ ему министръ, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ нельзя сдѣлать ничего лучшаго» [1].

Калоннъ, дѣйствительно, увидѣлъ себя въ необходимости принять планъ реформы Неккера и Тюрго. Онъ, потворствовавшій всѣмъ безпорядкамъ и покровительствовавшій всѣмъ злоупотребленіямъ, указывалъ теперь на «преобразованіе всего, что было зловреднаго въ государственномъ устройствѣ», какъ на единственное средство спасенія. Онъ предлагалъ учредить во всемъ государствѣ Провинціальныя Собранія, которыя занялись бы болѣе вѣрнымъ распредѣленіемъ общественныхъ податей и препятствовали бы беззаконіямъ, совершающимся при сборѣ ихъ [2]. Для уничтоженія главной несправедливости—неравенства налоговъ, онъ предлагалъ учредить, подъ именемъ *поземельной повинности*, общій и постоянный налогъ съ земли, которому подлежало бы и духовенство наравнѣ съ прочими сословіями [3]. Хотя при этомъ онъ и затруднялъ торговлю, налагая на нее значительную гербовую подать, но зато уничтожалъ внутреннія таможенныя пошлины и облегчалъ массу, подлежащую податямъ, уменьшая пошлины на соль и уничтожая баршину. Наконецъ, онъ предлагалъ, для погашенія долга, продать часть королевскихъ имѣній и сократить годовой расходъ на королевскій домъ до суммы двадцати милліоновъ. Всѣми этими нововведеніями Калоннъ достигалъ двойной цѣли. Въ глазахъ народа пріобрѣталъ заслугу возобновленія реформъ, покинутыхъ со времени Неккера, и вмѣстѣ съ тѣмъ создавалъ себѣ источники до-

[1]. Bachaumont, XXXIV, 70.—Soulavie, VI, 117—119.

[2]. Въ *Corresp. secr.*, II, 147, отъ 7 іюня 1787 г. читаемъ: «Доказано, что налогъ двухъ двадцатыхъ взимается до того несправедливо, что получается отъ него менѣе, чѣмъ могла бы дать одна двадцатая. Возможно ли повѣрить, что герцогъ Орлеанскій платитъ только 50,000 ливровъ?»

[3]. Чтобы заставить привеллигированные классы подчиниться этому налогу, онъ освобождалъ ихъ отъ подушной подати, распространяя ее только на простой народъ.

ходовъ, которыми надѣялся, впродолженіи года, возстановить равновѣсіе между приходомъ и обыкновенными расходами [1].

Людовикъ XVI, по своему обыкновенію, согласился на предложенія своего министра. Затѣмъ, надо было подумать о средствахъ приведенія его въ исполненіе. Имѣя за собою примѣръ Неккера и Тюрго, Калоннъ не скрывалъ отъ себя той оппозиціи, которую онъ встрѣтитъ со стороны духовенства, двора и парламента. Тогда онъ рѣшился на неожиданное средство, заимствованное имъ изъ прошлаго Франціи. Онъ предполагалъ, и не безъ нѣкотораго основанія, что если планъ его будетъ одобренъ собраніемъ нотаблей, то оппозиція должна будетъ замолкнуть [2]. Онъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что люди, созванные и указанные самимъ монархомъ, будутъ вполнѣ подъ вліяніемъ правительства. Отдавшись совершенно этой идеѣ, онъ изложилъ ее Людовику XVI, соблазняя его славой подражанія Генриху IV, когда тотъ вышелъ изъ затрудненій, причиненныхъ Лигой [3], и увлекъ его до такой степени, что на другой день послѣ того, какъ созваніе нотаблей было рѣшено, король писалъ своему министру: «Я не спалъ эту ночь, но только отъ удовольствія [4]».

Созывныя грамоты были разосланы 29 декабря. Въ нихъ не говорилось ничего о планѣ, рѣшенномъ коро-

[1]. См. у Bailly, *Histoire financière*, II, разборъ этого плана. Cf. Henri Martin, *Histoire de France*, XVI, 562—564. По этому плану налоги должны были уменьшиться на 30 милліоновъ, не считая 21 милліоновъ третьей двадцатой, взиманіе которой должно было прекратиться; онъ льстилъ себя надеждою увеличить взамѣнъ этого доходы на 115 милліоновъ.

[2]. Если вѣрить Мирабо, то именно онъ, зная финансовыя затрудненія министра, посовѣтовалъ ему эту мѣру. *Mémoires*, IV, 339—340.

[3]. Это относится къ собранію нотаблей, созванному Генрихомъ IV въ Руанѣ, въ 1596 г.

[4]. Около 15 декабря Калоннъ представилъ королю записку, въ которой предлагалъ ему созвать нотаблей и указывалъ на причины,

лемъ и генеральнымъ прокуроромъ, а обѣщалось только сообщеніе важныхъ проэктовъ, «которыми его величество занимался въ видахъ облегченія своего народа, преобразованія многихъ несправедливыхъ законовъ и порядка въ своихъ финансахъ». Собраніе было назначено на 29 января 1787 г. и должно было состоять изъ ста сорока значительнѣйшихъ лицъ духовенства, дворянства и магистратуры, включая сюда же и мэровъ главныхъ городовъ. Калоннъ, боясь, чтобы планъ его, если онъ будетъ разглашенъ заранѣе, не возбудилъ бы противорѣчій, сохранилъ его въ такой тайнѣ, что когда новость была объявлена, то она удивила даже нѣкоторыхъ министровъ [1]. Въ Парижѣ и во всемъ государствѣ она произвела большое волненіе.

Тогда какъ преданная министерству печать превозносила великодушное намѣреніе короля, *соблаговолившаго снизойти до народа* [2], остальное общество находилось въ сомнѣніи и безпокойствѣ. Оно спрашивало себя: «есть ли это, наконецъ, дѣйствительное желаніе добра, или опять только комедія?» [3]. Множество лицъ видѣли въ этомъ событіи «самое зловѣщее предзнаменованіе». Государственныя бумаги сразу понизились. Въ то время, какъ парламенты подвергались гоненіямъ за то, что вздумали защищать «ничтожныя права» націи, нельзя было иначе объяснить себѣ эту мѣру, какъ отчаяннымъ положеніемъ правительства [4]. Говорили, что Калоннъ имѣетъ въ виду уничто-

побуждающія его къ этому. «Это единственное средство, говорилъ онъ, предупредить всякое сопротивленіе со стороны парламента, заставить молчать духовенство и на столько возбудить общественное мнѣніе, чтобы ни одинъ голосъ личнаго интереса не могъ подняться противъ интереса общаго, выраженнаго большинствомъ» Soulavie, VI, 10—132.

[1]. Sallier, *Annales françaises*, 49, 50.

[2]. Выраженіе *соблаговолилъ* (daignait) подверглось такой критикѣ, что газеты не посмѣли болѣе его повторять. Hardy, VI, 479, 484.

[3]. *Corresp. secr.*, I, 95, 96.

[4]. Bachaumont, XXXIV, 70.

жить законъ о зарегистрированіи, для того, чтобы обойти сопротивленіе парламентовъ противъ новыхъ налоговъ; что напрасно обманывать себя: правительство сзываетъ это собраніе только для того, чтобы заручиться его согласіемъ на учрежденіе новыхъ налоговъ, «которыми оно само не смѣетъ еще болѣе отяготить народъ»; что нечего вообще ждать отъ людей, избранныхъ министерствомъ, которое милостями и наградами можетъ сдѣлать изъ нихъ все, что ему будетъ угодно [1].

Недовѣріе общества было такъ сильно, что во многихъ мѣстахъ Парижа и даже на двери дома генеральнаго контролера прибиты были афиши, слѣдующаго содержанія: «Новая труппа актеровъ, подъ управленіемъ г. Калонна начнетъ свои представленія 9 мая и дастъ большую пьесу—*Лживыя признанія*, и маленькую—*Вынужденное согласіе*; послѣ чего послѣдуетъ аллегорическій балетъ пантомима *Бочка Данаидъ* [2]». Но среди всѣхъ этихъ безпокойствъ и сомнѣній, людямъ мыслящимъ стало ясно, что это собраніе нотаблей неизбѣжно приведетъ къ важнымъ перемѣнамъ, въ положеніи страны и «даже въ самой формѣ правленія». Мирабо, бывшій тогда въ Берлинѣ [3], писалъ, что созваніе нотаблей «предшествуетъ, и безъ сомнѣнія не задолго, *Національному собранію*». То же думалъ и Байлльи, будущій мэръ Парижа, и если они еще не могли подозрѣвать при какихъ силь-

[1]. La Fayette, *Mém.*, II, 196.—Mirabeau, *Mém.*, IV, 391, говоритъ, со своей стороны, что «Калоннъ задался цѣлью создать *большую ипотеку*, при помощи которой онъ могъ бы безпрепятственно вести свои дѣла по прежнему». Hardy, VI, 484, 494. — *Corresp. secr.*, II, 92.

[2]. Bachaumont, XXXIV, 32.

[3]. По свидѣтельству Гримма, XIV, 228, Мирабо посланъ былъ Калонномъ въ Берлинъ съ тайнымъ порученіемъ склонить новаго короля «къ тому, чтобы онъ помѣстилъ часть своего состоянія во французскіе фонды, что, конечно, было бы большою поддержкою, и успѣхъ этого предпріятія могъ бы на нѣкоторое время еще отдалить собраніе нотаблей».

ныхъ потрясеніяхъ разовьются дальнѣйшія событія, то поняли, по крайней мѣрѣ, что стояли наканунѣ *Революціи* [1].

Калоннъ силился уничтожить ложныя предположенія и разсѣять безпокойства, навѣянныя созваніемъ нотаблей. Онъ публично высказалъ въ Версали, что король слишкомъ преданъ основнымъ законамъ монархіи, чтобы желать умаленія власти парламентовъ [2]. Оплачиваемыя имъ газты ополчились на безпокойные умы, ищущіе представить «двусмысленнымъ» рѣшеніе, «результата котораго здоровыя силы націи ждутъ съ довѣріемъ и уваженіемъ» [3]. По его приказанію въ кафэ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ стали раздавать рукописныя бюллетени, въ которыхъ говорилось, что король сзываетъ нотаблей не съ цѣлью просить помощи «въ видѣ денегъ или податей», а въ виду гораздо болѣе обширнаго и справедливаго «плана, имѣющаго цѣлью осчастливить народъ», и что планъ этотъ, вполнѣ достойный благодѣтеля-монарха, *докажетъ всю мудрость и превосходство его министра финансовъ* [4].

Но увѣренія эти никого не обманывали. Откладываемое нѣсколько разъ подъ различными предлогами, собраніе должно было состояться только въ концѣ февраля. По мѣрѣ того, какъ оно откладывалось, на нотаблей сыпались насмѣшки и шутки. Говорили, что «они будутъ горою, родившею мышь, и только приготовятъ пищу для кошекъ» [5]. Несмотря на слухи, распускаемые Калонномъ, всѣ оставались въ убѣжденіи, что только нужда въ деньгахъ заставляетъ его прибѣгнуть къ этому собранію. Однажды это было сказано въ присутствіи королевы. Это было на спектаклѣ въ Версали при представленіи пьесы Théodore, въ которой главное лицо—путешествующій

[1]. Mirabeau, *Mém.*, IV, 339, 340.—Bailly, *Mém.*, I, 2, 3.—*Corresp. secr.*, II, 181.

[2]. Hardy, VI, 493; *Corresp. secr.*, II, 99.

[3]. Id., VI, 506.

[4]. Id., VI, 497, 498.

[5]. Id., VI, 499, 508, 509; Grimm, XIII, 293.

король. Въ одномъ мѣстѣ пьесы, казначей принца говоритъ ему, что у него нѣтъ болѣе денегъ; въ смущеніи оба они спрашиваютъ себя: «что дѣлать?» И тотчасъ же послышался голосъ изъ партера: *Созовите нотаблей!* [1]. Въ отношеніяхъ къ Калонну проглядывала даже жестокость, являвшаяся справедливымъ наказаніемъ за его обманы. Когда распространился слухъ, что онъ кашляетъ кровью, стали говорить: «*Своей ли кровью, или кровью націи?*» [2].

Особенно же поддерживало недовѣріе то обстоятельство, что всѣмъ книгопродавцамъ запрещено было печатать или продавать что либо, касающееся собранія нотаблей [3]. Съ другой стороны магистраты и мэры, созванные на это собраніе и большое число которыхъ прибыло въ Парижъ раньше 29 января, удивлялись тому, что ихъ оставляли «въ полнѣйшей неизвѣстности» относительно тѣхъ вопросовъ, которые должны были быть имъ предложены, и подозрѣвали правительство въ намѣреніи «захватить ихъ врасплохъ» [4]. Наконецъ собраніе было открыто въ Версали, 22 февраля. «Громадная толпа» собралась при прохожденіи короля, но не раздалось ни одного возгласа: «да здравствуетъ король!» [5]. Послѣ краткой рѣчи Людовика XVI, говорившаго о своей любви къ народу и напомнившаго примѣръ Генриха IV, «которому онъ хотѣлъ подражать», началъ говорить Калоннъ. Онъ объявилъ, что обстоятельства, которыхъ нельзя было избѣгнуть, увеличили расходы и привели къ дефициту въ восемьдесятъ милліоновъ [6]; что для возстановленія финансовъ нужно отказаться отъ займовъ, которые только увеличивали зло вмѣсто того, чтобы его уничтожать;

1. Bachaumont, XXXIV, 57; Grimm, XIII, 284.
2. *Corresp. secr.*, II, 103.
3. Hardy, VI, 515.
4. Bachaumont, XXXIV, 157.
5. Id. XXXIV, 207.
6. Цифра уже разнится отъ той, которую онъ сообщилъ королю.

что увеличеніе налоговъ, въ той формѣ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, стало отнынѣ невозможнымъ; что самая экономія не можетъ дать достаточныхъ источниковъ, и что поправить зло можно только преобразованіемъ несправедливыхъ законовъ. Послѣ этого онъ вкратцѣ изложилъ свой проектъ, употребивъ при этомъ все краснорѣчіе, которымъ онъ обладалъ и которымъ надѣялся увлечь собраніе. Съ дерзостью, о которой уже не разъ свидѣтельствовали его предисловія къ указамъ, онъ объявилъ, что для Франціи наступаетъ новая эпоха, что прежняя формула: *чего требуетъ король, того требуетъ законъ,* отнынѣ будетъ замѣнена новою: *Чего требуетъ счастье народа, того требуетъ король* [1].

Эта рѣчь, напечатанная и распространенная во множествѣ экземпляровъ, была принята публикой очень холодно. Подъ «шарлатанскими» словами, которыми она была наполнена, сквозило «страшное финансовое разстройство», тщетно прикрываемое этими словами [2]. Съ перваго же засѣданія стало ясно, что нотабли созваны вовсе не для совѣщанія, а для того только, чтобы они дали свое согласіе на исполненіе уже заранѣе рѣшенныхъ мѣръ [3]. Калоннъ сказалъ въ своей рѣчи, что планы его, извѣстные монарху и одобренные имъ, сдѣлались «личными планами его величества». Эти слова, которыми онъ давалъ понять, что собраніе обязано согласиться на его проекты, вызвали живѣйшія пререканія между нимъ и нѣкоторыми изъ нотаблей. «За барановъ, чтоли, вы насъ считаете, сказалъ одинъ изъ нихъ, что сзываете только для того, чтобы мы подписали заранѣе рѣшенное дѣло?» [4]. Собраніе было раздѣлено на семь бюро, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ предсѣдатель-

[1]. Bachaumont, XXXIV, 209—212; Hardy, VII, 5, 6.

[2]. Hardy, VII, 6; *Corresp. secr.*, II, 114.

[3]. *Corresp. secr.*, II, 110.

[4]. Bachaumont, XXXIV, 215. Эти слова были сказаны Калонну архіепископомъ Нарбоннскимъ.

ствовалъ принцъ крови. Министръ говорилъ, что сдѣлалъ это для того, чтобы предотвратить всякіе споры о предсѣдательствѣ, въ дѣйствительности же онъ сдѣлалъ это въ надеждѣ на вліяніе принцевъ крови при подачѣ голосовъ [1]. Правительство до того было увѣрено въ благопріятномъ рѣшеніи собранія, что указы уже были напечатаны и приготовлены для опубликованія [2]. Тогда то въ публикѣ распространился, въ видѣ насмѣшки, разсказъ, воспроизведенный вскорѣ въ различныхъ формахъ, объ одномъ фермерѣ, спрашивающемъ животныхъ своего скотнаго двора, которыхъ онъ собирался зарѣзать, «подъ какимъ соусомъ желаютъ они быть съѣденными? [3]». Подобную-же остроту приписывали и архіепископу Нарбоннскому. Калоннъ, сказалъ онъ, собирается пустить Франціи кровь, что онъ не разъ уже дѣлалъ, и спрашиваетъ теперь у нотаблей совѣта въ какомъ мѣстѣ ее пустить, на ногѣ, на рукѣ или на шеѣ [4].

Калоннъ не встрѣтилъ въ нотабляхъ той покорности, на которую такъ расчитывалъ. Они, безъ возраженія, согласились на учрежденіе Провинціальныхъ Собраній. Отмѣненіе барщины и нѣкоторыя другія мѣры были ими также приняты, но проектъ всеобщей поземельной повинности не встрѣтилъ уже одинаковой благосклонности [5]. Если нѣкоторые изъ нотаблей и соглашались великодушно нанести ударъ привиллегированнымъ классамъ, то другіе, напротивъ, хотя и не смѣя этого высказывать, вовсе не собирались это допустить. За то всѣ сходились въ томъ, что необходимо знать точную цифру дефицита прежде чѣмъ подавать голоса по вопросу о налогѣ, и

[1]. Augeard, 155.

[2]. Bachaumont, XXXIV, 224.

[3]. Id., XXXIV, 257, 258 et passim.; Grimm, XIII, 326.

[4]. Hardy, VII, 16.

[5]. Извѣстно, что Калоннъ хотѣлъ взимать эту повинность натурой; нотабли отвергли эту мысль, какъ трудно исполнимую, и постановили, что налогъ можетъ взиматься только деньгами.

требовали отчета состоянія финансовъ [1]. Калоннъ отказался дать имъ этотъ отчетъ, говоря, что Собраніе должно высказать свое мнѣніе о формѣ налога, а не о существѣ его [2]. Нотабли настаивали на своемъ требованіи; они говорили, что король спрашиваетъ совѣта *свободныхъ* [3] людей, и нѣкоторые изъ нихъ объявили, что скорѣе потребуютъ созванія генеральныхъ штатовъ, чѣмъ подпишутъ слѣпо то, что имъ предлагаютъ [4]. При дворѣ были сильно поражены этимъ сопротивленіемъ, котораго совсѣмъ не ожидали. Публика, такъ насмѣхавшаяся надъ нотаблями, съ своей стороны, теперь превозносила ихъ энергію, которая казалось внушалась имъ ихъ патріотизмомъ [5]. Король, полагавшій, что все обойдется безъ затрудненій, не скрывалъ своего неудовольствія [6]. Принцы крови выказывали не меньшее нетерпѣніе и нѣкоторые изъ нихъ покинули свои комитеты и занялись охотами [7].

Калоннъ расплачивался за свою смѣлость. Онъ уже принужденъ былъ сознаться въ одномъ изъ бюро собранія, что цифра дефицита была не восемьдесятъ милліоновъ, а сто двѣнадцать [8]. Приглашенный вскорѣ послѣ этого на общее собраніе, онъ имѣлъ дерзость сказать, что королю «доставляетъ удовольствіе видѣть какое согласіе царствуетъ между его министромъ финансовъ и собраніемъ о самомъ

[1]. Bachaumont, XXXIV, 242, 243.

[2]. Id. XXXIV, 269—272. По иниціативѣ министра, это же самое было выражено собранію въ посланіи отъ имени короля.

[3]. *Corresp. secr.*, II, 116.

[4]. Hardy, VII, 16; Bachaumont, XXXIV, 253, 254.

[5]. Hardy, VII, 10; *Corresp. secr.*, II, 115.

[6]. «Я вовсе не для того собралъ нотаблей, говорилъ онъ, чтобы они принимали или отвергали мѣры, а только, чтобы они высказались». *Corresp. secr.*, II, 123.

[7]. Bachaumont, XXXIV, 261, 295; *Corresp. secr.*, II, 126. Одинъ разъ случилось, что герцогъ Орлеанскій, преслѣдуя лань, вбѣжавшую въ Парижъ, проскакалъ черезъ предмѣстье Монмартръ, и, опрокинувъ и ранивъ нѣсколькихъ людей на дорогѣ, остановился только на площади Людовика XV.

[8]. Bachaumont, XXXIV, 242, 243.

существѣ и принципахъ проекта, и что они расходятся только въ второстепенныхъ, неважныхъ вопросахъ». Эта ложь раздражила нотаблей и въ запискахъ, представленныхъ королю, они фармально обвиняли Калонна «въ искаженіи истины [1]». Послѣдній начиналъ теперь бояться собранія, на поддержку котораго онъ слишкомъ легко полагался, и попытался возбудить противъ него общественное мнѣніе. Онъ велѣлъ раздать въ Парижѣ и разослать всѣмъ приходскимъ священникамъ для прочтенія съ кафедръ сообщеніе о томъ, что собраніе противится великодушнымъ намѣреніямъ государя о «благѣ народа» [2]. Это извращеніе намѣреній собранія предъ лицомъ всей страны подняло между нотаблями цѣлую бурю и они уже не стѣснялись никакимъ обвиненіемъ въ отношеніи Калонна. Его упрекали за его громадные займы, за суммы, которыя онъ бросилъ въ видѣ подарковъ, и за его хищенія. Людовику XVI представили записку, въ которой разсказывалось какимъ образомъ Калоннъ захватывалъ въ свою пользу значительныя суммы и какъ онъ заставилъ короля заплатить пятнадцать милліоновъ за Лоріантское имѣніе, стоившее только четыре милліона. Прославившійся той блестящею ролью, которую онъ игралъ въ Американскую войну, маркизъ Лафайетъ, требовалъ «тщательнаго» пересмотра расходовъ министра, говоря, что не слѣдуетъ отдавать на расхищеніе «плоды, добытые потомъ, слезами и, можетъ быть, кровью народа» [3]. Борьба приняла такіе размѣры и взаимныя обвиненія сыпались въ такомъ множествѣ, что даже Людовикъ XVI смутился.

Калоннъ пытался противустоять бурѣ. Тридцать три приказа объ арестѣ были приготовлены для тѣхъ нотаблей, которые выражали самую сильную оппозицію [4]. Обвинивъ

[1]. Bachaumont, XXXIV, 288—292.

[2]. Hardy, VII, 39. 42; Bachaumont, XXXIV, 343—345, 348—352.—*Corresp. secr.*, II, 125.

[3]. Bachaumont, XXXV, 58—61.—*Corresp. secr.*, II, 127, 128.

[4]. Id., XXXV, 14, 15.

нѣкоторыхъ министровъ. въ желаніи вредить ему, онъ добился отъ короля позволенія удалить хранителя печати [1], и назначить на его мѣсто Ламуаньона, президента парламента, котораго онъ зналъ за человѣка смѣлаго и неразборчиваго на средства и на поддержку котораго расчитывалъ [2]. Онъ требовалъ еще удаленія другого министра, покровительствуемаго королевой [3]. Марія-Антуанетта оскорбилась и на этотъ разъ удаленъ былъ самъ Калоннъ. Какъ только онъ передалъ свой портфель, такъ тотчасъ открылись еще новыя его мошенничества. При пересмотрѣ счетовъ обанкротившагося директора Страсбургскаго монетнаго двора, найдено было письмо генеральнаго контролера, въ которомъ онъ разрѣшалъ директору подѣлку монеты [4]. Въ виду подобнаго открытія Людовикъ XVI счелъ себя обязаннымъ поступить строго и Калоннъ неожиданно получилъ приказъ, ссылающій его въ Лотарингію [5].

Обманутый министромъ, которому онъ такъ довѣрялъ, Людовикъ XVI впалъ въ совершенное уныніе; его часто заставали въ слезахъ [6]. Общество, съ радостью принявшее извѣстіе объ отставкѣ Калонна, громко требовало возвращенія Неккера [7]. Нотабли, даже министры, требовали того же. Вмѣсто того, чтобы исполнить это общее желаніе, слабый монархъ снова поддался придворной интригѣ.

[1]. Гюэ-де-Мироменіль, хранитель печати съ 1774 г.

[2]. Augeard, 156.

[3]. Бретёйля, министра королевскаго двора.

[4]. Это письмо было написано Калонномъ въ то время, когда онъ приказалъ переплавить золотую монету. Hardy, VII, 54, 79.—*Corresp. secr.*, II, 128.

[5]. Bachaumont, XXXV, 16. Калоннъ получилъ отъ короля позволеніе покинуть Лотарингію, гдѣ жизнь его находилась въ опасности, и поселиться во Фландріи, потому что «какъ только разнеслась вѣсть о томъ, что онъ впалъ въ немилость, населеніе Метца подвергло его изображеніе казни чрезъ повѣшеніе». Hardy, VII, 66.

[6]. Bachaumont, XXXV, 14.

[7]. Id., XXXIV, 373.—*Corresp. secr.*, II, 135.

Послѣ нѣкотораго колебанія, во время котораго государственнымъ контролемъ завѣдывалъ старый, «не имѣвшій никакого значенія», государственный совѣтникъ [1], выборъ его палъ на человѣка, котораго онъ самъ не любилъ, но которому покровительствовала королева. Это былъ Бріеннъ, архіепископъ Тулузскій, который, равняясь Калонну въ нравственномъ отношеніи, не имѣлъ его способностей и былъ болѣе на своемъ мѣстѣ «въ кругу женщинъ», чѣмъ у кормила государства [2]. Уже двадцать лѣтъ какъ онъ мѣтилъ быть министромъ и, возставая противъ Калонна въ собраніи нотаблей, въ которомъ онъ участвовалъ, онъ имѣлъ только въ виду занять его мѣсто. Его сдѣлали главою финансоваго совѣта, такъ что государственный контролеръ былъ неболѣе какъ его главный помощникъ [3].

Между тѣмъ финансовый кризисъ становился все серьезнѣе; повсюду начались банкротства [4]. Для удовлетворенія первыхъ нуждъ, Бріеннъ послалъ парламенту указъ о займѣ въ шестьдесятъ милліоновъ, обѣщая сорокъ милліоновъ экономіи на расходахъ королевскаго двора, вмѣсто обѣщанныхъ Калонномъ двадцати. «Тронутый этими прекрасными заявленіями» парламентъ зарегистрировалъ заемъ [5]. Со своей стороны, Нотабли возобновили свои засѣданія, прерванныя на время перемѣной министра. Финансовые отчеты, которыхъ они не переставали требовать, наконецъ были имъ доставлены, и, хотя они

[1]. Фуркэ, который былъ министромъ только двадцать одинъ день; тѣмъ не менѣе онъ удалился съ пенсіономъ въ 20,000 ливровъ; *Corresp. secr.*, II, 138.—Bachaumont, XXXIV, 395, 396.

[2]. Augeard, 158.

[3]. Людовикъ XVI, который уже разъ отказался сдѣлать Бріенна архіепископомъ парижскимъ, тѣмъ неохотнѣе согласился теперь на этотъ выборъ и говорилъ, что не желаетъ имѣть духовное лицо министромъ (*ne veut pas de prêtraille dans le ministère*). Bachaumont, XXXV, 101. Бріеннъ назначенъ былъ 6 мая и въ то же время Фуркэ замѣнилъ Лоранъ-де-Вилледёйль.

[4]. Hardy, VII, 68, 98 *et passim*.

[5]. Bachaumont, XXXV, 93, 94 (10 мая 1787 г.).

не отличались ни полнотою, ни вѣрностью, но уже по нимъ стало видно, что дефицитъ достигаетъ цифры ста сорока милліоновъ [1]. Архіепископъ-министръ, который такъ нападалъ на проектъ Калонна, а теперь не могъ выдумать ничего другого, кромѣ предложенія того же проекта отъ своего имени [2], воспользовался этимъ открытіемъ для того, чтобы доказывать собранію необходимость общей поземельной повинности и гербоваго налога. Нотабли стали упрекать Бріенна въ томъ, что онъ забываетъ, что говорилъ въ бюро собранія, и теперь, какъ Калоннъ, «проповѣдуетъ» *налогъ и покорность* [3]. Не желая брать на себя отвѣтственность за обремененіе страны еще новыми податями, собраніе отказалось вотировать налоги и объявило, что обратится за рѣшеніемъ этого вопроса къ мудрости самого короля. Въ то же время нотабли выразили желанія, указывавшія на то, что ихъ дѣйствіями отнюдь не руководила любезность. Выйдя изъ начертанной имъ рамки, они потребовали мѣръ, которыя положили бы наконецъ предѣлъ безпорядкамъ и растратамъ. Они потребовали, чтобы ежегодно печатались отчеты доходовъ и расходовъ и чтобы въ финансовый совѣтъ призваны были способные, *стоящіе внѣ администраціи*, люди, которые могли бы слѣдить за работами этого совѣта. Въ нѣкоторыхъ бюро собранія потребовали пересмотра гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и преобразованія указовъ о протестантахъ. Лафайетъ осмѣлился даже предложить просить короля созвать черезъ пять лѣтъ, т. е. въ 1792 г., *Національное собраніе*. «Какъ, воскликнулъ графъ д'Артуа, вы требуете созванія генеральныхъ штатовъ?»—«Да, отвѣчалъ Лафайетъ, и *даже болѣе этого*» [4].

[1]. «Король самъ отобралъ тѣ счета, которые хотѣлъ показать нотаблямъ, отъ тѣхъ, которые пожелалъ скрыть и которые заключали въ себѣ, вѣроятно, подарки и растраты». Besenval, II, 233.

[2]. Soulavie, VI, 167.—Marmontel, *Mémoires*, IV, 3.

[3]. Bachaumont, XXXV, 124.

[4]. Bachaumont, XXXV, 135, 136; La Fayette, *Mém.*, II, 117; Sallier, *Annales françaises*. 75.

Нотабли разъѣхались 25 мая. Принимая во вниманіе только непосредственные результаты работъ этого собранія, можно сказать, что оно ничѣмъ почти не измѣнило прежняго положенія вещей [1]. Но оно оказало дѣйствіе другого рода. Настроеніе общества было теперь уже совершенно не то, съ какимъ оно встрѣтило первыя ихъ собранія; оно не разсѣяло недовѣріе къ правительству,—которое, напротивъ, возрасло еще въ большей степени. Всѣ были убѣждены, что правительство не обратитъ никакого вниманія на требованія, выраженныя нотаблями. Отвергали даже полезность Провинціальныхъ Собраній, говоря, что они будутъ только «слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ» въ рукахъ властей [2]. Такимъ образомъ правительство несло кару за то, что обмануло націю: она не довѣряла теперь даже мудрымъ его распоряженіямъ. Вліяніе собранія нотаблей заключалось въ томъ, что оно подняло духъ Франціи. Она ожила [3] при видѣ стойкости и патріотизма, выказанныхъ нѣкоторыми нотаблями. Вся страна принимала самое живое участіе въ ихъ работахъ. Со всѣхъ сторонъ посылались имъ заявленія и записки для уясненія ихъ взглядовъ и подержанія въ нихъ энергіи [4]. Какъ писалъ Лафайетъ одному изъ своихъ друзей въ Америкѣ, нотабли пріучили страну «думать объ общественныхъ дѣлахъ [5]»; и предсказанія тѣхъ, чей проницательный взглядъ видѣлъ въ этихъ собраніяхъ источникъ великихъ перемѣнъ, должны были оправдаться въ непродолжительномъ времени.

Послѣ засѣданій нотаблей должны были наступить засѣданія парламента. Онъ одинъ имѣлъ право придать силу

1. «Какъ того и слѣдовало ожидать отъ людей, говоритъ Баилльи, которые имѣли только право совѣта и не имѣли власти». *Corresp. secr.*, II, 145.

2. *Corresp. secr.*, II, 145.

3. «Нотабли показали, что нація еще существуетъ».—Cf. *Corresp. secr.*, II, 140, 142, 143.

4. Hardy, VII, 121 *et passim.*

5. La Fayette, къ Джею, въ маѣ 1787 г.

закона проектамъ правительства. Сначала ему были представленъ указъ, учреждающій провинціальныя собранія, и указъ, уничтожающій барщину. Оба указа были внесены безъ возраженій въ регистры. Послѣ этого парламенту предстояло высказаться о гербовомъ налогѣ. Тутъ то и поднялись пренія и посыпались обвиненія на Калонна, на расходы и на расточительность двора. Одинъ изъ членовъ парламента утверждалъ, что только генеральные штаты вправѣ установить этотъ налогъ. «Господа, сказалъ графъ д'Артуа, присутствовавшій на преніяхъ, вы знаете, что невозможно, чтобы король согласовалъ свои расходы съ доходами; надобно доходы эти согласовать съ его расходами». Наконецъ, послѣ преній, напоминавшихъ, какъ говорили, пренія англійскаго парламента, члены парламента сдѣлали тоже, что и нотабли: они потребовали отчетовъ [1]. Король отказалъ, ссылаясь на то, что такого рода ревизія «вовсе не входитъ въ обязанности парламента» [2]. Парламентъ повторилъ свое требованіе, поставивъ Людовику XVI на видъ, что, сообщивъ эти отчеты нотаблямъ, онъ не могъ отказать въ томъ же прламенту, «обязанному произнести свое рѣшеніе тамъ, гдѣ тѣ только подавали совѣтъ [3]». Король настаивалъ на своемъ отказѣ и потребовалъ немедленнаго внесенія въ регистры указа о налогѣ. Парламентъ возмутился. Послѣ перваго отвѣта короля было *двадцать пять* голосовъ за созваніе генеральныхъ штатовъ и двадцать семь за совершенное отверженіе указа. На этотъ разъ шестьдесятъ три голоса отвергали указъ, и *шестьдесятъ* стояли за требованіе генеральныхъ штатовъ [4]. На этихъ основаніяхъ парламентъ

[1]. Bachaumont, XXXV, 305—308; Hardy, VII, 128, 131; *Corresp. secr.*, II, 162.

[2]. Hardy, VII, 134. «Этотъ отказъ тѣмъ болѣе раздражилъ магистратовъ, что во вступленіи къ указу, король, уступая желанію нотаблей, обѣщалъ къ концу года опубликовать эти отчеты».

[3]. Bachaumont, XXXV, 330.

[4]. Id., XXXV, 333, 334.

представилъ королю возраженія, въ которыхъ убѣждалъ его взять указъ назадъ и выражалъ желаніе, *чтобы была собрана нація прежде чѣмъ будетъ установленъ какой бы то ни было новый налогъ* [1].

Эти ремонтрансы,—тотчасъ же напечатанные, въ которыхъ парламентъ давалъ ясно понять, что послѣ тѣхъ безпорядковъ, о которыхъ Франція теперь узнала, она не довѣряла болѣе ни мудрости, ни лойяльности правительства,—произвели сильнѣйшее впечатлѣніе. Публика ихъ «пожирала»; парламентъ, котораго въ послѣднее время, не безъ основанія, презирали за его слабость и покорность, моментально возвратилъ себѣ свою прежнюю популярность [2]. Въ первый разъ онъ выражалъ желанія, передъ которыми прежде, казалось, отступалъ. Въ немъ, такъ ревниво оберегавшимъ до сихъ поръ свои прерогативы, проснулся, наконецъ, голосъ совѣсти и патріотизма. Король взялъ назадъ указъ о налогѣ съ тѣмъ, чтобы смягчить въ немъ нѣкоторыя условія [3], и, проходя молчаніемъ вопросъ о созваніи генеральныхъ штатовъ, послалъ въ парламентъ проектъ общей поземельной повинности съ приказаніемъ немедленно его зарегистрировать. Большинствомъ *семидесяти двухъ* голосовъ противъ сорока восьми парламентъ постановилъ остаться при прежнемъ рѣшеніи и сдѣлалъ постановленіе, что, «*только сама нація* вправѣ даровать правительству субсидію, если ей ясно будетъ показана необходимость этого», а затѣмъ рѣшилъ послать королю депутацію съ тѣмъ, чтобы убѣдить его *созвать Генеральные Штаты* [4].

Это было 30 іюля 1787 г. Въ Парижѣ царствовало всеобщее волненіе. Въ Палэ-Рояли, въ кафэ, вездѣ только и разсуждали, что объ этихъ важныхъ событіяхъ. Ожи-

[1]. Bachaumont, XXXV, 361—364; Hardy, VII, 141, 142.

[2]. Hardy, VII, 152.

[3]. Гербовый налогъ хотѣли сначала сдѣлать постояннымъ, но король продлилъ его только на десять лѣтъ.

[4]. Bachaumont, XXXV, 377—378.

дали, что сдѣлаетъ министерство [1]. Въ провинціи броженіе было не меньшее. Всѣ парламенты рѣшили слѣдовать примѣру парижскаго [2]. Дворъ, съ своей стороны, твердо рѣшился ни-за-что не соглашаться на созваніе генеральныхъ штатовъ; онъ понималъ, что это значило «разрушить сразу труды многихъ вѣковъ на расширеніе и укрѣпленіе королевской власти». Обманываясь въ своей силѣ, обманываясь въ настроеніи общества, правительство предпочло употребить насиліе [3]. Парламентъ былъ потребованъ явиться «въ полномъ составѣ и въ красныхъ одеждахъ» на королевское засѣданіе въ Версаль. Онъ тотчасъ же выразилъ свой протестъ постановленіемъ, въ которомъ говорилось, что *конституціонный принципъ французской монархіи требуетъ, чтобы налоги постановлялись съ согласія тѣхъ, кто ихъ долженъ платить*; что причина согласія его на созданіе налоговъ въ послѣдніе года лежала «болѣе въ его рвеніи, чѣмъ въ его власти»; что извиненіе его заключается въ той лжи, которой «ослѣпляли» его вѣроломные министры и что онъ «не можетъ поручиться за исполненіе новыхъ указовъ народомъ, испуганнымъ несчастными послѣдствія-

[1]. «Нельзя не опасаться послѣдствій тѣхъ актовъ произвола, къ которымъ король, повидимому, склоненъ. Вѣрующіе христіане и благоразумные люди втихомолку оплакиваютъ бѣдствія родины и просятъ Всемогущаго, чтобы онъ просвѣтилъ Королевскій Совѣтъ» Hardy, VII, 161.

[2]. *Corresp. secr.*, II, 160.

[3]. Достойны вниманія слѣдующія размышленія одного современника по этому поводу: «Правительство долго колебалось на счетъ того, на что рѣшиться въ виду такого сопротивленія парламента. Созвать генеральные штаты значило разрушить сразу труды многихъ вѣковъ для расширенія и укрѣпленія королевской власти; оттягивать дѣло было невозможно вслѣдствіе крайнихъ, неотлагаемыхъ нуждъ. Пускать въ ходъ хлыстъ, конечно,—насиліе, но оно имѣетъ еще дѣйствіе въ наше время. Народъ выразитъ свое неудовольствіе эпиграммами, министры переживутъ нѣсколько непріятныхъ минутъ, но примѣръ 1771 г. научитъ ихъ выйти изъ этого положенія». *Corresp. secr.*, II, 169.

ми администраціи, хищничество которой онъ не предполагалъ даже возможнымъ [1]». 6 августа, указы о гербовомъ налогѣ и поземельной повинности были зарегистрированы въ Версали. На другой день, 7-го, парламентъ сдѣлалъ новое постановленіе, которымъ объявлялъ это внесеніе въ регистры *незаконнымъ и недѣйствительнымъ*. Громадная толпа, наполнявшая и окружавшая зданіе парламента, встрѣтила это постановленіе громкими криками одобренія [2]. Это была уже открытая война, и не между министерствомъ и парламентомъ, какъ думали при дворѣ, но между народомъ и королевскою властью.

Такой смѣлый поступокъ не могъ, конечно, остаться безнаказаннымъ. Ожидали, что министерство кассируетъ тотчасъ же постановленіе парламента и дастъ приказаніе объ арестѣ его членовъ. Придворные настаивали на мѣрахъ строгости. Баронъ де-Безенваль говорилъ королевѣ, что «королю давно пора показать свою власть, не то ему придется *сложить съ себя корону, чтобы, можетъ быть, никогда уже не носить ее на своей головѣ* [3]». Правительство было въ нерѣшимости; въ совѣтѣ мнѣнія раздѣлились. Малербъ, который участвовалъ въ немъ со времени удаленія Калонна, возставалъ противъ насильственныхъ мѣръ и подалъ мнѣніе за созваніе генеральныхъ штатовъ [4]. Пока министерство колебалось, волненіе въ обществѣ возрастало. Требованіе созванія генеральныхъ штатовъ, «пробудивъ въ націи сознаніе ея правъ», привело въ движеніе всѣ умы. Нападки на Марію-Антуанетту, которую считали главной причиной разоренія страны и которой дали оскорбительное прозвище м-мъ *Дефицитъ*, были такъ сильны, что начальникъ полиціи долженъ былъ посовѣтовать ей не показы-

[1]. Bachaumont, XXXV, 387—393; Hardy, 161—164.

[2]. Hardy, VII, 165.

[3]. Besenval, II, 260—261. «Какое громадное зло сдѣлалъ Калоннъ странѣ этими нотаблями!» воскликнула королева.

[4]. Bachaumont, XXXV, 396, 397.

ваться въ Парижѣ [1]. Парламентъ, ставъ выразителемъ національныхъ чувствъ, съ своей стороны распорядился произвести слѣдствіе объ управленіи Калонна [2]. Бывшій государственный контролеръ не сталъ дожидаться результатовъ этого слѣдствія и бѣжалъ въ Англію. Среди всей этой смуты, правительство опубликовало указы о гербовомъ налогѣ и о поземельной повинности и, не смущаясь, утверждало въ нихъ, что новые налоги постановлены съ согласія нотаблей [3]. Парламентъ опять протестовалъ и постановленіемъ 13 августа объявилъ это изданіе указовъ «незаконнымъ и недѣйствительнымъ». Въ этотъ день, какъ и на другой день послѣ королевскаго засѣданія, дворецъ парламента былъ «наводненъ народомъ», который толпился на всѣхъ лѣстницахъ, во всѣхъ дворахъ. При громкихъ крикахъ одобренія члены парламента прочли свое постановленіе, копіи съ котораго были ими тотчасъ же разосланы во всѣ подвѣдомственные ему низшія инстинціи [4].

На этотъ разъ правительство рѣшилось поступить строго. Въ ночь съ 14-го на 15-е августа всѣ члены парламента получили черезъ гвардейскихъ офицеровъ приказаніе въ двадцать четыре часа выѣхать въ Труа [5]. Тогда снова повторилось все то, что происходило при Людовикѣ XV. На другой день послѣ выѣзда членовъ парламента, повсюду, въ Парижѣ, въ Версали и даже на деревьяхъ ближнихъ къ столицѣ дорогъ, появились

[1]. Bachaumont, XXXV, 101, 402.

[2]. Постановленіемъ 10 августа.

[3]. Bachaumont, XXXV, 401, 415—418. «Разносчики получили приказаніе продавать эдикты, не выкрикивая ихъ заглавія».

[4]. Hardy, VII, 173—176. Bachaumont, XXXV, 406—408.

[5]. Lettres de cachet объ арестѣ членовъ парламента писаны, были съ такой поспѣшностью, что въ нѣкоторыхъ ошибкой поставлено было *Сансъ* вмѣсто *Труа*; на многихъ не было помѣчено числа на другихъ были помарки, а одно было написано на имя члена парламента, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Hardy, VII, 178.—Bachaumont, XXXVI, 53.

угрожающія аффиши [1]. Въ кварталѣ Пале-Рояля толпа избила почти до смерти двухъ разносчиковъ, выкрикивавшихъ указы, не признанные парламентомъ [2]. Распорядиться зарегистрированіемъ этихъ указовъ было поручено двумъ братьямъ короля, одному—Счетной палатѣ, другому—Палатѣ косвенныхъ налоговъ, завѣдывавшей дѣлами о налогахъ. Такъ какъ графа Прованскаго считали противникомъ изгнанія парламента, то его встрѣтили довольно привѣтливо, тогда какъ графъ д'Артуа встрѣченъ былъ такой бурею свистковъ, что, несмотря на то, что его окружала стража, онъ «поблѣднѣлъ» отъ страха [3]. Палаты счетная и косвенныхъ налоговъ поступили такъ же, какъ и парламентъ; объявивъ внесеніе въ регистры незаконнымъ, они требовали вмѣстѣ съ возвращеніемъ членовъ парламента, созванія генеральныхъ штатовъ. Волнующаяся толпа ожидала на улицѣ результата ихъ преній. Услышавъ шумъ, происшедшій вслѣдствіе разногласій между нѣкоторыми членами суда, около шестидесяти человѣкъ ворвались въ залу засѣданія и потребовали, чтобы имъ показали регистры. «Имѣйте довѣріе къ палатѣ, сказалъ имъ одинъ изъ совѣтниковъ, и уважайте вашего короля [4]».

Монетное управленіе и Шателе послали, въ свою очередь, депутаціи, одну къ королю, другую къ хранителю печати съ требованіемъ призвать обратно парламентъ [5]. Министерство приказало выкрикивать на улицахъ объ упраздненіи значительнаго числа должностей при королѣ и королевѣ, но совершенно неудачно: этимъ оно встревожило только придворныхъ лицъ [6], нисколько не успо-

[1]. Bachaumont, XXXV, 410.

[2]. Hardy, VII, 178.

[3]. Hardy, VII, 79.—Bachaumont, XXXV, 419—421.

[3]. Hardy, VII, 181, 182.—Bachaumont, XXXV, 422, 439.

[5]. Bachaumont, XXXV, 488—489.—Hardy, VII, 204.

[6]. «Ужасно, говоритъ баронъ де-Безанваль, жить въ странѣ, гдѣ не увѣренъ, что завтра не лишишься всего, что имѣлъ наканунѣ. Живешь точно въ Турціи». Besenval, II, 256.

коивши общество, которое видѣло въ этомъ новый обманъ съ цѣлью заставить его замолчать [1]. Нѣсколько клерковъ, присоединившись къ «парламентской шайкѣ», имѣли дерзость сжечь, на глазахъ у полиціи, у подножья большой лѣстницы парламента. указы о гербовомъ и о поземельномъ налогѣ [2]. Нѣкоторыя объявленія, ежедневно прибиваемыя въ Парижѣ, гласили: *черезъ восемь дней или парламентъ или огонь* [3]. Народное волненіе было очень сильно, говорили о «возмущеніи предмѣстій»; правительство, ожидавшее только пѣсенокъ и эпиграммъ, теперь опасалось бунта [4]. Оно уже распорядилось закрыть всѣ клубы, на которые смотрѣло какъ на «сборища недовольныхъ и фрондеровъ» [5], и принуждено было принять военныя предосторожности. Повсюду въ Парижѣ ходили патрули. «Опасный способъ, писалъ одинъ современникъ, свидѣтельствующій о томъ, что согласіе, связывающее монарха съ его подданными, перестало существовать» [6].

Въ виду всей этой смуты, Людовикъ XVI не нашелъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ передать всю власть въ руки Бріенна, который, ссылаясь на необходимость централизаціи власти, добился объявленія его *главнымъ министромъ* [7]. Эта мѣра поселила въ министерствѣ духъ зависти и соперничества и послужила только къ ослабленію его [8]. Между тѣмъ пламя, охватившее столицу, распространялось по всему государству Когда члены парламента прибыли въ Труа, народъ

[1]. Bachaumont, XXXV, 403—405, 411; Hardy, VII, 171, 176
[2]. Bachaumont, XXXV, 430, 431.
[3]. Hardy, VII, 184.
[4]. Id., VII, 184, 185.
[5]. Bachaumont, XXXV, 453, 454.
[6]. *Corresp. secr.*, II, 176 (26 августа 1787).
[7]. Bachaumont, XXXVI, 10, 11; Besenval, II, 269.
[8]. По этому случаю подали въ отставку маршалы де-Сегюръ и де-Кастри, одинъ—военный министръ, другой—морской.

толпами вышелъ къ нимъ на встрѣчу, отпрегъ лошадей и самъ ввезъ экипажи въ городъ [1]. Не прошло и мѣсяца, какъ всѣ провинціальные парламенты, Реннскій, Руанскій, Бордосскій, Дижонскій, Безансонскій, Гренобльскій, Тулузскій и Поскій, издали постановленія, въ которыхъ требовали возращенія парижскаго парламента, преданія Калонна суду и созванія генеральныхъ штатовъ. Въ этихъ постановленіяхъ, которыя были настоящими обвинительными актами противъ правительства, они говорили о «нуждахъ народа, брошеннаго на добычу куртизанамъ», о непомѣрныхъ налогахъ, тяготѣющихъ надъ страной; они говорили, что въ эти послѣдніе три года, не говоря уже объ обыкновенныхъ податяхъ, «поглощено» было посредствомъ займовъ, взиманія впередъ и другими фискальными мѣрами, болѣе *милліарда*; напоминали всѣ насильственныя регистраціи, всѣ самовольныя дѣйствія правительства и прибавляли, что столько злоупотребленій *могли наконецъ порвать узы, связывающія народъ съ его монархомъ*, и что націи давно пора вступить, посредствомъ генеральныхъ штатовъ, въ свои такъ долго попираемыя права [2].

Каждое изъ этихъ появлявшихся со всѣхъ сторонъ одновременно обвиненій являлось новою искрою, воспламеняющею умы. Чтобы подавить эту угрожающую «конфедерацію», нѣкоторые министры предложили уничтожить всѣ парламенты и замѣнить ихъ верховными совѣтами, а внесеніе въ регистры возложить либо на государственный совѣтъ, либо на провинціальныя собранія, «предсѣдательствовать въ которыхъ должны люди, преданные двору» [3]. Хранитель печати, Ламуаньонъ, давно разгадавшій неспособность Бріенна и втайнѣ намѣревавшійся

[1]. Hardy, VII, 191.

[2]. Id., VII, 192. — 231.—Bachaumont, XXXV, 475, 503; XXXVI, 5, 6, 11, 18—28 (августъ-сентябрь 1787 г.).

[3]. Bachaumont, XXXVI, 27, 28; *Corresp. secr.*, II, 181, 182.

разыграть роль канцлера Мопу [1], котораго онъ былъ самымъ ярымъ противникомъ въ 1771 г., настаивалъ болѣе всѣхъ другихъ министровъ на мѣрахъ строгости. Но Бріеннъ, озабоченный событіями, происходившими тогда въ Голландіи и заставлявшими его опасаться войны съ Англіей [2], не хотѣлъ усиливать внутреннихъ затрудненій. Его самолюбію льстила также мысль освятить въ глазахъ народа свое первенство въ министерствѣ умиротвореніемъ смутъ [3]. Онъ вошелъ въ переговоры съ парламентомъ и устроилъ сдѣлку, на основаніи которой послѣдній согласился продлить еще на два года налогъ «второй двадцатой», срокъ котораго истекалъ въ 1790 г., а король, съ своей стороны, бралъ свои указы назадъ [4]. Такою цѣною парламентъ купилъ свое возвращеніе изъ ссылки. 24 сентября правительство велѣло провозгласить въ Парижѣ декларацію, которою оно отмѣняло указы о гербовомъ налогѣ и о поземельной повинности. Это значило провозгласить свой позоръ. «Что слѣдуетъ думать, говорили тогда, о правительствѣ, которое требуетъ увеличенія налоговъ болѣе чѣмъ на сто милліоновъ, объявляетъ это необходимымъ, употребляетъ насиліе за насиліемъ для того, чтобы заставить этому подчиниться, и менѣе чѣмъ черезъ шесть недѣль беретъ всѣ свои слова назадъ, отказывается отъ этихъ доходовъ и довольствуется ни-

Что касается государственнаго совѣта, то его полномочія желали увеличить прибавленіемъ къ нему палаты пэровъ.

[1]. См. письмо Безенваля къ Ламуаньону, писанное въ іюлѣ 1787 г.; изъ этого письма видно, какія надежды лелѣялъ уже тогда Ламуаньонъ. Besenval, II, 237—243; Augeard, 158, 160.

[2]. Besenval, II, 275—278.

[3]. Bachaumont, XXXVI, 11.

[4]. Несмотря на всѣ свои уловки съ членами парламента, Бріеннъ получилъ согласіе на эту сдѣлку только большинствомъ десяти голосовъ. Besenval, II, 273, 274; Hardy, VII. 234, 236; Bachaumont, XXXVI, 30—34, 66, 67. Парламентъ выражалъ также желаніе, чтобы налогъ первой двадцатой пересталъ быть постояннымъ, «такъ какъ это противно характеру всякаго налога, и не можетъ быть узаконено».

чтожнымъ продленіемъ уже существующаго налога?» [1].

Народъ встрѣтилъ возвращеніе парламента такими же демонстраціями, какъ и въ 1774 г. Впродолженіе нѣсколькихъ вечеровъ вокругъ дворца парламента стрѣляли изъ ружей и пускали фейерверки. Торговки привѣтствовали членовъ парламента на Шарантонскомъ мосту и украшали почтальоновъ кокардами и лентами [2]; но общество, однакоже, не было вполнѣ удовлетворено этимъ возвращеніемъ. Надѣялись, что продленіе кризиса принудитъ правительство созвать генеральные штаты. Наиболѣе горячія головы обвиняли даже парламентъ въ измѣнѣ своимъ принципамъ и называли его поведеніе «совершенной подлостью» [3]. Дѣйствительно, несмотря на спокойствіе, которое, казалось, наступило послѣ возвращенія парламента, недовольство продолжало царствовать во всей своей силѣ. Противъ короля и Маріи-Антуанетты продолжали выпускать оскорбительные пасквили [4]. Во Французской Комедіи «съ яростью» апплодировали тѣмъ стихамъ въ *Athalie,* гдѣ Іоадъ призываетъ на преступную королеву «духъ безразсудства, *роковой предвѣстникъ паденія короля* [5]». Самая народная радость выражалась угрожающими признаками. На площади Дофина народъ не удовольствовался сожженіемъ изображенія Калонна, какъ когда то онъ это сдѣлалъ съ Мопу, но предалъ пламени изображеніе «ла Полиньякъ» и тому же чуть было не подверглось самое изображеніе коррлевы [6].

Правительство, съ своей стороны, все еще оставалось въ боевомъ настроеніи. Правда, оно сняло многочисленные патрули, которые придавали Парижу видъ города на военномъ положеніи, но офицерамъ гвардіи запрещено

1. Bachaumont, XXXVI, 29.—Hardy, VII, 239.
2. Hardy, VII, 244.
3. Hardy, VII, 244, 245; *Corresp. secr.,* II, 186.
4. Hardy, VII, 248.
5. *Corresp. secr.,* II, 186.
6. Bachaumont, XXVI, 90—92, 96.—Hardy, VII, 251, 255.

было уѣзжать изъ столицы и клубы все еще оставались закрытыми [1]. Оно кассировало постановленіе парламента, которымъ предписывалось произвести слѣдствіе надъ управленіемъ Калонна [2], боясь того волненія, которое бы оно произвело, и того позора, который оно могло раскрыть. Вскорѣ не замедлили распространиться слухи о новыхъ враждебныхъ намѣреніяхъ, которыя оно питаетъ противъ членовъ парламента. Говорили, что оно рѣшило отобрать у парламента право внесенія въ регистры, если не всѣхъ законовъ, то касающихся фиска. Говорили о происходившихъ, будто-бы, по этому поводу, совѣщаніяхъ между Бріенномъ и бывшимъ канцлеромъ Мопу [3]. Все заставляло думать, что примиреніе двора съ парламентомъ только мнимое, фиктивное и что вскорѣ возникнутъ новыя столкновенія.

Въ ноябрѣ прекратились опасенія возможности войны съ Англіею. Министерство заставило республиканскую Голландію, съ которою соединяли Францію не только трактаты, но и политическіе интересы, уступить въ неравной борьбѣ и подчиниться иноземнымъ законамъ. Если для него это и было еще однимъ безчестнымъ поступкомъ больше, то вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ затрудненіемъ меньше [4]. Тѣмъ не менѣе финансовыя затрудненія нисколько не облегчились. Продленіе налога на «вторую двадцатую доходовъ» представляло рессурсы только въ отдаленномъ будущемъ. Не смѣя болѣе прибѣгать къ

[1]. Hardy, XXXVI, 35, 58, 59.

[2]. Id., VII, 283; *Corresp. secr.*, II, 199.

[3]. Id., VII, 259, 267.

[4]. Besenval, II, 283, и La Fayette, II, 235 одинаково свидѣтельствуютъ о томъ позорѣ, который навлекло на себя правительство этимъ поступкомъ. Извѣстно, что по внушенію Англіи 24,000 пруссаковъ проникли въ Голландію защищать штатгальтера противъ партіи патріотовъ. Важный трактатъ 1785 г. между Франціей и республиканской Голландіей былъ такимъ образомъ уничтоженъ новыми трактатами, которые порабощенная Голландія должна была заключить съ Англіей и Пруссіей (15 янв. 1788 г.).

налогамъ, архіепископъ рѣшился прибѣгнуть къ займу, реализируя его ровными частями впродолженіи пяти лѣтъ [1]. Этой комбинаціей онъ обезпечивалъ себѣ пятилѣтнюю передышку. Для того, чтобы получить согласіе на этотъ «гигантскій заемъ», Бріеннъ долженъ былъ обѣщать въ указѣ, нарочно для этого изданномъ, созвать по истеченіи этихъ пяти лѣтъ, генеральные штаты, заранѣе, конечно, намѣреваясь не сдержать этого обѣщанія. Одновременно онъ долженъ былъ издать, столько разъ требуемый, законъ о дарованіи протестантамъ гражданскихъ правъ [2]. Онъ задумалъ предъявить оба эти указа въ засѣданіи, въ которомъ присутствіе короля повліяло бы на парламентъ, хотя оно и не было настоящимъ королевскимъ засѣданіемъ. Составивши себѣ этотъ планъ, Бріеннъ принялъ мѣры, чтобы деньгами и всевозможными способами обольщенія создать себѣ большинство въ парламентѣ. Но даже придворные видѣли, что онъ обманывается на счетъ результата своихъ интригъ [3]. «Озлобленіе противъ правительства [4]» такъ твердо «засѣло во всѣ головы» и броженіе было такъ велико, что если ему, по словамъ Мирабо, и «удавалось купить людей, то послѣдніе могли быть ему невѣрны, не совершая низости». Тогда же онъ писалъ одному члену парламента, что «нація въ слишкомъ критическомъ положеніи, чтобы можно было позволить людямъ, доведшимъ ее до этого, продолжать дѣйствовать впродолженіе еще шестидесяти мѣсяцевъ».

[1]. 120 милліоновъ въ 1788 г.; 90—въ 1789; 80—въ 1790; 70—въ 1791 и 60—въ 1792. Besenval, II, 289, удивляясь ловкости этой комбинаціи, говоритъ, что мысль ее была подана Бріенну Ламуаньономъ, «а самому ему не придумать бы этого».

[2]. Бріеннъ тѣмъ охотнѣе предлагалъ этотъ законъ, что протестанты обѣщали, какъ при Калоннѣ, заплатить сверхъ этого еще значительныя суммы. *Corresp. secr.*, II, 203.

[3]. Besenval, II, 291. По словамъ Безенваля, онъ потерялъ въ ночь, въ предшествующую засѣданію, восемь голосовъ.

[4]. Выраженіе Безенваля, II, 291.

Намъ нужна, прибавлялъ онъ, конституція; *Франція созрѣла для революціи* [1].

19 Ноября, въ 9 час. утра Людовикъ XVI внезапно явился въ парламентъ. Каникулы парламента только что окончились и онъ находился еще въ очень не полномъ составѣ. Всѣмъ членамъ, на голоса которыхъ министерство надѣялось, присланы были въ ночь особыя увѣдомленія [2]. Хранитель печати прочелъ указъ о займѣ и пренія начались. Нѣкоторые члены парламента энергично стояли за разрѣшенія займа не болѣе какъ на одинъ годъ и требовали возможно скораго созыва генеральныхъ штатовъ. «Зачѣмъ, воскликнулъ одинъ изъ нихъ, откладывать это до 1792 года [3]; неужели находятъ, что въ финансахъ еще мало безпорядка? Истина въ томъ, государь, что ваши министры хотятъ избѣжать этихъ генеральныхъ штатовъ, опасаясь ихъ надзора. Но надежды ихъ тщетны и черезъ два года состояніе государства принудитъ васъ созвать ихъ»! Была минута, когда Людовикъ XVI поколебался и, быть можетъ, онъ уступилъ бы этимъ настойчивымъ убѣжденіямъ, еслибы не былъ «подготовленъ» министрами. Пренія еще продолжались, когда хранитель печати приблизился къ королю, сказалъ ему что то на ухо и затѣмъ, повернувшись къ членамъ парламента, провозгласилъ внесеніе въ регистры въ той формѣ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ королевскомъ засѣданіи. Громкій ропотъ пробѣжалъ по собранію, которое, вдругъ,

[1]. Mirabeau, *Mém.*, IV, 462, 465; письма отъ 10 и 18 ноября 1787 г.

[2]. Bachaumont, XXXVI, 204. «Неслыхано сколько хитростей употреблено министрами для зарегистрованія этого займа. Они хотѣли воспользоваться обычнымъ продленіемъ каникуловъ до дня св. Екатерины и отсутствіемъ многихъ пэровъ и членовъ парламента; они хотѣли добиться большинства, собравъ голоса всѣхъ почетныхъ членовъ, государственныхъ совѣтниковъ, докладчиковъ и другихъ сторонниковъ двора, которые всѣ получили ночью приказаніе явиться во дворецъ».

[3]. Робертъ де-Сенъ-Винсентъ.

изъ простого засѣданія въ присутствіи короля съ свободой преній превратилось въ королевское засѣданіе. Герцогъ Орлеанскій, присутствовавшій на собраніи, объявилъ такое регистрованіе незаконнымъ. Людовикъ XVI, видимо смущенный, поспѣшно велѣлъ прочесть указъ о протестантахъ, затѣмъ всталъ и вышелъ, пробывъ въ засѣданіи около девяти часовъ [1].

Ламуаньона обвиняли въ томъ, что онъ нарочно старался вызвать столкновеніе, чтобы имѣть поводъ нанести ударъ магистратурѣ. Можетъ быть также онъ опасался, что указъ не будетъ принятъ на тѣхъ условіяхъ, какія предлагало министерство. И дѣйствительно большинство парламента рѣшило вотировать заемъ только на два года съ «непремѣннымъ» обѣщаніемъ короля созвать генеральные штаты въ 1789 г. [2]. Тотчасъ же послѣ ухода короля парламентъ внесъ въ протоколъ постановленіе, что онъ не принималъ никакого участія въ зарегистрованіи указа [3]. На другой день король потребовалъ къ себѣ въ Версаль депутацію съ протоколами, изъ которыхъ велѣлъ при себѣ вычеркнуть это постановленіе. Въ тотъ же день, герцогъ Орлеанскій получилъ приказаніе отправиться въ свои помѣстья въ Виллье—Коттере, а два совѣтника [4], говорившіе въ засѣданіи при королѣ, сосланы—одинъ въ замокъ Дулланъ, другой въ Сенъ-Мишель [5]. Эти произвольныя строгія мѣры, послѣдовавшія за насильственнымъ и даже обманнымъ внесеніемъ въ регистры, возмутили парламентъ и все общество. Во всеуслышаніе говорили, что такимъ насильственнымъ зарегистрированіемъ королевская власть унизила себя [6]. Обѣщаніе созвать въ 1792 г. генеральные штаты не произвело ожидаемаго

[1]. Bachaumont, XXXVI, 201, 202.—Besenval, II, 291. Sallier, 113—129.

[2]. Bachaumont, XXXVI, 204, 231, 232; Sallier, 131.

[3]. Id., 230.

[4]. Фрето и аббатъ Сабатье.

[5]. Bachaumont, XXXVI, 212—215; Sallier, 129—132.

[6]. Id., XXXVI, 204.

министерствомъ дѣйствія; всѣ были убѣждены, что обѣщаніе это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы не сдержать его [1]. Болѣе чѣмъ когда нибудь ожидали, что правительство прибѣгнетъ къ насиліямъ надъ парламентомъ [2]. Такъ какъ заемъ не могъ уже быть сдѣланъ вслѣдствіе отказа магистратовъ, то Бріенну не оставалось иного способа избѣжать банкротства, какъ вводить налоги, отъ которыхъ раньше онъ вынужденъ былъ отказаться, прибѣгнувъ для этого къ государственному перевороту [3].

Черезъ день послѣ королевскаго засѣданія, парламентъ отправилъ Людовику XVI депутацію съ просьбой возвратить свободу сосланнымъ членамъ и герцогу Орлеанскому. Въ *Прошеніи* своемъ онъ во имя закона говорилъ, что ни одинъ гражданинъ не можетъ быть осужденъ безъ выслушанія отъ него объясненія и что въ этомъ случаѣ онъ ходатайствуетъ за весь французскій народъ. Король отвѣтилъ, что напрасно они требуютъ отъ его справедливости того, что можно ждать только отъ его доброты [4]. Этотъ «жалкій» отвѣтъ еще болѣе раздражилъ парламентъ, который постановилъ, что не имѣетъ надобности прибѣгать къ добротѣ короля; что это было бы съ его стороны «нарушеніемъ существеннѣйшихъ принциповъ общественнаго строя»; что этимъ онъ сдѣлалъ бы себя соучастникомъ «деспотизма», и рѣшилъ представить королю возраженія противъ примѣненія lettres de cachet [5]. Это заявленіе чуть было не сдѣлалось причиной страшной бури. Людовикъ XVI объявилъ, что ему надоѣли всѣ эти волненія и онъ хочетъ «покончить съ ними». Рѣшено было уничтожить парламентъ, заточить въ тюрьму болѣе непокорныхъ членовъ его, а остальныхъ сослать въ Туръ

[1]. Hardy, VII, 303.—*Corresp. secr.*, II, 213.

[2]. Id., VII, 295, 297.—*Corresp. secr.*, II, 207.

[3]. Mirabeau, *Mém.*, IV, 469—475.

[4]. Hardy, VII, 309, 310.—Bachaumont, XXXVI, 210, 232, 261, 274, 330, 331 (28 декабря 1787 г.).—*Corresp. secr.*, II, 202. Депутація была послана 21 ноября, а *Прошенія* 28-го.

[5]. Hardy, VII, 336, 337 (4 генваря 1788 г.).

или въ Пуатье. Гвардія уже получила приказаніе быть на готовѣ и оставалось только разослать приказы объ арестахъ, когда Бріеннъ, въ послѣднюю минуту, поколебался еще разъ [1]. Кончили тѣмъ, что снова потребовали парламентъ въ Версаль вмѣстѣ съ протоколами и король велѣлъ вычеркнуть изъ нихъ послѣднее постановленіе, прибавивъ: «Я запрещаю вамъ возобновлять это постановленіе и дѣлать впредь подобныя [2]».

Пока происходили въ Парижѣ эти столкновенія, въ провинціальныхъ парламентахъ волненіе не улегалось. Болѣе смѣлые и болѣе вѣрные своимъ принципамъ, чѣмъ парижскій парламентъ, они не согласились на продленіе налога второй двадцатой на доходы и настаивали на созваніи генеральныхъ штатовъ, «прежде чѣмъ вводить какой бы то ни было новый налогъ». Многіе отвергали учрежденіе провинціальныхъ собраній и требовали взамѣнъ ихъ возобновленія прежнихъ провинціальныхъ штатовъ, которые, имѣя власть вотировать налоги, представляли болѣе гарантій для гражданъ, чѣмъ новыя собранія. Другіе, боясь, чтобы эти собранія не сдѣлались орудіями въ рукахъ правительства, отказывались давать свое согласіе на ихъ созывъ, пока министерство не выработаетъ уставъ, на основаніи котораго они будутъ организованы [3]. Послѣднія дѣйствія министерства еще усилили это волненіе. Изъ разныхъ сторонъ королевства присылались ремонтрансы, которыми парламенты протестовали во имя права, которое они считали попраннымъ, противъ ссылки герцога Орлеанскаго и заключенія двухъ совѣтниковъ. «Потворство злоупотребленіямъ и забвеніе законовъ, писалъ Реннскій парламентъ, влекутъ за собою презрѣніе къ законамъ, а презрѣніе къ законамъ ведетъ государство къ гибели»,

[1]. Hardy, VII, 339, 340.—*Corresp. secr.*, II, 218; Sallier, 137. Это должно было совершиться въ ночь съ 7-го на 8-е января 1788 г.

[2]. Hardy, VII, 350, 351 (17 января 1788 г.).

[3]. О всѣхъ этихъ представленіяхъ см. у Hardy, VII, 323—400 (декабрь 1787 г.—февраль 1788 г.) и Bachaumont; XXXV, 135—321.

Хранитель печати, которому поступали всѣ эти заявленія, отсылалъ ремонтрансы не читая и требовалъ отъ губернаторовъ провинцій насильственнаго зарегистрованія оспариваемыхъ указовъ, грозя наказать непокорныхъ [1]. Ясно было, что онъ нарочно «разжигалъ огонь», чтобы принудить Бріенна къ рѣшительному удару [2]. Одинъ современникъ, относившійся очень спокойно къ этой грозной борьбѣ, писалъ: «Ламуаньонъ доводитъ парламенты до крайности, тѣ въ свою очередь доводятъ до крайности короля. *Спасайся, кто можетъ!*» [3].

Неблагоразумное правительство, рѣшавшееся на насильственныя мѣры, въ то время какъ революція уже готовилась вспыхнуть, было на самомъ дѣлѣ совершенно безсильно и неувѣренно въ себѣ. Какъ бы для того, чтобы еще болѣе ослабить его, Бріеннъ ввелъ покровительницу свою, королеву, во всѣ комитеты и далъ ей первенствующій голосъ въ рѣшеніяхъ, что возбуждало еще большее недовѣріе къ министерству и ненависть къ Маріи-Антуанеттѣ [4]. Самъ онъ, неувѣренный, колеблющійся, не способный ни къ чему, кромѣ интригъ, съ разстроеннымъ невоздержной жизнью здоровьемъ и вносившій нерѣшительность въ министерство, казалось, только и думалъ объ увеличеніи своего богатства и о почестяхъ. Подъ предлогомъ вліять на духовенство онъ присвоилъ себѣ завѣдываніе бенефиціями. Онъ промѣнялъ Тулузское архіепископство на Санское, которое было несравненно доходнѣе, и взялъ себѣ еще аббатства Корби и Сентъ-Уанъ, изъ которыхъ послѣднее приносило шестьсотъ тысячъ ливровъ дохода. Кромѣ того онъ владѣлъ раньше аббатствами Бассъ-Фонтэнь, Муассакъ и Сенъ-Вандриль и,

[1]. Hardy, VII, 334, 382.

[2]. Id., 335; cf. *Corresp. secr.*, II, 207.

[3]. *Corresp. secr.*, II, 220. Маркизъ де-Мопу, сынъ канцлера, говорилъ: «Меня радуетъ все то, что дѣлаетъ Ламуаньонъ; это заставитъ забыть моего отца».

[4]. Besenval, II, 310.

наконецъ, получалъ отъ другихъ бенефицій доходовъ около семи сотъ тысячъ ливровъ, что не помѣшало ему просить и получить для уплаты долговъ государственный лѣсъ въ девять сотъ тысячъ ливровъ. Больной, почти умирающій, онъ на одрѣ болѣзни хлопоталъ о кардинальской шапкѣ [1]. Таковъ былъ человѣкъ, претендовавшій управлять парламентами, сдерживать общественное мнѣніе и въ руки котораго королевская власть отдала свою судьбу!

Среди этихъ событій наступилъ 1788 годъ. Положеніе дѣлъ было страшно критическое, безпокойство—всеобщее. Довѣріе и уваженіе къ королевской власти ослабѣвали съ каждымъ днемъ; ренты не уплачивались. Несмотря на всѣ слухи, распускаемые приверженцами министерства [2], заемъ не былъ покрытъ. Слово *банкротство* было у всѣхъ на языкѣ [3]. Все было возстановлено противъ двора; его ненавидѣли, презирали. Мысль созвать генеральные штаты какъ можно скорѣе, все болѣе и болѣе овладѣвала умами. Уже не хотѣли ждать 1789, желали чтобы они были созваны въ 1788 г. [4]. Аффиши, прибиваемыя въ разныхъ мѣстахъ Парижа, грозили «всеобщимъ бунтомъ», если они не будутъ созваны въ самомъ скоромъ времени. Другія объявленія гласили: *Короли только съ тѣмъ получали власть отъ народа, чтобы они охраняли законы, и внѣ закона они не властны ни въ чемъ* [5]. На улицахъ можно было видѣть какъ переписывались эти аффиши разными лицами [6]. Духъ возмущенія проявлялся даже при дворѣ. «Проникшись всеобщими толками объ уничтоженіи королевской власти, знатные молодые люди вели самые революціонные разговоры даже въ передней коро-

[1]. Hardy, VII, 365, 366, 475; *Corresp. secr.*, II, 188, 201, 206, 223, 233 (октябрь 1787, февраль 1788); cf. Besenval, II, 300; Bachaumont, XXXVI, 246, 247; Marmontel, *Mém.*, IV, 30.

[2]. Bachaumont, XXXVI, 244.

[3]. Besenval, II, 283; Hardy, VII, 333, 334.

[4]. Hardy, VII, 306; *Corresp. secr.*, II, 235.

[5]. *Corresp. secr.*, II, 217.

[6]. Hardy, VII, 335 (январь 1788 г.).

ля [1].» Всюду появлялись смѣлыя, горячія, возбуждающія брошюры. Чувствовался конецъ прежняго режима и близость новаго. Въ *Альманахѣ честныхъ людей*, который былъ осужденъ парламентомъ на сожженіе, предлагалось ввести новый календарь, почти тотъ самый, который черезъ нѣсколько лѣтъ былъ принятъ республиканской Франціей; онъ начинался съ *перваго года царства Разума* [2]. Нѣсколько дней спустя послѣ осужденія этого альманаха, парламентъ зарегистрировалъ указъ о дарованіи протестантамъ гражданскихъ правъ [3]. Одержанная среди бурныхъ событій, эта побѣда духа терпимости, уже пол-вѣка подготовляемая философіей, прошла почти незамѣченною.

Теперь парламентъ представилъ королю составленные раньше ремонтрансы противъ lettres de cachet. Онъ формально требовалъ уничтоженія ихъ. «Государь, говорилъ онъ, *свобода—не привилегія, она—право*; и долгъ всякаго правительства уважать это право» [4]! Въ то время, какъ парламентъ ратовалъ за свободу личности и на слова его отзывалась вся Франція, правительство собиралось «нанести ему жестокіе удары» [5]. Увлеченное и ослѣпленное кажущимся успѣхомъ мѣръ, принятыхъ въ 1771 году, оно думало, что произволъ все еще можетъ одержать побѣду и не замѣчало, что протекшіе съ того времени восемнадцать лѣтъ значительно просвѣтили націю [6]

[1]. Besenval, II, 305.

[2]. Постановленіе парламента отъ 7 января 1788 г., которымъ осуждался на сожженіе печатный листокъ подъ заглавіемъ: *Almanach des honnêtes gens.*

[3]. Hardy, VII, 318, 327, 362. Только 17 голосовъ было противъ указа.

[4]. Hardy, VII, 390—392.

[5]. *Corresp. secr.*, II, 236 (11 марта 1788 г.).

[6]. «Министерство думало, что деспотизмъ еще можетъ одерживать побѣды надъ націей, тогда какъ онъ только усиливаетъ непокорность, родившуюся вслѣдствіе изученія конституціонныхъ законовъ». *Corresp. secr.*, II, 213 (29 декабря 1787 г).

Въ продолженіи февраля и марта во всѣхъ кафэ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ только и было разговору, что о предстоящемъ государственномъ переворотѣ. Говорили, что создается одна Палата, подъ именемъ *Королевской палаты* или *Національной палаты*, на обязанности которой будетъ лежать зарегистрированіе законовъ и которая прежде всего обнародуетъ указы о гербовомъ налогѣ и поземельной повинности [1]. Всѣ министры склонялись къ тому, что нужно низвергнуть магистратуру, не замѣчая что за парламентами стоитъ грозная Франція. Даже Монморэнъ, считавшійся «честнымъ человѣкомъ этого министерства [2]», просилъ Мирабо писать противъ парламентовъ, но Мирабо, принципіальный противникъ политической роли магистратуры, отказалъ въ помощи своего пера. «Пока мы не увидимъ конституціи, санкціонированной нашимъ согласіемъ, отвѣчалъ онъ, кто же изъ честныхъ людей захочетъ уничтожить послѣдніе остатки нашихъ умирающихъ вольностей?» [3].

Но какъ ни волновалось общество подготовлявшимся событіемъ,—оно не отчаявалось чрезъ мѣру. Вѣрили, что близка «великая народная революція» и были убѣждены, что, несмотря на всѣ увертки, правительство неизбѣжно будетъ принуждено созвать генеральные штаты и что если бы даже парламенты были низвергнуты, генеральные штаты, разъ собравшись, съумѣютъ поставить «твердую преграду между стремленіями правительства и правами народа» [4]. Ла-Файетъ сообщалъ Вашингтону, что онъ не думаетъ, чтобы «это счастливое событіе» могло оттянуться болѣе чѣмъ на годъ [5]. Мирабо, съ своей сто-

[1]. Hardy, VII, 369, 384.—*Corresp. secr.*, II, 236, 237.

[2]. Монморенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

[3]. Mirabeau, IV, 481. Не поколебался ли на минуту Мирабо въ своемъ патріотизмѣ?—Первая строчка этого письма, воспроизведеннаго издателемъ въ подлинникѣ, хотя зачеркнута, но въ ней можно прочесть: «Я сдѣлаю то, чего вы отъ меня просите».

[4]. *Corresp. secr.*, II, 242, 243, 245 (мартъ и апрѣль 1788 г).

[5]. La Fayette, II, 225 (18 марта 1788).

роны, писалъ Монморену и оплакивалъ «ужасную болѣзнь министровъ, вслѣдствіе которой они никогда не могутъ рѣшиться дать сегодня то, что у нихъ неизбѣжно отымутъ завтра [1]». «*Если не хотятъ, чтобы они пришли шагомъ,* выразился онъ о генеральныхъ штатахъ, *то они явятся рысью.*[2]».

Парламентъ, предметъ столькихъ волненій и безпокойствъ, былъ между тѣмъ далекъ отъ того, чтобы сдаться, и выказывалъ съ каждымъ днемъ все большую твердость. На возраженія, представленныя имъ королю по поводу насильственнаго зарегистрованія займа въ четыреста двадцать милліоновъ, Людовикъ XVI отвѣчалъ, что онъ самъ присутствовалъ при преніяхъ и поэтому ему нѣтъ дѣла до результатовъ подачи голосовъ. «Если большинство моихъ подданныхъ будетъ значить больше чѣмъ моя воля, то монархія можетъ сдѣлаться только *аристократіей членовъ парламента*», сказалъ онъ[3]. Парламентъ, въ новыхъ возраженіяхъ, оправдывался съ большимъ умомъ и достоинствомъ. «Какое время выбрали ваши министры, чтобы бросить намъ такое обвиненіе?—Тотъ моментъ, когда парламентъ, просвѣщенный наконецъ фактами и выступая на надлежащій путь, доказываетъ, что заботится о правахъ націи болѣе, чѣмъ о собственныхъ интересахъ»; когда, «внезапно узнавши состояніе финансовъ, онъ не ищетъ иной помощи для націи, какъ въ ней самой и требуетъ генеральныхъ штатовъ? Короли—люди и имъ свойственно ошибаться; для того, чтобы не подвергнуть націю роковымъ послѣдствіямъ произвольной власти, конституція требуетъ, по отношенію къ законамъ, подтвержденія ихъ Палатами, по отношенію же къ налогамъ —предварительнаго созванія генеральныхъ штатовъ. Право свободнаго согласія на налоги дѣлаетъ изъ генеральныхъ штатовъ аристократію гражданъ не болѣе, чѣмъ право

[1]. Mirabeau, *Mémoires,* IV, 483 (18 апрѣля 1788 г.).
[2]. Id., *ibid.,* V, 187.
[3]. Hardy, VII, 408, 409 (17 апрѣля 1787 г.).

удостовѣренія дѣлаетъ изъ парламентовъ аристократію магистратовъ [1]». Посреди этого броженія въ Парижѣ и провинціяхъ мысль о государственномъ переворотѣ укрѣплялась все болѣе и болѣе.

Къ концу апрѣля стало извѣстно, что всѣ провинціальныя административныя власти, губернаторы, коменданты и интенданты, получили приказанія находиться на своихъ постахъ. Войска посылались во всѣ стороны. Приверженцы власти имѣли торжествующій видъ. Во всѣ большіе города ѣхали государственные совѣтники, снабженные инструкціями министерства [2]. Въ Версаль были призваны двадцать типографщиковъ, которые работали съ утра до вечера, въ строжайшей тайнѣ, подъ охраной солдатъ. Король выражалъ громко, что ему «надоѣла опека буржуазіи и что онъ хочетъ отъ нея освободиться [3]». Ламуаньонъ, на котораго возложено было «нанести ударъ», желалъ бы для этого случая быть облеченнымъ во власть канцлера, но по законамъ королевства, должность эта была несмѣняема, а Мопу, не смотря на всѣ его попытки, не согласился отказаться отъ нея [4]. 3-го мая король сдѣлалъ смотръ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ Парижѣ [5]. Въ этомъ увидѣли новый признакъ подготовляемаго переворота. Въ тотъ же день парламентъ обнародовалъ «громоносное» постановленіе, въ которомъ, напоминая основные законы конституціонной монархіи, онъ заранѣе протестовалъ противъ ихъ нарушенія и объявлялъ, что «на случай, если его силой поставятъ въ невозможность охранять ихъ то на будущее время онъ передаетъ эту священную обязанность въ руки короля, генеральныхъ штатовъ и всѣхъ сословій, образующихъ націю, вмѣстѣ и каждому

[1]. Hardy, VII, 444—448.
[2]. Id., VII, 412, 413, 415, 418 (22—28 апрѣля 1788 г.).
[3]. *Corresp. secr.*, II, 249.
[4]. Id., II, 251.
[5]. Hardy, VII, 421; *Corresp. secr.*, II, 251.

отдѣльно» [1]. Это постановленіе было тотчасъ же напечатано и разослано во всѣ палаты королевства [2]. Люди, видѣвшіе въ собраніи нотаблей комедію, начали теперь опасаться, что оно было «первымъ актомъ трагедіи» [3].

Утромъ, 5-го мая, во дворцѣ парламента была сильная тревога. Магистраты узнали, что въ предыдущую ночь сдѣлана была попытка схватить двоихъ изъ нихъ, изъ которыхъ одинъ, д'Эспремениль, былъ главнымъ иниціаторомъ постановленія 3-го мая, а другой, Гуаляръ Де-Монсаберъ, сообщилъ нѣсколько дней тому назадъ о мошенничествахъ, совершаемыхъ фискомъ при сборѣ налога двадцатыхъ. Оба явились искать убѣжища во дворцѣ. Парламентъ тотчасъ же послалъ депутацію съ жалобой королю, и въ ожиданіи ея возвращенія не закрывалъ засѣданія цѣлый день. Ночь наступила, а депутація не возвращалась, когда вдругъ пронесся слухъ, что дворецъ оцѣпленъ войсками швейцарской и французской гвардій. Наконецъ явился гвардейскій капитанъ и, не зная членовъ парламента въ лицо, потребовалъ, чтобы ему указали д'Эспремениля и Гуаляра, которыхъ онъ долженъ арестовать. «Мы всѣ гг. д'Эспремениль и Гауляръ!» отвѣтило собраніе въ одинъ голосъ. Офицеръ удалился, говоря, что онъ донесетъ объ этомъ министру королевскаго двора. Въ три часа утра возвратились депутаты и объявили, что король отказался ихъ принять [4]. Это усилило тревогу. Наконецъ появился вновь офицеръ съ непремѣннымъ требованіемъ выдать двухъ членовъ. Тогда послѣдніе сами послѣдовали за нимъ посреди всеобщаго волненія. Парламентъ разошелся послѣ засѣданія, длив-

[1]. Sallier, 143; Hardy, VII, 420. Это постановленіе было подписано всѣми присутствовавшими членами.

[2]. «Это постановленіе имѣется у всѣхъ въ рукахъ и производитъ повсюду живѣйшую сенсацію». *Corresp. secr.*, II, 252.

[3]. *Coresp. secr.*, II, 253.

[4]. Людовикъ XVI дѣйствительно отказалъ въ аудіенціи, сказавъ, что «не имѣетъ обыкновенія принимать членовъ своего парламента, когда они являются безъ его требованія».

шагося болѣе тридцати часовъ, горячо протестуя противъ арестованія своихъ двухъ членовъ, «выхваченныхъ насильно изъ святилища законовъ [1]».

Черезъ день послѣ этого, 8-го мая, парламентъ, по приказанію короля, явился въ Версаль, куда его потребовали на королевское засѣданіе. Послѣ строгой рѣчи, обращенной къ членамъ парламента, о «заблужденіяхъ», которыя они проявляли въ теченіи истекшаго года, Людовикъ XVI объявилъ свое намѣреніе положить этому конецъ и возстановить потрясенное общественное спокойствіе, обративъ, сказалъ онъ, этотъ критическій моментъ на спасеніе Франціи. Затѣмъ хранитель печати прочелъ шесть указовъ, которые должны были быть обнародованы. Первымъ изъ этихъ указовъ учреждались, подъ именемъ *большихъ окружныхъ судовъ* (grands baillages), новые суды, вѣдѣнію которыхъ король поручалъ всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, оставляя парламентамъ вѣдать только гражданскія дѣла свыше 20,000 ливровъ и уголовныя, касающіяся привилегированныхъ сословій, т. е. духовенства и дворянъ. Вторымъ указомъ, который былъ только послѣдствіемъ перваго, уменьшалось число членовъ различныхъ парламентовъ, а въ парижскомъ оставлялась только первая и слѣдственная палаты. Прикрывая нѣкоторыми реформами всѣ эти нарушенія правъ парламента, король отмѣнялъ третьимъ указомъ всѣ исключительные трибуналы и четвертымъ уничтожалъ такъ называемые *селлетъ и предварительную постановку вопроса о виновности* [2]. Пятымъ и самымъ важнымъ изъ этихъ указовъ создавалось особое учрежденіе, которое одно имѣло право удостовѣрять и регистрировать законы для всего королевства. Это учрежденіе, которому, какъ бы

[1]. Hardy, VII, 421—429.—Sallier, 143—155.

[2]. Sellette. Такъ назывался маленькій, очень низкій деревянный табуретъ, на который сажали обвиняемаго для послѣдняго допроса. *La question préalable* былъ сохраненъ послѣ отмѣны въ 1780 г. такъ называемаго *la question préparatoire*.

возвращаясь къ древнимъ традиціямъ, давалось имя *Полнаго публичнаго собранія* (Cour plénière), составлялось изъ государственнаго канцлера или хранителя печати, изъ первой палаты парижскаго парламента вмѣстѣ съ принцами крови и пэрами, изъ коронныхъ высшихъ чиновъ, разныхъ почетныхъ лицъ духовенства и арміи и изъ нѣкоторыхъ назначенныхъ членовъ государственнаго совѣта и провинціальныхъ парламентовъ. Ему давалось право представлять ремонтрансы; но король сохранялъ за собою право давать ему приказанія посредствомъ королевскаго засѣданія, какъ прежде парламенту. Король удерживалъ также право дѣлать займы, по собственной свой волѣ, никому не представляя ихъ на удостовѣреніе. «Въ случаѣ, говорилось въ указѣ, если представится необходимость въ учрежденіи новыхъ налоговъ до собранія генеральныхъ штатовъ, то регистрованіе этихъ налоговъ нашимъ Полнымъ Публичнымъ Собраніемъ будетъ имѣть только временное дѣйствіе до собранія генеральныхъ штатовъ, которые мы созовемъ для того, *чтобы, по обсужденіи, постановить эти налоги окончательно*». Наконецъ шестымъ и послѣднимъ указомъ всѣ парламенты закрывались на неопредѣленное время, съ запрещеніемъ имъ собираться, какъ по частнымъ, такъ и по общественнымъ дѣламъ, впредь до дальнѣйшаго приказанія [1].

Эти эдикты были въ тотъ же день обнародованы губернаторами и комендантами провинцій во всѣхъ верховныхъ палатахъ [2]. Такимъ образомъ судьба назначила Людовику XVI нанести магистратурѣ тотъ ударъ, который угрожалъ ей уже втеченіе полувѣка, и превзойти въ смѣлости даже Мопу. Въ этомъ насильственномъ актѣ разумнымъ нововведеніемъ было, конечно, созданіе единаго законодательнаго корпуса и отдѣленіе его отъ судебнаго. Но, по составу его членовъ, по ограниченію его правъ, корпусъ этотъ не имѣлъ, въ дѣйствительно-

1. Sallier, 156—159.
2. Id., 161.

сти, ни власти, ни независимости и являлся лишь орудіемъ королевской власти. Это было ясно для всей Франціи; она видѣла, что указы 8-го мая не имѣютъ другой цѣли, кромѣ обезоруженія ея передъ полновластіемъ правительства. Единственный намекъ въ указахъ на государственные штаты ясно показывалъ намѣреніе министерства не сдержать обѣщаніе или устроить только подобіе созванія генеральныхъ штатовъ [1]. Нужно было все ослѣпленіе правительства, чтобы не понять, что при существующемъ настроеніи общества, новые законы возбудятъ всеобщій протестъ. Онъ выразился тутъ же, въ королевскомъ засѣданіи. Первый президентъ возсталъ противъ *деспотической власти*, предоставляемой королю, *которой французская нація никогда не подчинится*. Члены первой палаты, по выходѣ изъ засѣданія, написали королю, что отказываются отъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ указами. Созванные на другой день для перваго засѣданія Полнаго Публичнаго Собранія, они возобновили тамъ свой протестъ. Людовикъ XVI, который на этомъ засѣданіи, какъ нѣкогда его дѣдъ передъ парламентомъ Мопу, объявилъ, что *будетъ настаивать во что бы то ни стало на своемъ рѣшеніи* [2], не посмѣлъ однако сзывать во второй разъ первую палату. Въ тотъ же день всѣ остальные

[1]. По словамъ Саллье, бывшаго членомъ парламента и лично присутствовавшаго на этомъ королевскомъ засѣданіи, министры воспроизводили въ введеніи къ эдиктамъ всѣ принципы деспотической власти временъ Людовика XV; они объявляли, что законодательная власть принадлежитъ королю *независимо и нераздѣльно;* что онъ долженъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ *только Богу;* что генеральные штаты могутъ служить ему только *совѣтомъ* и что онъ всегда останется *высшей властью* для ихъ представленій и *прошеній*. Въ введеніи къ указамъ нѣтъ этихъ выраженій, ничего подобнаго не находимъ мы также въ рѣчахъ хранителя печати. Напротивъ, есть основанія думать, что эти разсужденія выражены въ рѣчи, которую произнесъ Ламуаньонъ въ королевскомъ засѣданіи 19 ноября 1787 года. Marmontel, *Mém.*, IV, 16, 17.

[2]. Напомнимъ, что Людовикъ XV объявилъ, тогда, «что онъ никогда не отступитъ».

ные члены парламента, возвратившись въ Парижъ, отправились въ парламентъ, чтобы съ своей стороны составить актъ съ выраженіемъ своего протеста. Они нашли дворецъ занятымъ войсками и, не имѣя возможности войти въ него, собрались у старшинъ палатъ, гдѣ и написали отдѣльно, каждый отъ себя, къ главному министру, что они «не должны и не могутъ» дать согласія на вновь изданные указы [1].

Провинціальные парламенты, знавшіе по слухамъ о намѣреніяхъ двора, не дожидались сообщенія о новыхъ законахъ, чтобы выразить противъ нихъ свой протестъ. 5-го мая, восемьдесятъ шесть членовъ Руанскаго парламента подписали постановленіе, въ которомъ они обязывались клятвенно не способствовать, «ни прямо, ни косвенно, исполненію указовъ или декларацій, представляющихъ покушеніе на *священный принципъ свободнаго регистрованія* [2]». Парламентъ въ Нанси сдѣлалъ подобное же постановленіе [3]. Парламентъ въ Э объявилъ *безчестнымъ (infâme)* всякаго, кто приметъ должность въ судѣ, «незаконно учрежденномъ» [4]. Протесты, послѣдовавшіе за обнародованіемъ указовъ, были еще энергичнѣе. Гренобльскій парламентъ отвергъ новые законы во имя правъ націи, *не менѣе священныхъ, чѣмъ права государя*, и объявилъ, что отнынѣ невозможно вѣрить обѣщанію правительства созвать генеральные штаты, такъ какъ если министры уже уничтожили парламенты, то конечно не созовутъ они собранія, «проницательный взоръ котораго для нихъ еще опаснѣе» [5]. Руанскій и Гренобльскій парламенты провозгласили министровъ и всѣхъ, кто будетъ содѣйствовать ихъ преступнымъ дѣйствіямъ, *измѣнниками королю и націи* [6]. Во многихъ изъ этихъ постановленій напоми-

[1]. Sallier, 159, 160.—Hardy, VII, 433, 434.
[2]. Hardy, VII, 434, 435; VIII, 7, 8.
[3]. Id., VII, 439, 440, 452, 422.
[4]. Id., VII, 435.
[5]. Id., VII, 448—450.
[6]. Id., VII, 460; VIII, 7, 8 *et passim*.

налась Ламуаньону его оппозиція Мопу въ 1771 г., и приводились письма, писанныя имъ въ то время для поддержанія сопротивленія. Даже низшіе трибуналы отказывались принять указы, основываясь на принципахъ, выражаемыхъ въ этихъ письмахъ, копію съ которыхъ они посылали хранителю печати вмѣстѣ со своими актами протеста [1]. Въ Бретани провинціальные штаты присоединили свои заявленія къ заявленіямъ Реннскаго парламента [2]. Дворянство Дофинэ сдѣлало постановленіе, въ которомъ объявляло, что если король не откажется отъ своихъ незаконныхъ дѣйствій, то вся провинція возвратитъ себѣ свою автономію и сынъ короля перестанетъ называться *дофиномъ* [3]. Въ Тулузѣ парламентъ осмѣлился даже выпустить слѣдующее угрожающее объявленіе: «Такъ какъ между королемъ и народомъ нѣтъ болѣе преграды, то *ему остается только сознаніе собственной силы* [4]».

Въ Парижѣ, первое чувство, охватившее всѣхъ, было чувство отчаянія и уныніе [5]. Нѣкоторые «друзья свободы» выражали даже удивленіе по поводу безчувственности народа. Лафайетъ писалъ Вашингтону: «*Умереть за свободу* не есть девизъ по сю сторону Атлантическаго океана [6]». Но вскорѣ уже можно было замѣтить по смѣлымъ рѣчамъ, угрожающимъ афишамъ и бурнымъ собраніямъ, что умы начинаютъ разгорячаться. Нѣсколько клерковъ торжественно сожгли указъ совѣта, которымъ кассировался парламентскій указъ 3-го мая [7]. Шателе, котораго права расширялись новыми законами, отказался внести ихъ въ регистры, и только «штыки» [8] принудили его къ этому. Счетная палата и палата косвенныхъ налоговъ

1. Hardy, VII; 459 *et passim.*—*Corresp. secr.*, II, 262.
2. Id., VII, 435.
3. Id., VII, 460.
4. *Corresp. secr.*, II, 260. Всѣ эти постановленія появились въ маѣ.
5. *Corresp. secr.*, II, 254.
6. La Fayette, *Mém.*, II, 227 (май 1787 г.).
7. *Corresp. secr.*, II, 255.
8. Hardy, VII, 442, 453.—*Corresp. secr.*, II, 257.—Sallier, 164.

уже были закрыты [1] за сопротивленіе указамъ. Къ стѣнамъ дворца парламента, превращеннаго въ казармы, прибивались объявленія слѣдующаго содержанія: *Дворецъ продается, министры вѣшаются и корона отдается (Palais à vendre, ministres à pendre, couronne à donner)* [2]. Со всѣхъ сторонъ сыпались брошюры, исполненныя злобы противъ правительства, какъ напр.: *Опыты деспотизма, дѣлаемые различными министрами,* «сочиненіе, посвященное королямъ, имѣющимъ удовольствіе видѣть какъ королевство ихъ превращается въ республику [3]». Во Французской Комедіи не знали больше какія пьесы давать, такъ какъ публика была охвачена «бѣшенствомъ намековъ» [4]. При самомъ дворѣ обнаруживались случаи сопротивленія. Королю представлено было письмо, съ выраженіемъ протеста, подписанное десятью перами королевства [5]. Говорили, будто графъ Прованскій бросился на колѣна передъ Людовикомъ XVI и умолялъ его отступиться отъ своего образа дѣйствій [6]. Въ Парижѣ и въ провинціяхъ [7] не только было прервано всякое судопроизводство, вслѣдствіе закрытія парламентовъ, но и взиманіе налоговъ было повсюду прекращено [8]. Такъ какъ королевскія облигаціи не имѣли болѣе курса на биржѣ, то частные люди перестали платить [9]. Гражданская жизнь какъ бы остановилась въ своемъ теченіи.

Но министерство было далеко отъ того, чтобы отступить, и употребляло всѣ средства насилія и устрашенія.

[1]. Hardy, VII, 431. Эта мѣра принята была 9 мая.

[2]. *Corresp. secr.,* II, 262.

[3]. Hardy, VII, 467. «Публика съ жадностью набрасывалась на брошюры, въ которыхъ дѣлались нападки на королевскую власть». Besenval, II, 316.

[4]. *Corresp. secr.,* II, 281.—Hardy, VII, 443.

[5]. Hardy, VII, 437; *Corresp. secr.,* II, 255

[6]. *Corresp. secr.,* II, 257.

[7]. Sallier, 165.

[8]. *Corresp. secr.,* II, 265, 275.

[9]. Hardy, VII, 470.

Оно велѣло «громко» провозглашать на улицахъ [1] новые указы и утверждало въ своихъ газетахъ, что указы эти одобрены страной [2]. Указомъ Совѣта оно кассировало протесты парламентовъ и называло сопротивленіе ихъ покушеніемъ на законы; указъ этотъ, въ видѣ манифеста, былъ разосланъ по всей Франціи [3]. Безконечное множество брошюръ, исходившихъ изъ «лабораторіи» хранителя печати, наводняло общество [4]. Одна брошюра, подъ заглавіемъ: *Къ народу, о его дѣйствительныхъ интересахъ*, переполненная самыми ужасными обвиненіями противъ магистратуры, распространена была во множествѣ въ Парижѣ и въ провинціяхъ и раздавалась даже «простому народу [5]». Вся полиція была поднята на ноги и аресты совершались безпрерывно [6]. Королевскія приказанія объ арестахъ были посланы для провинціальныхъ парламентовъ [7]. Во всѣхъ городахъ, гдѣ они находились, прибавлено было число войскъ. Происходили стычки и дѣло доходило до кровопролитія. «Государь, писали Людовику XVI Бретанскіе штаты, откажитесь отъ вашихъ грозныхъ намѣреній; кровь вашихъ подданныхъ уже пролита, неужели насъ не ждетъ впереди ничего, кромѣ рабства или смерти? [8]» Двѣнадцать бретанскихъ дворянъ, прибывшихъ въ Версаль для поданія королю прошеній, были арестованы и заключены въ Бастилію [9]. Но всѣ эти крайнія насильственныя мѣры только разжигали сопротивленіе. Въ По, взбунтовавшійся народъ принудилъ

1. *Corresp. secr.*, II, 266.
2. Hardy, VII, 459.
3. Isambert, XXVIII, 584—589.
4. Hardy, VII, 473; *Corresp. secr.*, II, 270.
5. Id., VIII, 21, 22.
6. *Corresp. secr.*, II, 263. Лафайетъ долженъ былъ быть также арестованъ. Hardy, VIII, 19.
7. Hardy, VII, 469, 478; VIII, 9.
8. Id., VIII, 12, 13.
9. Id., VIII, 19.

членовъ парламента открыть свои засѣданія [1]. Въ Греноблѣ, многочисленное собраніе гражданъ трехъ сословій, собравшись въ городскомъ отелѣ постановило, что Дофинескіе штаты, уничтоженные королевской властью уже полутора вѣка тому назадъ, должны немедленно быть вновь возстановлены [2]. Населеніе повсюду вооружилась [3]. Броженіе проникало и въ войска, солдаты клали оружіе, а офицеры подавали въ отставку [4]. Въ Парижѣ со страхомъ ожидали сильнѣйшихъ волненій. Народное движеніе обнаруживалось не только въ предмѣстьяхъ, но и въ самомъ центрѣ столицы [5]. Солдатъ оскорбляли [6]. Распространялись воззванія, гласящія: «*Возстаньте французы; наступило время той революціи, которая будетъ возбуждать въ потомствѣ сожалѣніе или удивленіе, смотря по тому оставимъ ли мы нашимъ дѣтямъ рабство или свободу!*» [7] Съ каждымъ днемъ умножавшіяся плакарды становились все грознѣе и грознѣе. На одной афишѣ, прибитой къ ложѣ королевы въ итальянской оперѣ, стояло крупными буквами: «*Трепещите тираны, вашему царству наступаетъ конецъ!*» [8] Малѣйшаго повода было достаточно, чтобы возбудить «взрывъ», который, какъ взрывъ пороха, раздался бы по всему королевству [9]. И въ то время, какъ все распадалось, Бріеннъ спокойно говорилъ: «я все предвидѣлъ, даже гражданскую войну [10]», а король охотился.

Бріеннъ надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, еписко-

[1]. Hardy, VIII, 4.

[2]. Id., VIII, 18, 19. Они были отмѣнены ордонансомъ въ 1628 г.

[3]. *Corresp. secr.*, II, 266; Hardy, VII, 471, 472, 478; VIII, 18, 19.

[4]. *Corresp. secr.*, II, 267; Carné, *Etats de Bretagne*, II, 238. 242, 243.

[5]. Hardy, VII, 481.—*Corresp. secr.*, II, 270.

[6]. Id., VIII, 10.

[7]. Id., VIII, 7 (27 іюня).

[8]. Id., VIII, 10 (1 іюля).—*Corresp. secr.*, II, 271.

[9]. Id., VIII, 10.—*Corresp. secr.*, II, 266.

[10]. Слова. приводимыя Henri Martin, *Hist. de Fr.* XVI, 611.

патъ поддержитъ его сочувствіемъ и вспомоществованіями. Въ самый день королевскаго засѣданія, онъ созвалъ духовенство въ общее собраніе и, обращаясь къ его «партіотизму», просилъ его дать восемь милліоновъ [1]. Епископы согласились только на «добровольное пожертвованіе» въ 1800000 ливровъ, выплачиваемыхъ въ два года. Не выказывая никакого расположенія къ пожертвованіямъ, которыхъ ждало отъ него министерство, они жаловались на сборщиковъ податей, хотѣвшихъ, говорили они, взимать и съ ихъ имѣній налоги двадцатыхъ. Они напоминали, при этомъ случаѣ, всѣ законы монархіи, охраняющіе ихъ неприкосновенность. Они повторяли въ мемуарѣ къ королю то, что предшественники ихъ говорили Людовику XV: «Наша совѣсть и наша честь не позволяютъ намъ согласиться на обращеніе въ необходимую дань того, что можетъ быть только даромъ нашей любви». Для того, чтобы «разсѣять эти тревоги», Людовикъ XVI долженъ былъ объявить «чрезвычайнымъ» указомъ, что духовенство не подлежитъ налогу [2]. Болѣе

[1]. Рѣчь отъ имени главнаго министра держалъ собранію 9 мая генеральный контролеръ Ламберъ. «Духовенство пойметъ, говорилъ онъ, насколько, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, его поведеніе можетъ имѣть вліяніе, *даже властвовать* надъ общественнымъ мнѣніемъ».

[2]. Опасенія духовенства имѣли свои основанія. Изъ *инструкцій* провинціальнымъ собраніямъ о налогахъ «двадцатыхъ» можно было заключить, по нѣкоторымъ выраженіямъ, что министерство имѣетъ въ виду также и имущества духовенства. Указъ Совѣта появился вслѣдствіе заявленій епископовъ, 5 іюля. «Король, говорилось въ указѣ, желаетъ *разсѣять тревоги* духовенства, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, объявляя, что оно не имѣлось въ виду въ законѣ относительно двадцатыхъ и что въ инструкціяхъ провинціальнымъ собраніямъ опредѣленно указывается на добровольность взносовъ, дѣлаемыхъ духовенствомъ, и что цѣль ихъ заключается въ уничтоженіи *всякаго предлога зависти къ имѣніямъ духовенства...*» Isambert, XXVIII, 599—601. «Поэтому, замѣчаетъ Hardy, VIII, 34, нельзя льстить себя надеждой, что духовенство, владѣющее двумя третями имѣній всего королевства, будетъ подлежать налогамъ наравнѣ съ другими подданными короля».

того, епископы, боясь, не смотря на слова государя, дѣйствій безконтрольной власти, протестовали въ особыхъ ремонтрансахъ противъ уничтоженія парламентовъ и учрежденія общей палаты, называя ее придворнымъ трибуналомъ (*tribunal de la cour*), «милостей котораго нація должна описаться» [1]. Подобно самымъ искреннимъ приверженцамъ свободы, они заявляли, что «французскій народъ нельзя подчинить деспотической власти», и наравнѣ съ парламентами требовали самаго скораго созванія генеральныхъ штатовъ [2]. Не менѣе ослѣпленное чѣмъ правительство, опиравшееся только на насиліе, духовенство, ускоряло революцію, заботясь объ огражденіи своихъ интересовъ [3].

Бріеннъ былъ подавленъ этими заявленіями. Архіепископъ-министръ истощилъ уже всѣ средства насилія, не отступая даже передъ кровопролитіемъ. Духовенство его покидало, армія не повиновалась, парламенты и всѣ высшія палаты королевства нападали на него, весь народъ его ненавидѣлъ, и онъ понялъ, наконецъ, что надо уступить. Но онъ складывалъ оружіе постепенно и какъ-бы надѣясь на какой нибудь неожиданный случай, который его спасетъ. 5-го іюля онъ издалъ указъ Совѣта, которымъ всѣ учрежденія королевства, провинціальныя собранія муниципальные совѣты, академіи и частныя лица приглашались сообщить министерству свои соображенія о со-

[1]. Въ эдиктѣ, учреждающемъ *cour plenière,* особенное вниманіе духовенства обратило на себя то, что король предоставлялъ себѣ право налагать подати по собственной волѣ, если встрѣтится въ этомъ надобность. «Когда опасность заключается въ самомъ законѣ, писали епископы, то ничто не можетъ ее устранить; потому что если налоги обусловливаются нуждой, то нужда становится сѣтью, весьма растяжимой и захватывающей всѣ имущества».

[2]. *Procès-verbaux de l'assemblée du clergé de 1788,* Archives nationales; G. VIII, 706, p. 48, 71—76, 111—143, 158—185; Hardy, VII, 451, 457, 463, 482; VIII, 5, 29, 34; Soulavie, VI, 195—203. Собраніе духовенства, открытое въ маѣ, закрылось въ іюлѣ.

[3]. Читатель, прослѣдившій въ нашемъ сочиненіи, возраставшіе

званіи, составѣ и продолжительности будущаго собранія генеральныхъ штатовъ [1]. Въ нѣкоторыхъ частяхъ общества на указъ этотъ взглянули какъ на «*снотворное лѣкарство,* прописанное всему французскому народу», тѣмъ болѣе, что время созванія генеральныхъ штатовъ не сообщалось [2]. Бріеннъ, конечно, расчитывалъ этимъ хоть немного успокоить волненія, обуревавшія страну. Или это былъ, можетъ быть, только поступокъ человѣка, «который будучи одержимъ тою страшной болѣзнью министровъ», объ которой говорилъ Мирабо, хотѣлъ отдалить насколько возможно, минуту своего паденія. Но онъ далъ этимъ новые источники волненій въ странѣ. Не прошло и мѣсяца, какъ распространился слухъ, будто онъ хочетъ возобновить всѣ прежніе порядки до національнаго собранія включительно [3]. Наконецъ онъ принужденъ былъ сдаться. 8-го августа, король указомъ совѣта уничтожилъ *cour plénière* и созывалъ генеральные штаты на 1-е мая 1789 г.

Этотъ указъ, шумно провозглашенный въ Парижѣ [3], былъ полонъ самыхъ блестящихъ предсказаній относительно результатовъ будущаго собранія. Погашеніе долга, возстановленіе порядка, «возвращеніе ясныхъ, спокойныхъ дней, послѣ предшествовавшей бури», процвѣтающая, счастливая Франція,—таковы должны были быть эти результаты [5]. Министерство, до сихъ поръ такъ от-

признаки неуваженія къ духовенству, не безъ интереса прочтетъ слѣдующую выдержку изъ *Esprit public au dix-huitième siècle.* Въ 1792 г. королевѣ представленъ былъ мемуаръ, заключавшій въ себѣ перечень источниковъ, на которые королевская власть могла еще расчитывать. Въ этомъ перечнѣ силъ монархической власти, говоритъ Обертенъ, къ церкви относились только слѣдующія презрительныя слова: «Духовенство окончательно пало объ немъ нечего и говорить».

[1]. Isambert, XXVIII, 601—604. Этотъ приказъ провозглашенъ былъ въ Парижѣ 8 іюля.

[2]. Hardy, VIII, 15, 16.

[3]. Id., VIII, 38,

[4]. Онъ былъ провозглашенъ 11 августа. Hardy, VIII, 39.

[5]. Приводимъ выдержку изъ этого эдикта: «его величество съ

крыто отказывавшееся обратиться къ народу, произносило такимъ образомъ себѣ приговоръ предъ лицомъ всего королевства. Правительство нисколько не пріобрѣло себѣ довѣрія этой уступкой, къ которой принудили его необходимость или страхъ. Хотя король на этотъ разъ, казалось, окончательно обязался исполнить обѣщанное, сомнѣніе все еще продолжалось [1] и, прежде чѣмъ повѣрить, ждали, чтобы дано было первое удовлетвореніе требованіямъ страны, т. е. отмѣны законовъ 8-го мая и отставки министровъ.

Какъ ни была сильна ненависть къ Бріенну, она должна была еще увеличиться. Лишенный субсидій, которыхъ онъ ждалъ отъ духовенства, и, истощивъ всѣ источники доходовъ, онъ рѣшился почерпнуть изъ кассы вспомоществованій и безъ зазрѣнія совѣсти завладѣлъ больничными капиталами; когда же и этотъ источникъ изсякъ, онъ былъ принужденъ объявить банкротство. 16-го августа онъ издалъ указъ Совѣта, которымъ объявлялось, что государственные платежи прекращаются на шесть недѣль, съ тѣмъ, чтобы потомъ они выполнялись, частью монетой, частью бумажками до 31 декабря 1789 г. Общественныя проклятія полились на него, «какъ потопъ» [2]. Не безъ основанія предполагали, что онъ для того объявилъ о созваніи генеральныхъ штатовъ,

удовольствіемъ ждетъ той минуты, когда онъ будетъ окруженъ представителями великодушной и вѣрной націи, которой онъ имѣетъ счастье управлять. Увѣренный въ счастливыхъ результатахъ ихъ рвенія и любви, онъ заранѣе радостно надѣется, что ясные, спокойные дни наступятъ послѣ дней тревогъ и бурь; порядокъ повсюду возстановится, общественный долгъ будетъ уплаченъ и Франція будетъ спокойно наслаждаться славой и уваженіемъ, которое обезпечиваетъ ей ея обширность, населеніе, богатство и нравы ея обитателей».

[1]. «Указъ, объявляющій собраніе генеральныхъ штатовъ, не произвелъ ожидаемаго дѣйствія. Общество настроено далеко не ловѣрчиво». *Corresp. secr.*, II, 279. Cf. Hardy, VIII, 39.

[2]. Marmontel, *Mém.*, IV, 29; Hardy, VIII, 48, 49.

чтобы указъ о банкротствѣ былъ легче принятъ [1]. Многіе придворные отвернулись отъ Бріенна. Самъ графъ д'Артуа выразился, что необходимо, «не теряя ни минуты, открыть королю глаза». Онъ говорилъ сначала съ королевой, которая, «проливши много слезъ», сознала необходимость уволить архіепископа [2]. Бріеннъ пытался еще сохранить власть, предложивъ общій контроль Неккеру, на котораго въ минуту отчаянія, обратились тотчасъ же всѣ надежды. Но Неккеръ отказался содѣйствовать опозоренному человѣку и потребовалъ, чтобы, со вступленіемъ въ Совѣтъ, въ чемъ ему было отказано въ 1791 г., ему предоставили полное управленіе финансами [3].

25 августа, Бріеннъ, наконецъ вышелъ въ отставку. Это извѣстіе произвело во всемъ Парижѣ быстрый переходъ отъ отчаянія и злобы къ «опьяняющей радости [4]». Въ тотъ же вечеръ, на Дофинской площади, при громкихъ крикахъ толпы, сожжено было его изображеніе. Не дожидаясь, чтобы Ламуаньонъ оставилъ министерство, ему выразили такимъ же образомъ свою ненависть. Изображеніе хранителя печати было предано пламени послѣ чтенія смертнаго приговора, произнесеннаго будто бы отъ имени націи [5]. 14-го сентября, Ламуаньонъ, уступая въ свою очередь общественному негодованію, сложилъ съ себя свои обязанности. Его удаленіе возбудило не меньшій восторгъ, чѣмъ удаленіе архіепископа. При первомъ извѣстіи объ этомъ событіи, одинъ человѣкъ въ Палэ-Роялѣ, вскочилъ на скамью и громко закричалъ: Господа, ... Ламуаньонъ отставленъ! и тотчасъ же объявленіе объ этомъ извѣстіи было прибито къ одному изъ деревьевъ сада [6]. Вечеромъ,

1. La Fayette, II, 232—235.

2. Besenval, II, 328.

3. Sallier, 196—198. Бріеннъ, какъ глава финансоваго совѣта, имѣлъ власть надъ государственнымъ контролеромъ.

4. Besenval, II, 329.—Sallier, 199.

5. Hardy, VIII, 58—60.

6. Id., VIII, 79.

на Грэвской площади снова происходило сожженіе изображенія хранителя печати и толпа, въ своей злобѣ, даже чуть было не подожгла его домъ и домъ архіепископа [1]. Удаленіе этихъ двухъ министровъ дало поводъ къ шумнымъ демонстраціямъ во всей Франціи, въ которыхъ, вмѣстѣ съ радостью по поводу ихъ отставки, выражалась вся ненависть и все презрѣніе, которое питалъ къ нимъ весь народъ [2]. Послѣдніе поступки этихъ двухъ министровъ показали каковы были эти люди. Бріеннъ, наканунѣ своего отъѣзда, потребовалъ изъ казначейства двадцать тысячъ ливровъ своего жалованья министра; а дворъ, желая утѣшить его въ его паденіе, послалъ въ тотъ же день курьера въ Римъ, чтобы выхлопотать ему кардинальскую шапку. Что же касается Ламуаньона, то онъ добился обѣщанія сдѣлать его старшаго сына герцогомъ и пэромъ; онъ потребовалъ себѣ также, кромѣ пенсіона, подарка въ четыреста тысячъ ливровъ, но такъ какъ именно эта сумма только и оставалась въ казначействѣ, то ему пришлось удовольствоваться половиной [3].

Неккеръ вступилъ въ Совѣтъ на другой день послѣ удаленія Бріенна, при всеобщемъ восторгѣ страны. Передъ нимъ раскрылись кошельки, закрытые для Бріенна, и онъ, великодушно отдавъ свое собственное состояніе для гарантіи государственнаго займа, взялъ назадъ указъ

[1]. Besenval, II, 338, 339.—Hardy, VIII, 82.

[2]. Hardy, VIII, 116, 122—124, 142 (октябрь и ноябрь) *et passim*.

[3]. Besenval, II, 337, 338; Sallier, 200, 203; Marmontel, *Mém.*, IV, 29, 30. Авторъ *Correspondance secrète* говоритъ по этому поводу: «Г. де Ламуаньонъ имѣетъ милліонъ девятьсотъ тысячъ ливровъ долгу. Слѣдовательно, надо исключить его кредиторовъ изъ числа возстающихъ противъ тѣхъ милостей, которыми его осыпали». II, 291; Извѣстно, что Бріеннъ и Ламуаньонъ оба кончили самоубійствомъ, первый въ томъ же мѣсяцѣ, когда собрались генеральные штаты, 18 мая 1789 г., а второй 16 февраля 1794. Этотъ фактъ самоубійства духовнаго лица не былъ новымъ. Въ октябрѣ 1788 г. «застрѣлился» епископъ Гренобльскій. *Corresp. secr.*, II, 296; Hardy, VIII, 114.

о банкротствѣ и безъ всякихъ экстраординарныхъ мѣръ, въ силу одного лишь довѣрія, которое онъ внушалъ, съумѣлъ удовлетворить первыя неотлагательныя нужды казны [1]. Понимая чего ждала отъ него Франція, онъ возвратилъ свободу всѣмъ сосланнымъ, отмѣнилъ указы, зарегистрованные въ королевскомъ засѣданіи 8-го мая и, декларацією 23-го сентября, возвратилъ парламентамъ и всѣмъ верховнымъ палатамъ ихъ прежнія права [2]. На другой день, 24-го, всѣ члены парижскаго парламента собрались въ своемъ дворцѣ для возобновленія своихъ засѣданій, прерванныхъ на цѣлые пять мѣсяцевъ. Они съ трудомъ могли пробраться сквозь громадную толпу людей «всѣхъ сословій», пришедшихъ привѣтствовать ихъ и выразить имъ свое сочувствіе [3]. Въ первомъ же засѣданіи было возбуждено обвиненіе противъ хранителя печати и главнаго министра,—«которое уже было предъявлено общественнымъ мнѣніемъ»,—и явилось требованіе, чтобы установленъ былъ принципъ *отвѣтственности министровъ*. «Парламентъ, сказалъ одинъ магистратъ, былъ бы виновенъ передъ королемъ, передъ государствомъ, передъ законами и предъ самимъ собою, еслибы не постарался найти средство обезпечить на будущее время націю отъ кризиса, подобнаго тому, который чуть-было не сгубилъ страну [4]».

[1]. Hardy, VIII, 87. Сообщая объ указѣ, отмѣняющемъ отъ имени короля постановленіе Совѣта 16-го августа, Гарди говоритъ, что его можно перевести такимъ образомъ: «Министръ мой, Неккеръ, довѣріемъ, которое онъ внушаетъ, показалъ мнѣ наконецъ чего можно ждать отъ генеральныхъ штатовъ».

[2]. Besenval, II, 334.

[3]. Hardy, VIII, 92.

[4]. Членъ парламента Болкэнъ де Фитцжеральдъ. Онъ выставлялъ противъ обоихъ бывшихъ министровъ слѣдующія главныя обвиненія: покушеніе на конституціонныя права націи, подлогъ (нѣкоторые указы отмѣчены зарегистрованными, хотя зарегистрованіе ихъ не было совершено); покушеніе на неприкосновенность личности (аресты членовъ парламента, ссылки и т. д.); покушеніе на жизнь гражданъ (столкновенія между войсками и народомъ); клевета (сочиненія, распространяемыя въ публикѣ для того, чтобы обмануть обще-

Въ провинціяхъ возвращеніе парламентовъ возбудило еще болѣе шумныя демонстраціи, чѣмъ въ Парижѣ. Въ Бордо, народъ на себѣ провезъ по улицамъ экипажъ президента, увѣнчанный лаврами. Въ Дижонѣ, торжественно возили по улицамъ изображеніе Свободы на античной колесницѣ [1]. Декларацією 23-го сентября король не только возвращалъ парламентамъ ихъ права, но и ускорялъ срокъ собранія генеральныхъ штатовъ, назначивъ его на 1-е января 1789 г. Внесенная въ регистры парламентомъ 25 сентября, эта декларація провозглашена была въ Парижѣ 26-го. На этотъ разъ слову королю повѣрили, потому что его гарантировало слово честнаго человѣка.

Теперь Франція стала готовиться къ собранію, которое должно было скоро открыться. Впродолженіи времени, отдѣлявшаго его отъ этой торжественной минуты,—времени, которое Неккеръ неосторожно продлилъ долѣе, чѣмъ бы слѣдовало [2],—всѣ умы были заняты тремя великими вопросами: способомъ представительства трехъ сословій, редакціей *тетрадей* и выборомъ депутатовъ. Въ этотъ періодъ великаго, торжественнаго ожиданія, когда, страна, содрогаясь еще отъ недавнихъ событій, трепетала еще болѣе въ предвидѣніи того, что должно было еще совершиться,—Неккеръ, своимъ мудрымъ финансовымъ управленіемъ, помогъ Франціи жить; это было, какъ уже

ственное мнѣніе); закрытіе судовъ и т. д. Парижскій парламентъ обсуждая это обвиненіе, приказалъ произвести слѣдствіе о поведеніи министровъ, въ чемъ встрѣтилъ поддержку въ другихъ парламентахъ. Такъ Реннскій парламентъ заявилъ въ постановленіи 14-го октября, что онъ предалъ бы суду министровъ, еслибы Парижскій парламентъ не сдѣлалъ этого раньше, и прислалъ послѣднему копію съ своего рѣшенія. Hardy, VIII, 94—130.

[1]. Hardy, VIII, 142.

[2]. Неккеръ во второй разъ созвалъ нотаблей, чтобы рѣшить вопросъ о представительствѣ трехъ сословій, вслѣдствіе чего созывъ генеральныхъ штатовъ былъ на время отсроченъ.

сказано, заслугой и честью его второго министерства. По самому существу вопросовъ, которые тогда поднимались, время это относится уже не къ старому режиму, а къ революціи. Можно сказать, что съ декларацією 23 сентября, призывающей генеральные штаты и разрушающей попытку, сдѣланную въ королевскомъ засѣданіи 8 мая, кончается старый режимъ и начинается революція. Этой декларацією королевская власть признавала себя побѣжденной въ своей послѣдней борьбѣ. Во время переворота 1771 г. она была только осуждена, но на этотъ разъ она была поражена на смерть. Эта революція, которую подготовилъ Людовикъ XIV своею нетерпимостью, которую разжигалъ Людовикъ XV своимъ безпорядочнымъ и позорнымъ царствованіемъ и окончательно довершилъ Людовикъ XVI своею слабостью; эта революція, которая, зародившись на почвѣ религіи, перенесена была на политику и была тайной вдохновительницей философіи и которая уже много разъ, въ 1754 г., въ 1757 и въ 1771 гг., готова была разразиться,—теперь она предстала наконецъ, властная, неудержимая, и проникла чрезъ ту дверь, которую открыло ей опозоренное правительство. *Тетради*, результатъ мысли и страданія многихъ поколѣній, свидѣтельствуютъ, по выраженію Мирабо, насколько Франція созрѣла для революціи; онѣ показали также какая громадная пропасть раздѣляетъ Францію отъ правительства, которое думало ею управлять. Конечно дѣлались еще послѣднія, слабыя усилія, чтобы задержать эту революцію, не со стороны униженной, почти безжизненной королевской власти, а со стороны людей привеллигированныхъ, которыхъ она охраняла и которые жили ея жизнью впродолженіи многихъ вѣковъ. Они съ ужасомъ увидѣли, что и они также гибнутъ и что наступаетъ новый порядокъ вещей, не имѣющій ничего общаго съ прошлымъ [1]. Парламентъ,

[1]. Во время собранія нотаблей (ноябрь-декабрь 1788 г.) графъ д'Артуа и другіе принцы крови представили Людовику XVI записку,

думавшій поддержать ихъ [1], сразу утратилъ всю свою популярность. Забыто было, что именно онъ потребовалъ созванія генеральныхъ штатовъ и что не смотря на свои частыя заблужденія и ошибки, онъ все же впродолженіи всего вѣка охранялъ Францію отъ произвола церкви и королевской власти. Генеральные штаты дѣлали его отнынѣ безполезнымъ и, вслѣдствіе самаго факта ихъ созванія, парламентъ, какъ политическое учрежденіе, палъ, увлекая въ своемъ паденіи старинную магистратуру. Послѣднимъ и безсильнымъ противникамъ своимъ Революція отвѣчала черезъ посредство тысячей писателей, которые были глашатаями новаго порядка, и сочиненія которыхъ, выходя одно за другимъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ стали такъ же многочисленны, какъ тѣ, которыхъ породила нѣкогда булла *Unigenitus* [2]. Васъ двѣсти тысячъ, кричали со всѣхъ сторонъ привиллегированнымъ, а насъ двадцать пять милліоновъ! Вы спра-

въ которой они объявляли, что «въ государственномъ устройствѣ готовится революція», и давали понять, что если права первыхъ двухъ сословій не будутъ признаны, то и они не признаютъ власти генеральныхъ штатовъ.

[1]. Онъ потребовалъ, чтобы генеральные штаты собрались въ прежней аристократической формѣ, какъ въ 1614 г. Нужно обратить также вниманіе на указы, которыми онъ осудилъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ брошюръ, появившихся въ то время, а именно: Указъ парламента, осуждающій на сожженіе статью, озаглавленную *Déliberation à prendre par le tiers état dans toutes les municipalités du royaume* а также два другіе указа парламента 6 и 13 марта 1789 г., присуждующіе къ сожженію во первыхъ: *Lettre de M. C. F. de Volney à M. le comte de S. T.*, и во вторыхъ: *la Passion, la mort et la résurrection du peuple.*

[2]. Grimm, XIV, 186, 187. «Каждый день, каждый часъ, писалъ Гриммъ, рождается новая брошюра, новая книга о генеральныхъ штатахъ, и, если всѣ эти сочиненія собираются въ королевской библіотекѣ, то вскорѣ въ ней будетъ насчитываться больше томовъ о конституціи монархіи, чѣмъ даже о конституціи *Unigenitus*, такъ какъ объ этомъ великомъ и прекрасномъ вопросѣ, говорятъ, написано не болѣе десяти тысячъ томовъ». (Ноябрь 1788 г.).

шиваете, что такое безъ васъ французскій народъ? «Взгляните на наши деревни, на наши мастерскія, на конторы, гавани, на флотъ, на армію, на суды, на академіи, и скажите представляетъ ли французскій народъ нѣчто и безъ васъ! [1]». Голосъ Сійеса, провозгласившаго, что третье сословіе, *le tiers état*, которое было *ничто* въ прежнемъ государственномъ строѣ, теперь должно сдѣлаться *всѣмъ* [2], прозвучалъ по всей странѣ какъ трубный звукъ, отъ котораго распалось все, что еще оставалось отъ прошлаго Франціи. Теперь изъ за старой распавшейся церкви и умирающей королевской власти, изъ за подавленныхъ парламентовъ и разрушенныхъ привиллегій, встала во всемъ блескѣ *Нація*, имя которой, произнесенное на другой день послѣ смерти Людовика XIV, часто повторялось съ тѣхъ поръ, но обликъ которой до нынѣ все еще оставался въ тѣни.

[1]. Hardy, VIII, 174, 175 (декабрь 1788 г.).
[2]. Январь-февраль 1789 г.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

СПИСОКЪ

КНИГЪ, ПОДВЕРГНУВШИХСЯ ОСУЖДЕНІЮ

съ 1715 по 1786 гг.

Подъ общимъ названіемъ *осужденныхъ книгъ* мы помѣщаемъ не только сочиненія извѣстнаго объема, но также и брошюры въ одинъ или нѣсколько листовъ, называемыя обыкновенно *листками* (libelles). Такъ какъ почти всѣ онѣ упоминались въ текстѣ этого сочиненія, то для того, чтобы получить о нихъ представленіе, достаточно обратиться къ событіямъ того времени, къ которому относится постановленіе объ ихъ осужденіи. Къ тому же онѣ очень легко поддаются группировкѣ по особымъ категоріямъ, которыя не трудно указать. Съ 1715 по 1743 гг. всѣ онѣ, за рѣдкими исключеніями, относятся съ спорамъ, возбужденнымъ буллою Unigenitus. Съ 1743 по 1752 г. на ряду съ брошюрами, относящимися къ этой буллѣ, появляются первыя произведенія начинавшагося философскаго движенія, а именно Словарь *Энциклопедіи*. Съ 1752 по 1757 (покушеніе Дамьена) осужденныя сочиненія почти исключительно относятся къ отказамъ въ совершеніи таинствъ. Съ 1757 по 1770 г. преобладаютъ брошюры, относящіяся къ іезуитамъ, и философскія книги. Съ 1770 по 1774 гг. большинство сочиненій имѣютъ исключительно политическій характеръ и касаются государственнаго переворота 1771 г. Начиная съ 1774 г., т. е. со времени кончины

Людовика XV, и до 1789 г. на ряду съ нѣсколькими произведеніями философовъ имѣются брошюры, относящіяся къ реформамъ, которыя предпринималъ Людовикъ XVI, и затѣмъ значительное количество сочиненій, относящихся къ вопросу о Генеральныхъ Штатахъ. Представляемый нами списокъ не содержитъ книгъ, осужденныхъ духовными властями или провинціальными гражданскими судами,—мы ограничиваемся только тѣми, по поводу которыхъ состоялись постановленія Государственнаго Совѣта, Парламента, Шателэ и Верховнаго Совѣта. Буквы ГС, П, Ш и ВС, поставленныя впереди каждаго заглавія, указываютъ учрежденіе, отъ котораго исходило постановленіе. Буквы З и С, поставленныя въ концѣ, указываютъ было ли сочиненіе *запрещено* или *сожжено*.

1715

21 февраля. **П.** Du témoignage de la vérité dans l'Eglise: Dissertation théologique où l'on examine quel est ce témoignage tant en général qu'en particulier, au regard de la dernière Constitution, pour servir de précaution aux fidèles et d'apologie à l'Église catholique contre les reproches des protestants (par le P. de la Borde, de l'Oratoire) 1714. (З.).

1716

15 января. **П.** Illustrissimi et reverendissimi auditoris generalis reverendæ cameræ apostolicæ litterae monitoriae, contrà compulsores et violatores immunitatis, jurisdictionis et libertatis ecclesiasticae, etc... Datae die nona decembris 1715. Romae, typis reverendae camerae apostolicae, 1715. (З.).

4 апрѣля. **П.** Mémoire pour le corps des évêques qui ont reçu la constitution *Unigenitus*. (З.).

11 мая. **П.** Lettre de M. l'évêque de *** à M. l'évêque de ***; Paris, 10 mars 1716.—Déclaration de Mgr l'illustrissime et révérendissime évesque de Toulon; 14 mars 1716.—Mandement de Mgr l'illustrissime et révérendissime évesque de Toulon; 25 avril 1716. (З.).

1717

12 апрѣля. **П.** Lettre d'un curé du diocèse de Châlons à un curé de Reims du 20 février 1717.—Sentence du bailliage de Châlons, portant défenses d'exposer en vente un libelle intitulé: Lettre d'un curé du diocese de Châlons à un curé de Rheims. (З).

22 іюня. **П.** La Constitution règle de foi et de discipline (par Cl. Le Pelletier), imp. à Anvers chez J. B. Verduissen. 1717. (З.).

23 октября. **П.** Apologie des curés du diocèse de Paris contre l'ordonnance de Mgr l'archevesque de Rheims, du 4 janvier 1717. —Apologie des curés qui ont écrit des lettres contre l'acceptation de la constitution *Unigenitus*.—Lettre d'un docteur à un missionnaire touchant l'appel.—Observations sur la lettre circulaire de M. de Bissy aux évesques de France. (З.).

1 декабря. **П.** Acte d'appel de S. E. Mgr le cardinal de Noailles, archevêque de Paris, du 3 avril 1717, au Pape mieux conseillé et au futur concile général de la Consitution de N. S. P. le Pape Clément XI du 8 septemble 1713. (З.).

2 декабря. **П.** Печатная книга, въ 2 столбца, изъ которыхъ одинъ содержитъ Декларацію короля, данную въ Парижѣ 7 окт. 1717 г., а другой—французскій переводъ указа императора Константа, и т. д... (З.).

13 декабря. **П.** Dénonciation du traité philosophique et théologique de M. Dupin sur l'amour de Dieu aux évesques catholiques. (З.).

1718

19 марта. **П.** Lettre de M. l'archevesque de Rheims à S. A. R. Mgr le duc d'Orléans, regent du royaume. (С.).

28 марта, **П.** Декретъ Римской инквизиціи отъ 15 февраля 1718 г., напечатанный въ Римѣ и содержащій осужденіе печатныхъ сочиненій, 1°: Acte d'appel interjeté le 1-er mars 1717 par les évesques de Mirepoix, de Senez. de Montpellier et de Boulogne au futur concile général de la Constitution de N. S. P. le Pape Clément XI du 8 septembre 1713; и 2°: Acte d'appel de S. E. Mgr le cardinal de Noailles, archevêque de Paris, du 3 avril 1717, au Pape mieux conseillé et au futur concile général de ladite Constitution. (З).

1719

10 января. **П.** Sanctissimi Domini nostri Domini Clementis Papae XI litterae ad universos Christi fideles datae adversus eos qui Constitutioni Sanctitatis Suae quae incipit *Unigenitus*... debitam obedientiam praestare hactenus recusaverunt aut in posterum recusaverint. Romae, 1718 (Déclaration d'abus).

14 января. **П.** Instruction familière sur la soumission due à la Constitution *Unigenitus* (par Ch Ir. Castel, abbé de Saint-Pierre). (С.).

Traité du schisme (par le P. Longueval).—Réfutation du mémoire publié en faveur de l'appel des quatre évêques, adressée à Mgr l'évêque de Mirepoix.—Instruction pour calmer les scrupules que l'on s'efforce de jeter dans les consciences timorées au sujet de la constitution *Unigenitus* et de l'appel qui en a été interjeté. (З.).

16 января. **П.** Déclaration faite par le Roy catholique le 25 décembre 1718. (З.),

26 января. **П.** Декретъ озаглавленный: Editto speciale del S. Offizio, помѣченный dal Palazzo del S. Offizio questo di 19 decembre 1718. (З.).

4 февраля. **П.** Печатная книга, содержащая четыре статьи: первая, озаглавленная: Copie d'une lettre du Roy catholique, écrite de sa main, et que le prince de Cellamare, son ambassadeur, avait ordre de présenter au Roy très-chrestien, помѣченная 3 сентября 1718; вторая, озаглавленная: Copie d'une lettre circulaire du Roy d'Espagne, que le prince de Cellamare avait ordre d'en-

voyer à tous les parlements de la France, помѣченная 4 сентября 1718; третья, озаглавленная: Manifeste du Roy catholique adressé aux trois Estats de la France, помѣченная 6 сентября 1718; четвертая, озаглавленная: Requeste présentée au Roy catholique au nom des trois Estats de la France. (З.).

11 марта. **П.** Instruction familière sur la soumission deue à la constitution *Unigenitus*. (З.). (Постановленіе, подтверждающее таковое же отъ 14 января).

22 мая. **П.** Déclaration de Sa Majesté Catholique au sujet de la résolution qu'elle a prise de se mettre à la tête de ses troupes pour favoriser les intérests de Sa Majesté Très-Chrétienne et de la nation française, помѣченная 27 апрѣля 1719. (З.).

7 іюня. **П.** Печатная книга подъ заглавіемъ: Lettre pastorale de Mgr J. Jaseph Languet, évêque de Soissons, aux ecclésiastiques de son diocèse, посредствомъ которой сказанный епископъ распространяетъ другое, приложенное къ ней письмо: Lettre de Mgr l'évêque de Soissons à Mgr l'évêque d'Angoulême, au sujet de l'appel de ce prélat et du mandement qu'il a publié à Angoulême au mois de décembre 1718. (З.).

22 іюня. **П.** Lettre de Mgr l'archevesque duc de Rheims à M. Mgrs les cardinaux, archevesques et évesques du royaume qui sont soumis à la bulle *Unigenitus*, помѣченное въ концѣ: à Rheims, le 14 may 1719; impr. chez Carles Gérard Albert, imprimeur juré de Mgr nostre illustrissime évesque. (С.).

9 августа. **П.** Lettre de M. l'évesque de Soissons à S. A. R. Mgr le duc d'Orléans, régent du royaume, au sujet de l'arrest rendu au Parlement le 7 juin contre quelques écrits de cet évesque, помѣченное въ концѣ: à Soissons, ce 24 juin 1719, и подписанное J. Joseph, évesque de Soissons. (С.).

6 сентября. **П.** Декретъ Римской инквизаціи отъ 3 августа, 1719 г., содержащій осужденіе пастырскаго посланія кардинала де Ноайля. (З.).

1720

16 сентября. **П.** Dénonciation de S. A. Mgr l'évêque de Bayeux de la philosophie de M. Jourdan, professeur du collége Du Bois dans l'Université de Caen. Décision d'un cas de conscience (par le P. de Gennes, Jésuite). (З.).

31 декабря. **Г. С.** Mandements des évêques de Senez, de Montpellier et de Boulogne, en date des 18, 26 et 30 octodre 1720, и приложенные къ нему акты. (З.).

31 декабря. **Г. С.** Mandement de l'archevesque d'Arles, помѣченное 12 октября 1720. (З.).

1721

21 марта. **П.** Три печатныхъ книги: 1° Une des listes de ceux qui ont signé le rènouvellement d'appel, et dont les actes ont été envoyés à NN. SS. les évêques appelans.—2° Mémoire où l'on établit le devoir de parler en faveur de la vérité, par rapport à ceux qui ne reçoivent ni la constitution *Unigenitus*, ni l'accommodement.—3° Lettre à Mgr l'évêque de Soissons sur la fausse apparence de paix dans l'église de France. (З.).

1722

19 апрѣля. **Г. С.** Lettre (по латыни и по французски) à N. S. P. le Pape Innocent XIII au sujet de la bulle *Unigenitus*, datée du 29 juir 1721, et signée en

ces termes: *François*, ancien évêque de Tournay; *Jean-Baptiste*, évêque de Pamiers; *Jean*, évêque de Senez; *Charles-Joachim*, évêque de Montpellier; *Pierre*, évêque de Boulogne, *Charles*, évêque d'Auxerre; *Michel*, évêque de Mâcon. (З.).

1723

23 мая. **Г. С.** Dénonciation à M. le procureur générale de l'instruction pastorale de M. le cardinal de Bissy. — Consultation d'un avocat de Bordeaux au sujet de ladite dénonciation. (З.).

9 сентября. **Г. С.** Discours du feu S-r abbé Fleury sur les libertez de l'Eglise gallicane, avec notes. (З.)

19 декабря. **Г. С.** Lettre des illustrissimes et révérendissimes François Caillebot, ancien évêque de Tournay, Jean-Baptiste de Verthomont, évêque de Pamiers, Jean Soanem, évêque de Senez, Charles-Joachim Colbert de Croissy, évêque de Montpellier, Pierre de Langle, évêque de Boulogne, Charles de Caylus, évêque d'Auxerre, et Michel Cossagnet de Tillodet, évêque de Mâcon, au Roy au sujet de l'arrest du Conseil d'Estat de S. M. du 19 avril 1722 contre la lettre des susdits prélats à N. S. P. le Pape Innocent XIII au sujet de la bulle *Unigenitus*, en date du mois de juillet 1722. (З.).

1724

1 іюля. **П.** Traité théologique sur l'autorité et l'infaillibilité des Papes, par le R. P. Petitdidier, religieux bénédictin de la congrégation de Saint-Vanne à Luxembourg, chez André Chevalier, 1724. (З.).

4 сентября. **Г. С.** Instruction en forme de catéchisme au sujet de la constitution *Unigenitus*.— Entretien du prêtre Eusèbe et de l'avocat Théophile sur la part que les laïques doivent prendre à l'ffaire de ladite Constitution. — Instruction théologique pour servir de réponse audit entretien. — Mandement de M. l'évêque de Bayeux, помѣченное: 17 juillet 1724. (З.).

21 сентября 1724. **Г. С.** Très-humbles remonstrances au Roy de M. l'évêque de Montpellier. — Lettre pastorale de M. l'évêque de Montpellier au clergé de son diocèse. (З).

4 октября. **Г. С.** Relation de ce qui s'est passé dans l'assemblée générale de la Congrégation de la Mission, tenue à Paris le 1 aoust 1724. (З.).

11 ноября. **Г. С.** Lettre de M. Duguet à M. l'évêque de Montpellier au sujet de ses remontrances au Roy. (З.)

1725

28 апрѣля. **Г. С.** Lettre de Son Altesse royale madame d'Orléans, abbesse de Chelles, à une de ses amies. (З.).

2 іюня. **Г. С.** Explicationt de N. S. P. le Pape Benoist XIII envoyées en France au mois de mars 1725 sur la bulle *Unigenitus*. (З.).

13 ноября. **Г. С.** Lettre circulaire de M. l'évêque de Montpellier aux évêque de France (З.).

1726

10 января. **П.** Lettre de NN. SS. les archevêques, évêques et autres députés à l'assemblée générale du clergé de France de l'année 1725 au Roy. (З.).

15 января. **П.** Illustrissimi et reverendissimi domini auditoris

generalis reverendae camerae apostolicae litterae, etc. (З).

15 апрѣля. **П.** Lettres pastorales de M. l'évêque de Montpellier, en date des 20 octobre et 1 décembre 1725.—Protestation des Chartreux opposans à la bulle *Unigenitus* qui ont pris le parti de la fuite, 1725.—Apologie pour les Chartreux, à Amsterdam (par l'abbé J. B. Cadry). 1725.—Réfutation de l'apologie des Chartreux, à Louvain, 1725. (З.).

15 апрѣля. **П.** Justification du sieur du Poirier, principal du collége de Tours. (С).

18 мая. **Г. С.** Requeste à S. E. M. le cardinal de Noailles, archevesque de Paris. (З.).

29 августа. **П.** Parallèle de la doctrine des païens avec celle des Jésuites et de la constitution du pape Clément XI qui commence par ces mots: *Unigenitus Dei filius* (par le P. Boyer del' Oratoire). (С.).

1727

14 іюня. **Г. С.** Mémoire présenté par trente curés de la ville de Paris à S. E. Mgr le cardinal de Noailles, leur archevêque, au sujet du bruit qui s'est répandu d'une prochaine acceptation de la bulle *Unigenitus.* (З.).

7 сентября. **Г. С.** Два сочиненія, озаглавленныя—одно: Dissertation sur la validité des ordinations des Anglais; другое: Défense de cette dissertation, imprimés à Bruxelles en 1723 et 1726 (par le P. Le Courayer). (З).

11 октября. Г. **С.** Les très-humbles remontrances des curés de la ville de Paris, qui ont présenté un mémoire à S. E. M. le cardinal de Noailles, au sujet du bruit qui s'est répandu d'une prochaine acceptation de la bulle *Unigenitus,* lequel a esté supprimé par arrest du Conseil d'Estat du Roy, en date du 14 juin de la présente année 1727. (З).

1728

30 апрѣля. **П.** Libelle manuscrit intitulé *Memoire,* commençant par ces mots: Avant que d'entrer en matière, et finissant par ceux-ci: Au jugement de ceux qui liront ce mémoire. (С).

3 іюля. **Г. С.** Consultation de MM. les avocats du parlement de Paris au sujet du jugement rendu à Embrun contre M. l'évêque de Senez. (З).

1729

8 марта. **П.** Deux libelles intitulés, l'un: Réfutation de l'opinion de plusieurs catholiques de France qu'on peut toujours communiquer licitement, quant au spirituel, avec les ennemis de la constitution *Unigenitus,* tant qu'ils sont conservés dans la juridiction et tolérés de l'Eglise, et qu'ils n'en sont pas séparés ni nommément excommuniés. Par un avocat, 1727.—L'autre: A NN. SS. les Plénipotentiaires du Congrès assemblés à Soissons, en leur adressant la dénonciation des Jésuites et de leur doctrine (par l'abbé Louis Troya d'Assigny). (С.).

20 іюля. **П.** Feuille imprimée, commençant par ces mots: Le 25 may, feste de saint Grégoire VII, pape et confesseur, et finissant par ceux-ci: On dit la messe *Statuit.* (З.).

1730

23 февраля. **П.** Remontrances des fidéles du diocèse de Paris à

Mgr leur archevêque, au sujet de son ordonnance du 29 septembre 1729. (C.).

23 февраля. **II.** Quatre brefs ou décrets du Pape au sujet de la légende de Grégoire VII en date des 17 septembre, 8 octobre, 6 et 19 décembre 1729. (3).

10 мая. **II.** Thèse imprimée, intitulée: Conclusiones theologicæ de veritate christianæ et catholicæ religionis, Deo duce et auspice Deiparâ Virgine, propugnabuntur in regio Ludovici magni collegio Societatis Jesu die 22 martis 1730, horâ post meridiem secundâ cum mediâ. Parisiis, ex typographia C. L. Thibout, 1730.(3.).

17 мая. **II.** Thèse intitulée: Exemplari doctorum Quæstio Theologica, et à la fin: Has theses, Deo dante et auspice Deiparâ, tueri conabitur Arthurus Augustinus Blener Hassett, presbyter Keriensis. sacræ facultatis Parisiensis licentiatus theologus, die Lunæ octava mensis maii anno Domini 1730, horis vespertinis, in Sorbona pro actu vesperiarum. (3.)

30 октября. **Г. С.** Mémoire pour les sieurs Samson, curé d'Olivet, Couët, curé de Darvoi, Gaucher, chanoine de Jargeau, diocèse d'Orléans, et autres ecclésiastiques de différents diocèses, appelans comme d'abus, contre M. l'évêque d'Orléans et autres archevêques et évêques de différents diocèses intimés, sur l'effet des arrêts des parlements, tant provisoires que définitifs, en matière d'appel comme d'abus des censures ecclésiastiques. A Paris, de l'imprimerie de Philippe-Nicolas Lottin. (3.).

12 января. **II.** Avis aux fidèles de l'Eglise de Paris sur ce qu'ils ont à craindre de la part des confesseurs qui acceptent la constitution *Unigenitus*. (3.).

1731

29 января. **II.** Lettre de Mgr l'ancien évêque d'Apt à Mgr l'évêque de Montpellier, en réponse d'une lettre pastorale qu'il a faite contre son codicille à Marseille, chez J. P. Brebion, imprimeur à Marseille, ce 25 octobre 1730. (C.).

Instruction pastorale et ordonnance M. l'archevêque-prince d'Embrun, portant défenses de lire et de garder différents écrits publiés sous le nom de M. l'évêque de Montpellier, en date du 12 août 1730, à Grenoble, chez Pierre Faure, imprimeur-libraire.—Mandement de Mgr l'archevêque-prince d'Embrun, portant condamnation d'un écrit signé par quarante avocats, intitulé: Mémoire pour les sieurs Samson, curé d'Olivet, Couët, curé de Darvoi etc. (см. выше). A Grenoble, chez André Faure, imprimeur-libraire, en date du 16 décembre 1730. (3.).

31 января. **II.** Réponse d'un conseiller faite au nom des catholiques du diocèse de *** à M. l'abbé de ***, pour justifier leur séparation de communion d'avec leur évêque, et aux communicateurs des hérétiques ou schismatiques notoires, помѣченное въ концѣ: ce 20 mars 1730. (C.).

9 февраля. **II.** Plusieurs feuilles intitulées: Nouvelles ecclésiastiques ou mémoires pour servir à l'histoire de la Constitution. (C.).

2 марта. **II.** Lettre pastorale de M. l'évêque de Laon, au sujet de l'arrêt du Parlement du 20 février 1731, datée du 24 du même mois. (3.).

5 марта. **П.** Ordonnance et instruction pastorale de M. l'archevêque de Paris, portant condamnation d'un écrit qui a pour titre: Mémoire pour les sieurs Samson, curé d'Olivet, etc., et autres ecclésiastiques de différents diocèses, appelans comme d'abus, datée du 18 janvier 1731. (Запрещеніе распространять этотъ ордонансъ).

10 мая. **Г. С.** Observations sur le bref du Pape qui établit M. le cardinal de Bissy et M. l'archevêque de Rouen commissaires apostoliques pour le gouvernement et la réformation de l'ordre de Cluny. 1731. (З.).

19 іюня. **П.** Lettre de M. le coadjuteur d'Orléans à Mgr le cardinal de Fleury, le 29 avril 1731 (З.).

8 іюля. **Г. С.** Сочиненіе, озаглавленное на одной сторонѣ: Lettre du parlement de Bordeaux au Roi; а на другой: Réflexions sur cette lettre, etc. (З.).

14 іюля. **П.** Seconde lettre à M. Gilbert de Voisins, avocat général au Parlement, etc. (С.).

14 августа. **П.** Thèse intitulée: Innocentiæ vindici quæstio theologica, et à la fin: Has theses. Deo duce, auspice Deiparâ,.....tueri conabitur Maurillius-Petrus, Joannes Hay de Bouteville, præsbiter Rhedonensis... die martis 7 mensis augusti anno Domini 1731. ... in Sorbona pro majore ordinaria. (З.).

2 сентября. **Г. С.** Instruction pastorale de M. l'évesque duc de Laon, second pair de France, contre les réquisitoires de M. Gilbert, avocat général, en date du 1-er avril 1731. (З.).

24 сентября. **Г. С.** Mandement de M. l'archevesque d'Embrun, contre un écrit intitulé *Arrest du Parlement de Paris,* etc., en date du ... aoust 1731. (З.).

28 сентября. **П.** Два декрета Римскаго двора, озаглавленные, одинъ: SS. D. N. D. Clementis, Divinâ providentiâ Papæ XII, declaratio nullitatis, damnatio et prohibitio mandati episcopi Montispessulani sub titulo: Ordonnance de Mgr de Montpellier contre la délibération de son chapitre du 27 août 1731; другой: Decretum feria quarta die 22 augusti 1731, portant condamnation d'un livre intitulé: la vie de M. Pâris, diacre, à Bruxelles, chez Foppens, à l'enseigne du Saint-Esprit, 1731. (З).

2 октября. **Г. С.** Instruction pastorale de M. l'archevesque prince d'Embrun, dans laquelle il est prouvé que la constitution *Unigenitus* est un jugement dogmatique et irréformable de l'Eglise. (З.).

17 ноября. **Г. С.** Réflexions de M. l'évesque de Laon sur l'arrest du Conseil du 2 septembre dernier. (З.).

9 декабря. **Г. С.** Печатное сочиненіе подъ заглавіемъ: Stephanus Josephus de La Fare miseratione divinâ et sanctae sedis apostolicae gratiâ episcopus dux Laudunensis, etc. (З.).

9 декабря. **Г. С.** Два печатныхъ сочиненія, озаглавленныхъ, одно: Lettre de M. l'archevêque d'Embrun à M. le cardinal de Rohan, datée d'Embrun le 9 juillet 1731, и другое: Lettre de M. l'archevêque d'Embrun à M. le cardinal de Rohan au sujet de la lettre circulaire du mois d'aoust 1731 adressée de la part de Sa Majesté aux évêques de France. (З.).

1732

24 апрѣля. **Г. С.** Seconde et troisième lettre de M. l'abbé de

Lisle sur les miracles de M. de Paris. (С.).

13 іюня. **П.** Mandement de Mgr l'archevêque de Paris, portant condamnation de plusieurs libelles qui ont pour titre: Nouvelles ecclésiastiques, en date du 27 avril 1732. (Запрещеніе распространять это посланіе).

18 іюля. **Г. С.** Dictionnaire universel français-latin et latin-français, par Furetière. (Отмѣна привилегіи).

3 августа. **Г. С.** La Genèse en latin et en françois, avec une explication littérale tirée de l'Ecriture et de la tradition (par Fr. Maurice Foinard). A Paris, chez P. C. Emery, libraire (Приказъ подвергнуть преслѣдованію автора за напечатаніе сочиненія, несогласнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ рукописью, одобренною цензурою).

4 августа. **П.** Печатное сочиненіе подъ заглавіемъ: Rainerius ex comitibus de Ilcio, Dei et apostolicae sedis gratiâ archiepiscopus Rhodiensis, ac SS. DD. N. D. Papae Clementis XII ejusdemque sedis apud Regem Christianissimum nuncius apostolicus, porta nt permission de lire les livres défendus et candamnés, aux exceptions y portées. (З.).

11 августа. **П.** Thèse soutenue en Sorbonne le 18 juillet 1732. (Запрещенія, сдѣланныя по этому случаю синдику богословскаго факультета).

13 августа. **П.** Mémoire touchant l'origine et l'autorité du Parlement de France, appelé *Judicium Francorum*. (С.).

31 августа. **Г. С.** Traité de l'amour de Dieu, tiré des Livres saints. (З.).

1733

5 января. **П.** Thèse intitulée: Pastorum exemplari, et à la fin: Has theses, Deo duce, auspice Deiparâ, ...tueri conabitur Joannes Hanharan, Limericensis in Hybernia presbyter, ... die Mercurii trigesima prima mensis decembris 1732 ...in Sorbona pro majore ordinaria. (З.).

31 января. **Г. С.** Véritable Calendrier chronologique et historique, contenant la connaissance des temps. (Отмѣна привилегіи).

11 февраля. **Г. С.** Lettre de Mgr l'évêque duc de Laon à Mgr le cardinal de Fleury, du 1-er novembre 1731. (З.).

23 февраля. Печатное произведеніе подъ заглавіемъ: Lettre de M. Leullier, docteur et doyen de la faculté de théologie de la maison de Sorbonne, à M. le premier Président; après lequel écrit en est un autre intitulé: Lettre de Mgr l'évêque de Laon à M. Leullier, docteur et doyen de la faculté de théologie de la maison de Sorbonne, au sujet de la lettre précéndente; et, sur un autre feuillet, un autre imprimé intitulé: Formulaire que M. de Brancas, archevêque d'Aix, fait signer à tous les ecclésiastiques de son diocèse, au pied duquel est une addition intitulée: Addition pour les confesseurs; et au revers un autre imprimé intitulé: Formulaire pour les religieuses que le même prélat oblige toutes de signer. (З.).

17 марта. **В. С.** Elenchus privilegiorum regularium tam mendicantium quam non mendicantium maxime Cistercensium, etc. Congestus à P. Raphaele Kondig, etc. Coloniae Munatia-

nae apud Thurnisios fratres, anno 1729. (З.).

20 марта. **П.** Lettre de Louis XIV à Louis XV (par Cl. G. Robert de Steuil). (С.).

14 апрѣля. **П.** Листокъ подъ заглавіемъ: Réflexions pour les évêques de France (С.).

25 апрѣля. **П.** Nouvelle Défense de la Constitution, où l'on montre qu'elle est régle de foy etc., par M. Claude Le Pelletier, prêtre, docteur en théologie, chanoine de l'église de Reims, à Rouen, chez Ph. Pierre Cabut, rue du Becq, 1729.—Traité de l'amour de Dieu, tiré des Livres saints, dans lequel, etc., dédié au Roy par M. l'abbé Le Pelletier, chanoine de l'église de Reims, deux vol. A Paris, chez Henry, rue Saint-Jacques, vis-à-vis Saint-Yves, 1732. (З.).

25 апрѣля. **Г. С.** Instruction pastorale de M. l'évesque de Montpellier, adressée au clergé et aux fidèles de son diocèse, au sujet des miracles que Dieu fait en faveur des appelans de la bulle *Unigenitus*. 1733. (З).

9 мая. **Г. С.** Диссертація подъ заглавіемъ: Positiones utriusque juris, quas, Deo optimo maximo auxiliante, ex decreto amplissimi juris consultorum ordinis in perantiqua et celeberrima Aurelianensium Academia, . . . publice discutiendas exhibet Franciscus Salesius Daniel Poullin, die 23 aprilis, etc. Aureliae, ex typographia viduae Francisci Borde universatis typographi, 1733. (З.).

1 іюня. **Г. С.** Lettre à un prêtre de l'Oratoire, au sujet de l'assemblée de cette congrégation, indiquée au 12 juin 1733. (З.).

5 іюня. **П.** Lettre d'un docteur de Sorbonne à un évêque de province, le 8 mars 1733. (З.).

5 іюня. **П.** Remontrance au Roy sur l'arrêt rendu par son parlement de Paris le 23 février 1733, qui ordonne la suppression d'un imprimé intitulé: Lettre de M. Leullier à M. le premier président (С.).

26 іюля. **Г. С.** Feuille intitulée: Formulaire proposé par M. l'archevêque de Tours au chapitre général des Bénédictins de la congrégation de Saint-Maur, le 3 juillet 1733, au bas de laquelle feuille est un autre écrit intitulé: Déclaration proposée pour être mise au bas des signatures du formulaire précédent. (З.).

29 іюля. **Г. С** Mémoire sur les droits du second ordre du clergé avec la tradition qui prouve les droits du second ordre (par l'abbé Nic. Le Gros). France, 1733. (З.).

7 сентября. **П.** Lettre d'un évêque de France au Roy, datée à la fin: avril 1733. (С).

22 октября. **Г. С.** 1° Mandement de M. l'évesque duc de Laon contre des écrits intitulés: Arrest de la cour du Parlement du 25 avril 1733 et arrest de la cour du Parlement du 23 février 1733, donné le 10 may 1733 et enregistré le 20 may de la même année à l'Officialité.—2° Mandement de M. l'évesque duc de Laon, second pair de France, comte d'Anisy, etc., au sujet des quatre imprimés, dont l'un a pour titre: Arresté du Parlement du 6 may 1733; le second: Très-humbles et très respectueuses remontrances que présentent au Roy . . . les gens de la Cour de Parlement, en date du 15 du même mois; le troisième: Arresté du Parlement, fait après le compte

que M. le premier président a rendu aux chambres assemblées de la réponse du Roy aux remontrances du 19 may 1733; le quatrième: Instruction pastorale de M. l'évesque de Montpellier adressée au clergé et aux fidèles de son diocèse au sujet des miracles que Dieu fait en faveur des appelans de la bulle *Unigenitus*, 1733. Donné à Laon le premier juillet 1733. (З.).

1734

26 января. **Г. С.** Instruction pastorale de M. l'illustrissime et révérendissime évêque de Marseille sur les libertés de l'Eglise gallicane. A Marseille, de l'imprimerie de Jean-Pierre Brebion.—Le droit des souverains dans l'administration de l'Eglise (par Delpech de Nerinville), à Paris, 1734, ou, suivant une autre édition du même ouvrage: Traité des bornes de la puissance ecclésiastique et de la puissance civile, avec un sommaire chronologique des entreprises des Papes pour estendre la puissance spirituelle et du succès que ces entreprises ont eu, surtout en France, comme aussi des faits concernant les disputes du temps. A Amsterdam, chez François Changusion, 1734.—Anecdotes, ou mémoires secrets sur la constitution *Unigenitus* (par J. F. Bourgoin de Villefore). 1-re partie, 1730. 2-e partie, à Utrecht, 1732. Tome 3-e, à Trévoux, 1733.—Réfutation des anecdotes adressée à leur auteur, par M. Pierre-François Lafiteau, évêque de Sisteron, cy-devant chargé des affaires du Roy auprès du S. Siége. A Aix, chez Joseph David, imprimeur du Roy, 1734.—Dissertation dans laquelle on explique en quel sens on peut dire qu'un jugement de l'Eglise catholique, qui condamne plusieurs propositions de quelque écrit dogmatique, sous une multitude de qualifications respectives, est une règle de foy, et en quel sens ce n'est pas une règle de foy, par M. Charles, évesque de Tulle. A Tulle, chez Jean Léonard Dalvy, 1733. (З.).

8 марта. **Г. С.** Mandement de M. l'évesque d'Auxerre, à l'occasion du miracle opéré dans la ville de Seignelay de ce diocèse le 6 janvier mil sept cent trente-trois, jour de l'Epiphanie, 1734. (З.).

16 апрѣля. **П.** Instruction sur l'obéissance due aux décisions de l'Eglise, par demandes et par réponses.—Réplique aux tolérans de ce temps. A Avignon, chez Joseph Chastel, 1729. (С.).

25 мая. **Г. С.** Lettre pastorale et ordonnance de M. l'archevesque d'Embrun, portant condamnation de deux ouvrages, dont l'un a pour titre: Mémoire sur les droits du second ordre du clergé, etc., et l'autre est intitulée: Lettre à un ecclésiastique sur la justice chrestienne et sur les moyens de la conserver et de la réparer. (З.).

29 мая. **Г. С.** Relation de ce qui s'est passé au sujet de l'arrêt du Conseil du 26 janvier 1734. (С.).

10 іюня. **П.** Lettres philosophiques par M. de V... (Voltaire). A Amsterdam, chez E. Lucas, au Livre d'or, 1734. (С).

14 августа. **Г. С.** Lettre de plu-

sieurs archevesques et évesques à Sa Majesté. (З.).

28 августа. **Г. С.** Lettre pastorale de M. l'évesque de Montpellier adressée au clergé et aux fidèles de son diocèse, pour leur notifier un miracle opéré dans son diocèse par l'intercession de M. François de Pâris, et les prémunir contre un bref de N. S. P. le Pape, en date du trois octobre mil sept cent trente-trois, et deux écrits de M. l'archevesque d'Embrun de la même année. 1734. (З.).

31 декабря. **П.** Les Princesses malabares, ou le célibat philosophique, ouvrage intéressant et curieux, avec des notes historiques et critiques (par Louis-Pierre de Longue). A Andrinople, chez Thomas Franco, 1734. (С.).

1735

2 января. **Г. С.** Lettre de M. l'évêque duc de Laon à MM. les archevêque et évêques de la province de Reims.—Lettre de M. l'évêque duc de Laon au Roy (З.).

18 февраля. **П.** Instruction pastorale de Mgr l'archevêque duc de Cambray sur la nécessité de rapporter toutes et chacune de nos actions à Dieu par le motif de la charité. A Paris, chez Marc Bordelet, 1734. Ledit ouvrage divisé en cinq parties, de 838 pages, sans la table.—Thèse soutenue en Sorbonne par Claude-Guillaume Vinot, diacre de Rouen, le 30 octobre 1734, et commençant par ces mots: A fratribus spoliato. Questio theologica. Quis creatus est in justitia? etc. (З.).

2 апрѣля. **П.** Imprimé, en forme de lettre, attribué aux avocats de la Cour du Parlement et daté du 26 mars dernier. (З.).

2 апрѣля. **Г. С.** Mandement de M. l'évesque de Saint-Papoul pour faire part à son peuple de ses sentiments sur les affaires présentes de l'Eglise et des raisons qui le déterminent à se démettre de son évêché, 1735, in-4° de 5 pages.

1 мая. **Г. С.** Lettre de M. l'évêque de Verdun à M. l'évêque de Laon. (З.).

15 мая. **Г. С.** Seconde lettre de M. l'évesque duc de Laon à MM. les archevêque et évesques de la province de Reims, au sujet de l'arrêt du Conseil du 2 janvier 1735 contre sa première lettre du 18 octobre aux mêmes évesques et sa lettre au Roy du 3 du même mois.—Troisième et dernière lettre de M. l'évesque duc de Laon à MM. les archevesque et évesques de la province de Reims. (З.).

13 іюня. **П.** Lettre pastorale de M. l'archevêque de Cambray du 19 may 1735. (З.).

17 іюня. P. Décret ou bref du Pape intitulé: SS. D. N. D. Clementis ... Papae XII revocatio et annulatio ordinationum aliorumque contentorum in quibusdam foliis gallico idiomate impressis sub titulo: Arrêt de la Cour du Parlement du 18 février 1735, supprimant un livre intitulé: Instruction pastorale de M. l'archevêque de Cambray, et une thèse soutenue en Sorbonne le 36 octobre 1734; cum prohibitione eorumdem foliorum, daté du 18 mai 1735. (Постановленіе о злоупотребленіи властью).

2 іюля. **П.** Dénonciation des erreurs de M. l'évêque de Troyes. A Avignon, chez Joseph Car-

tel, imprimeur du Saint-Office, 1735, par permission des supérieurs. (C).

3 іюля. **Г. С.** Lettre de M. l'évesque de Châlon-sur-Saône à M. l'évesque de Laon. (3).

17 іюля. **Г. С.** Lettre de Mgr l'évêque duc de Laon à Nosseigneurs de l'assemblée du clergé. (3).

18 декабря. **Г. С.** Catéchisme, ou instruction sur les principales vérités de la religion catholique, imprimé par ordre de Mgr l'évesque d'Auxerre pour l'usage de son diocèse, 1735.— Très-humbles remontrances de quelques curés du diocèse d'Auxerre au sujet de la doctrine du catéchisme qu'il vient de donner dans son diocèse. (3).

1736

21 марта. **III.** Печатная книга: Pensées sur les prodiges de nos jours. — La Vérité persécutée par l'erreur (par dom Toustain, Bénédictin).—Réflexions et suite de reflexions sur la captivité de Babylone. (C).

24 марта. **III.** Discours sur les Nouvelles ecclésiastiques (par Nicolas le Gros). (A).

8 іюня. **II.** Lettre sur le nouveau bréviaire de Paris, imprimé en 1736, datée à la fin le 25 mars 1736 (par le P. Hongnant, jésuite) (C).

27 іюня. **Г. С.** Mandement de M. l'évesque duc de Laon, second pair de France, au sujet de trois imprimés qui se répandent depuis peu dans son diocèse.— Trois imprimés (тѣже, о которыхъ, говорится въ вышеприведенномъ посланіи) intitulés, le premier: Instruction pastorale de M. l'évesque d'Auxerre au sujet de quelques libelles répandus dans le public contre son mandement du 26 octobre 1733 à l'occasion d'un miracle opéré dans la ville de Seignelay; le second: Lettre de M. l'évesque de Montpellier à N. S. P. le Pape Clément XII au sujet d'un décret de Sa Sainteté, en date du 23 may 1735, qui condamne au feu un prétendu mandement de ce prélat du 24 mars de la même année; et le troisième: Deux lettres de M. l'évêque de Senez; l'une à M. l'évêque de Babylone, avec la réponse de ce prélat; l'autre à M. Le Gros. (3).

28 іюля. **Г. С.** L'Ordre de l'Eglise, ou la primauté et la subordination ecclésiastique selon saint Thomas, par le pére Bernard d'Arras, capucin, ancien lecteur en théologie, à Paris, 1735, avec approbation et privilége du Roy. (3).

19 августа. **Г. С.** Réfutation des anecdotes, adressée à l'auteur par messire Prierre-François Lafiteau, évesque de Sisteron, tome second. A Avignon, chez Fortunat Labaye, imprimeur et libraire. (3).

20 августа. **II.** Remontrance, ou seconde lettre à Mgr l'archevêque de Paris. (C).

8 декабря. **Г. С.** Copie de la lettre de M. de Laon à M. l'évesque de *** du premier septembre 1736. (3).

1737

7 февраля. **II.** Observations sur les écrits modernes: Lettre quatre-vingt-dix-neuf, 12 janvier mil sept cent trente-sept. A Paris, chez Chambert (par Guyot-Desfontaines, Mairault, etc.). (3).

18 марта. **II.** Feuille imprimée intitulée: Suite du Supplément, 15 janvier 1737.—

Thèse soutenue dans la faculté de théologie de Reims le 31 décembre 1736 par Charles Batteux, pro majore ordinariâ. (3).

5 мая. **Г. С.** Ordonnance de M. l'évesque duc de Laon, second pair de France, etc. (3).

11 ноября. **Г. С.** Instruction pastorale de M. l'évesque duc de Laon, etc., sur l'authorité que Jésus-Christ a donnée à son Eglise, du 20 avril 1737. (3).

17 ноября. **Г. С.** Histoire de la Constitution *Unigenitus* par messire Pierre Lafiteau, évesque de Sisteron, cy-devant chargé des affaires du Roy auprés du Saint-Siége, tome premier. A Florence, chez Joseph Marmi, imprimeur-libraire, 1737. (Запрещеніе ввозить это сочиненіе во Францію).

16 декабря. **П.** Quatre théses soutenues les 17 août, 4 septembre, 14 et 23 novembre 1737, la premiére par Etienne Tassin, in scholis Doctoris angelici; la seconde par Jean-Charles-François Legras, in Regiâ Navarrâ; la troisiéme par Joseph Rolland, in scholis Doctoris subtilis; et la quatriéme par Nicolas Buret, Regiâ Navarrâ, toutes pro majore ordinaria. (3).

1738

4 января. **П.** Dix-neuviéme lettre théologique à Paris, ce 28 octobre 1737.—Suite de la dix-neuviéme lettre théologique.—Lettres à un magistrat sur la démarche de M. de Montgeron. Première lettre où l'on examine la valeur du reproche fait à M. de Montgeron, sur ce que son ouvrage a été imprimé furtivement.—Suite des lettres à un magistrat, où l'on montre par la multiplicité des conspirations formées dans le sein de l'Etat et par la nature du seul remède qui puisse être efficace contre tant de maux, que M. de Montgeron n'a fait que ce qu'il était indispensablement obligé de faire et que ce que le corps de magistrats doit nécessairement faire aprés lui. (3).

4 января. **П.** Canonisatio B. Vincentii à Paulo. Parisiis, e typis Petri Simon, 1737. (3).

28 іюня. **Г. С.** Réflexions sur le mandement et instruction pastorale de M. l'évesque de Rhodés, portant condamnation de certains écrits à Rhodés en 1736. (3).

16 августа. **Г. С.** Histoire de la constitution *Unigenitus*, par messire Pierre-François Lafiteau, évesque de Sisteron, tome second. A Avignon, chez Fortinat Labaye, imprimeur, 1738. (Запрещеніе ввозить это сочиненіе въ королевство).

9 декабря. **Г. С.** Lettre de M. l'évesque duc de Laon à M. le cardinal d'Alsace, archevesque de Malines, sur l'obligation de refuses la communion à ceux qui sont notoirement rebelles à la constitution *Unigenitus*. (3).

1739

6 марта. **Г. С.** Discours sur le concile de Florence, à l'occasion de l'arrêt du Parlement du 16 décembre 1737 (par le P. Louis Patouillet). (3).

11 апрѣля. **Г. С.** Exposition des motifs de l'appel interjeté par l'Université de Paris le 5 octobre 1718 (nouv. édition).—Mémoire pour l'Université, où l'onmontre qu'elle ne peut révoques son appel ni recevoir la constitution *Unigenitus*. (3).

22 апрѣля. **П.** Lettres de plusieurs évêques sur l'obligation de priver de l'ablation du sacrifice de la messe et des suffrages de l'Eglise ceux qui meurent appelants de la constitution *Unigenitus*. A Ypres, chez P. J. Rave, imprimeur de Mgr l'évêque, 1739. (3).

14 мая **Г. С.** Actes signifiés à l'occasion de la conclusion de la Faculté des arts du 11 du présent mois. (3).

4 декабря. **Г. С.** Recueil de pièces fugitives en prose et en vers par M. de V... (Voltaire). (3).

1740

1 сентября. **П.** Première instruction pastorale de Mgr l'évêque duc de Laon sur la conduite qu'on doit tenir à l'égard de ceux qui sont notoirement rebelles à la constitution *Unigenitus,* imprimée en trois parties aux dates 8 et 18 septembre 1739. (3.).

1741

22 февраля. **Г. С.** Missel romain selon le réglement du concile de Trente, traduit en françois, nouvelle édition à Sainte-Menehould, chez de Liége, 1737. (3.).

1742

9 августа. **П.** Imprimé in-4°, intitulé: Cas de concsience, et commençant par ces mots: Térence et Térencjenne. A. Reims, 31 mai 1742 (15 pages). (С.).

1743

26 апрѣля. **Г. С.** Consultation de MM. les avocats du parlement de Paris, au sujet du mandement de M. Berger de Charenci, évêque de Montpellier, du 1-er juillet 1742, pour l'acceptation de la bulle *Unigenitus,* publié dans le synode tenu le 12 du même mois.—Consultation de MM. les avocats du parlement de Paris au sujet du synode tenu à Montpellier le 12 juillet 1742 par M. Berger de Charenci, évêque de Montpellier. (3.).

28 апрѣля. **Г. С.** Mémoires de Condé, servant d'éclaircissements et de preuves à l'histoire de M. de Thou, supplément. (3).

6 сентября. **Г. С.** Observations sur les écrits modernes. (Отмѣна привилегіи).

1745

28 марта. **Г. С.** Histoire de Louis XI, par le sieur Duclos, de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. (Запрещеніе перепечатки безъ новаго просмотра цензорами).

18 мая. **П.** Gazettes, ou nouvelles à la main. (Запрещеніе составлять и продавать произведенія этого рода подъ такимъ или другимъ заглавіемъ, причемъ за первое нарушеніе назначалось наказаніе кнутомъ и изгнаніе, а за второе—галеры).

28 августа. **Г. С.** Dictionnaire universel des arts et des sciences, nouv. édition, par Fontenelle. (Отмѣна привилегіи).

1746

11 іюня **Г. С.** L'Observateur littéraire (par Marmontel et Bauvin). — Les Epoux malheureux, ou l'Histoire de M. de la Bédoyère (par d'Arnaud de Baculard).—Le Philosophe amoureux (par T. l'Affi-

chard).—Roman d'Alsidor et Pesaly.—Théâtre anglais. (Конфискація экземпляровъ или листовъ этихъ сочиній, захваченныхъ 29 апрѣля у книгопродавца Жака Клузье).

7 іюля. **П.** Histoire naturelle de l'âme, trad. de l'anglais de M. Charp. par feu M. H... (Hunauld) de l'Académie des sciences: Participem lethi quoque convenit esse. A la Haye, chez J. Néaulme, libraire, 1745. — Pensées philosophiques: piscis hic non est omnium (par Diderot). A la Haye, aux dépens de la Compagnie. 1746. (С.).

9 іюля. **П.** Politique du médecin de Machiavel, ou le chemin de la fortune ouvert aux médecins (par de la Mettrie). A Amsterdam, chez les fréres Bernard. (С.).

1747

7 января. **П.** Avis donné par Mgr l'évêque d'Amiens aux curés de son diocèse, au sujet de ceux qui, n'étant pas soumis à la bulle *Unigenitus*, demandent les sacrements. (З.).

1 февраля. **П.** Nouvelles ecclésiastiques, ou mémoires pour servir à l'histoire de la constituton *Unigenitus*, pour l'année 1747. (С.).

1748

27 апрѣля. **Г. С.** Triomphe de M. Arnaud. (З.).

6 мая. **П.** Les Mœurs, respicere exemplar vitæ morumque, Hor. ad Pis. (par Toussaint), première, seconde et troisième partie, 1748. (С.).

25 іюня. **П.** De suprema Romani Pontificis auctoritate, hodierna ecclesiæ gallicanæ doctrina, auctore *** in regia universitate Taurinensi juris utriusque doctore. Tomus primus et tomus secundus. Aveniome. Typis Francisci Gérard. 1747. (З.).

1 августа. **Г. С.** Quatre consultations d'avocats: l'une sous le titre de Mémoire à consulter, datée du 2 juillet 1749; l'autre commençant par ces mots: Le Conseil soussigné, datée du 16 juillet 1749; la troisième portant en tête: Mémoire à consulter, datée du 19 juillet 1749, et la derniére commençant par ces mots: Le Conseil soussigné, datée du même jour. (З.).

1750

3 января. **Г. С** Calendrier historique pour l'année mil sept cent cinquante (par Lenglet-Dufresnoy).—Calendrier des princes et de la noblesse pour l'année mil sept cent cinquante. (З.).

24 февраля. **Г. С.** Histoire de Tom Jones, trad. de l'anglais (par Laplace). (З.).

1 іюня. **Г. С.** Книга подъ заглавіемъ: Lettres, avec un passage latin au bas, commençant par ces mots: Ne repugnate, etc. A Londres, 1750. (З.).

1751

21 мая. **Г. С.** Discours sur les biens ecclésiastiques de Frapaolo, traduit de l'anglais.—La voix du prêtre (par l'abbé Constantin). — La voix du sage et du peuple (par Voltaire).—La voix du prêtre et du lévite.—La voix du fou et de la femme. — Réponse aux

lettres contre l'immunité. — Lettres d'un imprimeur de Londres. — Défense de l'immunité des biens ecclésiastiques. Necesse ut veniant scandala. Les obligations indispensables du clergé de payer le vingtième. — Extrait des procès-verbaux du clergé. — Les commentaires des lettres *Ne regnate*.— Mémoire pour servir à l'histoire des immunités de l'Eglise.—Observations sur les procès-verbaux du clergé. — La voix du chrétien et de l'évêque.—Avis sincères aux prélats ci-devant assemblés. — Recueil de pièces concernant les affaires présentes du clergé. — Les preuves de l'obéissance due aux souverains.—Lettre de M. l'archevêque de *** à un conseiller d'Etat.—Essai sur le rachat des rentes et redevances foncières.—Lettre critique sur les devoirs d'un curé.—La voix du riche.—Les voix intervenantes. —La voix du pauvre.—Avis d'un docteur en Sorbonne.—La voix des capucins.—Dissertation si la grandeur de l'Eglise temporelle n'est pas contraire à la loi de Dieu.—Lettre de M. l'abbé de S. P. à M. de M.— Les bustes de Boniface VIII et de Philippe le Bel, accompagnés de maximes auxquelles les immunités ne doivent jamais donner atteinte. — Lettre d'un saint évêque à un archevêque bien intentionné. — Réfutation d'un libelle intitulé: la Voix du sage et du peuple.—La voix du Pape. — Examen impartial des immunités ecclésiastiques (par l'abbé Chauvelin).—Examen des observations sur l'extrait du procès-verbal de l'assemblée du clergé tenue en 1750.—Gercelle, allégorie pour servir à l'histoire de ce temps-là.—Lettre de Mgr l'archevêque d'Auch à S. E. Mgr le cardinal de Tencin.—Réponse critique à la voix du Sage.— Lettre de M. l'évêque d'Agen à M. le contrôleur général. (З.).

13 августа. **П.** Два печатныхъ произведенія подъ заглавіемъ, одно: Précis des motifs des modifications contenues dans l'arrêt d'enregistrement du 20 juillet 1751 de la Déclaration du 24 mars précédent (affaire de l'hôpital général); и другое: Extrait des registres du Parlement du 20 juillet 1751. (З.).

1752

13 января. **Г. С.** Imprimé commençant par ces mots: SS. D. N. Benedicti, Divina Providentia Papæ XIV, damnatio, et finissant par ces mots: Romæ, ex Typographia Rev. Camer. apostol. 1752. (З.).

7 февраля. **Г. С.** Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. (З.).

30 мая. **Г. С.** Lettre de M. l'archevêque de *** à M. ***, conseiller au Parlement de Paris, datée à..., le 25 avril 1752. — Lettre d'un conseiller au Parlement de *** à M. ***, conseiller au Parlement de Paris. — Lettre à Mgr l'évêque *** sur l'affaire présente du parlement de Paris au sujet du refus des sacrements, datée du 13 mai 1752. — Gravure portant pour légende: Custos unitatis, schismatis victrix. (З.).

31 мая. **П.** Lettre de M. l'archevêque de *** à M. ***, conseiller au parlement de Paris; datée à ***; le 25 avril 1752. — Lettre d'un conseiller du Parlement de *** à M. ***, conseiller du parlement de Pa-

ris.—Lettre à Mgr l'évêque de *** sur l'affaire présente du Parlement au sujet du refus des sacrements, datée du 13 may 1752 (З.)

28 іюня **Г. С.** J. J. Languet, archiepiscopi Senonenensis, anteà episcopi Suessionensis, opera omnia. 2 vol. in-fol., impr. à Sens, chez André Jannot. (З.).

4 іюля. **Г. С.** Extrait de l'exhortation que fit Mgr l'évêque d'Amiens dans la cathédrale le jour de la Fête-Dieu de la présente année 1752. (З.).

7 іюля. **II.** Lettre de Mgr l'évêque de Marseille à Mgr le chancelier, imprimée à Carpentras, ce 25 du mois de *** 1752 (С.).

15 іюля. **II.** Apologie de tous les jugements rendus par les tribunaux séculiers en France contre le schisme (par l'abbé Mey et G. Maultrot). 1752. 2 vol. in-12. (З.).

22 іюля. **II.** Requête des sous-fermiers du domaine au Roi, pour demander que les billets de confession soient soumis au contrôle (par l'avocat Marchand). In-4⁰ de 19 pages. (С.).

Deuxième lettre à Mgr l'évêque de *** sur l'affaire du Parlement au sujet du refus des sacrements du 1-er juin. A Londres, 1752.—Troisième lettre à Mgr l'évêque de *** sur l'affaire du Parlement au sujet des sacrements, du 9 juin 1752.

25 іюля. **Г. С.** Deux imprimés, l'un intitulé: Lettre de M. l'évêque d'Amiens au Roi; l'autre «sans titre», mais qui paraît être une Lettre écrite au Roi par dix-neuf évêques. (З.).

29 іюля. **II.** Imprimé commençant par ces mots: *Ira Dei* et finissant par ceux-ci: *ejus sodales.* (С.).

1 августа. Imprimé ayant pour titre: C. Les très-humbles remontrances du parlement de Toulouse (З.).

1 августа. **II.** Deux thèses soutenues à Pézenas les 12 et 18 juin dernier par Vincent Besson et Honorat David, in æde sacra conventus Piscenarum (Pézenas) de observantia, et imprimées à Avignon. (З.).

1 августа. **II.** Lettre à Mgr l'archevêque de Sens au sujet de la lettre de M. l'archevêque de *** à M***, conseiller au parlement de Paris (par Gaultier). 1752. (З.).

17 августа. **II.** Réponse de M***, conseiller au parlement de Paris, à la lettre de M. l'archevêque de *** du 25 avril 1752.—Extrait des registres du parlement d'Aix, réquisitoires et arrêtés du treize juin mil sept cent cinquante-deux. — Arrest de la cour du parlement d'Aix rendu contre les Cordeliers, etc., du 3 juin 1752.—Seconde et troisième lettre de Mgr l'évêque d'Amiens au Roi (З.).

19 августа. **II.** Imprimé in-4⁰ de seize pages, en forme de Lettre, sans signature, et daté à Paris le 11 juin 1752.

21 августа. Рукопись подъ заглавіемъ: Réponse à une brochure intitulée: Instruction importante touchant les contestations au sujet de la bulle *Unigenitus.* (З.).

27 августа. **Г. С.** Imprimé «qui paraît être une lettre écrite à Sa Majesté», non signée, mais datée du 11 juin dernier. (З.).

30 августа. **II.** Le même

écrit que ci-dessus. (C.).

2 сентября. **II.** Reflexions sur l'arrêt du conseil du 23 août 1752. (C.).

4 сентября. **II.** Lettre aux Révérends Pères Jésuites, datée le... 1752, avec une gravure intitulée l'Antipathique, (C.).

15 сентября. **Г. С.** Décision des docteurs de la Sorbonne sur la question de savoir si l'arrêt du Conseil qui casse celui du Parlement suffit pour relever les sieurs Brunet, Fressinet et Meuriset, des condamnations infamantes contre eux prononcées par l'arrêt du Parlement du 19 août 1752. (З.).

16 сентября. **II.** Prédiction d'un jeune convulsionnaire à messieurs du Parlement sur les affaires présentes.—Lettre en réponse à l'auteur de la requête présentée au Roi par les sous-fermiers du Domaine, pour assujettir au contrôle les billets de confession.—Discours sur la puissance épiscopale, relatif aux affaires présentes. (C.).

26 сентября. **II.** Schisme de Tours, avec les pièces justificatives. In-12 de 43 pages. (З.).

28 сентября. **II.** Oraison funèbre de très-haute, très-puissante et très-sainte princesse la bulle *Unigenitus,* prononcée dans l'église métropolitaine de S'** par M. l'évêque de M*** le premier septembre 1752. (C.).

7 октября. **II.** Bref de N. S. P. le pape *Benoit XIV* au fils aîné de l'Eglise et à tous les fidèles de son royaume. (C.).

12 октября. **II.** Lettre à Mgr l'archevêque de Paris sur la liberté de la confession, du 7 octobre. A Amsterdam, 1752. (C.).

25 октября. **II.** Thèse intitulée: Quaestio theologica, soutenue à Lyon le 4 septembre 1752 chez les grands carmes de ladite ville de Lyon, par le frère François Moirot, prêtre religieux dudit ordre. (C.).

26 октября. **II.** Mandement de Mgr l'archevêque de Paris, au sujet des affaires présentes du temps touchant la Constitution *Unigenitus,* du 22 avril 1752.—Lettre à Mgr l'archevêque de Paris, du 19 octobre, à Amsterdam, 1752, signée de V*** (par Dudéré de Villeras).—Consultation de quarante docteurs de Sorbonne sur la question de savoir si les arrêts du Conseil, qui cassent ceux du parlement de Paris, suffisent pour relever les vicaires et porte-Dieu de Saint-Etienne du Mont et le curé de Saint-Pierre le Puellier de Tours, des décrets et autres jugement portés contre eux ou confirmés par les arrêts du Parlement du 19 août et 3 octobre 1752. (C.).

26 октября. **II.** Extrait des registres du Parlement du samedi 23 octobre 1752. (З.).

4 ноября. **III.** Seconde lettre de M. l'archevêque de *** en réponse à la lettre d'un conseiller au Parlement. (C.).

12 декабря. **II.** Lettre d'un théologien à un curé du diocèse de M***, datée à Paris le quinze octobre 1752, in-4° de 26 pages. (C.).

1753

13 февраля. **II.** Consultation de plusieurs canonistes et avocats de Paris sur la compétence des juges séculiers, par rapport au refus des sacrements, etc., ledit écrit finissant par ces mots: Délibéré à Paris le 2 janvier 1753. (C.).

27 февраля. **II.** Mémoire sur les arrêts du Parlement des 25 oc-

tobre 1752 et 26 janvier 1753. (C.).

9 марта. **II.** Consultation de quarante docteurs en droit canon de la Faculté de Paris, sur les refus des sacrements faits aux Jansénistes appelants et Quenellistes notoires d'une notoriété de fait. A Paris, le 25 janvier 1753. (C.).

16 марта **II.** Question curieuse: si les Jansénistes et Quenellistes croient la présence réelle de Jésus-Christ dans l'Eucharistie, etc. (C.).

28 мая. **II.** Deux imprimés, l'un in-4⁰ de 56 pages, l'autre in-12 de 164 pages, intitulés Remontrances du Parlement au Roi du 9 avril 1753 (З.); avec deux gravures portant en titre: l'une, Senatus optimo principi; l'autre: Justitia relegata flecti nescia. (C.).

4 іюля. **II.** Gravure in-12 ayant pour titre: Remontrances du Parlement au Roi contre le schisme, et pour devise: Schismaticos debellatura furores. (З.).

10 іюля. **III.** Très-humbles et très-respectueuses représentations que font à Mgr le Chancelier les Prévôt de Paris, ses lieutenants et gens tenant le Châtelet et Siége présidial de Paris. (З.).

21 іюля. **III.** Lettres d'un docteur en théologie à un jeune magistrat d'un parlement de province au sujet des affaires qui troublent l'Église depuis la fin de l'année 1750. 1753. (C.).

5 октября Постановленіе вакаціонной палаты, воспрещающее печатную книгу подъ заглавіемъ: Mandement de Mgr l'évêque de Boulogne ordonnant un Te Deum en action de grâces de la naissance de Mgr le duc d'Aquitaine. (З.).

26 октября. **Г. С.** Mandement de M. l'évêque de Montauban pour faire chanter un Te Deum en action de grâces de la naissance de M. le duc d'Aquitaine. (З.).

8 ноября. **III.** Conduite du clergé justifiée par les principes et les faits établis dans les dernières remontrances du parlement de Paris; conduite du parlement de Paris condamnée par les mêmes principes et les mêmes faits. Paris, 1753. (C.).

28 ноября. Постановленіе Королевской Палаты, воспрещающее печатную книгу подъ заглавіемъ: Second Mémoire de MM. les exilés à Bourges.

1754

26 сентября. **II.** Lettre de Mgr l'archevêque d'Auch au Pape (C.).

30 декабря. **II.** Lettre de M. l'évêque de Boulogne à M. le procureur général du parlement de Paris, à Boulogne, chez Legros, au nom de Jésus. 1754. (З.).

1755

3 марта. **II.** Lettre de M. l'archevêque d'Auch et de ses suffragants au Roi. A Auch, le 27 janvier 1755. (C.).

20 марта. **II.** Discours sur l'origine des troubles présents de la France, dans lequel on expose les causes, les progrès et les effets de la bulle *Unigenitus*. In-4⁰ en trois parties de 210 pages.—Dissertation sur les règles des jugements de l'Église. (З.)

17 іюня. **II.** Réflexions sur la notoriété de droit et de fait (C.).

12 іюля. **II.** Réflexions d'un C. S. C. adressées à M. ***, con-

seiller au Parlement, in-4⁰ de 19 pages. — Dissertation sur le caractère essentiel à toute loi de l'Église en matière de doctrine, et touchant l'autorité et la force du témoignage de l'Écriture et de la tradition spécialement par rapport aux points qui sont l'objet des contestations présentes, etc. (par l'abbé Troya d'Assigny). In-12 de 119 pages.—Suite de ladite dissertation, in-12 de 120 pages. (C).

1 августа. **П.** Thèse intitulée: Crucifixo. Quæstio theologica, et à la fin: Has theses, etc., tueri conabitur Ph. Nic. Bachelay, presbiter Parisinus, ... die vigesima sexta mensis Julii, anno Domini 1755, ... in Sorbonâ, pr. tertiâ Sorbonicâ. (З.).

11 сентября. **П.** Lettre d'un évêque de province à l'assemblée générale du clergé, le 24 juillet 1755. (C.).

18 сентября. **П.** Lettre d'un homme désintéressé à celui qui sera curieux de la lire. — Lettre de M***, conseiller de la grand-chambre, à M***, président des enquêtes, sur l'intérêt que le Parlement prend à la gloire du Roi et au bien de la Religion. (C.).

16 октября. **П.** Remontrances des curés de la ville et faubourgs d'Auxerre, le 2 août 1755. (З.).

2 декабря. **П.** Arrêts, arrêtés et remontrances du Parlement au Roi, au sujet des entreprises du Grand Conseil. 25 novembre 1755. (З.).

22 декабря. **П.** Parallèle de la conduite du clergé, du Parlement et du Conseil, etc., consisidérée seulement depuis le 23 mars 1752 jusqu'à l'exil du Parlement. Partie première, en Europe, 1755. In-4⁰ de 341 pages. (З).

1756

10 марта. **В. С.** Lettre de M. de *** à M. de *** sur les entreprises du Grand Conseil. In-4⁰ de 19 pages à 2 col. (C.).

23 марта. **П.** Lettre de M. de *** à M. de *** sur les entreprises du Grand Conseil. In-12 de 57 pages.—Seconde lettre de M. de *** à M. de *** sur les entreprises du Grand Conseil. In-12 de 89 pages.—Vœux authentiques de toute la nation sur le Grand Conseil. In-4⁰ de 6 pages. (З.).

9 апрѣля. Analyse raisonnée de Bayle (par l'abbé de Marsy). Londres, 1755.—La Christiade, ou le Paradis reconquis, pour servir de suite au Paradis de Milton (par l'abbé de Labaume-Desdossat). A Bruxelles, chez Vose libraire, 1753. (C.).

Histoire du peuple de Dieu (première partie), depuis son origine jusqu'à la naissance du Messie, tirée des seuls Livres saints, etc. (par le P. Berruyer). A Paris, chez Knapen, MDCCXXVII. (З.).

Même ouvrage, deuxième partie, depuis la naissance du Messie jusqu'à la fin de la synagogue, etc. A la Haye, chez Néaulme et C-e. MDCCLIII. (C.).

12 апрѣля. **П.** Instruction pastorale de Mgr l'évêque de Troyes sur le schisme. (C.).

29 мая. **П.** Thèse commençant par ces mots: Virgini Deiparæ, et finissant par ceux-ci: Has theses, Deo duce et auspice Deipara, tueri conabitur Joannes Terrade, clericus Vicensis, diocesis Auscitanæ... die 7 mensis maii... anno 1756. (З.).

30 іюля **П.** Mandement de Mgr

l'évêque de Troyes, du 23 juillet 1756. (C.).

27 августа. **II.** Réflexions d'un avocat sur les remontrances du Parlement du 27 novembre 1755 (par l'abbe Capmartin de Chaupy). A Londres, 1756. Deux parties. En tout 293 pages. (C.).

7 сентября. **II.** Remontrances du Parlement au Roi du 4 août 1756.—Extrait des registres du Parlement du 21 août 1756. (З).

24 сентября. **II.** Lettre de Mgr l'archevêque d'Auch au Pape, à Auch, le 5 juillet 1756. In-4° de 16 pages à 2 col. (C.).

25 октября. **II.** Lettre à M. l'archevêque d'Auch, par un de ses amis. In-4° de 8 pages. Toulouse, 12 octobre 1756. (C.).

4 ноября. **III.** Mandement et Instruction pastorale de Mgr l'archevêque de Paris, touchant l'autorité de l'Église, l'enseignement de la foi, l'administration des sacrements, la soumission à la constitution *Unigenitus*, etc. Donné à Conflans, le 19 septembre 1756. In-4° de 82 pages. (C.).

5 ноября. **III.** Épître aux Parisiens. In-4° de 4 pages. (C.).

9 ноября. **III.** Lettre sur le péché imaginaire au sujet du mandement et instruction pastorale de Mgr l'archevêque de Paris. In-12 de 46 pages.—Le péché imaginaire, seconde lettre au sujet du mandement de M. l'archevêque de Paris. In-12 de 52 pages. (З.).

9 ноября. **III.** Lettre à Son Ém. Mgr le cardinal d'Alsace, archevêque de Malines. In-12 de 69 pages. (C.).

10 ноября. **III.** Épître à Mgr l'illustrissime et révérendissime Mathias Poncet de la Rivière, évêque de Troyes, etc. In-12 de 10 pages en vers. (C.). —Lettre à un ami au sujet du mandement que M. de Condorcet, évêque d'Auxerre, a donné pour les missions. — Monition signifiée de la part de Mgr l'archevêque aux religieuses hospitalières du faubourg Saint-Marcel, le 26 octobre 1756. (З.).

19 ноября. **III.** Mandement de Mgr l'évêque de Saint-Pons, daté le 29 octobre 1756. — Mandement de Mgr l'évêque d'Auxerre, daté le 7 novembre 1756 —Mandement de Mgr l'évêque de Troyes, daté le 1-er novembre 1756. (C.).

26 ноября. **III.** Mandement de Mgr l'évêque d'Orléans, daté le 14 novembre 1756.—Mandement de Mgr l'évêque d'Amiens, daté le 7 novembre 1756. (C.).

7 декабря. **III.** Mandement de Mgr l'évêque de Chartres, daté le 14 novembre 1756.—Mandement de Mgr l'évêque du Meaux, daté le 14 novembre 1756.—Citation canonique en forme de sommation et de monition faite par Mgr l'évêque d'Orléans. — Épître aux diocésains de Paris. (C.).

7 декабря. **II.** Imprimé de 8 pages in-4°, intitulé: Benedictus Papa XIV, et finissant par ces mots: Datum Romæ apud Sanctam Mariam Majorem, die XVI, octobris 1756, etc. (З.).

1757

30 марта. **II.** Réflexions sur l'attentat commis, le 5 janvier, contre la vie du Roi, 5 mars 1757 (par Grosley). In-12 de 35 pages. — Lettre d'un Patriote (par Grosley), etc. 11 mars 1757. In-12 de 72 pages. — Déclaration de guerre, etc. 22 mars

1757. In-12 de 88 pages. (C.).

27 августа. **П.** Приговоры, осуждающіе разныхъ лицъ на галеры и выставленіе у позорнаго столба... за сочиненіе, напечатаніе и распространеніе, въ нарушеніе установленныхъ правилъ, сочиненій, стремящихся къ нарушенію спокойствія въ государствѣ... (Въ числѣ этихъ сочиненій была поэма *la Pucelle,* сожженная на Гревской площади).

5 декабря. **П.** Propositions condamnées et condamnables, tirées du livre intitulé: Théologie marale du R. P. Rosembaum, de la Société de Jésus. (C.).

1758

10 марта. **П.** Apologie de la Théologie morale des PP. Buzenbaum et Lacroix, Jésuites, contre les arrêts des parlements qui ont condamné cet ouvrage. 1758. (C.).

22 апрѣля. **П.** La Réalité du projet de Bourg-Fontaine, démontrée par l'exécution (par le P. Sauvage, Jésuite). A Paris, chez la veuve Dupuy. 1755. 2 vol. in-12. (C.).

10 августа. **Г. С.** Le livre de l'Esprit (par Helvétius). Отмѣна привилегіи.

30 сентября. **П.** Avantage du mariage, et combien il est nécessaire et salutaire aux prêtres et aux évêques de ce temps-ci d'épouser une fille chrétienne (par Desforges, chanoine d'Étampes). 2 vol. in-12, le premier, de 265 pages; le second, de 252. (C.).

9 ноября. **Ш.** Réflexions d'un docteur en théologie de l'université de *** sur la déclaration du Roi, du 10 décembre 1756, et sur l'état présent de la Sorbonne, etc... 21 septembre 1758. (C.).

1759

6 февраля. **П.** De l'Esprit (par Helvétius). In-4°. A Paris, chez Durand, libraire, 1758.—Le Pyrrhonisme du sage (par Beausobre). A Berlin. 1754. In-12 de 106 pages.—La Philosophie du bon sens, ou Réflexions philosophiques sur l'incertitude des connaissances humaines. Nouvelle édition, etc., avec un examen critique des remarques de M. l'abbé d'Olivet, de l'Académie française. 3 vol. in-16. à la Haye, chez P. Poupié, 1755.—La Religion naturelle, poëme en quatre parties, au roi de Prusse, par M. V*** (Voltaire), à Genève. In-12 de 24 pages. 1756.—Lettres semi-philosophiques du chevalier de *** au comte de *** (par J. B. Pascal). In-12 en trois parties. Amsterdam, 1757. — Étrennes des Esprits forts (par Diderot). A Londres, chez Porphire, à Saint-Thomas, 1755. In-12 de 85 pages. — Lettre au R. P. Berthier sur le matérialisme (par l'abbé Coyer). A Genève. 1759. In-12 de 77 pages. (C.).

Тѣмъ же приговоромъ парламентъ запретилъ впредь до новаго распоряженія раздачу первыхъ семи частей сочиненія, озаглавленнаго: Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers.

8 марта. **Г. С.** Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, arts et métiers, par une société de gens de lettres. (Отмѣна данной въ 1746 г. привилегіи).

3 сентября. **П.** Précis de l'Ec-

clésiaste et du Cantique des cantiques, par M. de Voltaire. A Genève, chez Crammer. MDCCLIX. (C.).

19 сентября. **II.** Objets de remontrances arrêtées par le Parlement, toutes les chambres assemblées, le 15 septembre 1759, au sujet de différents édits. (З.).

27 ноября. **III.** Imprimé en trois parties: 1° Lettre d'un docteur de Sorbonne à M. ***; 2° Réponse à la lettre d'un docteur de Sorbonne; 3° Examen de la lettre d'un docteur de Sorbonne sur la nécessité de garder le silence sur la Constitution *Unigenitus*. — Examen de la réponse à la lettre d'un docteur de Sorbonne. Vrai point de vue de la loi du silence au sujet de la lettre à l'auteur de la légitimité et de la nécessité de la loi du silence. (З.).

4 декабря. **III.** Trois écrits faisant partie d'une brochure in-12 de 87 pages, et ayant pour titre: Recueil de pièces nouvelles et intéressantes, à Avignon, 1759; le premier intitulé: Lettre de Titius à M. Gervaise, syndic de la Faculté de théologie, en lui envoyant la réponse à la délibération des douze docteurs, du 22 mai 1759; le second intitulé: Réponse à la délibération des douze docteurs de Sorbonne; le troisième: Réflexions sur la décision d'un cas de conscience. (C.).

20 декабря. **II.** Lettre d'un docteur ubiquiste, Hibernois, à un de ses confrères: datée Dans une retraite, ce 25 août 1759 (C.).

1760

23 февраля. **II.** Projet pour les assemblées provinciales (C.).

1 ноября. **Г. С.** Très-humbles et très-respectueuses remontrances que présentent au Roi, notre très-honoré et souverain seigneur, les gens tenant sa cour de Parlement à Rennes. (З.).

3 декабря. **II.** L'Oracle des anciens fidèles (par Bigex ou Bugex). A Berne. 1760. In-16. (C.).

1761

1 февраля. **Г. С.** Cinquième lettre du chapitre, de l'eglise cathédrale d'Auxerre, etc. (З.).

22 апрѣля. **II.** Libertés de la France contre le pouvoir arbitraire de l'excommunication (par Huerne de la Mothe). (C.).

31 мая. **Г. С.** Épître sur les spectacles, ou Mon retour à Paris (par Huerne de la Mothe). (З.).

2 іюня. **II.** Relation de la visite générale faite par M. de Condorcet, évêque d'Auxerre, dans son diocèse. In-12 de 21 pages. (З.).

18 іюля. **II.** Remontrances au Parlement, avec des notes et des figures. In-4° de 21 pages.— La France au Parlement. In-8° de 23 pages. (C.).

6 августа. Постановленіе парламента, приговаривающее къ сожженію слѣдующія сочиненія, «напечатанныя съ согласія и одобренія» Общества Іисуса:

Emmanuelis Sa, Doctoris Theologi, Societatis Jesu, Aphorismi Confessariorum; Coloniæ, 1590;

Martini Antonii Delrii ex Societate Jesu sintagma Tragediae latinae; Antuerpiae, 1593;

Elisabethae Angliae Reginae heresim Calvinianam propugnantis saevissimum in Catholicos sui Regni edictum, quod in alios quoque Reipublicae Christianae

Principes contumelias continet indignissimas, per D. Andraeam Philopatrum; Lugduni, 1593;

Concertatio Ecclesiae Catholicae in Angliâ adversus Calvino-Papistas; Augustae Trevirorum, 1594;

Disputationes Roberti Bellarmini è Societate Jesu de Controversiis Christianae Fidei adversus hujus temporis haereticos; cui accesserunt ejusdem autoris Libri tres de Romani Imperii à Græcis ad Francos, Romani Pontificis auctoritate, factâ translatione; Ingolstadii, 1596;

Ludovici Molinæ, primarii quondam in Eborensi Academiâ Sac. Theol. Professoris. è Societate Jesu, de Justitiâ et jure; Moguntiæ, 1602;

Alphonsi Salmeronis, Toletani, è Societate Jesu Theologi, Commentarii in Evangelicam Historiam et in Acta Apostolorum, tom. IV. Permissu superiorum; Coloniae Agrippinae, 1602;

Gregorii de Valentia Metimnensis, è Societate Jesu, Sac. Theolog. in Academiâ Ingolstadiensi Professoris: Commentariorum Theologicorum; Ingolstadii, 1603;

Alphonsi Salmeronis Toletani è Societate Jesu Theologi, Commentarii in omnes Epistolas B. Pauli et Canonicas; Tom. XIII. Permissu superiorum; Coloniae Agrippinae, 1604;

Clari Bonarscii Amphitheatrum honoris, in quo Calvinistarum in Societatem Jesu criminationes jugulatae; Palaeopoli Aduaticorum, 1606;

Institutionum Maralium, in quibus universae Questiones ad conscientiam recte aut prave factorum pertinentes breviter tractantur; Autore Joanne Azorio, Lorcitano, Societatis Jesu, Presbytero Theologo; Lugduni, 1607;

Tyrannicidium, seu scitum Catholicorum de Tyranni internecione, autore Jacobo Kellero Societatis Jesu; Monachii, 1611;

Commentariorum ac Disputationum in primam secundae Sancti Thomae, Autore P. Gabriele Vasquez, Bellomontano, Theologo Societatis Jesu; Ingolstadii, 1612;

Joannis Lorini Societatis Jesu commentariorum in Librum Psalmorum; Lugduni, 1617;

De justitiâ et jure, caeterisque virtutibus cardinalibus libri quatuor, Autore Leonardo Lessio è Societate Jesu, S. Theologiae in Academiâ Lovaniensi Professore; Editio quarta auctior et castigatior; Antuerpiae, 1617;

Francisci Toleti, Societatis Jesu, instructio Sacerdotum; Lutetiae Parisiorum, juxta exemplar Romae editum, anno 1618; apud Barth. Zannetum, 1619;

Adami Tanneri è Societate Jesu S. Theologiae Doctoris, et in Academiâ Ingolstad. Profess. Theologiae Scholasticae; Ingolstadii, 1627;

Opuscula Theologica Martini Becani, Societatis Jesu Theologi Doctissimi, in Academiâ Moguntinâ Profess. ordinarii; Parisiis, 1633;

Summa Theologiae Scholasticae, autore Martino Becano, Societatis Jesu Theologo Doctissimo, in Academiâ Moguntinâ Professore ordinario; Parisiis, 1634;

Apologie pour les Casuistes contre les calomnies des Jansénistes; Paris, 1657;

Liber Theologiae Moralis viginti-quatuor Societatis Jesu Doctoribus referatus, quem R. P. Antonius de Escobar et Mendoza Vallisoletanus, è Societate Jesu Theologus, in examen confessariorum digessit, addidit, illustravit; Lugduni, 1659;

Jacobi Tirini, Antuerpiani è So-

cietate Jesu, in S. scripturam Commentarius; Antuerpiae, 1668;

Haereticus vespertilio sub Bononiensis Epistolae Italo-latinae velo de perfectione et excellentiâ Jesuitici Ordinis antea delitescens, nunc, quod bene vertat, in lucem extractus per Jacobum Gretserum Societatis Jesu Theologum: Jacobi Gretseri Soc. Jesu Theologi operum Tom. XI. Ratisbonae, 1738;

Hermanni Busembaum, Societatis Jesu, Sac. Theol. Licentiati, Theologia moralis, nunc pluribus partibus aucta à R. P. Claudio Lacroix, Societatis Jesu, Theologiae in Universitate Coloniensi, Doctore et Professore publico, editio novissima diligenter recognita et emendata ab uno ejusdem Societatis Jesu Sacerdote Theologo; Coloniae, 1757;

3 сентября. **П.** Historiae sacrae et profanae epitome ab Horatio Turcellino contexta. Hâc ab editione remoti sunt numeri Romani, iique expressis verbis redditi sunt in Tyronum gratiam. Editio nova. Lutetiae Parisiorum, apud viduam Brocas 1731. (C.).

1762

27 марта. **П.** Parallèle de la conduite du clergé avec celle du Parlement à l'égard des Jésuites. MDCCLXII. 147 pages. (C.).

2 апрѣля. **П.** Mémoire de l'Université sur les moyens de pourvoir à l'instruction de la jeunesse et de la perfectionner. In-12 de 60 pages. (З.).

24 апрѣля. **П.** Remarques sur un écrit intitulé: Compte rendu des Constitutions des Jésuites, par M. Louis-René de Caradeuc de la Chalotais, procureur général du Roi au Parlement de Bretagne. (C.).

19 мая. **П.** Livre en 2 vol. in-12, intitulé: Extraits des assertions soutenues et enseignées par les soi-disant Jésuites, portant au frontispice la fausse indication: Chez P. G. Simon, imprimeur de Parlement (З.).

9 іюня. **П.** Émile, ou De l'éducation, par J. J. Rousseau, citoyen de Genève. A la Haye, chez Jean Neaulme, libraire, avec privilége de nosseigneurs des Etats de Hollande et Westfrise. Ouvrage en 4 tomes in-8°. (C.).

11 іюня. **П.** La Religion à l'assemblée du clergé de France. Poëme (par l'abbé Guidi). In-12. 1762. (C.).

6 августа. **П.** Постановленіе Парламента, осуждающее на сожженіе слѣдующія сочиненія, исходящія отъ «бывшихъ, такъ называемыхъ іезуитовъ»: Summa Theologicae moralis Doct. Henrico Henriquez, Societatis Jesu, autore, in Academiâ Salmenticensi S. Theologiae Professore. Venetiis, 1600;

Francisci Toleti è Societate Jesu, S. R. E. Cardinalis, Instructio Sacerdotum, et de septem peccatis mortalibus. Romae, 1601;

Francisci Toleti è Societate Jesu, S. R. E. Presbyteri Cardinalis, Commentarii et annotationes in Epistolam Beati Pauli ad Romanos. Lugduni, 1603;

Conciones Joannis Ozorii, Societatis Jesu, de Sanctis. Parisiis, 1607;

Disputationes Joannis de Salas Castellani Gumielensis, e Societate Jesu, in primam secundae D. Thomae, ad Claudium Aquavivam praepositum Generalem Societatis Jesu. Barcinone, 1607;

Opus de obligationibus Justitiæ

Religionis et Caritatis, auctore D. Fernando Rebello Soc. Jesu, Lusitano Lamecensis Diœcesis, in celebri Eborensi Academiâ Sacræ Theologiæ Professore et Cancellario, ad Claudium Aquavivam, ejusdem Societatis Jesu praepositum Generalem. Lugduni, 1608;

Commentarii ac Disputationes in tertiam partem Divi Thomae, autore P. D. Francisco Suarez, Granatensi, è Societate Jesu Sacrae Theologiae in celebri Conimbricensi Academiâ primario Professore, Lugduni, 1608;

Gregorii de Valentia Metimnensis, è Societate Jesu, sacrae Theologiae in Academiâ Ingolstadiensi Professoris Commentarii Theologici. Lutetiae Parisiorum, 1609;

Ad Aphorismos Doctrinae Jesuitarum, aliorumque Pontificiorum ex dictis, scriptis, actisque publicis collectos, Declaratio Apologetica Sebastiani Heissii è Societate Jesu. Ingolstadii, 1609.

Andreae Eudaemon Joannis Cydonii é Societate Jesu ad actionem proditoriam Eduardi Coqui Apologia pro Henrico Garneto Anglo ejusdem Societatis Sacerdote. Coloniae Agrippinae. 1609;

R. P. Joannis de Salas Gumielensis, é Provinciâ Castellana Societatis Jesu, Tractatus de Legibus in Primam Secundae S. Thomae. Lugduni, 1611;

Nicolai Serrarii Societatis Jesu Theologi, Commentarii in sacros Bibliorum Libros. Lutetiae Parisiorum, 1611;

Institutiones Morales, Auctore Joanne Azorio Lorcitano, Societatis Jesu Presbytero Theologo. Lugduni, 1612;

Benedicti Justiniani, Ganevensis Societatis Jesu, in omnes Beati Pauli Epistolas explanationes. Lugduni, 1612;

Catalogus Scriptorum Religionis Societatis Jesu, Autore P. Ribadeneira Societatis ejusdem Theologo, secunda Editio plurimorum Scriptorum accessione locupletior. Antuerpiae, 1613;

Opus Morale in Praecepta Decalogi, Thomae Sanchez Cordubensis Societatis Jesu Theologi. Venetii, 1614;

Opus de virtute et flatu Religionis Autore Francisco Suarez Granatensi, è Societate Jesu S. Theologiae in celebri Conimbricensi Academiâ Primario Professore Lugduni, 1614;

De cultu adorationis, Autore Gabriele Vasquez, Theologo Societatis Jesu. Moguntiae, 1614;

Antonii Fernandii Conimbricensis, Doctoris è Societate Jesu, et in Eborensi Academiâ S. Scripturae quondam Proffessoris, Commentarii in visiones Veteris Testamenti. Lugduni, 1617;

Commentarii ac Disputationes in universam Doctrinam D. Thomae de Sacramentis et Censuris, autore Aegidio de Coninck é Societate Jesu, in Academiâ Lovaniensi S. Theol. Professore. Lugduni, 1619;

Praxis Fori Poenitentialis ad directionem Confessarii in usu sacri sui muneris, autore P. Valerio Reginaldo Burgundo Sequano, é Societate Jesu, Editio novissima ab ipso autore recognita. Lugduni, 1620;

Commentarii ac Disputationes in primam Secundae Sancti Thomae, autore P. Gabriele

Vasquez, Bellomentano, Theologo Societatis Jesu. Lugduni 1620;

Francisci Suarez opus de triplici virtute Theologicâ, Fide, Spe, et Caritate, in tres tractus distributum. Lugduni, 1621;

Commentarii in Danielem Prophetam, autore Cornelio Cornelii a Lapide Societatis Jesu, sacrarum Litterarum in Collegio Romano Proffessore. Parisiis, 1622;

Jacobi Granadi Gaditani è Societate Jesu, in Collegio S. Hermenegildi Hispali Theologiæ Professoris, Commentarii in Summam Theologiæ S. Thomæ nunquam anteà editi, cum indicibus locupletissimis. Mussiponti, 1624;

Tractatus in quinque Ecclesiæ Praecepta. autore P. Stephano Fagundez è Societate Jesu Theologo. Lugduni, 1626;

Commentaria in Acta Apostolorum et in Epistolas Canonicas, autore Cornelio a Lapide è Societate Jesu, olim in Lovaniensi, post vero in Romano Collegio sacrarum Litterarum Professore. Lugduni, 1627;

Leonardi Lessii è Societate Jesu, in Academiâ Lovaniensi sacrae Theologiae Professoris, de Justitiâ et Jure, caeterisque Virtutibus Cardinalibus, Libri quatuor. Parisiis, 1628;

Morales Quaestiones de Christianis Officiis et Casibus Conscientiae ad formam cursûs qui praelegi solet in Collegio Romano Societatis Jesu, Autore Vincentio Filliutio Senensi ejusdem Societatis, olim Professore in Romano Collegio, nunc autem Responsore Quaestionibus Conscientiae, Poenitentiario S. D. N. Papae ad S. Petrum. Lugduni, 1633;

Manuale Sodalitatis Beatae Mariae Virginis accommodatum Scholasticis omnibus qui Litteris vacant in Gymnasiis Societatis Jesu, collectum olim à Sodalitate Leodiensi, nunc primùm multo plus dimidiâ parte auctum à Mussipontanâ. Postrema Editio, à mendis quibus scatebat expurgata. Lugduni, 1633;

Gasparis Hurtado Doctoris Theologi, è Societate Jesu, Tractatus de Sacramentis et Censuris Antuerpiae, 1633;

Joannis de Lugo Hispalensis, è Societate Jesu, in Collegio Romano ejusdem Societatis Theologiae Proffessoris, Disputationes Scholasticae de Incarnatione Dominicâ. Lugduni, 1633;

Jacobi Gordoni Lesmorii Aberdonensis Societatis Jesu, Theologia Moralis universa. Lutetiae Parisiorum, 1634;

S. Thomae Aquinatis, summae Theologicae Compendium. Autore Petro Alagona Theologo Societatis Jesu. Lutetiae, 1620. Rothomagi, 1635;

Nicolai Baldelli Cortonensis, e Societate Jesu Theologi Disputationum ex Morali Theologiâ, libri quinque. Lugduni, 1637;

Ferdinandi de Castro Palao Legionensis, Societatis Jesu Theologiae Professoris, et sanctae Inquisitionis Qualificatoris et Consultoris Opus Morale de Virtutibus et Vitiis. Lugduni. 1631 et 1638;

Stephani Fagundez Viannensis, è Provinciâ Interamni Societatis Jesu Theologi Lusitani in Praecepta Decalogi. Lugduni, 1640;

Imago primi saeculi Societatis Jesu à Provin-

cia Flandro-Belgicâ ejusdem Societatis repraesentata. Antuerpiae, anno Societatis saecularis 1640;

De Justitiâ et Jure caeterisque Virtutibus Cardinalibus, Autore Joanne de Discatillo è Societate Jesu Doctore Theologo, et olim Toleti et Murtiae Primario Theologiae Scholasticae Professore, deinde in Caesareâ Viennensi Universitate sacrarum Litterarum Interprete, nunc vero Augustissimae Imperatricis Mariae Concionatore. Antuerpiae, 1641;

La Défense de la Vertu par le P. Antoine Sirmon de la Compagnie de Jésus. A Paris, 1641;

Cursus Theologicus juxtà Scholasticam hujus temporis Societatis Jesu methodum, autore Francisco Amico Consentino, Societatis Jesu sacrae Theologiae Doctore, ejusdemque olim in Neapolitano Collegio, et in celeberrimâ Archiducali Universitate Graecensi Societatis Jesu, nec-non in antiquissimâ et celeberrimâ Universitate Viennensi publico Professore. Duaci, 1640, 1642;

Bibliotheca Scriptorum ocietatis Jesu post excusum anno 1608. Catalogum Petri Ribadeneirae . ocietatis ejusdem Theologi, nunc hoc novo apparatu librorum ad annum reparatae salutis 1642 editorum concinnata, et illustrium virorum elogiis adornata, a Philippo Alegambe Bruxellensi, ex eâdem Societate; accedit Catalogus Religiosorum ; ocietatis Jesu, qui hactenùs pro Catholica fide et pietate in variis mundi plagis interempti sunt. Antuerpiae, anno 1643;

Réponse au Libelle intitulé la Théologie morale des Jésuites, dédiée à Nosseigneurs les Eminentissimes Cardinaux, et Illustrissimes et Révérendissimes Archevêques et Evêques de France, par Nicolas Caussin, de la Compagnie de Jésus. A Paris, 1644;

Cahiers dictés au collége de Clermont à Paris, par N. Airault de la Société de ceux qui se disent Jésuites, Lecteur en Théologie Morale, appellée des Cas de conscience, suivant les Procès-verbaux de collation des Cahiers dudit Airault, faits à la requête de l'Université de Paris, en date des 21 août 1643 et 11 janvier 1644. par Michel Charles, Commissaire au Châtelet de Paris;

Disputationes Theologicae, quibus universa Theologia Scholastica clarè, breviter et accuratè explicatur, Autore Joanne Martinon ocietatis Jesu, in Collegio Burdigalensi S. Theologiae Professore. Burdigalae, 1646;

Calvin défait par soi-même et par les armes de S. Augustin qu'il avoit injustement usurpées, par Jean Adam, de la Compagnie de Jesus. A Paris, 1650;

Tractatus de septem Ecclesiae Sacramentis, praxim potius quàm speculationem attendens et intendens: per P. Franciscum de Lugo Hispalensem, è Societate Jesu, Theologiae Professorem, prodit nunc primùm. Venetiis, 1652;

Joannes de Lugo Justitiâ et Jure. Lugduni, 1652;

Somme des péchés qui

se commettent en tous les états, par E. Bauny, de la Compagnie de Jésus, revue et corrigée par l'auteur. A Rouen, 1653;

Propositiont dictées dans le Collége des Jésuites d'Amiens, par N. Longuet. Professeur des Cas de conscience ès années 1654 et 1655, suivant l'Extrait joint aux Requête et Mémoire présentés les 5 et 27 juillet 1658 à l'Evêque d'Amiens par les Curés de son Diocèse;

Propositions dictées dans le Collége des Jésuites d'Amiens, par Simon de Lessau, Professeur des Cas de conscience ès années 1655 et 1656, suivant l'Extrait annexé aux Requête et Mémoire présentés les 5 et 27 juillet 1658, à l'Evêque d'Amiens par les Curés de son Diocèse;

Liber Theologiae Moralis viginti quatuor ocietatis Jesu Doctoribus referatus, quem R. P. Antonius de Escobar de Mendoza Vallisoletanus, ejusdem Societatis Theologus, in examen Confessariorum digessit post 37 Editiones Hispanicas, tres Lugdunenses, et unam Bruxellensem; editio novissima, auctior et correctior additionibus illustrata, juxtà Editiones Bruxellensem 1651, et postremam Lugdunensem, et veneunt Parisiis, 1656;

Joannis de Lugo Hispalensis, Societatis Jesu, S. R. E. Presbyteri Cardinalis, Disputationes Scholasticae et Morales de virtute Fidei Divinae; editio secunda. Lugduni, 1656;

Propositions dictées dans le Collége des Jésuites d'Amiens, par N. Poignant, Professeur des Cas de conscience ès années 1656 et 1657, suivant l'Extrait joint aux Requête et Mémoire présentés les 5 et 27 juillet 1658 à l'Evêque d'Amiens, par les Curés de son Diocèse;

Eminentissimi Domini Joannis de Lugo, Hispalensis, è Societate Jesu Presbyteri Cardinalis, Responsorum Moralium libri sex hâc postremâ editione à mendis expurgati. Lugduni, 1660;

Antonii de Escobar de Mendoza Vallisoletani, Societatis Jesu Theologi, universae Theologiae Moralis receptiores absque lite sententiae, nec-non problematicae Disquisitiones. Lugduni, 1652, 1663;

Amadaei Guimenii (vero nomine Moya) Lomarensis, olim Primarii Sacrae Theologiae Professoris, Opusculum. Lugduni, 1664;

De principiis conscientiae formandae, autore Ludovico de Scildere, Brugensi, Societatis Jesu Sacrae Theologiae Professore in Collegio Lovaniensi. Antuerpiae, 1664;

Fundamentum totius Theologiae Moralis, seu Tractatus de conscientiâ probabili, autore Antonio Terillo Anglo, Societatis Jesu Sacerdote, sacrae Theologiae Professore. Leodii, 1669;

Honorati Fabri, Societatis Jesu, Apologeticus Doctrinae Moralis, ejusdem Societatis nunc primum in lucem prodit. Lugduni, 1670;

Georgii de Rhodes Avenionensis, è Societate Jesu, Disputationes Theologicae cholasticae. Lugduni, 1671.

Diatriba Theologica, sive manuductio ad fidem divinam, autore Ægidio Estrix Societatis Jesu, sacrae Theologiae Professore. Lovanii, Antuerpiae, 1672;

Le petit Catéchisme Théologique, par François Pomey, de la Compagnie de Jésus. A Lyon, 1675.

Bibliotheca Scriptorum Societatis Jesu, opus inchoatum à Petro Ribadeneira ejusdem Societatis Theologo, anno salutis 1602, continuatum à Philippo Alegambe ex eâdem Societate usque ad annum 1642 recognitum et productum ad annum Jubilaei 1675, à Nathanaele Sotuello ejusdem Societatis Presbytero. Romae, 1676;

Jacobi Platelii, è Societate Jesu sacræ Theologiæ in Universitate Duacensi Professoris, Synopsis cursus Theologici. Duaci, 1678, 1679, 1680;

Theologia quam, Præside Isaaco de Bruyn, Societatis Jesu, sacrae Theologiae Professore, defendent Jacobus Dammam et Lyvinus de Meyer ejusdem Societatis, Lovanii, in Collegio Societatis Jesu. Typis Hieronimi de Gosin, 1687;

Défense des nouveaux Chrétiens et des Missionnaires de la Chine, du Japon et des Indes, par le Père le Tellier, Jésuite, contre deux livres intitulés, la Morale pratique des Jésuites, et l'Esprit de M. Arnauld. A Paris, 1687, 1694;

Thesis expugnata in Regio Societatis Jesu Collegio celeberrimae Academiae Cadomensis, die Veneris 30 Januarii anno 1693. Cadomi, apud Joannem Cavelier, Regis et Academiae Typographum;

Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la Chine, par Louis Lecomte, de la Compagnie de Jésus; et éclaircissement sur les honneurs que les Chinois rendent à Confucius et aux morts, par Louis Lecomte et Charles le Gobien, de la Compagnie de Jésus. A Paris, 1697, 1700;

Opera Moralia, autore Georgio Gobato, Societatis Jesu Theologo. Duaci, 1700, 1701;

Crisis Theologica, in quâ plures selectae difficultates ex Morali Theologiâ ad Lydium veritatis lapidem revocantur, ex regulâ morum positâ à S. S. D. N. Innocentio XI, in Diplomate damnante 65 Propositiones, exposita à Joanne de Gardenas, Hispalensi, è Societate Jesu, et in Provinciâ Bœtica Ex-Provinciali. Coloniae Agrippinae, 1702;

Vindicae aequissimi Decreti Alexandri VIII. P. M. adversus Propositiones xxxi, in eo damnatas, operâ et studio Antonii Mariae Bonucci, Societatis Jesu. Romae, 1704;

Clericus Romanus contrà nimium rigorem munitus duplici libro, quorum uno veteris Ecclesiae severitatem, altero praesentis Ecclesiae benignitatem à rigidiorum quorumdam Scriptorum calumniis vindicat P. Balthasar Francolinus, Societatis Jesu Theologus, juxta editionem Romanam, nunc in Germaniâ primâ vice editus. Monachii, 1707;

Pauli Comitoli, Perusini, Societatis Jesu Theologi, Responsa Moralia in septem libros digesta. Rothomagi, 1709;

Manuale Theologicum, sive Theo-

logia Dogmatica et Historica, ad usum Seminariorum, autore Francisco Perrin, Societatis Jesu Sacerdote. Tolosae, 1710;

Damnatœ Theses ab Alexand-o VII, Innocentio XI, et Alexandro VIII, ad Theologicam Trutinam revocatae juxtà pondus Sanctuarii. Editio quarta, sedulo exposita, autore Dominico Viva, Societatis Jesu, sacrae Theologiae Professore in Collegio Neapolitano ejusdem Societatis. Patavii, 1713;

Propositiones excerptae ex thesibus et codicibus N. Georgelin lectis et propugnatis Rhedonibus in Collegio Societatis Jesu, per annos 1716 et 1717;

Propositions enseignées par les Jésuites de la Ville de Reims, dénoncées à M. l'Archevêque de Reims par la Faculté de Théologie de la même Ville, 1718;

Propositions soutenues et enseignées au Collége des soi-disant Jésuites d'Amiens, par N. Mingrival, dénoncées à M. l'Evêque d'Amiens, 1719;

Theses philosophicae propugnatae in Regio Societatis Jesu Collegio, celeberrimae Academiae Cadomensis, diebus 4 et 5 Julii, anno 1719. Cadomi, apud Antonium Cavelier, Regis et Academiae Typographum;

Crisis Theologica, autore Carolo-Antonio Casnedi, è Societate Jesu, olim in Mediolanensi Universitate sacrae Theologiae Magistro, dein in utrâque Hispanâ et Lusitanâ Inquisitione qualificatore. Ulissipone, 1711, 1719;

Dix-sept Propositions tirées tant des Cahiers que des Thèses publiques des soi-disant Jésuites du Collége de Caen, censurées les 31 décembre 1720 et 25 janvier 1722;

Mémoires chronologiques et dogmatiques depuis 1600 jusqu'à 1716 (par d'Avrigny, Jésuite), 1720;

Joannis Marin, Oconensis Societatis Jesu sacrae Theologiae Doctoris, et olim in Academiâ Complutensi Primarii, nec-non et Archiepiscopatus Toletani Synodalis Examinatoris, nunc vero Supremi Inquisitionis Senatûs à Consiliis, et Ludovici-Philippi, Hispaniarum Principis, à Confessionibus, Theologia Speculativa et Moralis, Venetiis, 1728;

Propositions dictées au Collége de Rhodez par N. Charli, Jésuite, Professeur de Théologie, censurées le 19 octobre 1722;

Propositions dictées au Collége de Rhodez par Cabrespine, Jésuite, Professeur de Théologie, censurées le 15 mars 1722;

Recueil de divers Ouvrages philosophiques, théologiques, historiques, apologétiques et critiques, par Daniel, de la Compagnie de Jésus. A Paris, 1724;

Propositions extraites des Cahiers dictés au Collége d'Auxerre par le Frère le Moine, Jésuite, et censurées le 18 septembre 1725;

Remontrance à Monseigneur l'Évêque d'Auxerre, au sujet de son Or-

donnance et Instruction pastorale portant condamnation de plusieurs Propositions extraites des Cahiers dictés au Collége d'Auxerre par le P. le Moine, de la Compagnie de Jésus, 1726, seconde édition;

Theses Philosophicæ propugnatæ in Regio Borbonio Societatis Jesu Collegio celeberrimæ Academiae Cadomensis, diebus 3 et 4 Julii, anno 1726. Cadomi, apud Joannem Poisson, Regii Borbonii Societatis Jesu Collegii, celeberrimae Cadomensis Academiae Typographum;

Insitutiones Theologiae, ad usum Seminariorum, autore R. P. Edmundo Simonnet, Societatis Jesu Presbytero, sacrae Theologiae Doctore et ex-Professore Universitatis Mussinontanae Cancellario. Nanceii, 1721, 1727, et veneunt Parisiis;

Theses philosophicae propugnatae in Regio Borbonio Societatis Jesu Collegio, celeberrimae Academiae Cadomensis. diebus 4 et 5 Julii 1729. Cadomi, apud Joannem Poisson, Regii Borbonii Societatis Jesu Collegii Typographum;

Mémoires pour l'Histoire des Sciences et des Beaux-Arts. A Trévoux, août 1729;

Histoire litéraire de la Ville de Lyon, par Colonia, de la Compagnie de Jésus. A Lyon, 1730;

Propositions extraites d'une Thèse soutenue au Collége des Jésuites de Sens, par N. Busserot, de ladite Société, Professeur audit Collége, le 18 juillet 1732, et des Cahiers de ce Professeur dénoncés à l'Archevêque de Sens;

Ludovici Molinae, Primarii quondam in Eborensi Academiâ sacrae Theologiae Professoris, è Societate Jesu, de Justitiâ et Jure. Antuerpiae, 1609. Coloniae Allobrogum, 1733;

Histoire du Peuple de Dieu depuis son origine jusqu'à la Naissance du Messie, ou, etc., par Isaac-Joseph Berruyer, de la Compagnie de Jesus, nouvelle édition. A Paris, 1733 et années suivantes;

Sypopsis Theologiae practicae complectens et explicans principia generalia ad integram rerum moralium et conscientiae tractationem pertinentia. autore Joanne-Baptista Taberna, Societatis Jesu Theologo. Coloniae, 1736

Conclusiones ex universâ Theologiâ propugnatae in Regio Ludovici Magni Collegio Societatis Jesu, die primâ Julii 1737, Parisiis, ex Typographiâ C C. Thiboust, 1737;

Jacobi Gretseri, Societatis Jesu Theologi, Opera omnia, ante hac ab ipsomet Autore accuratè recognita. Ratisbonae, 1736, 1738;

Thomae Sanchez, Cordubensis, è Societate Jesu, de sancto Matrimonii Sacramento Disputationum, posterior et accuratior Editio juxtà exemplar. Lugduni, 1739;

Exposition de la Doctrine Chrétienne par demandes et par réponses, divisée en trois Catéchismes, par G. H.

Bougant, Prêtre de la Compagnie de Jésus, à Paris, 1741;

Joannis Harduini, è Societate Jesu, Commentarius in Novum Testamentum, etc., Amstelodami, 1741;

Ægidii-Annae-Xaverii de la Sante, è Societate Jesu Sacerdotis, Orationes, secunda Editio. Lutetiae Parisiorum, 1741;

Epistola Beati Pauli Apostoli ad Romanos explicata, per Franciscum Odinum, Societatis Jesu Presbyterum. Parisiis, 1743;

Richardi Arsdekin, Societatis Jesu, S. Theologiæ Professoris Theologia tripartita, universa, complectens, nunc perfectam Bibliothecam Viri Ecclesiastici, Editio novissima aliis etiam prioribus locupletior et auctior. Coloniae, 1744;

L'Esprit de Jèsus-Christ et de l'Eglise sur la fréquente Communion, par Jean Pichon, de la Compagnie de Jésus. A Paris, 1745;

Pauli Laymann, Societatis Jesu Theologi, Theologia Moralis in quinque libros distributa, quibus materiae omnes Practicae sive ad externum Ecclesiasticum, sive ad internum conscientiae forum spectantes, speciali methodo explicantur. Editio nova, Virceburgensis, post antiquas Editiones ac recentiores, Patavinam et Venetam, à mendis innumeris accuratiùs purgata. Lutetiae Parisiorum, 1627. Virceburgi, 1748;

Questio facti à Stephano Deschamps, Societatis Jesu. Bononiae, 1749;

Questiones practicae de munere Confessarii circà omnis generis personas et peccatores, validè, licitè et fructuosè exercendo, autore Francisco-Xaverio Fegeli, Societatis Jesu, Editio secunda. Augustae et Herbipoli, 1750;

Conclusiones Theologicae critico-ethicae, de usu et abusu opinionis probabilis, autore Josepho Gravina, Societatis Jesu. Lucae, Panormi, 1752;

De Opinione probabili, autore Josepho Marpani, Societatis Jesu. Lucae, 1752;

Estratto dell' istesse parole del P. Gagna Gesuita, riferito dal suo Confratello Zaccaria nella sua Storia Letteraria. (Storia Letteraria d'Italia, Tomo quinto. In Venezia, 1753);

Theologia Moralis Thomae Tamburini Caltanisaltensis Societat. Jesu. In hâc novâ Editione accedunt Francisci Antonii Zachariae, Societatis Jesu Theologi, ac Bibliothecae Estensis Praefecti uberrima Prolegomena, in quibus Tamburini elogium exhibetur, et ejus Doctrina à veteribus recentibusque R. R. Patrum Danielis concinae, ac Vincentii Mariae Dinelli criminationibus vindicatur. Lugduni, 1659. Venetiis, 1755;

Histoire du Peuple de Dieu, depuis la Naissance du Messie jusqu'à la fin de la Synagogue, ou, etc., par Isaac-Joseph Berruyer, de la Compagnie de Jésus. A Anvers. 1754;

Estratto d'una Lettera del P. Filiberto Balla Lettore di Theologia nel Collegio Vecchio di Torino Apologista della Compania di Gesù, stampata in Moderna 1753 (Storia Letteraria d'Italia, tomo ottavo in Moden, 1755);

De Legibus, earum transgressione, seu peccatis, et peccatorum pœnâ, Dissertationes Theologicae, quas in Universitate Viennensi auditoribus suis exposuit

Nicolaus Muska. è Societate Jesu, Sacrae Theologiae Doctor, ejusdemque Professor publicus, et in Sacra Facultate Caesareâ Regius Examinator juratus. Viennae Austriae, 1756;

Principi della morale filosofica dal P. Nicolo Ghezzi, Gesuita;

Tribunal poenitentiae, seu libri duo, prior de Poenitente utreo, posterior de Confessario ut Judice; Opus autore Matthaeo Stoz, Societatis Jesu Theologo inchoatum, operâ Fratris Germani ex eâdem Societate perfectum, totoque secundo libro auctum. Bambergae, 1756;

De actibus humanis, et eorum fine, seu hominis Beatitudine Dissertationes Theologicae, quas in Universitate Viennensi auditoribus suit exposuit Nicolaus Muska, è Societate Jesu, etc. Viennae Austriae, 1757;

Storia Letteraria d'Italia (dal P. Zaccaria, Gesuita) in Venezia, 1750, 1753. In Modena, 1754, 1755, 1757;

Neo-Confessarius practicè instructus, seu methodus ritè obeundi manus Confessariin gratiam Juniorum qui ad curam animarum aspirant, à Joanne Reuter, Societatis Jesu, Sacræ Theologiæ in Universitate Trevirensi Doctore ac Professore publico. Editio quarta, emendatior. Coloniae Agrippinae, 1758;

Histoire du Peuple de Dieu, troisième Partie, ou Paraphrase Littérale des Épîtres des Apôrtes, d'après le Commentaire latin du P. Hardou in etc., par Isaac-Joseph Berruyer, de la Societé de Jésus. A Amsterdam, 1758;

Lavacrum conscientiae, sive recta brevis ac facilis per exempla et precepta Manuductio sacerdotis ad ritè excipiendas Confessiones, etc., à Trachala Societatis Jesu, Editio secunda. Bambergae, 1759;

Theses Philosohicæ propugnatae in aula Regii Bituricensis Beatae Mariae Collegii Societatis Jesu, die Martis 29 Julii anno 1760. Biturigibus, apud viduam J. B. Cristo, Collegii Societatis Jesu Typographi;

Theses Philosophicae propugnatae in Regio Borbonio Societatis Iesu Collegio celeberrimae Universitatis Cadomensis, die 4 Julii anno 1761, pro Actu publico. Cadomi, apud Joannem Poisson, Regii Societatis Jesu Collegii Typographum;

Theologia Moralis universa ad usum Parochorum et Confessariorum, autore Paulo-Gabriele Antoine, Societatis Jesu Presbytero, impressum juxtà exemplar Romae, Parisiis, 1745. Parisiis, Rothomagi, 1761;

Leçons et Écrits de Maldonat, de lad. Societé, de Purgatorio, déferés à la Faculté de Théologie de Paris, le 3 juin 1575;

Réponse Apologétique à l'anti-Coton par Louis Richeome, de la Société, déférée à la Faculté de Théologie de Paris, le premier fevrier 1611;

Somme Théologique de Francois Garasse, de ladite Société, censurée par ladite Faculté, le 2 mars 1626;

Modesta et brevis discussio, etc., autore Eduardo Knott, Jesuitarum Anglorum vice Provinciali, sub ementito nomine

Nicolai Smithaei, censurée en l'Assemblée générale du Clergé tenue le 10 février 1631;

Livre de Louis Cellot, de ladite Société, de Hierarchia et Hierarchis, censuré en ladite Faculté, le 15 juin 1641, et précédemment en l'Assemblée générale du Clergé de France, tenue à Mantes, le 12 avril 1641.

Collectanea Bullarii aliarumve summorum Pontificum Constitionum, etc., autore Augustino Barbosa, è Soc. Jesu, censuré par le Pape Urbain VIII, le 16 février 1642;

Michaelis Rabardei, è Soc. Jesu, Diœcesis Aurelianensis Optatus Gallus de cavendo Schismate, etc., benignâ manu sectus, etc., excusus Parisiis apud viduam Camusat, viâ Jacobeâ sub signo Velleris aurei, censuré par le même Pape, le 18 mars 1643;

Quatre écrits de Jean Floyde de ladite Société, intitulés:

Le premier, Hermanni Loemelii spongia;

Le second, Querimonia Ecclesiae Anglicanæ;

Le troisième, Appendix ad Illustrissimum D. Archiepisc. Parisiensem;

Le quatrième, Defensio Decreti, lesdits Ecrits censurés en l'Assemblée générale du Clergé de France, du 29 novembre 1643.

Livre de Louis Cellot de ladite cidevant Société, intitulé, Horarum subsecivarum liber singularis, imprimé ches Chaudiere en 1648, et censuré par la Faculté de Théologie de Paris;

Joannis a Ripalda Societatis Jesu, adversus Baïum et Baïanos, Amstelodami, apud Joannem Blauvo, censuré par la Faculté de Louvain en sa censure imprimée en 1649;

Théotime, ou Dialogue instructif sur l'affaire présente des PP. Jesuites de Sens, censuré en l'Assemblée Provinciale de Sens, du 17 mai 1650.

Livre de N. Brisacier de ladite Société, intitulé le Jansénisme confondu, par le P. Brisacier, avèc la défense de son Sermon fait à Blois le 29 mars dernier, censuré par l'Archevêque de Paris, le 29 décembre 1651;

Libelle distribué à Rouen par N. Brisanco, N. Berard, N. Brière de ladite Societé, intitulé, Réponse d'un Théologien aux Propositions extraites des Lettres des Jansénistes, par quelques Curés de Rouen, présentées à Messeigneurs les Evêques de l'Assemblée du Clergé par quelques Curés de Rouen; ledit Libelle déféré à l'Officialité par les Curés de Rouen, le 26 octobre 1656;

Lecons dictées à Bourges, par Jean Garnier de ladite Société, censurées par les Ordonnances de l'Archevêque de Bourges, des 6 février et 23 avril 1659;

Thèse de Philosophie du Collége de ladite Société à Poitiers, censurée par la Faculté de Théologie de

ladite Ville, par Censure du 21 juin et Décrets des 28 octobre et 14 novembre 1665;

Ecrits de Francois Jacobs de ladite Société, censurés par Mandement de l'Evêque d'Arras du 7 novembre 1675.

Théses soutenues à Reims, par Gabriel Thiroux et Francois Baltus de ladite Société, censurées par Ordonnance de l'Archevêque de Reims, du 15 juillet 1697;

Libelle de N. Buffer de ladite Société, intitulé, Difficultés proposées, etc., censuré par l'Archevêque de Rouen, le 28 mars 1697;

Ecrit intitulé, Propositions du P. des Timbrieux, de ladite Société, censuré par Ordonnance de l'Evêque d'Amiens du 29 avril 1697;

Thèse soutenue au Collége de Reims de ladite Société, censurée par l'Archevêque de Reims et rétractée de son Ordre le 21 août 1698, par Robert-Francois de Seraucourt, Recteur, et Pierre Flavet, Préfet des hautes Etudes, et Professeur en Théologie dudit Collége;

Ecrit espagnol, intitulé Memorial al Rey nuestro Senor Carlos II°; présenté au Roi d'Espagne, par Jean Palazol, Prêtre Profès de ladite Société, au nom et de l'Ordre de Tyrse Gonsalez, Général d'icelle, et censuré avec autre Ecrit intitulé, la Embidia mas clara mas claramente convincida, par Décret de l'Inquisition d'Espagne, du 28 septembre 1698;

Thèse de N. Lauverjat de ladite Société, Professeur de Théologie à Tours, censurée par avis Doctrinal de trente-un Docteurs, et par Mandement des Vicaires Généraux de Tours le Siége vacant, du 5 juin 1717;

Thèse de N. Babinet de ladite Société, Professeur de Philosophie à Poitiers, censuré par la Faculté de Théologie, le 23 juillet 1717;

Cahiers dictés à Poitiers par N. Salton et N. Fau de ladite Société, Professeurs de Théologie, déférés à la Faculté de Théologie de ladite Ville, le 18 août 1717, et censurés par la Faculté de Paris, les 14 et 27 septembre 1717;

Cahier dictées aux Ordinans dans le Séminaire de Reims, par N. de Brielle et N. de Berry, de ladite Société, Professeurs de Théologie, et déférés à la Faculté de Théologie de ladite Ville, et par ladite Faculté à son Archevêque, les 12 mars, 6 avril et 4 juillet 1718;

Cahiers et Thèse publique des Jésuites du Collége de Caen, censurés par Mandement de l'Evêque de Bayeux, du 25 janvier 1722;

Poésie Sanguinaire d'un Professeur de ladite Société, censurée par

Mandement de l'Evêque de Montpellier, du 30 décembre 1728;

Journal de Tévoux des mois de juin 1731 et premier février 1734;

Cahiers dictés à Poitiers, par N. Briquet de ladite Société, Professeur de Théologie, déférés à la Faculté de Théologie, de ladite Ville, le premier mars 1760.

Sermon de François Neumayr de ladite Société, impimé à Munich et Ingoldstadt, chez Francois-Xavier Crus et Thomas Stumma, ayant pour titre en langue allemande, Frag. ob der., censuré par Décret de N. S. P. le Pape, du 29 mai 1760;

Traités dictés à Poitiers, par N. de la Pinoterie de ladite Société, Professeur de Théologie, déférés à la Faculté de Théologie de ladite Ville, le 2 novembre 1761;

Cahiers dictés à Poitiers par N. Kelli de ladite Société, Profeseur de Théologie, déférés à la Faculté de Théologie de ladite Ville, le premier fevrier 1762.

13 августа. **II.** Mes doutes sur la mort des Jésuites. In-12 de 45 pages (C.).

13 октября. **II.** Lettre d'un homme de province à un ami de Paris, au sujet d'une nouvelle fourberie des soi-disant Jésuites. In-12 de 15 pages (З.).

18 ноября. **III.** Appel à la raison des écrits et libelles publiés par la passion contre les Jésuites de France (par le P. Balbani, Jésuite provencal). Nouvelle édition, etc. A Bruxelles chez Van den Berghen, imprimeur-libraire. MDCCLXII. In-12 (en deux parties) de 354 pages.—Nouvel Appel à la raison des écrits et libelles publiés par la passion contre les Jésuites de France (par l'abbé de Caveirac). A Bruxelles, chez Van den Berghen. MDCCLXII. In-12 de 273 pages. (C.).

17 декабря. **II.** Mémoire présenté au Roi par deux magistrats du parlement d'Aix contre des arrêts et arrêtés de leur Compagnie. In-12 de 24 pages. (C.).

29 декабря. **III.** Reverendi patris Nicolai Mazzotta è Societate Jesu, Theologia moralis in quinque tomos distributa, atque omnen moralem absolutissime complectens, ad mentem praecipue reverendi patris Claudii Lacroix, celeberrimi ejusdem Societatis theologi. Venetiis, MDCCLX. — Lettre pastorale de Mgr l'évêque de Lavaur, au sujet de l'envoi qui lui a été fait par M. le procureur général de la part du parlement de Toulouse d'un volume in-4°.,. ayant pour titre: Extraits des assertions pernicieuses et dangereuses en tout genre, etc. (C.).

1763

1 февраля. **II.** Lettre d'un Religieux Benédictin de la Congrégation de Saint-Maur à un magistrat sur la triennalité des supérieurs de cette même Congrégation, in-12 de 65 pages, portant pour date ce 8 septembre 1762. (C.).

3 февраля. **II.** Постановленіе

«portant suppression des éditions contrefaites à Lyon, tant des assertions dangereuses in-12 et in-4°, que des Arrêts du 6 août 1762 défigurés par des omissions et autres fautes grossières...»

19 мая. **П.** Décret de l'inquisition 13 avril 1763 condamnant l'écrit intitulé: Ordonnance et instruction pastorale de Mgr l'évêque de Soissons au sujet des Assertions extraites par le Parlement des livres, thèses, cahiers, composés et dictés par les Jésuites. (З.).

17 іюня. **П.** Très-humbles et très-respectueuses représentations faites à Mgr le Chancelier et envoyées au Parlement par les officiers de la Cour des Monnoies, sénéchaussée et présidial de Lyon. In-4° de 52 pages. (З.).

27 августа. **Г. С.** Remontrances du parlement séant à Rouen, au Roi, au sujet de l'édit et de la Déclaration du mois d'avril dernier.– Lettre de M. le Chancelier au parlement de Rouen, ou Réponse aux remontrances de ce parlement. (З.).

27 августа. **Г. С.** Imprimé intitulé: Arrêtés de la Cour du parlement de Rouen au sujet de l'édit du mois d'avril 1763 et de la Déclaration du 24 dudit mois. (З.).

2 сентября. **Г. С.** Extrait des registres du Parlement de Bordeaux, du 19 août 1763. (З.).

6 сентября. **П.** Lettre pastorale de Mgr l'évêque de Langres au clergé séculier et régulier de son diocèse, in-4° de 12 p., portant pour date: le premier août 1763. (С.).

7 сентября. **Г. С.** Réponse aux objets des remontrances du parlement de Bordeaux. (З.).

24 сентября. **Г. С.** Réponse aux remontrances du parlement du Dauphiné. (З.).

1764

21 января. **П.** Nouvelles Observations sur les jugements rendus contre les Jésuites. A Bordeaux, 1763, in-12 de 375 pages. — Instruction pastorale de Mgr l'archevêque de Paris sur les atteintes données à l'autorité de l'Eglise par les jugements des tribunaux séculiers dans l'affaire des Jésuites. A Paris. 1763, in-12 de 320 pages. (С.).

22 февраля. **П.** Lettre d'un docteur de Sorbonne à Mgr l'évêque de ***.—Il est temps de parler, ou Compte rendu au public des pièces légales de M-e Ripert de Monclar et de tous les événements arrivés en Provence à l'occasion de l'affaire des Jésuites (par l'abbé Dazès). A Anvers, chez Venderlec, libraire, MDCCLXIII. 2 vol. in-12, le 1-er de 520 pages, le 2-e de 410 pages.—Tout se dira, ou l'Esprit des magistrats destructeurs, etc. A Amsterdam, par la compagnie des libraires associés, 1763, in-12 de 406 pages.—Examen du mandement ... portant condamnation de trois parties de l'Histoire du peuple de Dieu ... donné à Lyon le 24 decembre 1762. De l'imprimerie d'Aimé de la Roche, 1763, in-4° de 56 pages. (С.).

3 марта. **П.** Lettre pastorale de Mgr l'évêque de Langres au clergé séculier et régulier de son diocèse, en date du 12 septembre 1763. (С.).

9 марта. **П.** Adhésion de Mgr l'évêque d'Amiens à l'instruction pastorale de Mgr l'archevêque de Paris sur les atteintes don-

nées à l'autorité de l'Eglise par les jugements des tribunaux séculiers dans l'affaire des Jésuites, communiquée à tout son diocèse, en date du 1-er février 1764. (C.).

1 іюня. **П.** Imprimé in-12, intitulé: Brefs de N. S. P. le Pape Clément XIII au roi de Pologne et à M. l'archevêque de Paris, datés l'un du 24 août 1763, et l'autre du 15 février 1764. (З.).

8 ноября. **Г. С.** Très-humbles et très-respectueuses remontrances du Parlement séant à Rennes au Roi avec les pièces préalables qui y ont donné lieu. (З.).

1765

11 февраля. **П.** Imprimé français et latin in-12 intitulé: Brefs de N. S. P. le Pape Clément XIII à NN. SS. les évêques de Grenoble, d'Alais et d'Angers. (З.).

11 февраля. **П.** Sanctissimi in Christo Patris et Domini nostri Domini Clementis divina providentia Papæ XIII constitutio quâ institutum Societatis Jesu denuo a approbatur. Romae, MDCCLV. (З.).

15 февраля. **Г. С.** Œuvres de l'Ésope de Saint Germain en Laye, dédiées à l'humanité. In-8° de 318 pages. (З.).

15 февраля. **П.** Lettre d'un chevalier de Malte à M. l'évêque de *** (par le P. Patouillet, Jésuite). In-12 de 62 pages. (С.).

8 марта. **П.** Imprimé français et latin in-12 intitulé: Bref de N. S. P. le Pape Clément XIII à M. l'évêque de Sarlat. (З.).

19 марта. **П.** Dictionnaire philosophique portatif (par Voltaire). Londres, 1764, in-8° de 344 pages.—Lettres écrites de la Montagne par J. J. Rousseau, première et seconde partie. A Amsterdam, chez Marc-Michel Rey, in-8° de pages. (С.).

19 марта. **П.** Avis important adressé à NN. SS. les cardinaux, archevêques et évêques, aux seigneurs de la cour, à toute la noblesse, à messieurs les magistrats des Parlements, etc... et à la nation entière. A Bruxelles, MDCCLXV, in-12 de 118 pages.—Lettre d'un cosmopolite, etc., seconde édition. A Paris, chez Romain Constant, 1764. in-8° de 396 pages [1]. — Réflexions impartiales d'un Français papiste et royaliste, etc... A Alais, chez Narcisse Buisson, 1764, in-12 de 234 pages. (С.).

16 іюля. **Г. С.** Lettre de M.*** à M.***, conseiller au parlement de Paris (дѣло Бретаньскаго парламента). (З.).

4 сентября. **П.** Actes de l'assemblée générale du clergé de France sur la Religion; Extraits du procés-verbal de ladite assemblée, tenue à Paris par permission du Roi, etc. A Paris, de l'imprimerie de Guillaume Desprez, imprimeur du Roi et du clergé de France, 1765. (З.).

5 сентября. **П.** Imprimé de 2 feuillets in-4° commençant par ces mots: A Paris, ce 27 août 1765, et finissant par ceux-ci: Ad tribunal Domini fidenti animo sistemus. (С.).

7 сентября. **П.** Instruction pastorale de NN. SS. les Archevêque et évêques de la provin-

1. Это сочиненіе приписывалось то аббату Фардо, то аббату Дазесъ, то наконецъ Верлакъ де ла Бастиду.

ce ecclésiastique de Tours sur les atteintes données à la puissance spirituelle. In-4° de 34 pages. (З.).

16 ноября. **Г. С.** Ecrits imprimés sous les titres d'Observations, Mémoires, Lettres, Réponses, Remontrances, etc., au nom de curés, soit d'une même ville et d'un même diocèse, soit de plusieurs diocèses réunis. (З.).

1766

15 апрѣля. **П.** Monitoire à publier dans la capitale de la Provence. In-12 de 34 pages (С.).

18 іюня. **Г. С.** Mémoire imprimé et anonyme sur l'affaire du parlement de Bretagne. (З.).

18 іюля. **Г. С.** De l'autorité du clergé et du pouvoir du magistrat politique sur l'exercice des fonctions du ministère ecclésiastique (par Richer, avocat au Parlement), 2 vol. in-12. (З.).

12 августа. **Г. С.** Mémoire et consultation pour le proviseur du collége d'Harcourt. — Lettre d'un universitaire à M. le procureur du collége d'Harcourt. (З.).

6 декабря. **Г. С.** Plusieurs imprimés relatifs à l'affaire du parlement de Bretagne, intitulés, l'un: Des Commissions extraordinaires; l'autre: Journal des événements qui ont suivi l'acte de démission; et un troisième: Chronologie des lettres de cachet. (З.).

1767

27 марта. **П.** Remontrances du Parlement au Roi, du 30 août 1766. In-12 de 176 pages (З.).

17 мая. **Г. С.** Exposé justificatif pour les sieurs de Caradeuc, procureurs généraux de S. M. au parlement de Rennes. (З.).

27 августа. **П.** Abrégé de la vie et des vertus de saint Vincent de Paul (par Gilbert Noiret nouv. édit.?). A Paris, chez J. B. Garnier, imprimeur, MDCCLXIV. (З.).

12 октября **Г. С.** Mémoire pour Louis Charette de la Gacherie, conseiller au Parlement de Bretagne. (З.).

27 ноября. **П.** Très-humbles et très-respectueuses remontrances du Parlement au Roi, au sujet des usurpations du Conseil des parties. (З.).

9 декабря. **П.** Réflexions d'un Universitaire en forme de mémoire à consulter, concernant les Lettres patentes du 20 août 1767. In-4° de 54 pages. (С.).

1768

19 января. **П.** Arrêté du Parlement au sujet des lettres patentes en forme d'édit de janvier 1768, concernant la police et la discipline du Grand Conseil. (З.).

29 января. **П.** Histoire impartiale des Jésuites depuis leur établissement jusqu'à leur première expulsion (par Linguet). 2 vol in-12, le premier de 480 pages, et le second de 416 pages. MDCCLXVIII. (С.),

9 февраля **П.** Entretien sur l'assemblée des Etats de Bretagne de 1766. In-12 de 77 pages. (З.).

12 февраля. **Г. С.** Discussion intéressante sur la prétention du clergé d'être le premier

corps de l'Etat (par Max. de Chastenet, marquis de Puységur). In-12. (З.).

26 февраля. **П.** Sanctissimi domini nostri Clementis PP. XIII litteræ in forma Brevis, quibus abrogantur nonnulla edicta in ducatu Parmensi et Placentino edita... Romæ, MDCCLXVIII, ex typographia Reverendae cameræ apostolicae. (З.)

25 апрѣля. **П.** Très-humbles et très-respectueuses remontrances du Parlement au Roi, sur les lettres en forme d'édit du mois de janvier 1768 concernant le Grand Conseil. (З.).

24 августа. **Г. С.** Recueil des pièces cocernant l'affaire du Grand Conseil rétabli sous une nouvelle forme par l'édit du mois de janvier 1768. (З.).

24 сентября **П.** Le Christianisme dévoilé (par d'Holbach).—L'Homme aux quarante écus (par Voltaire).—Ericie, ou la Vestale (par Dubois-Fontanelle). (С.).

23 декабря. **Г. С.** Procès instruit extraordinairement contre MM. de Caradeuc, etc., en 3 vol. in-12. (З.).

1769

14 января. **Г. С.** Газета подъ заглавіемъ: Clef du cabinet des princes, et imprimé à Luxembourg. (Запрещеніе ввозить во Францію).

3 февраля **П.** Mélanges historiques et critiques, contenant diverses pièces relatives à l'histoire de France (par Damiens de Gomicourt) A Amsterdam, chez Arkstée et Merkus; à Paris, chez de Hansy le jeune, 1768, 2 vol. in-12, le premier de 290 pages, le second de 290 pages. (З.).

4 февраля. **Г. С.** Pensées théologiques (par dom Nicolas Jamin, bénédictin). Paris, chez Humblot, libraire, MDCCLXIX. (Отмѣна привилегіи).

10 февраля. **П.** Lettre de M de ***, conseiller au parlement de Rouen, M. de M..., premier président. In-8° de 15 pages. (С.).

28 февраля **П.** Mémoire sur la population, dans lequel on indique le moyen de la rétablier et de se procurer un corps militaire toujours subsistant (par Cerfvol). A Londres, MDCCLXVIII. (С.).

1770

11 марта. **Г. С.** Procédure de Bretagne, ou Procès extraordinaire instruit et jugé, etc. 1 vol. in-4°. (З.).

10 мая. **Г. С.** Recueil intéressant sur les entreprises du Grand Conseil. (З.).

26 мая. **П.** Extrait de l'information faite en exécution de l'arrêt du Parlement, rendu toutes les Chambres assemblées, le 3 mars 1770, à la requête de M. l'avocat général du Roi, etc. (С.).

13 іюля. **П.** Très-humbles et très-respectueuses représentations du Parlement au Roi sur les lettres patentes du 27 juin 1770.—Discours de M. le chancelier et Lettres patentes du Roi. (З.).

18 августа. **П.** La Contagion sacrée, ou l'Histoire naturelle de la superstition. Ouvrage traduit de l'anglais. Prima mali labes (par d'Holbach). Tome I-er, Londres, 1768, 1 vol. in-12 de 184 pages.—Dieu et les hommes. OEuvres thé-

ologiques, mais raisonnables, en quarante-quatre chapitres, (par Voltaire). A Londres, 1770, 1 vol. in-8° de 191 pages.—Discours sur les miracles de Jésus-Christ, traduit de l'anglais de Voolston. Nostrum est tantas componere lites. XVIII-e ciècle. In-12 de 261 pages.—Examen critique de la religion chrétienne, par M. Fréret, secrétaire perpétuel de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 1767, in-12 de 268 pages, avec table. —Examen impartial des principales religions du monde. In-12 de 204 pages, précédé d'une table et d'une préface. — Le Christianisme dévoilé, ou Examen des principes et des effets de la religion chrétienne. A Londres, 1767, in-12 (par d'Holbach).—Système de la nature ou des lois du monde physique et du monde moral, par M. Mirabaud, secrétaire perpétuel de l'Académie française (d'Holbach). I-re partie Londres, 1770, 2 vol. in-8°, le premier de 370 pages, le second de 412. (C.).

20 августа. **П**. Arrêté de la cour du Parlement, séant à Bordeaux, les Chambres assemblées, les 13 août 1770.—Arrêté du Parlement de Bordeaux sur les lettres patentes publiées à Versailles, en lit de justice, concernant M. le duc d'Aiguillon, daté du 13 août 1770. (З.).

1771

2 января. **Г. С.** Réponse des Etats de Bretagne au mémoire du duc d'Aiguillon. (З.).

24 апрѣля. **П.** Arrêt de la cour du parlement de Rouen, rendu les Chambres assemblées, du 15 avril 1771, de l'imprimerie de Richard Lallemant, imprimeur du Roi, 8 pages. (С.).

5 іюня. **П.** Observations sur la protestation des princes (par Lebrun). (С.).

5 іюня. **П.** Extrait des registres du parlement de Toulouse, du 14 mai 1771. 8 pages. (С.).

18 августа. **Г. С.** Eloge historique de l'Université de Paris, prononcé le 11 octobre 1770 dans les écoles de médecine. (З.).

21 сентября. **Г. С.** Eloge de François de Salignac de la Motte Fénelon, archevêque duc de Cambrai. Discours qui a remporté le prix de l'Académie française en 1771, par M. de la Harpe. Paris, veuve Regnard. (З.).

1772

5 января. **Г. С.** Histoire civile et naturelle du royuaume de Siam et des révolutions qui ont bouleversé cet empire jusqu'en 1770 (par Turpin). A Paris, chez Costard, libraire, 1771. (З.).

14 марта. **П.** Deux brochures intitulées, l'une: Suite de la Correspondance, en 173 pages; l'autre: Supplément à la Gazette de France, en 16 pages. (С.).

28 ноября. **Г. С.** Lettres provinciales, ou Examen impartial de l'origine de la constitution et des révolutions de la monarchie française, par un avocat de province (Pierre Bouquet) à un avocat de Paris. 2 vol. in-8°.

19 декабря. **Г. С.** Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes (par Raynal) 6 vol. in-8°. (З.).

1773

17 января. **Г. С.** Réflexions philosophiques sur le système de la nature (par Holland). 1772, un vol. in-12. (З.).

20 ноября. **Г. С.** Histoire générale de l'état présent de l'Europe, traduite de l'anglais (par M. A. Eidous). A Paris, chez Costard, libraire, 2 vol. in-12. (З.).

1774

10 января. **П.** Le Bon Sens, ou Idées naturelles opposées aux idées surnaturelles (par d'Holbach). A Londres, 315 pages.—De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation. Ouvrage posthume de M. Helvetius. A Londres, deux volumes, le premier de 326 pages, le second de 412. (С.).

30 января. **Г. С.** Institutiones philosophicæ in novam methodum digestæ. Autissiodori, apud Fournier, et Parisiis, apud Villette, MDCCLXI. (З.).

25 февраля. **П.** Mémoire à consulter et consultation pour le sieur abbé Ricard, chanoine de l'église d'Auxerre et professeur de rhétorique au collége de la même ville. A Paris, 1773. (С.).

1775

4 января. **Г. С.** Mémoire sur des questions importantes de droit public. Quels sont les caractères de la supériorité territoriale dans l'empire d'Allemagne? Que devient-elle lorsqu'elle se trouve en concurrence avec la supériorité impériale? etc. A Paris, chez Grangé, MDCCLXXV. (З.).

4 февраля. **Г. С.** Mémoire à consulter et consultation pour Pierre-Augustin Caron de Beaumarchais. A Paris, ches Clousier, le 16 janvier 1775. (З.).

2 апрѣля. **Г. С.** Théorie du libelle, ou l'Art de calomnier avec fruit. Dialogue philosophique pour servir de supplément à la théorie du paradoxe (par Linguet). (З.).

30 іюня. **П.** Catéchisme du citoyen, ou Éléments de droit public français, par demandes et par réponses, à Genève, aux dépens de la compagnie (par Saige). — L'Ami des Lois, avec cette épitaphe: Omne malum nascens facilè opprimitur; inveteratum fit plerumque robustius (par Martin de Marivaux). (С.).

19 августа. **Г. С.** Brochure intitulée: Diatribe à l'auteur des Éphémérides (par Voltaire); ensemble les pages 59 et suivantes jusques et compris la page 71 du Mercure du présent mois d'août. (З.).

7 сентября. **П.** Приказъ г-ну Ла Гарпъ, автору статьи, напечатанной въ le Mercure по поводу Diatribe à l'auteur des Éphémérides, «быть на будущее время болѣе осмотрительнымъ».

9 сентября. **Ш.** De la Philosophie de la nature (par Delisle de Sales), en 6 vol. in-12, 1770—1774. (С.).

26 ноября. **Г. С.** Consultation pour les curés du diocèse de Lisieux, à l'occasion d'un mandement de M. l'évêque de Lisieux, du 20 décembre 1773, et de son instruction pastorale du 13 avril 1774. (З.).

1776

30 января. **П.** Imprimé commencant par ces mots:

Bénissons le ministre, et finissant par ceux-ci: que ce soit jamais pour les vôtres (par Condorcet). (З.).

16 февраля. **П.** Théologie portative, ou Dictionnaire abrégé de la Religion chrétienne, par l'abbé Bernier, licencié en théologie. Nouvelle édition, revue, corrigée et augmentée par un disciple de l'auteur. 2 vol. in-12, impr. à Rome, avec permission et privilége du Conclave, MDCCLXXVI. (d'Holbach). (С.).

22 февраля. **Г. С.** Réflexions des six corps de la ville de Paris sur la suppression des jurandes.—Mémoire à consulter sur l'existence actuelle des six corps et la conservation de leurs priviléges.—Addition au mémoire à consulter sur l'existence des six corps pour les marchands drapiers. — Réflexions des maîtres-tailleurs de Paris sur le projet de supprimer les jurandes.—Observations présentées par les maîtres composant la communauté des graveurs-ciseleurs de la ville et faubourgs de Paris sur l'édit de suppression des corps de marchands et des communautés des Arts et métiers. (З.).

23 февраля. **П.** Les Inconvénients des droits féodaux, avec cette épitaphe: Hinc... mali labes, *Virg.*, imprimé à Londres et se trouvant à Paris chez Valade, libraire, 1776, 70 pages (par Boncerf). (С.).

3 мая. **П.** Le Monarque accompli, par M —e de Lanjuinais, principal du collége de Meudon, avec cette épitaphe: Narrando laudare et laudendo monere, novum scribendi genus hactenùs intactum, A Lauzanne, chez Jean-Pierre Heubach. MDCCLXXIV. (С.).

1 ноября. **Г, С.** Trois écrits intitulés, savoir, le premier: Examen d'un écrit intitulé: Consultation pour les curés du diocèse de Lisieux, à l'occasion du mandement de M. l'évêque du Lisieux du 20 décembre 1773, et de son instruction pastorale du 13 avril 1774, et prétendu signé de quatre avocats, 1775. Le second: Lettres de Philètes, curé catholique dans le diocèse de R*** en Angleterre, à MM. les curés du diocèse de Lisieux en France, protestant contre les mandements et instruction pastorale de leur évêque, des 20 décembre 1773 et 13 avril 1774, qui ordonnent des conférences ecclésiastiques. Londres, 1775. Et le troisième: Confession de M. l'abbé D***, auteur des Lettres de Philètes pour servir de supplément, de rétractation et d'antidote à son ouvrage, à MM. les curés protestants du diocèse de Lisieux. Louvain Paul Veri. 1776. (З.).

1777

3 января. **Г. С.** Très-humbles et très-respectueuses représentations des Élus généraux des Etats de Bourgogne au Roi. 1776. (З.).

18 января. **П.** Suite de la justification du sieur de Beaumarchais. (З.).

7 февраля. **П.** Motifs de ne point admettre la nouvelle liturgie de M. l'archevêque de Lyon. In-12. de 136 pages, avec table. (С.).

11 апрѣля. **П.** Plan de l'Apocalypse. In-12 de 93 pages, MDCCLXXIII. (С.).

20 сентября. **П.** Extrait du registre des délibérations des affaires du bailliage et siége

présidial de Sens, daté du 4 septembre 1771, imprimé à Sens, chez Tarbé, imprimeur du Roi (3.).

31 октября. **В. С.** Arrêté et très-humbles remontrances du Grand Conseil du Roi, août et septembre 1777. (3.).

17 декабря. **Г. С.** Considérations sur l'état présent de la colonie française de Saint-Domingue 2 vol. (3).

1778

21 декабря. **Г. С.** Приговоръ къ изорванію на клочки 402 экземпляровъ сочиненія озаглавленнаго: Apologie du commerce (par Dudevant) и содержащаго мѣста, запрещенныя цензоромъ въ рукописи.

1779

26 февраля. Cour des Aides. Mémoire pour servir à l'histoire du droit public de la France en matière d'impôt, ou Recueil de ce qui s'est passé de plus intéressant à la Cour des Aides depuis 1756 jusqu'au mois de juin 1775. Bruxelles, 1779. In-4° de 776 p. (3.).

13 іюля. **П.** Trois imprimés in-4°, intitulés, le premier: Mémoire pour les nourrisseurs et herbagers, et pour les marchands forains de bestiaux approvisionnant les marchés de Sceaux et de Poissy (52 pages); le deuxième: Second Mémoire pour les nourrisseurs et herbager, etc... Servant de réponse aux différentes objections proposées contre le premier (18 pages); et le troisième: Mémoire pour les marchands bouchers de Versailles, de Corbeil, de Saint-Germain, de Montmorency, de Saint-Denis et des environs de Paris, sur la nouvelle caisse de Poissy. (3.).

27 ноября. **Г. С.** Lettre de MM. les agents généraux du clergé à M. l'archevêque de Tours. (3.).

19 декабря. **Г. С.** Observations sur le mémoire justificatif de la Cour de Londres par Pierre-Augustin Caron de Beaumarchais. (3.).

1780

2 марта. **Г. С.** Requête au Roi pour la ville de Strasbourg contre le grand chapitre de la cathédrale, sur la question de savoir auquel du grand chapitre ou du magistrat appartient le droit d'apposer les scellés et de faire les inventaires après le décès des membres du grand chapitre. (3.).

12 мая. **Г. С.** Mémoire à consulter et consultation pour les curés de Dauphiné sur l'insuffisance de la portion congrue. A Paris, chez P. G. Simon, imprimeur du Parlement. (3.).

22 іюля. **Г. С.** Essai sur le jugement qu'on peut porter de M. de Voltaire, etc., à Amsterdam, chez la veuve Merkus, et à Paris, chez Mérigot, libraire. (3).

6 августа. **Г. С.** Représentation de plusieurs bourgeois, propriétaires et habibitants de la ville, faubourgs et banlieue de Rouen, à Rouen, chez la V-e Dumesnil. (15 pages). (3.).

1781

23 мая. **Г. С.** Relation de deux voyages dans les mers australes et des Indes, faits en 1771, 1772, 1773 et 1774 par M. de

Kerguelen, en 1 vol. in-8° imprimé chez Knapen, imprimeur à Paris. (З.).

25 мая. **П.** Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes, par Guillaume-Thomas Raynal, à Genève, chez Jean Léonard Pellet. MDCCLXXX. (С.).

1783

12 іюля. **Г. С.** Quatre imprimés concernant la congrégation de Saint-Maur. (З.).

1785

3 іюня. **Г. С.** Тридцать томовъ изданія подъ заглавіемъ; OEuvres complètes de Voltaire, de l'imprimerie de la Société littéraire typographique, 1784 (З).

17 іюля **Г. С.** Imprimé intitulé: De la banque d'Espagne, dite de Saint-Charles, par le comte de Mirabeau, avec cette épitaphe: Ploratur lacrymis amissa pecunia veris. Juv. 1785 (З.).

24 августа. **Г. С.** Lettre de M. le comte de Mirabeau à M. le Couteulx de la Norraye, avec cette épitaphe: Vos opibus junctos conspirantesque tulissent. Claudian, Bruxelles. 1785. (117 pages). (З.).

23 сентября. **Г. С.** Aventures et plaisante éducation du courtois chevalier Charles le Bon, sire d'Armagnac. 3 vol. (З.).

4 ноября **Г. С.** Requête des curés du diocèse d'Auch à Nosseigneurs de l'assemblée générale du clergé de France, etc. (З.).

1786

7 февраля. **П.** Voyage de Figaro en Espagne, in-18 de 280 pages A Saint-Malo 1784.—Id., in-8° de 88 pages. A Séville, 1785.—Voyage en Espagne par M. le marquis de Langle à Neufchatel de l'imprimerie de Fauche fils aîné, 1785. 2 tomes in-12, le premier de 223 pages, le second de 209 pages. (С.).

5 мая. **Г. С.** Livre intitulé: le Triomphe de Nouveau Monde: Réponses académiques... dédié aux souverains par l'Ami du Corps social; imprimé en deux vol. in-8°, chez la veuve Hérissant, 1785. (З.).

16 декабря. **Г. С.** Pièce de vers ayant pour titre: la Poularde, conte, inséré dans le Journal politype des Sciences et des Arts, 1786, tome VI, n° 114. (З.).

1787

9 декабря. **Г. С.** Journal politype des sciences et des arts. (Отмѣна привилегіи).

1788

7 января. **П.** Almanach des honnêtes gens (par Sylvain Maréchal). (С.).

14 іюля. **Г. С.** Annales politiques, civiles et littéraires, n-os 109, 110 et 111. (З.).

27 сентября. **П.** Annales politiques, civiles et littéraires, par M. Linguet, tome XV-e, n° 116. (С.),

17 декабря. **П.** Délibération à prendre par le Tiers Etat dans toutes les municipalités du royaume de France, 3 pages et demie. (С.).

1789

10 февраля. **П.** Histoire secrète de la cour de Berlin, ou Correspondance d'un voyageur français depuis le mois de juillet 1786 jusqu'au 19 janvier 1787, ouvrage posthume, 1789 (par Mirabeau). (C.).

6 марта. **П.** Catéchisme des parlements, in-12 de 16 pages. —Avis aux Parisiens, in-12 de 11 pages.—Discours de MM. les commissaires des étudiants en droit et jeunes citoyens de Bretagne, en présentant leurs arrêtés à M. le comte de Thiard, commandant de la province, in-12. — Détail de ce qui s'est passé à Rennes le 26 janvier 1789, in-12 de 6 pages.— Discours prononcé à l'hôtel de la Bourse, dans l'assemblée des jeunes gens de Nantes, in-12 de 8 pages.—Journal de route, Nantes, le 28 janvier 1789, in-12 de 12 pages.— Pièces intéressantes, de 28 pages. — Protestation et arrêté de MM. les étudiants en droit de la ville d'Angers, de 5 pages.—Arrêté de MM. les membres de la Basoche d'Angers, du 3 février 1789, in-12 de 7 pages. — Arrêté des jeunes citoyens de la ville d'Angers, in-12 de 5 pages.—Lettre de M. C. F. de Volney à M. le comte de S... T..., de 23 pages.– Affaires de Bretagne; la Sentinelle du peuple, en cinq parties, de 87 pages au total. (C.).

13 марта. **П.** La Passion, la mort et la résurrection du peuple... Imprimé à Jérusalem, 1789. (C.).

6 апрѣля. **П.** Mémoire au Roi des députés de l'ordre des avocats au parlement de Bretagne. Imprimé à Paris, 1789. (C.).

7 мая. **Г. С.** N° 1-й періодическаго листка подъ заглавіемъ: Etats généraux. (Запрещенъ не только этотъ №, но и продолженіе изданія впредь).